

HISTORIA РОССА

РУССКИЙ
ВСАДНИК
В
ПАРАДИГМЕ
ВЛАСТИ

БЭЛЛА
ШАПИРО

Бэлла Шапиро

Русский
всадник
в парадигме
власти

Новое
Литературное
Обозрение

2021

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**

*Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слёзкин, Р. Уортман*

Редактор серии И. Жданова

Рецензенты:

*Кондиков И.В., доктор философских наук, профессор;
Юрлюков А.И., доктор исторических наук, профессор*

Шапиро, Б.

Ш23 Русский всадник в парадигме власти / Бэлла Шапиро; послесловие И. Кондакова. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 704 с.: ил. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-1505-2

«Медный всадник», «Витязь на распутье», «Птица-тройка» — эти образы занимают центральное место в русской национальной мифологии. Монография Бэллы Шапиро показывает, как в отечественной культуре формировался и функционировал образ всадника. Первоначально святые защитники отечества изображались пешими; переход к конным изображениям хронологически совпадает со временем, когда на Руси складывается всадническая культура. Она породила обширную иконографию: святые воины-покровители сменили одеяния и крест мучеников на доспехи, оружие и коня. Наиболее устойчивым конным образом стал «змееборец» — небесный покровитель Руси, поражающий врага. Со временем образ святого, оберегающего свой народ от бедствий, превратился в символ великокняжеской, а затем и царской власти. Со становлением Российской империи ему на смену пришел эпический образ конного царя-триумфатора. Автор книги подробно анализирует процесс подобной культурной трансформации, уделяя при этом большое внимание событийной истории России от Московского царства до последних императоров. Бэлла Шапиро — историк культуры, музеолог, доцент РГГУ.

УДК 7.04(47+57)
ББК 85.103(2=411.2) 3

В оформлении обложки использован фрагмент иконы
«Чудо Георгия о змие», XVI в. Псково-Изборский
объединенный музей-заповедник.

© Б. Шапиро, 2021
© И. Кондаков, послесловие, 2021
© Д. Черногаев, дизайнер обложки, 2021
© ООО «Новое литературное обозрение», 2021

ВВЕДЕНИЕ. РУССКИЙ ВСАДНИК КАК TERRA INCOGNITA

Мир есть конь¹.

Страной чудовищных контрастов называли Россию иностранцы, размышлявшие о специфике русской культуры². Смещение не-соединимого было одновременно пугающим и притягательным. Культурологическое осмысление природы этого явления закономерно связало его с другими особенностями русской культуры — разрушительными изменениями, «ломкой» культурно-исторических парадигм, наслоением «старых» и «новых» парадигм, но не последовательной их сменой, и тяготением к имперской державности³. Эти устойчивые черты составили основу национальной культуры как ценностно-смыслового единства.

Размышления о проблеме национального самосознания приобрели новый вектор после ударов, нанесенных дворянскому либерализму подавлением восстаний 1825 (выступление декабристов) и 1830–1831 гг. (Польская война). Последовавший за этими событиями кризис русской дворянской культуры получил свое историсофское осмысление в диалоге западничества и славянофильства — двух сторон одной культуры, двух форм русского романтизма⁴. В те же годы романтические представления об историческом своеобразии России нашли свое выражение в творчестве двух крупнейших фигур русской классической

¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф — имя — культура // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. С. 58.

² Думова Н. Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. М., 1993. С. 140.

³ Кондаков И. В. Культура России: краткий очерк истории и теории. М., 1999. С. 199; Яковенко И. Г. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 88–96.

⁴ Кондаков И. В. Культура России... С. 201.

культуры, обратившихся к двум традиционным «конным» мифологемам: упряжного коня и коня верхового; обе имели дуальную трактовку и играли важнейшую роль, связанную с циклом смерть — возрождение — бессмертие.

Новую национально-государственную трактовку получил гоголевский образ русской тройки, вытекающий из широкого контекста русской культуры и имеющий глубокие национальные корни¹. Тройка, перед которой «постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства»², воспетая поэтами более сотни раз³ как олицетворение русского характера, была горячо принята в качестве национального культурного символа. Россия, которая «разметнулась на полсвета», предстает здесь в апофеозе имперской славы, наводя ужас своим величием⁴.

Практически одновременно (сюжет «Мертвых душ» обсуждался Н. В. Гоголем с А. С. Пушкиным в сентябре 1831 г., первый том был написан в 1835 г.; «Медный Всадник» — во вторую болдинскую осень 1833 г.)⁵ русская культура обогатилась еще одним символическим образом, построенным на тех же идеологических коннотациях, и на тех же контрастных мотивах — ужаса и величия⁶. Как и гоголевская тройка, он недвусмысленно наследовал древним мифологемам (прежде всего, мифологеме конного героя-«змееборца»), хотя и входил в противоречие с ним⁷.

¹ Мароши В. В. Тройка как символ исторического пути России в русской литературе XX века // *Филология и культура*. 2015. № 2 (40). С. 204–209; Сазонова Л. И. Русь — птица-тройка Гоголя: сакральные основания национальной мифологемы и ее отражения в литературе // *Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени*. ИМЛИ РАН. М., 2012. С. 249–292.

² Гоголь Н. В. Мертвые души. Цит. по: Сазонова Л. И. Русь — птица-тройка Гоголя... С. 260.

³ Андроников И. Л. Четырнадцать русских «Троек» // Андроников И. Л. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1981. С. 105.

⁴ Сазонова Л. И. Русь — птица-тройка Гоголя... С. 256, 272–276.

⁵ Гус М. С. Гоголь и николаевская Россия. М., 1957. С. 139; Роговер Е. С. Русская литература первой половины XIX века. СПб., 2004. С. 363.

⁶ Кара-Мурза А. А. Поэма «Медный всадник» А. С. Пушкина: политико-философские проекции // *Философский журнал*. 2016. Т. 9. № 2. С. 54; Сазонова Л. И. Русь — птица-тройка Гоголя... С. 276–277.

⁷ Сокурова О. Б. Георгий Победоносец и «Медный всадник» как архетипы русской исторической судьбы // *Труды СПбГИК*. 2009. Т. 185. С. 54; Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000. С. 206.

Оба символических образа русской исторической судьбы органично встроились в контекст поисков национальной мифологии. Мотивом, объединяющим обе поэмы, стал имперский пафос, а конь — выразителем силы и мощи нации и государства. Идеальным выразителем образа русского самодержца стал всадник¹.

Теоретическое осмысление этого последнего положения имеет свою давнюю и очень обширную историю. Первый период отечественной историографии русского всадника начинается с публикации коннозаводчика и фанатичного поклонника чистокровной лошади П. Н. Мяснова «О конских ристаниях и скаковых лошадях» (1824)². Эта работа была написана на волне своего рода «иппомании», характерной для русского дворянства конца XVIII — начала XIX в.: к началу правления Екатерины II, кроме известнейших заводов А. Г. Орлова и Шереметевых, насчитывалось лишь два десятка частных конных заводов, а к концу ее правления — тысячи, среди которых были заводы П. С. Муравьева, Н. Д. Домогацкого, С. А. Всеволожского, П. А. Чемоданова, Ф. В. Ростопчина, Д. М. Полторацкого и др.

Мяснов открыл серию трудов по *истории лошади и коннозаводству*; ее продолжили И. К. Мердер (1868), В. И. Коптев (1887), Н. Ф. Зезюлинский (1889). Среди этого массива нужно выделить «Исторический очерк русского коневодства и коннозаводства» И. К. Мердера, отца боевого полковника и георгиевского кавалера К. К. Мердера, в 1824–1834 гг. бывшего наставником цесаревича Александра Николаевича: как известно, личные склонности и увлечения Мердеров оказали сильное влияние на формирование личности не только цесаревича, но всех великих князей Николаевичей.

В 1850-х гг. начинается формирование *военно-иппологических* библиотек, поначалу на основе переводной литературы. Двухтомный «Полный курс иппологии» (1866) профессора иппологии И. И. Равича положил начало отечественной научной

¹ Сокурова О. Б. Размышления А. С. Пушкина об исторической судьбе России в поэме «Медный всадник» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 2. С. 297.

² Большинство упомянутых исследований получили свое библиографическое описание в списке источников и литературы.

иппологической литературе; впоследствии эта тема была продолжена Ф. Ф. Фишером (1876).

Вопросы *трансляции конной культуры* в среде военно-интеллектуальной элиты в дореволюционной историографии затрагивали С. А. Белокуров (1907), М. А. Голубцова (1911), И. Н. Божерянов (1915): первые двое — на примере инкультурации и социализации детей дворян и горожан, последний — на примере молодых Романовых. Значительную роль в этом процессе закономерно получила *книжная культура* — ее анализом занимался А. И. Соболевский (1899, 1901), опубликовавший и интерпретировавший фрагмент рукописной «Книги лошадиного учения» (1670) — первого русскоязычного издания, посвященного воспитанию «человека конного». Книга представляла собой перевод сочинения наставника молодого Людовика XIII А. де Плювинеля, трактовавшего этот процесс как вхождение в рыцарскую культуру — культуру элитарного воинского сословия. М. И. Пыляев (1885) указал, какое значение получила рыцарская культура в повседневности русской аристократии. И. Е. Забелин (1915, посмертное издание) отметил наличие у царских детей книг с изображениями «людей на конях русских».

Изучение образов коня и всадника в русской культуре, в том числе и обоснование связи царской власти и коня как атрибута этой власти, в этот период чаще всего обнаруживается в контексте *этнографии* и *фольклористики* — в этом ключе работали И. И. Срезневский (1846), С. Н. Богомолов, А. В. Терещенко (оба — 1848), Н. И. Костомаров (1860), А. Н. Афанасьев (1865), Н. Я. Аристов (1866), А. А. Котляревский (1868), М. М. Забылин (1880), А. С. Фаминцын (1884), Д. Н. Анучин (1890). Здесь нужно выделить работы И. Е. Забелина (1842, 1862, 1869), впервые поместившего вопрос в проблемное поле *царской власти*. Позднее в этой же плоскости работал С. П. Бартеков (1912).

Биографическими исследованиями, наиболее значимыми в указанном контексте, занимались В. Н. Берх (1834), Ф. А. Кони (1844), Д. Ф. Кобеко (1887), Н. К. Шильдер (1903 и др.), В. В. Жерве (1911).

В проблемном поле *военных наук* (в том числе военной истории и философии) работал целый корпус специалистов. Это М. И. Драгомиров (1879), Д. Ф. Масловский (1883, 1891, 1894), Н. А. Орлов (1892), Н. П. Михневич (1898), А. К. Баюв (1906,

1909–1913), А. М. Зайончковский (1908), Н. Н. Сухотин (1912). *Историю конницы* как предмет, достойный выделения из общей массы военной истории, в разное время и с разной глубиной охвата освещали П. А. Иванов (1864), Д. Ф. Масловский (1883, 1891, 1894), М. И. Марков (1887), Г. О. Брикс (1897, авторский перевод «Истории конницы» начальника гвардейской кавалерии при генерал-губернаторе Канады подполковника Дж. Денисона), Л. В. Витт (1900), Н. П. Волынский (1912).

Также нужно отметить весьма объемный корпус обстоятельно изложенных *исторических хроник* — «летописей» кавалерийских полков и школ, а также некоторых некавалерийских институций, где затрагиваются и вопросы конной подготовки. В этом направлении работали А. В. Висковатов (1832), И. И. Пушкарев (1844), И. В. Анненков (1849), М. П. Азанчевский, К. Н. Манзей (оба — 1859), И. Я. Селезнев (1861), А. С. Платов и Л. Л. Кирпичев (оба — 1870), В. А. Потто (1873), Г. А. Милорадович, А. Г. Жеребков (оба — 1876), М. С. Лалаев, П. К. Бенкендорф (1880), К. К. Штапельберг (1881), Н. П. Глиноецкий, М. Г. Гольмдорф (оба — 1882), Н. Н. Буковский (1889), Б. В. Хлебников (1893), М. И. Марков (1884), И. И. Рыкалов (1895), Н. А. Орлов (1896), П. П. Шкот (1898), А. Н. Поливанов, С. И. Петин (оба — 1899), С. А. Панчулидзе (1899, 1901, 1903, 1912), В. И. Кедрин (1901), Н. П. Волынский (1902), А. Н. Антонов (1906), П. Ф. Лузанов (1907), Н. А. Дистерло (1909), Н. В. Химшиев (1913) и др. Создание работ этого блока, зачастую отличающихся значительной символизацией и/или героизацией военной культуры, обыкновенно приурочивалось к юбилеям отечественной военной или военно-образовательной истории.

Первое русскоязычное гендерное исследование, затрагивающее «конное» проблемное поле, принадлежит Е. Н. Щепкиной («Полковые дамы времен Петра I», 1913).

Историей «конной» *материальной культуры* занимались А. В. Висковатов (с 1841), А. Ф. Вельтман (1844, 1860), П. И. Савваитов (1865), Д. Я. Самоквасов (1908). Часто эти исследования основывались на археологическом и/или музейном материале.

В целом дореволюционный период историографии вопроса — время, когда закладываются границы проблемного поля и определяются векторы его разработки, многие из которых продолжают сохранять свое значение до настоящего времени.

В советский период, вместе со сменой исследовательской парадигмы, стали возможными постановка и решение новых научных задач. Новым направлением, представленным исследованиями А. В. Грачева (1938) и М. С. Иванова (1960) стала история *конного спорта* и состязательной подготовки всадника. Благодаря исследованиям Э. Н. Репьевой (1976), Г. Ф. Одинцова (1980), Д. С. Сегарова (1981) как новое направление оформляется *ипполексика*. *Книжная культура* исследовалась И. И. Назаренко (1956), Л. В. Черепниным (1961), И. М. Кудрявцевым (1963), С. П. Лупповым, который указал место и объем первых «конных» книг в отечественных библиотеках (1970, 1976, 1979), И. Н. Лебедевой (1989). В. Н. Лазаревым (1953) и И. А. Кочетковым (1985) поднимаются вопросы *иконографии всадника* в русской культуре.

Наблюдается расцвет *ипполитературы* и *истории лошади*, среди которых нужно назвать труды В. О. Витта (1952, 1964), Ю. Н. Барминцева, А. Б. Фомина и И. И. Сорокиной, Г. Г. Хитенкова (все — 1972), Е. В. Кожевникова, Д. Я. Гуревича (1990). Отдельно нужно выделить исследование «Конь и всадник: пути и судьбы» В. Б. Ковалевской, в значительной мере послужившее отправной точкой настоящего исследования: здесь история освоения коня разными народами изучается в тесной связи с историческим процессом; вопрос рассмотрен на материале первобытных и древних культур.

Русская «конная» *архаика* и *этнография* стали предметом исследования М. Г. Рабиновича (1978, 1986, 1988), Б. А. Рыбакова (1981, 1987). *Трансляция конной культуры* представлена в исследовании А. К. Байбурина (1991). Выделяются исследования *праздничной и церемониальной конной культуры*, представленные Г. Н. Добровольской (1975), В. М. Красовской (1979), В. Ю. Матвеевым (1984), А. К. Гануличем (1990). Изучением культурных ценностей *русского рыцарства* занимался Ю. П. Соловьев (1989).

Расширяется круг *музейных исследований*: раздел представлен трудами Н. А. Баклановой (1928), М. М. Денисовой (1925, 1948, 1954), М. Н. Левинсон-Нечаевой (1954), И. И. Вишневской (1987), К. Школьниковой (оба — 1987). К этому же блоку можно отнести исследование Ю. М. Стволинского по истории коллекционирования и экспонирования *военной игрушки* (1973).

Материальная культура русского всадника изучается на археологическом материале (в том числе на материале *военной археологии*) А. Н. Кирпичниковым (1966, 1973), А. В. Никитиным (1971), Н. С. Шеляпиной, Т. Д. Пановой и Т. Д. Авдусиной (1979). Из общего массива исследований выделяются труды Е. Ю. Моисеенко (1977) и В. М. Глинки (1988) по *истории костюма* в целом и *военного костюма*. Военной проблематикой (*военной философией, историей, источниковедением*) также занимались А. А. Свечин (1928), А. А. Керсновский (серии трудов 1932–1939 и 1933–1938), И. П. Епифанов (1946), Л. Г. Бескровный (1953, 1957), А. А. Строков (1955), В. Н. Автократов (1961), Л. В. Беловинский (1983). Публикуются первые труды А. И. Бегуновой (1991), помещающие русского всадника в пространство *воинской повседневности*.

Значимой частью историографии проблемы являются труды представителей *русского зарубежья*: полковые «летописи» К. Н. Скуратова (1938) и С. Н. Ряснянского (1965), военно-исторические труды Ю. Н. Данилова (1924, 1926, 1930 и др.), очерк Н. Н. Головина о роли конницы в Первой мировой войне и после ее окончания (1923), а также материалы, предоставленные корреспондентами русского военно-исторического журнала «Военная быль» (Париж, 1952–1974) А. Н. Антоновым, П. Ф. Волошиным, Г. М. Гриневым, М. К. Данилевичем, Ф. И. Елисеевым, А. Л. Марковым, А. Н. Поливановым, А. А. Скрябиным, Ю. Н. Солодковым и др. По понятным причинам в центре внимания здесь оказалась национальная специфика проблемы. Несмотря на изрядную долю ностальгизации и мифологизации исторической действительности, именно эти труды открывали мир русского всадника для европейской и мировой культуры, придавая проблеме смысл, выходящий за пределы национальной истории. Однако даже здесь история русского всадника не помещалась в контекст истории национальных элит, оставаясь на периферии внимания; не являясь предметом самостоятельных исследований, тема затрагивается лишь по касательной.

В современной России образ русского всадника все чаще привлекает специальное внимание ученых. Предметное поле исследований значительно расширилось, но и в этот период одним из основных направлений разработки темы остается

военная история, которая все чаще рассматривается как одна из составляющих культуры; этому вопросу посвящены исследования А. А. Михайлова (2003), Е. М. Болтуновой (2004, 2011), Г. Э. Введенского, С. А. Летина и Г. В. Вилинбахова (все — 2005), Н. Г. Рогулина (2005, 2008), А. В. Кутищева, С. М. Андреева, Ж. Горохова, А. Г. Бесова (все — 2006), В. А. Артамонова (2007, 2011), Р. Ф. Незвецкого, А. В. Кухарука (оба — 2009), В. В. Агеева (2011), С. А. Малышева (2012), В. П. Подольникова, Б. А. Алмазова (оба — 2015). В. В. Тараториным (1999) и О. А. Хорошиловой (2013) продолжается изучение *истории конницы*.

Отмечается смещение интереса от изучения исторического процесса самого по себе к антропоориентированной истории. Как отдельное направление выделяются *военно-историческая* и *военная антропология*: в этом направлении работают Е. С. Сенявская (2002), В. И. Бажуков (2008), С. Т. Минаков (2014), А. В. Гладышев (2017). Военная и военно-образовательная история все чаще рассматривается в культурологическом пространстве: к этой категории можно отнести труды А. А. Лугового (2000), В. М. Крылова и В. В. Семичева (2004), Е. Н. Романовой (2008), В. Н. Гребенькова (2011), А. В. Коротенко (2013), В. В. Крутлова (2015) и др.).

Появляется понятие *культурной военной истории*. В историко-культурном контексте также рассматриваются вопросы конных состязаний (М. Н. Лопато, 2010). Все больший объем занимает изучение отдельных вопросов в рамках *военной археологии* и *военной материальной культуры*. Примеры можно видеть в работах Л. В. Беловинского (1992, 1995), В. И. Егорова (многочисленные публикации с 1996), С. А. Летина (2000, 2002), Д. П. Алексинского, К. А. Жукова, А. М. Бутягина, Д. С. Коровкина (2005), В. Н. Малышева (2006), О. В. Двуреченского (2008, 2018 и др.), К. В. Татарникова (2008, 2012), К. В. Татарникова и Е. И. Юркевича, К. В. Трубицына (все — 2009), Ю. А. Тихонова (2011), А. В. Курбатова, Е. А. Родионова (оба — 2013), О. В. Шиндлера (2014), Д. А. Клочкова (2014), В. В. Пенского и О. В. Комарова (оба — 2016), Б. В. Мегорского (2018).

Все большее значение приобретают биографические исследования; весомая часть этого блока — *биографии политической и военной элиты*. В этом направлении работали Ю. П. Гусев

(1992), П. В. Седов (1995), Ю. А. Сорокин (1996), З. И. Белякова (1997, 2002), А. П. Богданов (1998, 2009), Л. В. Высочков, П. А. Лабутин (оба — 2001), М. Я. Тарасов (2004), И. В. Курукин (2006), Е. И. Юркевич (2007), Н. Н. Крючков (2009), Г. С. Чувардин (2010, 2011, 2014, 2017 и др.), Д. М. Володихин (2013), О. Г. Агеева (2018). Здесь следует выделить исследование Г. С. Чувардина, воссоздавшего не только коллективную биографию, но и культурный образ российской военной и военно-политической элиты (2009).

Исследованием культуры *царской повседневности* занимаются Л. А. Черная (1999, 2008, 2013), П. В. Седов (1995, 2006), И. Б. Михайлова (2010), И. В. Зимин (2011, 2015 и др.), Л. В. Высочков (2013 и др.), Ю. Г. Шпаковский (2016), А. В. Морохин (2018). Государственный Эрмитаж публикует цикл статей, напрямую посвященных теме «*царь-всадник*»: их авторы — М. Б. Пиотровский, Е. Ф. Королькова, С. Л. Плотников, А. Л. Ракова и др. (все — 2006). *Музейные исследования* не теряют своей остроты; авторы работ современного периода — Л. П. Кириллова (1997, 2000), О. Б. Мельникова (2003), И. А. Загородняя (2003, 2006), Д. О. Осипов (2006), В. А. Чернышев (2007), В. Н. Образцов (2009).

Как новое направление можно выделить группу исследований, где образ всадника исследуется средствами *геральдики, сфрагистики, нумизматики, фалеристики*. Это работы А. Л. Юрганова, (1998), Г. И. Королева (2000), А. С. Мельниковой (2002), Г. В. Вилинбахова (2006), И. Г. Спасского (2009), Е. В. Пчелова (2009, 2010, 2015). Вопросами *иконографии, атрибуции*, особенностей отображения *материальной культуры* русского всадника занимались О. П. Святуха (2005, 2007), Е. М. Саенкова, Н. В. Герасименко (2008), П. В. Николаев (2011), Ю. Н. Бузыкина, К. В. Трубицын (2009, 2010, 2016 и др.), Ю. И. Чежина (2012, 2014, 2015, 2018), В. Ю. Соболев (2017), А. В. Кибовский (2019). Русская *этнография, дружинная культура* стали предметом исследования В. Г. Балущка (1995), Р. В. Багдасарова (1998), И. В. Портновой (2009–2010), В. Я. Петрухина (2011), Д. А. Ляпина и О. В. Седовой (2014), О. Д. Федченко (2018). *Фольклористика и литературоведение* представлены К. Р. Конюховым, М. Ч. Ларионовой (оба — 2016), В. Г. Лушиным (2017).

Вопросами *культурной трансляции и формирования русской военной элиты* занимаются С. Д. Руденская (1999), В. Р. Басаев

(2003), Н. Г. Рогулин (2004), В. Г. Данченко и Г. В. Калашников, Б. М. Бим-Бад, Н. Н. Петрухинцев (все — 2007), А. Н. Сидорова (2008), Н. Н. Аурова, Р. В. Смирнов (оба — 2010), И. А. Пономарев (2011), П. Е. Подделкова (2013), И. И. Федюкин и М. Б. Лавринович (2015), А. Н. Гребенкин (2015, 2017), И. В. Давыдов (2016), М. Б. Афанасьева (2017). Книжную культуру, затрагивающую русского всадника, исследуют С. Ю. Дутов и С. Н. Лютов (2007), С. Н. Лютов (2011), К. Б. Жучков (2012), А. М. Панченко (2017). В последние годы оформляется новый исследовательский подход, ориентированный на изучение конного *нематериального и материального культурного наследия*. В этом направлении работают А. А. Игнатьев (2011), Б. В. Горбунов (2014) А. Д. Гарнец, Д. Д. Зыбина (2015), И. Ю. и Н. В. Юрченко (2011–2014, 2016, 2017), А. Н. Трусов (2017).

С большей или меньшей полнотой затрагивают историю русского всадника, помещая его в пространство *церемониальной, придворной и праздничной культуры*, А. К. Ганулич (1996), Г. А. Принцева (2001), О. Ю. Захарова (2001, 2003), Ю. Л. Жмодиков и Е. А. Кононенко (2003), И. А. Манкевич (2004), Л. А. Юзефович, А. Ю. Прокопьев (оба — 2007), И. Л. Андреев (2008), И. Н. Семенов (2011), М. О. Логунова (2011, 2013), Е. П. Ренне (2014), Н. Р. Славнитский (2015 и др.). Исследования А. И. Бегуновой (1992, 1993, 2000), А. П. Аспидова (2007), Л. В. Бердникова и Л. В. Беловинского (оба — 2008) раскрывают вопрос с точки зрения *культуры повседневности*.

Широко представлены *гендерные исследования*. Отдельные вопросы затрагиваются в работах А. В. Кибовского (1997), Е. Э. Келлер (2001), П. П. Щербинина (2004, 2007), О. Б. Вайнштейн, Е. В. Анисимова (оба — 2005), А. С. Рогатнева (2008), Л. Л. Селивановой (2010), О. Н. Мухина (2014), Н. М. Вершининой (2015, 2016), К. Бордэриу (2016), О. А. Хорошиловой (2012, 2013, 2015, 2018).

Не теряют своей актуальности исследования по *истории коневодства и коннозаводства, конской торговли, истории лошади*. В этих направлениях работают Ю. П. Гусев (1992, 1993), И. В. Хиенкина (1999), С. В. Афанасьев (2010), А. И. Раздорский (2011), Н. Н. Спасская и Б. Е. Янишевский (2013), Р. С. Бахтияров и В. А. Курская (оба — 2016).

Итогом стал довольно значительный корпус материалов, образованный как фундаментальными трудами, так и работами более частного характера, где вопрос лишь намечен или затронут косвенно. Однако в этих работах русское всадничество не выделялось как культурная проблема и практически не рассматривалось в качестве существенной характеристики национальной элиты. Немногими исключениями можно считать публикации К. А. Михайлова «К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси» (1994) и П. В. Седова «Аргамаки в чести, и нашу братью выносят в честь». Конюшня московского придворного XVII в.» (2017), монографические работы А. Е. Мусина «*Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета» (2005), Л. В. Щегловой и Н. Р. Саенко «Образ благородного всадника: культурные модели» (2010); их содержанием стали размышления о специфике русского всадничества в контексте изучения придворных и воинских элит. Особое значение для настоящего исследования приобрел труд «Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов» Н. А. Фатеевой (2000), где были обозначены три ведущие «конные» парадигмы в мировой и русской культуре, и их сумма — парадигма поэтическая.

Зарубежная историография не столь обширна, но наиболее глубокое осмысление проблемы в культурологическом контексте обнаруживается именно здесь. Традиционно большой блок работ посвящен *военной истории* — как описанию непосредственно исторических событий, так и их осмыслению с точки зрения стратегии и тактики, состава армии, ее организации, вооружения, техники и т. д., как классические работы прошлых лет, до наших дней не потерявшие своей актуальности: К. Клаузевица (1834), Ф. Энгельса (1859), Л. Э. Нолана (1871), Дж. Денисона (1877), Г. Дельбрюка (1908), так и более поздние исследования. Традиционно много внимания уделяется *русскому фольклору, казачеству и специфике национальной армии в целом, русской царской и русской имперской культуре*.

Стоит отметить, что именно зарубежными исследователями были поставлены вопросы, пока не актуальные для отечественной науки или же затронутые в ней только вскользь, в частности

о преимуществах образа всадника в системе «Москва — Третий Рим» (М. Вайт, 2013).

Также стоит учесть исследования, которые не относятся к проблеме русского всадника напрямую, но имеют чрезвычайно важное значение для его изучения. Это монографии «Конная культура: статус, дисциплина и идентичность в Новой истории» К. Рабера и Т. Такера (2016) и «Королевские лошади с 1066 года до наших дней» А. Мюррэй (2006), а также материалы сборника «Лошадь как культурная икона» (под ред. П. Эдвардса и Э. Грэхема, 2011)¹. Отдельно стоит отметить получивший в России горячий отклик труд Р.С. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии» (1995, русскоязычный перевод 2002), в значительной мере повлиявший на результаты настоящего исследования.

Обозначенная историография вопроса далеко не полна, но даже в таком виде представляет бурный поток идей и концепций, свидетельствуя о давнем и стабильном исследовательском интересе к проблеме. Специфика символизации образа конного воина в парадигме власти в русской культуре была обнаружена почти три с половиной сотни лет назад: далеко не случайным было создание «Василиологона» Н. Г. Спафария (1673–1674), где царская доблесть напрямую связывалась с состоятельностью монарха как всадника². Однако до сих пор это явление не получило должного освещения: накопленное знание является почти исключительно конкретно-историческим и практически не выходит на уровень научно-теоретического обобщения. Этот существенный пласт русской культуры оказался вычеркнут из круга интересов исторической культурологии.

Вышесказанное определило общее направление работы: реконструкция не истории всадника, а его образа в исторической динамике и на основе конкретно-исторических проявлений. Результаты работы должны представить содержание культурной

¹ Murray A. *All the Kings' Horses: Royalty and their Equestrian Passions from 1066 to the Present Day*. London, 2006. 304 p.; Raber K., Tucker T. *The Culture of the Horse: Status, Discipline, and Identity in the Early Modern World*. New York, 2016. 371 p.; *The Horse as Cultural Icon*. Leiden, 2011. 410 p.

² Николаев П. В. Парсуны всадников конца XVII в. Проблема атрибуции // Наука и школа. 2011. № 4. С. 123–128.

формы¹ «русский всадник» как культурного символа, исходя из гипотезы, согласно которой смысловое содержание культурной формы «русский всадник» на протяжении нескольких столетий русской истории является устойчивым, не взаимосвязанным с историческими трансформациями, что позволяет говорить о нем как об одном из традиционных символов русской культуры.

Внутри основных хронологических рамок исследования помещены, по Н. А. Бердяеву, три «разных России»: Россия московская, петровская, и императорская. Наибольший исследовательский интерес представляют исторические повороты — смены векторов исторического развития, которые закономерно сопровождаются «переходами» и «переломами» культуры, так как культура фокусируется именно на границах различий, которые расчленяют ее на два полюса дуальной оппозиции². Введение категории «между» (во второй части монографии под заголовком «Русский всадник между царством и империей») позволило рассмотреть российскую историческую реальность как переходный процесс между обозначенными полюсами, тем самым выявив новое содержание культуры (срединную культуру).

Основное внимание уделяется периоду, ограниченному двумя событиями: венчанием на царство Ивана IV в 1547 г. и отречением Николая II от престола в 1917 г. Для понимания специфики культурогенеза и русского всадничества сделан экскурс в ранний период его истории, отмеченный оформлением основных черт исторического развития нации и образованием национальной мифологии³. Широкие хронологические рамки, охватывающие несколько столетий русской истории, позволяют проследить за исторической динамикой культурной формы русского всадничества, механизмами ее устойчивости и изменчивости специфических культурных черт.

¹ Флиер А. Я. Культурная форма как предмет познания // Вестник СВФУ. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2016. № 4 (04). С. 45–51.

² Ахизер А. С. Сфера между и ее осмысление // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 125–133; Кондаков И. В. Культурогенез исторических поворотов // Лики культуры в эпоху социальных перемен. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. Екатеринбург, 2018. С. 13–16.

³ Кондаков И. В. Культура России... С. 73.

Теоретико-методологические подходы и основы исследования. Работа выполнена как междисциплинарная, поскольку предмет исследования занимает «стыковое пространство» между *историей Отечества, историей русской культуры* (соприродные история и культура представляют разные ракурсы восприятия: культура отражает историю в той же мере, как история отражает социальную реальность)¹ и *имагологией* — относительно новым направлением, чьим проблемным полем являются вопросы формирования национальных образов. Основным методом исследования является *культурная атрибуция* — анализ культурной формы в ее исторической динамике². Анализ сложно структурированных культурных явлений, каким является русское всадничество, обусловил применение *объективного анализа и системно-структурного подхода*; последствием этого стало освещение как позитивных, так и негативных сторон вопроса, которые в сумме составили целостное представление о нем. Методы *исторической антропологии* позволили создать «тотальную» культурную историю русского всадничества. Во внимание также принимались некоторые исходные положения современных *Human-Animal Studies*, что позволило расширить исследовательский ракурс.

Помимо этого, для достижения поставленных задач были привлечены, взятые в пересечении: *идеографический метод*, согласно которому познание начинается с описания; *историко-генетический метод*, в основе которого лежит последовательное раскрытие изменений изучаемой реальности (что, на наш взгляд, не обязывает автора к традиционному линейному изложению, увы, не позволяющему в полной мере раскрыть механизмы преемственности культурных этапов и многомерность, многослойность культуры в ее историческом развитии³);

¹ Флиер А. Я. История как культура и культура как история // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 30; Юрганов А. Л. Культурная история России как проблема // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение», 2016. № 7 (16). С. 17.

² Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник МГУКИ. 2015. № 6 (68). С. 24–30; Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 139–144.

³ Кондаков И. В. Архитектоника культуры как метод исторической культурологии (на примере России) // Мир культуры и культурология. СПб., 2012. С. 147, 149.

историко-системный метод — для раскрытия вопроса как совокупности взаимосвязанных событий, явлений и объектов, из взаимодействия которых складывается культурная форма всадничества; *метод периодизации* — для обозначения этапов исторического развития указанной культурной формы, разделенных качественными рубежами; *историко-биографический метод* — для анализа основных результатов деятельности отдельных исторических личностей и/или социальных групп, наибольшим образом повлиявших на развитие данной культурной формы, называя, вслед за С. О. Шмидтом¹, объектом повышенного исследовательского интереса именно человека и человеческие коллективы.

Этот последний метод также нужно выделить как один из наиболее важных для настоящего исследования, поскольку в современную эпоху «антропологического поворота» вопрос о роли личности в истории не только не утратил остроты, но и приобрел особую актуальность. Очевидно, что исторический процесс можно рассматривать как очеловеченное прошлое, т. е. — пусть только частично — как результат суммы деятельности лидеров (политических, военных, социальных, духовных, интеллектуальных и т. д.). Биографические исследования строились автором как

- 1) *модальные*, иллюстрирующие типичные культурные черты;
- 2) *контекстные*, выявляющие особенное; и
- 3) *пограничные*, указывающие границы проблемного поля.

Принятие указанной точки зрения повлекло за собой привлечение *методов просопографии* как специальной технологии изучения элит; они применялись вкупе с *микроисторией*; взятые вместе, они способствовали расширению представления об изучаемой эпохе посредством максимально детализированного погружения в нее. С этой же целью применялись методы *гендерной истории* и *истории повседневности*.

Семантическое поле исследования определяют следующие категории:

- 1) *культурная черта* — отдельный существенный признак культурного объекта и/или явления;

¹ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы: сборник статей. М., 1969. С. 46.

- 2) *культурная форма* — совокупность культурных черт;
- 3) *культурный символ (символический образ)* — коммуникативно обобщенная образная культурная форма, ее «символическая нагрузка»¹.

Классификация источников и критерии их отбора. Характер исследования предполагает задействование широкого круга источников, объединенных единой концепцией. Основной массив составили письменные источники, опубликованные и не опубликованные. Неопубликованные архивные документы — преимущественно те, что отложились в личных фондах представителей дома Романовых и их ближайшего окружения (лично-биографические, имущественные дела и др.), а также в Коллекции документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца.

Неполнота архивных документов потребовала привлечения значительного ряда уже опубликованных материалов. Привлекаемые материалы этой группы можно разделить на традиционные для культурно-исторического исследования источники (актовая и делопроизводственная документация, статистические и справочные источники, мемуары-автобиографии и мемуары — современные истории, записки и дневники, воспоминания, частная переписка и архивы, публицистика, периодика (газеты, журналы, повременные издания), исторический нарратив, и источники специального характера (разноплановая истипологическая литература).

Стоит учесть, что характер настоящего исследования делает особенно значимыми военно-административную и военно-уставную документацию и документы учетного характера (описи частного и казенного имущества, перечневые ведомости, табели).

Существенную часть источниковой базы исследования также составили вещественные источники. Большинство проанализированных вещественных источников — из музейных собраний Москвы и Санкт-Петербурга и его пригородов (ГЭ, Музеи Московского Кремля, ГИМ, ГМВ, МО «Музей Москвы»,

¹ Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. С. 191; Флиер А. Я. Культурная форма как предмет познания. С. 49; Флиер А. Я. О природе культурного символа // Вестник МГУКИ. 2016. № 1 (69). С. 51–57.

Государственный музей истории Санкт-Петербурга, ГМЗ «Царское село», ГМЗ «Петергоф», ГМЗ «Павловск», ГМЗ «Гатчина»). Отдельно нужно выделить вещественные источники из военно-исторических музеев (ЦМ ВС РФ, Музей Отечественной войны 1812 года, Музей военной формы одежды РВИО, ВИМА И ВиВС, Государственный мемориальный музей А.В. Суворова). К анализу также привлекались вещественные источники из собраний зарубежных музеев (Вены, Стокгольма, Дрездена).

Особенно полезными для настоящего исследования были собрания музеев, посвященных истории лошади и истории кавалерии: Научно-художественного музея коневодства при РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева (в том числе более 4 000 ед. хр., представляющих работы Н.Е. Сверчкова), Музея лошади в Шантийи и Музея кавалерии в Сомюре (оба — Франция). Были проанализированы как дошедшие до наших дней, так и утраченные собрания (Придворно-конюшенного музея, полковых музеев и музеев военно-учебных заведений).

Во внимание принимались и материалы частного коллекционирования: собрания русской элиты, прежде всего представителей дома Романовых и их ближайшего окружения. Особую ценность представляют царскосельский Арсенал императора Николая I (коллекция была передана в Императорский Эрмитаж и в настоящее время частично хранится в ГЭ) и утраченный «Лошадиный музей» великого князя Николая Николаевича старшего.

Также к работе привлекались изобразительные источники: живопись (конный портрет — один из самых распространенных типов парадного и царского портрета; батальная и бытовая картина; анималистика), графика (в том числе книжная), скульптура, декоративно-прикладное искусство. Отечественная иконография всадника появляется в XII в. (в начале столетия — на фресках киевской Св. Софии и в ювелирном искусстве Новгорода, в его конце — всадники с резных белокаменных фасадов Дмитровского собора во Владимире и с княжеских печатей).

Изобразительные источники XVI–XVII вв. уже довольно многочисленны: это первые конные царские портреты (царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича), обширная иконография конных святых воинов, многочисленные гравюры,

изображающие русских всадников («*Nobilis Moscouita habitu atque armis equestribus*» и др. А. де Брюна, «*Eqves Moscoviticus*» Й. Аммана, «*Soldato Moscovita à Cavallo*» Ч. Вечеллио), рисунки (сделанные со слов С. Герберштейна А. Хиршфогелем для «Записок о Московии» и «Заметок о России» Э. Пальмквиста), первые исторические картины¹.

Изобразительные источники XVIII столетия — преимущественно парадные конные и «конские» портреты (работы Г.Х. Гроота, Л. Каравака, В. Эриксона, Л.К. Пфандцельта, И.Г. Таннауэра, Г.К. Преннера, И.Я. Вишнякова, А.Ф. Зубова). К этому же периоду относится первый отечественный конный скульптурный портрет — конный памятник Петру I работы Б.-К. Растрелли, задуманный Петром и имеющий концептуальное значение и для него самого, и для национально-государственной идеи², и один из наиболее символических конных скульптурных портретов в мировой истории искусства — «Медный всадник» Э.М. Фальконе, эталон иконографии всадника в парадигме власти.

Как массовый источник конный портрет появляется в XIX столетии, когда, вместе с романтизмом, пришла мода на военный конный портрет. «Конные» источники этого периода, до начала XX в. включительно, — это работы Ж.В. Адама, И.Б. Лампи — младшего, А.Ж. Гро, Ф. Крюгера, Б.П. Виллевальде, К. Гампельна, В.Ф. Тимма, А.О. Орловского, Ф.А. Рубо, П.К. Клодта, Е.А. Лансере, П.П. Трубецкого, О. Монферрана, А.П. Швабе, А.И. Дмитриева-Мамонова, И.Д. Дмитриева-Оренбургского, В.А. Серова, С.А. Коровина, Н.Е. Сверчкова, К.П. Брюллова, М.А. Зичи и многих других художников второго, третьего круга и далее). Стоит отметить популярность и массовость «коннозаводского портрета» этого же периода.

Также в работе использовались кино- и фотодокументы из ГАРФ, РГАКФД и ЦГАКФФД.

Структура монографии сформирована по проблемно-хронологическому принципу изложения, который позволил в наи-

¹ Русский музей представляет: Лошади в русском искусстве. Альманах. Вып. 12. СПб., 2001. С. 10.

² Чежина Ю.И. История лошади: интерпретация античной идеи в конном монументе Петру I работы Б.-К. Растрелли // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2015. № 5. С. 513.

большей мере приблизиться к воспроизведению реальных исторических событий и показать причинно-следственные связи и закономерности развития исторического процесса; здесь хронология выступает как внутренний механизм культурного смысла, обнаруживающего свою символическую природу¹. Трехчастная структура монографии соответствует трем «разным Россиям» (по Н. А. Бердяеву). Иллюстративные и текстовые приложения, значительная часть из которых опубликована впервые, суммируют источниковедческую основу исследования и поясняют его основные положения.

В первую очередь издание предназначено для специалистов по истории русской культуры. Предложенные материалы могут найти применение в деятельности в области культурологии, культурной антропологии, социальной и гендерной истории, военной истории, истории материальной культуры, истории России.

¹ Кондилов И. В. Ю. М. Лотман как культуролог (в эпицентре «большой структуры») // Юрий Михайлович Лотман. М., 2009. С. 238.

Часть I.
Всадник Московского царства

ГЛАВА 1. ДИАДА «КОНЬ И ВСАДНИК»: САКРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СВЯЗИ

1.1.1. ИСТОРИЯ И ИКОНОГРАФИЯ ПОЧИТАНИЯ HEROS EQUITANS. КОНЬ И ВСАДНИК В МИФАХ И ОБРАЗАХ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Эволюция мифологического сознания относится к числу фундаментальных процессов, сопровождающих становление культуры. Мифология как первооснова хранения и трансляции информации о культурном состоянии общества, а в особенности — поворотные пункты мифогенеза, может рассматриваться как ключ к познанию культуругенеза как совокупности целого ряда процессов становления культуры и ее наиболее фундаментальных параметров¹.

В ранние периоды истории благополучие традиционно связывалось с конем, который играл первостепенную роль в жизни человека с момента своего одомашнивания, т. е. с раннего бронзового века². Первые коневоды жили в середине IV тыс. до н. э. Культовое почитание коня оформляется в ту же эпоху: первый документированный факт существования культа коня у племен, населявших Восточную Европу, относится к концу IV тыс. до н. э. или к рубежу III тыс. до н. э.³

¹ Каравашкин А. В., Юрганов Л. Л. Регион Докса. Источниковедение культуры. М., 2005. С. 53–56; Кондаков И. В. Культуругенез исторических поворотов. С. 16; Флиер А. Я. Культуругенез в истории культуры // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 140.

² Кузьмина Е. Е. Кони степей Евразии в эпоху энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. С. 5–6.

³ Ковалевская В. Б. Конь и всадник. Пути и судьбы // АН СССР, Ин-т востоковедения. М., 1977. С. 19.

И тогда, и в более позднее время отношение к этому животному не было однозначным: культ имел дуалистический характер, в котором просматривались героическая соллярная и погребальная хтоническая сущности. Конь как символ заходящего и восходящего солнца, смерти и воскресения солнечного божества, был самым тесным образом связан с неразрывным циклом «смерть — возрождение — бессмертие», где он чаще всего сопровождал героя в его подвигах, смерти, воскресении и апофеозе.

В изучении собственно культа коня оформилось четыре подхода¹. Тотемические представления, в соответствии с которыми сопребывание человека с конем есть отголоски верований в их тотемное родство, не получили подтверждения. Согласно хтоническому подходу, конь олицетворял божество потустороннего мира. При рассмотрении роли коня с утилитарно-практической стороны обыкновенно выделяются его функции как погребального инвентаря, транспортного средства (отвечающего за доставку умершего к месту погребения и па тот свет, а затем служение покойному на том свете) и пищи для покойного и/или его души. Согласно наиболее распространенной культово-ритуальной теории, конь имеет некое ритуальное значение, но является не объектом, а атрибутом культа². Представления о том, что герой подчиняет своей воле одно из наиболее сакрализованных животных, были устойчивы и в мировой, и в русской мифологии.

Получив самостоятельное символическое значение, образ всадника стал воплощением сакрального статуса героя. История и иконография почитания всадника восходят к «темным векам» Античности, когда в святилищах появляются первые скульптурные изображения *Heros Equitans*. «Идеальный всадник» изображен на фризе Парфенона³. Впоследствии выделяются иконографические образы конного воина-святого и конного

¹ Шапиро Б. Л. Конь и всадник в мифах и образах русской культуры // Альманах НОКО России «Мир культуры и культурология». Вып. VI. СПб., 2018. С. 209–215.

² Шапиро Б. Л. Реликты славянского культа коня в погребальном обряде государственного чина по московскому обычаю // Клио. 2016. № 7 (115). С. 134.

³ Соболев А. Н. Балканский культ всадника и принцип множественности // *Laurea Logae*. Сб. памяти Л. Г. Степановой. СПб., 2011. С. 597.

царя-триумфатора, первый из которых восходил к позднеантичному культу мучеников, а второй — к триумфальной культуре императорского Рима; оба образа были развиты в Византии.

Античные корни диады «всадник — конь» прослеживаются и в славянской, и в древнерусской мифологии, где конь — спутник воина или героя — был постоянным мотивом эпоса. Триумфальная колесница Гелиоса считалась символом власти старшей ветви Рюриковичей и затем великокняжеской власти вплоть до второй половины XV в.

В русской культуре развитие образа всадника продолжалось в контексте трех основных «конных парадигм», тесно связанных и взаимовлияющих: царской или имперской (т.е. парадигмы власти), религиозно-мифологической и фольклорной¹. Чаще всего конь выступал как парадно-сакральное существо² и семантически связывался с властителем: согласно мифологической генеалогии, древнерусские князья считались потомками Дажь-бога, при котором был установлен институт княжеской власти.

Отечественная иконография всадника появляется в начале XII в. на фресках киевской Св. Софии и в ювелирном искусстве Новгорода (змеевик с изображением св. Георгия-змееборца)³. К концу XII в. относятся всадники с резных белокаменных фасадов Дмитровского собора во Владимире, к XIII в. — с княжеских печатей Мстислава Мстиславича Удалого и внуков Всеволода Большое Гнездо — Всеволода Юрьевича и Александра Ярославича (Невского). В это же время были сделаны каменная иконка св. Георгия и костяная статуэтка коня из Новгорода⁴.

Широкое распространение образа всадника в сфрагистических (а позднее и нумизматических) памятниках Древней Руси свидетельствует о его значении для русской великокняжеской культуры. При Александре Невском известно уже несколько

¹ Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. С. 206.

² Мусин А.Е. *Milites Christi* Древней Руси. Военская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 189.

³ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 66.

⁴ Бузыкина Ю.Н., Трубицын К.В. Всадники на русских иконах. Можно ли доверять древним образцам? // Батыр. Традиционная поенная культура народов Евразии. 2012. № 1–2 (4–5). С. 83; Трубицын К.В. Как новгородцы коня снаряжали // Родина. 2009. № 9. С. 87.

типов изображений: скачущий воин с копьем наперевес, скачущий всадник с вертикальным копьем, едущий всадник с вертикальным копьем и всадник, скачущий с мечом к плечу (все перечисленные типы имели нимб¹; последний тип имел наибольшее распространение) и скачущий всадник с мечом (без нимба)².

Еще одним устойчивым иконографическим сюжетом был «змееборец» (также «драконоборец») — всадник-воин, поражающий врага, зверя или человека. Его изображение обнаруживает внешнее сходство с образом Траяна, копьем или дротиком поражающего поверженного под копыта его коня противника, но отличается от него по смыслу. Первоначально на русских печатях изображался не сам князь, а покровительствующий ему святой — союзник и спаситель, оберегающий от бедствий³. Наиболее прочно на монетах и печатях утвердились образы св. Димитрия (Солунского) и особенно св. Георгия⁴, который позднее стал гербовой фигурой.

В сфрагистике образ небесного покровителя заменяется более или менее условным символическим «портретом» (часто не имеющим буквального портретного сходства), начиная со времен Александра Невского, а в нумизматике — с Ивана Грозного. Соединение в одной фигуре святого черт правителя и его

¹ Согласно византийской иконографической традиции, лица царского рода могли изображаться с нимбами.

² Королёв Г.И. Всадник в европейской сфрагистике, нумизматике и геральдике // Труды Историко-архивного института. Т. 34. Сб. ст. геральдического семинара ИАИ РГГУ. Вып. 1. М., 2000. С. 40–41.

³ Так, св. Димитрий Солунский покровительствовал семье князя Изяслава Ярославича (в крещении Димитрия) и князю Дмитрию Донскому. См.: Саникова Е.М., Герасименко Н.В. Иконы святых воинов. Образы небесных защитников в византийском, балканском и древнерусском искусстве. М., 2008. С. 63. Образ святого всадника-покровителя был преемственным, и переходил от отца к сыну с передачей власти. См.: Королёв Г.И. Всадник в европейской сфрагистике, нумизматике и геральдике. С. 41. В мифологии кони героев могли наследоваться от отца к сыну (типично). См.: Багдасаров Р.В. Символика вымышленного коня в русской традиционной культуре // Россия и гнозис: Материалы конференции, 24–25 марта 1998. М., 1999. С. 32.

⁴ Св. Георгий на иконах обозначается как воин без бороды и усов, в красном плаще, на белом коне; у Димитрия — зеленый плащ и вороной конь. См.: Кочетков И.А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство небесного царя») // ТОДЛР. Т. 38: Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л., 1985. С. 188. Вороной конь в русской мифологии обозначал удадь, белый — величие. См.: Багдасаров Р.В. Символика вымышленного коня... С. 24.

патрона было данью византийской традиции параллелизма монарха и Бога; прочно связывались они и в русском средневековом сознании. Общая символика образа не нарушалась в силу идеи о божественном происхождении царя и царской власти. Но царь приобретал сакральность не сам по себе, а лишь по исполнению своей миссии, главной составляющей которой считалась защита отечества¹.

1.1.2. ВОИН-ВСАДНИК КАК СИМВОЛ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Первоначально святые защитники изображались пешими, а их образы заимствовались из Византии², что подчеркивало преемственность культур. Переход от образа пешего к образу всадника не был случайным. Хронологически он совпадает с тем временем, когда на Руси складывается всадническая субкультура³. Меч и конь были атрибутами воина уже в дохристианское время⁴, а появление профессионального конного воина происходит в период с середины XI до XIII в. Об этом свидетельствует качественный скачок во всадническом снаряжении⁵ и сопутствовавшая ему высокая степень освоения коня.

С началом этого процесса можно связать и первое упоминание об участии русских всадников в конном сражении. Это битва под Сновском 1069 г., где Святослав Ярославич с дружиной разгромил половцев «ударипа в конь»⁶. Это время оформления структуры русского войска, главную силу которого составляла

¹ Андреев И. Л. Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время. М., 2008. С. 224–225.

² Которые, в свою очередь, унаследовали античную иконографию. В Византии понятие «небесное воинство» оформилось с конца IX в. См.: White M. *Military Saints in Byzantium and Rus, 900–1200*. Cambridge, 2013. P. 94.

³ В рамках дружинной культуры. См.: Мусин А. Е. *Milites Christi Древней Руси...* С. 187–188.

⁴ Согласно Збручскому Святовиту IX в. См.: Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси*. М., 1987. С. 243.

⁵ Кириичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–36. Л., 1973. С. 10.

⁶ Михайлов К. А. К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 93–103.

конница¹. Власть принадлежала тому, кто стоял в ее главе: правитель «воинниками силен и славен»², предводительствовал ими.

Появление обширной воинской иконографии совпадает с этим периодом: образ, ставший массовым, не был случайным. Так древнерусское искусство пополнилось бесчисленным количеством изображений святых воинов-всадников, покровителей монарха, его военачальников и армии, сменивших одеяние и крест мученика³ на доспехи, оружие и коня. В деяниях святых акцент переносится с мученичества на «чудеса», где главным героем выступает физически развитый, облаченный в доспехи и вооруженный всадник-победитель. В святцы вписываются сотни имен воинов, известных как по личным, так и по коллективным подвигам. К единичным, двойным и парным изображениям святых воинов добавляются и групповые «портреты», представленные в виде кавалькады всадников: кроме упомянутых выше св. Георгия и Димитрия, чаще прочих здесь выступают св. Феодор Тирон, Феодор Стратилат, Прокопий, Меркурий, Евстафий, Нестор, Артемий⁴.

Апофеоз русского всадничества запечатлен в огромной⁵ хроникальной иконе «Благословенно воинство небесного царя» («Церковь воинствующая»), написанной для Успенского собора Московского Кремля. Икона изображает возвращение в Москву русского войска после победоносного Казанского похода 1552 г. Здесь под предводительством архангела Михаила и Ивана Грозного⁶ идут нескончаемые пешие и конные полки.

¹ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника... С. 86; Королёв Г. И. Всадник в европейской сфрагистике... С. 35.

² Мельникова А. С. Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 613.

³ Образ святого воина происходит из образа мученика, посредника между богом и молящимся.

⁴ Этот перечень не был постоянным. В первой половине XVI в. предпочтением отдавалось Георгию, Димитрию, Никите, Мине, Феодору Стратилату (почитание которого начало преобладать над почитанием Феодора Тирона). К концу XVII — началу XVIII в. формируется новый ряд. См.: Саенкова Е. М., Герасименко Н. В. Иконы святых воинов... С. 27, 31.

⁵ Размер картины 396 × 144 см (в настоящее время в собрании ГТГ).

⁶ Некоторые исследователи видели св. Георгия в фигуре юного конного воина. См.: Мельникова А. С. Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти. С. 614.

В составе торжественного шествия проходят те, кто был ранен во время войны, но остался в живых (согласно посланию митрополита Макария, им обещано от бога отпущение грехов, здоровье и долголетие). Здесь же изображены павшие на войне, которым будут даны венцы мучеников и место в небесном Иерусалиме, т.е. в раю: «А иже случится кому ныне от православных крестиян на том вашем царском ополчении не токмо кровь свою пролияти, но и до смерти пострадати за святыя церкви и за православную веру крестиянскую и за множество народа людей православных <...> той по реченному господню словеси второе мученическое крещение восприимет пролитием своея крови и очистятся и омывает от душа скверну своих согрешений и добре очистят свою душу от грех и восприимет от господа бога в тленных место нетленна и небесная и в труда место вхождение вышняго града Иерусалима наследие. И за оружие, и за благострадание телесное вечных благ восприяти, а за мечное усечение и копейное прободение с мученики, и со ангелы радость неизреченную, по божественному апостолу реченное восприимут, их же око не виде и ухо не слыша и на сердце человеку не взыде, яжеуготова бог любящим его в день от мздовоздателя праведного судьи господа бога терпения венец восприимут и потом и вечныя жизни в безконечныя веки. Аминь»¹.

Именно с этого времени² образ всадника в русской культуре получил устойчивые апокалиптические и эсхатологические коннотации. Смена парадигмы подчеркивалась новым знаменем русского войска. Главными героями «Великого стяга» Ивана Грозного, созданного после Казанского похода, были избраны Спаситель на белом коне и небесное конное воинство под предводительством архангела Михаила на золотом крылатом коне, в правой руке которого был меч, а в левой — крест.

Культ Михаила Архангела, который в образе всадника на крылатом коне выступает как предводитель небесного воинства,

¹ Кочетков И. А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая». С. 190.

² Страхи мифологического характера были обусловлены ожиданиями конца света в 1492 г. (по истечении 7000 г. по византийскому календарю); так, например, против этой даты в одном из текстов были пометы «Зде страх! Зде скорбы!». См.: Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 306.

был традиционным для Руси дружинным культом¹. В московской традиции его образ также связывался с великокняжеской и царской властью².

Покровителем великих князей был св. Георгий: он традиционно изображался на белом коне, что означало светлое начало и борьбу с враждебными силами. Этот образ древнерусской культуры³ восходит к дохристианскому символизму священного всадника на белом коне, когда «понятия светлого, благого божества и святости неразлучны, и последнее — прямой вывод из первого»⁴. На белом длинногривом коне бог богов Святovit выезжал на войну; его конь был главным символом культа и главным жертвенным животным, помещенным на вершину ритуальной иерархии⁵.

На Руси св. Георгия рассматривали как собирательный образ и преемника Перуна, Дажьбога или солнечного конного бога Хорса. Его культ, как и культ Михаила Архангела, был занесен из Византии, для обозначения родства великого князя киевского Ярослава с византийским василевсом. Здесь культ не только сохранил характер кастовой исключительности, но и приобрел новые черты: святой всадник не только был небесным покровителем земных правителей и их защитником в ратных делах, но, кроме того, даровал победу.

Введение новых черт культа и отказ от византийского образа означали оформление национальной мифологии, национальной истории и понимание истории Отечества как самоценной⁶.

¹ Щеглова Л. В., Саенко Н. Р. Образ благородного всадника: культурные модели. М., 2010. С. 64. Внутри древнерусской дружинной культуры можно выделить различные по локализации субкультуры. Так, змеевики с образом Михаила Архангела чаще встречаются в Новгороде, для Киевской Руси более характерны изображения св. Георгия. См.: Мусин А. Е. *Milites Christi Древней Руси...* С. 198.

² Не только в московской, но и во вселенской традиции. См.: Панченко А. М. *Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. 3. XVII — начало XVIII века. М., 1996. С. 23.*

³ Символика белого коня отразилась не только в древнерусской иконографии, но и в ее обрядности, например в «шествии на ослиати».

⁴ Афанасьев А. Н. *Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865. С. 96.*

⁵ Фаминцын А. С. *Божества древних славян. СПб., 1884. С. 206.*

⁶ Другим ключевым моментом стало введение в круг «византийских» святых воинов национальных русских святых Бориса и Глеба. Именно к ним обращались в важных военных предприятиях, например перед взятием Казани.

Частью этой идеологии стала концепция «Москва — Третий Рим», где Россия занимает место Византии, а русский великий князь — место византийского василевса. Происходит расцвет воинской житийной иконографии, связывающей воедино образ и легенду. Конный воин, побеждающий силы зла с оружием в руках, превращается в символ героизма и победы над смертью. Святой уступил место эпическому образу, который стал одним из культурных символов русской истории.

Так на основе древнего архетипа «конь и всадник» оформился универсальный героизированный образ всадника-воина; находясь в тесной связи с царской властью, он получил выраженные сакральные функции. Бытование образа всадника-воина в пространстве русской культуры было связано не только с величием воинского подвига, но и с апокалиптическими и эсхатологическими представлениями, связанными с особой царской миссией.

1.1.3. Конь как ритуал и символ царской власти: Страшный суд Ивана Грозного

Когда же Грозный приблизился к Новгороду, новгородцы не узнали об этом раньше, чем он находился на расстоянии мили от города; тогда-то они стали кричать, что для них наступает Страшный Суд¹.

В русском Средневековье, когда люди рассматривали животных прежде всего с точки зрения идеи Божественного творения, и наделяли их мифологическими свойствами, конь занимал одно из центральных мест в сложившейся иерархии ритуальных животных. Он выступал в роли и объекта сакрализации, и сакрального атрибута, где был солнечным божеством², замещающим его

См.: Лазарев В. Н. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский временник. 1953. № 6. С. 212; Саенкова Е. М., Герасименко Н. В. Иконы святых воинов... С. 244; White M. Military Saints in Byzantium and Rus, 900–1200. P. 132.

¹ Юрганов А. Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3. С. 53.

² У славян конь выступает как спутник Перуна, Хорса и особенно Дажьбога, словами Ипатьевской летописи, «Солнце цесаря, сына Сваротова, еже есть Дажьбог; бе муж силен». См.: Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. Скифы и славяне: мифологические параллели // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 112.

символом или спутником: «если присоединить сюда старинное название солнца колесом, то перед нами явится и колесница, и кони, и сам всадник-солнце»¹. Одновременно «убранным звездами солнцем» называли и московского царя, который являлся своим подданным облаченным в драгоценные одежды, расшитые алмазами и жемчугом².

Также для русского мифологического сознания были характерны представления о дуальности символов: «двойко каждое творение, хотя бы в нем предполагали зло, но и добро обретается»³. Были наполнены неоднозначным содержанием и представления о коне.

В эпоху первого русского царя Ивана IV Васильевича конь продолжает исполнять традиционные для себя роли и объекта сакрализации, и сакрального атрибута⁴. В это время⁵ здесь практикуется обряд освящения коня, после чего его особенные свойства, согласно специфике средневекового сознания, еще более усиливаются. Вот как описывает Р. Ченслер Великое водосвятие, происходившее перед кремлевскими Тайницкими воротами⁶ в 1554 г.: «Привели царских жеребцов напиться этой воды; также и другие многие приводили сюда своих лошадей — напоить их; через это делали своих лошадей столь святыми, как и самих себя»⁷.

¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 593.

² Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. // ЧОИДР. 1891. № 3. С. 52. Б. Таннер был в составе польско-литовского посольства Михаила Сапег и Казимира Чарторыйского в 1678 г.

³ Юганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. С. 338.

⁴ Шаниро Б. Л. Страшный суд Ивана Грозного: конь как ритуал и символ // Альманах НОКО России «Мир культуры и культурология». Вып. V. СПб., 2016. С. 110–116.

⁵ Все свидетельства бытования обряда (секретарь австрийского посольства И. Х. Гвариента И. Корб называет его «благословлением реки») относятся к третьей четверти XVI в. Позднее, по словам Корба, лошади участвовали в обряде и другой роли: шесть белых лошадей привозили «сосуд, напоминавший своей фигурой саркофаг. В этом сосуде надлежало затем отвезти благословленную воду в дворец его Царского Величества». См.: Акельев Е. В. Дневник путешественника в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 111–113.

⁶ Лошади пили из «московской Иордани», которая устраивалась на этом месте до начала XVIII в. Выходом государя к Иордани завершался крестный ход в день Богоявления и в другие крупные церковные праздники. См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2014. С. 455.

⁷ Ченслер Р. Известия англичан о России во второй половине XVI века // ЧОИДР. 1884. № 4. С. 18.

Свидетельство Ченслера подтверждается записками других очевидцев: А. Дженкинсона, бывшего в Москве в 1557–1571 гг., который упоминает, что «привели [на водокрещение] и лучших царских лошадей пить упомянутую святую воду»¹, и Дж. Флетчера: он был здесь в 1588 г. и, следовательно, мог наблюдать за обычаями, бытовавшими по смерти Ивана IV. «Такой обряд совершается в Москве с большим торжеством и пышностью, в присутствии самого царя со всем дворянством, начинаясь ходом в виде процессии через все улицы к Москве-реке <...> Когда церемония окончится, то сначала царские телохранители, а потом и все городские обыватели идут со своими ведрами и ушатами зачерпнуть освященной воды для питья и всякого употребления <...> После людей, ведут к реке лошадей и дают им пить освященную воду, чтобы и их освятить», — замечает Флетчер².

Уподобление царя богу было традиционным для русского самознания, поскольку «российского царствия самодержавство божьим изволением началось»³ и «царь убо властью подобен вышнему Богу»⁴. «В конце концов, все — как вельможи, так и чиновники, как люди светского сословия, так и духовного, — официально признают, что воля государева есть воля Божья и, что бы государь ни совершил, хотя бы и ошибочное, он совершил по воле Божьей. Поэтому они даже верят, что он — ключник и постельничий Бога и исполнитель его воли», — подтверждает А. Гваньини⁵. «Так угодно Богу и Великому государю», — эта

¹ Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву 1557–1558 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 78.

² Флетчер Дж. О государстве русском, или образ правления русского царя. СПб., 1906. С. 116.

³ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Цит. по: Ахизер А. С. Циклизм ценностных основ российской власти: от Ивана IV до конца советского этапа // Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 31.

⁴ Зимин А. А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 177. Цит. по: Черная Л. А. Антропологический код древнерусской культуры. М., 2008. С. 272.

⁵ На сегодня сочинения А. Гваньини, созданные в первой половине 1570-х гг., имеют репутацию добротных компиляций, однако «безымянный литератор пушкинского времени так представлял Гваньини русскому читателю: „Среди шума военного занимаясь науками, он написал... весьма важную книгу о нашем отечестве... о естественном и гражданском состоянии России“». См.: Козлова Г. Г. Александр Гваньини и его сочинения // Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 6.

фраза была обыкновенной для эпохи, когда оформлялась первая русская концепция царской власти¹.

Эта особенность средневекового сознания дала Ивану IV обоснование его исключительной миссии судии, наказывающего зло в последние дни перед Страшным судом: «Яз же убо верую, о всех своих согрешениях вольных и невольных суд прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих, но и о подовластных дати ми ответ, аще что моим несмотрением погрешится»². Эта миссия, когда, по свидетельствам очевидцев И. Таубе и Э. Крузе, царь «сжигал и убивал все, что имело жизнь и могло гореть, скот, собак и кошек, лишал рыб воды в прудах, и все, что имело дыхание, должно было умереть и перестать существовать»³, стала основным предназначением его деятельности.

Наказания грешных воплощались посредством системы казней. Отдельные казни Страшного суда Ивана IV тесно связаны с животными: зверями, птицами, рыбами и змеями⁴. Связан с ними и конь: находясь в сакральном пространстве тирана, он выступает как особый символ царской власти.

Система царских казней строилась как исключительно дихотомическая, водно-огненная, согласно атрибутам Страшного суда — огненной реке и озеру⁵. Согласно концепции, в казни так или иначе присутствовали вода или огонь: «а если стража кого-нибудь хватала, его сейчас же тут же у заставы бросали в огонь со всем, что при нем было — с повозкой, седлом и уздечкой»⁶.

¹ Гваньини А. Описание Московии. С. 93.

² Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. С. 380.

³ Таубе И., Крузе Э. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Московия при Иване Грозном глазами иностранцев. М., 2014. С. 129.

⁴ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. С. 364–366.

⁵ Юрганов А. Л. Опричнина и страшный суд. С. 54.

⁶ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 92. Для современников такая казнь могла иметь семантическое значение жертвоприношения, напоминая о совместном сжигании человека и коня в языческий и раннехристианский периоды русской истории. В славянской древности оно исполнялось во всей его полноте — труп коня хоронился или сжигался целиком, как и труп его хозяина. Это весьма торжественный вариант захоронения, которого удаивались только вожди и знатные воины. Еще одним вариантом сопогребения с конем, который наблюдался и в средневековой Руси, было погребение с конским снаряжением и/или с чучелом

Водные казни принимали бесконечно разнообразные формы. Практиковалось утопление заживо привязанных к коням или к саням/гелеге. Подобное применялось довольно часто, в том числе и к членам царской семьи. Так были умерщвлены Мария Долгорукая, возможно, одна из жен тирана, и вдова его родного брата Иулиания Палецкая¹. «Жена этого брата лежала перед ним на земле, скрыв лицо, моля о сострадании; он приказал своим приспешникам схватить ее, содрать одежду и позорно обнажить. Эта несчастная очень долго стояла обнаженная перед глазами всех. Потом какой-то солдат, по приказанию государя, связал ее веревкой, посадил на лошадь и быстро погнал ее, без всякого сожаления, в реку, свалил ее в воду и погубил. Так безжалостно и нечестиво обошелся великий князь с братом и невесткой», — сообщает Гваньини².

Конь был избран средством для казней иной, не водно-огненной, но, неизменно, бинарной природы. Он был первым в ряду дорогих даров, предназначенных для иноземных посланников³, и для них же — поруганием, когда «у многих связали руки и отдали во власть русскому всаднику, который, зацепив ремень, приказал бежать за ним»⁴. Поругание по воле властителя могло

коня. Форму жертвоприношения имели оба ритуала. См.: Анушин Д. Н. Сани, ладея и кони как принадлежность похоронного обряда. М., 1890. С. 109; Шапиро Б. Л. Реликты славянского культа коня... С. 136–137.

¹ В Синодике Ивана Грозного И. Палецкая упоминается как инока Александра. См.: Синодик царя Ивана Васильевича Грозного // Устрялов Н. Г. Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 373.

² Гваньини А. Описание Московии. С. 131.

³ Например, после взятия Полоцка в 1563 г. Иван IV послал крымскому хану «полоцкого зятя» жеребца в полном убранстве. См.: Юзефович Л. А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007. С. 130. Лошади в драгоценном убранстве были и в числе посольских даров Ивану IV. Так, дарами короля Стефана Батория, присланными с посольством Л. Сапеги в 1584 г., были кони в «римском» и «турском» уборах, запряженная шестериком карета и «збруя позлатистая римская на коня и на человека». См.: Загородняя И. А. Дипломатические дары русским царям из Речи Посполитой (по материалам книг приездов польских великих послов второй половины XVII в.) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2003. С. 74–75.

⁴ Юстен П. Посольство в Московию 1569–1572 гг. СПб., 2000. С. 123. По словам А. М. Курбского, еще с 14-летнего возраста Иван IV «начал человеков ураняти и, собравши четы юных около себя детей и сродных оных предсеченных сигклитов, по стогнам и по торжищам начал на конех с ними ездити и всснародных человеков, мужей и жен, бити и грабити, скачущие и бегающе

превратиться и в казнь, когда «раздетых донага, несмотря на мороз, без жалости избивали, привязывали по три и по четыре к хвостам лошадей и тащили, полумертвых-полуживых, заливая кровью дороги и улицы»¹.

Исполнители царской воли поили коней — и тут же «поили» мертвецов, как в казни князя Ростовского. По рассказу А. Шлихтинга, «Ростовского, связанного, положенного на повозку и одетого в грязное платье, увезли с собою. Отъехав от Новгорода на расстояние приблизительно трех миль, подводчики остановились и начинают топорами разбивать лед на реке, чтобы образовать прорубь. Ростовский <...> спрашивает, что они хотят делать. Те отвечают, что собираются напоить коней. „Не коням, — сказал Ростовский, — готовится эта вода, а голове моей“. И он не обманулся в этой догадке. Именно: один из убийц, слезши с коня, отрубил ему вслед за тем голову, а обезображенное тело его велел бросить в реку, голову же взял с собою и отнес ее к самому тирану»².

Утилитарно-практическая роль коня, который выступает как транспорт для смертного пути, была одной из наиболее понятных функций, приписываемых коню еще с языческих времен. Конь-перевозчик доставляет умершего не только к месту погребения, но и на тот свет, а затем служит и как транспорт, и как верный друг покойному на том свете. Известно, что древние умерщвляли лошадей, принимавших участие в погребальной процессии, а погребальный транспорт ломали или переворачивали: этот ритуал осуществлялся согласно поверью, что и сломанная повозка, и убитая лошадь возродятся в загробном мире, чтобы снова служить хозяину³.

всюду неблагочинне». См.: Кн. А. М. Курбский и царь Иоанн IV Васильевич Грозный. Избранные сочинения. СПб., 1902. С. 4.

¹ Горсей Дж. Записки о России. XV — начало XVII в. М., 1990. С. 53.

² Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // Московия при Иване Грозном глазами иностранцев. М., 2014. С. 89.

³ Главные роли коня в обрядовой сфере, которые сложились уже в прескифское и скифское время, это: кони-перевозчики, кони «главного седла», кони-подношения, жертвенные кони — пища для покойника и совместной родовой трапезы, кони-«стражники». См.: Полидович Ю. Б. Конь и конская узда в системе погребальной обрядности народов юга Восточной Европы прескифского и скифского времени // Текст. Контекст. Подтекст. Сборник статей в честь М. Н. Погребовой. М., 2013. С. 174.

В концепции Страшного суда Ивана IV конь и повозка (телега) продолжали выполнять эту роль. «Тиран тотчас велит посадить [начальника над стрельцами воеводу Василия Дмитриевича] на телегу, привязать его к ней и ехать на лошади, у которой предварительно выкололи глаза, и гнать слепую лошадь с привязанным Василием в пруд, куда он и свалился вместе с лошадыю. Тиран, видя, что он плавает на поверхности вод, воскликнул: „Отправляйся же к польскому королю, к которому ты собирався отправиться, вот у тебя есть лошадь и телега“»².

Возвращаясь к казни князя Ростовского, отметим, что Гваньини рассказывает эту историю немного не так, как Шлихтинг. «Князь Ростовский был схвачен в церкви, с него содрали одежду, так что он остался нагим, в чем мать родила, а потом в оковах был брошен в сани и привязан. Когда они отъехали от Новгорода на три мили, то остановились у реки Волги. Скованный князь спросил о причине остановки, и ему ответили, что хотят напоить коней. Он, предчувствуя смерть свою, сказал: „Нет, не для коней та вода, а для меня, пить мне ее и не выпить никогда“. И тотчас начальник всадников отрубил ему, лежащему, голову топором, а труп сбросили в замерзшую реку»³. В версии А. Гваньини приговоренный к смерти проделывает последний путь «на санях», что в древнерусском языке имело значение «на смертном одре»⁴.

Сани, как и кони, включались в особенное пространство казней Ивана IV как в особенное сакральное пространство. Таким особым местом были восточные ворота Опричного дворца Ивана IV, «ибо царь позволил себе входить в священные ворота, приготовленные для Господа Бога»⁵. «Через восточные ворота князья и бояре не могли следовать за великим князем —

¹ Гваньини А. Описание Московии. С. 125–127.

² Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана... С. 102–103.

³ Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 101.

⁴ Выражение «на санях» приобрело в древнерусском языке значение «на смертном одре»; ср. в «Поучении» Владимира Мономаха: «Съѣд на санех, помыслих в души своей...», что переводят как «на смертном одре помыслил в душе своей...». См.: Поучение Владимира Мономаха // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 146–147.

⁵ Юрганов А. Л. Опричнина и страшный суд. С. 63.

ни во двор, ни из двора: [Эти ворота были] исключительно для великого князя, его лошадей и саней», — отметил опричник Г. Штаден¹. Божественную природу, очевидно, здесь получили не только лошади, но и тематически связанные с ними сани, которые в русском средневековье имели семантическое значение наиболее почитаемого транспорта и использовались независимо от времени года. Так, в августе 1605 г. везли на санях из Москвы к месту захоронения в Троице-Сергиев монастырь останки Бориса Годунова и его жены². Так, «шел саньми»³ из Москвы опальный митрополит всея Руси Филипп: «возложиша на него платье Иноческое многошвенное и раздранное, и изгнаша его изъ церкви яко злодѣя и посадиша на дровни, везуще вѣгъ града ругающесе, и ко исходу дебри реюще его, и метлами биюще»⁴.

Изгнание из Новгорода архиепископа Пимена верхом на кобыле было «символической акцией, совмещающей политическую меру наказания и сакральное действие»⁵. Иван IV «велит стащить с его головы тиару, которую тот носил, а вместе с тем снимает с него все епископское облачение и лишает его также сана, говоря: „Тебе не подобает быть епископом, а скорее скоморохом. Поэтому я хочу дать тебе в супружество жену“ <...> тиран велит привести кобылу⁶ и обращается к епископу: „Получи вот эту жену, влезай на нее сейчас, оседлай и отправляйся в Московию и запиши свое имя в списке скоморохов“. Далее, когда тот взобрался на кобылу, тиран велит привязать ноги сидевшего к спине скотины и, удалив его таким образом из города и прогнав с епископства, велит ему отправляться по назначенной дороге»⁷.

¹ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 108.

² Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 259.

³ 8 ноября 1568 г. См.: Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 256.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 3. Примечания к IX т. СПб., 1843. Стб. 44.

⁵ Чумичева О. В. Иконические перформансы Ивана Грозного: трансформация идеи царской власти // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси. М., 2011. С. 518.

⁶ А. Гваньини уточняет: белую жеребую кобылу. См.: Гваньини А. Описание Московии. С. 117.

⁷ Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана... С. 97–98.

Изгнание Иваном IV Пимена обыкновенно ассоциируют с «шествием на осляти», которое проводилось в неделю Ваий на Вербное воскресенье, где царь менялся ролями с патриархом. Центром внимания была «лошадь, покрытая до копыт белым холстом, уши у ней покровом удлинены наподобие ослиных. На этой лошади сидит Митрополит¹, сбоку, как ездят верхом женщины; на складках его платья лежит книга с распятием дорогой работы на переплете; книгу эту Митрополит держит левой рукой, правой — крест, которым он беспрестанно благословляет народ во все время шествия. Человек 30 расстилают свои платья перед лошадью и, как только она пройдет по ним, поднимают платья, забегают вперед и снова расстилают, так что лошадь постоянно идет по одеждам <...> Один из царских знатных ведет лошадь за голову; сам же Царь, идя пешком, ведет лошадь за конец повода узды одной рукой, в другой он держит вербу. За лошадью следуют остальные царские придворные, дворяне и громадная толпа народа. В таком порядке они ходят от одной церкви к другой по Кремлю, на расстоянии двух полетов ядра, и таким же образом возвращаются в Царскую Церковь, где и оканчивают службу»².

Обряд символизировал вход Господень в Иерусалим; он понимался как церковное таинство и одновременно народный праздник. История действия происходила из Новгорода, где оно было известно, по крайней мере, с конца XV в.³ Близкое по смыслу шествие проводилось и при поставлении патриарха или митрополита, с тем отличием, что здесь осла вел придворный — это мог быть конюший, боярин или окольничий, который не представлял царя, а только выполнял почетную функцию⁴.

Рассматривая поругание Пимена с точки зрения анти-поведения (обратного, перевернутого поведения), которое у Ивана IV приобрело особенно широкие символические формы⁵,

¹ Здесь митрополит заменяет патриарха, что допускалось обычаем.

² Ченслер Р. Известия англичан о России во второй половине XVI века. С. 19.

³ Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 439–446.

⁴ Там же. С. 458.

⁵ Успенский Б. А. Анти-поведение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 466.

«шествие архиепископа на кобыле» приобретает отчетливый смысл развенчания церковного иерарха. Расправа над Пименом стала апогеем новгородского погрома, когда уничтожались материальные ценности, люди¹ и святыни. Тиран «вошел в Великий Новгород, во двор к [архи]епископу и отобрал у него все его [имущество]. Были сняты также самые большие колокола, а из церквей забрано все, что ему полюбилось <...> Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь <...> Он приказывал истязать и монахов, и многие из них были убиты. Таких монастырей внутри и вне города было до 300², и ни один из них не был пощажен... Целых шесть недель без перерыва длились ужас и несчастье в этом городе <...> Ни в городе, ни в монастырях ничего не должно было оставаться; все, что воинские люди не могли увезти с собой, то кидалось в воду или сжигалось»³. Фактически разгром Новгорода — места, с которым связывались русские традиции священства⁴, — приобрел смысл его десакрализации. Тиран выступил как высший судия, который не только уничтожает сакральное пространство, но и конструирует новое⁵.

При более детальном анализе вышеупомянутых кар церковных иерархов становится очевидно, что в обоих случаях

¹ Относительно количества жертв погрома не сложилось единого мнения. В «Повести о приходе царя Ивана в Новгород» сообщается, что во время новгородского погрома в Волхове ежедневно в течение пяти недель топили по 1000–1500 человек: «А тот убо день благодарен, кого дни въвергут в воду пятьсот или шестьсот» См.: *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 299. Однако имеются также определенные и достоверные сведения, что он приказал убить 12 000 именитых людей, мужчин и храбрых женщин. Что касается до неизвестных бедных ремесленников и простого народа, то было их больше 15 000». См.: *Таубе И., Крузе Э.* Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 136. Псковская летопись говорит о 60 000 жертв, духовник польского посольства Джерио — о 18 000. См.: *Шлихтинг А.* Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана... С. 97. Дж. Горсей определяет число жертв фантастическими 700 000 человек. См.: *Горсей Дж.* Записки о России. С. 54. В. Б. Кобрин определяет число погибших во время новгородского погрома в пределах 10 000–15 000 человек. См.: *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. М., 1989. С. 81.

² По другим данным, было разграблено 175 монастырей. См.: *Гваньини А.* Описание Московии. С. 115.

³ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 90.

⁴ *Успенский Б. А.* Царь и патриарх... С. 439.

⁵ Имеется в виду перенос в опричную Слободу святынь Новгорода.

десакрализация проводилась с помощью анти-поведения. Так, по некоторым сведениям¹, Пимен был посажен верхом опоко — задом наперед, как и митрополит Филипп, которого царь велел, сорвав с него святительские одежды, посадить «на вола опоко»².

Анти-поведение и казнь в Страшном суде Ивана IV взаимосвязаны, но само по себе анти-поведение не всегда обозначало казнь или смерть. Так, по легенде позднего времени, когда Грозный показывается в Петровских воротах Пскова верхом на прекрасном аргамаке, местный юродивый Никола Салос едет к нему «на палочке верхом»³. Встречу Николы и тирана 20 февраля 1570 г. называют «самым знаменитым эпизодом из истории русского похабства»⁴. Именно тогда в круг царских казней включается личный конь Ивана IV. Согласно Пискаревскому летописцу, встретившись с царем, Никола потребовал прекратить разграбление города. Юродивый утверждал, что в противном случае Грозному не на чем будет ехать в Москву: «в полон велел имати и грабити всякое сокровище и божество: образы и книги, и колокола, и всякое церковное строение. И прииде к Никуле уродивому. И рече ему Никула: „Не замай, милухне, нас, и не пробудет ты за нас! Поеди, милухне, ранее от нас опять. Не на чом ти бежати!“ И в то время паде головной аргамак»⁵.

Позднее легенда несколько изменяется, а в Псковской летописи обрастает подробностями: «Иван Грозный прииде благословитися ко блаженному Николе <...> блаженный же поучив его много ужасными словесы, еже престати от всякого кровоприлития и не дерзнути же грабити святые божьи церкви. Царь же преже сия глаголя нивочто же вменив приказал снимать колокол с Троицкой церкви — и того же часа паде конь его лутчий по пророчеству святого, и поведаша сия царю, он же ужасен вскоре бежа из града»⁶. Для современников Ивана IV

¹ Чумичева О. В. Иконические перформансы Ивана Грозного. С. 518.

² Успенский Б. А. Анти-поведение в культуре Древней Руси. С. 468.

³ Иванов С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005. С. 277.

⁴ Там же. С. 271, 276.

⁵ Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 191.

⁶ Иванов С. А. Блаженные похабы. С. 272.

угроза Николе Салоса имела вполне ясный символический смысл: павший под ним любимый конь не только ведал судьбу¹, но служил внятным символом потустороннего мира. После смерти царского коня «могущественный тиран, который хотел сожрать целый свет, ушел побитый и пристыженный², словно прогнанный врагом»³. Так конь исполняет роль, приписанную ему мифологизированным средневековым сознанием — своей смертью вершит людские судьбы и судьбы народные.

Очевидно, что в культуре позднего русского средневековья образ коня продолжает нести заложенные в него еще на этапе язычества сакральные функции. В эпоху Ивана Грозного, в начале оформления русской концепции царской власти, конь остается символом потустороннего мира: в это время он помещается в особое эсхатологическое пространство, будучи тесно связанным и с фигурой царя-всадника, и с его миссией.

1.1.4. «ADVERSI, AVERSI, PERVERSI»: ЦАРСКАЯ КОННАЯ КУЛЬТУРА ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

В годы активного формирования русского государства иностранцы много размышляли о специфике русской культуры⁴. Одним из представителей этого широкого ряда был венецианский писатель Франческо Тьеполо. В 1560 г. он оценил современную ему Московию выражением «*adversi, aversi, perversi*», что понималось как своеволие и недружелюбность, которые совмещались с хитростью, переходящей в коварство⁵. Эти качества московитов сочетались с обычаем представлять себя в самом выгодном свете, что было хорошо известно их ближним и дальним соседям.

¹ Петрухин В. Я. Конь // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 590–591.

² Иван IV глубоко почитал юродивых: такие события его жизни, как рождение от неплодного Василия III и взятие Казани, якобы были предсказаны именно ими. См.: Иванов С. А. Блаженные похабы. С. 270; Книга степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 629.

³ Таубе И., Крузе Э. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 137.

⁴ Шаниро Б. Л. «Adversi, aversi, perversi»: конь как часть русского посольского обычая // История: факты и символы. 2016. Вып. 4 (№ 9). С. 24–36.

⁵ Тьеполо Ф. Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо // Исторический Архив. 1940. № 3. С. 328.

В XVI–XVII вв. Москва поддерживала постоянные отношения с шестнадцатью иностранными государствами Европы и Азии¹. Знакомство с русской культурой обыкновенно происходило через посредство путешественников, коммерсантов и посланников этих шестнадцати стран. Характер отношений во многом зависел от степени их значимости «соседей» для московского двора. К концу XVI — началу XVII в. лидирующее положение занимали Польша, Швеция и Османская империя². В середине столетия внешнеполитическая расстановка сил изменилась: согласно новым приоритетам Московии, Священная римская империя и Дания заняли последнее место, а Турция и Персия — первое³.

Конь стал неотъемлемой частью московского обычая: «на встрече б с приставы было детей боярских много, а были б нарядны и конны», — повелел Иван IV по случаю встречи литовского посольства⁴. Незыблемым было правило, что и встречающим, и встречаемым полагалось только самое лучшее из того, что имелось в царском хозяйстве и соответствовало статусу участников встречи. «А царевичевым бояром и чиновным людем лошади з государевы ж конюшни с седлы и с узды с чистыми наряды по посольскому обычаю», — отмечали современники⁵. Так, «свиту двух Послов, назначенных к Королю Польскому [в 1553 г.], составляли 1500 всадников, одетых большей частью в золотые и шелковые одежды; о дорогих уборах лошадей, блестящих золотом и серебром, расшитых весьма искусно шелком, и говорить нечего. У них было 100 превосходных запасных белых иноходцев»⁶.

Кони здесь выступали как один из атрибутов царской власти, которую москвиты демонстрировали посланникам; однозначно понимаемые как символ царя и царской власти, они могли

¹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 39–46.

² «Во утверждение дружбы...» Посольские дары русским царям. М., 2005. С. 9.

³ Юзефович Л.А. Путь посла... С. 127.

⁴ Савва В.И. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. С. 103.

⁵ Белокуров С.А. Днепальские записки Приказа тайных дел 1665–1713 гг. М., 1908. С. 70.

⁶ Адамс К. Английское путешествие к москвитам // Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков. М., 1991. С. 40.

служить только наиболее почетным гостям. Так, посланников крымского и ногайского ханств в царский дворец вели пешком¹, а грузинским представителям, как не имеющим высокого статуса, коней в качестве царских даров жаловали не всегда².

При распределении этих атрибутов соблюдался иерархический порядок: сами послы получали лошадей от царя, его свита — от лица царских «ближних людей». Гостям более низкого ранга лошади направлялись от посольских дьяков. Гонцы, церемония встречи которых была лишена торжественности и проходила без скопления народа, часто въезжали в столицу на собственных лошадях. На своих лошадях путешествовали и представители крымского и (в их бытность), ногайского, казанского и астраханского ханств³; согласно сложившемуся обычаю, последнюю, торжественную часть церемонии встречи они часто проделывали пешком.

О существовании этого негласного правила свидетельствует и итальянский коммерсант Р. Барберини, посетивший Москву в 1565 г. По его словам, здесь «несколько назначенных государем придворных отправляются из дворца, в богатых одеждах, верхом на прекрасных конях, в парадных разноцветных сбруях; прибыв в посольский дом, берут послов с собою и везут их, тоже верхом, но на самых скверных и убранных в самую дурную сбрую лошадей, во дворец; тут шагов за тридцать или за сорок от дворца и заставляют их, из чванства, слезать со своих кляч и идти пешком»⁴.

Предоставление иноземным гостям лошадей с царских конюшен — обычай, который в посольских книгах отмечается не ранее второй половины XVI в. Первоначально лошади присылались

¹ Юзефович Л. А. Путь посла... С. 142.

² Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 71. Запись под 8 мая 1660 г.: «А под грузинских послов под митрополита и под боярина с товарищи и под Меретийских послов под Марка Томаса с товарищи посланы были лошади з государевы конюшни: под митрополита с под архимаритов с смиренным нарядом, а под боярина с товарищи и царевичевым чиновным людям лошади з государевы конюшни с седлы и с узды с чистыми нарядами по посольскому обычаю. Матери царевича Николая Давыдовича Елене Диасамидзе была послана «колымага з возники... з государевы конюшни». См.: Там же. С. 70.

³ Юзефович Л. А. Путь посла... С. 84.

⁴ Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб., 1843. С. 26.

только тем, кто не имел собственных, прибыв морем (отметим, что способы транспортировки лошадей по воде были известны издавна), либо тем, чьи животные не могли украсить собой торжественную процессию посольской встречи. Тем из гостей, кто имел собственную парадную лошадь, но которым полагались царские лошади по регламенту, использование своих лошадей воспрещалось¹.

От предложенной лошади, как и от конского убранства, отказываться было не принято; этот обычай доставлял европейским гостям, не привыкшим к русским седлам-арчакам, некоторые неудобства; но царские предложения отклонялись лишь в единичных случаях. Так, в 1583 г. посланник Елизаветы I Дж. Баус не принял приготовленного специально для него прекрасного жеребца в богатом убранстве, недовольный тем, что конь был хуже, чем тот, на котором прибыл встречающий его князь Иван Сицкий. Не разрешив конфликт, Баус вошел в Кремль пешком².

Это событие не укладывалось в рамки московского дипломатического протокола, где четко оговаривалось и другое правило: послы и их свита всегда въезжали в Кремль только верхом; но строгость этого положения, оформившегося в середине XVI в., постепенно смягчалась. К началу XVII в. оно уже не имело характера догмы. Так, в 1601 г. посланнику Елизаветы I Р. Ли, несмотря на его больные ноги, не разрешили пользоваться ни каретой, ни седлом западноевропейского типа с удобной

¹ Английский дипломат Т. Смит рассказывал, что в 1604 г. глава миссии и его свита въезжали в Москву на царских лошадях, несмотря на то что посольство привезло с собой два десятка парадных лошадей. На месте встречи иноземцев, в Ростокينو, «посол, выйдя из своего экипажа, сел на своего же парадного коня и двинулся дальше при звуках музыки, исполняемой его собственными трубачами. Проехав еще с четверть мили, милорд был встречен дворянином из конюшенного приказа, в парадном платье, который, сняв шапку, объявил послу, что великий государь, молодой царевич и конюший боярин изволили прислать ему испанского жеребца в сбрус, богато украшенной золотом, жемчутом и драгоценными камнями, с большою, из чеканного золота, цепью, надетою коню на шею. Тогда посол, сойдя с своего коня, обнял названного дворянина, выразил свою нижайшую благодарность и тотчас пересел на присланного ему иноходца. Далее тот же дворянин объявил, что царю угодно было прислать коней и для королевских придворных, также в богатом убранстве, а затем и для всех прочих членов посольской свиты». См.: Смит Т. Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. СПб., 1893. С. 26–27.

² Горсей Дж. Записки о России. С. 82.

посадкой: «в возку ехать непригожь», а также «своего седла на лошадь класть непригожь»¹. Однако немощному представителю Священной Римской империи А. Дону ехать в собственной карете позволили, а присланную Годуновым лошадь вели перед каретой посла: «челом бью, а на аргамаке мне ехать невозможно, потому что есмь немощен: в ногах камчут (т.е. подагра) <...> как-то услышит Царского величества шурин Борис Федорович про его скорбь, и он на него в том гневу не положит. И на аргамака не сел, поехал в возку своим; и конюх Шихман Косаткин велел аргамака вести перед ним, от возка его»². Эти события относятся к посольству 1597 г.

При царе Алексее Михайловиче это правило уже не было нормативным; посланникам разрешалось использование и собственных, и московских карет. Так, в 1660 г. встреча Елены Диасамидзе, матери грузинского царевича Николая Давыдовича проходила по следующему церемониалу: «каптану (колымагу) под царицу послати з государевы конюшни с стремянным конюхом. А сидети у царицы в каптане и за каптаном иди кому государь и государыня царица укажут. А столника князь Федорове жене Хилкова ехать в каптане позади царицыны каптаны. А приехать царице Елене на государев двор в Столовые ворота и приехать к Каменной лестнице, выйти ис каптаны и иди вверх ко государыне царице в комнату»³. Кроме карет, в церемониях задействовались возки и сани. Так, упоминается, что при Алексее Михайловиче великий и полномочный посол Польши в Кремль «шел в санях» и происходило это «по посольскому обычаю»⁴, который к этому времени сложился в следующих конных формах: встреча в поле, торжественный въезд в Москву, проводы внутри города⁵, въезд в Кремль, получение

¹ Юзефович Л. А. Путь посла... С. 86.

² Памятники дипломатических сношений с Римской Империей. Т. 2. С 1594 по 1621 г. СПб., 1852. Стб. 469.

³ Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 83.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Сохранилось описание участников проводов в Кремль польского посольства 29 января 1660 г.: «А сколько чьей службы и как они шли, и то писмо ниже сего имянно: князя Андрея Волконского: 2 лошади простых, людей 16 ч. Михаила Корсакова 2 лошади простых, людей 4 ч. Федора Хруцова з братом 2 лошади, людей 14 ч. Ивана Бирдюкина Зайцова 2 лошади, людей 9 ч. Кирила

посольских даров и ответное одаривание, и, наконец, ритуал дарования пиршественных кушаний с царского стола. Регламент их был строго определенным, с некоторыми оговорками для дипломатов разных рангов.

Первая встреча посольского поезда проходила за городом, в поле; для этого царем высылались конные отряды из дворян и боярских детей¹. Обыкновенно для этих целей выделялась одна или две сотни лошадей; число могло быть увеличено соответственно значению посольства за счет резервных трех тысяч голов «добрых береженных лошадей»² с царской конюшни, которые не имели определенного целевого назначения. Так, в 1575 г. посольство И. Кобенцеля и Д. фон Бухау к царю Ивану IV было встречено тремя тысячами всадников³. Однажды общее число участников конного встречного поезда достигло шестнадцати тысяч человек; об этом событии рассказывает немецкий путешественник и географ А. Олеарий⁴. По мнению современников, многотысячные парадные конные выезды «способствовали велелепию [московского] двора сообщением ему пышных обрядов византийского»⁵.

Пушина 1 лошадь, людей 2 ч. Михайла Татищева 2 лошади, людсй 8 ч. Якова Выпеславцова 1 лошадь, 4 ч. людсй. Князь Бориса Мещерского 1 лошадь, 6 ч. людсй. Кирила Хлопова: 5 лошадей простых, и в том числе одна в цепях гремячих, 1 в поводных, людей 25 ч. Андрея Безобразова: 2 лошади, людей 6 ч. Князь Семена Лвова: 2 лошади, людей 10 ч. Дьяка Василья Михайлова: 3 лошади простых и в том числе 1 в цепях поводных, 2 простые, людей 8 ч. Думного дьяка Алмаза Иванова: 4 лошади простые, людей 15 ч. Боярина князя Федора Ивановича Волконского: 2 лошади с гремячими чепми, 3 с поводными, 2 простые, станица литавщиков, станица трубачей, возок, 31 ч. людей. Боярина Петра Васильевича Шереметева: 3 лошади с гремячими чепми, 4 с поводными, 6 возников, литавщик, станица трубачей, возок с 6 возниками, 18 ч. людей. Боярина князя Никиты Ивановича Одоевского: 4 лошади с гремячими чепми, 4 с поводными, 2 простых, литавщик, 6 возников, значек, 2 станицы трубачей, 48 ч. людей, возок с 6 возниками». См.: Белокуров С. А. Диссвальные записки... С. 54–55.

¹ Мильтон Дж. Московия Джона Мильтона. М., 1875. С. 68–69.

² Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 92.

³ Кобенцель И. Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века // ЖМНП. 1842. № 35. С. 142.

⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 58; Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 287.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Т. VI. СПб., 2003. С. 687.

Особые ритуалы разрабатывались для встречи лиц, чей приезд в Московию имел особое внешнеполитическое значение. И без того пышная церемония въезда чужеземцев в город, в общих чертах неизменная, в этом случае, согласно важности момента, могла быть дополнительно усилена эффектными деталями.

Так, особо высокаторжественным был ритуал встречи царской невесты Марины Мнишек. «Впереди ехала тысяча бояр, вооруженных луками и стрелами: они провожали Марину от самой границы; за ними следовали 200 Польских гусар, служивших воеводе Сендомирскому, в полном наряде, с белыми и красными значками на пиках; далее знатнейшие дворяне, также сын, зять и брат воеводы, все в богатых одеждах, на красивых конях турецких, коих сбруя была украшена золотом, серебром и драгоценными камнями; воевода ехал, подле кареты своей дочери, на превосходном аргамаке, в багряно-парчовом кафтане, подбитом собольим мехом; шпоры и стремяна были из литого золота с бирюзовыми накладками; невеста сидела в карете, обитой зеленою парчою; кучер был в зеленом кафтане шелковом; ее везли 8 белых Турецких коней, выкрашенных от копыт до половины тела красною краскою: сбруя была на них красная, бархатная, с серебряными вызолоченными застежками; за невестою в 4 каретах ехали ее женщины в богатых нарядах; а по сторонам шли 300 гайдуков, очень красиво одетых в голубые суконные платья с длинными белыми перьями на венгерках или шапках», — было отмечено в дневнике царской невесты¹.

Кроме того, в знак уважения ей была прислана карета, «запряженная десятью конями с черными пятнами («в яблоках». — *Б. III.*), в богатой раззолоченной сбруе из красного бархата; каждого коня вел особенный конюх, колесница была вызолочена внутри и снаружи и обита червленою материей»². По другим данным, карета была запряжена дюжиной белоснежных лошадей, и еще столько же верховых лошадей вели перед каретой в качестве заводных. Верховые лошади были убраны дорогими попонами, седла были покрыты шкурами рысей и леопардов,

¹ Устрялов Н. Г. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 2. Записки Георга Паерле. СПб., 1832. С. 45–46.

² Там же.

а оголовья и стремяна позолочены¹. Карета была украшена по бокам серебром и царскими гербами; каретных лошадей вели слуги, держа поводья в руках. Именно в этой карете Мнишек и въехала в Москву в мае 1606 г. Торжественность момента подчеркивалась продолжением встречи в черте города, когда, как вспоминает очевидец этого события голландский посланник И. Масса, «все князья, бояре, дьяки, дворяне и дети боярские, купцы и все прочие нарядились в самые богатые одежды и оставили всякую работу и торговлю, ибо надлежит встретить царицу. И всем, у кого были лошади, было велено выехать верхом в два часа утра, что и было все исполнено»².

С течением времени пышность парадных посольских встреч все возрастала, достигнув максимума в правление царя Алексея Михайловича, когда конные церемониальные выезды, по словам английского посланника Ч. Карлейля, «добавляли света к свету дня»³. Так, с конца первой трети XVII в. перед въездом в Москву выстраивались конные отряды регулярных войск. Особенно эффектным и запоминающимся был выезд конников житецкой сотни, одетых в «одноцветные красные длинные одежды; они сидели все на белых лошадях; за плечами и над головами их были прикреплены красиво раскрашенные крылья; они держали длинные копья, к остриям коих были приделаны позолоченные изображения летящего дракона, которые вертелись по ветру»⁴. Об этом пишет английский поэт и политик Дж. Милтон в своей «*A Brief History of Moscovia*»⁵.

¹ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613 // Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Йеркман. «Новый летописец». М., 1998. С. 57; Мнишек М. Дневник Марины Мнишек (1607–1609 г.). М., 1908. С. 47.

² Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 128.

³ Цит. по: Кириллова Л. П. Экипажи XVI–XVIII вв. М., 2006. С. 16.

⁴ Милтон Дж. Московия Джона Милтона. М., 1875. С. 67.

⁵ Сведения подтверждаются очевидцем, чешским путешественником Б. Таннером, который сообщает, что «цвет длинных красных одеяний был на всех [из нового, пехотного дотоле отряда воинов] одинаков, сидели они верхом на белых конях, а к плечам у них были прилажены крылья, поднимавшиеся над головой и красиво расписанные; в руках — длинные пики, к концу коих было приделано золотое изображение крылатого дракона, вертевшееся по ветру. Отряд казался ангельским легионом». См.: Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. // ЧОИДР. 1891. № 3. С. 44.

В процессии также участвовали конные латники, отряды тяжелой конницы, легкоконный отряд дворцовых великокняжеских телохранителей и конные дружины, состоящие из высшего дворянства и придворных¹. Ближайшее окружение посланников составляли три сотни всадников-дворян, ведомые «встречником посольским» — знатным дворянином из приближенных царя². Все здесь имело одну смысловую нагрузку — демонстрацию могущественности Московского государства — и статность коней, и изящество вооружения, и разноцветие одежд участников церемонии³.

Первая встреча в глазах обеих сторон имела решающее значение. Представители иноземной культуры отмечали, что русские «очень остерегаются сходить с лошадей, пока не увидят, что и послы готовы сделать то же, тогда и слезают, если же случится, что послы, которые совсем не смотрят на эту чванливость, дотронутся ногами до земли прежде, чем слезут вожатые, эти подумают, что „наша-де взяла, добились мы больше почета“»⁴, для чего они «все наблюдают свой почет и становятся справа, а все названные по именам в верующей грамоте едут между ними и посреди них»⁵.

В этой системе особую роль играло спешивание с лошади, в результате чего действие довольно часто приобретало анекдотический оттенок. Как пишет В. О. Ключевский, «сошедшись, обе стороны прежде, чем начать объяснение, должны были сойти с лошадей или экипажей, о чем послу делалось внушение заранее; отговориться от этого нельзя было ни усталостью,

¹ Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию, ими предпринятом в 1667 году // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 321–333.

² Гюсей Дж. Записки о России. С. 82; Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 46.

³ «...свиту двух Послов, назначенных к Королю Польскому, составляли 1500 всадников, одетых большей частью в золотые и шелковые одежды; о дорогих уборах лошадей, блестящих золотом и серебром, расшитых весьма искусно шелком, и говорить нечего. У них было 100 превосходных запасных белых иноходцев». См.: Адамс К. Первое путешествие англичан в Россию в 1553 году // ЖМНП. 1838. № 10. С. 56.

⁴ Ерлезунда П. П. История о Великом Княжестве Московском // ЧОИДР. 1867. № 2. С. 353. Шведский историк и посланник П. Ерлезунда провел в России первые четыре года XVII столетия.

⁵ Там же. С. 353.

ни болезнью, потому что — объясняли встречавшие — ни говорить, ни слушать, что говорят от имени государя, нельзя иначе, как стоя. При этом, оберегая честь своего государя, московский большой человек тщательно наблюдал, чтобы не сойти с лошади первым, от чего часто происходили важные недоразумения и споры с иностранным послом»¹.

По окончании речей обе стороны садились в свои экипажи или на лошадей; здесь ловкость московских и иноземных дипломатов была направлена на то, чтобы проделать это первыми. Чтобы преуспеть в этом, москвиты не гнушались всевозможными уловками. Так, по словам Олеария, в 1634 г. при встрече турецкого посла ему нарочно подали разгоряченную лошадь, на которую невозможно было сесть².

Встречая иностранных гостей в поле, конные отряды провожали их до границ города, въезжая вместе в Москву и затем в Кремль. Многие очевидцы посольских встреч отмечают, что конный поезд встречников «горел, как жар, своим светлым убранством»³, «серебром и золотом»⁴; это неудивительно, учитывая, что «вся сбруя <...> была золотая; стремена и разные украшения, слитые из чистого золота, весили 10 000 червонцев»⁵. Убранство царских коней впечатляло современников не только искусным исполнением, но и стоимостью. Так, коня в парадном уборе и одежду князя И. М. Глинского англичанин Дж. Горсей

¹ *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о московском государстве. М., 1866. С. 39. Об одном таком случае сообщает Т. Смит: «эти люди полагают, что составляет большое умаление чести, если при встрече первым сойти с коня. Поэтому эти три боярина и начали было свою довольно нескладную речь, не слезая с своих коней <...> Тогда посол, во избежание обычной докучности их церемониальных речей, предупредил их дальнейшее разглагольствование, обратившись к ним с замечанием, что „не приличествует подданным двух столь могущественных монархов вести речь, сидя верхом, при таких исключительных обстоятельствах“. От этих слов они не только устыдились своего церемонного сиденья в седле... но так растерялись... что тотчас же спрыгнули с коней, словно боясь, что их сбросят с себя лошади. Вслед за ними сошел с своего коня и посол». См.: *Смит Т.* Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. С. 27–28.

² *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о московском государстве. С. 42.

³ *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 45–46.

⁴ *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 2. С. 46.

⁵ Там же. С. 38.

оценил в 100 тысяч марок стерлингов, а одно только церемониальное убранство лошади царя Федора Иоанновича, расшитое жемчугом и драгоценными камнями, — в три раза больше¹.

По пути следования посольский поезд шел через коридор, образованный отрядом из нескольких тысяч вооруженных стрельцов, стоявших по обе стороны дороги. Стрельцов для охраны всего маршрута иногда не доставало, и тогда «применялась известная хитрость: после того, как послы проезжали мимо, за спиной у них стрельцы боковыми улицами незаметно забегали вперед и снова строились в ряды. Неторопливо движущаяся процессия по нескольку раз проезжала вдоль одних и тех же людей»².

Место и время спешивания всадника с лошади по приезде во дворец определялось статусом и уровнем почета, который гость был готов оказать русскому царю. Как и в поле, «гонцы спешивались раньше, чем посланники и послы, а свита — раньше, чем члены посольства. Последним сходил с коня глава миссии. Одновременно с ним спешивался «болший» пристав, а остальные приставы — вместе со свитскими дворянами»³. Место, определенное для спешивания, обыкновенно несколько отстояло от входа в царские палаты: подъехать верхом к крыльцу в русской культуре считалось бесчестьем. При этом расстояние, которое гость проходил пешком по двору, было прямо пропорционально оказанному этим действием почету⁴.

¹ Груневег М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. М., 2013. С. 144–145.

² Юзефович Л. А. Путь посла... С. 89–90.

³ Там же. С. 143.

⁴ Упомянутый Р. Барберини обычай с конца XVI в. выглядел так: «имперские послы спешивались обычно у „среднего быка“ [Казенной палаты], посланники — „у второго окна“, гонцы — „у первого быка“. Польско-литовские дипломаты пользовались правом более близкого подъезда, чем представители других держав <...> но уже не „у среднего быка“, а „у последнего окна“; послам „великим“ разрешалось прямо с седла ступать на подъездной помост лестницы, которая вела на паперть Благовещенского собора». См.: Юзефович Л. А. Путь посла... С. 143. «А как [Грузинский] Царевич [Николай Давыдович] из кореты у Благовещенья на рундук вышел, а после у Казенные палаты против угла, и царевичеву дворня и лутчие люди, не доезжая рундука, против ворот». См.: Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 70. Лошадей, предназначенных в дар русскому царю, позволялось подвести к крыльцу сеней приемного зала. «Кони в уборах и красочные кареты „являлись“ царю не во дворце. Их обычно подводили к крыльцу сеней приемного зала, а затем передавали на конюшню, но во время приема непременно объявляли

Посольские проводы также были строго регламентированы: в русской средневековой придворной культуре церемония и ритуал являлись важнейшими средствами сакрализации царской власти, и красоте церемонии придавалось большое значение, в том числе и политическое. Уже сформированный в общих чертах церемониал царского конного выезда представляет собой зримую часть русской придворной культуры. Дорогие породистые кони и их драгоценное убранство как главные атрибуты этого церемониала служат выстраиванию иерархии власти и играют существенную роль в формировании образа могущественного властителя в глазах представителей иноземной культуры.

1.1.5. ЦАРСКИЙ «ЕЗДНОЙ КОНЬ»: КУЛЬТУРНАЯ И ИМУЩЕСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ

Обмен дарами, которыми сопровождалась визиты иноземных гонцов, купцов и посланников, был важным инструментом средневековой дипломатии. Традицию дарения «поминков», т. е. подарков, иностранным гостям поддерживали не все страны, но в Московии этот обычай считался если не обязательным, то крайне желательным.

Принимать государевы дары отказывались лишь в исключительных случаях; поводом могли быть недовольство поведением второй стороны или «легкие» поминки (т. е. их малая стоимость). Так, в 1570 г. польский посол М. Талваш заявил, что отдарки Ивана IV, данные взамен подаренной лошади, малоценны: «Миколай запросил цену, что тот мерин не судит», — утверждали русские дипломаты¹. Царь, разгневанный упреком в скупости, недостойной главы государства, приказал зарубить лошадь в присутствии посла.

Со временем принцип, по которому формировались отдарки, изменялся. Если в XVII в. соответствие стоимости посольских

название дара и имя дарителя». См.: Загородняя И. А. Дипломатические дары из Литвы и Речи Посполитой. Типология и новые атрибуции // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 18. Декоративно-прикладное искусство Западной Европы. М., 2006. С. 162.

¹ Юзефович Л. А. Путь посла... С. 123.

подношений и ответных даров строго выверялось¹, то для XVI в. общим правилом был принцип, согласно которому царские от дарки были щедрее посольских даров в три раза и более (известны случаи соотношения ценности даров и отдарков 1:30)².

Лошади, драгоценная конская сбруя и кареты были в числе самых ценных даров³. Так, в числе подарков, поднесенных Б. Годунову в 1600 г. главой посольства Великого княжества Литовского Л. Сапегой, были шесть гнедых и шесть итальянских половых (изжелта-белых) лошадей. Итальянские кони были убраны пунцовой бархатной сбруей, оправленной в серебро; они были запряжены в носилки, «сверху покрытые красным бархатом, а в середине обложенные парчою на меху в серебряной оправе»⁴. Гнедые лошади были турецкие, дунайские, испанские, цекельские и русские; все в красных бархатных уборах, отличавшихся богатством золотосеребряной и жемчужной отделки. Часть убранства была изготовлена по-гусарски, часть — по-казацки.

Его сыну, князю Федору Борисовичу, Л. Сапега назначил в дар восемь лошадей, среди которых были пять аргамаков гнедой, сивой и каштановой масти. Часть лошадей была подарена вместе с оружием и со сбруей: «с гусарским седлом, на нем узоры серебряные; и у седла — меч с серебряным эфесом» и «с бархатным красного цвета седлом, оправленным в серебро; стремяна

¹ Царю Алексею Михайловичу 10 апреля 1657 г. князем Ю. Трубецким, М. Тихоновецким и С. Мосальским были подарены «иноходец сер, седло на нем турецкое, нарезано бархатом червчатым с чалдаром, шито золотом волооченым; узда и пахви и паперсть наборчатые серебряные золочены... кон ездной, седло на нем гусарское с камнем, узда с паперстми, оправа серебряная золочения с камнем, концырь золочен с камнем, чепрак шит золотом, кита, перье то же... жеребец гнед турецких лошадей, на нем седло бархатное, шито золотом, узда и похви и паперсть серебряные золочены». Царь отдался золотыми кубками, атласами, соболями и значительными суммами денег. См.: Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 10–11.

² Юзефович Л. А. Путь посла... С. 124.

³ История также знает случай изготовления подносного конского квазидоспеха; идея и ее реализация были восприняты русским царем благосклонно. См.: Козут Е. В. Конская «железная голова» из собрания Музеев Московского Кремля // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 28. Оружейное собрание Музеев Московского Кремля. Памятники, история, проблемы изучения. М., 2018. С. 237–241.

⁴ Цельгержимовский-Пелеш И. Описание посольства Льва Сапегы в Москву в 1600 г. // ЖМНП. 1850. № 68. С. 106.

серебряные позолоченные; узда серебряная позолоченная, и такая же при ней цепь или повод»¹.

Богатыми дарами были пожалованы иностранные придворные доктора Годунова. По словам К. Буссова, «каждому было положено годовое жалованье 200 рублей и ежемесячные корма... Царь пожаловал каждому доктору пять хороших коней из своей конюшни, кроме того, каждый получил еще одного хорошего коня, чтобы летом каждое утро ездить верхом во дворец и в аптеку, одного коня особо для упряжки в сани зимой, затем двух лошадей для кареты жены, чтобы ездить ей на богослужение, затем одну рабочую лошадь — возить воду»². Весьма щедро был одарен английский доктор Р. Стендиш (Стандиш): прибывший в Москву в 1557 г. для лечения семьи Ивана IV: он получил 10 рублей, коня и шубу на соболях, покрытую узорным бархатом»³. Ценность награды была соразмерна значимости награждаемых для московского двора⁴.

Согласно традиции, дарами могли выступать не только лошади, в том числе и одетые в драгоценный убор, но и богатое конское убранство само по себе⁵. Так, дарами шаха Сефи царю Алексею Михайловичу при посольстве 1640–1643 гг. стала золотая оголовь, изготовленная в придворных мастерских Исфахана. Роскошное убранство было передано русскому царю в 1644 г. шахом Аббасом II. В 1656 г. дарами шведского посольства короля Карла X под предводительством Г. Бьелке стал парадный чепрак, расшитый золотом и унизанный жемчугом. Необычайно богатыми дарами, среди которых были лошади в ценном уборе и кареты, запомнилось москвитам голландское посольство Кунрада фан Кленка 1676 г.⁶

Встречались случаи, когда кони дарились не только со всем убранством, но и с обслугой. Известно, что в 1603 г. князь

¹ Пельгержимовский-Пелеш И. Описание посольства Льва Сапегы... С. 105–109.

² Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. С. 20.

³ Гамель И.Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865. С. 67.

⁴ Шапиро Б.Л. Русские золотные шубы XVI–XVII вв.: бытование и распространение // Палеосория. 2019. № 1 (11). С. 135–146.

⁵ В 1634 г. дарами греческих и турецких купцов и духовных лиц были «два наголовья, с очень искусно приготовленную переднюю и заднюю отделкой. Две попоны, шитые золотом и жемчугом. Наголовья для лошади, украшенные драгоценными камнями». См.: Олгарий А. Описание путешествия... С. 28–29.

⁶ «Во утверждение дружбы...» С. 17–18, 35–36.

Адам Вишневецкий подарил Лжедмитрию «запряженную карету, шесть верховых лошадей, со всем убором, седлами, палашами, пистолетами, со всеми находившимися при них людьми, и просил его величество принять сию безделку»¹.

Передача коней как даров специфических проходила особым образом. По обыкновению, о тех дарах, что было сложно поместить во внутренние дворцовые покои, только объявляли, называя содержание дара и имя дарителя, в то время как сами дары передавались на дворе. Из этого правила бывали и исключения. Об одном таком случае рассказывает глава Великого голландского посольства в 1675–1676 гг. Б. Койэтт: однажды главе посольства Конраду ван Кленку привели подаренную ему лошадь в столовую «через 18 крутых ступенек и опять по ним же назад»².

Церемония передачи дареных лошадей русскому царю начиналась на посольском дворе, где стрельцы принимали дары в очередности, указанной в списке. Далее процессия выстраивалась по порядку и шествовала в Кремль; здесь же ехали посольские кареты и верховые дворяне и офицеры от каждой из сторон, сопровождающие процедуру передачи. Коней в качестве подношения вели в начале шествия, перед посольской каретой или санями³; конское убранство могло украшаться символическими знаками, указывающими на их особое происхождение. Так, дарами Великого голландского посольства 1675–1676 гг. были 8 лошадей в пополах, на которых выткали гербы принца Оранского. «Таким образом подвигалось шествие, при постоянных звуках труб и литавр <...> Стрельцы... все время играли на своих флейтах и свирелях и били в барабаны. Весь путь был так битком набит народом, что даже на крышах домов и на галереях башен все было заполнено. Действительно, ведь и было на что посмотреть», — вспоминает Б. Койэтт⁴. По прибытии в Кремль лошади, в зависимости от породности, поступали в одну из царских конюшен.

¹ Устрялов Н. Г. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 1. Беглова летопись московская. СПб., 1831. С. 34.

² Койэтт Б. Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 459.

³ «Во утверждение дружбы...» С. 11.

⁴ Койэтт Б. Посольство Кунраада фан Кленка... С. 399–402.

Царские от дарки можно оценить на примере предназначавшихся для датского принца герцога Иоганна (жениха царевны Ксении, единственной дочери Б. Годунова), который посетил Москву в 1602 г.; их великолепие, согласно обычаю, соответствовало статусу церемонии.

Для встречи герцога в Нарве была отправлена великокняжеская свита, состоявшая из 2000 конников и 500 человек пехоты. Для путешествия герцогу была предоставлена коляска, которую постоянно сопровождали 500 конников. У Старицы герцога ожидали еще 4000 вооруженных конников в парадной одежде. Здесь его ждали богатые подарки, в том числе «от великого князя и царя всея Руси три прекрасные лошади. Между ними одна белая с черными, очень частыми пятнами, точно рысь. На каждой лошади серебряная сбруя, на русскую стать седло, обитое бархатом, серебром и золотом, и все это прекрасной работы»¹.

Поблизости от Москвы герцога встречали 1500 конников из числа московской придворной знати; как и прочие, они были одеты в самые лучшие кафтаны из золотой и серебряной парчи. Вызолоченное убранство их лошадей не уступало этим одеждам по своему богатству. Общее количество конных встречников, по подсчету посланников, достигало десяти тысяч².

Торжественное действо сопровождалось музыкой: били барабаны и литавры, которые при непосредственном въезде в город сменились на звон кремлевских колоколов. Здесь герцогу был подарен «от имени царя прекрасный, серый в яблоках конь, в серебряном, вызолоченном седле и в чепраке из золотой парчи; нашейник у коня был серебряный, позолоченный, также и уздечка, по русскому обычаю, двойная»³. Богато убранными

¹ [Вебер И., Лунд М. И.] Подлинное известие о русском и московском путешествии и въезде светлейшего высокородного князя и государя, господина герцога Иогансена младшего из королевского датского рода и проч. / Два сватовства иноземных принцев к русским великим князьям в XVII столетии // ЧОИДР. 1867. № 4. С. 4–8; *Юльденстиерне А.* Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштейнского в Россию 1602 г. // ЧОИДР. 1911. № 3. С. 13.

² Результат подсчета встречников не совпал со сведениями принимающей стороны, согласно которым она предоставила 30 000 всадников. См.: *Юльденстиерне А.* Путешествие его княжеской светлости... С. 16.

³ [Вебер И., Лунд М. И.] Подлинное известие о русском и московском путешествии... С. 9. На первый взгляд эти дары были превосходны, но иноземные

конями были одарены и другие участники посольства, по их словам, и «большие и малые»¹; на них они и въехали в Москву².

На другой день после приезда герцогу был прислан царский стол из 99 (по другим сведениям — из сотни) кушаний на блюдах из чистого золота и восемь разного рода напитков в ендовах³. Церемония торжественной передачи послам кушаний с царского стола также происходила торжественным порядком, причем А. Олеарий в 1634 г. отмечал, что в раннее время иноземные послы обедали у царя, теперь же еда присылается гостям на подворье⁴. Соответственно сказанному, церемония торжественной передачи послам кушаний с царского стола встречалась в XVII в. чаще, чем прежде.

Царский стол, если он посылался единой подачей, включал в себя колоссальное количество еды и питья, столовых приборов и принадлежностей. «Когда великий князь праздновал день своего рождения, — вспоминает Георг Тектандер, посланник Священной Римской империи, — нам, как и раньше, прислали из дворца 200 человек, которые несли каждый по блюду с разными рыбами, ибо это был постный день у московитов. Впереди же всего несли голые хлеба — каждый хлеб по два человека. Сперва поднесли один господину Послу, а потом и остальным, по старшинству чина, с теми же словами... что Великий Князь, дескать, нас ими жалует»⁵. Иностранцы, побывавшие при русском дворе, отмечали, что получать кушанья, отведенные царем, считалось высшей честью, на которую только могли рассчитывать посланники⁶. Центром внимания

гости отмечали и поддельные камни, и позолоченное серебро, призванные заманить драгоценные материалы. См.: Гольденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости... С. 13–15. Здесь нужно упомянуть, что в посольских дарах ценилась прежде всего стоимость материалов, и только во вторую очередь техническое и художественное совершенство исполнения. Этот момент крайне важен для оценки качества даров герцогу Иоганну.

¹ [Вебер И., Лунд М. И.] Подлинное известие о русском и московском путешествии... С. 9.

² Гольденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости... С. 16.

³ [Вебер И., Лунд М. И.] Подлинное известие о русском и московском путешествии... С. 13; Гольденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости... С. 17.

⁴ Юзефович Л. А. Путь посла... С. 224.

⁵ Тектандер Г. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. М., 1896. С. 45.

⁶ Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 293.

и в этой церемонии был всадник в богатом уборе — распорядитель, призванный объявить послам царскую милость¹.

* * *

Таким образом, диада «конь — всадник» в русской позднесредневековой культуре, когда славянские верования еще сохранялись, а животные наделялись мифо-ритуальными функциями, находится прежде всего в пространстве взаимосвязанных мифологической и царской парадигм. Универсальный героизированный образ всадника, помещенный в пространство царской власти, трансформируется в образ царя-всадника, сохраняя все базовые характеристики, изначально присущие образу. Будучи помещенным в пространство московского обычая, конь наделяется особой ролью бинарного характера. Эта дихотомичность рассматривалась современниками как важный аспект русской культуры.

¹ «Если Император не расположен пировать с послом, после приема, по обычаю страны <...> посылает ему обед домой следующим порядком: прежде всего, направляет... знатного дворянина, одетого в золотую парчу, с воротником и в шапку, расшитыми жемчугом, который перед обедом отправляется перхом, чтобы передать послу приветствие и объявить милость Императора, а также чтобы составить ему компанию за обедом. Его лошадь окружают пятнадцать или двадцать слуг, затем идут два человека, несущие каждый по скатерти, свернутой в свиток, затем следуют двое других, несущие солонки, и еще двое с двумя уксусницами, полными уксуса, затем еще двое, один из которых несет два ножа, а другой две ложки, весьма дорогие, далее следует хлеб, который несут шесть человек, идущих парами; далее следует водка и после — дюжина человек, несущих каждый по серебряному сосуду <...> с винами разных сортов <...> После этого несут столько же больших кубков немецкой работы; дальше следуют кушанья <...> в больших серебряных блюдах, по если Император благоволил послу, то вся посуда, которой накрывают на стол — золотая. Затем появляются 18 или 20 больших жбанов, наполненных медоном (медовым напитком) различных сортов, каждый из них несут два человека, далее следует дюжина людей, несущих каждый по пять-шесть больших чаш для питья, и после всего следуют две или три тележки с медоном и брагой для простолоудинов, все несут отраженные для этого стрельцы, которые одеты самым подобающим образом. Я видел до трех и четырех сотен их, несущих... кушанья и напитки для одного обеда, и видел, как в один день посылали три обеда разным послам, но одному больше, другому — меньше; однако тем же вышеописанным порядком». См.: *Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях* (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 158. Ж. Маржерет находился на русской службе в начале 1600-х гг.

ГЛАВА 2. ВЕЩНЫЙ МИР МОСКОВСКОГО ВСАДНИКА: САКРАЛЬНОЕ/СВЕТСКОЕ

1.2.1. «ДВУГЛАВЫЙ ПОД КОРОНОЮ ОРЕЛ»: КОНСКОЕ УБРАНСТВО В СИСТЕМЕ АТРИБУТОВ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Убранство коня — одного из наиболее мифологизированных животных в русской культуре, активно формирующих сакральное пространство, — исторически имело глубоко символическую основу. Особое место в этой системе принадлежит коню царскому, парадное убранство которого составляло фон для восприятия образа государя¹.

Главными по смыслу были покровцы для покрывания седел заводных лошадей, идущих перед царской каретой². Покровцы лошадей, находившихся под царственными всадниками, несли перед ними или за ними³. Одним из самых ценных покровцов в царской Конюшенной казне считался «покровец с царствы» начала второй четверти XVII в.⁴, вышитый по лазоревому атласу «пряденым золотом, серебром и разноцветными шелками; в середине на красном фоне вышит герб Московского государства — двуглавый орел с Георгием Победоносцем на коне в центре;

¹ Шаниро Б. Л. Гербовое убранство царской лошади: Россия позднего средневековья и Новое время // История: факты и символы. 2017. № 1. С. 14–26.

² «Корунные» кареты и телеги занимали не последнее место в формировании эффектного царского выезда. См.: Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. М., 1847. С. 8.

³ Денисова М. М. Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 269.

⁴ Шаниро Б. Л. Церемониальный текстиль XVII века: низанные жемчужные работы мастерских Московского Кремля // Вестник КемГУ. История. 2018. № 1 (73). С. 74–78.

конь вынизан мелким жемчугом. В кайме покрывца — десять крутов из белого атласа с вышитыми золотом, серебром, разноцветными шелками и жемчугом гербами областей Московского государства: Казанской, Сибирской, Новгородской, Тверской, Рязанской, Болгарской, Пермской, Вятской и Нижегородской; крути обведены рельефно вышитыми золотом и серебром обводками с жемчужным низаньем; жемчуг обильно украшает все шитье покрывца. По краю — серебряная бахрома, подкладка — желтой камки»¹. В описи Бутурлина (описи Конюшенной казны, составленной стольником Ф. Бутурлиным в 1706–1707 гг.) этот покровец указан первым среди всех царских покрывцов.

Как покровец был декоративным дополнением седла, так и расшитый рельефными золотными узорами конский плат был частью убранства русского арчака. При седловке седла и платы подбирались по принципу внешнего сходства, в том числе сходства орнаментации. Платы расшивались по бархату, по сукну, атласу² и по алтабасу: так, в царской казне имелся «плат алтабас серебрян; по нем травы шиты золотом волоченым, в травках вшит бархат червчат, да зелен; круживо плетеное с городы, золото с серебром»³. В подобной трудоемкой, но эффектной технике украшались и другие парадные конские вещи, такие как седла, попоны и чепраки.

Золотосеребряное шитье дополнялось металлическим кружевом и жемчужными работами (низаньем и саженьем): эти техники были важнейшими для декорирования светских и культово-ритуальных предметов. На протяжении столетий именно жемчуг выступал основным украшением предметов царского наряда и обихода. Золотосеребряное кружево с включением жемчуга украшало церемониальные вещи (например, завесы

¹ Денисова М. М. Конюшенная казна. С. 268. Ближе по внешнему виду и по смыслу к покрывцам Конюшенной казны примыкали покрывцы саадачные: они выносились среди прочих государственных и воинских регалий вместе с саадаком.

² Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Т. 1: Народная гражданская одежда, с 862 по 1700 год. СПб., 1899. С. 23; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. Ловчий снаряд. М., 1884. С. 144.

³ Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г. Вып. 2. М., 1883. С. 499.

«тронам царей Петра и Ивана¹), религиозные облачения, свадебные платы (ширинки) и парадное конское убранство (конские попоны, чалдары² и чепраки). Текстиль, украшенный жемчугом, традиционно служил наиболее эффектным дополнением золота; в русской культуре он ассоциировался с вещественным выражением высокого статуса.

До настоящего времени сохранилось не так много образцов русской жемчужной работы. Лучшие экземпляры в большинстве своем выполнены в Царицыной мастерской палате и других мастерских Московского Кремля (для сложных работ в технике низания привлекались мастера Серебряной палаты). В основном это вещи, издавна хранившиеся в составе царской казны и патриаршей ризницы³. Большинство из них датируется второй половиной XVII в.: этот период стал временем расцвета русских работ с жемчугом; от прочих их отличает композиционное совершенство, сложность техники и разнообразие применяемых материалов.

Одним из таких шедевров является жемчужный чепрак, изготовленный в Царицыной мастерской палате во второй половине XVII в. Это подседельный покров из червчатого бархата, закрывающий спину, бока, бедра и частично голени царской лошади⁴. Он «бархатный, червчатый, низанный жемчугом, угловатым

¹ Левинсон-Нечаева М. Н. Золото-серебряное кружево XVII в. // Сборник статей по истории материальной культуры XVI–XIX вв. Труды ГИМ. Выпуск XIII. М., 1941. С. 182.

² Чалдар — попона с нашитыми металлическими бляхами. Его военное происхождение выдают металлические бляхи или пластинки, нашитые по полю; со временем пластинки заменяются на касты с драгоценными камнями или полностью исчезают (но остается сложная разъемная конструкция панцирного покрова). Поверх чалдара укладывали попоны или чепрак, затем седло. См.: Шапиро Б. Л. Текстильное конское убранство в системе атрибутов царской власти // Вестник КемГУ. История. 2017. № 1 (69). С. 75; Gifts to the Tsars. 1500–1700. Treasures from the Kremlin. Exhibition Catalogue. New York, 2002. P. 194.

³ Сегодня находятся в Оружейной палате Музеев Московского Кремля.

⁴ В основе декоративного решения чепрака лежит низанье жемчугом — круглым «окатым» высокого качества, и более простым неправильной формы, так называемым «угловатым». Из жемчуга на материю выложен цветочный узор с обводкой из волоченого золота веревочкой, из жемчуга же сделана и сквозная сетка в виде «ряски» из жемчужных нитей, окружающая чепрак с трех сторон. Нити сетки имеют длину около 7 см; они заканчиваются закрепками в виде пуговок из серебряной позолоченной проволоки. Сетка расположена на зеленом канвовом подкладе. По манере исполнения эта сетка схожа с жемчужной сеткой подшейного науза и с так называемыми «гривами»: с «гривой конской», то есть с «плетеной из пряденого золота или серебра сеткой, которую

и круглым, в виде развода из цветов, с коймою и с обводкою вокруг узора из волоченого золота, в виде веревочки; у цветов в средине, равно и по некоторым лепесткам вставки золотые, чеканные с припаянными гнездами, в которых посажены изумруды и красные яхонтики; с трех сторон чепрака, вместо бахромы, пришиты к золотой тесемочке так называемые ряски или ниточки жемчужные длиною примерно около полутора вершка с закрепками в виде русских пуговиц из серебряной позолоченной проволоки. Подкладка под чепраком зеленая канвовая. На чепраке вставок в виде цветков сорок две. На середине репей, в котором посажен красный яхонт, граненый россыпью и кругом его на шести листьях посажены через один три лалика и три изумрудца. Во всем же чепраке: яхонтов — 75, изумрудов — 65, жемчуга — 130 золотников»¹. Декоративным оформлением служит сетка из золотого шнура с включением жемчуга. По манере исполнения она схожа с декором, который в XVII столетии носил название „гривы“: с „гривой конской“, т. е. с „плетеной из пряженого золота или серебра сеткой, которою покрывали гриву лошади для украшения“², и с „гривой одеяльной“³.

покрывали гриву лошади для украшения», и с «гривой одеяльной». См.: Козут Е. В. Науз с владельческой надписью из собрания Музеев Московского Кремля // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 28. Оружейное собрание Музеев Московского Кремля. Памятники, история, проблемы изучения. М., 2018. С. 128–135; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 174; Шапиро Б. Л. Жемчужный чепрак второй половины XVII в. из мастерских Московского Кремля // «История кружева — история страны»: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Москва, 3 ноября 2016 г. М., 2016. С. 21–27.

¹ Якунина Л. И. Русское шитье жемчугом. М., 1955. С. 81, 139. В схожих материалах и техниках выполнен аркач на парадного коня царя Федора Алкссевича «луки которого украшены эмалью ослепительно зеленого оттенка с узором виноградных лоз. Крупные сапфиры, изумруды, алмазы создают общую цветовую гамму, приятную для глаз. Подушка вышита цветами, скомпонованными из жемчуга и изумрудов. Орнамент в виде городков, выннанный жемчугом по краю подушки, свидетельствует о том, что аркач сделан в Москве». См.: Оружейная палата. М.: Московский рабочий, 1964. С. 302.

² Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896. С. 28. Украшением царского выезда были «12 белых лошадей, „обязанных шелковыми сетками“, [которые] везли колымагу царицы, окруженную 200 стрельцами». См.: Черная Л. А. Придворная культура Алексея Михайловича: от Артаксеркса до Орфея // Исторический вестник. Романовы: династия и эпоха. 2013. Т. 3. № 150. С. 31.

³ Такая грива упоминается в «Приходной и расходной книге товарам и кроильным платью» за 1627 г.: «от царицы из хором принесена одеяльная грива —

Частью удивительного по красоте конского убранства были «персидские ковры, для лошадей, удивительно вытканые серебром и золотом»¹; каждый из которых несли два человека, а также тигровые и леопардовые покровы, серебряные удила, поводья из золотного шелка и красный штофный чепрак, украшенный финифтью и кованым золотом. Драгоценный ковер исполнял роль попоны для коня митрополита и в «шествии на осляти»², символизировавшем Вход Господень в Иерусалим. Шествие было «особой церемонией: митрополит садится на коня, покрытого ковром, которого за повод ведет князь, и если не он, то его сын или самый знатный боярин, — вспоминал итальянец-иезуит П. Кампани. — В... сопровождении толпы народа они торжественно продвигаются к церкви, где совершается богослужение»³.

«Наметные барсы» — парадные конские попоны из шкур экзотических зверей, сделанные на красном текстиле, задействовались в самом роскошном убранстве, где они выступали заменой привычным текстильным покровам⁴. Выглядели они эффектно:

по атласу по червчатому низаны травы жемчугом; меж трав в гнездах 22 яхонты лазоревых, да 25 изумрудов, да 17 лалов; подкладка киндяк лазорев». См.: Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. Вып. 1. М., 1877. С. 339.

¹ Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. // ЖМНП. 1837. № 16. С. 365.

² Подобным образом оформлялось «шествие на осляти» при интронизации патриарха или митрополита, но здесь осла вел придворный — конюший, боярин или окольничий, который не представлял царя, а только выполнял почетную функцию. См.: Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 458. Ритуал также исполнялся в Кремле: «А после обедни Патриарх Иосиф вышел из Церкви Положения честных Ризы пречистой Богородицы, и сойде по лестнице, и сяде на осла у лестницы с приступки, и поехал с Патриарша двора в Ризоположенские ворота, а вел под Патриархом осла за конец повода боярин Василей Петрович Шереметев, а по среди повода вел окольничей князь Андрей Федорович Литвинов Масальской, а у губы осла, с правую сторону, вел его Патриарш боярин Василей Янов, а с другую сторону за узду вел осла стремянной конюх; те же, которые вели и в неделю». См.: Чин Патриаршия круг города на осляти шествия, бываемого в день постановления Российских патриархов, и следующие в том обряды, 1642 года // Древняя российская вивлиофика. 1788. № 2. С. 252–253.

³ Кампани П. Записки. Сведения о России конца XVI в. // Вестник МГУ. 1969. № 6. С. 84. Кампани был в посольстве вместе с ватиканским дипломатом А. Поссевино, прибывшим в Москву в феврале 1582 г.

⁴ Шапиро Б. Л. Сакральное в царском конном выезде: нарративные источники позднего русского средневековья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 2 (56). С. 103–121.

«послам [шлезвиг-голштинского герцога Фридриха III] для въезда были подведены две большие белые лошади, покрытые вышитыми немецкими седлами и украшенные разными уборами... За лошадьми шли русские слуги и несли попоны, сделанные из барсовых шкур, парчи и красного сукна»¹. Отмечает дюжину лошадей «в богатых чепраках и седлах, под дорогами покрывалами из мехов рысых и барсовых» и свидетель торжественного въезда в Москву конного поезда Марины Мнишек².

Также на седла накидывались шкуры рысей и леопардов, не сшитые в попоны³. «Для нашего въезда царь прислал нам 200 экипажей, запряженных каждый в одну лошадь, очень рослую, — писал персидский дипломат Орудж-бек, — кучера, экипажи и лошади были покрыты львиными и тигровыми шкурами, отчасти для большей пышности, отчасти для защиты от холода»⁴. В описях царской казны такие покровы упоминаются как «барсы, бабры и ирбасы»⁵. Стоит добавить, что в «Расходных книгах товарам и вещам для царского обихода» также фигурирует «покровец попугайной желт», небольшой коврик, сшитый из шкурок полутысячи попугаев⁶.

В церемониях с участием царских лошадей вышеописанные вещи были представлены с большей или меньшей полнотой, разной для верховой и упряжной лошади. Особой роскошью отличалось убранство «выводных» лошадей, сотенные ряды которых вели слуги, предвывая появление царской лошади или царской кареты. Так, в 1600 г. торжественно доставляли в Троице-Сергиев монастырь полиелейный колокол и драгоценную ризу на икону. «Сначала, в течение всего утра, выходили из города различные конные отряды и размещались для встречи царя при его выезде из городских ворот. Около полудня царь

¹ Олеарий А. Описание путешествия... С. 45.

² Устрялов Н. Г. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 1. С. 71.

³ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. С. 57; Майерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга. М., 1874. С. 143.

⁴ Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 179.

⁵ Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года. М., 2014. С. 102.

⁶ Викторев А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 106; Писарская Л. В. Оружейная палата Кремля. М., 1975. С. 212.

отправил вперед свою гвардию, которая была вся конная, числом в 500 человек... За гвардией двадцать человек вели двадцать прекрасных коней с двадцатью очень богатыми и искусно отделанными седлами, и еще десять для царского сына и наследника... За ними вели, таким же образом, двадцать прекрасных белых лошадей для царицыных карет; на этих лошадях были только красивые попоны, а на голове узда из красного бархата», — вспоминал англичанин В. Парри¹.

Следом за каретными лошадьми шествовали монахи и горожане, а «позади них вели царского коня <...> а также коня царевича; седло и прочая сбруя царского коня были в изобилии осыпаны драгоценными, прекраснейшими камнями»². Далее следовали церковные иерархи, царь, ведущий за руку сына, и царица в сопровождении придворных дам. Позади ехали три роскошные огромные кареты, запряженные, соответственно, десятью, восемью и шестью прекрасными лошадьми. За ними шли придворные, и уже затем везли ризу и колокол, сопровождение которых составляло в общей сложности 4 000 человек. Убранство коней, роскошь карет и парадных одежд участников процессии поражали воображение очевидцев.

Наиболее многочисленной группой среди всего парадного убранства царской лошади являются гербовые седла XVII в., включая «седло детское, луки и извести окованы золоченым, расчеканенным травами серебром; на передней луке вычеканены лев и единорог, на задней — двуглавый под короною орел»³. Эти предметы изготавливались для церемониальных нужд

¹ Парри В. Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. // ЧОИДР. 1899. № 4. С. 8. В. Парри был в числе англичан, находившихся в составе персидского посольства от Шаха Аббаса I в Европу.

² Там же.

³ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 50. Подростки участвовали в конных церемониях наряду со взрослыми мужчинами; эта традиция соблюдалась вплоть до последних лет Российской империи. Вот как описывали современники парадный выезд по случаю коронации Александра III и его супруги Марии Федоровны: «Государыня императрица вместе с великой княгиней Ксенией Александровной села в карету. Государю императору подали верхового коня белой масти. Государь Наследник Цесаревич (на тот момент пятнадцатилетний. — Б. Ш.) сел тоже на лошадь, а Великий Князь Георгий Александрович (двенадцатилетний. — Б. Ш.) поместился на маленьком пони». См.: Коронационный альбом в память священного коронавания их императорских величеств в Москве 15 мая 1883 года. СПб., 1883. С. 3.

двора — не только царской семьи, но ее телохранителей, военачальников и «сотенных людей» Государева полка¹. Гербовым декором седел и арчаков были следующие сюжеты: «на задней луке двуглавый орел»; «на задней луке двуглавый под короною орел»; «на задней луке двуглавый орел, лев и единорог»; «на задней луке двуглавый под короною орел, между львом и единорогом»; «на передней луке в травах лев и гриф, на задней двуглавый, под тремя коронами, орел»; «луки и извести с... меж трав львом, единорогом и соколами»; «на задней луке и известях всадник, поражающий дракона, соколы в травах, единорог и лев»; «на задней луке двуглавый под тремя коронами орел, на передней единорог и Самсон, раздирающий пасть льва»; и особенный по богатству содержания «меж трав на передней и задней луках двуглавые орлы; на передней орел под короною со скипетром и державою; по сторонам орла: единорог, лев и крылатые грифы; ближе к известям, вооруженные саблями и копьями, всадники и пешие стрелки»².

Изображение герба на опрае обоих лук седла наиболее характерно для второй половины XVII в.³ Самое раннее седло, украшенное текстилем с гербовым сюжетом, выполнено в Царицыной мастерской палате в годы правления Ивана IV; покрытое вишневым бархатом с вышитыми приденным золотом и серебром двуглавыми орлами, травами и «инорогами», возможно, оно принадлежало лично царю⁴.

Другие элементы седельного сбора украшались аналогично. Царские стремена имели гравировку в виде двуглавого орла, которая располагалась в центре круглого подножия⁵. Сохранились легкие дугообразные стремена из золоченого серебра, выполненные в мастерских московского Кремля для царя Алексея

¹ Государева Оружейная палата. Сто предметов из собрания Российских императоров. СПб., 2002. С. 210–211, 242–243.

² Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 5–6, 8, 41–47.

³ Кириллова Л. И. Старинные экипажи. Сокровища Оружейной палаты. М., 2000. С. 194.

⁴ Там же. С. 191; Ненарокова И. С. Государственные музеи Московского Кремля. М., 1987. С. 71; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 30–31.

⁵ Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 206–207; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 16.

Михайловича: они имеют резное изображение двуглавого орла в картуше¹, расположенное традиционно, в центре круглого подножия.

В седельный сбор входили пистолетные ольстры², оформление которых в парадном убранстве было очень эффектным: «бархатные, шитые травами, золотой канителью, и блестками, с двумя жемчужными двуглавыми орлами на отворотах, украшенными местами изумрудами и красными яхонтами... У орлов: головы, шеи, туловища, и часть крыльев из мелкого жемчуга; вместо глаз две яхонтовые искры, а на средине туловищ, где обыкновенно бывает Московский герб, по одному треугольному изумруду, в золотых гнездах. В коронах над орлами двадцать четыре яхонта. Три короны, крышки над патронами, обнизь вокруг бархата, подле герба, равно каймы по краю отворотов и средине в шестидесяти четырех травах вышитых на самых ольстрах, низаны по местам одинаковым с орлами жемчугом, местами с обводкой золотым трунцалом и канителью»³.

¹ Кириллова Л. П. Старинные экипажи. Сокровища Оружейной палаты. С. 194–195. Большинство предметов, украшенных гербовыми сюжетами, было сделано руками русских мастеров, но были и исключения. Так, саадак Большого наряда Алексея Михайловича и посольский топор, украшенный двуглавым гербом под тремя коронами, были изготовлены в Турции. Целый комплекс гербовых регалий 1656 г. — бармы, скипетр, державу и саадак Второго наряда — был изготовлен стамбульскими мастерами. См.: Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 242; Государева Оружейная палата... С. 210–211, 218–219. Были декорированы русским государственным гербом в виде двуглавого орла под двумя коронами изготовленные в Амстердаме подарки правительства Голландских штатов — блюдо и кувшин, — поднесенные царю Алексею Михайловичу в 1648 г. См.: «Во утверждение дружбы...» С. 72–73. Украшен изображением двуглавого орла под короной парадный чалдар малинового бархата, изготовленный придворными иранскими мастерами в конце XVI — начале XVII в. См.: Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 192.

² «Когда царь выезжал верхом, конные стрелки следовали за ним верхом, — сообщил И. Масса, — у каждого из них была лошадь, а алебардчики сопровождали царя пешком до ворот, у которых и ожидали его возвращения. Конные стрелки каждый раз выезжали с заряженными пистолетами». См.: Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. Государев двор. Дом Рюриковичей. М., 1912. С. 290. Сегодня русские ольстры известны больше по письменным, нежели по вещевым источникам; к московским археологическим находкам XVII в. относится всего два предмета. См.: Курбатов А. В. Ольстра по письменным и археологическим данным // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2014. № 6. С. 99–104.

³ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 123.

Гербовыми изображениями украшались и прочие детали конского убранства. Под седло подкладывали покровы различных типов — чалдар, чепрак, попону — которые в парадном варианте также имели символический декор¹. Сверху седло покрывалось роскошными, пышно декорированными наметами, покровцами и платами. Обыкновенно все части седельно-сбруйного комплекта представляли комплекс, выдержанный в едином художественном стиле. В едином стиле выдерживалось убранство не только верховых, но и упряжных лошадей, участвующих в парадных церемониях. Так, в число деталей убранства, украшенного гербовыми сюжетами, входили и шорные кровли (часть упряжи на цуг)².

Одними из наиболее необычных и эффектных украшений царской лошади были цепи (чепи) «из серебра, или вызолоченные, [которые] разделялись на поводные и гремлячие; первые были из колец, и висели от удила до передней седельной луки, в виде поводьев, а вторые из нескольких, скрепленных между собою, дутых погремушек, прицеплялись у той же луки и висели иногда ниже живота лошади»³. Цепи входили в число символов царской власти, являясь главной деталью так называемого Большого конского наряда⁴. Современники отмечают, что эта

¹ *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг... Вып. 2. М., 1883. С. 499; *Опись Московской Оружейной палаты*. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 140.

² Там же. С. 137.

³ *Майерберг А.* Путешествие в Московию... С. 58–59. Традиция использования цепей относится, прежде всего, к допетровской России, но они задействовались и в более позднее время. Так, вышеупомянутая цепь с опейком, украшенным двуглавым орлом, в 1725 г. украшала одну из лошадей во время траурной процессии при погребении Петра I. См.: *Мельникова О. Б.* Серебряные конские цепи в Оружейной палате. С. 128. Эти похороны стали не только наиболее полным выражением нового имперского ритуала, но и, одновременно, одним из последних погребений, совершенных «по московскому обычаю». Причиной смешения двух разноплановых культур, возможно, стало то, что Я. В. Брюс, возглавлявший Печальную комиссию, намеревался провести аналогию с последними царскими похоронами Московского государства. В результате печальная процессия получила компилятивный характер с включением как западноевропейских, так и московских традиций, что наилучшим образом отражало личность усопшего. Формы старого обряда органично встроились в канву нового церемониала. При Анне Иоанновне цепи в качестве убранства царской лошади уже не встречаются.

⁴ *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 45.

деталь очень украшала лошадей, производя много «стрannого шума и сильного звона»¹.

Очевидцы вспоминали, как, по случаю пасхальных торжеств, «царь сидел на большом красивом сером коне, увешанном большими цепями из тяжелых золотых или позолоченных серебряных звеньев. Между звеньями кое-где висели прикованные к ним образы орла и святого Георгия»². Символическим декором цепей были львы, одноглавые орлы с распущенными крыльями, двуглавые орлы и двуглавые орлы «у коих крылья распущены, а в когтях каждого по скипетру и державе», расположенные на восьмиугольных золоченых прорезных звездах³.

Ноги коней также богато украшались: наколенками и подковами «тоже производившими звук от привешенных к ним серебряных цепочек»⁴, и особыми украшениями у копыт под названием «остроги, в виде шпор, с бубенцами»⁵. Размещались гербовые символы и на оголови, в том числе на решмах и на «плащах» из набора наузольников⁶.

Сюжеты декора имели вполне конкретно понимаемую современниками символическую основу. Традиционными для украшения парадного убранства царской лошади были не только изображения ездоца, но и фигуры четырех гербовых животных — грифона, орла, единорога и льва. Система государственной символики с их участием оформляется с 3 февраля 1561 г., когда «царь и великий князь печать старую меньшую...

¹ Трана А. Дневник Андерса Траны: 1655–1656. Великий Новгород, 2007. С. 38; Олеарий А. Описание путешествия... С. 45.

² Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664–1665. СПб., 1996. С. 157. Описание, приведенное Витсеном, тем более ценно, что царь, как участник торжеств, не всегда выступал в качестве всадника. «Во время церковных торжественных шествий царь идет пешком, верхом он ездит реже, а чаще всего в каретах, которых у него очень много», — отмечал путешественник Я. Рейтенфельс. См.: Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому... С. 299. Заметки Рейтенфельса относятся к первой половине 1570-х гг.

³ Мельникова О.Б. Серебряные конские цепи в Оружейной палате // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 16. Художественные памятники Московского Кремля. М., 2003. С. 128; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 164–165.

⁴ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 45–46.

⁵ Майерберг А. Путешествие в Московию... С. 58–59.

⁶ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 111.

переменил, а учинил печать новую складную: орел двоеглавной, а среди его человек на коне, а на другой стороне орел же двоеглавной, а среди его инърог»¹. Реформа царской печати и государственной символики была напрямую связана с новым царским статусом Московского государя. С принятием Иваном IV царского титула, вероятно, следует связывать появление на голове ездеца короны².

Единорог вошел в систему российских государственных символов с февраля 1561 г.; в течение следующего столетия он периодически из нее выходил и вновь возвращался. Семантика ездеца и единорога в этот период была равнозначна. Часто единорог изображался в паре со львом; сочетание имеет древние корни, но в русской геральдике эта парная эмблема получает наибольшее распространение со времен правления первых Романовых³. В конском церемониальном убранстве чаще всего встречались две композиции: первая — из противостоящих льва и единорога, а другая — из таких же фигур, расположенных по сторонам от орла. Чеканными накладками с одиночными изображениями львов были украшены бархатные тебенки седла царя Михаила Федоровича. Это седло, входившее в полный наряд царской лошади, было выполнено в 1637–1638 гг. в мастерских Московского Кремля теми же мастерами, которые чуть ранее изготовили царские регалии: венец, державу, скипетр и саадак⁴.

Четвертым символом был грифон, или, как его называли на Руси, гриф. Его изображения также служили для обозначения

¹ Пчелов Е. В. Изменения государственного герба России в XVI–XVII вв. и их причины / Тезисы докладов участников VIII международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 101; Пчелов Е. В. «Лев и единорог» в русской культуре: к вопросу о семантике символов // Исследования по лингвистике и семиотике. Сб. статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М., 2010. С. 429.

² Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба // «Полцарства за коня...». Лошадь в мировой культуре. Каталог выставки. Произведения из собрания ГЭ. СПб., 2006. С. 145; Пчелов Е. В. Изменения государственного герба России в XVI–XVII вв. и их причины. С. 101.

³ Вилинбахов Г. В. Русские знамена XVII в. с изображением единорога // Сообщения ГЭ. 1982. № 47. С. 22; Пчелов Е. В. Изменения государственного герба России в XVI–XVII вв. и их причины. С. 101; Пчелов Е. В. «Лев и единорог» в русской культуре. С. 428–429, 432.

⁴ Толстоухова В. Парадное конское убранство и старинные экипажи. М., 1979. С. 2.

наиболее статусных вещей. Так, в царской Конюшенной казне имелся «покровец изорбатной золотной; по нем травы разных шолков. В середине четыре грифа, кругом бахрама золотная. Подложен тафтою зеленою»¹. Особое значение покрывца подчеркивается материалом, выбранным для его изготовления. Это изорбаф (изорбат, зарбаф) — золотный иранский шелк, одна из наиболее статусных тканей, чье название в буквальном переводе означало «золотая ткань»².

Эти четыре фигуры (грифон, единорог, орел, лев) в сочетании с ездоком следует рассматривать в качестве единой российской государственной символической системы³, чья аллегорическая образность превращала узкоприкладное⁴ в ритуально значимое.

Очевидно, что парадное конское убранство, искусно выполненное из драгоценных материалов, какими были золото, золотные ткани, драгоценные камни и жемчуг, представляло не только часть художественно-эстетической и материальной культуры, характеризующей уровень развития общества. Отмеченное государственной символикой, парадное убранство царской лошади приобретало особый статус. Со временем изменяясь в деталях, такое убранство неизменно составляло фон, подчеркивающий значение фигуры правителя. Великолешие церемонии усиливали величие царского образа, а символические сюжеты церемониального убранства, насыщенные гербовыми и геральдическими фигурами, наполняли его новым смыслом.

¹ Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 2. С. 499.

² Это двусторонняя, не имеющая изнанки шелковая материя, сотканная с примесением тонкого пряженого и ленточного золота и/или серебра. Ее исчерпывающую характеристику оставил французский коммерсант и ювелир Ж. Шарден, живший при дворе шаха Аббаса II и Сефи II в 1660-х гг.: «Они называют парчу зарбафом, то есть золотой тканью. Есть простая — сто сортов; двойная, называемая доруи, то есть двусторонняя, потому что у нее нет изнанки; и махмале зарбаф, то есть золотный бархат, — писал он. — Что замечательно в этих прекрасных тканях, это то... что золото и серебро всегда сохраняют свой блеск и цвет и не изменяются, пока существует ткань». К московскому двору зарбаф поставлялся в значительном количестве. См.: Сазонова Н. В. Мир сефевидских тканей XVI–XVII века. М., 2004. С. 61.

³ Пчелов Е. В. Символика воинских регалий московских царей // Власть. 2009. № 2. С. 115.

⁴ Например, простую, на первый взгляд, седельную попонку «отлас золотной, шолк зелен, да ал, да червчат да чорн, шиты звери». См.: Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 9.

1.2.2. ЦАРСКИЙ «ЗАТ СТРЕМЬ». ОБУВЬ, ШПОРЫ И ЭЛЕМЕНТЫ СЕДЕЛЬНОГО СБОРА

И вступает государь в браное стремя, и всходит на конь, и по скору поиде к полку своему ко граду¹.

Среди предметного ряда, характерного для вещного мира всадника, традиционно выделяются, как имеющие первостепенное значение, вещи из связки обувь — шпоры — стремяна². Значимость этого ряда, от которого зависела не только манера верховой езды, а в военных условиях — зачастую и жизнь конного воина, подчеркивалась исследователями многократно.

Обувью русского всадника были прежде всего сапоги³, которые в XVI–XVII вв. бытовали двух типов — с мягкой и жесткой подошвой, в прямой зависимости от чего находилась и форма стремянной подножки — прямой или дугообразной. Более древние сапоги с мягкой подошвой из нескольких слоев тонкой кожи (также известные как ичеготы и чедыги⁴) были широко распространены до первой половины XIV в.⁵, встречались до XVII в. включительно. С XIV в. появляется толстая воловья кожа — она послужила для производства обуви с жесткой подошвой⁶; с ее распространением прекращается изготовление обуви без разделения для правой и левой ноги.

Износостойкость подошвы повышалась набивкой на подметочную часть выпуклых гвоздиков (со второй половины XIV в.), а на пяточную область — подковок⁷. Подковки набивались и на каблук

¹ Иоанн V // ЧОИДР. 1848. № 9. С. 366.

² Шаниро Б.Л. Обувь, шпоры и элементы седельного сбора: материальная культура всадника в Московском государстве XVI–XVII вв. // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2017. № 26. С. 189–201.

³ Курбатов А.В. Специальная воинская обувь в средневековой России // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2013. № 1–2 (6–7). С. 34.

⁴ Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 175.

⁵ Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М., 2006. С. 45.

⁶ Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 175; Савваитов П.И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия... СПб., 1896. С. 43.

⁷ Осипов Д.О. Обувь московской... С. 63; Федоров О.А. Реконструкция облика знатного дворянина на московской службе (первая половина — середина

(не ранее XVI в.), если он предусматривался конструкцией. Подковки, или скобы, крепились двумя способами. Более ранний — врезной способ (крепление на шипах), он использовался в XVI в.; к концу XVII в. появляются набивные подковки (крепление гвоздями); на протяжении почти всего XVII в. оба типа сосуществуют. Практиковался и комбинированный способ крепления; у таких подковок в центре находилось отверстие для гвоздя, а по краям — шипы. Для повседневной обуви гвоздики и подковки были железными, но серебряными — для обуви парадной¹.

Каблуки на обуви появляются на Руси в XIV в.; обнаруженные археологами подковки указывают на многообразие их форм². Рост высоты каблука начинается с первых годов XVII в., повышение отмечается до 6–7 см. Каблуки для сапог всадников были двух типов: наборные (появились не ранее второй половины — конца XVI в.) и низкие, так называемые внутренние, из нескольких кососрезанных подкладок. В конце XVII в. возникает новый тип каблука в виде деревянной формы, обтянутой кожей³.

Материалом для изготовления обуви была самая разнообразная кожа: телячья и конская, юфть, коровий опоек, замша (ирха или ровдуга)⁴. Наиболее дорогой и престижной была козловая кожа особой выделки — сафьян (хоз). При Алексее Михайловиче была предпринята попытка наладить отечественное сафьянное производство под руководством иранских мастеров (1666)⁵. Знали на Руси и китайские сапоги⁶.

XVI в.) // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. С. 229.

¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1013; Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860. С. 63; Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. / Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–34. М., 1971. С. 42–43; Осипов Д. О. Обувь московской... С. 75–78.

² Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. С. 42.

³ Осипов Д. О. Обувь московской... С. 18–19; 54–55.

⁴ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни... С. 63; Описание царской казны... С. 130; Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия... СПб., 1896. С. 43.

⁵ Заозерский А. М. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917. С. 152.

⁶ Книги описные князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животов Голицыных на их московском большом и на загородных дворах, что за Никитскими воротами, и привозных // Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893. Ст. 18.

Высококачественные кожи ввозились с Ближнего Востока; современники отмечали, что «персидские [сафьяны] не так хороши, как турецкие; они бывают цвета красного, пурпурового, зеленого, голубого и черного и привозятся в большом количестве в Россию»¹. Наиболее дорогими были белые кожи, чуть менее стоили зеленые и пурпуровые, а самыми дешевыми были голубые, красные и желтые. Сравнение цены частично объясняет известный факт, что наибольшей популярностью пользовалась обувь желтого и красного цвета². «Сапоги они носят красные», — пишет С. Герберштейн³; преобладание красных сапог отмечают путешественник М. Груневег (1585), красных и черных — дипломат Дж. Флетчер (1557–1558) и первый посол Англии в России А. Дженкинсон (1586–1589)⁴. Изредка встречались вишневые, оранжевые, лазоревые и кирпичные⁵. В качестве подкладки (поднаряда) для холодной обуви использовалась холстина либо атлас. Теплая обувь подбивалась бобровым мехом⁶.

Для украшения применялись следующие технологии и приемы (по отдельности и в комбинациях): линование, тиснение, вышивка цветными и золото-серебряными нитями, продержжка кожаным ремешком, декоративные вырезы в верхней части голенищ, декоративные кожаные или металлические накладки задника и каблука и декоративная набивка гвоздиками в виде узора⁷. Украшались все детали: головки, голенища, каблук, который выделялся не только декором, но и цветом. Парадные

¹ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 151.

² Висковатов А. В. Историческое описание... Т. 1. С. 20; Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера... С. 125; Строев П. М. Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год). М., 1844. С. 99.

³ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 117. Австрийский дипломат и историк Герберштейн был в России дважды — в 1517 г. и в 1526 г. В основу «Записок...» положены материалы второго путешествия.

⁴ Осипов Д. О. Обувь московской... С. 15.

⁵ Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. // Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII столетия. Труды ГИМ. М., 1928. С. 54; Описание царской казны... С. 129.

⁶ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1013; Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни... С. 63.

⁷ Осипов Д. О. Обувь московской... С. 37, 64.

сапоги имели каблуки, обложенные серебром или обвитые пря-
денным золотом; их поверхность щедро расшивалась золотом
и жемчутом¹.

Фасоны менялись согласно моде: в первой трети XVII в.
носки головок заостряются и приподнимаются кверху (такая
обувь носила название «кривой», именно она была самой пре-
стижной и богато украшенной²), а для XVI в. характерны пря-
мые, более округлые формы. Высота голенища в XVI–XVII вв.
находилась в пределах 25–30 см, в отдельных случаях достига-
ла 40 см³; в любом случае, сапоги не доходили до колен. Срез
голенища мог быть ровным, косым (спереди сапог был выше,
чем сзади) или фигурным.

Среди экипировки всадника также могли быть короткие
мягкие полусапожки⁴ и чоботы⁵, которые различались высотой
голенища или его отсутствием. Короткую обувь носили с ного-
вицами — чулками из сафьяна или ткани. Ноговицы были «пол-
ные», высотой до колен — их подвязывали под коленом ремнем
или тесьмой, и «полуполные» — несколько короче⁶.

Для верховой езды к обуви прикреплялись шпоры, ко-
торые на Руси имели название «остроги» или «острожки».
В XVI–XVII вв. этот элемент снаряжения использовали весь-
ма умеренно, в основном в полках иноземного строя⁷. «Хотя
все они обуты в сапоги, но во всей стране ты не увидишь
пары шпор», — писал о русских всадниках поэт Дж. Турбер-
вилль, бывший в составе английского посольства в России
в 1568–1569 гг.⁸ «Вместо шпор по большей части употребляют

¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1013; Вишнев-
ская И. И. Жемчужное шитье на Руси. М., 2007. С. 18–19.

² Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1013; Осипов Д. О.
Обувь московской... С. 51.

³ Осипов Д. О. Обувь московской... С. 48.

⁴ Висковатов А. В. Историческое описание... Т. 1. С. 20; Рабинович М. Г. Очер-
ки материальной культуры русского феодального города. С. 175.

⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1013–1014.

⁶ Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. М., 1877. С. 192;
Висковатов А. В. Историческое описание... Т. 1. С. 20; Костомаров Н. И. Очерк
домашней жизни... С. 63.

⁷ Висковатов А. В. Историческое описание... Т. 1. С. 48; Денисова М. М. Ко-
нюшенная казна. С. 272.

⁸ Турбервилль Дж. Послания из России // Горсей Дж. Записки о России. С. 254.

кнут», — утверждал посол Священной Римской империи Д. Бухов¹, побывавший в Москве в 1576 г. «Плетью пользуются почти все, шпорами же весьма немногие», — вторил ему участник Ливонской войны А. Гваньини².

В России шпоры имели то же культовое значение, что и в Западной Европе, обозначая право и обязанность аристократии воевать в седле³, но культ шпор был несколько менее выражен⁴. Так, летом 1490 г. великий князь Иван III пожаловал послу императора Максимилиана Юрию Делатору в знак рыцарского достоинства «цепь золоту со крестом, да шубу атлас с золотом, на горностаях, да остроги серебряны золочены»⁵.

В качестве символа всаднической и воинской доблести умершего шпоры (иногда только одна шпора) обнаруживаются в славянских могильных захоронениях уже с первых веков нашей эры. У русских шпоры находятся среди погребального инвентаря княжеских захоронений с середины X в.⁶ Такое захоронение могло включать, например, «дротик, два меча, два копыя, шашку или саблю, два ножа, кольчугу, шпору и стремяна»⁷.

¹ *Принци Даниил фон Бухау*. Начало возвышения Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова, советника августейших императоров Максимилиана II и Рудольфа II и дважды бывшего чрезвычайным послом у Ивана Васильевича Великого князя Московского // ЧОИДР. 1876. № 4. С. 73.

² *Гваньини А.* Описание Московии. С. 5, 79.

³ *Шапиро Б.Л.* Смерть и свадьба — сестры, или Еще раз о военно-свадебной моде XVI века // Теория моды: одежда, тело, культура. 2016. № 42. С. 317.

⁴ *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника... С. 58; *Lacy Ch.* The history of the spur. London, 1911. P. 4–5.

⁵ *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1014; *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. А–К. СПб., 1893. С. 996. Принимая во внимание, что шуба, покрытая золотной материей, была особой, желанной и статусной наградой с самых ранних времен русской истории, очевидна ценность княжеского подарка. Оба дара, в отдельности обозначая особое достоинство награждаемого, взятые вместе, усиливали символический смысл каждого. См.: *Шапиро Б.Л.* Русские золотные шубы XVI–XVII вв.: бытование и распространение. С. 135–146.

⁶ *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника... С. 56; *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. С. 100; *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 250; *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. С. 307.

⁷ *Самокасов Д.Я.* Могилы Русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей // Труды Московского комитета по устройству Черниговского археологического съезда. М., 1908. С. 200.

Наиболее активное использование шпор московскими всадниками связывают со Смутным временем или с периодом, предшествующим ему¹.

По конструкции шпоры разделялись на два структурных класса: это шпоры колесиковые (колесцовые) с подвижным зубчатым колесиком на держателе (шейке) и жалообразные (репейковые), с утолщением в виде шипа (репейка) разных форм, в том числе и с ограничителем². Для шпор обоих классов деление на правую и левую сторону пока не практиковалось.

При классификации шпор XVI–XVII вв. по типу крепления к обуви они также разделялись на два больших класса. Шпоры первого класса имели проушины, с помощью которых они крепились подшпорным и надшпорным ремешками (круглого или плоского сечения; ремни могли быть заменены на цепочки) к обуви. Вторые — «прибойные» — прибивались гвоздиками или привинчивались к заднику обуви³, для чего тот укреплялся металлической пяточной пластиной, иногда сложноорнаментированной. Сложность крепления прибойных шпор оправдывала их применение только для латного всадника⁴, а винтовая нарезка до середины XVIII в. была достаточно сложной в работе, что обусловило гораздо более редкое использование шпор второго класса в целом.

В позднесредневековой России шпоры входили в комплект так называемых полных, или кирасных, лат (полный комплект составляли собственно латы, кирасные шапки, нарамки, наколенники, рукавицы и сапоги со шпорами), «каковы носят конные люди»⁵. Таких комплектов в царской казне имелось всего десять, включая полный доспех (здесь доспех — обобщающее название для корпусной брони), который прислал царю Федору Иоанновичу польский король Стефан Баторий

¹ Двуреченский О. В. Колесцовые шпоры, происходящие с территории Русских княжеств и Московского государства второй половины XIII–XVII вв. // Военная археология. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2018. С. 135.

² Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. С. 40.

³ Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия... СПб., 1896. С. 94; Lacy Ch. The history of the spur. P. 64.

⁴ Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 171.

⁵ Древности Российского государства. Отд. III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М., 1853. С. 35–36.

в 1584 г.¹, два доспеха, принадлежавшие князю и И.А. Воротыньскому, доспех Н.И. Романова и доспех, принадлежавший детям царя Алексея Михайловича².

В таком варианте прибойные шпоры крепились к железным «сапогам», т.е. к поножам. Такие «сапоги полного доспеха XVI в. состоят из поножи о двух половинках, соединенных петлей и двумя шпеньками, проходящими сквозь две скважины, на верхнем обресе передней части поножей укреплены по два шпенька, на нижнем краю по два гвоздя, далее три чешуйки; плюсна состоит из одной большой и двух малых чешуек, ступня состоит из пяти чешуек, к задним частям поножей прикреплены три чешуйки и пятка, на пятках шпоры, которые судя по работе, должно быть прикреплены были в позднейшее время, пятка соединяется с плюсной петлями и скрепляется шпеньками, проходящими сквозь скважины, на сапогах заметны следы резного узора, расположенного по краям сапогов каймой и широкой, полоской, проходившей сверху до низу, и делившей каждую половину поножи на две равных части... Весу в сапогах двенадцать фунтов, семьдесят шесть золотников»³. Шпоры к таким сапогам также были тяжелыми и массивными.

Наличие шпор позволяло относительно свободно передвигаться не только конному, но и спешившемуся воину. Сказанное справедливо для большинства типов шпор, исключая произведенные в конце XV в. — первой половине XVI в. образцы с длинной, сильно изогнутой вниз шейкой и колесцом, увеличенным до 15 см и более. К XVII в. шейка приобретает более резкий изгиб, а колесцо уменьшается в размерах в два раза. Появляется новый вид колесиковой шпоры «со звоном»⁴; согласно другим данным, этот предмет возрождается из древности⁵.

¹ «В лето 7092 июня 22 дня посол короля Стефана Батория Лев Сапега в дарех поднес зброю позлатистую римскую на коня и человека». Цит. по: Арендт В. В. Конный доспех из собрания Оружейной палаты (публикация и комментарии А. Ю. Прокопьева и Ю. Ф. Игиной) // Средние века. 2013. № 74 (3–4). С. 21.

² Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. Броня. М., 1884. С. 175–189.

³ Там же. С. 246.

⁴ Lacy Ch. The history of the spur. P. 47, 49, 50, 54.

⁵ Бехайм В. Энциклопедия оружия. С. 172.

Шпоры XVII в. испытывают влияние европейских традиций¹. Как особенность именно московского снаряжения XVII в. отмечаются шпоры с двумя или тремя колесцами². Форма колесца менялась согласно моде и могла представлять собой розу (колесцо французского типа) или звездочку (колесцо испанского типа). Периодически в моду входили немецкие или польские шпоры с фантазийным колесцом, лепестки которого образовывали сложный узор³; они появились в XIV в. и были популярны минимум четыре столетия.

Художественное оформление шпоры соответствовало пышным одеждам русского позднесредневекового двора. Парадные шпоры покрывались серебрением, позолотой и эмалью, орнаментировались гравировкой, набивной (поверхностной) таушировкой⁴, инкрустацией (врезной таушировкой). Шейки, репейки и колесцы фигурно отковывались⁵. Иногда шпоры для статусных потребителей изготавливались из чистого серебра⁶.

Представляют особый интерес шпоры, интегрированные в стремя, что было характерно для восточных культур⁷. На сегодня свидетельств об их бытовании в Московии XVI–XVII вв. нет. Возможно, именно такими были стремена из Бутурлинской описи «серебряные белые, на них по четыре репейка золоченых»⁸, однако стоит учесть, что в исследуемое время репейками назывались не только шиповидные шпоры, но и прочие шипы, и зубчатые касты для драгоценных камней, и даже узоры с зубчиками⁹. И все же можно предположить, что русские стремена, по турецкой

¹ Двореченский О. В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории тушинского лагеря // Военная археология. М., 2008. С. 272.

² Бехайм В. Энциклопедия оружия. С. 173; Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 2. М., 1883. С. 498.

³ Lacy Ch. The history of the spur. P. 37–38.

⁴ Мишуков Ф. Я. Золотая насечка и инкрустация на древнем вооружении // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 118–120.

⁵ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника... С. 63.

⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря... Т. 1. А–К. С. 996; Бехайм В. Энциклопедия оружия. С. 162.

⁷ Lacy Ch. The history of the spur. P. 6–7.

⁸ Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 2. С. 499.

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться — Рященко) / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1997. С. 144–145.

традиции, служили частичной заменой шпорам, для чего всадник давил на бока лошади боковыми ступицами стремени.

Стремена находились во взаимосвязи с типом обуви. Различались стремяна для мягкой обуви со скругленным подножием и для обуви с жесткой подошвой с прямым подножием¹. К XVI–XVII вв. в царском кругу отмечается преобладание стремян для жесткой обуви восточного, западноевропейского и отечественного производства. Стремяна «на русское дело» были двух основных форм: первые, с узкой дужкой и круглой подножной пластиной, и вторые, в виде неширокой арки, суживающейся кверху, на прямоугольном основании. Изготавливались они из серебра, меди или железа². И боковые дужки, и подножия парадных стремян покрывались золоченым серебром и декорировались золотой и серебряной таушировкой «нарезными травами»³, чернью, финифтью, сканью, канфарением, чеканным и прорезным орнаментом⁴. Простые стремяна могли быть гладкими без декора, но характерная для русских изделий форма сохранялась. Царские стремяна имели гравировку в виде двуглавого орла, которая располагалась в центре круглого подножия⁵. Немногочисленными цветовыми акцентами были драгоценные камни в запонах и кастах.

При сборе седла стремились соблюдать эстетическую цельность, выбирая стремяна «одного дела с оправою на луках»⁶, художественная отделка которых соответствовала отделке седла, но случалось и так, что к русскому седлу привешивались турецкие стремяна⁷. Бытовала практика копирования русскими

¹ Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. С. 40.

² Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия... СПб., 1896. С. 5–6, 131.

³ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 9.

⁴ Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 55, 205; Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия... СПб., 1896. С. 131.

⁵ Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 206–207; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 16.

⁶ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 9.

⁷ Денисова М. М. Конюшенная казна. С. 283. Нужно учесть, что для русских седельных мастеров XVI–XVII вв. характерно смещение восточной и западной традиции. См.: Денисова М. М. Седло конца XVI века // Оружейная палата. М.: Изд. Оружейной палаты, 1925. С. 128.

мастерами элементов восточного конского убранства («на турецкое дело», «на кизылбашское дело» и т.п.). В таких работах восточные традиции не повторялись буквально, а перерабатывались согласно местному пониманию прекрасного.

Зарубежное снаряжение поступало ко двору как свидетельство дипломатических и торговых отношений с иностранными государствами. Имелись такие привозные вещи и у ближайшего царского окружения¹.

Турецкие (турские) стремена в форме колокола с очень широким подножием отличались яркими красками и крупным орнаментом. Обычно они изготавливались из железа и обивались с наружной стороны золотыми или позолоченными серебряными пластинами с запонами в виде плодов и цветов граната и цветов гвоздики². Декором служили многочисленные драгоценные и полудрагоценные камни: яшма, рубины, изумруды, бирюза и жемчуг. Как и русские стремена, они украшались эмалью, чеканкой, а также серебряными и золотыми узорами, наведенными по железу.

Изнутри турецкие стремена выстилались ценными тканями — бархатом или алтабасом³. Среди бытовавших при московском дворе тканей алтабас занимал второе место по дороговизне (после аксамита; оба открывали описи текстиля в царской казне, что демонстрировало их ценность). Для изготовления алтабаса применялось всего два материала: высококачественный шелк и тончайшие нити волоченого золота; золото плотно покрывало поверхность ткани, которая получала вид кованого металла⁴.

¹ Так, у В.В. Голицына имелись седла гусарское и немецкое, арчаки черкасский, калмыцкий и турецкий «луки высокие», арабские и черкасские удила, бухарские пахви, турецкие и немецкие подковы, турецкий конский покров, «длинные» греческие стремена. См.: *Шапиро Б.Л.* Московский всадник в конце XVII столетия (по описям имущества В.В. Голицына 1679 и 1689 гг.) // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия) / ИА РАН, ИРИ РАН. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019. С. 234–235.

² *Денисова М.М.* Конюшенная казна. С. 283–284.

³ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 5, 10.

⁴ *Шапиро Б.Л.* Золото и золотные ткани в древнерусской мужской одежде // Вестник ТвГУ. История. 2018. № 1. С. 76.

Иногда стремяна обтягивались драгоценной тканью и снаружи; они дополнительно расшивались пряченым золотом и жемчугом.

Иранское парадное конское убранство (в том числе и стремяна) XVI–XVII вв. считалось наилучшим по сочетанию тонкого художественного вкуса и блестящей техники исполнения. Как и в прочих изделиях, поступавших с Востока, здесь широко применялись драгоценные и полудрагоценные камни, цветные стекла и жемчуг, которые окружались насечкой, чеканкой (в том числе с проработкой канфарением) и гравировкой. Форма иранских стремян была близка турецким; основа выполнялась из железа, которая обкладывалась серебром и позолоченным серебром. Рисунок узора (цветы, бутоны и листья) образовывался сочетанием крупных камней в кастах и фона из мелких камней, стекол и половинок жемчуга¹.

Китайские стремяна по стилю оформления резко отличаются как от европейских, так и от ближневосточных аналогов. Форма китайских стремян — арка с узкими дужками и массивным круглым подножием. Стремяна декорировались изображениями драконов и змей в окружении цветов; декор выполнялся резьбой по золоченой бронзе, сине-голубой перегородчатой эмалью и инкрустацией перламутром². Также среди восточного конского убранства и снаряжения московского всадника в незначительном количестве использовались вещи кавказские, крымские и бухарские.

Известное европейское снаряжение состояло из работ польских, немецких и английских мастеров. Наиболее многочисленные и наиболее ранние вещи — польские (известны при московском дворе с 1556 г.). Конское убранство и снаряжение всадника здесь украшалось позолотой, гравировкой, чеканкой и зернью. Посольства 1600 г. и 1686 г. принесли царской Конюшенной казне гусарское снаряжение³.

Стоит отметить, что стремяна, как и шпоры, в русской культуре были символами всадника и воина. Так, еще в ранней

¹ Опись царской казны... С. 101; Вишневская И. И. Группа предметов парадного конского убранства иранской работы XVI–XVII веков из собрания музеев Кремля // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 5. Новые атрибуции. М., 1987. С. 95, 98, 102.

² Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 245.

³ Денисова М. М. Конюшенная казна. С. 290–291; Загородняя И. А. Дипломатические дары из Литвы и Речи Посполитой. С. 165.

русской истории князь, отправляясь в поход, «ступал в злат стремень», садясь в «золотое» седло¹. Золото здесь нужно понимать не только буквально, не только как драгоценный металл, украшавший царский быт. Этот металл, с древности служивший символом славы и эквивалентом власти, в глазах современников ярче прочих выражал сакральные основания царской власти. Так царские дары, как символический жест высшей милости помазанника Божьего, содержали в себе золотые элементы в посуде, утвари и убранстве, в тканях и одежде.

В целом парадное снаряжение и конское убранство при русском царском дворе было весьма разнообразно по орнаментации и технике обработки. Несмотря на относительные конструктивные и декоративные различия среди широкого предметного ряда восточного и европейского происхождения, все оно носило ярко выраженный репрезентативный характер. Роскошные атрибуты всадника, выполненные из драгоценного металла, стали одной из самых ярких составляющих русской придворной вещной культуры.

Даже для царя такое снаряжение было прежде всего парадным. «Златы стремена» задействовались по самым торжественным, исключительным случаям; они были элементами самого ценного убранства верхового царского коня. Вот как выглядел парадный царский верховой выезд: «царь, в самой лучшей одежде, сидел на своей лучшей лошади. Некоторые лошади были накрыты попонами из золотой парчи, другие — из серебряной, у третьих попоны были расшиты камнями, жемчугом и бриллиантами; стремена из серебра или великолепно позолочены, узда и сбруя из кованого позолоченного серебра, цепи со звеньями, размером больше пяди и шириной 2–3 дюйма, свисали с головы и шеи лошади, седла да и сами лошади были не менее великолепны»². Процессия выглядела более чем внушительно, о чем сохранились свидетельства современников; «все окружавшее монарха пространство было как бы пропитано его могущественной сакральной силой. Поэтому маркировавшие ее

¹ Михайлова И. Б. «И здесь сошлись все царства...»: очерки по истории государственного двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010. С. 151.

² Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664–1665. С. 152.

золотные ткани покрывали землю, по которой ступал государь, кресла, на которых он сидел, лошадей, на которых ездил»¹.

Очевидно, что золотое или позолоченное снаряжение имело в вещном мире московского всадника особый статус: оно выступало определенным визуальным кодом, указывающим на имущественное положение и статус личности. Такое снаряжение было драгоценным не только в прямом, но и в переносном смысле, поскольку оно одновременно служило олицетворением богатства, воинской доблести и свидетельством близости к царской власти.

1.2.3. ЕЗДОВОЙ КОСТЮМ В СИСТЕМЕ КОННОЙ КУЛЬТУРЫ. ТЕРЛИК И ТЕГИЛЯЙ. ОДЕЖДА ВОИНСКАЯ И ПРИДВОРНАЯ

Одежда — один из самых ярких элементов в системе вещных атрибутов царской власти, сложившейся в русской средневековой культуре². «В отношении выбора нарядов цари не были равнодушны к той мысли, чтобы показаться народу в царственном достоинстве, богато и красиво, а красота, по тогдашним понятиям, заключалась в цветности платья, в блеске серебра и золота, жемчуга, дорогих камней, — отмечал И. Е. Забелин, — поэтому при выходах и выездах за город, т. е. за Земляной вал или дальше, государь всегда одевался в так называемое ездовое платье, самое богатое после наряда Большой Казны или собственно царского наряда»³. Именно одежды для царских выездов (ездовые одежды) являли собой наиболее презентабельные формы мужского костюма⁴.

Понимание важности и признание особого статуса всадника произошло в середине XVI в.⁵, когда пеший царский выход

¹ Михайлова И. Б. «Солпечная» мода Грозного — царя: золотные ткани в Московской Руси XVI–XVII веков // Теория моды: одежда, тело, культура. 2017. № 44. С. 63–98.

² Шапиро Б. Л. «Терлики деланы к государской радости...»: мужская ездовая одежда в Московии XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 36–39.

³ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1028.

⁴ Петр I отмечал, что его предки «лошадей и платье любили пуще протчего». См.: Бегунова А. И. «Лошадей и платье любили пуще протчего» // Коневодство и конный спорт. 1993. № 5–6. С. 18.

⁵ Михайлова И. Б. «И здесь сошлись все царства...» С. 477.

уступил место конному выезду. В XVII в. преимущество царского верхового выезда перед пешим шествием закрепилось. Торжественные конные процессии стали одними из самых грандиозных зрелищ этого времени. «Мы ждали увидеть что-нибудь необыкновенное, и не обманулись», — сообщал А. Лизек, очевидец царского Троицкого поезда 1675 г.¹

Итак, наиболее эффектный и выразительный образ сильного мира сего представлялся конным, а подходящий костюм помогал завершить этот образ. Перечень мужских ездовых одежд XVI–XVII вв. довольно обширный. Они различались по множеству признаков: назначению, покрою, типу материи, количеству декора. Современники разделяли одежду на исподнюю, среднюю и верхнюю, летнюю и зимнюю, теплую и холодную, светлую и черную и т. д.

Царские ездовые одежды состояли из нарядов, т. е. комплектов, или костюмных комплексов. Одежды, входившие в «наряд», составляли полный костюм; судя по имеющимся описям, русские цари располагали сотнями комплектов одежды. Кроме того, царский гардероб содержал «занаряды», под которыми, вероятно, понимались отдельные некомплектные вещи.

Далее одежды разделялись сообразно сезону и колориту; так, в Описях царской казны указываются «государевы летние ездовые занаряды» и «государевы зимние ездовые занаряды», а среди них выделяются «занаряды светлые» и «занаряды черные». Последние также носили название «смирные» и «панахидные», поскольку предназначались, соответственно, для ношения во время длительного траура и панихид (поминок). Многообразие «черных» ездовых одежд соответствовало многообразию одежд «светлых»².

¹ Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского... С. 364. В Европе этого времени также утверждали, что «самая лестная похвала в адрес государя — это сказать, что он хороший наездник: эти слова означали и его доблесть, и его отвагу», а «в умении управлять конем видели способность властвовать» (по словам конюшего при испанском дворе Б. да Варгоса, современника Людовика XIV.). См.: Ракова А. Л. «Le miroir héroïque de la Noblesse» («Героическое зеркало дворянства») // «Полцарства за коня...» С. 110.

² Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 2–3, 201. Экипажи, лошади и конское снаряжение, предназначенные для траура, также были черными. См.: Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария

Основу царского ездового костюмного комплекса на начало XVI столетия составляли терлик и тегиляй; оба представляли вариации кафтана¹.

Терлик известен с XV в., когда он встречается в документах дважды. Первое упоминание мы встречаем в Никоновской летописи под 1412 г., когда князь В.М. Кашинский «преже всех погна на кони в одном терлике»². В это время терлик представляет собой узкий длинный кафтан, еще не имеющий самостоятельного значения, на что и указывает летописное свидетельство. Второй раз он появляется в духовной грамоте князя верейского и белозерского Михаила Андреевича, составленной около 1486 г. Согласно грамоте, зятю князя, О.А. Дорогобужскому, отошло весьма ценное имущество: икона и цепь из золота, аксамитная и соболья шубы и прочее; в числе богатого наследства был и терлик «камка голуба с пугвицами»³.

Как и другие верховые одежды этого времени, терлик попал в Московию с Востока, где этим словом обозначали халат, верхнюю одежду, или одежду с короткими рукавами, открытую спереди⁴. Терлик XVI в., как и ранее, узкий и длинный, доходивший до стопы. В последний раз одежды такого типа мы видим на рынках, сопровождающих участников обручения Дмитрия Самозванца с Мариной Мнишек в 1606 г.⁵

Позднее, в первый же год правления царя Михаила Федоровича, когда на должность государевой стражи заступили

в Москву в середине XVII. Т. 3. Москва. М., 1898. С. 35. «Ввиду траура их повезли на черных лошадях», — сообщал Олеарий подробности аудиенции на другой день после смерти царевича Ивана Михайловича. См.: *Олеарий А.* Описание пугешествия... С. 446.

¹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1042; Рабинович М.Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 72.

² Цит. по: Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. Материальная культура. Одежда. М., 1969. С. 289.

³ Базилевич К.В. Имущество московских князей в XIV–XVI веках // Труды ГИМ. Вып. 3. М., 1926. С. 29; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 312.

⁴ Базилевич К.В. Имущество московских князей в XIV–XVI веках. С. 29; Забелин И.Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1005.

⁵ Жабрева А.Э. Боярский и дворянский костюм XVII века как феномен русской культуры // Вече: Альманах русской философии и культуры. Вып. 4. СПб., 1995. С. 156.

юные боярские дети, терлик стал намного короче. В августе 1613 г. были закуплены материалы для изготовления одежд по новой моде: «Шапки песцовые белые, камка белая на кафтаны, серебро волоченное на нашивки к кафтанам и на завязки и кисти к завязкам к фerezям, белая мешина на сапоги, горностайная опушка на терлики, кошачьи исподы под песцовые шапки, 4 меха заячьи под кафтаны, камка белая немецкая на терлики, шелк белый на завязки к рындиным фerezям»¹. В итоге «платье рындово» представляло собой следующий комплекс (из расчета на четверых², по Описи царской казны 1640 г.):

1) терлики: «4 терлика камчаты белыя, камка индейская... исподы черева песцовы белыя, опушка кругом и ожерелья горностайные, на терлике по пяти гнезд, нашивки с кистми серебро с белым шолком»; «4 терлика отлас гвоздичной, подкладки киндячные, опушка поверх отласу около ожерелья собольи, нашивка по пяти гнезд шолк вишневы, а на иных гвоздичен»; «4 терлика на зайцах комчатые белые», последние упомянуты дважды;

2) кушаки: «4 кушака кизылбашских полосы золоты с шелки розных цветов, 4 кушака кизылбашских полушолковых полосатых, 4 кушака тафтяных вишневы, четыре кушака тафтяных гвоздичных»;

3) шапки: «4 шапки рысьих, 4 шапки песцовых белых»;

4) сапоги: «трои сапоги сафьянные черные», «четверы сапоги лазоревые сафьянные» и «десетеры сапоги сафьянные белые», последние упомянуты дважды;

5) шубы: «4 шубы горностаинныя под камкою под белою под куфтерем, опушены горностаими ж. У шубы по осии завязок с кистми серебро с белым шолком»; «4 шубы на горностаех»; «4 шубы пупики сабольи под черным отласом, около по краем и на рукавах опушка соболья ж, у шубы по осми завязок шолк черн с кистьми»; «4 верха отласных гвоздичной цвет а шиты были по государеву указу на рындовы шубы»³.

¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1003.

² Количество рынд в страже могло составлять 2, 4 или 6 человек, в зависимости от статуса мероприятия. См.: Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 75–76; Семенов И. Н. Российский дипломатический протокол: история и современность. М., 2011. С. 113.

³ Опись царской казны... С. 83–84. В средневековой России «кизылбашскими» могли обозначаться все иранские ткани и ткани, что провозились через

Терлик XVII в., кроме несколько большего объема и новой длины, приобрел и иной покрой: он стал отрезным в талии, со сборами на юбке и с рукавами особого узнаваемого силуэта — баллонообразными у оката с сужением к кисти. «Платье рындово» на основе терлика обзавелось еще и особым нагрудником-клапаном. Такое платье дополнялось опушкой из белого горностаея по полам и по подолу. «Холодные» летние рынды терлики, атласные на киндячной подкладке, тоже окаймлялись горностаем¹.

В качестве царского наряда в это время терлик выходит из моды, переместившись в область придворной униформы. Терлики и одежды на основе терлика носили не только царские телохранители, но и другие государевы слуги — сокольничьи, ухабничьи, возничьи, а также царская «конная гвардия» — жильцы. Все те, чьим служилым платьем были терлики и одежды на основе терлика — белые, гвоздичные, вишневые, малиновые, — объединялись в понятие «терлишники»²; это были люди знатных родов. Так, чашник и князь А. В. Лобанов-Ростовский, один из тех, кто подписал грамоту об избрании Романовых в 1613 г., получил щедрые царские подарки, в том числе «бархатный терлик на соболях, с нашивкой из пряденного золота»³.

До наших дней сохранились пять кафтанов типа терлика, одинаковых по покрою, ткани и отделке. В описи Оружейной палаты они названы сокольничьими⁴. Известны (только по

Иран, или ткани сопредельных Ширвана и Гиляна. Гилянские и ширванские камка, атлас, бархат и тафта провозились уже через астраханский и казанский рынки; не такие изысканные, как иранские, но довольно высокого качества, они были хорошо известны при московском дворе. Поставки золотных тканей ко двору увеличились после военных походов Ивана IV, открывших широкие возможности для торговли с Ираном, Шемахой и Бухарой. См.: *Шапиро Б. Л.* Золото и золотные ткани... С. 71.

¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1005.

² Левинсон-Нечаяева М. Н. Одежда и ткани XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сб. научных работ. М., 1954. С. 316.

³ Белокуров С. А. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. С. 78; Молева Н. М. Земли московской давние преданья. М., 1985. С. 76.

⁴ «Кафтаны ездовых или сокольничьих, пять, малинового бархата, одинаковых, шитых по одной форме. Лиф по талии, с нутренным поясом, юбка на мелких сборах; полукруглый, невысокий ворот и края обшлага с прибавочным к ним городком могли быть и откидными. С двух сторон, а именно на груди и на спине, наложено по выпукло вышитому золотом и шелками двуглавному орлу, под тремя коронами и с московским гербом. Часть лифа от груди

письменным источникам) и другие серии одинаковых терликов. Пятнадцать терликов «с ожерельи сабольшими, полы и зады подложены по пояс, рукова и окола все опушены сабольшими ж... деланы к государьской радости»¹ фигурируют в Описи царской казны 1640 г. Они, вероятно, принадлежали царским возничьим или ухабничьим, так как перечисляются в одном ряду с конским убранством. Эта нарядная одежда может рассматриваться как первая униформа дворцового персонала²; несомненно, пышно одетая свита способствовала торжественности выезда, а вышитая золотом на одежде государственная символика обозначала принадлежность ее носителей к царской власти.

Известно, что эффект, произведенный царским сопровождением, напрямую связывали с численностью этого сопровождения, вследствие чего «теснота людская»³ вокруг царской персоны со временем только увеличивалась в размерах. В 1549 г., при походе на Казань, личную свиту царя составляли 49 человек⁴; в 1563 г. «за государем ездити» и «быти всегда... при государе

закидывается на бок к вороту и под левое плечо большим клапаном с застежкой так, что перед и зад представляются совершенно одинаковыми. Пристегивается этот клапан вверху и внизу па боку большими крючками на шелковые петли, крючками же застегивается под клапаном и вся грудь до юбки. Рукава, от плеч до локтей широкие, на сборах или складках, или буфах, от локтей к запястьям суживаются и заканчиваются разрезом с крючками с задней стороны и прибавкой в виде городка с передней. В подоле с боков также два коротких разреза. Как по этим разрезам, так и по всем краям кафтаны обшиты золотой тесьмой. Полы, спереди, как отороченные указанным выше золотым шнуром, по-видимому, не накладывались одна на другую; нет здесь для того и застежек. Подолы опушены довольно широкой каймой золотистого плюша. Кафтаны подложены желтого цвета киндяком или холстиной, полы, ворот и обшлага, малиновой камкой с мелкими золотистыми цветами». См.: *Опись Московской Оружейной палаты*. Ч. 2. Кн. 3. Посуда раковинная, костяная, каменная, кокосовая и проч. Древняя домашняя утварь. Мебель и одежда. М., 1884. С. 202–203.

¹ Опись царской казны... С. 83.

² Амелехина С. А., Бобровническая И. А., Моршакова Е. А. Венчания на царство и коронации в Московском Кремле. Т. 1. М., 2013. С. 130–131; Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI–XVII веков. С. 314; Летин С. А., Вилинбахов Г. В. Российская императорская гвардия. СПб., 2005. С. 17–18.

³ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 437.

⁴ Личную свиту царя составляли: 7 бояр, 3 дворецких (Московский, Рязанский, Дмитровский), 1 конюший, 2 окольных, 1 оружничий, 2 дворцовых воеводы, 1 казначей, 1 постельничий, 1 печатник, 3 дьяка, 6 рынд, 9 поддатней, 1 ясельничий и 10 детей боярских у коня. См.: Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. С. 217.

безотступно»¹ было назначено 53 человека, а в том же году при походе на Полоцк — 92 человека². Однако есть неофициальные свидетельства о сопровождении Ивана IV в 1564 г. свитой в 800 человек. Из них в униформу — горлажные шапки из белого бархата с жемчугом и серебром, опушенные большим рысьим мехом, одежды из серебристой ткани, с большими серебряными пуговицами, подбитые горностаями, и белые сапоги с подковами — были одеты четверо ближайших к царю телохранителей³. Создание в последующие годы «конной гвардии» опричников позволило увеличить эту цифру сначала до тысячи, а потом и до 6 тысяч человек, что ясно выражало стремление придать максимально возможный блеск и значение не только монарху, но и пространству вокруг него.

Английский посланник приор Джерио рассказал о выезде Ивана IV, свидетелем которого ему довелось побывать. Процессия состояла из трех тысяч стрельцов (*«trè mila Archibugieri»*), за которыми ехал шут верхом на быке и следом еще один в золотых одеждах (*«poi seguitava il Suo buffone a cavallo à un bove, et un altro vestito di oro»*), после которых следовал сам государь; выезд завершался группой из чуть менее чем четырех тысяч верховых опричников (*«circa guattro mila cavalla»*)⁴.

О ездовой одежде шутов этого царского поезда, как и других выездов XVI в., ничего не известно. Имеются свидетельства более поздние. Согласно Расходным кроильным книгам платья и церковным облачениям за 1621–1622 гг., «карле Ваське Григорьеву скроен кафтан ездной в сукне в аглинском в зеленом (по Расходной книге товарам № 207 — в червчатом сукне)... Да нашивка... шолк зелен с полузолотьем... да на подпушку...

¹ Записка о Царском дворе, церковном чиновничестве, придворных чинах, Приказах, войске, городах и проч. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2 (1598–1613). СПб., 1841. С. 422.

² Бартелев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. С. 217; Михайлова И. Б. «И здесь сошлись все царства...» С. 378.

³ Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. С. 27.

⁴ Донесение Венецианскому Дожу от посланного из Венеции английского приора Джерио о приеме польским послом у Царя Московского и набега Татар на его земли. 1570 // Тургенев А. И. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек. Т. 1. СПб., 1841. С. 214.

киндяку зеленого»¹. Одежды для этой категории «государевых слуг» изготавливались из простой материи и декорировались по тому же принципу «полузолотьем», то есть мишурой, «муширной» отделкой из золоченой меди².

Что касается бытования в этой среде специальных верховых одежд, то, судя по имеющимся материалам³, «ездной» или «проезжий»⁴ кафтан для карлика был изготовлен только единожды. Кроме того, в Расходных книгах упоминаются «немецкие кафтаны на карл»⁵; учитывая, что ездовые вещи изредка назывались немецкими⁶, можно причислить и их к этой категории.

Поскольку известного образца ездового кафтана такого типа, судя по всему, не было выработано, можно предположить, что «кафтан ездной» Григорьева представлял собой терлик, конструктивно приближенный к полноразмерным одеждам, что позволяло визуально обозначить право шута на присутствие в царской кавалькаде. Эта версия косвенно подтверждается документальными свидетельствами об изготовлении царским карлам единообразных одежд⁷. Кроме того, известно, что в 1680 г. придворные шуты участвовали в Троицком походе наравне с прочими всадниками. Они ехали в бархатных кафтанах, среди четырех сотен конных стрельцов в алых кафтанах с золотыми и серебряными нашивками, и двадцати человек Конюшенного приказа; последние следовали около государя в объяринных золотных и серебряных и объяринных гладких терликах⁸.

Интересно, что свита, одетая в терлики, согласно придворной моде, сопровождала и лиц, не имеющих царского сана. «Два

¹ Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 144–145.

² Шапиро Б. Л. Золото-серебряный декор одежды в XIII–XVIII вв. // Вестник ТвГУ. История. 2015. № 4. С. 61–62.

³ Забелин И. Е. Записки касательно дураков, уродивых и др. // Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 2. М., 1915. С. 651–658; Забелин И. Е. [Записки касательно] верховых нищих, карл, арапов, псарей и др. // Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... Т. 1. Ч. 2. М., 1915. С. 667–686.

⁴ Там же. С. 673.

⁵ Там же. С. 684.

⁶ Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 199.

⁷ Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI–XVII веков. С. 314.

⁸ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1006; Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI–XVII веков. С. 314.

терлика людцких, сукно коришневое, на собольих лапах, переды опушены огонками, по вороту по шти гнезд нашивки золотной длинной, пугвицы обшивные, а в рукавах испод белей черевей, поношены» и «два ж терлика, ветхи, сукно красное, на лисьих лапах, по вороту на одном 14 гнезд, нашивки золото с серебром, длинной, пугвицы обшиты; а на другом терлике 12 гнезд, по передам опущен огонками, на прорезах у обоих нашивки такие ж по гнезду» отмечены в описи имущества князей Голицыных¹. В «пожитках» конюшего и ближнего боярина Б. Ф. Годунова, согласно описи 1588 г., отмечены три «людских» терлика: один из бархата и два из сукна².

Возвращаясь к конструктивным особенностям терлика, выделим среди одежд XVI в. «терлик безрукав»³, сходный назначением с европейским камзолом. У такого терлика, так же как и у камзола, могли подшиваться временные рукава, в том числе и из другой материи⁴. Один такой «терлик без рукав с спорка Царевичевской Иванова, камка кизылбашская на голуби розные шолки мужики и птицы» принадлежал Ивану IV⁵.

¹ Книги описные князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животов Голицыных на их московском большом и на загородных дворах, что за Никитскими воротами, и привозных // Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках. Т. 4. Сгб. 61–62.

² Платье, оружие, ратный доспех и конский прибор царя Бориса Федоровича Годунова 1589 года // *Савваитов П. И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты. СПб., 1865. С. 47; «Пожитки» Бориса Федоровича Годунова // *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. С. 266.

³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 161.

⁴ *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни... С. 66.

⁵ Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 годов // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. 1850. № 7. С. 16. Сложносюжетные композиции, где отсутствуют границы перехода одной сцены в другую, составляют славу иранского текстиля. Их реалистические рисунки с детальной проработкой не скрывают связи с иранскими школами миниатюры, тебризской и исфаханской. Чаще всего ткани вольно иллюстрируют литературные сюжеты. Встречаются сюжеты жанровые и бытовые. В русской средневековой письменности великопение иранского текстиля описывалось весьма поэтично: «камка кизылбашская, по серебряной земле люди на конех со птицы», «камка кизылбашская по серебряной земле шолк черчат, по ней люди на конех и пешие меж деревья», «камка кизылбашская, шолк бел да черн, на конех люди, промеж людей барсы», «барсы, драконы, звери, инроги, лебеди, лоси, люди крылатые — держат павы, мужики, рыбки» и т. п. См.: *Шапиро Б. Л.* Золото и золотные ткани... С. 69.

В это же время встречаются упоминания о терликах, простеганных полностью или частично. Так, «терлик отласен багров плечи стеганы» и «терлик камка зелена стеган» упоминаются в духовной Г. Д. Русинова (1521–1522). «Терлик хандрячен стеган» упоминается в числе воинского снаряжения в духовной З. Ф. Кагунина (1519)¹, а «терлик хандрячен стеган в частую стеж» стал частью богатого вклада И. М. Вороного в Троице-Сергиев монастырь (1541). «Терлик камка голуба, стеган» числится в составе вклада в этот же монастырь, сделанного князем Дмитрием Пронским (1517); и здесь терлик соседствует с другими ценными вещами, например с дымчатой атласной шубой на соболях². Ногайские мурзы включили «терлик стеган»³ в список запросных поминков, которые им следовало получить от московского государя (1534); здесь стеганный терлик однозначно рассматривается как статусная одежда и противопоставляется прежним «мельким» подаркам.

Область бытования терлика была широка, о чем свидетельствует значительный разброс тканей, из которых он выполнялся. В царском гардеробе, согласно описи 1640 г., был замечен «терлик олтабасной»⁴. В то же время были известны более чем демократичные «терлик крашенин» и «терлик безинен» (бязинен)⁵. Последние, судя по упомянутым выше духовным Русинова и Кагунина, были частью воинского снаряжения. Особенно выразителен текст последней: «Дал есми сыну своему Степану... терлик хандрячен стеган да пансырь... Да сыну своему Петру... терлик тафта голуба, да шолом и наручи с ымянем...»⁶ Знали военные терлики и при дворе: в Описи царской казны от 1640 г. числились «терлики походные»⁷.

¹ Акты русского государства. 1505–1526. М., 1975. С. 174–176, 199.

² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 45, 85.

³ Кусайнова Е. В. Служилое казачество в русско-ногайских отношениях. По материалам Посольского приказа. 1534–1548 гг. // Исторический архив. 2006. № 3. С. 197.

⁴ Опись царской казны... С. 83.

⁵ Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937. С. 360; Репьева Э. Н. О некоторых тюркизмах в русском и украинском языках XV–XVI веков // Ст. 1976. № 5. С. 40.

⁶ Акты русского государства. С. 174–176.

⁷ «... Два терлика бархогу гладково черветые на соболях, ожерелья собольи ж, нашивки золоты с кистми, на вороту по штинадцати гнезд, на прорехах по три гнезда, на мышках у одново по четыре гнезда, а у другово по три гнезда,

Терлик также использовался в качестве свадебной одежды жениха и его окружения; они выполнялись из цветных и золотных материй¹. В ярких терликах, подбитых соболями, шествовали перед невестой стольники в роли свечников, коровайников и фонарников на свадьбах царей Михаила Федоровича в 1626 г. и Алексея Михайловича в 1648 г., когда «и за столы сажались в терликах»². Терлик был своеобразной униформой для посольских приемов, когда «бояре... сидели в сажених шубах... стояли княжата и дети боярские в терликах в сажених, а иные в кожусех и в шубах»³.

В последний раз в Московии терлики встречаются в марте 1692 г.: так были одеты 60 жильцов, несших караул на Красном крыльце и в Ирановитых сенях при приеме персидского посла⁴.

Другая мужская ездовая одежда, тегилляй, отличался от прочих форм мужской одежды множеством пуговиц⁵: известны

а у другово по три гнезда, у одново полы и зад от мочи полиняло и на хрепте местами исчернено. Два терлика бархоту черново гладково на соболех, ожерелья собольи ж, нашивка шолк гвоздичной с кистми, на вороту по осминадцати гнезд, на прорехах по три гнезда, на мышках у одново по четыре, а у другово по три гнезда. Два терлика суконные багрецовые на собалех, ожерелья собольи ж, нашивка серебрена с кистми, на воротех по штинадцати гнезд, на прорехах по три гнезда, на мышках у одново по четыре, а у другово по три гнезда. Два терлика суконныя темно-синия на собалех, ожерелья собольи ж, нашивка шолкова лазорева с кистми, на воротех по штинадцати гнезд, на мышках у обсих по три гнезда. Два ожерелья собольи от терликов, одно подложено дорогами черлеными, а другое киндяком зеленым». См.: *Опись царской казны...* С. 84.

¹ Рабинович М. Г. Одежда русских XIII-XVII вв. С. 107. В допетровской России золотный текстиль был представлен весьма разнообразно. Документы этого времени пестрят названиями привозных тканей: турецких, иранских, ширванских и среднеазиатских, китайских, испанских, французских и итальянских. См.: *Шаниро Б. И.* Золото и золотные ткани... С. 64-81.

² Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1005.

³ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 58. Ездовая одежда сопровождала царя в самые важные моменты его жизни. Так, в свадебный наряд царя Алексея Михайловича для его брака с Н. К. Нарышкиной в 1671 г. входила ферезея из белого сукна на собольем меху с «образцами из жемчуга и золотых запон с алмазами». См.: *Левинсон-Нечаева М. Н.* Одежда и ткани XVI-XVII веков. С. 314; *Строев П. М.* Выходы государей царей... С. 622.

⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1006.

⁵ Пуговицы были главной отделкой тегилляя — хрустальные, в гранях которых отражался блеск золотых одежд, и золотые или позолоченные «львовы главы» и «львовы главы с бирюзами», «фатисные на золотых спнях»,

варианты, рассчитанные на 46, 48, 56 и 68 штук¹. Наиболее роскошные из известных нам тегилыев принадлежали Ивану IV: «тегиляй бархат венедиккой шелк червчат да зелен с золотом и с петлями, на нем 46 пуговиц золоты сенчаты резаны на проем с жемчуги», «тегиляй бархат венедиккой лазорев листки золоты, на нем 48 пуговиц золоты чешуйчатые с чернью», «тегиляй бархат венедиккой ценинен с золотом и с петлями, на нем 56 пуговиц золоты продолговаты сенчаты с жемчуги» и «тегиляй бархат венедиккой на бели чубар с розными шолки, а на нем 68 пугвиц золоты, травки резаны с чернью»².

«Венедиккий», т.е. венецианский бархат, из которого были сделаны царские тегилые, считался самой респектабельной материей из всех известных; благодаря своему исключительному качеству и высоким художественным достоинствам, он был хорошо известен монархам и нобилям Европы, России и Востока. Отличительной особенностью венецианских (и в целом итальянских) золотных бархатов нужно назвать исключительное

«прорезные грушеваты с камешки и с жемчуги», «с финифты и с алмазными искрами, и сяхонтики с червчатыми» и т.д. См.: *Строев П.М.* Выходы государей царей... С. 30, 39; 148, 149, 203. Наличие на одеждах особенного декора из золота, жемчуга и драгоценных камней изменяло не только их внешний вид, но и стоимость. Так, в описи имущества князей Голицыных упоминается «кафтан сукно поморанцевый цвет, на горностах... по вороту 4 пугвицы золотых резных с олмазы... Цена кафтану 12 р., пугвицам 200 р.» См.: Книги описные князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животов Голицыных... Стб. 61.

¹ Есть свидетельства о бытовании тегилыев с меньшим числом пуговиц или без пуговиц (на завязках?). Таким был тегилый из занарядов царевича Ивана Ивановича «бархат венедиккой червчат гладкой с круживом». См.: Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича... С. 33. Рассматривая этот пример, нужно учесть специфику «Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича...». Известно, что текст описи представляет собой перечень статей с указанием отдельных предметов царской казны, в основном тех, которые были помечены как утраченные полностью или утратившие какие-либо детали, либо находящиеся в ремонте, либо заказанные для государя, но еще не изготовленные. См.: *Жарinov Г.В.* О происхождении так называемой «Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича» // *Архив русской истории.* Вып. 2. М., 1992. С. 179–180. Интересные свидетельства о количестве пуговиц на русской одежде приводит П. И. Савваитов: «к кафтану полагалось 13–19 пуговиц, к опашнику — 11–30, к одиорядке — 15–18, к ферязи — 3–10, к чуге — 3–22, к шубе — 8–16, к зилуну — 11–16, к кожуху — 11, к епанче — 5, к армяку — 11, к терлику — до 35, к телогрее — 14–24». См.: *Савваитов П.И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия... СПб., 1896. С. 112–114.

² Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича... С. 21–22.

качество тончайших нитей золота и продуманные композиционные построения авторства художников Пизанелло, Беллини, Боттичелли и др.¹ Орнаментом выступали геральдические изображения — орлы, грифоны, короны, выполненные необыкновенно крупно².

Колористическое решение тканей было скупым: узор выполнялся в одну-две краски, но обильно подчеркивался металлическими нитями. Декоративность тканей не связывалась с полихромностью по причине специфического качества местных красителей и дороговизны, а иногда и недоступности, красителей привозных. Недостаток красок возмещался сложной и богатой фактурой ткани и неизвестной другим школам ткачества «добротой» работы. Эти особенности итальянского текстиля — благородство цвета, торжественность крупного рисунка — как нельзя лучше отвечали требованиям московского придворного церемониала.

Первое упоминание о тегиляе относится к 1489 г.³ Известно, что эта одежда имела монгольское происхождение; она попала в Московию от тюркских огузов через посредничество крымчаков и ногайцев⁴. Пик моды на тегиляи, судя по количеству упоминаний в письменных источниках, пришелся на 1550–1570-е гг., после чего их популярность затухает; в последний раз тегиляи упоминаются в 1598 г.⁵ как парадная одежда.

В таком качестве тегиляи характеризуют прежде всего статусное потребление. Так, в ездовом гардеробе Ивана IV, который,

¹ Вишневская И. И. Драгоценные ткани. Сокровища Оружейной палаты. М., 2007. С. 94.

² Раппорт (повторяемая часть рисунка) таких тканей разворачивался во всю ширину ткацкого куска; в высоту раппорты таких тканей составляли около метра. См.: Клейн В. К. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. М., 1925. С. 31. Крупноузорные ткани получили название «большой руки». См.: Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI–XVII веков. С. 352.

³ Шиндлер О. В. Классификация русских корпусных доспехов XVI века // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. V. С. 467.

⁴ Горелик М. В. Монголо-татарское вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 249–250.

⁵ Комаров О. В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. и документальные источники // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VII. С. 437.

по словам современников, «одевался богато, выше всякой меры»¹ и по «Описи домашнему имуществу...», где сведены данные за 1582–1584 гг., имелось не менее четырех тегильев из роскошного венецианского бархата. У царевича Ивана Ивановича было не менее девяти тегильев², в том числе и с горностаевой отделкой³. «Тегилиишко камчато желто да тегилиишко камчато сине» фигурируют в качестве вклада царя Федора Ивановича в Симонов монастырь в ноябре 1586 г.⁴

Камчатые ткани (камка) для пошива тегильев были известны самой разнообразной выработки и различного происхождения. При московском дворе встречалась иранская «камка на золоте тяжелая»⁵; известны были индийские «камочки золотые с посконью, на атласный образчик, а золочено по траве или по бересту»⁶. Итальянская камчатая материя — крупноузорная, ярко выраженного ренессансного или барочного стиля. Из камки изготавливали парадные одежды для царей и царедворцев, где красота крупного рисунка хорошо сочеталась с отсутствием мелких деталей кроя. Лучшей называли камку куфтерь: «добрая куфтерь не линяет большой узор; а коя толста, та и добра»⁷.

Тегилии также встречаются в царском ближайшем окружении. Два бархатных тегилья, «червчат кармазин» и «червчат, около ево круживо медяно, а в кружеве шолк червчат да зелен» упоминаются в составе людской одежды в описи имущества

¹ Ченслер Р. Известия англичан о России во второй половине XVI века. С. 5.

² Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича... С. 21–22, 32–33.

³ Стоит отметить сложившееся в древнерусском костюме старшинство «горностаи — соболь — белка»; мех горностаи имел особый статус. См.: Пчелов Е. В. Символика даров семье Кучума // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 245–246. В царской одежде «старшие» меха логично сочетаются со «старшими» материями.

⁴ Алексеев А. И. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // ВЦИ. 2006. № 3. С. 27.

⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование Великого Князя Ивана Васильевича. Ч. 1 (1487–1533). СПб., 1882. С. 12, 30, 45. Этот сорт включал металлический лицевой уток, который вводился для обогащения фона.

⁶ Клейн В. К. Иноземные ткани... С. 54. Вероятно, они поступали через иранское или среднеазиатское посредство. Техника исполнения индийского текстиля сходна с китайской и яской, главным образом, наличием тонких позолоченных бумажных полосок. См.: Шаниро Б. Л. Золото и золотные ткани... С. 70.

⁷ Савваитов П. И. Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор. СПб., 1886. С. 13.

Бориса Годунова от 1588 г.¹ Бытовали они и вне придворной среды: наравне с терликами они входят в список имущества некоего Василия Уского (Есипова), жившего на Волоке в начале XVI в. Известно, что семья Уских в это время владела «достаточным богатством, чтобы ссуживать волоцких князей и их бояр»².

Тегилии и «тегилии толстые» числились и в служебном наряде «коломнич князей и детей боярских» в 1577 г.³ Очевидно, что здесь они представляли собой вид «платья, употреблявшегося такими ратниками, которые, по бедности, не были в состоянии явиться на службу в доспехе»⁴.

Как воинская одежда тегилии носились весьма разнообразно: как самостоятельная защита и как поддоспешник; тегилии из дорогих тканей надевались поверх доспеха (пансыря)⁵. Эта вариативность считалась существенной характеристикой тегилия. В качестве мягкого доспеха или заменителя полноценного доспеха он подкладывался металлом, кольчужным полотном, пенькой, очесами или деревенским сукном, после чего простегивался⁶.

Бытовало три типа тегилей: толстые, стандартные и тонкие⁷; кроме толщины внутреннего слоя, они различались качеством материи и богатством отделки. Зимние тегилии подбивались и/или окаймлялись мехом; меха подбирались соответствующие уровню одежды, но легкие, «пупки» и «черева», не затрудняющие весом движений всадника и воина. Это правило выполнялось при подборе материалов и для других верховых одежд.

Более детальная история тегилия пока остается *terra incognita*, изучение которой осложняется отсутствием археологического

¹ Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М., 1844. С. 60.

² Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 85, 87.

³ Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. Ч. 1. Десяти и Тысячная книга XVI века. М., 1891. С. 1, 52.

⁴ Висковатов А. В. Историческое описание... Т. 1. С. 32.

⁵ Комаров О. В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска... С. 437.

⁶ Висковатов А. В. Историческое описание... Т. 1. С. 32; Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1045.

⁷ Шиндлер О. В. Классификация русских корпусных доспехов XVI века. С. 467.

материала и не слишком обширным иллюстративным материалом. Это:

1) картина неизвестного автора круга Лукаса Кранаха Старшего, изображающая битву под Оршей в сентябре 1514 г. (создана 1524–1530)¹;

2) рисунки, сделанные со слов С. Герберштейна А. Хиршфогелем (1544–1547) и опубликованные в «Записках о Московии» (1549) и в базельском издании (1556)²;

3) всадники А. де Брюна (1577) (рис. 1, 3)³;

4) «*eqves moscoviticus*» Й. Аммана (1577) (рис. 2)⁴;

5) «*moscovita soldato a cavallo*» Ч. Вечеллио (1590)⁵.

Авторы рисунков трех последних источников были хорошо знакомы с «Записками», поскольку обнаруживают ряд общих моментов. Судя по этим немногим материалам, можно сделать вывод, что под тегилем в XVI столетии понимали кафтан, длинные, ниже колен, полы которого были снабжены разрезами; кафтан имел короткие рукава и высокий плотный воротник, защищавший шею и частично голову всадника.

В XVII в. тегилей не встречается.

1.2.4. ЦАРСКИЕ ЕЗДОВЫЕ ОДЕЖДЫ. ЧУГА И ФЕРЕЗЕЯ

Схожий с тегилем покрой — удлиненные полы с боковыми разрезами, высокий воротник и короткие рукава — имела и чуга, еще одна разновидность одежды, предназначенной для верховой езды и ратной битвы. Однако, в отличие от тегилея, у нее не было плотной простежки и в целом она была схожа с ездовым кафтаном, узким, с перехватом в талии⁶.

¹ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1966. С. 4.

² Герберштейн С. Записки о Московии, С. 7, 50, 113.

³ Bruyn A. *Diversarum gentium armatura equestris*. Cologne, 1577. P. 23–24, 26.

⁴ Amman J., Weigel H. *Habitus praecipuorum populorum tam virorum quam feminarum singulari arte depicti*. Nuremberg, 1577. P. 148.

⁵ Vecellio C. *De gli habiti antichi et moderni di diverse parti del mondo*. Venetia, 1590. P. 357–358.

⁶ Рабинович М. Г. Одежда русских XIII–XVII вв. С. 74.

Застегивалась чуга на особые пуговицы — кляпыши, «кляпыши турецкие»¹ и «кляпыши обделаны золотом волоченым»². Пуговичные петли, завязки и кисти к ним делались в цвет нашивок³; на самых дорогих одеждах они унизывались жемчугом, как, например, на чугах Бориса Годунова⁴, который «мало воевал, но имел прекрасное вооружение»⁵.

Чуга чаще прочих ездовых одежд выделялась дорогими тканями и богатыми уборами. Ее пышное декоративное убранство отличает сложность техники и бесконечное разнообразие применяемых материалов. Одежды, украшенные жемчугом, золотом, канителью, бляшками, блесками и самоцветами, надевались по самым торжественным случаям, а в остальное время хранились в царских сокровищницах. Они были одной из самых ярких составляющих парадной жизни царской семьи и ее ближайшего круга.

В виде декора чути выступали мужские съёмные ожерелья различной дороговизны; у князя В.В. Голицына было ожерелье из 25 звеньев с алмазом на каждом, соединенных «малыми итальянскими зернами»⁶, а среди имущества новгородского воеводы М.И. Татищева значилось «ожерелье пристежное жемчужное мужское, 5 шахматов снизано по отласу по червчату, у него 3 зерна»⁷.

Другим украшением ездовых одежд были металлические бляхи «аламы», крепившиеся на груди, плечах и спине. Так, царю

¹ Платье, оружие, ратный доспех и конский прибор царя Бориса Федоровича Годунова 1589 года // *Савваитов П.И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия... СПб., 1865. С. 17–18.

² Платье, головной и спальный уборы царицы Евдокии Лукьяновны 1642 года // Там же. С. 116; *Опись царской казны...* С. 89.

³ *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни... С. 66.

⁴ Платье, оружие, ратный доспех и конский прибор царя Бориса Федоровича Годунова 1589 года // *Савваитов П.И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия... СПб., 1865. С. 17.

⁵ *Михайлова И.Б.* Великолепный «косматый», «рытый», «петливатый»: бархат в средневековой Европе // *Теория моды: одежда, тело, культура.* 2012. № 25. С. 91.

⁶ *Бакланова Н.А.* Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. С. 93.

⁷ *Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских.* 1850. № 8. С. 36.

Михаилу Федоровичу принадлежал «кафтан ездовой бархат червчат, с исподи космат; аламы в четырех местах, низаны жемчугом орлы: у орлов в грудах по изумруду, с канителью. Промеж аламов чеши низаны по бархату ж червчатому, с канителью»¹. Аламы сочетались с круглыми или квадратными нашивками с жемчужным низаньем и шитьем канителью, которые также могли выступать самостоятельным декором².

Именно жемчуг служил наиболее эффектным дополнением золота и традиционно выступал основным материалом для декорирования самых роскошных одежд; в русской культуре он традиционно ассоциировался с вещественным выражением высокого статуса. Декоративность жемчужных украшений, сама по себе немалая, еще более повышалась применением «живых репьев» — маленьких металлических зубчатых чашечек-«гнезд», в которые вставлялись жемчужные зерна или драгоценные камни. Репьи, закрепленные «на спнях», т.е. подвижно на миниатюрных золотых или серебряных стерженьках, от движения «качались, дрожали и тем производили еще больше блеску во всем уборе»³.

Среди драгоценных камней, которые использовались для отделки, встречались полудрагоценные, а также стекло и подделки

¹ Викторov А.Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 191.

² Нашивками также назывались завязки с кистями-ворворками или висащие пстли и пуговицы. Есть мнение, что в XVI столетии кафтаны застегивались чаще завязками, чем пуговицами, а впоследствии завязки вышли из употребления. См.: Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни... С. 66. Рассмотрение конкретных одежд показывает, что это не совсем так: например, в ездовом гардеробе Алексея Михайловича находилось достаточное количество одежд с завязками. Среди них приведем только несколько ездовых фerezей: «фerezи ездовые, сукно вишнево с завязки»; «фerezи ездовые, зүфь малинова, завязки полк зелен с золотом»; «фerezи ездовые, зүфь бела, подпушка участок золотной с червчатом да с зеленым шолком, образцы низаны жемчугом с камнем по черному бархату, завязки и кисти золотныя, ворворки большой жемчуг»; «фerezи ездовые, зүфь вишнева, подпушка камка кизылбашская по золотной земле травы серебряны с разными шолки, кружево кованое золотное, образцы низаны жемчугом с канителью, завязки шелк зелен с золотом»; «фerezи ездовые, зүфь червчата, подпушка участок золотный с червчатом да с зеленым шелком, образцы низаны жемчугом с камнем, завязки серебряныя, ворворки большой жемчуг» и др. См.: Строев П.М. Выходы государей царей... С. 208, 245, 285–289.

³ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869. С. 589.

под именем «простых камней» или «смазней» (наличие стекла — неблагородного, по современным меркам, материала — объясняется его высоким статусом в XVII столетии). Однако чаще всего задействовались рубины (под именем червчатых яхонтов), лалы (красные камни с окраской бледнее рубинов), изумруды («искры изумрудные») и сапфиры («яхонты лазоревые»)¹.

Другим средством декорирования было золотное кружево, призванное усилить сияние одежд царей и царедворцев, и без того уже покрытых золотом, жемчугом и самоцветами. Стоит отметить, что кружево этого времени не столько плетеное (хотя оно встречается тоже), сколько тканое и кованое. В царских мастерских изготавливали необычайно эффектное кружево «низано жемчугом, орлы и звери по червчатому бархату» («звери» здесь — инроги, т. е. единороги); согласимся с коллегами, что это было «одно из искуснейших произведений мастериц Царицыной Мастерской палаты, замечательное по красоте композиции, по передаче форм и движений фигур животных. Моделировка деталей достигнута применением и тщательным подбором жемчуга разных размеров — от крупных горошин до крошечных зерен»².

Особое место в сложной программе декора царских одежд принадлежит сюжетам гербового и геральдического характера, которые имели вполне конкретно понимаемую современниками

¹ Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. С. 91–92. Так, зимой 1613/14 гг. «в верх к государыне иноке Марфе Ивановле в хоромы отпущено 16-ть камней, яхонтов лазоревых больших <...> а вставляти те каменья в гнезда в круживо Государю». См.: Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 106.

² Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI–XVII вв. С. 358. XVII век в России стал «золотым веком» декоративной отделки. Именно в это время в царских мастерских создавались шедевры золотого шитья и кружева, жемчужного низанья. В работах русских мастериц жемчуг и тонкая золотая проволока сочетались с «бганью» — с золотыми, серебряными или мишурными блестками, «звездками» и «плашиками», которые делались «выпуклые или плоские, резные, чеканные, с чернью или эмалью», с драгоценными камнями и с другими декоративными включениями: с птичьим пухом, перьями и мехом горноста. Такие работы были отличительной чертой русских мастериц, так как в иноземных школах многие из перечисленных материалов не применялись. См.: Вишневская И. И. Жемчужное шитье на Руси. С. 12–14; Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц... С. 665; Шабельская Н. Л. Материалы и технические приемы в древнерусском шитье // Вопросы реставрации: сборник Центральных государственных реставрационных мастерских. Вып. 1. М., 1926. С. 123; Шапиро Б. Л. Жемчужный чепрак второй половины XVII в. С. 21–27.

символическую основу¹. Это придавало ездовым одеждам особый статус, выделяя их из массы вещей, предназначенных для повседневного обихода царей и царедворцев.

Вот как выглядели такие сверхбогато украшенные чуги: «объярь по рудожелтой земле травы золоты, кружево и орлы и круги и на рукавах цепи низаны жемчугом»² или «отлас золотной по червчатой земле, оксамичен; подпушка отлас по серебряной земле травы золоты; подкладка тафта зелена; круживо и чепи низаны жемчугом с канителью по вишневному бархаты; да на той же чюге на грудях и на плечах нашито четыре круга: в том числе два круга, в них низаны кресты и коруны с яхонты червчатыми и с изумруды; два ж круга, в них низаны орлы, в орлах в грудях по яхонтику червчатому в золотых гнездах, да под пердним кругом две пугвицы обнизаны жемчугом»³.

Первая принадлежала царевичу Федору Алексеевичу, вторая — царю Алексею Михайловичу, который держал абсолютное первенство по количеству чуг в гардеробе и по роскоши их убранства. Так, в «Выходах государей царей...» за ним отмечено 40 простых чуг, две холодных и две теплые чуги, все сделанные из богатейших привозных материй. Большинство из них украшено канителью, «финифты», «каменьем» и жемчугом.

Стоит отметить, что в официальных церемониях среди царского гербового или геральдического наряда задействовались не только чуги, поскольку они были всего лишь «нарядом средним»: надевались на зипун и сверху покрывались фerezеью или фerezеей. Эти верхние одежды также украшались символическими изображениями. Именно такие наряды были избраны царем Алексеем Михайловичем для военного смотра на Девичьем поле в 1653 г. (перед Русско-польской войной). Это: «чюга

¹ Традиционно ими выступали фигуры ездоца и четырех животных: грифона, орла, единорога и льва, которых следует рассматривать в качестве единой символической системы. Изображение льва в ездовых одеждах обыкновенно встречается в виде пуговиц «львовы лавы» и «львы золоты с бирюзами», но не в расшивке. См.: Шаниро Б. Л. Гербовое и геральдическое в мужской ездовой одежде XVII века // История: факты и символы. 2017. № 4 (13). С. 123.

² Строев П. М. Выходы государей царей... С. 608.

³ Платье и некоторые вещи царя Алексея Михайловича 1676 года / Платье, оружие, ратный доспех и конский прибор царя Бориса Федоровича Годунова 1589 года // Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия... СПб., 1865. С. 69–70.

бархат червчат двоєморх с орлы»; «чюга, бархат зелен двоєморх с орлы»; «ферези ездовые, зүфь сизовая, подпушка атлас золотный, образцы низаны жемчугом львы да грифы, завязки золото с серебром»; «ферези ездовые, зүфь сизовая, образцы львы да грифы низаны жемчугом с канителью»; «ферези ездовые, зүфь брусничная, образцы львы да грифы низаны жемчугом»¹.

В самых парадных случаях ездовые одежды дополнялись аксессуарами с аналогичными изображениями. Так, частью царского военного костюма, показанного на Девичьем поле, были «шапка бархат зелен двоєморх, окол соболий с запоны (в запоне орел)» и «рукавицы ролдужные, в запястье львы да грифы низано жемчугом по червчатому атласу, бахрома золотная со звездками, подложено тафтой двоеличной, шелк ал да бел»². Военный смотр запомнился современникам прежде всего роскошью царских одежд, когда «подавалось платье одно утром до обеда и другое вечером после обеда. И то и другое блистало всем богатством и всею красотою, которыми в этом случае окружал себя молодой государь»³. Справедливо, что эти царские одежды заслуженно считаются апогеем костюмной роскоши XVII в.

Другим событием, к которому также полагались самые презентабельные одежды, был ежегодный Троицкий поход. Здесь даже царь Федор Алексеевич, который «не любил пышности ни в платье, ни в столе, ни в уборах»⁴, надевал чугу «объярь золотная по рудожелтой земле травы золотые с серебром, кружево низано жемчугом мелким (да на той же чуге на грудях и назади и на плечах нашиты 4 круги, по них низаны орлы жемчугом мелким, да в кругу ж в орлах по изумруду), испод пупчатый соболий»⁵.

К концу правления Федора Алексеевича гербовая расшивка ездовых одежд выходит из моды. Ей на смену приходят другие, более лаконичные формы декора. Но символические сюжеты не выходят из обращения: на протяжении всего XVII в. парадные царские одежды выполняются из тканей, где основными мотивами

¹ Строев П. М. Выходы государей царей... С. 285, 287, 290, 293, 295.

² Там же. С. 286, 293.

³ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1030.

⁴ Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. Ч. 1. СПб.: Тип. Х. Гинце, 1834. С. 112.

⁵ Строев П. М. Выходы государей царей... С. 606.

остаются орлы, грифоны и короны. Чаще всего это были золотные итальянские бархаты, «виницейские» или «флоренские».

Ездовые одежды, а среди них прежде всего чуги, выполненные из золотных тканей, были необыкновенным платьем, подчеркивающим особый статус владельца: не случайно «чюги турецкие золотные» упоминаются в описях не только личного имущества богатейших частных лиц, но и в описях государственной казны. Так, в Описи царской казны 1640 г. чуги перемежаются с платнами — не столько одеждami, сколько царскими регалиями, которые, составляя часть Большого наряда, символизировали царскую власть. Это турецкие (турские) чуги из золотного атласа разных цветов, преимущественно темно-красного, лазоревого и белого¹.

Эффектные блестящие турецкие атласы поставлялись к московскому двору в довольно значительных объемах: здесь они высоко ценились благодаря яркой декоративности золотого фона и ярких чистых тонов крупного узора. Как уже отмечалось, такие ткани специально отбирались для изготовления царского парадного платья². Торжественность парадных одеяний подчеркивалась плоскостностью и условностью орнаментации ткани, а также его специфической цветовой гаммой, состоящей преимущественно из оттенков красного, зеленого и желтого на золоте.

Особое место занимал турецкий текстиль с «хрущатым» узором из трех кругов или шаров, соединенных волнистыми полосками: он имел особенную семантику, несмотря на кажущуюся простоту. В Турции он символизировал власть и воинскую доблесть; этот смысл сохранялся и в Московии³.

¹ Опись царской казны... С. 85–86.

² Особенность турецкого текстиля — крупный размер раппорта (это особенно характерно для XV–XVI вв.). См.: Вишневская И. И. Драгоценные ткапи при дворе царя Ивана Грозного // Материалы конференции «Московский кремль в эпоху Ивана Грозного». М., 2007. С. 64. Турецкие золотные ткани были несколько грубее иранских; качеством они уступали и западноевропейским, но были более эффектны внешне.

³ Шапиро Б. Л. Золото и золотные ткани... С. 73. Из турецкой серебряной обьяри XVI в. с таким рисунком был изготовлен покров на раку князя М. В. Скопина-Шуйского. См.: Вишневская И. И. Драгоценные ткани. Сокровища Оружейной палаты. С. 64–65. В государевой казне числилась «камка бурская на червце шолк лазорев-бел-багров с золотом, розвода и кружечки». Возможно, орнамент и его символика были заимствованы иранскими ткачами; известно,

Возвращаясь к чугам Романовых, стоит отметить чугу «з долгими рукавы», которая встречается среди ездовых одежд довольно редко, поскольку для чуги был более характерен укороченный рукав. Такова была, например, чуга «турская, с долгими рукавами, отлас золотной по лазоревой земле, обвода около золота серебряна; подпушка кутня желта; подкладка кутня полосата», что упоминается в числе одежд царевича Алексея Михайловича¹.

Именно в силу этих конструктивных особенностей дополнительными украшениями, характерными только для ездового костюмного комплекса, включающего в себя чугу, выступали рукава нижней одежды, зипуна, которые были хорошо видны под широкими и короткими по локоть рукавами чуги. Так, у царя Алексея Михайловича, при котором пышность ездовых одежд достигла своего предела, был зипун «объярь серебряна травки золоты, старого дела, подкладка тафтяна светлозелена, подпушка камка червчатая травная, пуговики обнизаны жемчугом, у него обнизь бархат червчат двоиморх обнизано жемчугом большим гурмыцким с изумруды, морхи обнизаны скатным жемчугом мелким»². Этот зипун был частью нарядов, выбранных царем для военного смотра на Девичьем поле летом 1653 г.

Именно для чуги изготавливались зипуны с рукавами из более богатой материи, нежели основная ткань; так, в гардеробе царя Алексея Михайловича был зипун со станом из алой тафты и с рукавами из серебряной объяри³.

В XVI столетии чуте предшествовал «кафтан с короткими рукавы». Так, «кафтан с короткими рукавы 30 пуговиц» числится в описи имущества Ивана IV⁴. «Кафтанец короткий», покроем схожий с чугой, в XVI в. «в ездовом платье занимает свое место постоянно»⁵. Так, 10 коротких бархатных кафтанцев «с золотом

что русскому царю «кизылбаского Аббаса шаха купец челом ударил: кафтан аязмской, камка кызылбаская на празелени шолк бел, ал, рудожолт, кружечки золоты, стеган на бумаге, подпушен тафтой». Приходо-расходные книги Казенного приказа. Записные книги Московского стола / РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 25.

¹ Платье, головной и спальный уборы царицы Евдокии Лукьяновны 1642 года. С. 116.

² Строев П. М. Выходы государей царей... С. 285.

³ Там же. С. 504.

⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... Т. 1. Ч. 2. М., 1915. С. 845.

⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1042.

и с петлями» имелись в гардеробе Ивана IV¹. Вероятно, оба названия обозначали одну и ту же одежду, судя по описи одного из таких кафтанцев: «Кафтан сделати с короткими рукавы, бархат венедитцкой зелен клетчат, круживо широко золото и серебро делано на проем. Пуговицы на него золоты с царевичевы Ивановы шубы, бархат бурской червчат да зелен с золотом и с серебром, круги к тому приделати, всего нашиты тритцеть»².

Появление собственно чуги на Руси связывают с женитьбой Ивана IV на «черкас пятигорских девице»³ Марии Темрюковне в 1561 г. Вместе с княжной в Московию прибыли северокавказские щеголи, чьи традиционные чохи и послужили прототипом новой ездовой одежды⁴. Родство чуги и чохи подтверждается этимологически, как и их тюркское происхождение⁵.

Ранее высказывалась версия о происхождении чуги с Запада через польское посредничество⁶, что косвенно подтверждалось наличием чуг в гардеробе боярина Н. И. Романова — человека, известного предпочтением западноевропейской культуры всем прочим. Ему принадлежали четыре бархатные, одна суконная и одна камчатая чуга⁷. Но такое же или примерно такое же количество находилось в гардеробах и других влиятельных лиц государства. Шесть чуг было у царя Михаила Федоровича в 1630–1633 гг.⁸ Пять чуг числятся среди пожалованного царицей Евдокией Лукьяновной платья своему сыну царевичу Алексею Михайловичу⁹.

¹ Домашнее имущество царя Ивана Васильевича Грозного по исполнительной описи, составленной из списков 90 и 91 годов XVI века // *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. С. 199.

² Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича... С. 14.

³ *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. XVII век. Т. 1. А–М. М., 2004. С. 698.

⁴ *Рабинович М. Г.* Одежда русских XIII–XVII вв. С. 74.

⁵ *Добродомов И. Г.* Акцентологическая характеристика болгаризмов в славянских языках // СТ. 1979. № 5. С. 18; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1987. С. 373.

⁶ *Добродомов И. Г.* Акцентологическая характеристика болгаризмов в славянских языках. С. 18.

⁷ Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Пикиты Ивановича Романова // ЧОИДР. 1887. № 3. С. 57–58, 113.

⁸ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1017.

⁹ Платье, головной и спальный уборы царицы Евдокии Лукьяновны 1642 года. С. 116–117.

Интересно, что некоторое количество чуг имелось даже у малолетнего царевича Ивана Михайловича, умершего в возрасте пяти лет. Он владел обширным для своего возраста ездовым гардеробом, приспособленным к различным обстоятельствам и временам года: ему принадлежали чуги обычные, теплые и холодные, ездовой панахидный кафтан, ездовые фerezы и ездовые шубы. Возможно, это изобилие было связано с тем, что царевича готовили к обряду «посаждения на конь». После его смерти в 1639 г. детский ездовой гардероб бережно сохранялся; летом 1655 г. он был передан царевичу Алексею Алексеевичу, которому не исполнилось и полутора лет¹.

Чуга из объяри² «по серебряной земле, по ней травы золоты с серебром» принадлежала, согласно (посмертной?) описи его утвари и платья от 1682 г., царю-лошаднику Федору Алексеевичу; чуга была украшена серебряным же плетеным кружевом³. Известно, что царь Федор отличался более тонким вкусом, чем его предшественники, о чем свидетельствует и это платье, выполненное в деликатном, но весьма эффектном художественном стиле «серебром и золотом по серебру». Любителем объяри был царь Алексей Михайлович, которому принадлежали десятки объяринных одежд⁴.

При выборе одежд предпочтение отдавалось тканям, где золото выгодно подчеркивалось сочными густыми оттенками красного (прежде всего) и зеленого⁵. Такое цветовое сочетание придавало ткани парадный торжественный вид, как нельзя лучше отвечавший требованиям придворного церемониала. Так,

¹ Опись платья и книг царевича Ивана Михайловича // *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей... М., 1915. С. 593–594.

² Все сорта объяри имели богатый узор и яркий блеск — «ярь», который обусловил русское название ткани. При московском дворе объярь применялась весьма широко; из нее изготавливали средние и верхние праздничные и парадные одежды для знати.

³ Царская утварь и платье царя Федора Алексеевича 1682 года // *Савваитов П. И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия... СПб., 1865. С. 86.

⁴ В их числе можно назвать роскошную шубу «объярь зелена струей золотой и травы золоты ж, круживо серебряное, испод черева лисы, нашивка серебряна, пуговицы серебряны ж золочены с финифты на шишковое депо»; ее царь надевал чаще других. См.: *Шапиро Б. Л.* Золото и золотные ткани... С. 77.

⁵ *Пчелов Е. В.* Символика даров семье Кучума. С. 246.

из всех 36 золотных шуб царя Алексея Михайловича, только одну «шубу объяръ зелена струи и травы золотые» он надевал на официальные выходы так часто, как только было возможно¹.

Красно-зелено-золотая цветовая гамма была любима на Руси издавна. Так, в летописном свидетельстве под 1252 г. рассказывается о встрече князя Даниила Галицкого и его западных соседей: «...Беша бо кони в личинах и в хоярех (т. е. в пополах. — Б. Ш.) кожаных, и людье во ярыцех (в латах. — Б. Ш.), и бе полков его светлость велика от оружья блистающася; сам же еха подле короля, по обычаю Руску, и бе конь под ним дивлению подобен и седло от злата жьжена и стрелы и сабля златом украшена иными хитростями, яко же дивитися, кожих же оловира Грецького и круживы златыми плоскими ошит и сапози зеленого хъза шити золотом»².

«Оловиры грецкие», т. е. византийские пурпурные шелка, были известны в княжеско-боярской среде с еще более ранних времен³. Красный цвет бытовал в древнерусской одежде во множестве оттенков⁴. При этом существовала определенная избирательность красок: первым после золота выбирали червчатый (темно-красный), затем алый (светло-красный) и только после всех красных шел зеленый.

Высокая стоимость привозного текстиля, который даже в царском быту понимался как значительная ценность, стала причиной его долговременного и многократного использования, в том числе посредством так называемого «второго кроя» вещей обветшалых или вышедших из употребления. Второпокройные одежды, сделанные из драгоценных привозных тканей, встречались довольно часто⁵. Так, в 1634 г. и в 1637 г. чуги царя Михаила Федоровича «участок по зеленой земле» и «бархат

¹ Строев П. М. Выходы государей царей... С. 147, 150, 174, 198, 219 и др.

² Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 122.

³ Фехнер М. В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // СА. 1982. №. 2. С. 64.

⁴ Среди которых чаще прочих называли алый, жаркий, огненный, багряный и красно-багровый, мясной, брусничный, малиновый, вишневый и темно-вишневый, маковый и темно-маковый.

⁵ Не в последнюю очередь потому, что одежды XVI–XVII вв. имели общую «прямокройную» конструкцию.

золотной червчат» переделывались в платна¹, а его же опашень «отлас турской золотной по червчатой земле с розными шолки» был сделан из турецкого платна². У царя Алексея Михайловича был «опошень объярь по рудожелтой земле травы золоты и серебряны»³, перекроенный из его же шубы. Царь выезжал на военный смотр в нарядной чуге «атлас червчат, нашивка жемчужная широкая»⁴, украшенной пуговицами, снятыми с его атласной шубы. Царь Иван IV велел сделать себе «кафтан с короткими рукавы»⁵, снабдив его золотыми пуговицами, снятыми с шубы царевича Ивана Ивановича.

Случалось, что поводом для переделки становилась смерть прежнего владельца. Так, после кончины Михаила Федоровича в сентябре 1646 г. из его ездовых кафтанов были сделаны чуги для нового царя⁶. Эта практика не была особенностью XVII в.; сохранилось указание изготовить для Ивана IV одежду «из Царевичевского Иванова спорка бархат Венедицкой на бели шолк лазорев рыт, шити и оксамитити золотом и серебром от летнего от 21-го наряду»⁷.

Кроме того, одежды, выполненные из дорогих тканей, передавались в монастыри в качестве заупокойного вклада в поминовение души новопреставленного раба Божия. Практика вкладов по душе была обыкновенной, для чего из имущества покойного выделялась его часть на помин. Ездовые одежды, находясь среди таких вкладов, почти неизменно дополнялись верховыми или, реже, упряжными лошадьми. Ездовые одежды также были частью вкладов, которые образно можно назвать «воинскими»⁸.

Отметим, что в дарах и вкладах XVII в. чуга сменила терлик, так как он вышел из круга статусного потребления. Сама чуга, пробыв при московском дворе более столетия, выходит

¹ Строев П. М. Выходы государей царей... С. 30, 48.

² Платье царя Михаила Федоровича 1629 года // Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия... СПб., 1865. С. 48–49.

³ Строев П. М. Выходы государей царей... С. 595.

⁴ Там же. С. 289.

⁵ Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича... С. 14.

⁶ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 988.

⁷ Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича... С. 19.

⁸ Приложение 1.

из моды во время правления царя Федора Алексеевича; ей на смену пришли другие, более удобные формы.

Все перечисленные виды одежды — терлик, тегилай, чуга и кафтан — относились к разряду среднего платья¹. Поверх них надевали верхние ездовые одежды, которыми были чаще всего ездовые ферязи (ферези), представляющие более объемную разновидность ездового кафтана². Главное отличие ездовой ферязи от простой состояло в ее богатом уборе, поскольку одежды, предназначенные для выезда, всегда украшались более богато. Нам известны прежде всего ездовые ферязи Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, в чьем гардеробе их было достаточно; при Федоре Алексеевиче ездовые ферязи вышли из употребления.

Постепенная трансформация ездовой ферязи в сторону увеличения в объеме и, особенно, в ширине подола, необходимая для свободы движения в многослойной одежде, привела к выделению на основе ферязи ее особой формы, которая получила название ферезеи. Объемная и пышно украшенная, она надевалась поверх всех прочих одежд. Ее появление относят ко времени правления царя Алексея Михайловича, когда она получила значение очередной придворной униформы. В 1648 г. ферезея известна как одежда для стольников; в кроильных книгах она появляется с октября 1654 г., в «Выходах государей царей...» — с сентября 1659 г.³

Мода на ферезею продолжалась не одно десятилетие: даже у Федора Алексеевича насчитывалось 27 обычных ферезей, 9 теплых и 10 холодных ферезей⁴. Самой эффектной, очевидно, была ферезея из золотного венецианского бархата, затканного изображениями орлов⁵.

«Все, что было наиболее ценного и изысканного в области ткацкого производства Запада и Востока, можно найти в описях царского платья», — подводит итог М. Н. Левинсон-Нечаева,

¹ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни... С. 66.

² Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 983.

³ Там же. С. 983.

⁴ Приложение 2.

⁵ Строев П. М. Выходы государей царей... С. 675.

анализируя одежду и текстиль позднего русского средневековья¹. Особенности одежды, выполненной из золотного текстиля, — благородство цвета, торжественность крупного геральдического рисунка — как нельзя лучше отвечали требованиям царского парадного конного выезда. Драгоценные, как в прямом, так и в переносном смысле, одежды царя и его свиты, служили одним из наиважнейших средств демонстрации силы государства и его правителя, способствовали выстраиванию иерархии власти, выступая как еще одна форма ее представления в вещном мире.

1.2.5. МОСКОВСКИЕ «АМАЗОНКИ»

Многие обычаи московского двора позднего русского средневековья относятся к числу вопросов, где реальные события в той или иной степени искажены мифологизированным толкованием. Одним из таких моментов русской средневековой истории является женский конный конвой, бытовавший при московском дворе².

Женская верховая езда в мужском седле была характерной приметой повседневности второй половины XVI столетия: об этом сообщают источники 1557–1558 гг.³ и 1568–1569 гг.⁴ Иностранцы, побывавшие в России в первой половине XVII в., отмечали, что в это время при московском дворе появляется своеобразная конная стража, состоящая исключительно из женщин. Эти «амазонки» числом от 24 до 100 сопровождали только женскую половину царской семьи «для их береженья»⁵.

¹ Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI–XVII веков. С. 336. Вот что пишет художник И. Я. Билибин: «Сказочную красоту являла вся эта смесь золотных и разноцветных тканей, свезенных и с востока, и с юга, и с запада, и все это объединялось в одном общем спокойном покрое русского платья». См.: Билибин И. Я. Несколько слов о русской одежде в XVI и XVII вв. // Старые годы. 1909. Июль — сентябрь. С. 456.

² Шапиро Б. Л. «Амазонки» при московском дворе: седельный сбор и костюм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 35–44.

³ Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 57–58 годов при царском дворе / Известия англичан о России во второй половине XVI в. // ЧОИДР. 1884. № 4. С. 28

⁴ Турбервилль Дж. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века // Горсей Дж. Записки о России. С. 260.

⁵ Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. С. 6.

Исследователи разных лет усматривали в этом как приверженность к старине, к обычаям XVI в.¹, так и попытки придать больше пышности государственному церемониалу².

Действительно, царские выезды этого времени были внушительны, и выезды царицы превосходили выезды царя по многочисленности и разнообразию свиты. Здесь добавлялись особенные составляющие, боярыни и прислужницы, в числе которых была и женская конная стража. Как правило, такое сложносоставное окружение сопровождало царице только при особо торжественных, дальних поездках. Обыкновенные выезды в пределах города и ближайшего пригорода совершались упрощенным порядком: в этом случае царицу сопровождали только мужчины ее ближайшего круга, дворяне и боярские дети. Свидетелем такого «малого» выезда в 1585 г. был гданьский монах-путешественник Мартин Груневер³. Придворные «амазонки» в таких выездах не участвовали.

Самыми пышными царскими выездами были годовые (ежегодные) богомолья; в царской семье они одновременно исполняли роль главных годовых парадных женских выездов и совместных семейных. Выезжали, главным образом, к Троице (в Троице-Сергиев монастырь)⁴, царь и царица каждый собственным конным поездом. В сложной системе государственного церемониала именно эти выезды имели смысл «торжественного

¹ Кириллова Л. П. Царский выезд в XVII столетии // Наше наследие. 1997. № 42. С. 108.

² Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. С. 12; Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2014. С. 395.

³ Груневер М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. С. 234.

⁴ Кроме Троицы, царская семья посещала Страстной, Новодевичий и Ново-спасский монастыри и другие пригородные и загородные монастыри и подворья. Сохранилось описание выезда в храм села Покровского, оставленное немецким путешественником и географом А. Олеарием: «Его царское величество со своими боярами, князьями и солдатами, то есть в общем со свитою человек в 1000, отправился с полмили от города на паломничество в какую-то церковь. Великий князь ехал один с кнутом в руке; за ним ехали бояре и князья, по 10 в ряд, представляя великолепное зрелище. Далее следовали великая княгиня с молодым князем и княжною в деревянной, разукрашенной резьбою, сверху обтянутой красным сукном, а с боков желтою тафтою — большой повозке, которую везли 16 белых лошадей. За нею следовал женский штат царицы в двадцати двух деревянных повозках, выкрашенных в зеленый цвет и также обтянутых красным сукном, как была обтянута и конская упряжь... С боков шли более 100 стрельцов». См.: Олеарий А. Описание путешествия... С. 63.

свидетельства Царского благочестия»¹, что служило к оформлению не только сакрального образа монарха, но и сакрального пространства вокруг него.

Конная женская стража стала неотъемлемой частью впечатляющей процессии, ежегодно тянувшейся к Троице, о чем сохранились множественные свидетельства современников. Самые ранние относятся к рубежу XVI–XVII вв. 1600 годом датируется рассказ английского дипломата В. Парри; он свидетельствует о наличии в штате царицы Марии Годуновой прислужниц, одетых для верховой езды². Выезд с их участием описан очевидцами Троицкого поезда Бориса Годунова и его супруги 6 октября 1602 г. Богомолье было приурочено к предстоящей свадьбе их дочери с датским принцем, «да благословит Небо союз Ксении с Иоанном»³. Иностранцы, зафиксировавшие и передавшие обстоятельства этого выезда, представляли датское посольство, сопровождавшее жениха Ксении Годуновой. Говорили, что этот выезд был одним из самых богатых богомольных выездов столетия. Приведем описание этой исключительной по своему блеску процессии⁴.

Появление царя предвлялось шестью сотнями вооруженных всадников; за ними вели в поводу 25 роскошно убранных заводных лошадей, часть из которых была покрыта леопардовыми шкурами. Позади шествовали рыжие лошади, убранные алым бархатом; лошади в таком же уборе, но светло-серые,

¹ Цит. по: Седов И. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 184.

² Парри В. Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. С. 8–9.

³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 3. Т. XI. СПб., 1845. Стб. 31.

⁴ Еще более блестящим называли выезд 1675 г., где традиционный поезд был дополнен сопровождающими его знаменосцами, пушками с канонирами, скороходами и музыкантами (трубачами и барабанщиками). В выезде также участвовали иноземные посланники. Охрана поезда составляла 14 000 воинов без учета ветеранов пехоты, стрельцов, конных стрелков, копейщиков, секироносцев и оруженосцев. В процессии принимали участие и царские дети, для выездов которых, по уже оформившейся традиции, при русском дворе держали малорослых лошадей. См.: Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского... С. 363–364. Тем не менее высказывалось мнение, согласно которому в Московии конные церемонии религиозного характера занимали малое место; при этом богомольные выезды не относили к религиозным. См.: Денисова М. М. Конюшенная казна. С. 300.

везли царскую вызолоченную карету, ехавшую следом. За царской каретой ехал верхом тринадцатилетний царевич Федор, одетый в парчу; его окружала плотная толпа из бояр и дворян. За толпой тянулись десятки повозок, где размещались придворные и царское имущество. Далее ехали многочисленные конные дворяне и стрельцы; последние вели в поводу еще 40 заводных серых в яблоках лошадей. Следом, на серых лошадях в алом бархате, ехали бояре. Наконец, «...следовала царица в золоченой повозке с небом из алого бархата, и против нее в повозке сидели две боярыни. Повозка ее была запряжена десятью очень красивыми серыми лошадьми. За нею следовала царевна [Ксения], ехавшая также в золоченой повозке с небом из оранжевого бархата... Повозка ее была запряжена восемью красивыми серыми лошадьми. Как кругом царицыной, так и кругом царевниной повозки бежала большая толпа бояр. За повозкою царевны ехало верхом 36 боярынь, все замужние, одетые в красное, все в белых войлочных пняпах с широкими полями и красными повязками вокруг шляпы и с белою [фатою, закрывавшей] рот. Сидели они на лошадях по-мужски. За ними следовало большое множество повозок...»¹

Присутствие женского отряда, ехавшего попарно «верхами на иноходцах»², отмечают и другие свидетели этого выезда: «все горничные женщины ехали верхом, как мужчины: на головах у них были белоснежные шапки, подбитые телесного цвета тафтой, с желтыми шелковыми лентами, на них золотые пуговики, к которым приделаны были кисти, падавшие на плеча. Лица у женщин закрывались белыми покрывалами до самого рта, а одеты они были в длинные платья и желтые сапоги. Каждая ехала на белой лошади, а всех таких ехавших, одна возле другой, женщин было 24»³.

О выезде Марины Мнишек, состоявшемся, очевидно, в мае 1606 г., пишет французский наемник на русской службе капитан Жак Маржерет: «изрядное число женщин следует за ее каретой,

¹ Гольденштиерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса... С. 26–27.

² Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 36.

³ [Вебер И., Лунд М.И.] Подлинное известие о русском и московском путешествии... С. 16.

сидя верхом по-мужски»¹. Вероятно, таким же порядком выезжала и Мария Шуйская: в ее гардеробе отмечены особенные головные уборы, предназначенные только для дальней дороги². Судя по всему, это были последние выезды с «амазонками», и последующие политические события надолго приостановили бытование чина торжественного выезда царицы.

Достоверных сведений о женской верховой езде в мужском седле в XVI–XVII вв. ничтожно мало. Очень немногое мы можем узнать, сопоставляя официальные документы и исторический нарратив. Иллюстративный материал ограничен двумя изображениями. Первое — миниатюра из Лалтевского тома Личевого летописного свода, изображающая конную свиту вдовы Юрия Долгорукого с детьми при поездке в Константинополь³. Миниатюра выполнена придворными художниками Ивана IV⁴. Всадница на миниатюре выделяется специфической широкополой шляпой⁵, надетой на убрус. Аналогичный головной убор представлен на поясном изображении женщины, которое было опубликовано И. Е. Забелиным как шляпа для защиты от солнца и дождя, известная в древнерусском женском костюме с XVI в.⁶

Свидетельства современников позволяют очертить особенности такой шляпы довольно полно. Она имела широкие круглые поля и круглую тулью; цвет ее всегда был белым, а материалом для изготовления был войлок⁷. Шляпа называлась

¹ Маржерет Ж. Состояние Российской империи. С. 136.

² Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц... М., 2014. С. 604.

³ Жилина Н. В. Русский женский головной убор XV–XVII вв. // ЭО. 2013. № 4. С. 164–165; Личевый летописный свод XVI века. Русская летописная история. Т. 2. М., 2009. С. 353; Перхавко В. Б., Пчелов Е. В., Сухарев Ю. В. Князья и княгини русской земли IX–XVI вв. М., 2002. С. 198.

⁴ Изображения головных уборов в Своде не испытали влияния иконописи и могут считаться достоверными. См.: Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 101, 111.

⁵ Из всего многообразия головных уборов именно шляпы (а не шапки) предназначались для верховой езды, о чем косвенно говорит то, что походные шляпы числились не только по описям имущества цариц, но и по Описям Конюшенного приказа. См.: Викторев А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 2. С. 503.

⁶ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц... М., 1869. Таб. IV, VI.

⁷ Гваньини А. Описание Московии. С. 87; Гольденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса... С. 26; Маржерет Ж. Состояние Российской империи. С. 136; Олеарий А. Описание путешествия... С. 138. Белый войлок был обыкновенным материалом для изготовления головных уборов.

«походная»¹, или «земская»²; несмотря на прозаическое название, она убиралась роскошным декором. Отличительной ее чертой были висящие длинные кисти³. Эти кисти сравнивались с украшениями венцов: «венец с кистями низан жемчугом, что бывает у боярынь на походных шляпах»⁴. Думается, что они могут быть охарактеризованы как рясна⁵.

Шляпа снабжалась длинными шнурами из цветного яркого материала⁶. Эффектным дополнением головного убора была белая фата, висевшая как «шелковая повязка вокруг шеи»⁷. В походе она закрывала нижнюю часть лица⁸, защищая его от загара и дорожной пыли, поднимаемой копытами лошадей поезда. Эта деталь была необходимой частью экипировки, поскольку белые румяные лица считались своеобразной «визитной карточкой» московских амазонок. Так, Олеарий сообщал о группе из «36 нарумяненных девиц, которые ехали на лошади по-мужски»⁹, ему вторят и другие современники¹⁰. Говорили, что «в Москве не считается зазорным румянить и белить лица, и самые знатные — и мужчины, и женщины — раскрашиваются, и даже сам Великий князь»¹¹. Эта особенность воспринималась как национальный обычай¹². Подтверждение того, что косметика входила

¹ Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты... С. 4.

² Флетчер Дж. О государстве русском... С. 126.

³ [Вебер И., Лунд М. И.] Подлинное известие о русском и московском путешествии... С. 16.

⁴ Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты... С. 4.

⁵ Жилина Н. В. Русский женский головной убор XV–XVII вв. С. 169.

⁶ Олеарий А. Описание путешествия... С. 138; Флетчер Дж. О государстве русском... С. 126.

⁷ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // ЧОИДР. 1846. № 1. С. 20.

⁸ Гольденштиерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса... С. 26.

⁹ Олеарий А. Описание путешествия... С. 138.

¹⁰ Карлейль Ч. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля // Историческая библиотека. 1879. № 5. С. 17; Майерберг А. Путешествие в Московию... С. 84; Маржерет Ж. Состояние Российской империи. С. 136.

¹¹ Груневег М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. С. 20.

¹² Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1. С. 37.

в число предметов первой необходимости, мы находим в письме царицы Евдокии Лукьяновны, написанном вскоре после свадьбы. Здесь перечисляются подарки, сделанные молодой царицей сестре; среди обыкновенных для женщин ее круга шелков, серебра и золота, одежд и украшений указаны два фунта белил¹.

Возвращаясь к походным шляпам, отметим, что современники однозначно связывали их с одеждами особого сопровождения царицы: «шла царица... Ее сопровождали до шестидесяти очень красивых женщин... Вся их одежда была обильно унижена жемчугом, искусно обделанным; на голове они имели белые шляпы, с большими лентами крутом, униженными жемчугом. Мы никогда не видывали, чтобы женщины в этой стране носили шляпы, кроме только этих дам», — отмечали очевидцы².

Именно такие шляпы появляются в гардеробе царской невесты Евдокии Стрешневой 4 февраля 1626 г., за день до свадьбы: «шляпочному мастеру Оське Жукову от царицыных осьми шляп за дело, рубль 26 алтын 5 деньги»³. Другой источник сообщает о семи шляпах⁴. Шнуры к этим шляпам были весьма примечательны: «по отласу по червчатому низан жемчугом большим с канителью, в нем запоны золотые с алмазы и с яхонты и с изумруды; промеж запон, и сверху и с исподи, в гнездах каменье яхонты и лалы и изумруды»; «по отласу по червчатому низан жемчугом большим с канителью, а в нем запоны золоты, в запонах каменье алмазы и яхонты и изумруды и бирюзы; промеж запон, и сверх и с исподи, в гнездах яхонты и изумруды»; «по цке серебряной золоченой низан жемчугом, в нем 4 запоны золоты с финифты и с каменье с алмазы и с яхонты и с изумруды; меж запан три изумруда»⁵.

Царице Марии Шуйской принадлежали «шестеры шнуры с кистями шиты золотом и серебром с шолки; 4 шнуры шиты по белой тафте розными шолки, на концев кисти шолк червчат.

¹ Письмо царицы Евдокии Лукьяновны к ее сестре Федосье Лукьяновне Стрешневой // Временник императорского общества истории и древностей российских. 1849. № 1. С. 15.

² Парри В. Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. С. 8–9.

³ Викторov А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 244.

⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц... М., 2014. С. 604.

⁵ Платье, головной и спальный уборы царицы Евдокии Лукьяновны 1642 года. С. 122.

Снур шляпочной делан картуелью и трунцалы с жемчуги, подложен тафтою зеленою, 4 кружива снурных, 2 низаны жемчугом, а 2 шиты золотом и серебром, 2 фуника от снур низаны жемчугом»¹.

Особого платья, приспособленного для верховой езды, московские женщины не знали. Специализированная женская одежда для верховой езды в это время только начинает свое формирование: одним из первых примеров стало черное атласное платье для конной охоты королевы-консорты Англии Елизаветы Йоркской (1502). Немногие образцы середины XVI в. представляли собой адаптированное дорожное платье². Уже тогда этот вид одежды оформлялся в мужском стиле; самые смелые дополняли юбку бриджами. Под названием «калесоны» они, по легенде, были введены в женский обиход Екатериной Медичи³.

Эта мода была поддержана не всеми. Так, Елизавета I Тюдор до самых преклонных лет выезжала в парадном придворном одеянии⁴. Мы можем только предположить, что ее платья могли быть несколько упрощены для большей свободы движения. Именно в таком ключе было решено «охотничье» платье Изабеллы Португальской: сохраняя все признаки актуальной моды, оно имело облегченные рукава, укороченную длину и минимум декора⁵.

С 1630–1640-х гг., с ростом популярности конной охоты, специально приспособленная для этого занятия женская одежда встречается все чаще, и в женском гардеробе появляется понятие «костюм для верховой езды» (*riding habit*). Еще более частые упоминания относятся ко второй половине XVII в.⁶

¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц... М., 2014. С. 604.

² Mackay-Smith A., Druessedow J. R., Ryder T. Man and the Horse: An Illustrated History of Equestrian Apparel. New York, 1987. P. 60.

³ Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. Т. 2. М.; СПб., 2001. С. 69; Arnold J. Dashing Amazons: The Development of Women's Riding Dress, c. 1500–1900 // Hays A. Defining Dress: Dress as Object, Meaning and Identity. Manchester, 1999. P. 11.

⁴ Longrigg R. The history of foxhunting. London, 1975. P. 39; Womack M. Sport as Symbol: Images of the Athlete in Art, Literature and Song. Jefferson, 2012. P. 51.

⁵ Планиро Б. Л. «Одежды Дианы»: женский костюм для конной охоты в западноевропейской культуре Нового времени // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии. СПб., 2016. С. 35–39.

⁶ Mackay-Smith A., Druessedow J. R., Ryder T. Man and the Horse... P. 61.

Эта одежда представляла собой модное платье с заимствованиями из мужского военного и охотничьего гардероба. В частности, с 1660-х гг. активно задействуется модная новинка — мужской редингот¹. Прекрасные охотницы переняли у кавалеров парики и головные уборы — широкополые шляпы, а позднее — треуголки, декорированные галуном и плюмажем². С конца XVII в. при конной езде женщины эпизодически пользуются не только отдельными деталями, но и полным мужским гардеробом³.

Очевидно, что эта мода еще не была (да и не могла быть) принята на Руси, и русские всадницы пользовались своими обыкновенными одеждами, долгополыми и широкими в подоле⁴, как поступали в это время и на Востоке.

Стоит отметить, что в восточных культурах женский конный конвой как часть придворного церемониала был известен с гораздо более раннего времени. Так, имеются свидетельства о выездах золотоордынских цариц во время правления хана Узбека (1312–1341): «Тайтуглы царица и самая любимая из всех жена <...> царица между хатунями уходит; затем уходят и прочие из них и провожают ее до ее ставки, а по входе ее в нее каждая на арбе своей уезжает в свою ставку. При всякой [из них] около 50 девушек, верхами на конях. Перед арбой до 20 старых женщин, верхами на конях, между отроками и арбою, а позади всех около 100 невольников из молодежи. Перед отроками около 100 старших невольников верховых и столько же пеших, с палками в руках своих и с мечами, прикрепленными к поясам их; они [идут] между конными и отроками. Таков порядок следования каждой хатуню их при уходе ее и приходе ее», — сообщал арабский путешественник Ибн-Баттута⁵.

¹ Waugh N. The cut of women's clothes, 1600–1930. New York, 1968. P. 31.

² Arnold J. Dashing Amazons. P. 16; Owen R. Art of Side-saddle: History, Showing, Etiquette. London, 1984. P. 98.

³ Ewing E. Women in Uniform: through the centuries. London, 1975. P. 28–30; Owen R. Art of Side-saddle. P. 98.

⁴ Moscovita Nobile // Vecellio C. De gli habiti antichi et moderni di diverse parti del mondo. Venetia, 1590. P. 353–355.

⁵ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 291.

Обычай сохранился и в позднее время; так, в Алеппо в 1553 г.¹, по свидетельству английского купца Антона Дженкинсона, «за великим Турком следовали шесть молодых женщин верхом на белых лошадях... с небольшими луками в руках; около каждой по сторонам было по 2 евнуха»². И. Е. Забелин предположил заимствование этого красивого обычая московским двором³.

Одежды московских придворных «амазонок», как уже говорилось, в целом были подобны мужским, но отличались несколько большей шириной⁴. Цветом их верхнего платья был избран красный⁵. Учитывая свидетельства о бытовании при московском дворе женских терликов⁶, а также то, что царские «терлишники» (те, кто осуществлял личную охрану царя) носили чаще всего единообразные красные терлики, можно предположить, что и одежды женского конного конвоя были выполнены в едином «форменном» стиле, а возможно, и в виде женских терликов.

Обувью придворных всадниц были сапоги двух типов — с мягкой и жесткой подошвой. В царском кругу преобладала жесткая обувь. В распоряжении царицы и ее окружения были и чоботы — сапоги с мягкими голенищами; они могли быть полные и полуполные, укороченные, что встречалось чаще⁷. Чоботы на жесткой подошве, скроенные на разные ноги, назывались «кривыми». Женские варианты мужской обуви носили название «на мужское дело»; они встречались даже в гардеробе царицы. Так, в Троицкий вешний поход 1628 г. царица Евдокия Лукьяновна взяла «чоботы отлас червчат, кривые. Чоботы отлас бел,

¹ Так в тексте, но, вероятно, речь идет о 1558 г.

² Гамель И. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. С. 68.

³ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц... М., 2014. С. 398.

⁴ Олгарий А. Описание путешествия... С. 166.

⁵ ГюльденстIERне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Iанса... С. 26; Маржерет Ж. Состояние Российской империи. С. 136; Олгарий А. Описание путешествия... С. 138.

⁶ «...делать карлице терлик в сорочках с сукон с поталаю, сорочек пошло четьре, по десяти денег сорочка, нашита нашивка шёлк чер[в]лен». См.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 287. Л. 370. Архив Оружейной палаты. Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. Расходная книга за 7140 г. Выражаю искреннюю благодарность С. М. Шамину, Д. А. Лялину и Д. С. Муравьевой за предоставленный материал и его интерпретацию.

⁷ [Вебер И., Лунд М. И.] Подлинное известие о русском и московском путешествии... С. 16; Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц... М., 2014. С. 655.

на мужское дело, кривые. Чоботы сафьянные белые, на мужское же дело, кривые»¹.

Обувь первой трети XVII в., первых царских «амазонок», отличалась заостренным и приподнятым кверху носком головки². Именно она была престижной и богато украшенной, густо расшивалась самоцветами и жемчугом, а каблуки подбивались серебряными скобами³. Обувь придворных всадниц была подобна мужской⁴, но, как и одежда, не была полностью тождественна ей. Среди отличий были более вычурный декор и более высокий каблук, высота которого составляла в среднем 6–7 см⁵.

В ярких цветных одеждах мужчины и женщины ходят

На каблуках. Все, кто имеют деньги, взбираются на каблуки —

свидетельствовал секретарь английского посольства поэт Дж. Турбервилль⁶.

Общее впечатление о придворной женской обуви можно составить по материалам Оружейной палаты, в описи которой отмечен «сапог женский красный, бархатный, на высоком каблуке, при короткой подошве с широким подъемом и таким же проходом в голенище. Верх вырезан козырем, по краям его уцелел кусок шнура зеленого с золотом. Сапог был некогда низан жемчугом, о чем свидетельствуют разводы, прошитые белым шелком и обшитые золотым шнуром, начиная от концов носка и задника до половины голенища. Подкладка красного атласа сохранилась только в подъеме, в остальных местах видна лишь парусина, служившая для подшивки и закрепления узоров на

¹ Дополнения к дворцовым разрядам. Ч. 1. М., 1882. Стб. 524.

² Есть свидетельства о существовании обуви такой формы уже во второй половине XVI в. См.: *Гваньини А.* Описание Московии. С. 87; *Турбервилль Дж.* Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века. С. 260.

³ *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 302; *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1013; *Осипов Д. О.* Обувь московской... С. 51.

⁴ *Карлейль Ч.* Описание Московии при реляциях гр. Карлейля. С. 17; *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни... С. 63; *Михайлова И. Б.* Иван-царевич в чоботах, а Василиса Прекрасная в поршнях: обувь на Руси в IX–XVII веках // *Теория моды: одежда, тело, культура.* 2016. № 40. С. 71.

⁵ «Передняя часть башмака с пальцами ног едва доходит до земли». См.: *Олериий А.* Описание путешествия... С. 166.

⁶ *Турбервилль Дж.* Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века. С. 260.

бархате. Носок полукруглый; подошва цельная, переходит и на деревянный каблук. Мера, спереди от носка до верхней части козыря, пятнадцать вершков, сзади от конца каблука до верху одиннадцать вершков, длина подошвы с каблуком пять вершков две осьмых»¹.

Известно, что московские всадницы ездили со стременами, которые, вероятно, были укорочены в восточной манере, как и у мужчин². Стремена подбирались с прямым подножием, подходящие к обуви с жесткой подошвой. Стоит отметить, что парадные стремена были не только функциональной частью снаряжения, обеспечивающей прочную посадку и контакт всадника и лошади, но и изысканным аристократическим аксессуаром.

К шпорам, как отмечалось выше, русские прибегали нечасто: «сапоги они носят красные и очень короткие, так что они не доходят до колен, а подошвы у них подбиты железными гвоздиками. На носке и на пятке подошва чуть выступает вверх и тоже подбита, чем они пользуются вместо шпор», — отмечал создатель знаменитых «Записок о Московии» историк С. Герберштейн³. Кроме того, частичной заменой шпорам служили стремена турецкого типа с острыми боковыми ступицами.

При сборе седла москвиты стремились к эстетической цельности, выбирая стремена «одного дела с оправою на луках»⁴, т. е. такие, чья художественная отделка соответствовала отделке седла.

Данных о специфике женского седла для езды по-мужски в XVI–XVII вв. не выявлено; вероятно, различий с мужскими седлами не существовало. Однако, согласно «Расходу деньгам царицы

¹ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 2. Кн. 3. Посуда раковинная... С. 207.

² Гваньини А. Описание Московии. С. 79; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 114; Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника... С. 152; Описание России неизвестного англичанина... С. 28.

³ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 117.

⁴ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 9. Художественная цельность выдерживалась и при оформлении экипажей. Так, очевидцы отмечали: «...следовали великая княгиня с молодым князем и княжною в деревянной, разукрашенной резьбой, сверху обтянутой красным сукном, а с боков желтою тафтой — большой повозке, которую везли шестнадцать белых лошадей. За ней следовал женский штат царицы в двадцати двух деревянных повозках, покрашенных в зеленый цвет и также обтянутых красным сукном, как была обтянута и конская упряжь». См.: Олеарий А. Описание путешествия... С. 63.

Евдокии Лукьяновны 135 года» (т.е. 1627 г.), имеются сведения, что седла для государевых выездов выделялись из общей массы, хранились отдельно и использовались только в этих походах¹.

Все известные на настоящий момент свидетельства говорят о том, что московские придворные «амазонки» ездили в мужских седлах, что не означает того, что они не знали седел с боковой посадкой. Едва ли не единственной отправной точкой для размышлений в этом направлении становится сообщение, сделанное в 1848 г. этнографом А. В. Терещенко: «[русские] женщины [XVI века] не ходили далее ворот: они ездили верхом, сядясь на седла, сделанные наподобие шотландских стульев, которые делались гладкими из березового дерева»². На первый взгляд кажется очевидным, что этнограф описывает женское боковое седло, хорошо известное к тому времени в Европе³. Однако источником этого заключения послужили стихотворные памфлеты англичанина Дж. Турбервилля, где, несомненно, речь идет об особенностях мужской езды:

Богатый ездит верхом
От места к месту, его слуга, следуя за ним, бежит рядом.
Казак носит свой войлок, предохраняющий от дождя.
Их уздечки не столь нарядны, а седла и совсем просты.
Удил нет, а только везде уздечки, седла сделаны из березы.
Они сильно напоминают шотландские седла,
[имеются на них] широкие попоны, хранящие колени
От лошадиного пота; подстилки стелют намного длиннее
И шире наших. Они используют во время войн короткие стремяна.
Так, когда русского преследует жестокий враг,
Он укачет прочь и, неожиданно повернувшись,
поражает его из лука⁴.

Но все же специальные женские седла в Московском государстве имелись, о чем свидетельствует опись «Древних русских

¹ Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 326.

² Терещенко А. В. Быт русского народа. Ч. 1. М., 1997. С. 234.

³ Owen R. Art of Side-saddle. P. 96–97.

⁴ Турбервилль Дж. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века. С. 256. Приходится согласиться с К. Д. Кавелиным в том, что работа А. В. Терещенко «исполнена ошибок и неточностей». См.: Кавелин К. Д. Быт русского народа. Соч. А. Терещенки // Кавелин К. Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Этнография и правоведение. СПб., 1900. Стб. 163.

доспехов неопределенных времен, до империи» Оружейной палаты, где среди 119 седел, «окованных золотом, серебром и украшенных драгоценными камнями, жемчугом, финифтью, московской работы и присланных в дар» отмечены «в том числе старинные женские»¹.

Более подробное изучение вопроса затруднено недостатком достоверных источников. Может быть атрибутировано как женское седло, изображенное на фресках Толчковой паперти церкви Иоанна Предтечи в Ярославле, чьи росписи включают более двух десятков сюжетов о коне и всаднике из реального и воображаемых миров. Церковный интерьер расписывался в 1694–1695 гг. артелью Дмитрия Плеханова, который не раз выполнял заказы московского двора² и был хорошо знаком с царским бытом.

Как правило, московские «амазонки» выезжали на светлых, почти белых иноходцах. Эти лошади передвигались быстрым, но мягким, особо удобным для всадника аллюром, при котором одновременно выносятся обе правые или обе левые ноги: «обе ноги правую переднюю и правую заднюю поднимают и ставят вдруг...»³. Иппологи допускают, что часть из них бежала проиноходью (аллюром, близким к иноходи) или ходой — аллюром, при котором задние ноги опускаются с некоторым запозданием относительно передних⁴. Такие аллюры, не в четыре, как обычно, а в два темпа, были быстрыми, но мягкими и спокойными, удобными для всадников со слабой физической подготовкой. Так, для Троицкого вешнего похода в мае — июне 1628 г. было выделено «под верхи 26 иноходцев, постельницам и мастерицам»⁵.

И документы, и очевидцы свидетельствуют, что конное сопровождение царицы набиралось из числа ее придворной прислуги: «А когда царице лучитца куды ехать, и в то время с нею

¹ Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 257.

² Добровольская Э. Д., Гнедовский Б. В. Ярославль. Тутаев. Архитектурно-художественные памятники. М., 1981. С. 196.

³ Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980. С. 94.

⁴ Шапиро Б. Л. Лошади «государева седла» в Московском государстве XVI–XVII вв. // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 171.

⁵ Дополнения к дворцовым разрядам. Ч. 1. Стб. 519.

в коретах, или в колымагах и в каптанах, и с царевичами меньшими и с царевнами, сидят боярыни; а кореты, или каптаны, бывают закрыты камкою Персицкою, как едут Москвою, или селами и деревнями; а мастерицы, и постелницы, и мовницы ездят верхами на иноходцах, а сидят на лошадях не против того, как в ьных государствах ездят женской пол, таким же обычаем, как и мужской пол: а будет тех мастериц, и постелниц, и мовниц со 100 человек, кроме девиц мастериц и которые живут в Верху; а всех будет их блиско 300 человек»¹.

В Троицком осеннем походе 1632 г. «с царицей Евдокией Лукьяновной быти в походе: постельниц 49 ч., мастериц 30 ч., портомой 5 ч., комнатных 2 ч., карлов, карлиц 2 ч. И всего постельниц и мастериц и портомой и комнатных и карлов и карлиц 88 ч. И в том числе постельницам и мастерицам ехать за государыней царицей верхи 40 ч., а под ними 40 иноходцов с седлы и с уздами. По лошади у человека»². Судя по крайне низкому размеру годового жалованья³, все эти «верховые мастерицы и ученицы, мовницы, портомой или прачки»⁴, а также все те, «которым указывали быть [за Государыней Царицей] в походе по списку»⁵, не имели особого положения при дворе, несмотря на фактическую близость к царице.

Имеются немногочисленные косвенные свидетельства о том, что верхами выезжали и боярыни: так, согласно расходной книге царицы Евдокии Лукьяновны, в июне 1627 г. перед Троицким походом она «пожаловала боярынь да кормилицу шляпами». Тогда же царица оплатила «мастерам... для Троецкого походу... за шляпу черную простую 3 алт. 2 ден. куплена дурке Маньке... За 4 шляпы белых 37 алт. взяты в царицыны хоромы, а царица ими жаловала боярынь»⁶. Как уже упоминалось, карлицы тоже принимали участие в верховом выезде. Очевидно, что столь обширное окружение предназначалось не столько для физической охраны царицы, а больше для «тесноты людской», и московиты

¹ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 36.

² Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. С. 26–27.

³ Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 287.

⁴ Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. С. 12.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 326, 341.

«всего больше гордятся белыми лошадьми и множеством слуг и невольников, которые идут впереди и сзади»¹.

Стоит отметить, что наиболее полно описаны выезды царицы Евдокии Лукьяновны, неизменным атрибутом которых являлись московские «амазонки»: источники различного характера описывают события 1628, 1630, 1632, 1634 и 1636 гг.²

О бытовании «амазонок» при дворе Алексея Михайловича рассказывает чиновник Посольского приказа Г. Котошихин³, чьи сообщения охватывают 1645–1664 гг., с начала этого правления до эмиграции рассказчика летом 1664 г. Точку в этой истории ставит С. Коллинс, врач, проведенный при дворе Алексея Михайловича девять лет в период 1658–1666 гг. Он сообщает следующее: «недавно вывелось между женщинами обыкновение ездить верхом в белых шляпах с шелковой повязкой на шее, и садиться на лошадь по-мужски»⁴. Сопоставляя исторический нарратив и документальные свидетельства, можно согласиться с Н. И. Костомаровым, что женская конная стража как часть придворного церемониала упраздняется в середине XVII в.⁵

Проанализированные материалы 1660–1670-х гг. не противоречат высказанной версии: нет упоминаний о царских «амазонках» в довольно подробных описаниях придворного быта 1661 г., 1663–1664 гг., 1670–1673 гг., 1675 г. Нет их и в подробных росписях царских поездов 1669 и 1674 гг.⁶ Нет их и после 1675 г., с началом правления царя Федора Алексеевича, когда придворный церемониал еще более упрощается. Вероятно, последней, кто имел подобное сопровождение, была первая супруга царя Алексея Михайловича М. И. Милославская. После ее смерти в 1669 г., согласно «Описи казне и платью царицы Марии Ильиничны»,

¹ Алеттский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву... С. 34.

² Дополнения к дворцовым разрядам. Ч. 1. Стб. 638, 903; Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. С. 27–32; Олеарий А. Описание путешествия... С. 138.

³ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 36.

⁴ Коллинс С. Нынешнее состояние России... С. 20.

⁵ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни... С. 122.

⁶ Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. С. 30–31; Карлейль Ч. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля. С. 21–22; Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского... С. 366; Майерберг А. Путешествие в Московию... С. 84; Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому... С. 296.

принадлежащие царице «шляпы и шнуры шляпочные» были переданы ее преемнице — Наталье Кирилловне Нарышкиной, которая уже не пользовалась ими¹.

Таким образом, эволюция женской верховой езды на рубеже XVI–XVII вв. отмечена значительными изменениями, связанными с ее перемещением из повседневного быта в область придворного церемониала. При московском дворе мода на сотенный конвой из «амазонок» в ярко-красных одеждах, выезжавших верхами на белоснежных иноходцах, держалась на протяжении всей первой половины XVII в. В это время она пережила два подъема. Первый пик приходится на первые годы столетия; а именно на выезды Марии и Ксении Годуновых, Марины Мнишек и Марии Шуйской. Второй начинается с замужеством Евдокии Стрешневой и заканчивается в середине столетия при Марии Милославской, незадолго до ее смерти.

* * *

С тех пор как конь и конный выезд приобрели значение атрибутов правителя, его воинской доблести и верховной власти, конское убранство, снаряжение всадника и его ездовые одежды приобрели смысл вещественного выражения этих качеств. Выполненные из золота и золотных тканей, они ассоциировались прежде всего с царской конной культурой: именно этот драгоценный металл в глазах москвитов символически выражал сакральные основания царской власти. Особое место в этом ряду принадлежит предметам, отмеченным государственной символикой. Имеющие ярко выраженный репрезентативный характер, они являли собой одну из наиболее эффектных форм демонстрации царского достоинства, выражая главенствующую идею сильной центральной власти.

¹ Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 320.

ГЛАВА 3. НОМО EQUES РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1.3.1. Московское конское хозяйство: история, обычаи и традиции. Государевы конюшни

Взаимоотношения человека и лошади в силу их тесной связи веками представляли собой один из важнейших элементов мировой культуры. Каждая отдельная культура приносила в эту взаимосвязь свои новшества, так как «у разных народов разные лошади. Они соответствуют характеру, темпераменту, физическим данным, образу жизни, традициям и эстетическим пристрастиям населения страны. Верховая лошадь со всем ее снаряжением — это своего рода образ эпохи и страны... Тип лошади отражает потребности в определенной спецификации в ее использовании, т.е. выявляет род занятий и образ жизни людей, а отношение к коню и его место в иерархии ценностей в известной мере характеризует духовную культуру»¹.

Предыстория царской лошади в России начинается в конце XV в., во время переустройства великокняжеского двора Ивана III по европейскому образцу. Частью нового обустройства стал Хорошевский завод — первые в Московии государевы конюшни². Сведений о заводском поголовье этого времени до нас

¹ Королькова Е. Ф. «Полцарства за коня...» // «Полцарства за коня...» С. 32.

² Иваном IV были основаны государственные конные заводы в Александровской и Гавриловской слободах; к началу XVII в. в Московии было 13 «государевых кобылячьих конюшен» — так именовались конные заводы. Частное коннозаводство этого периода было представлено в дворянских и в монастырских хозяйствах. См.: Шаниро Б. Л. Лошади «государева сEDIA»... С. 170–184. Хорошевский завод упоминается как место постоя жеребца «отличной красоты», подаренного Ивану III правителем Швеции Стеном Стуре. См.: Гусев Ю. Коннозаводство XV–XVII веков // Коневодство и конный спорт. 1992. № 1. С. 14.

не дошло, но, судя по многоконным царским выездам, их число должно было быть значительным.

Тогда же оформляется ведомство, подчиненное конюшему (конюшему боярину) — одному из главных дворцовых чинов, первому по старшинству в Боярской думе¹. Оно занималось управлением придворными конюшнями, разведением лошадей для царского двора и отчасти для военных нужд государства. Целью разведения было получение так называемых «выкормков» или боярских лошадей — улучшенных русских лошадей крупного роста². Лошади такого типа пользовались устойчивым спросом³: образцовой считалась лошадь тучная, массивная, сильная⁴, которая могла нести на себе тяжеловооруженного всадника. Рослых лошадей получали в отечественных конных заводах уже с начала XVI в.⁵; они были настолько крупными, что садиться на них приходилось с «пристѹпа» — особой скамеечки, обитой алым бархатом или сукном, которой прежде в Москве не знали. Этот аксессуар стабильно наблюдается только с начала XVI в.⁶

Обязанность носить за царем пристѹп возлагалась не на стремянного, которому по должности полагалось быть «у стремяни государьского» «как станет государь на лошадь садится, конюшего повинность за стремя держати, так же как и ссадиться

¹ Известно с 1493–1494 гг.; впоследствии с 1548 г. — Конюшенная изба, с 1573 — Конюшенный приказ. См.: Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 89.

² Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. М., 1990. С. 14. В его ведении находилась и Конюшенная казна, где хранились драгоценные конские уборы и экипажи.

³ В начале XVII в., по свидетельству Ж. Маржерета, за боярскую лошадь платили 20 р., тогда как за ногайскую лошадь давали не более 3–4 р. По ценам «Уложения» 1649 г. конь стоил 8 р., кобыла ногайская 6 р., кобыла русская 3 р., жеребенок ногайский 3 р., жеребенок русский 1,5 р., мерин 4 р. См.: Денисова М. М. Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Военно-исторический сборник / Труды ГИМ. Вып. 20. М., 1948. С. 40.

⁴ Хитенков Г. Г. Из истории коннозаводства // Коннозаводство и конный спорт. М., 1972. С. 123.

⁵ Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство... С. 15.

⁶ Гусев Ю. Коннозаводство XV–XVII веков. С. 15; Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство... С. 15; Курская В. А. История лошади в истории человечества. М., 2016. С. 194.

станет»¹, а на задворного конюха: «Задворные конюхи; чин их таков... раздают всякую казну, и овес и сено... и ходят за царем в походы, и посылаются по приказом же на конские площадки, и надсматривать лугов и сена царского и лошадей, и носят на Москве, как ездит царь по монастырем и по церквам, покровец, чем лошади покрывают, и приступ деревянной обит бархатом, с чего царь садится на лошадь и сходит с лошади. А будет их в том чину человек с 40»².

Резвость пока еще не считалась качеством, обязательным для царской лошади. Согласно традиции, бытовавшей вплоть до правления Петра I, скорость выезда была обратна знатности всадника; поэтому выезжали на боярских лошадях шагом, а в поводу их вели пешие слуги³.

Продукция отечественного коннозаводства пользовалась недурной репутацией. «У Московитов все лошади высокие и стройные. Они любят коней арабских и альтенбургских, но и в самой Московии рождаются лошади весьма замечательные по своей быстроте», — свидетельствовал побывавший в Москве И. Корб⁴. Уже в конце XV — начале XVI в. поступают запросы на лошадей (запросные поминки). Так, согласно челобитью от 1519 г. крымского княжича Тахтаалдыя, он просил в Москве

¹ Записка о царском дворе, церковном чиновничестве, придворных чинах, приказах, войске... С. 422–426.

² Там же. С. 422–426; *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. С. 91–92. Однако Лжедмитрий Самозванец «...при выездах на богомолье по церквам и монастырям не садился в большую колымагу или коляску, но приказывал подводить себе самую горячую лошадь, которая была лютее всех. Брал в руку поводья и, быстро бросившись в седло, гнал ее точно ловкий рыцарь... Каждый день он находил удовольствие в прогулке, скачке верхом». См.: *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. С. 293. О нем же говорили, что «обычно никогда не ехал в карете, а скакал верхом. Он приказывал привести ему не самого смиренного, а самого резвого коня и не допускал, чтобы, как это было приято при других царях, двое бояр подставляли ему скамью, когда он на него садился, а сам брал лошадь под уздцы, и стоило ему коснуться рукою седла, как он вмиг уже сидел в нем. Он так умело объезжал своих аргамаков (Arimachen) и таким отважным ввязем сидел на коне, что ни среди его берейторов, ни среди остальных вельмож и воинов не было никого, кто мог бы сравниться с ним. Он любил охоту, прогулки и состязания...» См.: *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. С. 52.

³ *Хитенков Г. Г.* Из истории коннозаводства. С. 125; *Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я.* Отечественное коневодство... С. 16.

⁴ *Акельев Е. В.* Дневник путешествия... С. 219.

«лошадь русскую... которая бы борза, да и рожаем пригожа, а и ездом бы была добра, чтобы яз межи друзей и недругов хвалился, что меня государь пожаловал князь великий»¹.

Объемы отечественного заводского разведения поначалу были невелики, и основная масса лошадей для московских нужд, в том числе и для царских конюшен, поставлялась «из Казани и из Астрахани ногайские и татарские»². Под этим общим названием понимали и монгольских лошадей, и потомков «половецких скоков»³, а также каймакских и кипчакских лошадей. По свидетельству современников, это были животные грубой конституции: низкорослые, неказистые, «узкобрюхие с тяжелой головой, с короткой шеей»⁴, самых неблагоприятных мастей: каурой, чалой, буланой и пегой. Однако эти степные лошадки, неприхотливые и удобные в обиходе, были хорошо приспособлены к труду, бескормице и холоду⁵. «В Московии встречается также множество лошадей, которые вообще росту небольшого, что, впрочем, нисколько не мешает им быть крепкими и нести хорошую службу»⁶, — высоко оценивались современниками их рабочие качества.

Годовой столичный оборот конской торговли составлял 20–50 тысяч голов⁷. Ежегодно приказчики Конюшенного приказа объезжали торговые конские площадки, напрямую отбирая выдающиеся экземпляры «про царский обиход»⁸. Табуны также

¹ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию: конец XV — начало XVI вв. М., 2001. С. 264.

² Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 103. Известно, что разрешение «ногайским гостям ездить к Москве с коньми и со всяким товаром» было получено еще в княжение Василия III. См.: Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 119.

³ Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство... М., 1990. С. 12.

⁴ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни... С. 122.

⁵ Тьеполо Ф. Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо. С. 341.

⁶ Карлейль Ч. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля. С. 11.

⁷ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 103; Майерберг А. Путешествие в Московию... С. 58; Маржерет Ж. Состояние Российской империи. С. 140; Раздорский А. И. Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М., 2011. С. 16. В конце XVII столетия на конских площадках в 17 городах продавали в год около 600 000 лошадей. См.: Все о лошадях. С. 46.

⁸ Гусев Ю. Коннозаводство XV–XVII веков. С. 14. Так, в ноябре 1634 г. они выезжали в города Кашин, Углич, Юрьев-Польский, Ростов, Суздаль, Владимир

ставились у Симонова монастыря, где производился главный московский конский торг. Лошади премиального качества на него не попадали. Исключительным был случай, когда боярин князь Д. М. Пожарский приобрел на торгу роскошного аргамачьего жеребца карей масти¹.

Лошадей верховых пород в Московском государстве было немного. Малая часть их поступала через Великий Новгород из Европы, в частности из Великого княжества Литовского; это были известные на Руси с XIV в. крепко сбитые литовские жмудки и ливонские клепперы². Ценными верховыми конями считались коренастые польские бахматы, быстрые и неугоми-мые³; их качества наилучшим образом проявлялись в бою. Среди особо ценных экземпляров встречались лошади венгерские, которых называли фарями, и лошади испано-неаполитанского типа под названием дзянет⁴; последние использовались для торжественных церемониальных выездов. Знали в Москве и родственных им богемских лошадей. С XVII в. здесь появились лошади ольденбургской породы, эффектные и статные, которые также подходили для оформления официальных торжеств⁵.

Другая часть московского конского хозяйства, более значительная, имела азиатское происхождение. Еще с 1470–1480-х гг. к царскому двору доставляли рослых и грациозных турухменских (туркменских)⁶ и турецких⁷ аргамаков. «Все, что было на Востоке лучшего из конского богатства, очутилось [в Москве] после покорения Иваном IV Грозным Казани», — отмечали

и Романов, где приобрели у частных лиц 703 лошади для драгунского полка, заплатив за всех около 3000 р. См.: Все о лошади. СПб., 1996. С. 28–29; Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. С. 119.

¹ Сумма сделки составила 100 р., что превышало обыкновенные цены на аргамаков примерно в 2,5 раза. См.: Раздорский А. И. Конская торговля Москвы в XVII веке. С. 281.

² Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство... С. 13.

³ Акельев Е. В. Дневник путешествия... С. 219; Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики... С. 107, 110.

⁴ Аристов Н. Я. Промышленность древней Руси. М., 2011. С. 43; Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики... С. 17, 80; Пельгржимовский-Пелеш И. Описание посольства Льва Сапегу в Москву в 1600 г. С. 105.

⁵ Акельев Е. В. Дневник путешествия... С. 219.

⁶ Курская В. А. История лошади... С. 194.

⁷ Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики... С. 31, 106–107; Юзефович Л. А. Путь посла... С. 129.

иппологи¹. После победы над крымским ханом Девлет Гиреем Московское государство стало богаче на 60 000 лошадей; в том числе более 200 аргамаков, большая часть которых получила заводское назначение².

Аргамаки — по словам понимавшего толк в лошадях Ивана IV, «жеребцы добрые»³ — были универсальными по своим свойствам, за что ценились особо. В памятниках русской письменности аргамак упоминается и как конь боевой: «быти ему на службе на оргаме въ кольчуге», и как конь экипажный: «ездила к нимъ Морозова <...> на колеснице <...> устроенной сребромъ и златомъ, и аргамаки многи»⁴. Самые дорогие экземпляры были верховыми, т. е. употреблялись исключительно «под седло».

Немаловажную черту дворцового конюшенного быта составляла арабская лошадь, знаменитая своей исключительной пропорциональностью телосложения и изяществом форм. На Востоке она известна с VII в., в Европе — с XIII в.; в отечественном разведении арабская лошадь появилась на рубеже XVI–XVII вв.⁵ Также современники отмечали, что «знатные люди не имеют недостатка в персидских лошадях»⁶. Так, прибывшие в Москву в 1625 г. посланники передали царю Михаилу Федоровичу в качестве дара персидского шаха 9 аргамаков: 6 жеребцов и 3 кобылиц, от себя еще 10 аргамаков, и еще столько же передали царю купцы, прибывшие с посольством. По 6 аргамаков было в дарах от калмыцких мурз в 1621 и в 1626 гг. Знали москвичи и грузинских лошадей, которые не считались редкостью⁷.

¹ Значение ипподромных состязаний для коннозаводства России. М., 2014. С. 135.

² Гусев Ю. Коннозаводство XV–XVII веков. С. 14. С начала XVII в. на государственных заводах разводили и русскую лошадь, и аргамака. См.: Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство... С. 17.

³ Когда «Батюшка в благодарность за крестов сирашил, какие вещи особенно любит царь, чтоб прислать их ему; Иоанн отвечал, что он охотник до аргамаков, до жеребцов добрых, до шапок хороших железных с наводом, пицалей ручных, чтоб были добры, целны и легки». См.: Зезюлинский Н. Ф. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Т. 1. СПб., 1889. С. 84.

⁴ Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики... С. 107.

⁵ Барминцев Ю. Н., Фомин А. Б., Сорокина И. И. Происхождение конских пород // Коннозаводство и конный спорт. М., 1972. С. 75.

⁶ Майерберг А. Путешествие в Московию... С. 58.

⁷ Все о лошади. С. 29, 36.

Белые верховые кони восточного происхождения обозначались понятием *актаз*¹. С XVI в. приобрели популярность иноходцы.

По качеству коня делали вывод об успешности придворного — его владельца². В результате «московский двор, боярство и войско поражали красотой и великолепием своих коней, их численностью и их породностью, пышностью и блеском выездов, подбором коней в конных отрядах дворян и жильцов и в „Государевом конном полку“»³.

Специально для военных действий выделялось 10 000 государевых лошадей, содержащихся непосредственно в московских царских конюшнях⁴. Они входили в те 40 000 голов (по другим данным — 50 000⁵), среди которых были «средние и всякие лошади, на которых ездят за царем в походах дворовые и конюшенного чину люди, и сокольники, и стрельцы», поскольку царь, по словам современников, «не выходит без того, чтобы при нем не было восемнадцати-двадцати тысяч всадников, ибо все, кто подчинен двору, садятся на коня... Когда Император выезжает за город, пусть даже на шесть-семь верст от города, большая их часть отправляются с ним, получая лошадей из конюшен Императора»⁶.

На царских конюшнях содержались и те лошади, что «ходят во всякой работе на Москве и в городах и в селах»⁷. Основная масса животных из этой части царской конюшни была малоросла, вынослива и отлично приспособлена к голоду, работе и холоду; была быстроходна по снегу⁸.

Для царских верховых выездов употреблялись другие, изящные и легкие скакуны⁹. Среди лошадей «государева седла» особенно ценилась красивая масть без отметин — прежде всего

¹ Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики... С. 92–93; Сетаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях лошадей // СТ. 1981. № 6. С. 16.

² Седов П. В. «Аргамаки в чести, и нашу братью выносят в честь» (конюшня московского придворного XVII в.) // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2017. № 4 (16). С. 249, 251.

³ Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. М., 1952. С. 9.

⁴ Флетчер Дж. О государстве русском... С. 22.

⁵ Курская В. А. История лошади... С. 195.

⁶ Маржерет Ж. Состояние Российской империи. С. 145.

⁷ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 92.

⁸ Маржерет Ж. Состояние Российской империи. С. 150.

⁹ Скакуны отличались быстрыми резкими аллюрами. См.: Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики... С. 94.

вороная или светло-серая (почти белая, которая выглядит белой и упоминается и в источниках, и в этом тексте, как белая), затем серая в яблоках, темно-гнедая, караковая, бурая. Эти великоколенные породные лошади, кованые на серебряные подковы¹, блестели как зеркала, поскольку, по свидетельству очевидцев, «ежедневно обмываются зимою теплою, а летом холодною водою, с мылом»². К ним применялись и другие особые приемы ухода; большинство их касалось ухода за гривой. У верховых лошадей ее расчесывали и укладывали на левую сторону; у экипажных гриву подседельной лошади приучали лежать на левую, а подручной — на правую стороны. У цуговых лошадей гриву укладывали с той стороны, с которой ее впрягали. Чтобы приучить гриву ложиться на нужную сторону, ее смачивали и заплетали в косы, привешивая гири-утяжелители³.

Ухоженные должным образом и наряженные лошади являлись предметом гордости придворного конного хозяйства и служили достойным оформлением царского выезда: «да как надедут на них самую нарядную сбрую и выедут на какое-нибудь общественное торжество, то и сами тогда бывают загляденье»⁴. Так, военный и дипломат Михаил Обухович, бывший в Московском государстве в 1650–1660-х гг., пишет, что «лошадиные головы убирались страусовыми перьями, их спины и дуги саней были покрыты красным бархатом; сами сани были накрыты золотной парчой»⁵. Для наибольшей торжественности лошади подбирались похожие одна на другую.

Лошади назначались в работу по росписи: «вели царского коня, назначенного на этот день»⁶, а другой свидетель повседневной жизни дворцовой конюшни продолжает: «а для всякого царского выходу и походу, в который день бывает выход

¹ В 1680 г. для лошади царя Федора Алексеевича «к его Государеву терскому аргамаку отданы подковы серебряные». См.: Все о лошади. С. 43.

² *Койзт* Б. Посольство Купраада фан Кленка к царям... С. 462.

³ Для придания гриве благородного вида ее прореживали (сверху от затылка стригли короче, постепенно увеличивая длину). См.: Все о лошади. С. 47.

⁴ *Майерберг* А. Путешествие в Московию... С. 58.

⁵ *Обухович* М. Дневник Михаила Обуховича, стражника Великого княжества Литовского, писанный в плену в Москве в 1666 году // *Иностранцы о древней Москве...* С. 40–42. Обухович был посланником польского и великого князя литовского Яна II Казимира Вазы.

⁶ *Парри* В. Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. С. 8.

и выезд, лошади, и сани, и кареты, и колымаги, и каптаны про царицу и царевен, готовят и наряжают по росписи, в котором году и в которой день что было какого наряда, или и вновь что прикажут»¹. Так, царевичу Федору I Ивановичу при выездах с отцом отводилось «платье чистое каково пригож; седло обычное, иноходец по приказу»².

Основная часть государевых лошадей размещалась у Новодевичьего монастыря, на Остоженном дворе. «Аргамаки резвы»³, т. е. заводские породные лошади, стояли на Аргамачьих конюшнях в Конюшенном государевом дворце у Боровицких ворот Кремля, на конюшнях Варварки в Китай-городе и на конюшнях Белого города. В Конюшенном государевом дворце также располагалась санниковая и колымажная конюшня, где стояли упряжные лошади. Запасные конюшни размещались в Земляном городе⁴. Имелись государственные конюшни и в дворцовых селах Коломенское⁵ и Измайлово⁶.

Табуны выпасались на Остоженских лугах и вдоль поймы Москвы-реки от Лужников до Пресни. Неподалеку располагались слободы обслуживающего персонала, что сказалось на топонимике города⁷. По мере разрастания дворцового конюшенного хозяйства взамен Аргамачьей и Большой конюшен («старой государственной конюшни» при Колымажном дворе в Чертолье) было выстроено обширное здание «Аргамачий двор». Это произошло в царствование Федора Алексеевича, когда поголовье всех 16 государевых конюшен за период с 1677 г. по 1681 г. выросло с 4426 до 5163 лошадей (верховых и упряжных)⁸.

¹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 93.

² Перечень одежд XV в. // Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... Т. 1. Ч. 2. М., 1915. С. 846–849.

³ Марков М. И. История конницы. Ч. 3. От вооружения конницы огнестрельным оружием до Фридриха Великого. Тверь, 1887. С. 115.

⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 34, 83, 131; Строев П. М. Выходы государей царей... С. 42 (приложения).

⁵ Акельев Е. В. Дневник путешествия... С. 219; Курская В. А. История лошади... С. 195.

⁶ Приходная книга запасов 1676/77 года // Топычканов А. В. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII в. М., 2004. С. 128.

⁷ Хитенков Г. Г. Из истории коннозаводства. С. 126.

⁸ Все о лошади. С. 40, 43, 62.

Точные цифры конского состава, который находился собственнo под «государевым седлом», от года к году несколько разнятся, но общее представление о размерах царских конюшен составить можно. По одним данным, царю Алексею Михайловичу лично принадлежало 150 лошадей, и еще 50 лошадей обслуживало нужды цариц и царевен; вся эта масса делилась на несколько разрядов, основными из которых были верховые, разъездные и экипажные. По другому принципу подсчета, царь владел 75 верховыми лошадьми и двумя сотнями экипажных¹.

Экипажные, или рысистые, лошади делились на санников, которые запрягались только в сани, и колымажных возников², или каретных лошадей³. Породные упряжные лошади имели свои отличительные черты: это были крупные, рослые животные большой физической силы и выносливости. Именно такими были царские возники и санники, которые упоминаются в нарративных источниках как очень дорогие и особо желанные подарки. Спрос на них активизируется со второй половины XVI–XVII в., вместе с распространением экипажей⁴. Выше прочих ценились экземпляры, приученные к запряжке квадригой или «рядом», «гусем» и «цугом»⁵.

Вся масса царских экипажных лошадей разделялась на дюжины⁶, подобранные по масти. Стоит отметить, что в русской культуре лошади, белые «как снег», ценились намного выше

¹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 92; Койзэйт Б. Посольство Кунраада фан Клепка к царям... С. 461. Этот пример иллюстрирует расцвет отечественного конюшного хозяйства и коннозаводства. Вплоть до конца третьей четверти XVII в. конюшни Алексея Михайловича не имели равных ни по количеству, ни по качеству наполнения. Неплохие конюшни были у приближенных царя Милославских и Морозовых, где стояли и аргамаки, и иноходцы. Боярыня Морозова упоминала, что вдоволь «езживала на аргамаках и бахматах». См.: Все о лошади. С. 33.

² Одинцов Г.Ф. Из истории гиппологической лексики... С. 133–134, 138.

³ Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни... С. 122.

⁴ Одинцов Г.Ф. Из истории гиппологической лексики... С. 134, 139.

⁵ Вундерер И.Д. Путешествие по Дании, России и Швеции с 1589 по 1590 годы // Шит и зодчий: Путеводитель по древнему Пскову. Псков, 1994. С. 39; Майерберг А. Путешествие в Московию... С. 172; Одинцов Г.Ф. Из истории гиппологической лексики... С. 138.

⁶ Магическое значение числа 12 в русской и мировой культуре хорошо известно.

прочих¹. «Белые дюжины» учитывались особо; они запрягались чаще в высокаторжественных случаях: «кареты, в которых ездят царские супруги, обиты красным сукном и везут их большею частью восемь белых, как снег, лошадей, украшенных нагрудниками и нахвостниками из красного шелка, а по бокам идет ряд телохранителей», — восхищались современники². Кроме того, белые лошади запрягались в царицыных конных поездах, которые обыкновенно обставлялись еще более презентабельно, чем совместные выезды царской семьи, поскольку, как уже отмечалось, в культуре русского средневековья «понятия светлого, благого божества и святости неразлучны»³.

Соотнесение образа царицы, как спутницы государя, со светом и святостью было еще одной составляющей его образа. Царицу московскую, как и ее супруга, также уподобляли Солнечному божеству, «если случится увидеть запряженную многими⁴ белыми лошадьми карету Царицы, подражающую Юпитеру или Солнцу»⁵. Именно в выездах царицы задействовались самые

¹ Мильтон Дж. Московия Джона Мильтона. С. 42; Койэнтт Б. Посольство Куираада фап Кленка... С. 461; Олеарий А. Описание путешествия... С. 63; Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому... С. 296; Трапа А. Дневник Андерса Трапы: 1655–1656. С. 38.

² Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому... С. 296.

³ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 96.

⁴ Обыкновенная запряжка для царицы составляла 12 лошадей. Многолошадная упряжь более характерна для XVII в. Количество лошадей в упряжках со временем увеличивалось, что привело к их законодательному ограничению для царского окружения: «только бояре могут ездить на двух лошадях, а в праздники на четырех, во время же свадеб и сговоров на шести. Все прочие, не исключая и стольников, должны ездить летом непременно верхом, а зимой в санях на одной лошади» (1681). См.: Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни... С. 120–121. Размеры царского поезда не ограничивались, и здесь встречались запряжки даже в 16 лошадей. См.: Олеарий А. Описание путешествия... С. 63.

⁵ Аллегория принадлежит А. Майербергу, посланнику австрийского посольства от императора Леопольда I к Алексею Михайловичу в 1662 г. См.: Майерберг А. Путешествие в Московию... С. 172. Солнцеподобный облик августейшей супруги подчеркивался ее убранством. «Мы, истинно, удивлялись красоте царицыного наряда, — вспоминает греческий архиепископ Арсений Элассонский. — Мысль человеческая не в силах представить тех драгоценных уборов, которыми была украшена голова ей <...> Все были объяты „тихим испугом!“ при виде различных украшений и множества смарагдов бледноватого цвета; последние были так велики, круглы и блестящи, что вес и цену даже одного из них очень трудно определить», — так описывал архиепископ двенадцатиглавый венец царицы, унизанный крупным жемчугом и драгоценнейшими из самоцветов. — На царице была длинная одежда, спускавшаяся

богато украшенные экипажи и самые лучшие лошади: «зимую тщеславятся саями, на которые поставлены кареты со стеклянными окнами, покрытые до земли алым или розовым сукном; летом же они величаются большими каретами. Всего больше они гордятся белыми лошадьми и множеством слуг и невольников, которые идут впереди и сзади», — свидетельствовал лично наблюдавший московские обычаи архидиакон Павел Алеппский¹.

Белые лошади использовались и для других целей, когда требовалось подчеркнуть торжественность ситуации (например, для церемонии водосвятия, когда лошади везли царские сани с освященной водой²). Самые эффектные запряжки включали шестнадцать белых лошадей³.

до земли, с удивительным искусством сшитая из бархата, со множеством прекрасных узоров красиво унизанных драгоценным жемчугом, а посредине топазами и ярко-красными рубинами, — продолжает архиепископ, отмечая одежды, великолепные и по мастерству исполнения, и по художественному решению. — Все это мы видели собственными глазами и думаем, что если бы взять самую небольшую часть этих сокровищ, то она могла бы собою украсить десяток царей!» См.: *Арсений Элассонский. Описание путешествия в Москву // Историческая библиотека. 1879. № 9. С. 67–68. Записки Арсения Элассонского относятся к 1588–1589 гг.*

¹ *Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву... С. 34. Лошади царицы украшались наряднее прочих: «волчьими, лисьими, собольими хвостами, кольцами, цепочками и круглыми шариками, в виде львиной головки, и покрывались попонами из бархата или объари, обложенными золотом и серебряною бахромой с кистями по углам», что также приводило свидетелей этого великолепия в изумление (Павел Алеппский путешествовал по России вместе со своим отцом, антиохийским патриархом Макарием, в 1654–1656 гг.). См.: Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни... С. 121. Говоря о выездах царицы, вспоминают удивляющие чужестранцев соболиные, волчьи или лисьи хвосты, которыми были увенчаны лошади. См.: Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С. 168. Хвосты привешивались к упряжи санника, к шее и под дугой. См.: Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 128; Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 2. С. 503; Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву 1557–1558 гг. С. 80; Олеарий А. Описание путешествия... С. 196.*

² *Шапиро Б. Л. Церемониал конного выезда в русской культуре XVI–XVII вв. по представлениям современников // Творческое наследие А. А. Зимина и современная российская историография. Доклады, статьи и воспоминания (VI Зиминские чтения). РГГУ, 7 апреля 2015 г. М., 2017. С. 333–348. «Когда патриарх длинным молебствием освятит воду и все будет уже совершенно по обряду, то, прежде всего, подводят царские сани, запряженные шестью белыми лошадьми, на которые и ставят несколько сосудов с освященной водою, для употребления ее в будущем». См.: Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому... С. 373.*

³ *Олеарий А. Описание путешествия... С. 63.*

В парадных процессиях также участвовали гнедые и серые в яблоках лошади; для единообразия масти не брезговали их подкрашиванием. «[Карету] тянули 12 серых с яблоками лошадей, из коих одни были такими от природы, другие подкрашены», — вспоминал очевидец появление свадебного поезда М. Мнишек¹. При высокаторжественных выездах лошади частично выкрашивались в красный цвет. Так, при описании все того же поезда Мнишек один из очевидцев говорит о карете царской невесты, запряженной восьмеркой серых в яблоках коней, с красными хвостами и гривами. Сведения отчасти дублируются вторым свидетелем, который утверждает, что ее везли 8 белых турецких коней, выкрашенных красной краской от копыт до половины тела².

Таким образом, на протяжении столетий московское конное хозяйство, трансформируясь под восточным и под западноевропейским влияниями, вырабатывало собственные традиции, обычаи и ценности. Породная лошадь, как уникальное бесценное сокровище, помещалась москвитями в особое пространство, связанное прежде всего с царским, придворным бытом.

1.3.2. «КОНЬНОЕ УРИСТАНИЕ»: КОННЫЕ ЗАБАВЫ, СОСТЯЗАНИЯ И КОННЫЙ БОЙ

В последнюю четверть XVII в., в эпоху непрерывных войн, европейские монархи-военачальники стремились развивать «кавалерийский дух и распространять конные знания, связанные с войной»³. В войнах этого периода от конницы в целом и от каждого конкретного всадника требовались прежде всего выучка и техничное маневрирование. Основой обучения всадника становится манеж, где отрабатываются приемы конного боя.

Уровень задает французская школа, прежде всего знаменитый *Salle du Manège*, существующая с 1594 г. Академия верховой

¹ Немоевский С. Записки Станислава Немоевского. С. 201.

² Устрялов Н. Г. Сказания современников о Дмитриии Самозванце. Ч. 1. С. 72; Ч. 2. С. 45.

³ В оригинале: *l'esprit cavalier et... répandre les connaissances équestres qui [ont] trait à la guerre*. См.: Durand J. P. L'Épopée du Cadre noir de Saumur. Limoges, 1994. P. 12.

езды в Тюильри; на волне популярности манежной езды ее мощностей становится недостаточно. С 1674 г. вновь открывается академия верховой езды в Сомюре. После ее угасания в 1680 г. открывается школа неподалеку, в Анже¹.

В 1679–1683 гг. в Версале строятся Великие конюшни, объединяющие академию верховой езды, Большие и Малые Конюшни². В 1682 г. при Версальской академии открывается *École des Pages* — Школа пажей, дворянских недорослей, которых обучали верховой езде и действию оружием³. Здесь преподавал великий Дюплесси, которому Людовик XIV доверил конное образование дофина⁴. Версальский комплекс стал знаковым для своего времени, превратившись в ведущий культурный центр.

Еще одним признанным центром манежной подготовки была Вена⁵; в 1680–1681 гг. здесь коренным образом перестраивается, расширяясь, манеж в Хофбурге — зимней и основной резиденции Габсбургов. Эти два центра выездки, Вена и Версаль, оказывали самое существенное влияние на обучение всадников всей Европы; имели они вес и в России⁶.

Относительно существования московских школ подготовки всадника и его лошади сведения противоречивые. С одной стороны, по свидетельству иностранцев, побывавших при московском дворе, лошади у москвитов были недоездки,

¹ Grandchamp P.G., Olmer P. Saumur, l'école de cavalerie: histoire architecturale d'une cité du cheval militaire. Paris, 2005. P. 235.

² Гарнец А.Д., Зыбина Д.Д. Эволюция архитектуры конных сооружений: от конюшен Рамзеса II до современных конно-спортивных комплексов. Ч. 1. Древний и классический периоды // Academia. Архитектура и строительство. 2015. № 2. С. 50.

³ Милорадович Г.А. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса. 1711–1875. Киев, 1876. С. 7.

⁴ Pierre du Vernet Duplessis (1620–1696). См.: Esperey P.F. La Main du maître: Réflexions sur l'héritage équestre. Paris, 2008. P. 64.

⁵ С 1572 г. в Вене работала «Испанская школа верховой езды», первая Высшая школа верховой езды. Именно здесь было введено понятие выездки. См.: Трусов А.Н. Конная культура. Высокие традиции верховой езды // Охраняется государством. 2017. № 3. С. 53.

⁶ Интерес к манежной езде был больше теоретический; судя по немногим имеющимся свидетельствам, работа с лошастью почти полностью ограничивалась цирковой дрессурой и приучением к стрельбе и воинскому строю. См.: Шапиро Б.Л. «Кавалиерским чином ехати...»: европейские модели военного образования в московских школах петровского времени (1701–1715 гг.) // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 3 (11). С. 91–105.

т.е. не обученные до конца, или вовсе «не учены ни в упряжь, ни подверх»¹, или «выезжены дурно»². Говорили, что в Москве «нет [даже у знатных людей] учителей верховой езды (берейторов), и красивая, или искусная, поступь не известна ни лошади, ни кому-либо из всадников»³ и поэтому для всадников достоинства лошади заключались в том, чтобы они «больше играли и ржали»⁴. Но все же москвиты любили верховую езду, особенно быструю⁵, и всегда ездили «очень шибко, всегда во всю прыть, как только можно»⁶.

Как считалось, большой популярности верховой езды у москвитов способствовали русские кони, поскольку «в самой Московии рождаются лошади, весьма замечательные по быстроте»⁷ и особое конское убранство, такое как «маленькие барабаны, прикрепленные у луки седла; от их звука лошади бегут скорее»⁸. Московские всадники, «сидя верхом, гарцевали и красовались тем, что, ударяя в литавры, заставляли лошадь делать внезапный прыжок, и при этом кольца, цепочки и колокольчики на ногах лошади издавали звуки»⁹, поскольку считали «всего для себя славнее вдруг погонять лошадей во всю прыть или заставлять их делать безобразные и вовсе неискусные скачки, чтобы тряслись и бренчали от их движения серебряные из больших колец цепочки, украшающие их в виде других уздечек»¹⁰. Любопытным кажется применение заимствованных у скандинавов звучащих плетей, где к верхнему кольцу крепилась обойма для бича и шумящие подвески¹¹: лошадь была приучена реагировать не на удар, а на взмах.

¹ Одинцов Г.Ф. Из истории гиппологической лексики... С. 89, 135.

² Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни... С. 122.

³ Майерберг А. Путешествие в Московию... С. 58.

⁴ «С большим шумом подъехали москвитяне, незаметно ударяя коней, чтобы они больше играли и ржали». См.: Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 46.

⁵ Невиль Ф. Записки о Московии. М., 1996. С. 168.

⁶ Ерлезунда Н.П. История о Великом Княжестве Московском. С. 400.

⁷ Акельев Е.В. Дневник путешествия... С. 219–220.

⁸ Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву 1557–1558 гг. С. 79.

⁹ Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни... С. 120.

¹⁰ Майерберг А. Путешествие в Московию... С. 58.

¹¹ Конь и всадник. Взгляд сквозь века. Каталог выставки. М., 2003. С. 60.

В отсутствие берейторов царским лошадям, участвующим в процессиях, «по чрезмерной их дикости им приходилось связывать на известном расстоянии самые ноги»¹: эти животные, «под персидскими, богато украшенными сапфирами и дорогими камнями седлами [следовали резвясь и играя]... хотя и спутанные веревкою по ногам и ведомые кроме того конюхами, обращали однако на себя особенное внимание зрителей благородной и величавой статью»².

Эти сведения опровергаются другим очевидцем, который сообщает, что и москвиты, и их лошади были хорошо знакомы с некоторыми элементами европейской Высшей школы верховой езды, например такими, как левада и испанский шаг³. Упряжные лошади обучались «ходить тихо и торжественно»⁴, т. е. каретному шагу, нужному в церемониальных процессиях: «карету везли 6 фрисландских лошадей в золотой же сбруе, с султанами из белых перьев на голове; они выступали горделиво, придавая процессии много торжественности и, испуская благородное ржание, казалось, точно реяли по воздуху»⁵.

Также москвитам был известен тренинг молодняка. Знали они и манежную «работу в руках» (обучение без всадника. — Б. Ш.)⁶, и вываживание, о чем современниками упоминалось неоднократно: «а как государь похочет куды ехать, прикажет конюшей яселничему, а яселничей прикажет стремянным конюхам оседлати под государя по повеленью, и оседлав, объездят перво стремянные конюхи, потом яселничей сам, а перед царским седаньем конюшей»⁷. А также: «для приготовления

¹ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 72. Сведения подтверждаются в кн.: Chenevix-Trench Ch. A history of horsemanship. New York, 1970. P. 108–109.

² Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 43.

³ Курская В. А. История лошади... С. 195; Пальмквист Э. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М., 2012. С. 247.

⁴ Койэтт Б. Посольство Кулраада фан Кленка к царям... С. 467.

⁵ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 43–44.

⁶ Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство... С. 17; Курская В. А. История лошади... С. 194. «Работа в руках» — элемент классической школы выездки, дополняющий работу под седлом.

⁷ Записка о царском дворе, церковном чинопоевании, придворных чинах, приказах, войске... С. 422–426.

к въезду в город... чистили всех лошадей, особенно фрисландских, и водили их по двору нашего подворья для того, чтобы они явились в приличном виде и выступали мирным шагом (при торжественном въезде на них особенно рассчитывали)»¹. Лучшими для обучения признавались испано-неаполитанские лошади. Судя по времени появления в расходных документах царской казны сумм, выделенных на «конское учение», выездка как наука утвердилась в Москве к рубежу XVII–XVIII вв.²

Испытанным способом проверки возможностей лошади были конные ристания — поединки, военные игры, соревнования всадника и его коня в силе и быстроте, где «сила испытывается трудом, а быстрота сравнением»³. К одному из самых ранних описаний таких поединков относится рассказ венецианца А. Контарини, наблюдавшего за развлечениями московитов на льду Москвы-реки зимой 1476/77 г. В число ледовых забав входили «конские бега и другие увеселения; случается, что при этом люди ломают себе шею»⁴, — вспоминал путешественник. Современники отмечали, что у московитов «вся молодежь упражняется в разнообразных играх и притом близких к воинскому делу, состязается в беге, борется и участвует в конском ристании»⁵, при этом «в каждой игре есть своя награда»⁶.

Знали следующие виды конных поединков: скачки на скорость (к сожалению, источники не дают возможности обозначить принятое сегодня разделение на гладкие и барьерные

¹ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 42.

² «Месячные и годовые ведомости, представленные из Конюшенного приказа в Ближнюю канцелярию, о приходе и расходе денежной казны за 1702 г. Неокладные расходы. Конскому учителю и плотникам и работникам 63 чел., которые перекрывали на Аргамачьей и на большой и на Остоженской копошнях кровля и учебные станки делали... кормовых денег 29 руб... К ученью лошадей за 50 шаров, за 16 плетников крашенных 19 алтын». См.: Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 2. С. 495.

³ Мяснов П. Н. О конских ристаниях и скаковых лошадях. М., 2011. С. 35, 38.

⁴ Контарини А. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини в России: К истории итало-русских связей XV в. Л., 1971. С. 228.

⁵ События описаны А. Кампензе в 1523–1524 гг. См.: Иовий П. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 283.

⁶ Фоскарини М. Донесение о Московии второй половины XVI века // Иностранцы о древней Москве... С. 55.

скачки), гонки упряжек, противоборства всадников и стрельба в цель на полном скаку¹. Конные лучники ездили, несколько поджав ноги, на коротких стременах²: эта манера сообщала им определенные преимущества при стрельбе с коня. Возможно, привычка была перенесена из военного времени³.

Поединки, как «всякое играние», запрещались правилами № 50 и 51 «О еллинском бесновании» Святого вселенского шестого собора VII в. Запрет был обновлен решением Стоглавого собора в 1551 г.⁴ «Коньяная уристания» порицалась сразу тремя различными списками Кормчей XII–XIII вв., поскольку «не подобает на оуристание коньяное въсходити, еже есть игрище», «да инъ людьскыи позор да не сътворяется»⁵.

Категорически против поединков выступал и Домострой XVI в., однозначно относя к богомерзким делам «коньяские уристания» наряду с блудом, нечистотой, сквернословием и срамословием, бесовскими песнями, плясками, гудением, игрой на музыкальных инструментах, вождением медведя, охотой с ловчими собаками и птицами, ибо «все вкупе будут во аде, а здесь

¹ Горбунов Б. В. Традиция конных состязаний — важнейший компонент народной культуры русского этноса // Российский научный мир. 2014. № 2 (4). С. 64, 70, 75; Ерлезунда П. П. История о Великом Княжестве Московском. С. 395; Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому... С. 352.

² Гваньини А. Описание Московии. С. 79; Герберштейн С. Записки о Московии. С. 114; Иовий П. Книга о посольстве Василия... С. 283.

³ Турбервилль Дж. Послания из России. С. 256.

⁴ Стоглав // Домострой. Поучения и наставления всякому христианину. М., 2014. С. 279. «Воспрещая то или другое греховное обстоятельство жизни, соединяли с именем этого обстоятельства свои особые, еллипские же или византийские понятия, для которых в живой русской действительности, кроме внешней формы, не заключалось никакого жизненного смысла, или этот смысл был вовсе не таков, каким он представлялся в уме наставников, — отмечал И. Е. Забелин. — Так, в числе запрещенных игр было указано, например, конское уристание. В еллинском Царьграде, на еллинском ипподроме, о великолепии которого трудно было и мыслить русскому уму, эти конские ристания в действительности были языческим спектаклем, где зеленые и голубые возницы были посвящены: одни — матери-земле, другие — небу и морю; где колесницы, запряженные 6 лошадьми, сжали во имя высшего языческого божества, запряженные 4 лошадьми везли изображение солнца, а запряженные двумя — черною и белою — изображение месяца и т. д. Потеха была чисто языческая. Но сколько же языческого представляла наша древняя скачка на диких степных конях, подобная, по всему вероятию, скачкам теперешних степняков?» См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 769.

⁵ Горбунов Б. В. Традиция конных состязаний... С. 58.

прокляты»¹. Наказанием для участников поединков было отлучение от церкви, а убитым «в примерных схватках» обещалось, что «к сим иерей не ходит и службы за них не творит»². При этом церковью не одобрялось не только участие в ристаниях, но даже наблюдение за ними³.

Стоит отметить, что ристания бытовали и как наследие славянской погребально-поминальной тризны⁴, так называемого «бойованья»⁵, состоящего из военных сцен, где главное место принадлежало конским состязаниям. Традиция проведения военных поединков в честь умершего на месте его захоронения продолжалась и в первые столетия после принятия христианства⁶. Затем обычай трансформировался и, в новом варианте, бытовавшем до XVI в. включительно⁷, потерял привязку к месту погребения.

¹ Домострой. М., 1990. С. 35, 57.

² Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни... С. 142.

³ Белякова Е. В. Поучение новопоставленному священнику в восточнославянской традиции // Материалы VIII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». М., 2015. С. 14–15.

⁴ Шаниро Б. Л. Реликты славянского культа коня... С. 135. Игрища сопровождалось бряцанием оружием, песнями и криками «бегите, демоны». Особенный смысл среди боевых игр имел бег вокруг погребальной ямы колесниц, запряженных лошадьми. Это действо осмысливалось участниками, как связанное со смертью, поскольку ход колесницы совершался в направлении, противоположном ходу солнца, образуя магический круг около захоронения. См.: Балонов Ф. Р. Колесничные ристания как форма погребального жертвоприношения // Жертвоприношение. Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней: Сб. ст. М., 2000. С. 194–195. Военным поединкам сопутствовала страва — пиршество с поеданием мяса коней и последующим захоронением останков. Связь стрavy и бойованья в славянской традиции образует тризну — комплекс погребально-поминальных ритуалов. См.: Срезневский И. И. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян. Харьков, 1846. С. 102; Топоров В. Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 17.

⁵ Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. С. 89. Бойованье было особым обрядом, призванным отгонять смерть от живых, поединком живых со злыми духами, когда «проводжатые озабочены мыслью, что душа покойного может подпасть власти злых духов... поэтому грозным полчищем, на конях и с обнаженными мечами, едут проводники русского покойника... оберегая душу его от враждебных насилиев». См.: Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. С. 223.

⁶ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. С. 262.

⁷ Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. С. 223; Нидерле Л. Славянские древности. М., 2010. С. 299. Бытование этого обряда в позднем русском средневековье наглядно демонстрирует уровень понимания

Традиция проведения конных соревнований, несмотря на запреты и трансформацию культурных норм, не прекращалась, обнаруживая всеобщую склонность москвитов к верховой езде.

1.3.3. РУССКИЕ ДЕТИ И КОННАЯ КУЛЬТУРА

Что же представлял собой русский всадник, который не покидал дома иначе, как верхом, «каков бы путь ни был»? «Если русский имеет хоть какие-нибудь средства, он никогда не выходит из дому пешком, но зимой выезжает на санях, а летом верхом»², — свидетельствовал современник. «Ни один знатный человек из тех, что побогаче, не пойдет пешком»³, «зажиточные и богатые люди всегда ездят верхом, куда им придется, в Кремль ли, на торг, в церковь или в гости, для посещения друг друга, и считают большим стыдом и бесчестьем ходит пешком»⁴, а посему они «все хорошие наездники, ибо они с детства до самой смерти ездят верхом; в Москве каждый <...> держит лошадей, и из одной улицы в другую переезжает верхом»⁵, при этом «они очень долго могут ездить верхом»⁶, — подтверждали другие.

По выражению современника, размышлявшего о специфике московской культуры, *Eques ruthenus*⁷, т.е. русские всадники «...все хорошие наездники, ибо они с детства до самой смерти ездят верхом»⁸. Воспитание ребенка как человека конного поддерживалось традициями, среди которых наиважнейшим был обряд военно-возрастной инициации «посажения на конь».

и представлений москвитов о загробном мире и о связи двух миров. Возможно, оно было отражением славянского верования, согласно которому в мире мертвых души усопших также носят верхом на конях, вооруженные копьями и стрелами. В это время в первоначальном или трансформированном виде восстанавливаются многие обычаи «отеческих устоев»: снабжение покойного инвентарем, посыпание пеплом тела или могилы и т.д. См.: Шапиро Б.Л. Реликты славянского культа коня... С. 135.

¹ Карлейль Ч. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля. С. 21.

² Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву 1557–1558 гг. С. 80.

³ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 122.

⁴ Ерлезунда П.П. История о Великом Княжестве Московском. С. 402.

⁵ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 117.

⁶ Фоскарينو М. Донесение о Московии второй половины XVI века. С. 52.

⁷ Вриун А. *Diversarum gentium armatura equestris*. Cologne, 1577. Таб. 26.

⁸ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 117.

Он проводился торжественным постриганием волос; постригаемый препоясывался мечом, на него возлагали колчан стрел и сажали на седло; атрибуты обряда символизировали мужскую сферу деятельности¹.

Надевание новой одежды составляло значимую часть обряда, а ритуальное переодевание символизировало возрождение посвящаемых в новом качестве². По обычаю³, ко времени «посаждения на конь» ребенок обзаводился полным мужским гардеробом, где воинские атрибуты занимали первое место. Так, Алексею Михайловичу в 4–5 лет были скованы латы, а сын Ивана IV царевич Иван Иванович получил свой первый настоящий стальной шлем в три с небольшим года⁴.

¹ Байбурин А. К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 258. «Едва на ножки стал наследник царский, / Ему приносят пушечку и кнут, / Игрушечную сабельку дают, / Рядят в мундир казацкий иль гусарский; / И сабелькой по кубикам вода, / Как войско, их выстраивает в слогии... / А подрастет — есть новая забава: / Солдат набрать, из них составить рать, / Потом рычать „налево“ и „направо“, / Скликать на смотр и плетью муштровать. / Вот почему Европа их боится, / Ведь каждый царь воспитывался так», — отмечал А. Мицкевич в своих путевых заметках-памфлетах раннее включение детей русских правителей в военную культуру. См.: Мицкевич А. Смотр войска // Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. М., 1968. С. 420.

² Балушок В. Г. Инициации древнерусских дружинников // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 41.

³ Аналогичный обряд бытовал и в древнерусской дружинной культуре, где мечом препоясывались посвящаемые в дружинники. Сходство объясняется тем, что и князья, и дружинники принадлежали к единой социальной страте воинов. См.: Балушок В. Г. Инициации древнерусских дружинников. С. 35, 40.

⁴ Богатырев С. Н. Шлем Ивана Грозного в контексте придворной культуры // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 2. С. 112–140. Шлем стальной с наведенной по венцу золотой подписью «Повелением благоверного и христоролюбивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца. Сделан шлем сей благородному сыну его царевичу Ивану Ивановичу в четвертое лето от рождения его, в преименитом и царствующем граде Москве, в лето 7065 (1557) июня в 8 день». См.: Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 235; Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 730. Сегодня шлем находится в собрании Музеев Московского Кремля. Там же хранятся «Полный германский доспех», выполненный, судя по всему, для детей царя Алексея Михайловича, и пищали-недомерки царевичей. См.: Государева Оружейная палата... С. 24, 120. Связь московской традиции изготовления династического головного убора наследника и «посаждения на конь» оспаривается. См.: Лаврентьев А. В. Принадлежал ли Ивану Грозному «шлем Ивана Грозного»? // *Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 2. С. 92–111.

Обряд пострига¹ представлял собой отголосок архаического действия сажания ребенка на живого коня, что означало его посвящение в ратный чин². Как и в других обрядах перехода, конь был важной частью инициации, поскольку он выступал не только атрибутом мужчины и воина, но и транспортным средством, посредником между миром живых и мертвых, и, шире, как сила, обеспечивающая иницианту возрождение в новом мире³.

Очевидно, что обе формы обряда — и архаическая, и более поздняя — имели особую важность для воспитания царских сыновей в среде, где слово «князь» по народной этимологии означало «конный человек» — *Ното Eques*, а конь входил в число первостепенных атрибутов княжеской власти⁴.

Символическая значимость фигуры ребенка верхом на коне, юного князя или княжича отмечалась еще в языческий период русской истории. Так, согласно летописным материалам, княжение малолетнего Святослава началось с битвы русского войска с древлянами, когда, сидя на коне, «суну копьемъ Святославъ [на] деревляны, и копье лете сквозе уши коневи, удари в ноги коневи, бе бо детескъ. И рече Свенелдъ и Асмолдъ: „Князь уже почаль, потягнете, дружина, по князе“»⁵.

Обряд проводили по достижении мальчиком четырех- или пяти-, иногда семилетнего возраста; после чего царевич переходил с женской половины терема на попечение дядьки, уже в качестве не младенца, но отрока. Еще до совершения обряда

¹ Позднее эта сакральная модель трансформировалась в обычай состригать первые волосы. См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 578.

² Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 205; Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 592.

³ Балушок В. Г. Инициации древнерусских дружинников. С. 41.

⁴ Богомолов С. Н. О значении слова: варяг, казак, росс и рет, или как должно понимать эти слова в истории. Тифлис, 1848. С. 4, 8. Согласно современным представлениям, слова «конь» и «князь» этимологически не связаны. Последнее заимствовано из германского и представляет собой закономерное фонетическое отражение германского *kuningaz «король», восходящего к слову со значением «род» (ср. готское kunī, современное английское kin «род»). См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2 (Е — Муж). М., 1986. С. 266). Выражаю искреннюю благодарность С. В. Кулланде за предоставленный материал.

⁵ Лаврентьевская летопись. Т. 1. Вып. 1. Повесть временных лет / ПСРЛ. Л., 1926. Стб. 57–58.

малолетний царевич знакомился с «потешной» лошадкой — традиционной деревянной игрушкой, проверенной опытом поколений. Внешний вид потешной лошадки был максимально приближен к натуральному; она была оклеена тканью или жеребьячей кожей, имела гриву и хвост из настоящей «кожиной гривы и хвоста», при этом была соразмерна ребенку, имея «вышину в аршин, длину по размеру»¹.

Знакомство детей с конным миром начиналось в форме игры, в годовалом возрасте или чуть ранее — как указывает И. Е. Забелин, ко времени пробуждения «возрастного смысла»². Так, царевич Алексей Михайлович обрел свою первую лошадь — «коня деревянного потешного» в полном уборе — в возрасте десяти месяцев. Это была игрушка «немецкого дела, делана на столице на деревянном; на коне седло и войлуки оболочены бархатом червчатым рытым; узда и паперсть и пахви и ременье обьяринные — оковано медью луженою; стремяна меденные ж лужены, покровец на седле камка двоелична мелкотравна немецкая»³.

Царевич Петр Алексеевич получил свою потешную лошадку с полным нарядом накануне своих первых именин летом 1673 г. Обтянутая белой жеребьячей кожей, она была убрана красным сафьяновым седлом с подпругой, пристругами и позолоченными стремянами, уздой из черненого серебра и паперстю, украшенной самоцветами, а также чепраком в цвет седла⁴.

Была своя потешная лошадка — деревянная, украшенная «простыми каменьями» (стеклами. — Б. III.), сусальным золотом, серебром и красками и у его младшего единокровного брата царевича Федора, самого известного конника Московского царства. Лошадка была оседлана и взнуздана на железное мундштучное оголовье; ее черную тесьмянную узду украшали морхи в виде бахромы из черного сученого шелка⁵. Обыкновенно

¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 550, 578, 592, 720; Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики... С. 27.

² Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 592.

³ Там же. С. 591. Имелись деревянные лошадки и у царевен; но в их арсенале были потешные колымажки, кареты, сани и возки «с конями деревянными» экипажными, а не верховыми. См.: Там же. С. 587.

⁴ Там же. С. 592, 716, 721.

⁵ Шаниро Б. Л. Номо Eques русского средневековья: царь Федор Алексеевич Романов // Локус. 2017. № 4. С. 7–18.

потешные кони оставались в числе игрушек царевичей до их «полного возраста». Деревянная лошадка Федора Алексеевича стояла в его хоромах вплоть до его одиннадцатилетия, когда состоялось «всенародное объявление» царевича¹: в русском средневековье оно связывалось с совершеннолетием, после которого сын мог выезжать вместе с отцом в качестве наследника.

Досуг царевичей до «объявления» не предполагал публичных выходов², а состоял, наравне с обыкновенными детскими играми, из ежедневных упражнений в верховой езде, стрельбе из лука и из других подвижных занятий. Такой подход, вполне осознанный и тщательно продуманный, был причиной того, что при московском дворе детская физическая активность приобрела характер культивируемого спорта³.

Иностранцы, бывавшие при Московском дворе, связывали вынужденное детское затворничество с русскими традициями. «Дети царские, — размышлял Я. Рейтенфельс, — воспитываются весьма тщательно, но совершенно особенным образом, по Русским обычаям. Они удалены от всякой пышности и содержатся в таком уединении, что их не может никто посещать, кроме тех, кому вверен надзор за ними. Выезжают очень редко; народу показывается один только Наследник Престола <...> а прочие сыновья, равно как и дочери, живут обыкновенно в монашеском уединении. От сидячей жизни они слабы и подвержены многим болезням. Лекаря думают, что и старший царевич (Алексей Алексеевич) умер от недостатка деятельности и движения, составляющих необходимость Природы. С некоторого времени уже больше обращают на это внимания, и Царские дети упражняются каждый день в определенные часы в разных играх, конной езде и метании стрел из лука; зимою делают для них небольшие возвышения из дерева и покрывают снегом, отчего образуется гора: с вершины ее они спускаются

¹ Берх В. Н. Царствование царя Федора... С. 2–3; Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 554, 591–592.

² Царские дети после торжественного крещения помещались в покои, где до совершеннолетия вели замкнутый образ жизни. См.: Ракитина М. Г. Обряды рождения и крещения царских детей в России XVI–XVII вв. // Исследования по источниковедению России (до 1917 г.). Сб. статей. М., 2009. С. 69.

³ Богданов А. П. В тени Великого Петра. М., 1998. С. 37; Володихин Д. М. Царь Федор Алексеевич, или Бедный отрок. М., 2013. С. 16.

на саночках или на лубке, управляя палкою. Танцы и другие занятия, у нас обыкновенные, при русском дворе не употребляются <...> Долг справедливости требует сказать, что этот скромный и по-видимому простой образ воспитания Царских детей в России дает им прекрасное направление»¹. В результате такого подхода конная культура органично и естественно входила в русскую повседневность.

1.3.4. ЦАРСКИЕ КНИГИ «ЛОШАДИНОГО УЧЕНИЯ»

Другим средством приобщения царевичей к конному миру были книги. Царские книжные собрания — еще одна особая страница в истории русской культуры, которая не менее прочих зримо свидетельствует о ее динамике. Интересна трансформация царских библиотек на пороге Нового времени, когда они изменяются и количественно, и содержательно.

Библиотека царя Михаила Федоровича, согласно описям 1634 г. и 1642 г., за 8 лет расширилась от 11 книг, хранящихся «в государеве в большой шкатуле»², до 29 книг. Это были издания преимущественно духовно-религиозные, с единичными включениями литературы поучительной («Измарагд»), исторической («Троицкое сидение») и философской («Книга Аристотелева»)³.

Довольно объемная библиотека духовных, исторических и учительных книг, печатных и рукописных, принадлежала сыну Михаила Федоровича царевичу Ивану Михайловичу, умершему в малолетнем возрасте 5 лет⁴. В XVII столетии широкое включение книг в число детских забав было обычной практикой воспитания детей царского круга. Источники тех лет свидетельствуют об отношении к детским книгам как к некоторой разновидности игрушек; результатом было частое их поновление. Так, щедро украшенный рисунками сборник житий из библиотеки царевича Федора Алексеевича, изготовленный в 1663 г., за два года активной эксплуатации настолько потерял вид, что

¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 555.

² Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... Т. 1. Ч. 2. М., 1915. С. 591.

³ Там же; Луппов С. И. Книга в России. Л., 1970. С. 113.

⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... Т. 1. Ч. 2. М., 1915. С. 593–596.

был временно изъят из хором четырехлетнего царевича и передан на реставрацию¹.

Четырнадцатилетняя или пятнадцатилетняя дочь Михаила Федоровича царевна Ирина Михайловна, судя по описи, составленной около 1642 г., владела скромным собранием из 5 псалтырей и 2 часовников². Книжное собрание царевича Алексея Михайловича также было невелико. Его библиотека насчитывала 15 изданий, но стоит отметить, что светских книг, прежде всего поучительных и учительных («Азбука», «Грамматика», «Лексикон», и популярнейшая в то время «Космография»), здесь было уже больше, чем в собрании его отца³.

Собственными, так называемыми «хоромными», книжными собраниями располагали и дети царя Алексея Михайловича: известны отдельные собрания царевен Софьи и Натальи, царевичей Петра, Алексея и Федора⁴. Библиотеки старших сыновей Алексея Михайловича уже были значительно более обширны, чем книжные собрания первых Романовых. Собрание Алексея Алексеевича (старшего сына Алексея Михайловича, умершего в 1670 г. в пятнадцатилетнем возрасте) насчитывало 192 книги, среди которых было 64 русских и 128 иностранных на «иноземных» языках; по другим данным, ему принадлежало 215 книг, в том числе 78 русских и 137 иностранных⁵. Библиотека царевича отличалась от библиотеки его отца не только количественно; главной особенностью этого собрания называют его разноплановость. Так, в нем хранилась живописная детская энциклопедия, составленная для царевича в 1664 г. Среди прочих иллюстраций в ней были помещены изображения «людей на конях русских»⁶.

¹ Кудрявцев И. М. Издательская деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 8. М., 1963. С. 211; Лебедева И. Н. Личная библиотека царя Федора Алексеевича // Книга в России XVIII — середины XIX в. Из истории Библиотеки Академии наук: сб. научных трудов. Л., 1989. С. 88.

² Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 311.

³ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... Т. 1. Ч. 2. М., 1915. С. 592; Лупнов С. П. Книга в России... С. 113.

⁴ Лебедева И. Н. Личная библиотека царя Федора Алексеевича. С. 85.

⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... Т. 1. Ч. 2. М., 1915. С. 599; Лупнов С. П. Книга в России... С. 113.

⁶ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 695. Несомненно, сыновья Алексея Михайловича были хорошо знакомы и с «Василиологионом»

Однако одним из самых полных и оригинальных книжных собраний позднего русского средневековья была библиотека его младшего брата Федора Алексеевича¹. О ее специфике мы можем судить по двум описям, составленным в 1682 г. после его смерти: первая, под названием «Опись библиотеки царя Федора Алексеевича», содержит указание на 137 книг на польском, русском и латинском языках, оставшихся во дворце. Вторая, озаглавленная «Книги, которые по указы блаженные памяти... царя... Федора Алексеевича... приняты из его великого государя комнаты книгохранительницы в его государеву Мастерскую палату... в нынешнем в 191 году апреля в 12 день», включает описание 143 книг.

Это собрание значительно превосходило все более ранние библиотеки Романовых не только по объему. Треть содержания обеих описей составляют светские издания². Среди уже привычной «духовной книжности», агиографической, исторической и поучительной литературы здесь имелись и издания, прежде не характерные для царских библиотек.

Одним из таких раритетов был русскоязычный перевод сочинения наставника Людовика XIII А. де Плювинеля «*Manège royal*». Оригинальное издание увидело свет только спустя некоторое время после смерти автора (Плювинель умер в 1620 г.), но впоследствии, признанное классическим, оно выдержало несколько переизданий. Впервые труд был напечатан в Париже в 1623 г., затем, там же, в 1627, 1640 и 1660 гг.; в Амстердаме в 1666 г., во Франкфурте-на-Майне в 1640 г. и в Брауншвейге в 1653 г.³ Русскоязычный перевод был сделан в 1670 г.

из отцовской библиотеки, где царская доблесть напрямую связывалась с состоятельностью паря как всадника. См.: Николаев П. В. Парсуны всадников конца XVII в. Проблема атрибуции. С. 123, 125.

¹ Шаниро Б. Д. Царские библиотеки XVII в.: книги «лошадиного учения» // Литература в системе культуры. К семидесятилетию профессора И. В. Кондакова: сб. статей по итогам Международной научно-практической конференции. Москва, 15 апреля 2017. М., 2017. С. 112–118.

² Луппов С. П. Книга в России... С. 115–116. В библиотеке были книги по медицине, биологии, географии, архитектуре и т. д. См.: Савельева Е. А. Книги царя Федора Алексеевича в собрании Аптекарского приказа // Вторые Лупповские чтения: доклады и сообщения. Санкт-Петербург, 12 мая 2005 г. М., 2006. С. 15–28.

³ Назаренко И. И. Некоторые рукописные источники по зоотехнии XVII–XVIII веков // Вопросы истории естествознания и техники. 1956. № 1. С. 235.

с брауншвейгского издания, где одновременно приводился французский и немецкий текст; перевод «с глаголами в конце предложений и с полонизмами, тяжелый, хотя и понятный»¹ был сделан с немецкого. Он получил название «Книга лошадиного учения» (Королевская ездная школа господина А. де Плувинелла).

Книга была выполнена рукописным способом, полууставом². Ее формат — большой «в десть», т.е. увеличенный «большой фолио»³, специально предназначенный для особенно роскошных изданий; объем — 216 листов. Альбом был проиллюстрирован гравированным портретом Людовика XIII от 1626 г., заглавным листом и гравюрами оригинала⁴ в виде изображений породных лошадей. Эти последние были гравированы с оригиналов работы художника Яна ван дер Страта (Страдануса); они, в свою очередь, были заимствованы из опубликованной в 1578 г. книги «*Equile Joannis Austriaci Caroli V Imp. F.*»⁵. Оформлением списка стал переплет с позолотой⁶.

Судя по всему, роскошно оформленная «Книга лошадиного учения» была в числе «внесенных в Верх»⁷, т.е. подаренных девятилетнему царевичу Федору Алексеевичу, который с детских лет не только увлекался верховой ездой, но и отдавал должное красоте породных коней.

И перевод, и оформление рукописи были выполнены силами Посольского приказа, чья художественная мастерская была ближайшим конкурентом Печатного двора по производству эксклюзивных рукописных изданий. Большая часть изданных Посольским приказом книг была светского содержания. Значительная группа изданий, выпущенных Посольским приказом во второй половине XVII в., предназначалась для обучения

¹ Соболевский А. И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII веков. СПб., 1899. С. 65.

² Палеографические снимки с русских рукописей XII–XVII веков. СПб., 1901. Таб. XLI.

³ Лебедева И. Н. Личная библиотека царя Федора Алексеевича. С. 85.

⁴ Соболевский А. И. Западное влияние на литературу... С. 65.

⁵ *Equile Joannis Austriaci Caroli V Imp. F.* Amsterdam, 1578. 24 p. (Рис. 4 и 5).

⁶ В настоящее время хранится в отделе рукописей РНБ под № ЕХІ.1. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2004. С. 310.

⁷ Кудрявцев И. М. Издательская деятельность... С. 182; Палеографические снимки... С. 2.

царских детей, преимущественно царевичей¹. Так, сопровождалась аннотацией о значении сочинения «к выстроению подлинного рыцера» и «Книга лошадиного учения» Плювинеля, подаренная царевичу Федору.

Полный текст аннотации имеет следующее содержание: «Королевская ездная школа господина Плувинелла королевского величества вышшего конюшева. В которой видети мочно и как деется о обыкновениях, каким способом кони к езде добре выучить, и все иные, которые к выстроению подлинного рыцера надобны суть, все по обыкновению его школы»². В Посольском приказе издавалась и другая переводная литература, популяризирующая западноевропейскую рыцарскую культуру. Это были серии рыцарских романов, которые в XVII столетии были весьма популярны и распространялись довольно широко³.

Наиболее эффектные, богато иллюстрированные издания, предназначенные преимущественно для нужд царского двора, выпускались Посольским приказом в 1670–1690-х гг. В это время там работали самые искусные златописцы⁴, писцы, иконописцы, переводчики и переплетчики.

Книги «строились» в одном или в двух экземплярах; второй экземпляр, иногда оформленный несколько проще первого, поступал на хранение в приказную библиотеку. Таким образом копировались и те книги, что были изготовлены в качестве царских подарков; как и прочие, они переписывались и распространялись во множестве списков. По всей видимости, именно так появился «Вестеросский» список (из рукописного собрания гимназии шведского города Вестерос) с царской «Книги лошадиного учения». Список объемом в 128 страниц открывает

¹ Кудрявцев И. М. Издательская деятельность... С. 210.

² Назаренко И. И. Некоторые рукописные источники... С. 235 (Рис. 6).

³ Костюхина Л. М. Из истории рукописного дела в России XVII века // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 58; Кудрявцев И. М. Издательская деятельность... С. 223.

⁴ Калишевич З. Е. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII веке и роль златописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: Сборник статей. М., 1961. С. 395; Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. С. 133; Лупов С. П. Книга в России... С. 42.

объемный сборник¹; текстологический анализ указывает на сходство этих двух списков.

Позднее книжное собрание Федора Алексеевича пополнилось еще одной русскоязычной версией сочинения Плювинеля². Издание 1677 г. получило название «Учение како объезжати лошадей, се есть художество о яждении, умершаго господина Антониа де Плувинелла, королевскаго величества французскаго начальнаго конюшего, думнаго статскаго коморника и подгубернатора»³. Как и в 1670 г., оно было выполнено специалистами Посольского приказа специально для передачи в царскую библиотеку (как подносная царю). Заказ на ее изготовление исходил уже от самого царя Федора Алексеевича⁴. В XVII столетии пополнение книжных собраний путем переписки было традиционным; к нему прибегали все владельцы частных библиотек, поскольку книгопечатание не удовлетворяло спроса на книгу. Крупнейшим заказчиком рукописных книг был царский двор.

Над переводом основного текста в 1677 г. работали Ефим (Табис) Мейснер, Леонтий Гросс и Андрей Виниус. Перевод был сделан с немецкого языка; язык перевода — русский с церковнославянизмами. Семен Лаврецкий выполнил перевод с латинских стихотворных подписей под иллюстрациями (частично в стихах, частично прозой)⁵.

Перевод был оформлен в рукописную книгу объемом в 287 листов размером в десть, с золотом на месте киновари: «А переводов писал тое книгу уставом на меньшей александрийской бумаге в дестовую тетрадь на странице по 30 строк мелким уставом книгописец Лазарь Лазарев и написал тое книги 20 тетрадей. Да он же писал в тое книгу клейма и заставицы

¹ Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ГОДЛР / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 471–472.

² Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 1. А–З / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1992. С. 243.

³ Соболевский А. И. Западное влияние на литературу... С. 66 (Рис. 7).

⁴ Палеографические снимки... С. 2; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 1. А–З. С. 243.

⁵ Там же. С. 242; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 4. Т–Я. Дополнения / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2004. С. 494; Соболевский А. И. Западное влияние на литературу... С. 66.

золотом и краской, да большие прописные слова фряские и меж статей прописные ж слова и речи прописывал золотом, да вкруг всего писма обводил линейками золотом»¹. Как и в 1670 г., в издание 1677 г. были вклеены заглавный лист и гравюры оригинала из «*Equile Joannis...*» с подлинников Страдануса); вклейки размещались после основного текста. Переплет был бумажный с позолотой².

Работа над книгой, которая задумывалась как подносная царю Федору Алексеевичу, велась между 9 марта и 11 ноября 1677 г.; первоначально предполагалось завершить ее создание к Троице — дню, особо почитаемому «лошадниками». Известно, что книгописец и переводчики получили за работу двойное награждение — в ноябре 1677 г. и в марте 1678 г.³, что, возможно, свидетельствует о выполнении ими копийного экземпляра для библиотеки Посольского приказа⁴.

Два рассмотренных перевода Плювинеля, 1670 и 1677 гг., открыли мир русскоязычной иппологической литературы.

Книжное собрание царственного лошадирика после его смерти в 1682 г. было передано в библиотеки Софьи Алексеевны (откуда они вскоре поступили в Государеву Мастерскую палату) и Петра Алексеевича⁵. Но традиция собирательства книг, посвященных рыцарству, искусству верховой езды и коннозаводству, не прервалась, а развилась, приобретая новые формы.

В 1685 г. московская иппологическая библиотека пополнилась рукописным переводом польского издания 1647 г. «*Hippika albo nauka o konjach*» Кшиштофа Дорогостайского. Русскоязычный вариант «Гиппики» был выполнен «переводником» Посольского

¹ Цит. по: Седов П. В. Закат Московского царства... С. 275.

² Назаренко И. И. Некоторые рукописные источники... С. 235; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 1. А–З. С. 242; Соболевский А. И. Западное влияние на литературу... С. 66; Палеографические снимки... Таб. XL.

³ Седов П. В. Детские годы царя Федора Алексеевича // Средневековая Русь: сборник научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова. СПб., 1995. С. 82; Седов П. В. Закат Московского царства... С. 275.

⁴ Известен только первый список перевода 1677 г., хранящийся в Погодинском собрании РНБ под № 1717. См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 1. А–З. С. 242.

⁵ Лебедева И. Н. Личная библиотека царя Федора Алексеевича. С. 89; Лунов С. П. Книга в России... С. 116.

приказа С. Годзаловским (Гадзалонским). Текст под заголовком «О конех» сопровождался подзаголовком «ко благосердому воинскому читателю»¹. В 1687 г. было издано переводное с польского языка руководство по коннозаводству в трех (по другим данным — в четырех) книгах. Среди материалов издания были тексты «о строении конского дому... для пригону и покою конского стада», «описание коней чужеземских» и раздел «о аптеке конской»².

К концу XVII столетия мода на литературу «лошадиной» тематики вышла за пределы царского двора. «Книга конская» отмечена в библиотеке главы Посольского приказа А. С. Матвеева, владельца обширного и весьма разнопланового собрания. У В. В. Голицына имелся конский лечебник³, один из множества переводных и отечественных компилятивных сочинений, изданных на волне новой моды. Несомненно, что наиболее интересные иппологические издания принадлежали собранию царя Федора Алексеевича.

1.3.5. ЦАРЬ-ВСАДНИК. ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ РОМАНОВ

Несмотря на некоторые новые черты, присущие придворной культуре XVII столетия, понимание тесной связи всадника и коня, как первого и главного царского слуги, в русском сознании оставалось неизменным. Эта особенность наиболее специфическим образом сказалась в жизненном пути царя Федора Алексеевича — несмотря на череду биографов, одного из самых малоизученных правителей России⁴, для которого

¹ Кудрявцев И. М. Издательская деятельность... С. 232; Соболевский А. И. Западное влияние на литературу... С. 64. Второй перевод «Гиппики» с одноименным названием, но от 1752 г., имел подзаголовок «к благоприятным рыцарским читателям», что позволяет причислить эти издания не только к коннозаводческой, но также и к рыцарской литературе. Оба перевода хранятся в РНБ под № F.VI.6. и Q.X.8; перевод 1685 г. под названием «О конской езде» также упоминается в описи собрания графа Ф. А. Толстого. См.: Кудрявцев И. М. Издательская деятельность... С. 232; Назаренко И. И. Некоторые рукописные источники... С. 236; Соболевский А. И. Западное влияние на литературу... С. 65.

² Там же. С. 66. Книга хранится в рукописном отделе РГБ под № 282. Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. СПб., 2008. С. 61.

³ Луппов С. П. Книга в России... С. 106, 110.

⁴ Шапиро Б. Л. Номо Eques русского средневековья: царь Федор Алексеевич Романов. С. 7–18.

умение хорошо держаться в седле значило много больше, чем для остальных детей царя Алексея Михайловича. Из-за хронической болезни, которой с юных лет страдал царевич Федор, только «в седле он [был] хорош, легок, молодцеват, [тогда] исчезают вся тяжесть и неуклюжесть его походки, видны лишь юная сила да искусство управлять лошадью»¹.

Сегодня о причинах этой болезни известно только со слов «великого государя ближнего боярина» А. С. Матвеева, записанных по кончине Алексея Михайловича в 1676 г.: «Федор, будучи по тринадцатому году, однажды собирался в подгороды прогуливаться с своими тетками и сестрами в санях. Им подведена была ретивая лошадь: Федор сел на нее, хотя быть возницей у своих теток и сестер. На сани насело их так много, что лошадь не могла тронуться с места, но скакала в дыбы, сшибла с себя седока и сбила его под сани. Тут сани всею своею тяжестью проехали по спине лежавшего на земле Федора и измяли у него грудь, от чего он и теперь чувствует непрерывную боль в груди и спине»². Других свидетелей этого происшествия не было, и обыватели связали страсть царевича к лошадям с его недугом.

Современные исследователи называют причиной нездоровья царевича Федора не столько эту травму (да и была ли она?), сколько наследственное заболевание в виде хронического неусвоения витамина С, передавшееся сыновьям царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской³. Так или иначе, царевичевы «ношки»⁴ утратили подвижность, и теперь верховая езда давалась царевичу Федору много легче, чем ходьба. Предполагают⁵, что именно по этой причине он впервые показался своей невесте Агафье Грушецкой именно верхом, «едучи гулять в Воробьево нарочно мимо двора их, снова в окошке чердачном изволил видеть»⁶.

¹ Володихин Д. М. Царь Федор Алексеевич, или Бедный отрок. С. 60.

² Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича // ЖМНП. 1835. № 5. С. 72.

³ Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 30.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Володихин Д. М. Царь Федор Алексеевич, или Бедный отрок. С. 60.

⁶ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 7, 8. М., 1996. С. 174.

Как и прочие царские дети, Федор Алексеевич научился искусству верховой езды при дворе своего отца, где для малолетних царевичей и их лошадок мастерами Конюшенного приказа изготавливалось особое снаряжение под общим названием «недомерки»¹. Несмотря на то что снаряжение ребенка-всадника и его миниатюрного коня имело и другое название — «потешное», в действительности оно ничем не отличалось от полноразмерных вещей, кроме габаритов. Первоначально такое снаряжение было только импортным и завозилось в Россию как диковинка. Со временем, когда употребление потешных вещей для обучения царских детей верховой езде стало традицией, было налажено и их местное производство². У шестилетнего царевича Федора уже имелось специальное детское седло; сохранилась запись о том, что к седлу были вышиты серебром по бархату седельные тебеньки³.

Итак, верховая езда с самых ранних лет стала подлинной страстью царевича Федора, не раз оказавшей влияние на ход его жизни. Потешные деревянные лошадки со временем сменились потешными же, но настоящими, только малорослыми, лошадками; так, участник голландского посольства в Москву 1676 г. Б. Койэтт дважды упоминает о наличии на дворцовой конюшне миниатюрных лошадей ростом с английских догов, или чуть больше. «Четыре из [них] были запряжены в карету, карлик

¹ Государева Оружейная палата... С. 24. Недомерками называли в том числе и детские седла, как, например, то, что было изготовлено для лошади самого Алексея Михайловича в его 12–13 лет: «седло маленькое крыто бархатом червчатим; гвозди, скобки и репейки, наконешники, приступ серебряные; крыльца одного нет; тебеньки бархат волнистой; вместо войлок подвязаны подушки бархатные червчатые». См.: *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг... Вып. 2. С. 388. Старший сын Алексея Михайловича, царевич Алкссей, в шесть лет владел роскошным чепраком; он был подарен царевичу в числе других даров от царегородца Дементия Петрова. «Чепрак шит золотом и серебром волоченым, травы обнизаны жемчугом, в них запоны золоты с алмазы и с яхонты червчатыми» был поднесен византийцами самому государю, а его сыну «чепрак шит золотом и серебром волоченым». См.: *Белокуров С. А.* Дневальные записки... С. 39–40.

² Согласно специалистам Музеев Московского Кремля. См.: *Посольские дары. М., 1996.* С. 174. Есть свидетельства о бытовании в древнем Изяславле «неполномерных детских и юношеских шпор, что наряду с другим детским вооружением устанавливает существование института ученичества молодых дружинников». См.: *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника... С. 124.

³ См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 633.

сел кучером на козлы, шесть человек сели внутри и, таким образом, несколько раз объехали вокруг двора, причем карлики, в роде парадных лакеев, бежали кругом», — писал он¹. Лошади миниатюрных пород в Московии в это время уже не были новинкой: Павел Алеппский свидетельствовал, что еще двадцатью годами ранее путешественники «...удивлялись на обычаи их детей, на то, что они с малых лет ездят верхом на маленьких лошадаках <...> так мы видели и удостоверились в этом после многих расспросов»².

Известно, что уже в 1673 г., т. е. к всенародному объявлению царевича Федора, он владел собственной конюшней, на которой стояло 27 «потешных» лошадей³. В 1670–1677 гг., как отмечалось выше, Федор Алексеевич положил начало русскоязычной ип-пологической библиотеке.

Ему принадлежит еще одно нововведение в русской конной культуре, которое обычно остается без внимания (при довольно хорошо изученной реформе платья 22 октября 1680 г. в целом). Хорошо известно, что в 1680 г. царь Федор запретил ношение традиционного парадного костюма, поскольку «старые одежды были долги, прилично женскому платью, и к служилому и дорожному времени непотребны»⁴. Заменой морально устаревшим одеждам было избрано служилое платье, учитывающее нужды деятельного, прежде всего, ратного человека. Новый костюм должен был как можно меньше сковывать движения, что предопределило его меньшую длину.

Сходным образом изменился и внешний вид ездового кафтана — одежды, предназначенной для дороги, в том числе и для верховых выездов. Основу нового гардероба всадника составил укороченный кафтан с прямыми боковыми клиньями, сделанными «по-иному, чем у всех прочих; они вшиты вверху не в виде

¹ Койэтт Б. Посольство Кунраада фан Кленка к царям... С. 461, 510.

² Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву... С. 35.

³ Седов П. В. Закат Московского царства... С. 274. Известно, что во время Троицкого выезда 1675 г. в карете, запряженной четырьмя «лошадками пигмейской породы», сжал младший сын царя Петр Алексеевич; то были его собственные лошади. См.: Койэтт Б. Посольство Кунраада фан Кленка к царям... С. 461.

⁴ Цит. по: Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия. С. 25.

угла, а в виде сборок, расположенных по прямой растянутой линии»¹. Кафтан нового покроя, подчеркивающий талию расходящимися от нее мягкими складками, «придавал фигуре стройность и молодцеватость»².

В царском гардеробе было несколько таких кафтанов, обозначенных в документах как «кафтаны ездовые с прямым клиньем»: один из бархата лимонного цвета, другой из рудожелтого сукна и еще два из рудожелтой обьяри (первый из простой обьяри, второй — из гладкой; кафтан из гладкой обьяри имел горностаевый подклад — «испод»). Еще один «кафтан ездовой теплый с прямым клиньем» был построен из сукна светло-брусничного цвета, утеплен собольими «пупками» и украшен запонами³. Все перечисленные одежды надевались Федором Алексеевичем в дороге к Троицкому богомолью в сентябре 1679 г.

Новые кафтаны «с прямым клиньем» были более функциональны и удобны, чем близкие им конструктивно кафтаны времен Алексея Михайловича. Декоративное решение верхней одежды в целом также стало более лаконичным: так, самый нарядный ездовой кафтан Федора Алексеевича описывался как «зарбаф золотный по нему кубы серебряные, нашивки образцы жемчужные с алмазы»⁴. Большинство других его ездовых одежд было оформлено намного проще; после изменения покроя и упрощения отделки верховые одежды царя и царского окружения приобрели сходство с аналогичным европейским (польским) костюмом.

Упростился и сам царский выезд. Говорили, что этот царь «величие свое заявляет не как иные монархи, толпою царедворцев, а больше всего роскошью одежд и красотой коней»⁵. Отныне внимание уделялось не только пышному конскому убранству, но и красоте породистых коней. Своим безупречным экстерьером, грациозными и изящными движениями эти благородные животные служили достойным оформлением царского выезда.

¹ Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI–XVII веков. С. 322.

² Там же. С. 308.

³ Строев П. М. Выходы государей царей... С. 676–678.

⁴ Там же. С. 671.

⁵ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 108.

Общее восхищение дворцовым конным хозяйством разделяли и иностранцы, бывшие в Москве в годы правления царя Федора Алексеевича. Так, участник польского посольства Б. Таннер, бывший здесь в 1678 г., неоднократно отмечал выдающиеся стати лошадей царя и его свиты. Среди прочего путешественник особо выделял красоту царской лошади в ее полном уборе и конного отряда, высланного для встречи посольства, в том числе и тех «крылатых» всадников, которых он прозвал легионом ангелов¹.

Особенно любопытно свидетельство уже упомянутого голландского посланника Койэтта, обратившего на царскую конюшню самое пристальное внимание. Хорошо известно его воспоминание об эффектном представлении, организованном для участников посольства «конного учения мастером» Т.С. Ростопчиным²: «шталмейстер [Ростопчин], — вспоминает Койэтт, — велел привести красивого серого жеребца (такowymi была большая часть их), который... услышав, что ему стал говорить шталмейстер, начал проделывать разные фокусы, изгибал свое тело в странные дуги и курьезно прыгал то на 4-х, то на 2-х ногах. Он привел еще 3-х других лошадей не менее интересных, чем первая, и, после ряда фокусов, поставил их крестообразно друг против друга; расставленные таким образом оне начали прыгать и скакать, как будто они танцевали и стремились превзойти друг друга в ловкости»³.

Затем Ростопчин «велел привести к себе белую лошадь средней величины, которая могла делать всевозможные фокусы. Захватив ее за уздцы, он, с острой лозой в руке, велел ей нагнуться. Лошадь так и сделала, и ударила головой об пол по Русскому обычаю; затем она легла на бок, точно спала, с конюхом, лежавшим у нее между ногами и положившим свою голову на ее голову. Коротко говоря, она оборачивалась и лежала, когда приказывал шталмейстер, так спокойно, что последний

¹ Берх В. Н. Царствование царя Федора... С. 49–50, 126; Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 44, 108; *Tanner B. Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam: Potentissimi Poloniae Regis ac Reipublicae Mandato & Consensu Anno 1678. Norimbergae, 1689.* P. 47–48.

² Седов П. В. Закат Московского царства... С. 274.

³ Койэтт Б. Посольство Кунраада фон Кленка к царям... С. 461.

мог становиться на нее ногами. Она пошла так же, как собака, искать шапку, которую она принесла шталмейстеру. Она на передних ногах приподнялась у стены, и тогда конюх вскочил ей на спину, как мальчишки в известной игре прыгают друг другу на спину. Другой конюх захватил передние ноги этой лошади, положил их себе на плечи и лошадь пошла затем на задних ногах, подобно тому, как иногда мальчики делают с собаками, которых берут за передние ноги, заставляя их идти за ними на задних ногах»¹. Отмечает посланник и другие трюки, которым были обучены царские лошади: подъем и спуск по ступеням и т.д.²

Это описание относится ко времени, когда царские конюшни находились на попечении ясельничего Ф. Я. Вышеславцева; появление значительных успехов в искусстве выучки связывают с деятельностью Вышеславцева как главы Конюшенного приказа (1670–1676). Ранее обучением царских лошадей занимался ясельничий И. А. Желябужский (1664–1668), также преуспевший в этом деле³.

Были у Федора Алексеевича и другие единомышленники, поскольку, как отмечал В. Н. Татищев, «сей государь до лошадей был великой охотник и не токмо предорогих и дивных лошадей в своей конюшне содержал, разным поступкам оных обучал и великие заводы конские по удобным местам завел, но и шляхетство к тому возбуждал. Чрез что в его время всяк наиболее о том прилежал, и ничем более, как лошадьми хвалился»⁴. В истории, кроме уже названных Вышеславцева, Желябужского и царского конюха Ростопчина (бывшего стремянного конюха боярина И. Д. Милославского, перешедшего на царскую службу⁵), остались имена Т. Е. Поскочина, берейтора государевой конюшни («при конюшне его величества славный берейтор и в великой

¹ Койтэт Б. Посольство Кунраада фан Кленка к царям... С. 461–462.

² Там же. С. 459–460, 510. Копыные забавы преобладали среди развлечений Федора Алексеевича с самого раннего времени. Известно, что в детстве у царевича было 27 «потешных» лошадей, верблюды и осел.

³ Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 39; Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. С. 91.

⁴ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 7, 8. М., 1996. С. 177.

⁵ Татищев Ю. В. Местнический справочник XVII в. Летопись историко-родословного общества. Вып. 2–3 (22–23). Вильна, 1910. С. 82.

милости был Тарас Елисеев сын Поскочин»¹); И. Т. Кондырева, потомственного коневода, в 1676 г. поставленного царем во главе Конюшенного приказа; князя В. Д. Долгорукого, одного из лучших в Московии знатоков лошадей, вложившего свое состояние в конные заводы².

Деятельность Долгорукого, не раз поддерживавшего царя Федора Алексеевича в его начинаниях, особенно важна для понимания поступков монарха. Известно, что царь-лошадник с трепетом подходил к подбору «своих великого государя лошадей»³, отбирая лучшие экземпляры из возможных. Как одержимый коллекционер, несмотря на приложенные усилия, он считал, что государевы конюшни было недостаточно хороши и разнообразны. Не удовлетворяясь покупкой иностранных образцов, понимая необходимость массового улучшения местных лошадей, царь-лошадник устроил на месте уже существующих «кобылячьих конюшен» первые государственные конные заводы, сменив естественное разведение искусственным подбором⁴. Одним из первых стал конезавод в дворцовом селе Броничи (Бронницы), основанный вблизи обширных пойменных лугов «государевой кобылячьей конюшни»⁵.

Работу по совершенствованию поголовья и увеличению породного разнообразия «своих великого государя лошадей»⁶ царь Федор Алексеевич вел все шесть лет своего правления, применяя всевозможные способы. Так, достоверно известно, что в 1676 г. царь выменял понравившегося ему белого жеребца, принадлежащего послу Генеральных штатов Нидерландов К. ван Кленку⁷.

¹ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 7, 8. С. 177.

² Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 40; Богданов А. П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М., 2009. С. 282; Богуславский В. В. Славянская энциклопедия. XVII век. Т. 1. А–М. С. 392; Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. С. 92.

³ Седов П. В. Закат Московского царства... С. 275.

⁴ Зезюлинский Н. Ф. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Т. 1. С. 18.

⁵ Подмосковье: памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков. М., 1962. С. 163.

⁶ Седов П. В. Закат Московского царства... С. 275.

⁷ Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 40. «Во вторник, 31 марта пришел шталмейстер его царского величества Тарас Степанович [Ростопчин] к его превосх[одительству] за белым жеребцом и его сбрую: его превосх[одительство]

Вероятно, именно на царскую конюшню поступила после конфискации имущества опального А. С. Матвеева в том же 1676 г. верховая лошадь, подаренная боярину годом ранее послами Священной Римской империи¹. Лошадь была прекрасно выезжена императорскими берейторами и, безусловно, была достойна занять место в конюшне царя-лошадника.

В 1679 г. царь лично поручил шведскому купцу и дипломату Т. Книперу (Книпперу) привезти дюжину немецких лошадей «на Аргамачью конюшню и на запасной двор»². Книпер занимался поставкой европейских лошадей в Московию и позднее; только в феврале 1682 г. он ввез в Россию полсотни голов. Три из них, в том числе два жеребенка по цене 40 р., поступили на царскую конюшню, семь — на царскую запасную конюшню; остальных раскупили приближенные царя.

Апогеем царской «конемании» стал сезон 1680–1681 гг., когда Федор Алексеевич приобрел турецкого аргмака за немислимые по ценам того времени 150 р.³ Чтобы сегодня оценить размах царского «шопинга», можно привести стоимость покупки в 1667 г. гостем С. Гавриловым для конюшни Алексея Михайловича шести роскошных лошадей за 675 р.⁴ Первокласные лошади со сказочно богатой, по словам современников, конюшни И. М. Языкова, первого боярина и царского фаворита, в 1682 г. были проданы по 100 р. каждая. Лучшая лошадь со двора боярина К. П. Нарышкина стоила не более 50 р.⁵ Лошади, привезенные Книпером для царедворцев в феврале того же года, стоили:

подарил его, по просьбе боярина Богдана Матвеевича Хитрово, его царскому величеству», — вспоминает очевидец. См.: *Койэнт Б.* Посольство Кунаада фан Кленка к царям... С. 471.

¹ Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора... С. 390.

² Ефимов С. В. Шведский дипломат Томас Книппер в России // От Нарвы к Ништадту: петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 280-летию со дня заключения Ништадтского мира / ВИМАИВиВС. СПб., 2001. С. 38; Преезжая грамота о свободном пропуске из Пскова в Москву 12 лошадей, купленных для высочайшего двора за границей иностранцем Томасом Книпером. 17 декабря 1679 г. // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 9. СПб., 1875. С. 133–134.

³ Седов П. В. Закат Московского царства... С. 275.

⁴ Варенцов В. А., Коваленко Г. М. В составе Московского государства: очерки истории Великого Новгорода. СПб., 1999. С. 80.

⁵ Седов П. В. Закат Московского царства... С. 493.

- 1) проданные боярину П. М. Салтыкову — семь лошадей общей стоимостью 470 р.,
- 2) боярину М. Л. Плещееву — две лошади за 116 р.,
- 3) боярину и князю П. И. Прозоровскому — две за 110 р.,
- 4) боярину и князю М. А. Черкасскому — одна за 80 р.,
- 5) боярину и князю П. С. Урусову — три за 200 р.,
- 6) боярину К. П. Нарышкину и боярину и князю Т. Т. Ромодановскому — два за 150 р. каждому¹.

Еще одну крупную партию из 44 «немецких» лошадей доставил в Московию любекский купец З. Инаверсен в январе 1682 г.; позже Федор Алексеевич послал конюха А. Рукина к Инаверсену для покупки лошадей для царской ахтамачьей конюшни². Уже тогда царь был серьезно болен (что известно, например, по характеру брачной церемонии 15 февраля 1682 г., когда он венчался с Марфой Матвеевной Апраксиной, не поднимаясь из кресла³. Царь уже «не мог ездить на... лошадях, но имея великую к ним охоту, непрестанно смотрел и пред очьми имел»⁴.

* * *

Можно с уверенностью предположить, что поручения 1682 г. стали последними заказами на покупку иноземных породистых лошадей, сделанными во время правления царя Федора Алексеевича. По окончании этого царствования развитие русской конной культуры продолжилось. Безусловно, на ход этого процесса повлияли как личные пристрастия Федора, так и обстоятельства его жизни. Несмотря на это, представленный материал полностью исключает возможность рассмотрения начинаний Федора Алексеевича как ограниченных масштабом его личности, имеющих преимущественно местное (придворное) значение.

¹ Пийримяз Х. А. Торговые отношения России со Швецией и другими странами Европы по материалам нарвского ввоза в 1661–1700 гг. // Скандинавский сборник. 1963. Вып. VII. С. 63.

² Там же. Ахтамак — мерин, холощенный конь. См.: Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1. М., 1974. С. 77, 123, 207.

³ «15-го была скромно сыграна свадьба, без обычного чина и при запертом Кремле». См.: Богданов А. П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. С. 286.

⁴ Цит. по: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 1. А–З. С. 243.

Напротив, именно они подготовили последующие, хорошо известные, изменения русского быта.

Итак, в русской культуре позднего Средневековья диада «конь — всадник», взятая в национально-государственном контексте, осмысливается прежде всего во взаимосвязанных мифологической и царской парадигмах. Универсальный символический образ конного героя, помещенный в пространство царской власти, трансформируется в культурный символ царя-всадника, сохраняя все базовые характеристики, изначально присущие символическому героизированному образу (прежде всего дуальность).

В Московии XVI–XVII вв. церемониал царского парадного конного выезда уже сформирован; особый язык ритуалов и символов царской власти, используемый в нем, определен и обозначен. Конь, как животное с древней мифо-ритуальной историей, в русской средневековой придворной культуре (где наблюдается крайне сильное смешение двух функций коня — утилитарной и ритуальной) был довольно широко вовлечен в эту сферу. В этих условиях конный выезд становится важнейшим средством выстраивания образов царской власти. Дорогие породистые кони — символические спутники солярного божества — и их драгоценное убранство, с его сложной символической системой декора, способствовали формированию образа русского царя как могущественного богоизбранного властителя.

Единение коня и его царственного всадника подчеркивалось целостностью художественного оформления их парадно-сакрального убранства. Вещный мир всадника был призван подчеркивать своим великолепием величие образа; значение царского выезда предопределило роскошь его убранства. Образ царя-всадника стал значимой составляющей московской культуры «государственного устройства». В итоге в русском средневековом сознании конь связывался с фигурой царя в трех контекстах — трех ипостасях, которые соединялись только в лице могущественного властителя, «повелителя и царя над многими странами»¹. Конный образ стал символом тесной связи с сакральным, символом сильной державной власти и символом воинской доблести.

¹ Ченслер Р. Известия англичан о России во второй половине XVI века. С. 5.

Часть 2.

*Русский всадник
между царством и империей*

ГЛАВА 1. РУССКИЙ ВСАДНИК В ПРОСТРАНСТВЕ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

2.1.1. Начало реформ. «Конницы малолетство». Война как основной сценарий

К концу Московского царства конница все еще была основой русской армии¹. В это время она имела весьма самобытные формы, сложившиеся в результате смешения различных культур. Основу войска составляла иррегулярная поместная конница («временное» войско), мобильная и многочисленная. К концу XVII в. ее численность равнялась приблизительно шестидесяти тысячам, составленным из конных сотен дворянской и татарской конницы. Всадники поместной конницы были известны как «добры и конны и оружейны»²: по качеству боевой подготовки до определенного момента она была лучшим видом вооруженных сил России.

С 1680-х гг. поместная конница начала терять боеспособность, а вместе с ней — и свое значение, уступая и пехоте, и войскам иноземного строя. На рубеже XVII–XVIII вв. современник И. Т. Посошков подверг ее резкой критике, приписав ей неимение основных понятий о воинской дисциплине, массу «нетчиков», желание «саблю из ножен не вынимать»³. «Клячи худые, сабли тупые», — обвинял он⁴.

¹ Начала утрачивать ведущие позиции с 1680-х гг. Отставание московской армии от требований времени можно наблюдать уже в Ливонскую войну (1558–1583). См.: Ахизер А. С., Клямкин И. М., Яковенко И. Г. История России: конец или новое начало? М., 2008. С. 108.

² ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 3. 1689–1699. СПб., 1830. С. 191.

³ Что лишило их, по словам Посошкова, военной доблести. См.: Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. 1683–1762 год. Т. 1. СПб., 1891. С. 24.

⁴ Волюнский Н. И. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1912. С. 17.

Так или иначе, неспособность поместной конницы к успешным наступательным действиям не оспаривалась, поскольку ее главной воинской задачей до настоящего момента предполагалась оборона. «Воинское дело первое из мирских дел, яко важнейшее для обороны своего отечества», — соглашался впоследствии и царь Петр I¹. В западноевропейских войнах XVIII в., где от конников требовались выучка и техничное маневрирование, поместное войско могло выступать только как вспомогательная сила, равно как и другой вид временного ополчения «русского строя» — даточная конница.

Относительно развитый боевой навык имела конница городского войска казаков-помещиков и «стремянных» стрельцов как первый вид русской «непременной», т. е. регулярной конницы. Рейтарские и драгунские полки, состоящие частью из наемников-иностранцев, частью из русских под руководством иностранных офицеров, несколько уступали им, так как были рассчитаны на бой огнестрельным оружием на медленных аллюрах, не требовавших от всадника особой выучки².

В общий состав русской конницы к концу XVII в. входили 25 копейно-рейтарских полков драгунского типа, а также поместная дворянская конница и люди за ней, даточные конные, городовые, слободские и донские казаки в числе «нестройных» войск и временных ополчений общим числом свыше 55 тысяч человек, и, кроме того, гарнизонные стрельцы и драгуны (количественных данных по этим видам войска нет). В 1694 г. имелась рота палашиков и рота конных гранатчиков³.

Недостатком такого устройства была прежде всего его многоукладность, каждая из групп была обособлена и имела свою специфику. Ратная повинность отличалась неопределенностью и неравномерностью. Слабыми сторонами «русского строя» также были его архаическая система снабжения и долгая и нестабильная мобилизация, что задерживало выступление на театр войны (так, сосредоточение к Нарвскому

¹ Масловский Д. Ф. Записки по истории... Т. 1. С. 67.

² Кутищев А. В. Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность. М., 2006. С. 288.

³ Азанчевский М. П. История Преображенского полка. М., 1859. С. 12; Брикс Г. О. История конницы // Денисон Дж. История конницы. Т. 1. СПб., 1897. С. 114; Масловский Д. Ф. Записки по истории... Т. 1. С. 50–51.

сражению 1700 г. заняло более месяца¹, к Крымскому походу 1687 г. — два месяца).

Поместная система не предполагала систематического воинского обучения, что обусловило размытость требований к качеству подготовки всадника и его лошади. Не были определены требования к подготовке офицерского состава: в дворянской коннице командные должности замещались по родовому признаку². «Известно есть всему миру, какова скудность и немощь была воинства российского, когда оное не имело правильного себе учения», — заключил сподвижник Петра I Ф. Прокопович³.

В царских указах понятие готовности к государственной ратной службе ограничивалось расплывчатым понятием «добрый»: «да у вас же бы и у людей ваших, которые за вами в полках будут, было огненное ружье, фузеи и пистолы добрые, а лошади польские или ногайские или домашние, или иные какие, добрые ж»⁴. Таким образом, одним из главных недостатков русской конницы на конец XVII в. было отсутствие единой системы подготовки.

Ключевым моментом в развитии русской конницы стали петровские реформы, призванные превратить Россию в европейскую державу. Первые шаги по переустройству относятся к 1698 г., когда начинается формирование регулярных драгунских полков. В сентябре этого года генералом А. М. Головиным был набран первый четырехротный драгунский полк, названный Преображенским драгунским (полк иноземца «старого выезда» А. А. Шневенца). «Из того выбираю, чтоб были собою

¹ Масловский Д. Ф. Записки по истории... Т. 1. С. 74.

² Бескровный Л. Г. Военные школы в России в первой половине XVIII в. // Исторические записки. 1953. Т. 42. С. 285.

³ Духовный регламент. 1721. СПб., 1866. С. 44.

⁴ Именной указ, сказанный Стольникам, Стряпчим, Дворянам, жильцам и недорослям. О бытии им в готовности к службе в полном вооружении со своими людьми. 4 декабря 1698 г. См.: ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 3. С. 525–526. Текст почти повторяет указ «О содержании служивым людям лошадей добрых и к стрельбе обычных» от 19 апреля этого же года: «чтоб у них у всех и у людей их, для Его Государевы службы были лошади Польские или домашние или Ногайские, или иные какие добрые и к стрельбе заобычные, чтоб которые стрельбы не боялись; а буде из них у кого на Его Государеве смотре, или по смотру на Его Государеве службе в полках у Бояр и Воевод таких добрых и к стрельбе заобычных лошадей не будет, и тем за то быть от Великого Государя в опале и в наказанье без пощады» от 19 апреля 1698 г. См.: Там же. С. 450–451.

человечные и не глупы...»¹, — докладывал Головин Петру I, отбирая лучших из дворян и дворянских и шляхетных недорослей московских чинов (царедворцев), достигших 15 лет, ростом не менее 151 см (2 аршина 2 вершка). В августе 1700 г. генералом А. А. Вейде сформирован второй драгунский полк (полк Е. А. Гулица). Однако новонабранные драгуны были малознакомы с конной службой и поначалу по своим качествам могли называться только пехотой, посаженной на коней.

Оба полка вместе с наскоро набранной поместной конницей Б. П. Шереметева участвовали в Нарвском сражении в ноябре 1700 г. (1400 драгун, 5250 всадников поместной конницы²). Итоги этого сражения хорошо известны. Поместная конница в панике отступила в самом начале боя, бежав с поля сражения к Новгороду; во время переправы через Нарву утонуло около тысячи ее всадников³. Потери новых драгун тоже были существенны: полк Шневенца потерял 279 всадников, полк Гулица — 133. Нарвский разгром показал недостатки подготовки и послужил к очередному витку преобразований.

Очевидно, что русская конница *as is* не могла выполнять тех задач, которые ставились перед русской армией в войнах первых десятилетий XVIII столетия. Согласно замыслу «в Европу прорубить окно», Петру I предстояло прежде всего создать новую боеспособную армию, для чего необходимо было определить такие принципы подготовки всадника, которые позволили бы не только достигнуть общеевропейского уровня, но и превзойти его.

Выбор был сделан в пользу конницы драгунского типа: она не исключала спешивание в бою, что соответствовало современной тактике ведения конного боя. Петр I повелел Б. А. Голицыну набрать в десяти низовых городах 10 драгунских полков и сверх оных в Новгороде два полка. Полки, каждый на 1000 человек, были набраны к середине 1702 г.; кроме того, были сформированы Малолетний драгунский полк, переданный в школу при

¹ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 1. С. 2.

² Масловский Д. Ф. Записки по истории... Т. 1. С. 74.

³ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 1. С. 18.

Посольском приказе, и выборная драгунская рота при Золотой палате и Казанском приказе; все они получили относительно единую организацию. Общие военно-административные распоряжения возлагались на главу Разрядного приказа Т. Н. Стрешнева¹. Ближняя Канцелярия выдала Золотой палате 100 000 р. «на покупку лошадей для швейской службы»². Обзаведение новозданных полков лошадьми, по признанию Б. А. Голицына, было болезненным местом: «...превеликое теснение имею сердцу своему в лошадях», — сообщал он Петру I в апреле 1701 г.³

В 1703 г. и в 1707 г. были предприняты попытки создать кирасир и легкую кавалерию. В 1709 г. из драгун были выделены гренадерские роты, временно сведенные в три конногренадерских или драгунских гренадерских полка. Аналогично были преобразованы драгунские фузилерные полки⁴.

Учреждение новой конницы (по сути, попытки создания регулярной кавалерии) требовало расходов: снабжение одного драгунского полка стоило свыше 23 000 рублей (согласно «Ведомости что в Кавалерии полков и кто в оных командиры и откуда на те полки из приказов жалованье дается» от 1711 г.)⁵; общий расход на содержание армии за 10 лет (1701–1710) удвоился. Для высвобождения средств на военные нужды сократились расходы на содержание двора: со свыше 224 000 р. в царствование Федора Алексеевича до 56 500 р. в 1701 г.⁶ Ограничения затронули

¹ *Волынский Н. П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 1. С. 21, 32; *Епифанов П. П.* Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого. М., 1946. С. 30; *Кутищев А. В.* Армия Петра Великого... С. 154; *Масловский Д. Ф.* Записки по истории... Т. 1. С. 79.

² *Волынский Н. П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 1. С. 26.

³ Там же.

⁴ В 1707 г. была сформирована легкая конница в виде Валахской хоругви в составе 300 человек из венгерцев, сербов, молдаван и валахов, по образцу венгерских и сербских гусарских полков австрийской армии. См.: *Витт Л. В.* Конница: Вооружение и владение оружием. М., 2011. С. 22; ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. 1700–1712. СПб., 1830. С. 379. Также см. указ от 20 апреля 1707 г. «О принятии на российскую службу Апостола Кигеча, яко коменданта Волохской Хоругви с несколькими офицерами и рядовыми конными». См.: *Брикс Г. О.* История конницы. С. 139–140; *Денисон Дж.* История конницы. Т. 1. С. 248; По окончании Северной войны легкая конница была распущена.

⁵ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 617.

⁶ Все о лошади. С. 81, 85–86.

все сферы дворцовой жизни; не могли они не коснуться и придворного конного хозяйства.

К началу петровского правления на дворцовых конюшнях содержалось свыше 5 000 лошадей. В селе Коломне находилась Собственная конюшня, где в разные годы содержалось от 287 до 311 лошадей для личных нужд царя. Численность остального поголовья военного и хозяйственного назначения царь оценивал в 50 000¹.

После начала Северной войны Конюшенный приказ из экономики был передан в ведение Ингерманландской канцелярии Дворцовых дел под управлением А. Д. Меншикова². Часть из государственных конных заводов закрылась (Беседский, Воробьевский, Остожский), другие были переданы людям, имевшим силы, знания и материальные средства для их содержания. Давыдовский завод был отдан боярину Т. Н. Стрешневу, возглавлявшему в конце 1690-х гг. Конюшенный приказ, Покровский завод — стольнику и ближнему кравчему К. А. Нарышкину, Хатунский — думному дьяку Д. А. Иванову, возглавлявшему Иноземский, Рейтарский и Пушкарский приказы, Юховский (Юхотский) и Уславцевский — генерал-фельдмаршалу графу Б. П. Шереметеву, Великосельский — генералу князю А. И. Репнину, Софьинский — князю М. П. Гагарину, Бронницкий — первому помощнику Петра I в создании регулярной кавалерии и первому русскому генералу от кавалерии А. Д. Меншикову³. Два конезавода, Таннинский и Александровский, были подарены Петром I жене Екатерине⁴. Всего было роздано 10 дворцовых

¹ Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. С. 9; Все о лошади. С. 40, 43, 62; Гусев Ю., Манжоло А. Коннозаводство в эпоху Петра I // Коневодство и конный спорт. 1993. № 2. С. 30.

² ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 298.

³ Чин генерала от кавалерии присвоен А. Д. Меншикову в 1705 г., одновременно с назначением главнокомандующим над всеми кавалерийскими полками «ради лучшего управления». См.: Кутищев А. В. Армия Петра Великого... С. 352. Сохранились воспоминания путешественника и писателя К. де Бруна (побывавшего в России в 1701–1703 гг.) о конюшне Меншикова в имении [Ново-]Алексеевское на Юзе: «лучше всего для меня показали там громадные конюшни... [где] было более 50 лошадей превосходной красоты». См.: Брун де К. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 67.

⁴ Все о лошади. С. 81–82; Гусев Ю., Манжоло А. Коннозаводство в эпоху Петра I. С. 30. Из них сохранилось только два завода — те, что были подарены

конных заводов. Потребности царского двора обеспечивались оставшимися 11 заводами в Московской, Владимирской и Костромской губерниях. Ценой преобразований была утрата старорусской боярской породы лошади. Крепкая, но тяжелая, она не соответствовала новым потребностям¹.

Надо сказать, что реализация царских замыслов требовала значительного количества лошадей, в том числе для ремонта (пополнения), так как убыль конского состава в военное время была весьма значительна (так, в разделе «убитые лошади, раненые и безвестно пропавшие» по «Табели потерь, понесенных Русской драгунской конницей в сражении под Калишем 18 октября 1706 года» значилось 678 единиц²; в донесениях отмечали, что «лошади все в нашем войске зело от безкормицы ослабели»³). Также требовалась замена лошадям, отслужившим свой срок⁴. «В поход со мной пойдут 9 полков драгунских, да только они безконны», — сообщал Петр I в августе 1703 г. Б. П. Шереметеву⁵.

Динамика содержания царских указов о военно-конской повинности («лошадиных наборов») для конницы и конных рекрутов в 1704–1707 гг. и их интенсивность ясно иллюстрируют, по выражениям Б. П. Шереметева, и русской «конницы малолюдство», и ее «малолошадство»⁶ в первые годы XVIII в. В 1704–1706 гг. были проведены смотры недорослей, и «которые... явятся собою добры и человечны, и тех писать конной службы»⁷, т. е. следует определение их в драгунские полки⁸.

графу Б. П. Шереметеву. Они были переведены в Серебряные пруды, где существовали до 1861 г. См.: *Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я.* Отечественное коневодство... С. 19.

¹ Гусев Ю., Манжоло А. Коннозаводство в эпоху Петра I. С. 30.

² В том числе убитых, раненых и безвестно пропавших. См.: *Волинский Н. П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра. Т. 1. Кн. 3. СПб., 1912. С. 450–451.

³ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Т. 1. М., 2004. С. 162.

⁴ Срок службы строевой лошади был равен шести годам.

⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого: в 6 т. Т. 2. 1702–1703. СПб., 1889. С. 233–234.

⁶ *Волинский Н. П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 1. С. 51, 54.

⁷ Там же. Кн. 2. СПб., 1912. С. 432.

⁸ Указы «О высылке недорослей на смотр. О распределении явившихся в драгунские полки, о даче им амуниции и о штрафах с неявившихся», «О взятии

С 1706 г. в офицеры и рядовые конной службы набираются «служивые московские и городовые». С 1705 г. главным средством комплектования драгун объявляется набор конных рекрутов — сначала с 80 дворов «по [одному] даточному конному человеку, одежного с лошадей и с ружьем... а лошадям и ружью у тех даточных быть добрыми», в 1706 г. — по 1 человеку с 50 дворов «московских и городских дворян третьей статьи»¹.

Новоприбранные драгуны подкреплялись пехотой, посаженной на лошадей. Так, в сентябре 1708 г. отряд из 10 драгунских полков под личным начальством Петра I был усилен пятитысячной пехотой, посаженной на коней².

Рекрутам, не знакомым с искусством конного боя, предоставлялись мало и неравномерно обученные лошади, полученные от населения по военно-конской повинности (в качестве альтернативного источника пополнения конского состава также выступали реквизиция и трофейный захват; закупки почти не практиковались)³. «Лошадиные наборы» вводятся с 1706 г.; первоначально лошади собирались «с полной сбруей и вооружением, на поставленных и непоставленных помещиками рекрут... со 100 дворов по человеку... а буде они тех лошадей к смотру... не приведут и не запишут и на них те лошади и конская сбруя взято будет вдвое»⁴. В следующем году военно-конская повинность распространилась на попов и диаконов «по числу приходских дворов, с московских с 150, а с городских с 200 дворов по одной драгунской лошади... ценой по 12 рублей лошадь, а меньше 6 той цены не были, в драгунскую службу годных, чтоб были летами меньше десяти лет»⁵. Тогда же «били челом

у Дьяков сказок о их детях и о записании недорослей, находящихся не у дел, в драгуны», «О записании в драгуны недорослей, которые избегая от службы записались в разные Приказы». См.: ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 256, 285, 351.

¹ Там же. С. 313, 346, 353.

² Масловский Д. Ф. Записки по истории... Т. 1. С. 86, 125.

³ «...наши недавно побили в Польше [над которыми командовал Флюк], так что 1200 человек взяли живьем, 3000 возов, 10.000 лошадей». Письмо к Ф. А. Апраксину. 25 ноября 1704. См.: Письма и бумаги императора Петра Великого: в 6 т. Т. 3. С. 196; Роспись, сколько в полон взяли, и что побили, и лошадей и скота отогнали, приходя военным образом, от Азовы Кубанцы. 1705. См.: Письма и бумаги императора Петра Великого: в 6 т. Т. 3. С. 395.

⁴ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 350.

⁵ Там же. С. 383.

московских сороков священники и диаконы, что им драгунских лошадей вскорости взять стало негде», после чего повинность заменили на денежный сбор по 15 р. за лошадь¹.

С началом русского похода Карла XII летом 1708 г. интенсивность рекрутского и лошадиного набора усилилась. Результатом ужесточения стало увеличение численности русской конницы, но не ее качества. Драгуны и легкая кавалерия снабжались коренастыми ногойскими лошадаками (как и в прежние времена) и местными лошадамы крестьянских некрупных пород² «только 6 были крепкие и здоровые»³. Так, согласно царской инструкции фельдмаршалу Огилви перед Гродненской операцией в феврале 1706 г., «лошадей из Гродни тутошних жителей, хто они ни ест... из монастырей и домов, и також в чем нужда ест, взять нужное без крайнего разоренья, а лошадей всех»⁴.

Особое положение было в конногренадерских полках, куда подбирались лошади особые, рослые, в основном голштинские жеребцы, приученные к взрывам и выстрелам⁵. От конногрен-

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 393. Небезынтересна статистика рекрутского набора в целом (до Полтавского сражения). См.: Указы от 1704–1708 гг. «О собрании распушенных Московских стрельцов и стрелецких детей, и о посылке их в Смоленск для записки в солдаты или в иные чины», «О взятии в походную Артиллерию с 20 дворов по человеку от 20 до 30 лет», «О наборе рекрут с 20 дворов по человеку, от 15 до 20 лет возраста», «О наборе рекрут в окрестностях Москвы», «О наборе рекрут», «Об ускорении набора рекрут», «О новом наборе рекрут с 20 дворов по человеку», «О наборе рекрут из людей боярских, с 300 крестьянских дворов по человеку, а с помещиков престарелых, увечных и отставных, со вдов, недорослей, девок и купецких людей со 100 дворов по человеку», «О наборе рекрут с двадцати дворов по человеку в тех же округах в которых повелено было взять таковое число прошлого 1705 года декабря 14 дня», «О наборе рекрут с 100 дворов по человеку, в пополнение указа 2 марта сего года», «О взятии из дворовых людей пятого человека в рекруты у тех помещиков которые сами к службе неспособны», «О сборе рекрут с людей разного звания», «О наборе рекрут в Казани и в других низовых городах, с посадов и с уездов», «О наборе рекрут с 20 дворов крестьянских по человеку», «О наборе рекрут в подмосковных городах и уездах на расстоянии 100 верст с 10 крестьянских дворов по человеку». См.: Там же. С. 257, 284, 291, 306, 314, 326, 329, 342, 343, 348, 369, 394, 400, 432, 435.

² Все о лошади. С. 87. Начальные требования к высоте в холке — не менее 2 аршин (т.е. 142 см), затем они были снижены до 133 см «только 6 были крепкие и здоровые».

³ Там же.

⁴ Волинский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 2. С. 270.

⁵ Все о лошади. С. 89.

надера требовалось умение вести такую лошадь на различных аллюрах. На первое место встала проблема подготовки всадника и его лошади.

2.1.2. ПЕРВЫЕ ВИКТОРИИ

Необходимость обучения «людей к лошадям незаобычных»¹ проявилась сразу же после формирования первых драгунских полков. Еще в июне 1701 г. Б. П. Шереметев обращал внимание Петра I на то, что в драгунских полках, прибывших в действующую армию, «из начальных людей нет никого кто бы знал строй драгунский»², включая полковника драгунского полка, созданного комиссией Голицына, стольника Н. Ф. Мещерского³.

Обучение приемам западноевропейского конного боя в полках было налажено более чем оперативно. В 1701–1702 гг. были составлены «Учение драгунское» и «Краткое положение с нужнейшими объявлении при учении (конного) драгунского строю, како при том поступати и во осмотрении имети господам вышним офицерам и прочим начальным и урядникам, и учити на конях строиством, как последует»⁴. «Краткое положение...» стало первым русским кавалерийским уставом, где было сформулировано требование, чтобы «кони шли ровно и люди сидели бодро»⁵ в плотно сомкнутом строю.

¹ *Вольнский Н. И.* Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 1. С. 301.

² *Епифанов П. П.* Военно-уставное творчество Петра Великого. С. 31; *Епифанов П. П.* Начало организации русской регулярной армии Петром I (1699–1705) // Ученые записки. 1946. № 88 (История СССР). С. 79.

³ Первые полки были обучены слабо — не могли по сигналу конного трубача одновременно менять аллюры (поднимать в галоп), разворачиваться из походной колонны в шеренгу для атаки, делать повороты и т. д. См.: Все о лошади. С. 88.

⁴ Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века: сборник материалов. Т. 1. М., 2010. С. 80, 84. По сути, это первый русский кавалерийский устав: кавалерийских уставов в допетровской России не существовало. См.: *Епифанов П. П.* Военно-уставное творчество Петра Великого. С. 30. Первой русской рукописной военной книгой принято считать «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» Василия Шуйского, вышедший в 1607 г. и дополненный в 1621 г. См.: *Люттов С. Н.* Книга в русской армии (конец XVII — начало XX века). Новосибирск, 2011. С. 8.

⁵ Т. е. были предусмотрены строевой и боевой порядок и порядок обучения конному строю. См.: *Епифанов П. П.* Военно-уставное творчество Петра

В июле 1703 г. драгуны получили «Статьи во время воинского походу» — уточняющую инструкцию авторства А. Д. Меншикова с царской резолюцией: «Достойное учреждение войску»¹. Перед Калишской операцией в июле 1706 г. в качестве дополнений им же были составлены и изданы «Артикул краткий» (в 12 главах) и рисунок порядка (стана) кавалерии на отдыхе и в бою². Издания 1703–1706 гг. представляли и поясняли основные положения по строевой и боевой подготовке драгун. Их главным содержанием можно назвать стремительность конной атаки на полных аллюрах и ее основное действие холодным оружием: «коннице отнюдь из ружья не стрелять... но с едиными шпатами наступать на неприятеля»³. Необходимость дополнений была вызвана улучшением качества боевой подготовки драгун. «Люди, государь, во оном полку, когда конным учением поисправятца, довольно добры и лошади отпущены добры ж», — сообщал полковник П. М. Апраксин о состоянии своего полка в 1706 г.⁴

Петровское «Учреждение к бою по настоящему времени» от 1708 г. более четко обозначило общее направление подготовки. Ее основами стали:

- 1) отделение одиночного обучения для новобранцев от совокупного (группового) для старослужащих, уже усвоивших элементы конного и пешего строя;
- 2) краткость и ясность формулировок, понятных новобранцам;
- 3) практичность⁵.

Обучение драгун было недолгим. Новобранцев спешно отправляли на передовую, где они совершенствовались в ходе сражений⁶. Точное исполнение правил службы гарантировало стабиль-

Великого. С. 31. Проект Устава под названием «Учение драгунское», составленный в Новгороде в 1701 г., хранился в Кабинете Петра I. Текст «Учения» отличается от текста «Краткого положения».

¹ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 1. С. 197.

² Там же. Кн. 2. С. 333.

³ Кутищев А. В. Армия Петра Великого... С. 348.

⁴ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 2. С. 369.

⁵ Масловский Д. Ф. Записки по истории... Т. 1. С. 71, 167; Масловский Д. Ф. Стреловая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883. С. 29.

⁶ Все о лошади. С. 89.

но высокое качество подготовки, полученное в наикратчайший срок. При этом официально определялись только существенные положения, остальное отдавалось на усмотрение командования: этот подход, резко отличный от западноевропейского, составил характерную особенность петровской тактики.

В том же 1708 г. Петр I разработал новые положения конного боя, которые учитывали изменение качества русской конницы. Документ под названием «Правила сражения» заменял устаревшую атаку колоннами на атаку в развернутом строю: «больше фронта взять велел, чтоб линейями, а не колоннами, как прежде учинено было, атаковать могла»¹.

В помощь русским офицерам для подготовки конницы и управления ею первоначально приглашались иностранцы. Так, обучением драгун заведовал А. М. Головин, а командовали «новыми» драгунскими полками полковники-иноземцы, в том числе Р. Х. Боур (Баур), опытный шведский офицер на русской службе, единственный среди генералов, прошедший все ступени воинской карьеры от рядового кавалериста². В качестве образчиков на русскую службу были приняты саксонские кавалеристы³.

Учебную программу составляли упражнения конного строя (смена аллюра, разворот из походной колонны в шеренгу для атаки, сомкнутый строй «колени в колени» и т. д.), вольтижировка с оружием, искусство рубки и конное фехтование. Приемы западноевропейского конного боя были освоены довольно скоро: первые победы отмечаются уже в конце 1701 г. в ходе Ингерманландской операции⁴. В 1703 г. в сражении на р. Сестре («Драгунское

¹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8 (июль — декабрь 1708 г.). Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 10. Также Петром I в 1706–1708 гг. были составлены «Пункты командующим над каждым батальоном...», «Учреждение к бою по настоящему времени», «Инструкция как вести себя в сражении солдатам и в особенности офицерам», «Предложенные пункты благородным господам генералам и прочим командирам», «Инструкция генерал-гвальдигеру» и «Статьи пожарные». См.: Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957. С. 111–112.

² Кутищев А. В. Армия Петра Великого... С. 368; Рабинович М. Д. Полки петровской армии 1698–1725. Краткий справочник / Труды ГИМ. Вып. 48. М., 1977. С. 85. «...особливо, что касается до кавалерии, zelo искусен, храбр и великих заслуг был». См.: ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 5. 1713–1719. СПб., 1830. С. 222.

³ Маништейн Х. Записки Маништейна о России. 1717–1744. СПб., 1875. С. 313.

⁴ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 1. С. 62. В 1701 г. к удачным действиям русской конницы можно отнести

дело Рене» 7 июля 1703 г.) драгуны, владея линейным боевым построением по правилам западноевропейского военного искусства, уже шли «фрунт на фрунт», атакуя на галопе в шеренгах¹.

К 1705 г. были достигнуты более чем серьезные успехи. К этому времени были положены прочные начала русской регулярной кавалерии, которые в дальнейшем только совершенствовались, о чем, например, свидетельствует разгром шведского корпуса Мардефельга драгунами Меншикова под Калишем в октябре 1706 г. К этому времени кадровый состав конницы изменился: офицеры-иноземцы были почти полностью вытеснены русскими дворянами².

Первыми крупными боевыми успехами стали победы при Лесной осенью 1708 г.³ и под Полтавой летом 1709 г.⁴, где были развиты основы военного искусства, впервые продемонстрированные в сражении на р. Сестре. Русской конницей были полностью освоены начала современного западноевропейского конного боя.

2.1.3. «КАВАЛЕРСКИЕ НАУКИ НА ЛОШАДЯХ» ДЛЯ ВОЕННО-ПРИДВОРНОЙ ЭЛИТЫ

С началом преобразований потребность в квалифицированных кадрах возросла многократно. Для новых полков требовалось около 100 000 штаб-офицеров, более 1100 обер-офицеров

битву при Эрестфере — первую крупную победу в Северной войне (8000 конницы Б.П. Шереметева), победу при Гуммельсгофе (вторая крупная победа Шереметева); в 1702 г. — победу на р. Ижоре (П.М. Апраксин), взятие Мариенбурга и Нотебурга (Б.П. Шереметевым); в 1703 г. — взятие Нисеншанца (Б.П. Шереметевым), на месте которого был основан Санкт-Петербург. См.: Марков М.И. История конницы. Ч. 3. От Густава Адольфа до Фридриха Великого. Тверь, 1888. С. 193.

¹ Четыре драгунских полка Рене были высланы к р. Сестре, не доходя которой встретили шведов в дефиле на тесной местности, где «отнюдь фронтом стоять не мочно», после чего спешились, прошли тесное место и атаковали конницей «фрунт на фрунт». См.: *Масловский Д.Ф. Записки по истории...* Т. 1. С. 92.

² Отечественные специалисты со временем вытеснили иностранных. См.: *Витт Л.В. Конница: Вооружение и владение оружием.* С. 22; *Масловский Д.Ф. Записки по истории...* Т. 1. С. 149.

³ В событиях осени 1708 г. принимал участие отряд под личным начальством Петра I в составе 10 драгунских полков (около 7000 человек) и пятитысячной пехоты, посаженной на лошадей. См.: Там же. С. 125.

⁴ По словам Петра I, победа была достигнута «с легким трудом и малой кровью». См.: Там же. С. 141.

и около 2300 унтер-офицеров¹. Петровской армии «нужны были люди, и людей брали отовсюду»², однако светское общее образование в России тех лет не давало знаний, достаточных для военной службы.

Известно, что Петр I придавал получению образования большое значение³: ученики получали за учебу жалованье, аналогичное жалованью за государеву службу. Набор на учебу по своей значимости приравнялся к рекрутскому набору с четко обозначенной ответственностью за уклонение⁴. Государь лично проводил смотры детей для определения в полки и в школы⁵.

Первоначально русские юноши обучались в Европе. Согласно царским указам от конца 1696 г., первая партия выехала из Москвы «для наук за море» уже в начале 1697 г.⁶; отправки повторялись регулярно⁷. Молодежь постигала не только морские

¹ Бескровный Л. Г. Военные школы в России в первой половине XVIII в. С. 286.

² Соловьев С. М. Сочинения в 18 книгах. Кн. XVIII. История России с древнейших времен. Т. 15–16. М., 1993. С. 72.

³ Шапиро Б. Л. «Кавалиерским чином ехати...»: европейские модели военного образования в московских школах петровского времени (1701–1715 гг.) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 3 (11). С. 91–105.

⁴ Андреев В. В. Общеобразовательный очерк русской истории. СПб., 1871. С. 242–243.

⁵ Именной указ «о подаче сказок о недорослях, о представлении их на смотр и об отписании поместий и вотчин в казну за утайку недорослей и за убавку им лет». См.: ПСЗРИ: Собрание первое. Т. 4. С. 241 и аналогичные; см. с. 256 и далее. Также см.: Дуров И. Г. Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. Нижний Новгород, 2002. С. 229.

⁶ Указ от 22 ноября: «Стольникам обеих палат сказано в разные государства учиться всяким наукам». В Голландию и Англию направлено 22 человека, в Венецию — 39. Указ от 6 декабря объявлял о направлении с Великим посольством 30 волонтеров. См.: Там же. С. 236. Первым русским царем, отправившим юношество для обучения в Европу, был Б. Годунов, однако в его годы это начинание не получило ни достойного завершения, ни продолжения. См.: Пастухов В. Б. Культура и государственность в России: эволюция Евразийской цивилизации // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 2. Россия как субъект. М.: Аргус, 1995. С. 154. «Это значит, что спрос на новое культурное качество личности в ту эпоху уже появлялся. Но ни один из тех, кого послал Годунов, домой, как известно, не вернулся. Мы не знаем, кто были те первые новые русские, чему они учились и научились на Западе и почему там остались. Но можно предположить: они не вернулись домой потому, что ощущали — их время на Руси еще не пришло». См.: Ахизер А. С., Клямкин И. М., Яковенко И. Г. История России... С. 101.

⁷ Ведомость о детях знатных особ, посланных для науки за море, 1708–1711 г.; Указ о посылке в Англию для наук детей Шереметевых 1709 г.; Указ о посылке назначенных для науки за море, 1709 г.; Инструкция подштурманам

науки; царем был задуман общеобразовательный проект¹ с военным уклоном, о чем среди прочего свидетельствует отчет одного из учеников: «Я ныне со всяким прилежанием учусь еще французскому языку, також фортификации, математике, гистории, на лошадях ездить и на шпагах биться», — докладывал из Парижа И. Арсеньев².

С 1701 г. русские юноши могли получать военное образование и в Москве; в это время она еще сохраняет позиции военного центра. Именно здесь проводились военные смотры³, здесь формировались многие из новых драгунских полков⁴. Здесь же проходили первичное обучение новобранцы⁵. Первой московской школой, где на регулярной основе преподавались военные науки, стала Школа математических и навигацких наук. Она работала с января 1701 г. в замоскворецком Кадашëve, а с июня того же года в «Сретенской по Земляному городу»⁶ (впоследствии Сухаревой) башне. Курс состоял из трех ступеней: начальной русской школы, цифирной школы и высшей навигацкой школы; это были самостоятельные школы, объединенные территориально⁷.

Главной целью школы называлось изучение «математических и навигацких» наук; фактически она была универсальной, откуда выпускались «во все роды службы, военной и гражданской, которые требовали некоторых научных сведений или даже

и школьникам, посланным за море для обучения, 1709 г.; Ведомость школьникам, посланным в Англию и Голландию для обучения мастерствам, 1715 г. и др. См.: Материалы для истории русского флота. Ч. 3. Балтийский флот. 1702–1725. СПб., 1866. С. 20, 23–25, 109 и др.

¹ *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912. С. 9.

² См.: *Павленко Н. И.* Полудержавный властелин: историческая хроника. М., 1988. С. 325.

³ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 23, 222, 227, 344, 351, 400 и др.

⁴ В том числе драгунский «малолетний» полк. См.: *Рабинович М. Д.* Полки петровской армии 1698–1725. С. 88.

⁵ Указ от 22 июля 1712 г. «О обучении 700 недорослей в Москве воинскому артикулу для приготовления их к службе». См.: ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 847.

⁶ *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории морского кадетского корпуса. СПб., 1852. С. 5; Материалы для истории русского флота. Ч. 3. С. 289–290.

⁷ *Барбашев Н. И.* К истории мореходного образования в России. М., 1959. С. 9; *Дуров И. Г.* Провиантское обеспечение... С. 227.

одного знания русской грамоты»¹. К обучению принимали детей «дворянских, дьяческих и подьяческих, из домов боярских и других чинов»². Возрастной ценз приема в 1701–1710 гг. был ограничен 12–17 годами (на деле в школе обучались «дети» до 33 лет включительно³), с января 1710 г. предельный возраст поступающих был увеличен до 20 лет. Самому молодому воспитаннику на момент поступления было 11 лет⁴.

Учебная программа была заимствована у Королевской математической школы при госпитале Церкви Христовой в Лондоне⁵, а первыми учителями стали английские специалисты, приглашенные Петром I во время Великого посольства. «Воинское обучение с мушкетами» и «на рапирах»⁶, бывшее обязательной частью программы, судя по всему, преподавали присланные из Преображенского и Семеновского гвардейских полков младшие офицеры⁷.

К июню 1702 г. в школу были записаны 180 человек «всяких чинов людей», к июлю того же года был достигнут план в 200 человек⁸, к январю 1703 г. обучалось 300 человек, в 1711 г. — 500 человек⁹. Время окончания как всей школы, так и ее отдельных курсов для них не было строго определено; обучение завершалось

¹ Веселаго Ф. Ф. Очерк истории морского... С. 7.

² Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения... С. 6.

³ Именная роспись ученикам, обучающимся морской науке, 1705 года. См.: Материалы для истории русского флота. Ч. 3. С. 299.

⁴ Указ о принятии в математическую школу недорослей от 12 до 20 лет от 7 января 1710 г. Некто Яков Рукин был записан в возрасте 11 лет; остальные ученики — указного возраста от 12 до 20 лет, кроме 25-летнего Тимофея Закурдаева «по присылке из Петербурга из пушкарей». См.: Там же. С. 302, 305–306.

⁵ Дуров И. Г. Провиантское обеспечение... С. 226.

⁶ Пекарский И. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 124.

⁷ «Для поддержания воинской дисциплины, обучения строевым приемам, привития практических навыков по обращению с оружием и для командования подразделениями навигаторов в Математико-навигационную школу из Преображенского и Семеновского лейб-гвардейских полков были направлены сержанты, капралы и солдаты». См.: Дуров И. Г. Провиантское обеспечение... С. 229.

⁸ Письма Курбатова к адмиралу Головину из Москвы, от 16 июня и 16 июля 1702 г. См.: Материалы для истории русского флота. Ч. 3. С. 293.

⁹ Веселаго Ф. Ф. Очерк истории морского... С. 8; Дуров И. Г. Провиантское обеспечение... С. 226.

с освоением полного курса наук¹. В условиях тяжелой и длительной Северной войны и нехватки на фронтах людей со специальным военным образованием практиковались ускоренные выпуски. Наиболее способные учились чуть более двух лет². Выпускники привлекались к делу немедленно³ и совершенствовались в воинском искусстве на поле боя. Особенно это касалось выпускающихся в кавалерию, поскольку специально кавалерийским искусством в школе не занимались: лошади и конская сбруя в ее документах упоминаются только как принадлежность учительского быта⁴.

Такой подход был вынужденным, обусловленным недостаточным финансированием школы. Так, в 1702 и 1705 гг. были значительно сокращены и без того небольшие размеры кормовых денег, положенных школьникам⁵. «Особливо доношу и прошу указу о математической школе, понеже тоя ученики не толико с себя, за недачею чрез 5 месяцев кормовых денег, проели кафтаны, но истинно босыми ногами ходя, просят милостыни у окон», — докладывал адмиралтейский комиссар А. А. Беляев генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину, надзирающему за школой. Кафтаны «по французской моде» должны были придавать ученикам Навигацкой школы особый статус, отличая их от мастеровых и простых горожан, носивших немецкое платье. Полный комплект школьного обмундирования — кафтан, камзол, штаны, рубашка, чулки, башмаки и шляпа — имел немалую по тем временам стоимость в 15 р. 25 к.⁶ Школьникам полагалась

¹ Веселаго Ф. Ф. Очерк истории морского... С. 26; Голубцова М. А. Московская школа Петровской эпохи // Москва в ее прошлом и настоящем. Памяти историка Москвы И. Е. Забелина. Т. 7. М., 1911. С. 45.

² Голубцова М. А. Московская школа Петровской эпохи. С. 45.

³ Ткачева Н. К. К истории Навигацкой школы // Советские архивы. 1976. № 2. С. 93.

⁴ См.: Ведомость о расходе денег на учителей и на математическую школу: «... на сальные одеяла и конские сбруи. Трем учителям иноземцам... на покупку четырех лошадей 105 рублей... им же... на овес и седла... на конский корм». См.: Материалы для истории русского флота. Ч. 3. С. 291–292.

⁵ В 1706 г. кормовые были немного увеличены, что не повлияло на состояние вопроса в целом.

⁶ «Ученику Петру Щепину французских кафтана, камзола, штанов, шляпы, рубашек, чулков, башмаков на 15 рублей 9 алтын 2 деньги». См.: Там же. С. 291. Аналогичный комплект для ученика Артиллерийской школы стоил 1 рубль 35 копеек, См.: Грабарь В. К. Вскормленные с копыя. Очерки истории детского

и специальная зимняя одежда: теплые венгерские кафтаны, сапоги и рукавицы¹.

Щедрое содержание, по замыслу, должно было стимулировать юношество к получению образования. На практике безденежье школяров приводило к тому, что «школ математико-навигационных учеников по приказу князя И. Б. Троекурова часто задерживают в градских воротах, у которых нет платья французского, — как сообщал руководитель школы, дьяк Оружейной палаты А. А. Курбатов генерал-адмиралу Ф. А. Головину, — а кому выкупить нечем, у тех лежат на караулах кафтаны многие дни»². Так или иначе, несмотря на все сложности, к 1715 г. Школа математических и навигационных наук стала крупнейшей в Европе³; здесь было подготовлено около 1200 выпускников, составивших военно-интеллектуальную элиту новой России.

Для другой московской образовательной модели, создававшейся в те же годы, культурным ориентиром были избраны немецкие рыцарские академии, где столетиями гармонично сочетались черты общего и военного образования. В первые годы XVIII в. они уже тяготели не столько к придворной культуре, сколько к военной⁴, переживая пик популярности. Стандартная схема обучения включала в себя элементарные науки,

воинского воспитания. СПб., 2009. С. 71. В частной школе И. Э. Глюка школьники располагали летним и зимним комплектами, стоимостью по 30 р. каждый. См.: Белокуров С. А., Зерцалов А. Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. Документы Московских архивов. М., 1907. С. 101–102. Элитарность заведения подчеркивалась пуховой шляпой с жемчужной пуговицей, оленьими перчатками и флеровым галстуком, которые, по всей видимости, и составляли школьную форму. См.: Там же. С. 165.

¹ «Теплых венгерских трех суконых кафтанов и трех китайчатых камзолов, штанов, сапогов и рукавиц [на] 18 рублей 8 алтын 2 деньги». См.: Материалы для истории русского флота. Ч. 3. С. 291.

² «И мы о том князя Ивана Борисовича просили, чтоб тем ученикам платья отдать, и впредь их не задерживать... и против прошения нашего он отказал и без денег платья отдавать и впредь в русском и венгерском платье пропускать их в ворота не велел. Благоволи Государь о том к нам отписать что чинить, а им ученикам многим кафтаны делать нечем, разве милостию Государевою сделаны им будут из казны», — сообщал А. А. Курбатов генерал-адмиралу Головину 7 августа 1702 г. См.: Там же. С. 294.

³ Грабарь В. К. Вскормленные с коня. С. 71–72.

⁴ Шапиро Б. Л. «Обучается в позитуру изрядно, ездит рысь и скачет»: кавалерийские рыцарские школы в эпоху Миниха // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 2 (18). С. 217–230.

математику, фортификацию, верховую езду; многое постигалось на практике после выпуска.

Петр I познакомился с этой системой во время Великого посольства¹; он интересовался ею и впоследствии: «конницу и пехоту, после цесарской войны, не обучают ли европейским обычаем [при дворе салтанова величества] ныне, или намеряются впредь?» — желал знать государь². Московиты учились у немцев еще с первых лет XVII в., как в лютеранских церковно-приходских школах, так и частным образом. Как уже отмечалось, с началом военных реформ обучением новобранцев занимались саксонские кавалеристы, принятые на русскую службу.

На волне интереса к немецкой образовательной системе в самом начале 1705 г. царским именным указом для «бояр и околничих и думных и ближних и всякого служилого и купецкого чина детей их»³ в доме боярина В. Ф. Нарышкина на Покровке была открыта еще одна немецкая школа «для общия всенародные пользы»⁴. Руководил школой лифляндский пастор И. Э. Глюк — переводчик, книжник и просветитель, близкий к царю⁵. Плененный при взятии русскими войсками Мариенбурга в августе 1702 г., первоначально он был направлен в Посольский приказ «для государева дела»⁶. С января 1703 г. Глюк числился на русской службе и получал жалованье. В феврале того же года ему были переданы ученики немецкой профессиональной языковой школы, существовавшей при Посольском приказе, где обучали «русских детей европейским языкам»⁷ для государственной службы.

С передачей школы Глюку ее концепция была изменена, и учебная программа расширилась за счет общеобразовательных

¹ Посетив Дрезденский кадетский корпус. См.: Федюкин И. И., Лавринович М. Б. Сухопутный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге (1730-е годы) и его берлинский прообраз // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М., 2015. С. 232.

² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. 1702–1703. СПб., 1889. С. 33.

³ Белокуров С. А., Зерцалов А. Н. О немецких школах... С. 1.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ В доме Глюка в Мариенбурге жила его служанка или родственница «Schönes Mädchen von Marienburg», впоследствии русская императрица Екатерина I. См.: Пикарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 126.

⁶ Белокуров С. А., Зерцалов А. Н. О немецких школах... С. 4.

⁷ Там же. С. 40.

и общеразвивающих дисциплин. Целью стала не узкая прикладная подготовка, а разностороннее светское образование. «Заведены школы разных языков учиться, и просто назвать академия, и кавалерских наук на лошадях, и на шпагах, и бандиере¹, и музыке, и инженерству»², — отметил в своем дневнике появление первой отечественной гражданской школы царский сподвижник Б. И. Куракин.

По указу от 7 марта 1705 г. в школу принимали недорослей «всякого состояния» возрастом от 12 лет. Ученики делились по возрастам на 3 группы. Кавалерийское искусство изучали все без исключения; курс верховой езды и дрессировки лошадей «Рыцарская конная езда и берейторское обучение лошадей» преподавал военный инструктор Иоганн Штурмевель (*Johann Sturmwell*)³. «Конский учитель, охотников от первых детей научает кавалиерским чином ехать, и лошадей во всяких школах и манерах умудрити»⁴, — гласило «Приглашение к российским юношам аки мягкой и к всяческому изображению угодной глине», рекламный проспект, составленный пастором к открытию школы. «Приглашение» сопровождалось приложением «каталога учителей и наук».

О действительном положении дел мы знаем немного. Не сохранилось документа, который подтверждал бы объявленные программу и преподавательский состав. Сам «конский учитель» не упоминается ни в расписании уроков, ни в школьной платежной ведомости⁵. Можно только предположить, что учитель-немец преподавал по методам, принятым в рыцарских академиях его отечества⁶, а качество обучения было достаточным для невысокого по европейским меркам московского уровня.

¹ Согласно дневнику Куракина, «bandiera» — знамя.

² Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная // Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 269.

³ Голубцова М. А. Московская школа Петровской эпохи. С. 38; Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 128; Glück H., Polanska I. Johann Ernst Glück... Р. 98.

⁴ Белокуров С. А., Зерцалов А. Н. О немецких школах... С. 53–55; Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 130.

⁵ Белокуров С. А., Зерцалов А. Н. О немецких школах... С. 14, 106; Glück H., Polanska I. Johann Ernst Glück... Р. 97.

⁶ Грачев А. В. Физическое воспитание в России в эпоху реформ Петра I // Очерки по истории физической культуры. Вып. 1. М., 1938. С. 121.

Минимальная программа обучения в первые годы XVIII в. включала в себя подъем в галоп по сигналу трубача, смену аллюра, разворот из походной колонны в шеренгу для атаки, сомкнутый строй «колено в колено», вольтижировку с оружием, искусство рубки и конное фехтование¹.

Достоверно известно, что школа располагала собственной конюшней и в ее бытность на Покровке, и позднее, когда после пожара в сентябре 1707 г. она была переведена на Новгородское подворье на Ильинке. Упоминаний о наличии в школе собственного манежа нет, в том числе и среди подробного описания ее благоустройства², но известно, что имелся обширный двор, где вполне мог разместиться плац для занятий.

Собственных лошадей «для всяких повозок»³ школа получила в 1706 г., когда ей были выделены из дворцовой канцелярии две лошади. К началу 1706 г. относится прошение школы иметь «шесть лошадей общих» и «конюшню деревянную взамен каменной»⁴. В марте 1706 г. по царскому указу было велено купить четыре лошади «учителям для их нужд», в том числе две по 10 р. и две по 8 р. (стоимость лошади для рекрута в те годы равнялась 12 р.⁵), «а также и строение»; но в июле того же года «четыре лошадей велено взять из Дворцовой канцелярии, которые в той канцелярии по вышеписанной цене есть... а буде в той канцелярии и конские кормы, сено и овес, есть, и тех лошадей прислать и с кормами, по сколько иным таким же лошадям тех кормов дают»⁶.

Если предположить, что дворцовые лошади были задействованы и для хозяйственных нужд, и для обучения школьников (количество которых в 1706–1708 гг. доходило до сотни)⁷, становится очевидным, что для качественной работы их было явно

¹ Все о лошади. С. 88–89.

² Белокуров С. А., Зерцалов А. Н. О немецких школах... С. 9, 25, 64.

³ Там же. С. 5.

⁴ «Конюшню деревянную, где сено класть, понеже в каменной, ради мокроты, ни лошадей, ни сена, из принадлежащего и погастить невозможно». См.: Там же. С. 9.

⁵ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 383.

⁶ Там же. С. 12–13. В итоге учителям дано 4 лошади из Конюшенного приказа ценами две по 12, одна 11, одна 10 р.» См.: Там же. С. 13.

⁷ Голубцова М. А. Московская школа Петровской эпохи. С. 40.

недостаточно. Но, как уже отмечалось, именно эти годы были для русского государства самыми безлошадными¹, и наличие в школе собственных лошадей, пусть не специальных «добро-езжих» (спокойных, подходящих для новичков), было много лучшим, чем полное их отсутствие.

Основное место в школьной программе отдавалось языковой подготовке; на все прочие дисциплины суммарно отводилось не более 2–3 часов в день². Такое распределение учебных часов было еще одной причиной, почему ученики немецкой школы занимались верховой ездой нечасто. В списках их достижений кавалерийское искусство не упоминается; косвенные свидетельства говорят о невысоком качестве верховой подготовки.

Можно предполагать, что именно неудовлетворительное материальное обеспечение школы и характерный для петровского времени интерес к сугубо практическому обучению послужили к тому, что при преемниках Глюка (пастор умер в мае 1705 г.) школа начала утрачивать общеобразовательный профиль, постепенно трансформируясь сначала в четыре, а затем в две отдельные языковые школы, «оставив по себе смутную память как об академии разных языков и кавалерских наук на лошадях, на шпагах»³. Инструктор Штурмевель вернулся к службе в армии⁴.

Обе школы, и немецкая, и навигацкая, прекратили свою деятельность с развитием новой столицы, куда были переведены учителя-иностранцы⁵. Вместе с ними отправились и ученики «молодые добрые и умные, которые б могли науку восприять... летами от 15 до 20»⁶. Некоторые были направлены для

¹ О чем недвусмысленно сообщает статистика военно-конской повинности.

² Белокуров С. А., Зерцалов А. Н. О немецких школах... С. 13. Постижению тонкостей кавалерийского искусства также не способствовало отсутствие специальной амуниции, например школьных седел. Среди документов школы конской амуниции посвящено лишь однократное упоминание о выдаче полон «школьничьим лошадям». См.: Там же. С. 20. Впрочем, в первые годы XVIII столетия даже полковые лошади седлались запрещенными петровским указом седлами старого русского типа. См.: Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 1. С. 28.

³ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. IV. М., 1989. С. 227.

⁴ Glück H., Polanska I. Johann Ernst Glück... С. 98.

⁵ Белокуров С. А., Зерцалов А. Н. О немецких школах... С. 16.

⁶ Там же. С. 208.

продолжения обучения в Европу¹. Лучшие выпускники Навигацкой школы по царскому указу направлялись в крупнейшие города России для учительской работы, распространяя европейскую образовательную модель, а вместе с ней — и европейскую культуру. В 1716 г. были открыты аналогичные школы в 12 городах, к 1722 г. — в 42 городах².

В 1715 г. в Петербург были переведены и старшие (морские) классы Навигацкой школы³, а оставшиеся в Москве элементарные классы получили статус подготовительного отделения. Чуть раньше (в 1712 г.) отделились специальные инженерная (на 100–150 учеников) и артиллерийская (на 20 учеников) школы. Судя по немногим имеющимся документам, обучение в них велось по образцу Навигацкой школы⁴.

Эти школы продолжали свою деятельность в Москве до 1719–1721 гг., после чего также были переведены в Петербург⁵. Там обучение продолжилось в формах, сложившихся в Москве: кавалерийское искусство составило часть универсального европейского образования. Можно предполагать, что физическая активность осталась в русле приоритетных направлений. Об этом косвенно свидетельствует «План всенародного обучения» сторонника европейской образовательной системы боярина Ф. С. Салтыкова, представленный в том же 1712 г.: согласно ему, образованные русские юноши должны были уметь «на лошадях ездить, на шпагах биться, танцевать для обороны собственной и изящества»⁶.

Очевидно, эти первые московские школы не могли дать петровской кавалерии ни стабильной поставки новых кадров, ни их

¹ Веселаго Ф. Ф. Очерк истории морского... С. 26; Грабарь В. К. Вскормленные с копы. С. 72.

² Мельникова Н. Ю., Трескин А. В. История физической культуры и спорта. М., 2013. С. 106.

³ Морская школа в Петербурге развивалась по примеру французских морских училищ и под руководством французских специалистов. См.: Веселаго Ф. Ф. Очерк истории морского... С. 37. Для воинского обучения были приглашены капитан гвардии В. Ю. Одоевский и «шпажный мастер», «чтобы он в год 20 человек кадетов... выучил, а они бы потом и иных обучили». См.: Материалы для истории русского флота. Ч. 3. С. 333, 343.

⁴ Голубцова М. А. Московская школа Петровской эпохи. С. 46.

⁵ Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения... С. 6–7, 13.

⁶ Там же. С. 78.

качественной подготовки. Тем не менее их деятельность сложно переоценить: обе они послужили к формированию новой российской военно-придворной элиты и одновременно к усвоению западноевропейской культуры.

2.1.4. Вещный мир русского всадника до и после Полтавского триумфа

К концу Московского царства Россия была страной с весьма неоднородной культурой; вещный мир подчеркивал этнические различия множества населяющих ее народов. Общероссийского костюма как категории еще не существовало: на рубеже XVII–XVIII вв. он не осознавался совсем, либо понимался как совокупность национальных одежд различных этнических русских групп¹. Здесь был хорошо известен и европейский, и азиатский костюм. Иноземные путешественники, дипломаты, купцы, военные, врачи и зодчие бывали на Руси с давних времен. Их одежды зачастую становились основой новых форм, которые впоследствии считались русскими.

«Немецкое», т. е. европейское платье было известно в допетровской России как ездовое (выездное, парадное)² и как неформальное. Юпы, курты, кабаты, гусарские шубы, немецкие шляпы и башмаки были в числе снаряжения придворных потешников, царевичевых стольников, а затем и самих царевичей с 1630-х гг.³ И. Е. Забелин приходит к выводу, что «малолетние сыновья царя Михаила и почти весь их штат одеты были в немецкое платье»⁴. Известно пристрастие к европейской одежде, тканям, конскому убору, оружию и другим предметам домашнего обихода боярина Н. И. Романова⁵. Отдельные предметы европейской одежды имелись у царей, сановного дворянства и придворных низкого ранга, чей костюм представлял причудливое

¹ Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русско-го дано не каждому». М., 2011. С. 60–61; Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 4. СПб., 1799. С. 118–132.

² Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. М., 1877. С. 199.

³ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 1915. С. 63–65.

⁴ Там же. С. 66, 684.

⁵ Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова // ЧОИДР. 1887. № 3. С. 37, 47–49, 58, 60, 62, 69, 74.

смешение относительно самостоятельных и заимствованных элементов. Во второй половине XVII в. интерес к чужеземной культуре стал настолько велик, что в августе 1675 г. последовал указ царя Алексея Михайловича «О неношении платья и нестрижении волос по иноземскому обычаю чтоб... тако ж и платья, кафтанов и шапок, с иноземских образцов не носили, и людям своим потому ж носить не велели»¹. Этот указ, разграничивший разрешенную «русскую» и запрещенную «иноземную» одежду, относился к последним месяцам правления Алексея Михайловича.

Его преемник царь Федор Алексеевич не был сторонником «многодельных» и многослойных, долгополых одежд; им на смену пришли другие, более удобные формы. Образцом послужило современное царю польское платье. Неофициальным дополнением новой моды стало брадобритие². Эта программа по преобразованию внешнего облика была довольно прогрессивной, но, рассчитанная на узкий круг придворных, не могла послужить основой создания общероссийской моды³.

Ключевым моментом в развитии русского вещного мира как универсальной категории стали петровские реформы — одно из переломных для страны событий. Именно в это время ее население принудительно вовлекается в европейский культурный ареал: европейская мода вводится как императив сначала среди придворных, а затем и в самом широком кругу⁴.

Радикальные изменения начались с единоличным правлением Петра I (1696). Знаковым стало возвращение царя из Великого посольства в конце августа 1698 г., сразу после чего «на торжественном приеме боярства в Преображенском он начал резать боярские бороды и окорачивать кафтаны»⁵. Та же сцена повторилась через несколько дней на пиру у генералиссимуса А. С. Шеина⁶.

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 1. 1649–1675. СПб., 1830. С. 1007–1008.

² Известное на Руси еще с XVI в. См.: *Шамин С. М.* Мода в России последней четверти XVII столетия. С. 34.

³ *Шапиро Б. Л.* Ното Eques русского средневековья: царь Федор Алексеевич Романов. С. 7–18.

⁴ *Шапиро Б. Л.* Русский костюм: между царством и империей // *История: факты и символы.* 2017. № 3 (12). С. 132–139.

⁵ *Платонов С. Ф.* Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1993. С. 494.

⁶ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. С. 191.

Новый облик подданных¹ стал частью культурных реформ, призванных превратить Россию в европейскую державу.

После указа о бритье бород была начата разработка статута первого российского ордена — ордена Св. апостола Андрея Первозванного, который почитался как покровитель России². Оба начинания были задуманы Петром во время его пребывания в Англии: там был сделан эскиз будущего ордена, там же были наняты два «балбера» (брадобрея)³.

На настоящий момент выявлено более 40 «костюмных» и «околокостюмных» Высочайших указов и постановлений Св. Синода с Высочайшей резолюцией, изданных за время правления Петра I. Их можно условно разделить на несколько блоков:

- 1) о европейском внешнем виде подданных;
- 2) о военной и гражданской униформе;
- 3) о наградной системе и знаках отличия;
- 4) об ограничении роскоши;
- 5) о поддержке отечественного производства одежды, аксессуаров и тканей по европейским образцам.

Не осталась в стороне от петровских преобразований и русская армия, основой которой была драгунская кавалерия. Ее вовлечение в пространство европейской культуры проходило весьма динамично.

Первым из царских указов, особо значимых в этом контексте, стал указ от последних дней декабря 1701 г. Он жестко регламентировал вещный мир русского всадника, и гражданского, и военного («О ношении всякого чина людям Немецкого платья и обуви, и об употреблении в верховой езде немецких седел... всяких чинов людям носить платье Немецкое верхнее

¹ Акельев Е. В. Из истории введения брадобрития и «немецкого» костюма в петровской России // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1. С. 90–98.

² Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. М., 2009. С. 163–164. Известно три версии учреждения ордена: 30 августа 1698 г. (сразу по возвращении в Москву), 30 ноября 1698 г. (день празднования св. Андрея Первозванного) или март 1699 г. (по свидетельству очевидца, секретаря посольства Священной Римской империи Корба). См.: *Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских орденов*. М., 1814. С. VII; Акельев Е. В. *Дневник путешествия...* С. 135.

³ Алексеева Е. В. Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург, 2006. С. 139; *Гладков Н. Н. История государства российского в наградах и знаках*. Т. 1. СПб., 2003. С. 29.

Саксонския и Французския, а исподнее камзолы и штаны и сапоги и башмаки и шапки Немецкия, и ездить на Немецких седлах; а женскому полу всех чинов... и детям носить платье и шапки и кунтуши, а исподнее бостроги и юпки и башмаки Немецкие же, а Русского платья и Черкесских кафтанов и тулупов и аязмов и штанов и сапогов и башмаков и шалок отнюдь никому не носить, и на русских седлах не ездить, и мастеровым людям не делать и в рядах не торговать...»¹).

На этом, как известно, реформы не закончились. Учреждая драгунскую кавалерию по европейскому образцу, Петр I создает для нее и европейский мундир, а для драгунских лошадей — европейский конский убор².

Понятие «мундир» было введено еще в 1700 г.³; он включал в себя «полную дачу»: не только одежду, но и головные уборы, обувь, галантерею и нательное белье и прочее⁴. С осени 1698 г. и до конца 1702 г. драгунский мундир имел своим образцом так называемое «венгерское платье» (венгерский кафтан)⁵. В первые годы реформ мундир (в том числе амуниция, снаряжение и вооружение) и конский убор не соответствовали установленной норме, о чем свидетельствуют многочисленные доклады Петру I генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева⁶. Мундиры были произвольной формы: драгунам первых полков выдали по 4 р. каждому на покупку красных кушака и шапки и темно-зеленого кафтана⁷. Разница между мундирами разных чинов состояла преимущественно «в превосходстве доброты сукон»⁸

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 182.

² Папиро Б. Л. «Всяких чинов людям носить платье немецкое и ездить на немецких седлах»: русский всадник в петровских реформах // *Studia Humanitatis*. 2019. № 1.

³ Введенский Г. Э. Пять веков русского военного мундира. СПб., 2005. С. 246.

⁴ Егоров В. И. «Наш восемнадцатый век...» // *Наш восемнадцатый век: Военный сборник*. М., 2014. С. 10.

⁵ За реформу русского военного костюма по венгерскому образцу высказывался еще в 1660-х гг. публицист Ю. Крижанич. См.: *От войны к миру. Россия — Швеция. XVIII век. Ч. 2. Военные противостояния*. СПб., 1999. С. 71–72.

⁶ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 1. С. 28.

⁷ Там же. С. 29.

⁸ Висковатов А. В. Историческое описание одежды... Т. 2. СПб., 1899. С. 43.

и в качестве и количестве отделки¹. В отсутствие «прогрессивных» немецких седел лошади все еще седлались запрещенными царским указом от 1701 г. седлами старого русского типа — громоздкими, подбитыми войлоком, с высокой крышкой и переметными сумами².

Попытки выправить положение дел были сделаны почти сразу же: новый «европейский» внешний вид был частью царского замысла по реформированию армии. С 1703 г. отмечены первые централизованные закупки сукна на мундирные кафтаны³; начато изготовление немецких седел и мундштучного оголовья для драгунских полков⁴. В именном указе от 8 апреля 1704 г. в качестве требуемой амуниции уже указываются «немецкие седла с войлоки и с пахвы, узды с мундштуки и с наперстыми»⁵; в этом же году драгуны в «уборе немецкой конницы»⁶ присутствуют на торжественной встрече турецкого посланника в Москве.

1703–1705 гг. представляли переходный период⁷, когда европейские мундир и конский убор постепенно замещали все более ранние формы (в то время материальное обеспечение было крайне разнообразно даже в одном полку). Именно на этот период приходятся первые победы русской кавалерии.

С 1706 г. как часть драгунского обмундирования упоминаются зеленые кафтаны и штаны из оленьих и лосиных кож. В качестве «образцовых» фигурируют кафтаны с бархатными обшлагами и ворониками» (для выборного драгунского шквадрона князя А. Д. Меншикова)⁸. Эффектный внешне мундир был призван подчеркнуть престиж военной службы.

¹ Летин С. А. Служилое платье от Петра Великого // Родина. 2000. № 11. С. 22.

² Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 1. С. 28.

³ Там же. С. 29.

⁴ Все о лошади. С. 87.

⁵ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 256.

⁶ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 1. С. 208.

⁷ Летин С. А. Война камзолов и телогреек // Империя истории. 2002. № 3 (3). С. 19; Летин С. А. Служилое платье от Петра Великого. С. 20.

⁸ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 2. С. 253, 377, 421.

В качестве образцовых также могли служить мундиры рейтар Любовицкого, взятых в плен в Калишской операции, после чего присягнувших на службу России. «Доношу вашей милости, что... люди зело изрядные и убраны по-немецки, а особливо мундир на них зело добр: кафтаны темно-зеленые и всем убраны, как Немцы, что ежели велит Бог, сам изволишь увидеть», — докладывал А. Д. Меншиков Петру I 23 сентября 1706 г.¹

С того же 1706 г. русской армией использовались преимущественно немецкие седла: «Уже на мой полк немецких седел пять сот в готовности есть отпущено ко мне с Москвы и ныне в пути...» — докладывал А. Д. Меншикову полковник драгун Г. И. Волконский в ожидании выступления из Тулы (30 июля 1706 г.)². Положение постепенно налаживалось; к 1706 г. полкам были доданы амуничные вещи, не полученные ранее из-за недостаточного снабжения. Так, Ингерманландскому драгунскому полку наконец-то были даны шпоры, недоузки и попоны, задержанные при первичном формировании в 1704 г.³

К этому времени в организации русской регулярной кавалерии были достигнуты более чем серьезные успехи; параллельно оформлялся и структурировался ее вещный мир. В 1708 г. для заготовки мундира и снаряжения была устроена общеармейская Мундирная канцелярия; в скором времени снабжение драгун было передано новосозданной Мундирной канцелярии от кавалерии⁴. С этого года прекратилось снабжение пехоты новыми камзолами: из-за нехватки средств на обмундирование их предполагалось изготавливать из старых кафтанов и епанчей. Драгуны, как имевшие более высокий статус, получали кожаные камзолы⁵.

В 1709 г. были определены цвета драгунского мундира: кафтаны темно-зеленые или белые, а епанчи — красные. В итоге «среднестатистический» драгунский мундир к концу первого

¹ *Волинский Н. П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы... Т. 1. Кн. 2. С. 393.

² Там же. С. 370.

³ Там же. С. 427.

⁴ *Автократов В. Н.* Первые комиссариатские органы русской регулярной армии (1700–1710 гг.) // Исторические записки. 1961. № 68. С. 183.

⁵ *Мегорский Б. В.* Камзол как «летняя форма одежды» в петровской армии // История военного дела: исследования и источники. 2018. Т. 10. С. 247.

десятилетия реформ включал в себя шляпу или, реже, карпуз; черный или красный триповый галстук; зеленый, белый или синий кафтан с красным прикладом и медными пуговицами; камзол козлиной кожи; штаны козлиной кожи; «конные» сапоги со штюльпами, кожаными подвоями или фальшвадами, на высоком каблуке, со съёмными (на ремнях) шпорами; чулки; башмаки; портупю, перевязь и лядуночный ремень из яловичной кожи, с медным или железным полуженым прибором¹. Конский убор включал в себя немецкое седло (его прототипом было седло европейской рыцарской кавалерии) с паперстью, пахвиями и железными стременами, мундштучное оголовье, чепрак и чушки (чехлы на пистолетные ольстры), переметные сумы, попону².

Так выглядели русские драгуны во время первых крупных боевых успехов — при Лесной осенью 1708 г. и под Полтавой летом 1709 г., когда Россия, по словам В. Г. Белинского, «громами Полтавской битвы возвестила миру о своем приобщении к европейской жизни, о своем вступлении на попроще всемирно-исторического существования»³. Европейский военный мундир стал одним из вещественных символов петровских реформ и петровской эпохи в целом.

Следующий виток реформ пришелся на 1711 г., когда были установлены первые штаты русской армии⁴ и законодательно закреплено единообразие мундира и конского убора драгун⁵. В конце 1712 г. кавалерия получила новый мундирный регламент (его исполнение было затруднено, особенно в дальних гарнизонах). Расхождение между проектным и реальным мундиром отчасти объяснялось тем, что вещевые подряды не всегда

¹ *Малышев В. Н.* Общие принципы построения военного костюма XVIII–XIX веков // Сборник исследований и материалов ВИМАИВиВС. Вып. VIII. СПб.: ВИМАИВиВС, 2006. С. 251–252; *Татарников К. В.* Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 52–57, 65. Петровский мундир строился по «прусскому маниру», лишенному излишеств. Петр Великий говорил о прусском короле Фридрихе Вильгельме I: «он таков, как и я, — роскоши и мотовства не любит». См.: *Егоров В. И.* «Наш восемнадцатый век...» С. 12.

² *Татарников К. В.* Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. С. 99–101.

³ *Щербина В. Р.* Мировое значение русской литературы XIX века. М., 1987. С. 64.

⁴ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 590–627.

⁵ *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды... Т. 2. С. 29.

охватывали все обмундирование разом. На этом этапе требуемое единообразие выдерживалось, по возможности, хотя бы внутри полка.

Единообразие мундира и конского убора достигалось прежде всего централизованным, преимущественно отечественным изготовлением (указ от 18 марта 1718 г. «О делании в Москве на армейские полки мундиров полковыми портными»¹ и т. п.); местное производство, кроме того, давало и некоторую экономию средств. В 1720 г. были утверждены новые штаты, табели, а вместе в ними и новые мундирные образцы². Началась унификация офицерского мундира.

Итогом преобразований стало распространение во всей Российской империи общероссийского мундира, полностью соответствовавшего требованиям современной европейской культуры. Разрыв с традициями и переход от «венгерского» кафтана к мундиру по европейской моде стал еще одним «шагом в комплексе мероприятий по созданию армии как социального института, оторванного от населения и служащего опорой престолу <...> где солдат становился нижним звеном в управляющей вертикали»³.

Результат реформ был изложен в январе 1722 г. в «Табели о рангах...» в следующей формулировке: «Понеже также знатность и достоинство чина какой особы часто тем умаляется, когда убор и прочий поступок тем не сходствует... того ради напоминаем мы милостиво, чтоб каждый такой наряд... имел, как чин и характер его требует»⁴. Нарушители новых порядков наказывались штрафами и ссылкой на каторгу⁵. Побочным эффектом жесткой регламентации стало почти

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 5. С. 556.

² Нововведения были реализованы только в 1725 г. вместе с выходом срока службы старых мундиров.

³ Розулин Н. Г. К вопросу о факторах, влиявших на эволюцию русского мундира в XVIII в. // Военно-мобилизационная деятельность государства и российское общество в XVIII–XX веках. Тамбов, 2008. С. 23–24.

⁴ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 6. 1720–1722. СПб., 1830. С. 493.

⁵ Постановления Св. Синода с Высочайшей резолюцией: от 28 июня 1722 г. Об отсылании в Рогервик, а из Сибири в тамошние заводы непосящих указного бородачей, которые не в состоянии заплатить определенного с них указами штрафа, для заработка оною. См.: Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. Кн. 1 (1716–1800). СПб., 1860. С. 43–44.

полное вытеснение традиционного костюма из ареала имперской культуры¹.

Одним из последних петровских нововведений стал указ 4 декабря 1724 г., прямо запрещающий изготовление партикулярной одежды, схожей с военным мундиром («О ношении форменных цветов и обшлагов, с какими делаются драгунские и солдатские мундиры, людям неслужащим в сих командах... и чтоб неведением кто не отговаривался, того ради объявляется, что в армию строятся кафтаны из сукон разных цветов, а именно: из зеленых с красными, да из синих с белыми обшлагами»²).

Очевидно, что в системе реформ Петр Великий отводил европейскому мундиру роль конкретно понимаемого современниками визуального кода, указывающего на положение личности в новой имперской иерархии. Петровский военный мундир стал определенным социальным цензом, маркером принадлежности к новому миру силы и власти. Благодаря громкой победе петровские начинания получили легитимное измерение³; успех развития милитаристского сценария открывал пути для дальнейшего оформления новой национально-государственной культуры.

2.1.5. ИТОГИ РЕФОРМИРОВАНИЯ. НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ РЕФОРМ

Еще в Полтавском сражении Петр I обратил внимание на то, что шведы сидели на лопадах «заводской крови»⁴. Сравнение шведских и русских лошадей оказалось не в пользу последних. Часть

¹ В попытке искоренить этническое разнообразие исчезли долгополые многослойные одежды из тяжелых золотных узорчатых тканей, которые можно назвать визуальным символом допетровской культуры. Означало ли принудительное выведение традиционных форм русского костюма и замена его инокультурными формами смену культурного паттерна в целом? В петровской России сложились две точки зрения: одна часть ее подданных приняла европейский стиль одежды в частности и жизни в целом, другая же полагала, что, изменив традиционному укладу, откажется и от уникальности русского характера.

² ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 7. 1723–1727. СПб., 1830. С. 383.

³ Ахизер А. С., Клямкин И. М., Яковенко И. Г. История России... С. 170.

⁴ Иванов М. С. Возникновение и развитие конного спорта. М., 1960. С. 82. Еще одним героем Полтавского сражения был бурый персидский (по другим данным — ахалтекинский или азербайджанский) жеребец с женским именем Лизетта, принадлежащий лично Петру I. См.: Беляев О. П. Кабинет Петра

этих эффектных лошадей была захвачена¹ и отправлена в качестве племенного материала на Коломенскую государеву конюшню как «образец для русской конницы»². С этого момента началось восстановление упраздненного в первые годы столетия отечественного коневодства, конечной целью которого было названо полное обеспечение не нужд дворца, как ранее, а русской армии³.

Одними из наиболее подходящих для кавалерии в то время признавались шлезвиг-голландские лошади, быстрые, выносливые, крепкие, но при том гармоничные. В январе 1712 г. была сделана попытка завести эту породу и в России: издается указ «завести конские заводы, а именно: в Казанской, Азовской и Киевской губерниях; а для заводу кобыл и жеребцов купить в Шлезии и в Пруссах»⁴. В ожидании результатов по обеспечению армии конским составом были приняты меры по поддержке торговли лошадьми⁵.

Продолжались «лошадиные наборы» и наборы конных рекрут⁶. К 1711 г., согласно первым Штатам русской армии, регу-

Великого. Отд. 1. Ч. 2. СПб., 1800. С. 122–123. Чучело лошади «Петра Великого Лизавста называемая, представленная в собственном ее убранстве преславного Полтавского сражения» находилось в экспозиции Кунсткамеры и затем в Зоологическом музее РАН. См.: Зайцев Н. Лошадь Петра Первого // Коневодство и конный спорт. 1986. № 7. С. 31.

¹ Царь самолично «прибыл на лошади, которая взята на Полтавской багалии. Весь убор на ней был, також и чепрак, с именем короля швецкого». См.: История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Т. 2. М., 2004. С. 130; «Некоторые полки посажены на шведских лошадей, захваченных у Переволочной; лошади остальных весьма плохи», — отмечал дипломат Ч. Уитворт, бывший при дворе Петра I в 1705–1710 гг. См.: Лабутина Т. Л. Британский дипломат и разведчик Чарлз Уитворт при дворе Петра I // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 125; Уитворт Ч. Россия в начале XVIII века: Сочинение Ч. Уитворга. М.; Л., 1988. С. 88.

² Все о лошади. С. 87.

³ Согласно первым Штатам русской армии, регулярная кавалерия представлена 33 драгунскими полками на 33 000 лошадей. Это отражено в Указе от 19 февраля 1711 г. «Штаты Кавалерийских и пехотных полков, с показанием расположения оных по губерниям». См.: ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 592. Согласно «Ведомости что в Кавалерии полков и кто в оных командиры и откуда на те полки из приказов жалованье дается» в списках обнаруживается 33 полка, Лейб-регент и генеральный эскадрон. См.: Там же. С. 620.

⁴ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 779.

⁵ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 5. С. 65, 479.

⁶ О наборе рекрут опричь городов Московского округа с 20 дворов крестьянских по человеку (1 ноября 1709 г.); О сборе с попов и дьяконов по

лярная кавалерия была представлена 33 драгунскими полками на 33 тысячи лошадей¹. На армейские нужды был изъят почти весь племенной состав дворцовых конских заводов и конюшен². Прекратило существование большинство частных конных заводов, не получив освобождения от наборов³. В военных переходах 1710 г. своих любимых лошадей потерял вельможа, военачальник и коннозаводчик Б. П. Шереметев, после чего изливал свое горе Я. В. Брюсу: «Где мои цуги, где мои лучшие лошади: чубарые и чалые и гнедые цуги? Всех марш истратил: лучший мерин, светло-серый, пал»⁴.

Промежуточные результаты преобразований были закреплены в Воинском уставе от 30 марта 1716 г., составленном при непосредственном участии Петра I на основе шведского военного законодательства⁵. Устав включал в себя нескольких частей: «Устав воинский», «Артикул воинский с кратким толкованием», «Краткое изображение процессов» и «Экзерции»⁶. Он имел систематическое построение; много внимания — уже традиционно — уделялось приемам обучения. «Каждый полк по списку пересмотреть и при том гораздо примечать каждого офицера и драгуна, в совершенном ли они порядке обретаются... как их должность по воинским регламентам требует, и имеет ли надлежащую чистоту... в воинской амуниции, оружьи и во всякой амуниции и в мундире, також лошади драгунские и подъемные, и конская сбруя... в добром ли присмотрении и чистоте обретаются, и во всем ли такой порядок содержится как Воинский Устав повелевает и должность офицерская требует... Не меньше всего того вышепомянутого надлежит стараться, дабы добрая

доношению из монастырского приказа денег на драгунских лошадей (13 июня 1711 г.); О наборе 20 тыс. рекрут и сбор 7000 лошадей со всех губерний кроме Санктпетербургской по переписным книгам 186 года (30 июня 1711 г.); О сборе со ста дворов лошадей (17 июля 1711 г.). См.: ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 465, 691, 707, 719.

¹ Там же. С. 592.

² Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. С. 9.

³ Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство... С. 20; ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. С. 823; ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 5. С. 8, 18, 20, 26, 34, 35, 46.

⁴ Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 131.

⁵ Кутищев А. В. Армия Петра Великого... С. 374.

⁶ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 5. С. 203–461.

и благо искусная экзерциция была... как храброй и благообученной кавалерии принадлежит», — предписывалось инструкцией «Об осмотре кавалерийских полков и о принятии оных в команду», созданной на основе Устава¹.

В 1720 г. вышла «Инструкция» А. Д. Меншикова, в которой отмечалась необходимость дважды в неделю обучать кавалеристов экзерцициям на лошадях и давались подробные указания по конному обучению².

Все сохранившиеся конные заводы были собраны в ведении Большого Приказа. В 1721–1723 гг. в дворцовых заводах насчитывалось 2578 «всяких статей лошадей»³ улучшенного качества. Астраханский губернатор А. П. Волынский получил распоряжение «завезть в Астрахане чистых лошадей от Персидских жеребцов и Черкесских кобыл»⁴. Этот указ, как и указ по коннозаводству от 1712 г., не был выполнен (один — из-за неудачного окончания Русско-турецкой войны 1710–1713 гг., другой — из-за начавшейся вскоре войны с Персией). Незавершенность реформы конского хозяйства затрудняла и замедляла ход военных реформ.

Таким образом, к образованию империи 22 октября 1721 г. реорганизация русской конницы была в целом завершена⁵. Главным источником и импульсом (внутренней пружиной) преоб-

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 5. С. 722.

² Витт Л. В. Конница: Вооружение и владение оружием. С. 24.

³ Преимущественно гнедых и серых. См.: Гусев Ю., Манжолов А. Коннозаводство в эпоху Петра I. С. 30.

⁴ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 6. С. 251.

⁵ В 1721 г. был сформирован гвардейский конный эскадрон кавалергардов из дворян (впоследствии Лейб-Регимент). Эскадрон был особой дворцовой частью, не принимавшей участия в военных действиях. Он предназначался исключительно для представительских целей, оформления парадных торжеств империи. В 1722 г. вышли новые Штаты армии. См.: Генералитет, или Табель о полевой армии драгунских, пехотных и гарнизонных полков, о провианте и рационах и о всей их амуниции. М., 1722; Указ от 9 февраля 1720 г. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 6. С. 127. В том же году вышла инструкция для желающих «бегать на резвых лошадях в запуски»: «а имеющим охоту бегать на резвых лошадях в запуски, или в заклад и тем людям такое бегание чинить позволено»,

разований явились итоги «жестокой трехвременной школы» Северной войны (1700–1721). Война, завершившаяся 30 августа 1721 г. Ништадтским миром, показала качественное изменение русской конницы, подготовленной в боевых условиях. Оставаясь численно близкой к дореформенной¹, архаичная конница была преобразована в боеспособную регулярную кавалерию, чей уровень не только отвечал тактическим требованиям западноевропейского военного искусства рубежа XVII–XVIII вв., но и превосходил их. При этом накопленный поколениями опыт и национальные черты, свойственные русской коннице в допетровское время, — смелость и решительность атаки на быстрых аллюрах — не были забыты²; напротив, они были положены в основу обучения, и, развитые на более высоком уровне, составили специфику русской кавалерийской школы. Результатом петровских преобразований стал качественный прорыв, который заложил основы военного могущества Российской империи. Русская культура была выведена из Средневековья в парадигму Нового времени. С этого времени образ всадника в русской культуре неразрывно связан с имперской идеей.

только выезжая в поле и где мало людей ходит, но и в тех местах осторожно, чтоб кому повреждения никакого не учинилось, а по улицам такого бегания отнюдь не чинить, понеже от многолюдства по улицам тем беганием чинится многим поврждени» (Указ от 10 декабря 1722 г.). См.: Там же. С. 808. В 1723 г. сформирована гусарская конница по образцу австрийской армии. Тогда же сформирована иррегулярная конная ландмилиция. См.: Брикс Г. О. История конницы. С. 141; Денисон Дж. История конницы. Т. 1. С. 250.

¹ К концу правления численность регулярной конницы ок. 38 000 человек. См.: Масловский Д. Ф. Записки по истории... Т. 1. С. 153. По другим данным, не менее 45 000. См.: Брикс Г. О. История конницы. С. 173. Иррегулярная конница (ландмилиция, казачья конница, калмыки, башкиры и иррегулярные отряды армян и грузин на персидской границе) — не менее 125 000. См.: Там же. С. 141.

² Петровскую культуру называли «западной на русской почве» и ранее: См.: Болтунова Е. М. Русская гвардия первой четверти XVIII в.: «Борцы с традицией» или «традиционалистские реформаторы» // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 150. «До сих пор еще приято изображать XVII век в протоположении Петровской эпохе, как „время дореформенное“, как темный фон великих преобразований, столетие стоячее и застойное. В такой характеристике правды очень немного. Ибо XVII век уже был веком преобразований», — справедливо замечено академиком В. Н. Топоровым. См.: Топоров В. Н. Московские люди XVII века (к злобе дня) // *Philologia slavica*: Сборник статей к 70-летию академика Н. И. Толстого. М., 1993. С. 194.

ГЛАВА 2. ВСАДНИКИ В КРУЖЕВАХ: ВИЗУАЛЬНЫЕ КОДЫ НОВОЙ РОССИИ?

2.2.1. ВЕК ЖЕНСКИХ ПРАВЛЕНИЙ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ТРАДИЦИИ

Петровские реформы вывели женщин русского двора из культурной изоляции, и они, наравне с мужчинами, стали воплощением европеизированного дворянства¹, где женщины в случае необходимости² пользовались не только отдельными деталями мужского костюма, но и полным мужским гардеробом — прежде всего военной формой. Такие примеры хорошо известны³. Уже в Азовском походе 1694–1695 гг. и в Белоруссии в 1705 г. красавица Дарья Арсеньева, будущая супруга А.Д. Меншикова, «гарцевала верхом на европейский лад, к соблазну знатных боярынь»⁴. Характерно, что Арсеньева при этом находилась в составе свиты царевны Натальи Алексеевны, сестры Петра I, которая разделяла увлечение брата западной культурой.

Екатерина I, находясь со своим царственным супругом в действующей армии во время Персидского (Каспийского) похода 1722–1723 гг., носила мужской головной убор на налысо обритой

¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 86.

² Прежде всего при верховой езде и другой физической активности. Но еще не столь часто, чтобы это стало нормативным правилом. См.: Longrigg R. The history of foxhunting. London, 1975. P. 28–30.

³ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX вв. Тамбов, 2004. С. 416; Щербинин П.П. Женщины в русской армии в XVIII–XIX в. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 359–366.

⁴ Щепкина Е.Н. Полковые дамы времен Петра I // Щепкина Е.Н. Женская личность в истории // Исторический вестник. 1913. № СXXXIII. С. 163.

голове. Войсковые смотры первая русская императрица встречала в мужских военных мундирах¹.

Известна склонность к мужскому платью Елизаветы Петровны, которое она носила на полковых праздниках, на балах-маскарадах и на охоте. Екатерина Алексеевна в первые годы замужества также отправлялась на охоту «с ног до головы в мужском платье»². Чаше прочих мест великокняжеская охота проходила в Ораниенбауме³, где «каждый Божий день бывали на охоте и иногда проводили по тринадцати часов на лошади»⁴. Среди прочих и Екатерина «была целый день на лошади и, за исключением воскресений, не носила другого костюма, кроме мужского»⁵.

На охотах и прогулках мужская одежда логичным образом дополнялась верховой ездой по-мужски, что было понято не всеми современниками. «Придрались, — вспоминала Екатерина II впоследствии, — особенно к тому, что я всегда была одета в костюм для верховой езды и что я езжу по-мужски. Когда мы однажды приехали в Петергоф на куртаг, императрица сказала Чоглоковой, что моя манера ездить верхом... и что мой костюм совсем неприличен; что когда она сама ездила верхом в мужском костюме, то, как только сходила с лошади, тотчас же меняла платье»⁶.

Этот период истории женского придворного костюма может быть проиллюстрирован конными портретами Екатерины I⁷ и Елизаветы Петровны с арапчонком⁸, где обе императрицы

¹ Хорошилова О. А. Война и мода. От Петра I до Путина. М., 2018. С. 294.

² 1749 г. См.: Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 271.

³ Летопись Ораниенбаума. История дворцового комплекса в документах, письмах, дневниках и воспоминаниях. 1710–1918. СПб., 2015. С. 77–78, 85, 127. Великокняжеский двор обыкновенно проводил в Ораниенбауме лето и осень. См.: Штелин Я. Я. Музыка и балет в России XVIII века. Л., 1935. С. 158.

⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 306. Екатерина «была очень ловка и очень привычна к верховой езде», поскольку неоднократно брала уроки верховой езды — в казармах Измайловского полка и затем, ежедневные, у лучшего в России берейтора Циммермана, где получила в награду за прилежное учение серебряные шпоры. См.: Там же. С. 156, 233, 305, 385.

⁵ Там же. С. 331.

⁶ Там же. С. 332.

⁷ Конный портрет императрицы Екатерины I (посмертный) работы неизвестного художника XVIII в. находится в Художественном музее Эстонии во дворце Кадриорг.

⁸ Портрет выполнен Г. Х. Гроотом в 1743 г., находится в собрании ГТГ.

представлены в офицерских мундирах Лейб-гвардии Преображенского полка. Не менее известен портрет Екатерины II, где императрица изображена в мундире подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка А. Ф. Талызина: в него она была одета во время событий 28 июня 1762 г.¹ «...Государыня предложила двинуться в голове войска в Петергоф и пригласила меня сопутствовать ей. С этой целью, желая переодеться в гвардейский мундир, она взяла его у капитана Талызина, а я, следуя примеру ее, достала себе от лейтенанта Пушкина, — двух молодых офицеров нашего роста <...> Таким образом я была затянута в мундир, с алой лентой через плечо, без звезды, со шпорой на одном сапоге, и с видом пятнадцатилетнего мальчика», — впоследствии вспоминала сподвижница императрицы Е. Р. Дашкова².

Очевидно, что монархине требовался корректный и при этом удобный придворно-представительский костюм, визуально выражающий силу ее власти. Неудивительно, что первоначально такой одеждой стала амазонка — платье, название которого восходит к сказаниям о женщинах-воительницах, не уступающих мужчинам в искусстве верховой езды и проводящих дни в конных битвах³. Это платье, специально предназначенное для верховой езды, было первым из множества женских «спортивных» костюмов. Поскольку амазонка не только была одеждой более удобной, чем обычное модное платье, но и придавала своей обладательнице респектабельность и элегантность, она надевалась не только для конной прогулки или охоты, но также и в других случаях, когда требовалась одежда достойная.

¹ Портрет написан художником В. Эриксоном для аудиенц-зала в Большом дворце в Петергофе. В годы царствования Екатерины II копия портрета находилась в Эрмитаже. Слева и справа от картины размещались конные портреты Григория и Алексея Орловых, написанные В. Эриксоном после знаменитой карусели 16 июня 1766 г.; триптих в виде огромных (около 4 м в высоту) картин должен был напоминать о главных действующих лицах известного исторического события. См.: От войны к миру. Россия — Швеция. XVIII век. Каталог выставки 28 апреля — 12 сентября 1999 г. Ч. 1. Династии и монархи. СПб., 1999. С. 46; Ренне Е. II. С Алфеевых — на Невские берега. Карусельные портреты Григория и Алексея Орловых. СПб., 2014. С. 7. Сам мундир хранится в ГИМ.

² Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Лондон, 1859. С. 58, 68.

³ Ковалевская В. Б. Конь и всадник: пути и судьбы. М., 1977. С. 71.

Так, именно в амазонке выезжала первая русская императрица в тех случаях, когда партикулярное женское платье не соответствовало значительности исполняемой ею роли: «14-го [апреля]. Ее императорское величество [Екатерина I]... изволила поехать из Двора Своего в коляске, в амазонском платье, имея в руке жезл правления, на Адмиралтейский лут, где поставлен был в строю Преображенский полк... вышед из коляски, изволила идти к знаменам; и пришед ко оным, изволила надеть на Его Королевское высочество Герцога Голштейно-Готторпского подполковничий знак и шарф и дать ему протазан, и объявила его Подполковником от гвардии»¹. Царствование женщины без мужа было для России «новым, необычным делом»²; необычным был и наряд самодержицы.

Екатерина надевала амазонку также по случаю Московского маскарада 1722 г., устроенного на масленицу по случаю победы в Северной войне (подписания Ништадтского мира). Во время маскарадного шествия «императрица... несколько раз меняла свой костюм, являясь то голландкой, то амазонкой, то в красном бархатном платье, то в голубом, с разными камзолами и другими принадлежностями»³. Дополнениями амазонки были вещественные выражения высокого статуса ее обладательницы: «[Екатерина] имела на боку осыпанную брильянтами шпагу, а через плечо екатерининскую ленту с прекрасною брильянтовой звездой; в руках у нея было копье, а на голове белокурый парик и шляпа с белым пером»⁴.

Поначалу амазонки представляли собой комбинацию женского модного платья, мужского военного мундира и мужского костюма для верховой езды; эти формы сложились уже к началу XVIII в.⁵ С началом петровских реформ русский военный

¹ Походный журнал 1726 года. СПб., 1855. С. 14–15.

² Костомаров Н. И. Собрание сочинений Н. И. Костомарова: исторические монографии и исследования: в 8 кн. Кн. 5. Т. 14. СПб., 1904. С. 736.

³ Шубинский С. Н. Московский маскарад 1722 года // Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1908. С. 82. Костюм хранится в собрании Музеев Московского Кремля. Ил. также см.: Иванов А. В. Маскарадный корабль «Миротворец» 1722 г. // Меншиковские чтения. 2017. № 8 (18). С. 255–267.

⁴ Шубинский С. Н. Московский маскарад 1722 года. С. 82 (Рис. 8).

⁵ Шапиро Б. Л. Женщина в седле: История костюма для верховой езды. М., 2016. С. 8.

мундир вступил в свой первый звездный час. Как известно, в русской культуре всякая униформа исторически имела приоритет перед партикулярной одеждой, а военный мундир, имевший репутацию «единственной возможности для русского щеголя проявить себя, не уронив в общественном мнении»¹, был наиболее привлекательной ее разновидностью. Символические коды, используемые при оформлении мундира, — прежде всего золото и серебро металлического прибора — ясно указывали на силу и власть². Мундир выступал определенным социальным цензом, маркером принадлежности к элитарной культуре, отделяющим «своих» от «чужих». Широко известный феномен мундира в русской культуре закладывается именно в XVIII столетии, когда он стал модным ориентиром не только для мужчин, но и для женщин.

Факт присутствия женщин в русском «мире мундира» впервые был зафиксирован петровским Воинским уставом 1716 г.³ Мундирные документы, т.е. форменные регламенты (описания образцовых вещей, правила ношения и пригонки обмундирования и амуниции) появились только во второй половине 1720-х гг., однако они никак не затрагивали вопросы женского внешнего облика⁴. Амазонки, как первые женские мундиры, еще не получили какой-либо официальной или неофициальной регламентации и поэтому выполнялись в произвольных материях и покроях.

Так, на Богоявленском параде 6 января 1727 г. Екатерина I предстала в коляске о восьми лошадях «в амазонском тканом из серебра платье, в белом парике и в шляпе... при пребогато украшенной бриллиантами шпаге, имея в правой руке

¹ Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2005. С. 499.

² Крейк Дж. Краткая история униформы (Форма напояз: от традиционализма к вызову). М., 2007. С. 18.

³ В качестве вспомогательного медицинского персонала. См.: *Рогатнев А.С.* Женские шефские военные мундиры: курьез или необходимость // *Курьез в искусстве и искусство курьеза: материалы XIV Царскосельской научной конференции.* СПб., 2008. С. 333, 336.

⁴ Первые документы, законодательно закреплявшие статус и внешний вид женской придворной униформы, появились только в 1797 г. См. *Шапиро Б.Л.* Конструирование квазимужского и феминизированного придворного костюма в XVIII столетии: русская специфика // *Адам & Ева. Альманах гендерной истории.* № 27. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 48–74.

повелительный жезл»¹. Эта парчовая амазонка императрицы представляла собой уникальный пример сочетания двух принципиально различных видов женской придворной униформы: амазонки как квазимужской одежды, основная характеристика которой — подражание мужскому костюму, и феминизированной — в данном случае придворного платья *Robe de Cour*, которое только начало свое оформление при русском дворе. Основные характеристики такого платья были даны еще в 1728 г. при описании церемониала погребения цесаревны Анны Петровны: «...серебряное глазетовое платье с длинным шлейфом, вокруг обшитое золотым флером»². Такие *Robe de Cour*, выполненные из парчовой (глазетовой) ткани были приняты для придворных официальных торжеств: коронаций, венчаний и погребений женщин императорской семьи.

При русском дворе амазонки задействовались очень широко, что позволило им стать привычным атрибутом дворцовой повседневности. Это следует в том числе и из дневника Берхгольца, где в описании годовщины свадьбы Петра I в феврале 1723 г. сказано: «На ее величестве был великолепный амазонский костюм, и все ее дамы имели также амазонские платья одинакового цвета и из одинаковой материи»³. На это указывает и августовская заметка в «Санктпетербургских ведомостях» за август 1734 г., где отмечалось, что за Анной Иоанновной следовал «весь придворный стат... в равноцветном богатом платье, в котором поныне на куртаги в Петергоф ездили... а Дамское платье зделано Амазонским обыкновением»⁴.

Не были забыты амазонки и в правление Елизаветы Петровны: доказательствами служат «Реестр платью старинной казенной», где среди прочего указаны «амазонских шубок с юпками на булочки»⁵ — 6 пар; амазонских карсетов с юпками — 2 пары...

¹ Кавалергарды: История, биографии, мемуары. М., 1997. С. 20.

² Логунова М. О. Печальные ритуалы императорской России. М., 2011. С. 172.

³ Михайлов Г. В. Зимние дворцы Петра I. Архитектура и художественное убранство. События и люди. СПб., 2002. С. 116.

⁴ В Санктпетербурге августа 19 дня // Санктпетербургские ведомости. 1734. № 66. С. 312.

⁵ Разновидность женского нижнего белья, отчасти заменяющая фижмы.

1747 года»¹ и две «Надписи на конное литое из меди изображение ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Петровны в амазонском уборе», сделанные М. В. Ломоносовым между 1751 и 1757 гг.²

К этому же периоду относится и роспись предметов женских нарядов для разных случаев жизни, образцы которых прислал из Англии в Петербург русский посол в Лондоне П. Г. Чернышев в сентябре 1751 г. Роспись имеет раздел «В каком ездят верхом и бывают в дорогах», включающий в себя следующий перечень: «Кафтан камлотовой с камзолом, надевающейся на ординарное шнурованье. Юпка такова ж цвету камлотовая. Рубашка муская с манжетами, которая надевается сверх шнурованья. Парик круглой. Карпус³ черной бархатной. Башмаки кожаные черные с стальными пряжками. Рукавицы муские. Хлыстик. Сюртук красной ратиновой. Шляпа черная гродетуровая, носящая вместо карпуза во время холоду и дождя»⁴. В середине — начале второй половины XVIII в. именно амазонка и ее производные были основной женской придворной одеждой для активного образа жизни, и портные «едва поспевали их шить»⁵. Однако применение одежд такого типа до мундирных реформ Екатерины II еще не имело характера императива.

Появление в России мундирного платья — униформы, адаптированной к нуждам монархии, — сегодня связывают с правлением Елизаветы Петровны, а точнее — с возрастными изменениями ее тела за время правления⁶. Известно, что Елизавета Петровна «была заядлой охотницей, хорошо держалась в седле,

¹ Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 821.

² Высказывается мнение, что статуэтка работы итальянского мастера А. Мартели из фондов ГРМ может изображать Екатерину II. См.: Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 232, 517.

³ Круглые вальяные шапки с козырьками и без полей. См. Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века. Л., 1988. С. 26.

⁴ Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. С. 822–823.

⁵ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 306.

⁶ Шапиро Б. Л. Кавалерийский кафтан: прототип «дамского мундира» Елизаветы Петровны? // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы международ. науч. конф. / ИА РАН, ИРИ РАН. М., 2018. С. 116–117.

неплохо стреляла¹ и в сороковые годы любила гоняться за дичью в мужском костюме: фигура это еще позволяла»².

По свидетельству современников, «до 1754 г. Елисавета Петровна являлась за стол лб.-компанцев, яко той роты капитан... в гренадерском офицерском уборе, но с этого года — в дамском униформе, как в полковые праздники»³. Доподлинно известно о существовании в ее гардеробе еще как минимум одного предшественника мундирного платья — по форме Лейб-гвардии Конного полка: «дамский кафтан, который цветом на подобие Конной Гвардии мундира» отмечен в камер-фурьерском журнале за март 1755 г.⁴

«Дамский униформ», который также назывался «длинным мундиром»⁵ и «длинным кафтаном», изготавливался по подобию мужского мундира: кафтана либо пары «кафтан + камзол». Во времена Елизаветы Петровны и молодой Екатерины Алексеевны он обыкновенно надевался с подходящей по цвету и смыслу юбкой. Такой принцип формирования женского костюма в России второй половины 1750-х гг. считался вполне допустимым, и к концу правления Елизаветы Петровны в «дамский униформ» облачилась не только она сама, но и женская часть ее свиты⁶.

«Дамский униформ» Елизаветы Петровны и ее придворных дам не сохранился (по смерти императрицы осталось около 15 000 платьев⁷, которые при ее преемниках послужили материалом для изготовления церковных облачений и маскарадных

¹ Елисавета полюбила охоту еще в бытность цесаревной, под влиянием Петра II, сопутствуя ему в непрерывных охотничьих поездках. Случалось, что двор выезжал на охоту почти ежедневно. См.: Шапиро Б. Л. «Охотничий» веер Елизаветы Петровны // Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI–XX веков. Материалы IV научно-практической конференции 20–22 октября 2015 г. / Труды ГИМ. Вып. 208. М.: ГИМ, 2017. С. 345–353.

² Хорошилова О. А. Война и мода. От Петра I до Путина. С. 298.

³ Панчулидзе В. А. История кавалергардов. Т. 1. СПб., 1899. С. 302.

⁴ Церемониальный, банкетный и походный журнал 1755 года. СПб., 1870. С. 28. Вероятно, такой кафтан надевался с подходящей по цвету и смыслу юбкой.

⁵ Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М., 2016. С. 16.

⁶ Церемониальный, банкетный и походный журнал 1755 года. С. 52.

⁷ Анисимов Е. В. Императорская Россия. СПб., 2008. С. 210–211. Только в московском гардеробе императрицы насчитывалось 4 тысячи платьев. См.: Павленко Н. И. Страсти у трона: История дворцовых переворотов. М., 1996. С. 168.

костюмов). Тем более интересен документ из собрания РГИВИА, который позволяет чуть более подробно представить прототипы известных сегодня мундирных платьев. Это рапорт Д. А. Мерлина в Военную коллегию об изготовлении образцовых мундиров «большого, среднего и меньшего ростов» (т. е. на мужчину ростом в 2 аршина 8,5 вершка, 2 аршина 6 вершков и 2 аршина 5 вершков — 180, 169 и 164,5 см соответственно)¹. Приведенное в нем детальное описание кавалерийского кафтана для Лейб-гвардии Кирасирского полка с некоторыми оговорками может послужить и для описания конногвардейского мундирного платья императрицы: исходя, во-первых, из того положения, что «дамский мундир» этого времени в целом повторял мужской мундирный кафтан, во-вторых, из-за известной схожести кирасирского

Под «платьем» здесь понимаются отдельные предметы одежды, так как это число составилось из «637 робонов с юбками, 475 полшляфоров с юбками, 398 корсетов с юбками, 297 юбок, 81 фижмы, 10 мантий золотых и серебряных» и т. д. См.: Амелехина С. А. Церемониальный костюм Российского императорского двора в собрании Музеев Московского Кремля. М., 2016. С. 73.

¹ Приведем описание для третьего кафтана: «...полагая немочным сукном в указную широту в аршин в 14 вершков, с прибавлением на умочку по одному с половиною вершку на аршин <...> 3-й кафтан. Синего сукна аглицкого немочного в аршин в 14 вер[шков], а по мочке в аршин в 8 вершков, — 3 аршина 8 вершков с половиною, в указную широту — 2 аршина 13 вершков 14 дробных. На обшлага и воротник сукна красного аглицкого немочного [сукна] в аршин в 12 вершков, а по мочке в аршин в 11 вер[шков], — 4 вершка, а в указную широту — 3 вершка 18 дробных. Итого в кафтан и с обшлагами — 3 аршина 22 дробных. На подбой караеи красной в указную широту — 2 аршина 15 вершков с половиною. В фалды и вместо клеенки под пуговицы крашенины красной — 1 аршин 5 вершков. В рукава и на карманы холста подкладочного — 2 аршина 14 вершков. Пуговиц кафтанных — одно портище 4 пуговицы, к рукавам камзольных пуговиц — 6». См.: 27 июля 1759 г. Рапорт обер-кригс-комиссара Даниила Мерлина в Военную коллегию об изготовлении при Санкт-Петербургском мундирном магазине образцовых кавалерийских, пехотных и ландмилицких мундиров и епанеч большого, среднего и меньшего ростов, с приложением ведомости о материалах, израсходованных на пошив этих вещей // РГИВИА. Ф. 12. Оп. 2. Св. 179. Д. 453. Л. 21–27. Цит. по: Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801. Сборник документов. Т. 1. М., 2009. С. 273–278. Описание позволяет учесть индивидуальные антропологические данные: для мундирного платья Елизаветы Петровны целесообразно использовать мерки кафтана «большой руки»: известно, что она отличалась необыкновенным для женщины высоким ростом. В контексте изучения женского придворно-представительского платья середины — второй половины XVIII столетия более интересен третий, «меньший» кафтан, поскольку в указанное время средним женским ростом считался рост, немного превосходящий 160 см. См.: Бордэриу К. Платье императрицы. С. 82.

и конногвардейского мундира и, в-третьих, из того, что реформа мундира 1756 г. не затронула покроя кавалерийского кафтана.

Самое раннее из дошедших до нас мундирных платьев датируется не ранее 1763 г. Это платье Екатерины II по форме Лейб-гвардии Преображенского полка из ГЭ¹. Позже в гардеробе императрицы появляются мундирные платья по форме Кавалергардии (1766) Лейб-гвардии Конного полка (несколько экземпляров от 1773 г., 1770-е, 1776, 1770–1780 гг.), армейской (1772, 1784) и гвардейской пехоты — Лейб-гвардии Измайловского полка (1766), Лейб-гвардии Семеновского (1770–1780-е) и Лейб-гвардии Преображенского полка (1782) и др. Последнее мундирное платье Екатерины II, сшитое в 1796 г., — по форме Морского флота. Кирасирское платье, упомянутое в «Реестре мундирам государыни императрицы Екатерины II», составленном при передаче мундирных платьев в 1826 г. из Эрмитажа в Арсенал, утрачено².

На настоящий момент выявлено более десятка принадлежащих ей полнокомплектных мундирных платьев разных полков³. Все они относятся к одному из трех типов: первый представляет собой комплект из пышной юбки на фижмах и верхнего платья с длинными рукавами, полочки которого имитировали камзол. Второй тип — цельнокроеное платье с длинными рукавами или лиф и юбка и верхнее распашное платье с небольшим шлейфом, открытыми проймами и откидными рукавами, так называемый «казакин». Третий тип аналогичен второму, но казакин притален и имеет баску⁴.

¹ Екатерина Великая: русская культура второй половины XVIII века. СПб., 1993. С. 157; Фаллер О. В., Мальцева О. Л. Августейшие покровительницы российских полков. М., 2019. С. 264.

² Вершинина Н. М. Мундиры императрицы Екатерины II из собрания ГМЗ «Павловск». Вопросы терминологии и атрибуции // Атрибуция, история и судьба предметов из императорских коллекций: сборник докладов научной конференции «Кучумовские чтения». СПб., 2015. С. 62.

³ И некоторое количество разрозненных мундирных предметов. См.: Вершинина Н. М. История коллекции мундирных платьев императрицы Екатерины II из собрания Государственного музея-заповедника «Павловск» // Дворцы и события. К 300-летию Большого Петергофского дворца: сб. статей. СПб., 2016. С. 48.

⁴ Вершинина Н. М. Мундиры императрицы Екатерины II из собрания ГМЗ «Павловск». С. 62.

Основой для создания екатерининского мундирного платья вновь послужила амазонка. «В день нашего полкового праздника, 25 марта, все гг. офицеры собирались в Зимний дворец к обедне, у которой присутствовала императрица [Екатерина II], будучи одета в полковой мундир, отороченный золотым кружевом и сшитый на фасон амазонки, т.е. женского платья для верховой езды», — отмечали современники сходство новой униформы и ее прототипа¹. От мужского мундира его отличала прежде всего тонкая шелковая материя, что позволяло сделать мундирное платье более «женским», т.е. легким и изящным; это было скорее вольное переложение официального военного мундира, пока еще не подверженное регламентам².

Известно, что Екатерина II отдавала мундирным платьям явное предпочтение, надевая их не только в дни полковых праздников. В «дамском uniforme» ее видели и в высокотожественные дни, празднование которых проходило в Георгиевском зале, названном в честь высшей военной награды Российской империи. Об этом свидетельствуют воспоминания Н. Брусилова, состоявшего в Пажеском корпусе: «В высокотожественные дни и кавалерские праздники столы бывали в Георгиевской зале, тогда государыня кушала на троне, в малой короне, ей прислуживали первые чины двора. Иногда государыня имела на себе платье гвардейского полка, то есть дамское платье светло-зеленого сукна, обложенное золотым галуном»³.

Мундирные платья сопутствовали императрице и на военных маневрах, где она принимала самое деятельное участие. «Летом 1765 г. в первый раз были собраны войска лагерем в Красном селе. Все три дивизии, назначенные в лагерь, расположились у подошвы Дудергофской горы, причем палатка императрицы стояла впереди всего лагеря, — сообщает очевидец. — Конная гвардия была расположена около ставки Ее Величества. Лагерь

¹ Штакельберг К. К. Полтора века конной гвардии. 1730–1880. СПб., 1881. С. 14.

² Первые документы, законодательно закреплявшие статус и внешний вид женского костюма как своего рода униформы, появились только в 1797 г. (но регламентировалось не мундирное, а орденское платье). К этому моменту при российском дворе сложилось два типа женской униформы: квазимужская и феминизированная. Они олицетворяли принадлежность к аристократии, бытуя почти исключительно в придворном, но достаточно широком кругу.

³ Кавалергарды: История, биографии, мемуары. С. 32.

и маневры продолжались две недели, причем наш полк составлял конвой императрицы, которая все эти дни была в конно-гвардейском мундире»¹.

Удобство покроя такого платья, допускавшего большую, чем обычно, свободу движения, позволяло использовать его весьма широко². «Нет одеяния почетнее и дороже мундира», — заключала императрица³.

Стоит отметить, что царствование Екатерины II было отмечено появлением первого в русской истории официально утвержденного женского военного мундира. Этой чести удостоилось единственное женское военное формирование того времени — сотенная рота амазонок Балаклавского греческого на русской службе полка, действовавшая в марте и апреле 1787 г.⁴ Их мундир состоял из широких колокольных юбок малинового бархата и коротких изумрудных курток-спенсеров; юбки и куртки были оторочены золотым галуном и бахромой. Головным убором был белый тюрбан с золотыми блестками и со страусовым пером. Вооружение крымских «амазонок» составляли

¹ Штакельберг К. К. Полтора века конной гвардии. С. 14–15.

² Чаще всего как дорожный и охотничий костюм. См.: Камср-фурьерский церемониальный журнал. 1766–1779 год // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XVIII век. СПб., 2006. С. 42–43. Случалось, что мундирное платье заменяло собой даже и маскарадное: «Февраля 5-го числа [1787 г.]. В доме графа Петра Александровича Румянцева был маскарад, состоявший из придворных и других 120 особ обоего пола, по билетам, начиная с бригадирского чина... Государыня была не в маскарадном платье, но в жепском кирасирском мундире». См.: Полетика А. А. Записки о пребывании Императрицы Екатерины Второй в Киеве в 1787 году. СПб., 1843. С. 7–8.

³ Бордэриу К. Платье императрицы. С. 15. После смерти Екатерины II мундирные платья утратили свою популярность. Известно, что Мария Федоровна имела «полтора» мундирных платья. Первое было сделано по форме Кавалергардского полка: его мы можем видеть на гравюре 1797 г. из юбилейного издания «Истории кавалергардов» С. А. Панчулидзева (с портрета кисти В. И. Боровиковского, 1798). См.: Панчулидзева С. А. История кавалергардов. Т. 2. СПб., 1901. С. 125 (рис. 15). Второе, произвольно украшенное элементами формы Лейб-гвардии Гусарского полка, не относится к мундирным платьям. Вероятно, его наличие в гардеробе императрицы соответствовало моде того времени, когда одежда жен военных выполнялась в цветах мундиров их мужей. См.: Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000. С. 56.

⁴ Рогатнев А. С. Женские шефские военные мундиры... С. 333; Селиванова Л. Л. Российские амазонки на службе ее величества // Диалог со временем. 2010. № 31. С. 80; Щербинин П. П. Женщины в русской армии в XVIII–XIX вв. С. 360–361.

небольшие сабли и ружья, к которым было выдано по три патрона¹. Амазонки были обучены не только стрельбе, но также фехтованию и верховой езде: рота умела держать конный строй и перестраиваться.

Очевидно, что серьезные трансформации, происходившие в русском придворном обществе XVIII столетия в череду «женских правлений»², закономерно нашли отражение не только в ее событийной истории, но также в военно-придворной и в придворно-представительской моде.

В женском костюме наблюдалась постепенная, но уверенная легитимизация элементов мужского костюма: это явление, без сомнения, можно назвать одним из главных событий в истории русской придворно-представительской культуры XVIII в. Платье для верховой езды «амазонка», став первой разновидностью такой униформы, открыло возможности для формирования целого ряда модификаций внутри нового направления — квазимужской одежды. Этот вид одежды обладал необычными для своего времени гендерными характеристиками и более прочих указывал на принадлежность к институту власти, и поэтому был доступен только немногим избранным.

2.2.2. ГАЛАНТЫ И ВОИНЫ: КРОССГЕНДЕРНЫЙ ПРИДВОРНЫЙ КОСТЮМ. АЛЕКСАНДР МЕНШИКОВ И ПЕТР II. ЭПИГОНЫ И ПЛЕННИКИ МОДЫ

Одна из известных теорий элиты связывает изменение взглядов на нормативную маскулинность с развитием придворной культуры Франции в период галантного века³, когда феминизация содержания и, в обязательном порядке, формы, составляла

¹ Кибовский А. В. Амазонская рота. 1787: курьез или первое женское подразделение в России? // Цейхгауз. 1997. № 6. С. 16–19; Рубец И. Ф. Крымские амазонки // Военная быль. 1966. № 80. С. 40.

² Анисимов Е. В. Женщины у власти в XVIII веке как проблема // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2005. С. 332.

³ Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 299. Согласно Дж. Крейк, маскулинность мужского придворного костюма ослабляли непрерывные войны. См.: Шаниро Б. И. Границы маскулинности в русском военно-придворном костюме XVIII века: сукно против кружева // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 26. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 180–206.

особую примету времени¹. Действительно, во французской культуре времен правления Людовика XIV (1643–1715) и Людовика XV (1715–1774) наблюдается пик активности гендерно-перевернутых образов и коннотаций, имеющих отношение к истории костюма. В это время Франция была в авангарде моды, особенно мужской; желанным ориентиром для всей Европы стал версальский костюм².

В первый период господства версальских мод (1643–1660) мужская мода расцвела особенно ярко. Из-за специфического покроя верхней одежды, максимально укороченной, а позднее и/или зауженной, центром композиции и важнейшей частью мужского костюма стала рубашка. Спереди такая мужская рубашка почти вся открыта; широкие рукава, собранные на кружевные манжеты, видны почти полностью. Верх рубашки покрывался объемным воротником или густыми оборками жабо, которые в придворном костюме также выполнялись из кружева.

Во второй период версальских мод (1661–1685) такие кружевные рубашки дополнялись изысканными галстуками или шейными платками³.

Пик великолепия мужского костюма версальского типа в европейской моде пришелся на третий период версальских мод (1685–1715). Эскалация роскоши в это время достигла максимума; щегольство в мужском костюме, в том числе страсть к изысканному белью, приобрело характер мании. Так, в июле 1711 г. один из обозревателей модного журнала подчеркивал, что несколько пуговиц верхней одежды непременно должны оставаться расстегнутыми: это позволит щегольнуть белоснежным плетеным бельем⁴.

В европейском мужском костюме все больше ценилась утонченность. Говорили, что «модельеры и модистки сбивались с ног, выдумывая каждый день новые туалеты»⁵, каждая новая мода

¹ Даниэль С. М. Рококо: От Ватто до Фрагонара. СПб., 2010. С. 24, 26.

² Шапиро Б. Л. Воины в кружевах: дресс-код золотого века // Шапиро Б. Л. История кружева как культурный текст. М., 2018. С. 72–80.

³ Шапиро Б. Л. Нарративная история придворной культуры XVII–XVIII вв.: мундир, белье и кружева // Ценности и смыслы. 2017. № 3. С. 121.

⁴ Cunningham C. W., Cunningham P. The History of Underclothes. New York, 1992. P. 75.

⁵ Градова К. В. Театральный костюм. Кн. 2. Мужской костюм. М., 1987. С. 160.

была роскошнее предыдущей, «потому что те, кто создает моды при дворе, бросают их тотчас же, чтобы следовать другим»¹. На одежду тратились огромные суммы, и «часто гардероб составлял почти равный капитал с прочим достатком какого-нибудь придворного и щеголя»². «Дворянство носит свои доходы на плечах»³, — говорили современники. Большинство новых нарядов были исключительно декоративны, отображая богатство и статус владельца.

Основным потребителем модных новинок стал мужчина, о достоинстве которого теперь «...судят по ширине... кружев на его белье, и уважение к нему возрастает в зависимости от их ценности, по ступеням — от понтиньяка до генуэзских»⁴. Современники отмечали версальские моды как «странную пору, когда мужчины внешне стремились походить на женщин»⁵. В это время цари и царедворцы — сановники, вельможи и военачальники — носили «длинные завитые волосы, посыпанные пудрой и надушенные духами, пряжки и на башмаках и коленях заменены для удобства шелковыми бантами. Шпага надевается как можно реже. На руки надевают перчатки, зубы не только чистят, но и белят, лицо румянят. Не желая ни в чем отставать от женщин... [модник] употребляет тонкое полотно и кружева, обвешивает себя часами, надевает на пальцы перстни, а карманы наполняет безделушками»⁶. Эти детали кардинально изменили облик «идеального» мужчины конца XVII — начала XVIII в., вполне легитимно придавая ему феминный кукольно-неестественный вид.

Новый вид был частью образа «политичного кавалера»⁷, занесенного в Россию с Запада. Кружевная версальская мода была известна уже в допетровской Москве: так, царь Алексей Михай-

¹ Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. Т. 2. М.; СПб., 2001. С. 70.

² Карнович Е. И. Замечательные богатства частных лиц в России. М., 1992. С. 57.

³ Киреева Е. В. История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века. М., 1970. С. 81.

⁴ Градова К. В. Театральный костюм. Кн. 2. Мужской костюм. С. 130.

⁵ Маккензи М. Мода. М., 2010. С. 14.

⁶ Киреева Е. В. История костюма. С. 110.

⁷ Черная Л. А. Петр I как образец «политичного кавалера» // Петр Великий и его время: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 290-летию Полтавской победы. СПб., 1999. С. 142. Цит. по: Мухин О. Н. Трансформация маскулинного облика российского монарха в петровскую эпоху: постановка проблемы // Вестник ТГПУ. 2014. Вып. 2 (143). С. 98.

лович заказывал англичанину Ивану Гейбдону, через которого в середине XVII в. в Россию поступали «королевские... узорочные товары» на суммы в десятки тысяч рублей¹, купить «кружев, в каких ходят шпанской и францейской король и цесарь»².

Его преемник царь Федор, как уже отмечалось, был приверженцем не русской традиционной, но польской одежды; неофициальным дополнением новой моды стало бритье и ношение париков³, что укладывалось в общеевропейский модный контекст последней четверти XVII в. Но в допетровской России мода на изящную французскую галантерею не получила массового подражателя, ограничившись только ближайшим окружением царя.

Российский двор максимально близко познакомился с актуальной западноевропейской модой в последние годы XVII в., когда участникам Великого посольства была приготовлена специальная одежда, в том числе «накладные волосы кавалерские», т. е. парики⁴. Широкую популярность одежда такого типа получила с 1700 г., как известно, сперва принудительно, по приказу Петра I, а затем из подражания: известно, что русская аристократия, несмотря на личное пристрастие монарха к голландской и немецкой культуре, ориентировалась именно на французский образец.

Вопреки последовательной политике против роскоши, Петр не препятствовал щегольству царедворцев: сам он открыто пренебрегал внешними атрибутами статуса, но любил блестящее окружение «для славы и красоты государства»⁵. «Чтоб каждый

¹ Гурлянд И. Я. Иван Гейбдон, комиссариус и резидент. Ярославль, 1903. С. 7, 48, 50.

² Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. С. 99.

³ Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия. С. 35.

⁴ Суслина Е. Н. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М., 2003. С. 158. В 1717 г. двор во главе с царем Петром посетил Францию, и с тех пор русская аристократия, пораженная блеском двора Людовика XV, ориентировалась прежде всего на версальский образец.

⁵ Михневич В. О. Век эпикурейства. Черты нравов в России XVIII века // Наблюдатель. 1889. № 11. С. 40. Институт фаворитов, их расточительность, как и великолепие двора в целом, использовались как украшение власти. См.: Уортман Р. С. Сценарии власти. Т. 1. С. 182. «Новоманерные» одежды Петра I (второй половины царствования) чаще сделаны по актуальной моде, нежели «староманерные» начала XVIII в. См.: Моисеенко Е. Ю. Опись гардероба А. Д. Меншикова. К истории мужского костюма первой четверти XVIII века в России // Культура и искусство петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С. 90.

такой наряд, экипаж и ливрею имел, как чин и характер его требует», — прямо указывалось в петровской «Табели о рангах...»¹. В новой государственной системе костюм стал определенным кодом, визуально обозначающим принадлежность его носителя к «большому свету» и указывающим на положение личности в социальной иерархии².

Значимость «чужевластья мод» для царедворца испытал на себе брауншвейгский резидент Ф. Вебер, посетивший Петербург в 1714 г. «Сейчас по приезде [я] получил приглашение на пир от адмирала Апраксина и явился туда в скромном платье без всяких украшений и знаков своего посольского достоинства. Когда я подошел к офицеру, стоявшему на страже у входа в залу, с просьбою пропустить меня, то он отказал мне в грубых выражениях и погрозил бердышем; когда же я сослался на мое право и на приглашение, то меня пренагло вытолкали вниз по лестнице. Злополучный резидент успел попасть в дом Апраксина только при посредстве одного из своих друзей-дипломатов, который при этом в виде наставления сказал ему, что он в своем простом хотя и опрятном кафтане может подвергнуться еще большим неприятностям и даже опасностям, если не прикажет обшить его по всем швам серебром или золотом»³.

В авангарде моды в петровское правление выступали Ф. Я. Лефорт, А. М. Черкасский, Ф. М. Апраксин, братья Трубецкие. Целое состояние стоили роскошные парчовые костюмы коменданта Москвы и сибирского губернатора М. П. Гагарина, украшенные крупными алмазными и золотыми пуговицами и кружевами. Поражали воображение интерьерные вещи, дополняющие образ придворного галанта — кружевные простыни «адмиралтейца» А. В. Кикина⁴.

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 6. С. 493.

² Шапиро Б. Л. Костюм российской знати и мода после петровских реформ (по описям имущества частных лиц и семейно-правовым актам 1723–1730 гг.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 527–530.

³ Цит. по: Михневич В. О. Век эпикурейства... С. 43.

⁴ Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М., 2011. С. 86, 99–100.

Роскошью гардероба среди прочих выделялся фаворит царя А. Д. Меншиков — самый могущественный среди некоронованных персон в Европе¹ — красавец в яркой и богатой одежде², бриллиантах и белом объемном парике «львиная грива»³. Талантливый управленец и полководец-универсал, знавший пехотное, кавалерийское, артиллерийское дело⁴, совместно с Петром Великим создавший новую Россию, он отдавал щедрую дань внешним проявлениям галантной культуры. Так, по описи 1728 г., светлейшему князю принадлежали 147 рубак без манжет и с кружевными манжетами и около 50 кружевных галстуков, 55 пар кружевных и шелковых чулок, 25 париков, парчовые домашняя одежда и туфли⁵, по менее известной описи 1732 г. — еще и соболья муфта⁶.

Среди имущества Никона Волкова, свояка княжны Марьи Вяземской, близкой к кругу Натальи Алексеевны (сестры Петра I, умершей в 1716 г.), отмечены книжка о брадобритии, а также «бумашки с мушками»⁷, косметическими средствами, которые по праву можно назвать аксессуаром — «лицом эпохи».

¹ Уитворт Ч. Россия в начале XVIII века... С. 75.

² Согласно описи имущества от 1726 г., в его гардеробе преобладали одежды сильных густых цветов, перенасыщенные вышивкой и галуновой отделкой. См.: Моисеенко Е. Ю. Опись гардероба А. Д. Меншикова. С. 92, 103. Роскошь одежда фаворита дополнялась роскошью карет и лошадей, так как «тщеславие не позволяло ему довольствоваться скромным выездом». См.: Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. С. 131.

³ Портрет А. Д. Меншикова. Неизвестный художник, 1716–1720. Меншиковский дворец, Санкт-Петербург.

⁴ Артамонов В. А. А. Д. Меншиков как полководец // Меншиковские чтения. 2011. № 2. С. 114–135; Артамонов В. А. Победа генерала А. Д. Меншикова под Калишем в 1706 г. // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2006 г. СПб., 2007. С. 262–275.

⁵ Андреева Е. А. Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII в.: Описания палат, хором и сада: Исследование и документы. СПб., 2013. С. 261; Бердников Л. И. Щеголи и вертопрахи: герои русского галантного века. М., 2008. С. 140.

⁶ Жаркова Н. Ю. Имущество А. Д. Меншикова по неизвестной описи 1732 года // Труды ГЭ. Т. 70. Петровское время в лицах — 2013: к 400-летию Дома Романовых (1613–2013). СПб., 2013. С. 173.

⁷ «Восемь кусков лент, да полотна галанские и польские, и шалфетки и простыни и камартки, и бумашки с мушками, пуговицы кафтанные и камзолные и башмаки». См.: Дело о пожитках государыни Царевны Натальи Алексеевны // Старина и новизна. 1914. № 17. С. 152.

Буквально утопал в пене кружев князь С. П. Долгоруков, в гардеробе которого отмечены многочисленные кружевные домашние уборы, а также тонкие полотняные сорочки с кружевными манжетами и кружевные галстуки, в числе которых «один с кистями жемчужными»¹. Согласно моде, жемчужные концы таких галстуков намеренно выпускали поверх камзола на всеобщее обозрение. По новой моде камзол даже военного мундира застегивался минимально, чтобы продемонстрировать изысканную рубашку из тонкого полотна; случалось, что и камзол, и кафтан носили нараспашку. Любовь к мужскому красивому белью перешла все разумные границы.

Именно в петровское правление влияние мундира на становление форм партикулярного костюма максимально велико. Появляются первые форменные регламенты — описания образцовых вещей, правила ношения и пригонки обмундирования и амуниции. Мундир получает значение актуальной мужской одежды, эстетика которой наилучшим образом соответствует как военным регламентам, так и придворному этикету.

Придворный в мундире сочетал в себе две самые эффектные ипостаси столетия — галанта и воина. В результате главным потребителем товаров, которые прежде предназначались для усиления женской привлекательности, — тонких тканей нежных и ярких оттенков, кружева, накладных волос и других специфических аксессуаров — становится военная знать.

Феминная манера одеваться, смесь любви к изысканному с «обыденной реакцией на грубую реальность войны»² стала образцом для мужской моды XVIII в., времени, насыщенного «войнами в кружевах», как никакое другое. Говорили, что согласно этикету периода «Великих войн», обыденными были «кружевные перемирия» — с тем, чтобы воюющие стороны могли привести в порядок свой гардероб: «постирать свои кружевные воротники и манжеты, а потом просушить их, развесив на прикладах мушкетов»³.

¹ Роспись приданому 1717 г. // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. Ч. 4. М.: Тип. А. Мамонтова, 1898. С. 7; Шапиро Б. Л. Кружевные вещи в дворянском мужском костюме XVIII в. по материалам сговорных записей и росписей приданого // «История кружева — история страны». С. 40.

² Крейк Дж. Краткая история униформы... С. 26.

³ Буровик К. А. Родословная вещей. М., 1985. С. 63.

Оформление нового типа придворного наблюдается уже при дворе Екатерины I. Характерная фигура этого времени — галант императрицы В.И. Монс — брат фаворитки Петра I, «генеральс-адъютант от кавалерии», герой Северной войны (сражения при Лесной, Полтавская битва), бывший с двадцати лет на военной службе. Военные успехи не препятствовали карьере галанта; в этом качестве Монс владел обширным изящным и весьма оригинальным гардеробом, уделял много внимания своему внешнему виду и светским манерам. Этот «бело-розовый... женственно-красивый камергер... знаменовал собой появление в России нового культурно-исторического типа военного-придворного, — отмечал исследователь русской куртуазной культуры XVIII в. Л.И. Бердников. — Его повышенный интерес к дамам, внимание к собственной внешности, изысканные манеры и куртуазное поведение... станут характерными чертами щеголя-петиметра, укоренившегося у нас к середине XVIII века»¹.

Весьма красноречива опись имущества В.И. Монса от 1723–1724 гг. Согласно этому документу, ему принадлежали разнообразные, но всякий раз изысканные камзолы и кафтаны (штучные, т.е. отдельные предметы, а также пары «кафтан + камзол» и полные комплекты, включающие штаны), в том числе роскошный «кафтан кофейный галанской фондишпани»².

Интересно внимание, которое отдавал Монс той традиционно мужской сфере деятельности, где дорогие породистые кони и их драгоценное убранство выступали как атрибуты власти, а «в умении управлять конем видели способность властвовать»³. Судя по описи имущества, одежда этого «бело-розового херувима»⁴

¹ Бердников Л.И. Щеголи и вертопрахи... С. 106–107.

² Гардероб и некоторые вещи Виллима Монса в 1723–1724 гг. // Семеvский М.И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. 1692–1724. М., 1994. С. 369. «Фондишпани», или «подишпаны» (Point d'Espagne), — особый вид кружева из придепных золотых или серебряных нитей, которые скреплялись между собой тонкими сцепками. Основным его отличием был специфический узор — непрерывный растительный, довольно плотный, выдержанный в иррациональной стилистике барокко. Это необычное, эффектное кружево, которое высоко ценилось и в Западной Европе (его большим поклонником был Людовик XIV), и в России. См.: Шапиро Б.Л. Всадники в кружевах: золото-серебряная отделка в мундирных и амуниционных вещах XVIII в. // Ученые записки ОрГУ. 2017. № 2 (75). С. 80.

³ Ракова А.Л. «Le miroir héroïque de la Noblesse». С. 110.

⁴ Бердников Л.И. Щеголи и вертопрахи... С. 107.

в лучших традициях русской всаднической культуры составляла комплект с конским убранством: конское убранство соответствовало убранству и достоинству ездока¹, подчеркивая их единство.

Так, составляют идеальную пару «кафтан красный насыпной, камзол и на кафтане обшлага штофные серебряные по зеленой земле» из гардероба Монса и «чепрак и чушки красные с серебряным позументом и с кистями»; текстильное конское убранство, расшитое серебром, дополнялось серебряными же снастями «мундштук да уздечка с набором серебряным... цепочка серебряная под персидский мундштук»². Кроме того, отмечены:

— гарусные и шелковые чулки разных цветов (2 дюжины), преимущественно красные (6 пар) и пунцовые (8 пар), украшенные серебряной и золотой расшивкой и отдельные нашивки, приготовленные для отделки таких чулок;

— золотые и серебряные пряжки и подвязки с такими пряжками для чулок;

— белые волосы для париков;

— несколько десятков алмазных (50 шт.) и золотых (4 портища) пуговиц;

— шелковые рубашки и кружевные манжеты к ним;

— кружево, предназначенное для отделки шляп³.

Здесь также числились туфли с изображением Христа, жемчуга, синий и фиалковый парики⁴.

Идеи Монса относительно актуальных направлений в мужской придворной моде были поддержаны другими фаворитами императрицы — П. И. Сапегой и А. М. Девиером.

В правление Петра II вектор развития моды оставался прежним. Тональность задавал император, который сам имел сильную склонность к франтовству: в его гардеробе находились многочисленные парчовые и бархатные расшитые золотом кафтаны, роскошная домашняя одежда, шелковые чулки с золотыми и серебряными стрелками и неизменный *Point d'Espagne*⁵. «Визитной

¹ Древности Российского государства. Отд. III. С. xxi.

² Гардероб и некоторые вещи Виллима Монса в 1723–1724 гг. С. 368–370.

³ Там же. С. 368–373.

⁴ Бердников Л. И. Щеголи и вертопрахи... С. 106.

⁵ Опись о гардеробе Его Императорского величества Петра Второго, платье и прочее // Павленко Н. И. Петр II. М., 2017. С. 280–284.

карточкой» императора Петра II называли «французские» обшлага¹. Другим его «достижением» в этой области можно считать введение моды на мужские косы и пудру, что определило направление развития мужской куафюры вплоть до конца столетия.

При Анне Иоанновне придворная мода приняла несколько новый вид: теперь щегольство насаждалось сверху, порой принимая чудовищные формы. Так, известно настойчивое желание императрицы видеть своих придворных всякий раз в новом платье². Именно в это время западноевропейская мода оформилась как самоценное явление³ и феномен русской культуры, впервые зафиксированный в русском языке и печатном слове в словаре Э. Вейсмана (1731)⁴.

Известными модниками аннинского двора считались Э.И. Бирон, Б.К. Миних и Р.Г. Левенвольде; последний «настаивал на том, что одежда мужчины должна быть обшита чистым золотом»⁵; одежда дополнялась шляпой с золотым кружевом, едва покрывавшей высокий напудренный тупей, и башмаками на высоких красных каблуках. Другую точку зрения на моду представлял Бирон: согласно ему, костюм вельможи выполнялся в нежных пастельных тонах. Сам Бирон «пять или шесть лет сряду ходил в испещренных женских штофах»⁶, желая утонченности и изысканности, в чем ему помогал не только особый гардероб, но и «многочисленные туалетные принадлежности: изысканные столики, наборы ножниц, щеточек, гребенок, зеркал; герцогские зубочистки были из чистого золота»⁷.

В итоге именно Левенвольде пользовался репутацией законодателя мод; остальные пытались подражать первым щеголям

¹ Егоров В. И. «Наш восемнадцатый век...». С. 12.

² Павленко Н. И. Анна Иоанновна (Немцы при дворе). М., 2002. С. 130.

³ Шапиро Б. Л. Костюм российской знати и мода после петровских реформ... С. 527–530.

⁴ Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731. С. 420. Проблема связи культурных смыслов с языком представляется крайне важной. См.: Флиер А. Я. Безграничный мир культурных смыслов // Культура культуры. 2018. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://cult-cult.ru/unlimited-world-cultural-senses/> (дата обращения 17.12.2019).

⁵ Бердников Л. И. Щеголи и вертопрахи... С. 185.

⁶ Миних Э. Записки // Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720-е — 1760-е годы). Л., 1991. С. 165.

⁷ Курукин И. В. Бирон. М., 2006. С. 344.

двора, присоединяясь к той или иной позиции. Среди эпигонов Левенвольде прежде всего нужно назвать сына полководца П. Б. Шереметева, чьи одежды, по словам современников, «носили ему тягость от золота и серебра, и ослепляли блистанием очи»¹.

Роскошью платья неизменно выделялся клан Долгоруких: Юрий Владимирович, с его кружевными простынями, шелковыми чулками, расшитыми золотыми и серебряными стрелками, парчовыми кафтанами и дюжиной «галздруков», и Василий Лукич, который, по описи 1730 г., имел в своем гардеробе не только множество золотного «княжего платья» и сорочек с кружевными манжетами, но также и полностью кружевные сорочки, и галстук с бисерными кистями, и 178 аршин кружева из «гардеробного запаса». Чего стоит одно только требование Василия Лукича предоставить в Пензенскую вотчину село Знаменское Керенского уезда, куда опальный сановник был сослан «лишенный чинов и кавалерий», шелковые чулки, кружевную сорочку и бисерный галстук (!)².

Эффектные галстуки были в центре новой моды. Так, среди галантереи сановника А. П. Волынского обнаруживается 70 таких предметов, в том числе «галстук низаной в 3 нитки персидским мелким жемчугом». Также здесь отмечены 34 пары шелковых чулок, 25 пар лайковых перчаток, 14 рубаш голландского полотна с кружевными манжетами³ и штаны серебряной парчи, после публичных торгов перешедшие к охочему до блеска лейб-медику А. Лестоку⁴.

Придворный мужской костюм этого времени по своей роскоши мог соперничать с женским и зачастую даже превосходил его. Заботясь о внешности, цеголи обратились к активному использованию косметических средств — парфюма, пудры, румян и помады. В качестве примера убежденного сторонника мужской косметики прежде всего должен быть назван фаворит Анны Леопольдовны польско-саксонский посланник граф М.-К. Линар, «высокого роста, хорошо сложен, рыжеватого

¹ Цит. по: Михневич В. О. Век эпикурейства... С. 44.

² Тихонов Ю. А. Мир вещей... С. 116, 118, 124, 183.

³ Там же. С. 197, 200.

⁴ Курукин И. В. Бирон. С. 299.

белокурый, с нежным, как у женщины, цветом лица... Он так ухаживал за своей кожей, что каждый день перед сном покрывал лицо и руки помадой и спал в перчатках и маске¹. Внешностью он «походил на самого настоящего фата... у него не было другого платья, кроме самых светлых цветов, как например, голубого, абрикосового, сиреневого, тельного цвета и проч., хотя в то время на мужчинах еще редко можно было видеть такие светлые цвета»².

В итоге к началу следующего правления общество было подготовлено к появлению петиметра — особого типа придворного щеголя, представителя франкофонной элитарной культуры на русской почве.

2.2.3. СУКНО ПРОТИВ КРУЖЕВА: СМЕНА МУНДИРНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Основной сутью носителей новой идеологии было желание нравиться, что достигалось безусловным следованием моде. Для «пленников моды» пудра, румяна, шелковые чулки и кружева означали много больше, чем предметы роскоши, составляя смысл жизни. Современники отмечали, что петиметр «сидит перед зеркалом несколько часов, подобно женщинам, белится, румянится и налепливает мушки»³. Он занимается этим с одинаковым, если не с большим, энтузиазмом, чем женщина. Так в середине столетия упомянутые выше «тонкие ткани нежных и ярких оттенков, кружева, накладные волосы и другие специфические аксессуары» приобрели значение гендерно-усредненных, «условно женских», а сам петиметр, наделяясь феминностью, назывался не иначе как «мужчина-женщина»⁴.

¹ Базин В. Н. Самодержцы: любовные истории царского дома. Кн. 1. М., 1999. С. 207–208.

² Записки императрицы Екатерины Второй. С. 301.

³ Бордэриу К. Платье императрицы. С. 205.

⁴ Там же. С. 199. Многоцветью двора способствовало ограничение траура, введенное с первых лет царствования Елизаветы Петровны. См.: Именной указ от 9 октября 1744 г. «О неприезде ко Двору никому в траурной одежде и в траурных экипажах... чтобы никто ко двору Ее Величества в траурном платье, ни же экипажах приезжать не дерзал... как придворным, так и всем прочим без изъятия». См.: ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 12. 1744–1748. СПб.,

В погоне за модой уровень потребления предметов роскоши с самого начала правления Елизаветы Петровны сравнился с версальским или даже превзошел его. Следствием стал Указ против роскоши от 11 декабря 1742 г., текст которого гласил: «так отныне никому богатых платьев отнюдь никому не делать... а носить платье суконное»¹.

Отдельного упоминания удостоилось кружево как самый аттрактивный декор елизаветинской моды. «...Отныне и кружева кроме пяти классов отнюдь никому не носить, а тем пяти классам кружева носить не выше трех пальцев, а со старыми кружевными уборами поступать по вышеописанному, как и о платье повелено (т.е. сдавать генерал-полицмейстеру для клеймения). А понеже на кружева сургучных печатей класть нельзя, и для того, дабы под видом старого новое кружево употребляемо не было, вместо сургучевых печатей класть черные печати таких чернил, чтобы оные вымыться не могли»². Фактически указ не касался двора, и он продолжал утопать в роскоши. Во времена «веселой императрицы» действовали другие законы — законы изящества, роскоши и великолепия: «щеголяя сама, императрица Елизавета любила видеть и свой двор роскошно одетым»³.

Тон задавали петиметры Н. А. Бекетов, один из богатейших людей страны К. Г. Разумовский (младший брат галанта «прекрасной Елисавет» А. Г. Разумовского) и, немного позднее,

1830. С. 239. Также см.: Указ от 15 мая 1746 г. «Об ограничении больших церемоний, совершаемых при погребении знатных особ... фамилии умершего траурное платье носить, и ливрею черную иметь не запрещается, токмо в оном ко Двору Нашему не ходить». См.: Там же. С. 546–547. Также см.: Указ от 1 сентября 1746 г. «О запрещении носить траурную ливрею после дня погребения... для излишних и напрасных расходов... чего полиции накрепко смотреть». См.: Там же. С. 596. Также см.: Указ 11 июня 1751 г. «О ношении глубокого траура никому, кроме чужестранных послов, министров и их служителей... Ныне усмотрено, что в противность тех указов многие употребляют глубокие трауры, яко то: платье с плерезами и флеры». См.: ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 13. 1749–1753. СПб., 1830. С. 444–445.

¹ Лехович Т. Н. «О ношении никому богатых платьев...»: что стоит за указами Елизаветы Петровны против роскоши? // Труды ГЭ. Т. 67. М. В. Ломоносов и Елизаветинское время. СПб., 2013. С. 173.

² Там же. С. 173.

³ Трефолев Л. Н. Елизавета как щеголиха // Исторический вестник. 1882. № 9. С. 219.

фаворит императрицы И. И. Шувалов. В кружевных нарядах красовался «веселый щеголь»¹ лейб-кирасир князь К. И. Дашков, получивший изысканные наряды в приданое за дочерью графа Р. И. Воронцова Екатериной («той самой» Дашковой). Частью богатого приданого были две дюжины голландских мужских сорочек стоимостью в 200 р. и шесть пар мужских кружевных манжет к ним на такую же сумму². «В награждение» за брак с камер-фрейлиной Елизаветы Петровны А. Д. Разумовской камер-юнкеру графу А. А. Бестужеву-Рюмину, гуляке и жуиру, полагались «четыре дюжины мужских рубаш, из которых одна дюжина с брабантскими кружевными манжетами» и девять спальных шапочек, также отделанных брабантским кружевом³. Известная манера ношения кафтана и камзола нараспашку дополняется «ощипанностью их покроев»⁴, которая позволяет еще более полно продемонстрировать роскошное белье.

Предпочтения двора распространялись на его окружение. Так, Лейб-компания Елизаветы Петровны — по сути, телохранители императрицы — была обмундирована кафтанами «зеленого сукна, с воротником, обшлагами и подбоем красными, с золотым, в один ряд, зубчатым галуном, и двумя на плечах помочами (т. е. эполетами) из витого золотого шнура; камзол и штаны красные, с таким же галуном, пуговицы вызолоченные, манжеты и галстух белые, кисейные, с кружевами, штиблеты вседневные из черного сукна, а в парад из белого полотна, с вызолоченными пуговицами;

¹ Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: биографии и портреты: по изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». СПб., 1996. С. 27.

² Роспись приданому для Катерины Романовны [Дашковой, урожденной графини Воронцовой] // Архив князя Воронцова. Кн. 21. М., 1881. С. 381–382; Мужская одежда изредка включалась в росписи, когда дочь покидала родительский дом, и часто, если мужчина входил в семью невесты. В этом случае сговорная содержала дополнительные условия приема зятя. Чаще всего мужская часть приданого составлялась из нательного белья. См.: Шапиро Б. Л. Словесный женский костюм XVIII — начала XX в. по материалам сговорных записей и росписей приданого // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время: материалы научно-образовательного семинара, 24–25 сентября 2015 г. Тверь, 2015. С. 96–97.

³ Рядная графини Евдокии Бестужевой-Рюминой, рожденной Разумовской // Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. 1. СПб., 1880. С. XXVII. Рядная относится к 1747 г.

⁴ Михневич В. О. Век эпикурейства... С. 39.

при черных штиблетах штибель-манжеты из белого полотна; папка по образцу гвардейской гренадерской, но обтянутая красным сукном, и украшенная перьями, с правой стороны красными, с левой белыми; епанча темно-зеленая»¹. Прочное положение изящной (в прежние времена дамской) галантереи в военно-придворном костюме галантного века признавалось даже мундирными регламентами, что свидетельствует о трансформации границ гендерных стандартов, если не о намеренном их стирании.

Смену концепции нормативной маскулинности, которая сопровождалась изменениями не только во внешней атрибутике, но и во внутренних ощущениях ее границ, иллюстрирует работа придворного живописца Г. К. Преннера «Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны со свитой» (1750–1755)². Вельможи здесь изображены в мундирах, женщины — в рыцарских латах; все персонажи, включая женщин, вооружены шпагами. Стоит отметить, что латы здесь присутствуют не в качестве реальной одежды, но, скорее, как традиционный элемент парадного портрета столетия. Впрочем, латы в костюме галантного века все еще сохраняются, но теперь их украшают отделанные кружевом перья и портупей, надетые поверх металлических доспехов; эта эстетика вполне соответствовала и военным регламентам, и придворному этикету. Главным потребителем изящной галантереи в период «великих войн» становится воин.

Очередное изменение мундирной идеологии наблюдалось в недолгое царствование Петра III. Вот что пишет один из ведущих исследователей русской униформы «осмнадцатого столетия» В. И. Егоров: «...равняясь по новейшей европейской моде... мундир следовало укоротить, обузить и придать ему декоративности, в первую очередь за счет расцветки. Монотонная гамма армейского обмундирования вдруг преобразилась до неузнаваемости. Пехотный кафтан из темного стал светло-зеленым, каван-

¹ Пушкирев И. И. История Императорской российской гвардии. Ч. 1. СПб., 1844. С. 215. Кроме того, «Положение о мундире, строевом уборе, лошадах и обое офицеров кирасирских, конных гренадерских, драгунских, пеших гренадерских и мушкетерских полков» от 1757 г. предписывало иметь штаб- и обер-офицерам «рубашки — из тонкого полотна, а к рубашкам манжеты... а носить оное белое всегда крахмальное». См.: Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801. Сборник документов. Т. 1. С. 631.

² Сейчас находится в ГРМ.

лерийский — из темно-синего белым. Красные камзолы сменились белыми, палевыми, лимонно-желтыми и померанцевыми... Весна 1762 г. буквально расцвела яркой палитрой красок»¹, ранее немыслимой для русского военного мундира.

Начало правления Екатерины II было отмечено следованием идеям и идеалам предыдущего правления, но постепенно ценности приобретают новые идеалы. Ими становятся комфорт и удобство, которые предлагала английская мода в последней трети XVIII столетия и которые были более привычны для традиционной маскулинности.

Оглядка на версальскую моду еще не забыта: так, приверженцем изящно-изощренной моды выступал Г. А. Потемкин, который «имел на себе... алый фрак и епанчу из черных кружев, стоящую нескольких тысяч рублей. Всюду, где только на мужском одянии можно было употребить бриллианты, оные блистали. Шляпа его была оными столько обременена, что трудно стало ему держать иную в руке. Один из адъютантов его должен был сию шляпу за ним носить»². Не отставал и «бриллиантовый князь» сановник А. Б. Куракин, который носил «глазетовый кафтан, звезды и кресты на шее из крупных солитеров, жемчужный эполет через правое плечо, ажурные кружева на груди и рукавах»³ по книге «вроде альбома, где находились образчики материй, из которых были сшиты его великолепные костюмы, и образцы платья; при каждом платье были особенная шпага, пряжки, перстень, табакерка»⁴.

Последние отголоски гендерно-перевернутой моды наблюдались в 1780–1790-х гг. и сошли на нет к концу столетия. Так, когда «...в 1795 году командир Козловского пехотного полка Иван Бибииков дал своему полку узкие шаровары, полусапожки со иннурками, короткие куртки, вышитые жабо и галстуки с черно-белыми бантами», это воспринималось с иронией и рассматривалось не иначе, как сумасбродство, карикатура⁵.

¹ Егоров В. И. «Наш восемнадцатый век...». С. 18.

² На праздничном балу в Таврическом дворце в апреле 1791 г. См.: О приватной жизни князя Потемкина. Потемкинский праздник. М., 1991. С. 26.

³ Бердников Л. И. Щеголи и вергопрахи... С. 315.

⁴ Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. С. 14.

⁵ Панчулидзе С. А. История кавалергардов. Т. 2. С. 212–213.

С началом правления Павла I, «гонителя на всякую роскошь, [который] отменно любил простоту»¹, личные пристрастия императора в одночасье стали причиной преобразования роскошного прежде двора. Петиметры окончательно ушли в прошлое, выступая исключительно как объект сатиры. Основной мужского придворного костюма стала английская модель с ее тяготением к упрощению и минимализму, что выражалось прежде всего сдержанностью в цветовом и декорационном решении. Преимущество окончательно было отдано практичному сукну темных и неярких тонов, зачастую серому во всем его многообразии.

Так версальские моды подготовили особое понимание гендерных границ в культуре XVIII в. Затяжные войны привели к закономерной реакции, которая в мужском придворно-военном костюме проявилась в явном предпочтении условно-женских ярких тонких материй, ажурных отделок, легкомысленных аксессуаров, парфюмерии и грима. Оформление соответствующей идеологии происходит во второй трети столетия. В это время остроמודные «гендерно-перевернутые» элементы костюма приобретают роль еще одного визуального кода, указывающего на статус их носителя в придворной иерархии.

2.2.4. КОНСКОЕ УБРАНСТВО: ВИЗУАЛЬНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ

Издавна царское конское убранство было призвано подчеркивать своим великолепием величие государя; значение царского выезда предопределяло роскошь его убранства. Художественное оформление царских седельно-сбруйных комплектов соответствовало оформлению царских одежд; взятые вместе, они составляли единый комплекс, представляющий собой визуальный и смысловой код — систему понятий, образов и связанных с ними моделей поведения, раскрывающих не только внешнюю, но и скрытую динамику развития имперской культуры.

Сохранилось описание конного выезда по случаю свадьбы царского шута Ф. Шанского, сыгранной в 1702 г. еще по

¹ Бердников Л. И. Щеголи и вертопрахи... С. 329.

старомосковскому обряду: «Царь впереди всех ехал на величавом черном коне. Платье на нем было из золотой парчи, самой великолепной... Конь его, в богатейшей упряжи, покрыт был прекрасным золотым чепраком... Величавый вид Государя, чрезвычайно красиво сидевшего на лошади, составлял немалое украшение всего зрелища: всадник поистине был царственный», — восхищался очевидец старорусской эстетикой¹.

Вместе с петровскими культурными реформами старинные драгоценные ткани с высоким содержанием золота и серебра, прежде всего алтабас и аксамит, выходят из царского и придворного обихода; выходят они и из конского убранства². Дольше прочих здесь бытовала объярь, которая в допетровское время была одной из самых популярных и престижных тканей. Так, объяринным был чалдар лошади царевича Алексея Петровича «с золотыми и серебряными травами по малиновой земле, обшит кружевом и бахромой из золота и серебра, бахрома подпущена малиновым атласом»³.

Заменой старинным тканям в конском убранстве стали технологически близкая объяри парча и ее разновидность глазет (облегченная гладкая парча, сплошь затканная пряденой или плоской золотной уточной нитью). Эти новые ткани, будучи несколько менее эффектными, чем их прототипы, в парадных вещах для большего блеска покрывались эффектным декором: золотным шитьем, расшивкой из металлических бляшек и драгоценных камней. Не только церковное⁴, но и светское шитье становится монументальным и рельефным, напоминающим высокую чеканку.

Показная роскошь в это время полностью соответствовала эстетике времени, когда великолепие одежд многократно

¹ Бруин де К. Путешествия в Московию. С. 59–60; Жабрева А. Э. К истории маскарадного костюма в России (обзор опубликованных материалов XVIII в.) // Историко-библиографические исследования. СПб., 2002. С. 234.

² Шаниро Б. Л. Золото-серебряный текстиль в царских седельно-сбруйных комплексах XVIII столетия // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии: Материалы XXI международной научной конференции. СПб., 2018. С. 398–401.

³ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 166.

⁴ Шитова Л. А. Жемчужное шитье раннего петровского времени. Истоки и проблемы атрибуции // Филевские чтения. М., 2003. С. 428.

умножалось блеском золотосеребряного шитья и позументов, алмазных и золотых перстней, пуговиц и пряжек, изяществом кружевных манжет и галстуков. Роскошь двора выражалась формулой «положение обязывает»; она была не столько знаком безудержного потребления, сколько символом государственной необходимости, подчеркивающим величие власти¹.

На первое место в декорировании убранства царской лошади выходят золото, алмазы и другие драгоценные камни. Так, для украшения седельного комплекта шведского короля и полководца Карла XII² (личный трофей фельдмаршала Б.П. Шереметева) было использовано больше полутора килограммов серебра, свыше полусотни гранатов и несколько рубинов. Седло, чепрак и чушки были густо расшиты позолоченным серебром, а чепрак и чехлы для ольстров, кроме расшивки, украшены позолоченными серебряными накладками с гранатами и рубинами³.

Анне Иоанновне принадлежала конская сбруя, где зеленая материя была покрыта крупными изумрудами в золоте⁴. Множество богатейшего конского убранства в ее царствование хранилось «за замками и печатью в пристойных палатах и в сундуках, или в шкафах с надлежащими нумерами»⁵ в придворном манеже «на [Дворцовом] лугу против Зимнего дому»⁶. Среди прочих встречались и алмазные вещи: «седло турецкое с яхонтами и изумрудами, при нем серебряные вызолоченные стремяна с алмазами и яхонтовыми искрами, удило серебряное, мундштучное, оголовь и паперсть с золотым с алмазами набором, решма серебряная, вызолоченная, с алмазами, чендарь глазетовый, шитый серебром»⁷.

Два «алмазных» конских убора принадлежали Екатерине II (уборы были подарены императрице в связи с окончанием

¹ Перро Ф. Роскошь. Богатство между пышностью и комфортом в XVIII–XIX веках. СПб., 2014. С. 6–7, 44.

² Коллекция отдела «Арсенал» ГЭ.

³ Образцов В. Седло неудачника Карла // Родина. 2009. № 7. С. 60.

⁴ Сбруя хранится в Галерее драгоценностей ГЭ.

⁵ ИСЗРИ. Собрание первое. Т. 9. 1733–1736. СПб., 1830. С. 57.

⁶ Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. 1749–1751. СПб., 1997. С. 188.

⁷ Шубинский С. Н. Придворный и домашний быт императрицы Анны Ивановны // Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. С. 171.

русско-турецких войн в 1775 и 1793 гг.¹). В состав первого убора входил чалдар из серебряной парчи «убранный местами серебряными бусами, большими и мелкими, *Lapis lazurica*, красными половинчатыми корольками и тремя яшмовыми накладками, из которых две прорезные звездами, а средняя зеленая глухая; во всех трех накладках каменье между золотой насечки в золотых гнездах: алмазов 12, изумрудов 32, яхонтов красных 31, да сверх того в трех закрепках круглых корольковых по алмазу. Чалдар обшит кругом золотой с шелком тесьмой, к которой пришиты кисточки розового шелка с серебром, вделанные в серебряные грушки, сверху коих через один по корольку и *Lapis lazurica*, кистей 380»². Комплект также включал седло с обтянутыми малиновым бархатом подушкой и крыльцами, вышитыми по углам серебром и золотом, и малиновый суконный намет на седло, также шитый золотом и серебром, подбитый того же цвета атласом. Шитье намета образует крупный растительный узор.

Второй комплект включал чалдар, «шитый золотом по серебряному глазету, с серебряными бляхами, украшенными алмазами и яхонтами. На нем 169 блях или репьев, в каждом репье по 4 алмаза и по 3 яхонта»³, седло розовой парчи с серебром, круглый намет из красного сукна, шитый золотом и подложенный атласом, и серебряные тесьмяные поводья⁴. Текстиль предельно обогащен драгоценным металлом — в виде парчовой нити, расшивки декоративными бляхами и объемной золотосеребряной вышивки, схожей с чеканным драгоценным металлом.

Альтернативу парче и глазету в царских конских уборах составлял бархат, чаще всего шелковый, гладкий (безузорный одноцветный), глубоких сочных тонов. В русской придворной культуре XVIII в. наблюдается явное предпочтение определенной цветовой гаммы; так, часто встречаются насыщенные оттенки красного: темно-красный, бордовый (немецкий седельно-сбруйный комплект Екатерины II), алый (седельно-сбруйный комплект

¹ Их передали в собрание Оружейной палаты, где они находятся и сейчас. См.: Кириллова Л. П. Старинные экипажи. Сокровища Оружейной палаты. М., 2000. С. 204–205.

² Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Копюшенная казна. С. 21–23.

³ Там же. С. 23–25.

⁴ Там же.

Екатерины II 1760–1780-х гг. и турецкое седло), густой кроваво-красный (парадный чепрак 1730–1750-х гг.), а также малиновый или рубиновый (парадный чепрак 1730–1760-х гг.), вишневый и некоторые оттенки зеленого: светлый или средний зеленый (аравийский седельно-сбруйный комплект середины XVIII в.), темно-зеленый (получепрак к седлу на лошадь Петра I¹), яркий хвойно-зеленый, изумрудный (парадный чепрак 1720–1750-х гг.), зелено-синий (седельно-сбруйный комплект Лейб-гвардии Кирасирского полка, принадлежавший Екатерине II)².

Весьма декоративен императорский седельно-сбруйный комплект (седло, вальтрап, чушки, уздечка, повод, стремяна и пахви) из алого бархата и парчи, хранящийся в «Особой кладовой» в Петергофе³. Комплект изготовлен в 1760–1765 гг.; именно он изображен на парадном конном портрете Екатерины II из Тронного зала Большого Петергофского дворца. Бархат, как тяжелая и плотная материя, в царских конских уборах использовался в качестве основы для декорирования изысканным «высоким» шитьем золотосеребряной нитью. Именно в такой технике выполнена отделка этого комплекта. Дополнением «высокого» шитья выступали бисер, блески, цветные стекла, поделочные камни и тесьмяные декоративные розетки⁴.

Все составляющие седельно-сбруйных комплектов представляют собой единые комплексы, выдержанные в художественном стиле, соответствующем времени⁵. Лаконичный декор петровского барокко сменяется пышными формами высокого рококо, которые, в свою очередь, уступают место строгим и монументальным

¹ В XVIII столетии парадные покровы уменьшаются в размерах и в объемах; в обиход входит получепрак, закрывающий только круп лошади. См.: Чернышев В. А. Седельная сбруя XVIII–XIX веков // «Полцарства за коня...» С. 151. Специалистами ГЭ высказывается сомнение в атрибуции; выдвинута альтернативная версия, согласно которой седло принадлежало Б. П. Шереметеву. См.: Басилашвили К. Седло Петра I, бывшее в Полтавском сражении // Сайт «Эхо Москвы». Интервью с Е. Корольковой, координатором проекта ГЭ «Конюшенный музей», 14 августа 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/palacesquare/801900-echo/> (дата обращения 15.01.2019).

² Все вышеперечисленное убранство находится в собрании ГЭ.

³ Музей «Особая кладовая» в Петергофе. Петродворец, 2011. С. 36.

⁴ Отчет ГЭ. 2011 г. СПб., 2012. С. 94–95.

⁵ Чернышев В. А. Конные повозки и экипажи в России X–XIX вв. СПб., 2007. С. 189.

формам классицизма. Так, полностью соответствует консерватизму Павла I художественное решение чепрака его личной лошади — скупые стилизованные растительные узоры по строгому синему фону¹.

С развитием классицизма окантовка растительных форм сначала дополняется простым геометрическим рисунком, а затем полностью им вытесняется. Роскошные бархат и парча все чаще заменяются гладким сукном (два парадных чепрака, красный и черный, рубежа XVIII–XIX вв. из собрания ГЭ). Соответственно новой эстетике изменяется и одежда к такому убранству. Так, Екатерина II дополняла английское седло английской же амазонкой «из очень дорогой материи, отделанную хрустальными пуговицами... и черная шапочка моя была окружена шнурком из бриллиантов»².

К концу столетия наблюдается окончательный отказ от тяжелых помпезных уборов, перегруженных расшивкой золотом и драгоценными камнями. Государственная и воинская символика фактически становится почти единственным допустимым сюжетом декора конского убранства; в царском убранстве такая символика обыкновенно сочеталась с личным гербом или вензелем правителя³. Можно выделить два принципа, благодаря которым это достигалось технически:

1) в церемониале было на равных задействовано и убранство с государственным гербом, и убранство с личным гербом правителя. Так, в погребении Петра Великого принимали участие три лошади: первая сопровождала адмиралтейский штандарт, вторая — знамя с государственным гербом, третья — цветное знамя с личной эмблемой императора. Оформление конского убранства соответствовало оформлению знамени⁴;

¹ Там же. С. 194. Утверждается новая терминология: чепрак — попона под немецкое седло; покрывало на венгерское седло получило название вальтрапа. См.: Там же. С. 188–189, 294.

² Записки императрицы Екатерины Второй. С. 304.

³ Шапиро Б. Л. «Двуглавый под короною орел»: конское убранство в ритуалах имперской России // История: факты и символы. 2018. № 2 (15). С. 25–30.

⁴ Матвеев В. Ю. Процессия попона с личной эмблемой Петра I в собрании Оружейной палаты // Московский Кремль. Материалы и исследования. Произведения русского и зарубежного искусства XVI — начала XVIII в. С. 217–220; Прокопович Ф. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского. СПб., 1831. С. 82–83.

2) государственный герб и личный герб или вензель правителя сливались в одной вещи воедино; личная эмблематика размещала изображение ездоца на груди орла. Так, к царствованию Павла I относятся «попона шелковая, с гарусом, той же фабрики; на груди двуглавого орла мальтийский крест и вензель Императора Павла, по углам два шифра» и «попон гарусных две; построены в 1799 году, в Императорской Шпалерной Мануфактуре, с двуглавыми по середине орлами» из Конюшенной казны¹.

Таким образом, в XVIII столетии состав церемониального убора царской лошади претерпел некоторые изменения, связанные с переориентацией русского общества на западноевропейскую культуру. Однако само конское убранство, продолжая традиции России допетровской, все так же способствует выстраиванию иерархии власти и играет существенную роль в формировании образа могущественного властителя. Отмеченное государственной символикой, оно несло определенные смысловые нагрузки, приобретая особый статус. Так акцентируется значимость этого убранства, а само оно помещается в круг важнейших церемониальных предметов, в очередной раз подчеркивая значение визуальной презентации власти.

2.3.5. Конные театрализованные представления в ритуалах имперской России. Коронационный конный валет императрицы Елизаветы Петровны

Конные театрализованные представления известны с конца XVI в.: первоначально они получили развитие в рамках рыцарских турниров, которые в то время уверенно лидировали в ряду самых эффектных зрелищ ренессансной куртуазной культуры². К этому времени турниры представляли собой либо спортивные состязания *Hastiludia pacifica*, либо праздничные турниры-

¹ Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 141. Мальтийская символика в это время включается в государственный герб России. См.: Указ «О новом Российском гербе» от 10 августа 1799 г. См.: ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 25. 1798–1799. СПб., 1830. С. 755.

² Шаниро Б. Л. Коронационный конный балет императрицы Елизаветы Петровны // Локус. 2019. № 1. С. 24–36.

спектакли *Pas d'Armes*¹, где благородные всадники демонстрировали свое умение владеть лошастью и оружием под музыку, хоровое и сольное пение и декламацию.

На конных балетах специализировались прежде всего придворные театры Италии, Франции и Австрии. До настоящего времени сохранились отдельные сведения о постановках «Балет четырех стихий» (Париж, 1606), «Турнир ветров» (также «Король ветров», музыка Дж. Пери; Тоскана, 1608), «Победа любви над войной» (Савойя, 1615), «Битва красоты» (либретто А. Сальвадори, музыка Дж. Пери, II. Франчесино; Флоренция, 1616), «Эол, король ветров» (Флоренция, 1628), «Меркурий и Марс» (текст Т. Тассо, музыка К. Монтеверди; Парма, 1628). Одним из последних конных балетов стал «Победитель кентавров, нимф и диких зверей» И. Г. Шмельцера, показанный в австрийском Шенбрунне в 1674 г.²

Кульминацией такого конного балета было сражение «аббатименто», по своей масштабности схожее с балетным дивертисментом. В «Балете четырех стихий» аббатименто состояло из сражения четырех дюжин всадников со свитой, «сначала один на один, затем по двое, по трое, а под конец сошлись вместе, угрожающе потрясая копиями, словно готовясь сбросить противников наземь, и громко звеня ими, когда сближались на расстояние длины древка... После всех этих упражнений, после того как были переломаны копыя, тесаки, секиры, пики, стрелы и щиты, кадрили смешались, заставляя танцевать коней в весьма приятной манере»³.

Конные представления такого типа, пышные и эффектные, задали направление развитию придворной культуры на столетия вперед.

Европейский опыт организации театрализованных придворных празднеств был хорошо известен в царствование Елизаветы

¹ Шапиро Б. Л. Смерть и свадьба — сестры, или Еще раз о военно-свадебной моде XVI века. С. 314.

² Красовская В. М. Западноевропейский балетный театр: очерки истории: от истоков до середины XVIII века. М., 1979. С. 155; *Ménestrier C.-F. Des ballets anciens et modernes selon les règles du théâtre*. Paris, 1682. P. 240; *Supicic I. Music in Society: A Guide to the Sociology of Music*. New York, 1988. С. 87.

³ Красовская В. М. Западноевропейский балетный театр... С. 155.

Петровны, так как церемониалы в качестве образцовых выписывались из Парижа и Дрездена¹.

Первое конное представление в России было показано 22 апреля 1742 г., в полдень, в ходе специальной церемонии объявления манифеста о предстоящей спустя три дня коронации императрицы. Местом был избран двор «пред покои» Елизаветы Петровны в московском Доме на Яузе — «новом» Анненгофе, выстроенном к коронации взамен сгоревшего деревянного дворца Анны Иоанновны².

Сюда была доставлена команда в составе придворного камергера и московского генерал-губернатора А. Б. Бутурлина и прибывших из Санкт-Петербурга обер-церемониймейстеров коронации генерал-майора князя П. Б. Черкасского и действительного статского советника Ф. А. Лопухина, двух герольдмейстеров и четырех церемониймейстеров. Команду сопровождал оркестр³ из дюжины трубачей и двух литаврщиков верхами⁴. Литавренный бой, по мнению современников, «весьма приличествует паче до верховой езды», т. е. был важной деталью конного строя⁵. Говорили, что «для конных балетов используют трубы, поскольку лошади любят воинственные звуки»⁶, но на деле «бедный на первый взгляд состав кавалерийских

¹ Манкевич И. А. Праздники в стиле барокко: «веселящийся» Петербург в эпоху императрицы Елизаветы Петровны // Вестник СПбГУКИ. 2004. № 1. С. 67.

² Агеева О. Г. Европеизация русского двора. 1700–1796 гг. М., 2006. С. 160–161.

³ Стоит отметить особо тесную для России связь театрализованной культуры с военной. Именно военные, а не театральные оркестры чаще всего сопровождали придворные и городские увеселения. Не в последнюю очередь это произошло потому, что военные оркестры уже в правление Анны Иоанновны получили широкое развитие и имели более чем приемлемый уровень исполнения. Особым качеством отличались гвардейские оркестры, прежде всего оркестр Конной гвардии. См. полемику, развернувшуюся на страницах журнала «Военная быль»: Волошин И. Ф. Русские военные оркестры // Военная быль. 1962. № 56. С. 37–40; Гринев Г. М. Еще о русских военных оркестрах и маршах // Там же. 1963. № 58. С. 44–45; Скрыбин А. А. К статье П. Волошина «русские военные оркестры» // Там же. 1963. № 59. С. 43–45, и др.

⁴ 1 литаврщик, 1 ученик литаврщика, 6 придворных и 6 гвардейских трубачей. См.: Анненков И. В. История Лейб-гвардии Конного полка. Ч. 1. СПб., 1849. С. 13–14.

⁵ Лузанов П. Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Т. 1. Период графа Миниха (с 1732 по 1741). СПб., 1907. С. 9.

⁶ Ракова А. Л. «Le miroir héroïque de la Noblesse». С. 111.

оркестров... был обусловлен тем, что музыканты-кавалеристы должны были в строю в левой руке держать конские поводья, а в правой — инструмент и в таком положении играть»¹.

Для участия в церемонии также прибыл Лейб-гвардии Конный полк в составе восьми офицеров и сотни рейтаров с унтер-офицерами и капралами² — краса и гордость русской армии. Гвардейцы своим присутствием должны были способствовать увеличению блеска императорского Дома.

Конному представлению предшествовало шествие его участников к месту проведения. В контексте праздничной культуры барокко уличное шествие можно и нужно рассматривать как значимую часть зрелища, когда каждому типу праздника соответствовали особые компоненты: движение, звук и цвет³. Порядок торжественного шествия участников конного балета описан при их следовании от Анненгофа по Мясницкой улице к Ивановской площади Кремля. Здесь, на площади перед Спасской башней, было сделано еще одно объявление о коронации, сопровождаемое конным представлением. Часть всадников демонстрировала фигуры *Haute École* (левады, баллотады, лансады и каприоли) и аллюры, которые менялись синхронно в зависимости от мелодии. Музыка подчеркивала «искусство перемещающихся группировок, игры линий и фигур»⁴. Другая группа, с поднятыми палашами, демонстрировала движение в шеренгах, сомкнутых «на хвост», т.е. также на минимальной дистанции. Этот ключевой момент изображен на гравюре Г.А. Качалова («Церемония публикации перед коронацией» из коронационного альбома Елизаветы Петровны⁵).

¹ Юркевич Е.И. Военный Петербург эпохи Павла I. М., 2007. С. 148–149.

² Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования ея августейшего императорского величества всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть в шествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб., 1744. С. 27.

³ Келлер Е.Э. Праздничная культура Петербурга. Очерки истории. СПб., 2001. С. 55, 154.

⁴ Добровольская Г.Н. Танец, пантомима, балет. Л., 1975. С. 8.

⁵ Обстоятельное описание торжественных порядков... Ил. № 175. Также см.: Качалов Г.А. Церемония публикации перед коронацией. 1744. По рисунку И. Я. Шумахера. Офорт. ГТГ. Конные представления в Московском Кремле возобновлены с 2004 г. в виде еженедельного (в теплое время года) церемониального развода

«Сия команда от дома Ее Императорского Величества по улицам следовала нижеписанным порядком, — сообщал очевидец, —

1) заводные лошади корнетных две, подпоручицких две, поручицких две, ротмистерских четыре, итого десять.

2) церемониймейстерских четыре, герольдмейстерских две, обер-церемониймейстерских четыре, генерала кригс-комиссара две; итого двенадцать лошадей, все пребогато убраны и накрыты пребогатыми попонами, а при всех оных конюхи были в богатых ливреях.

3) один ротмистр [Репнин], а за ним один корнет [Колычев]. Двенадцать человек рейтар по три рядом. За ними один вахмистр. Двенадцать человек рейтар. Один унтер-офицер. Один подпоручик [князь Голицын]. Штандарт, везенный от корнета. Двенадцать человек рейтар. Один унтер-офицер. Двенадцать человек рейтар. Два унтер-офицера рядом. Один поручик [фон Бринк].

4) двенадцать трубачей по три рядом. Два литавщика, оба рядом.

5) четыре церемониймейстера по два рядом.

6) два герольдмейстера рядом.

7) два обер-церемониймейстера рядом.

8) генерал кригс-комиссар и за ним

9) секретари [которые читали публикацию] оба рядом. Потом

10) один поручик [Конной гвардии Алымов]. Двенадцать человек рейтар. Один унтер-офицер. Двенадцать человек рейтар. Один поручик [Конной гвардии подпоручик Давыдов]. Паки штандарт везен от корнета. За ним двенадцать человек рейтар. Один унтер-офицер. Шестнадцать человек рейтар, которые все как и первые, следовали по три рядом, а в последней шеренге четверо рядом. Один корнет [Черкасский]. Марш заключал 1 ротмистр [секунд-ротмистр Салтыков]»¹. Конная гвардия шла церемониальным шагом с обнаженными палашами².

конного караула; церемониал проходит на Соборной площади — западной части Ивановской площади. См.: Церемониальный развод конных и пеших караулов Президентского полка ФСО России [Электронный ресурс]. URL: http://www.fso.gov.ru/struktura/p7_1.html (дата обращения 15.01.2019).

¹ Анненков И. В. История Лейб-гвардии Конного полка. Ч. 1. С. 13–14; Обстоятельное описание торжественных порядков... С. 27–29.

² Анненков И. В. История Лейб-гвардии Конного полка. Ч. 1. С. 86; Обстоятельное описание торжественных порядков... Ил. № 175.

После объявления манифеста на Ивановской площади участники церемонии, разделяясь на две группы, разъехались по Москве для объявления в слободах.

Все действующие лица были в парадных мундирах и ливреях, а их лошади убраны в богатые попоны с вензелями императрицы (у офицеров такие «вензеловые имена» были выложены из золотого шнура по красному бархагу, у рейтар — из желтого шерстяного шнура по красному сукну). Кроме того, офицерские лошади имели золотые уздечки, пряжки и бляхи сбруи; в их гривы были вплетены богатые золотые шнуры с кистями¹. У заводных лошадей парадные попоны были из василькового сукна, окаймленные золотым галуном, с богато вышитыми на углах Императорскими вензелями, а посередине двуглавым орлом. У капралов, унтер-офицеров и офицеров медный прибор на оружейных и амуниционных вещах был вызолочен; у офицеров португеи были покрыты красным бархатом с обшивкой из золотого галуна.

Парадные кафтаны гвардейцев были длинные, красные, с воротником, обшлагами и подбоям васильковыми; камзол и штаны красные; галстук белый; тупоносые сапоги с штибель-манжетами, раструбами и шпорами; перчатки с обшлагами; шляпа с золотым галуном, с двумя золотыми кистями и белым бантом. Капралы отличались позолотой пуговиц; офицеры — нашивкой из золотого галуна на кафтане и камзоле, золотого галуна с бахромой на обшлагах перчаток, белым плюмажем на шляпах, золотым шарфом-кушаком и позолотой серебряных шпор.

Особо выделялись богато расшитая золотым галуном придворная ливрея музыкантов и серебряные литагры в расшитых золотом и украшенными золотыми кистями завесах². Украшением действия служили и сами дворцовые лошади; известно, что на придворной конюшне в правление Елизаветы Петровны стояло 1200 лошадей³ самых разных мастей и отмастков — соловые,

¹ Гривы заплетались кистями и лентами, уши и щеки стриглись. В павловское время требования к образцовому содержанию лошадей усложнились: дополнительно стриглись ноги, заплетались не только гривы, но и хвосты, а мундштуки полировались. См.: *Иванов П. А.* Обзорные составы и устройства регулярной русской кавалерии. СПб., 1864. С. 50, 149.

² *Антонов И. В.* История Лейб-гвардии Конного полка. Ч. 1. С. 72; *Пушкарев И. И.* История Императорской российской гвардии. Ч. 1. С. 220–225.

³ *Вейдемейер А. И.* Царствование Елизаветы Петровны. Ч. 2. СПб., 1834. С. 122.

буланные, розовые, чубарые, пегие, моренкопфы (чалые с черными головами), изабелловые и т.д., пышные гривы и хвосты которых в эстетике барокко ценились больше, чем все другие их достоинства¹. Лошади трубачей, которых выбирали из придворных цуговых, с 1737 г. традиционно были серыми.

Стоит учесть, что хорошо известный отбор в полки по шерстям (т.е. по мастям), введенный при Анне Иоанновне, в те годы был временно отменен. В марте 1741 г., уже в правление Ивана VI, был отдан следующий приказ: «хотя в прошлых годах по определению бывших Штапов Л[ейб]-Гв[ардии] в Конном полку, штаб и обер-офицерам велено было, дабы собственные свои верховые парадные лошади, были бы шерстями вороные и карие, или за неимением таких шерстей — гнедые; а ныне, по штабному рассмотрению... велено вышеписанным чинам заводных парадных лошадей, кроме тех, на которых сами будут, иметь разных шерстей, токмо бы были всеконечно добрые, хорошие и достаточные; а не так как прежде сего в парадах рассмотрено, и при смотрах бывали, под богатыми попонами худые лошади»². Но все же в эти и в последующие годы в Конной гвардии преимущество отдавалось лошадям чистой вороной масти, а при невозможности иметь в полку лошадей одной масти они подбирались по мастям в шеренги³.

И люди, и лошади Конной гвардии были привычны к парадам. Требования к выучке лошади в это время были довольно высоки: «надо, чтобы все лошади были хорошо выезжены, а всадники ловки и умелы, так как очень сложно соблюсти в точности схему езды и вести всех лошадей на одном движении и в одинаковой каденции», — утверждал мэтр *Haute École* Ф. Гериньер⁴. Безупречное подчинение лошади достигалось не иначе, как через ежедневную скрупулезную манежную работу, и тяжелая гвардия «упражнялась воинскими ученьями почти

¹ Так, более всех прочих ценился вороной жеребец Гарди: его главным достоинством был «хвост длиной в 7 аршин, который вкладывался в кошель». Гарди родился в 1766 г. в Хорошевском заводе. См.: Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. С. 16 (Рис. 9 и 10).

² Анненков И. В. История Лейб-гвардии Конного полка. Ч. 1. С. 71–72.

³ Егоров В. И. Кавалергарды и конные команды Лейб-компаний. 1742 // Наш восемнадцатый век. С. 327.

⁴ Добровольская Г. Н. Тапец, палтомила, балет. С. 285.

ежедневно, с семи до девятого часа утра¹. Обучение проходило под началом высококлассных берейторов Кадетского корпуса. Главнейшей целью обучения всадников было получение ими прочного навыка «лошадей во власти своей иметь»².

Можно предположить, что в ходе «коронационного» конного балета, рейтарами демонстрировались, кроме манежных фигур *Haute École*, и упражнения (эволюции) из конной экзерциции, чьи геометрические построения легко могли быть трансформированы в фигуры «танца».

Известно, что 11 января 1742 г., вскоре по восшествии на престол, Елизавета Петровна опубликовала указ «О чинении в полках экзерциции как было при жизни Императора Петра Великого»³, недвусмысленно заявив о себе как о его «дщери». Для кавалерии этот указ означал возврат к петровскому Уставу 1716 г.

Могли ли всадники за три месяца, оставшиеся до начала коронационных торжеств, разучить новые движения по стандарту четвертьвековой давности? Более вероятно, что в ходе апрельских коронационных празднеств рейтарами демонстрировались твердо усвоенные ими фигуры и эволюции из переводной «прусской» конной экзерциции, введенной Минихом для тяжелой кавалерии в 1731 г., тем более что именно по ней велось обучение в Кадетском корпусе.

Согласно этой экзерциции, основным был строй, развернутый в три шеренги. Дистанция между шеренгами была в три шага; интервалов в шеренге не было, всадники сидели на лошадях сомкнутыми рядами «голень в голень». Построения сомкнутого строя в точности соответствовали общеевропейским требованиям. Они заключались в следующем:

1) повороты по четыре в два и в четыре оборота, налево и направо;

¹ Пушкирев И. И. История Императорской российской гвардии. Ч. 1. С. 233.

² Требовалось умение поддерживать сомкнутость на быстрых аллюрах и дружно с места брать карьер. Главным средством достигнуть совершенства в верховой езде устав рекомендовал полевые поездки. Верховая езда назначалась ежедневно, за исключением «разве когда прелесть морозы и метелицы случатся». См.: Масловский Д. Ф. Записки по истории... Т. 1. С. 236–237.

³ ИСЗРИ. Собрание первое. Т. 11. 1740–1743. СПб., 1830. С. 558.

2) сдваивание налево и направо (одна из рот в эскадроне осаживала назад, а затем примыканием становилась к роте, оставшейся на месте);

3) перестроение из трехшереножного строя в двухшереножный;

4) заезды поротно (в 20 рядов) и поэскадронно (в 40 рядов), в два и в четыре оборота;

5) движение вперед колонной по четыре;

6) контрмарш;

7) атака с обнаженными палашами, развернутым фронтом, малой рысцой¹.

Эти движения и легли в основу первого русского конного балета.

Конные эволюции отрабатывались под музыку еще со времен знаменитого берейтора из Феррары Ч. Фьяски, т. е. как минимум с середины XVI в.² Под звуки оркестра из гобоистов, флейтчиков и барабанщиков отрабатывали приемы и в Кадетском корпусе³. Кони, приученные к манежным движениям под звуки музыки, не противились и обучению балетным танцам, тем более что для сопровождения конного балета, как правило, выбирались мелодии «гордые и воинственные. Военный мотив предваряет выезд каждой квалдрильи, он взбадривает всадников, объявляет их появление, их въезд на площадь и их состязание»⁴.

На настоящий момент известны основные схемы движения в конном балете (это различные эволюции «в воздухе» и «на земле», определенные для дюжины или полудюжины всадников — пассажи, курбетты, каприоли, вольты и полувольты и т. п.⁵).

¹ Бацов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года войны. СПб., 1906. С. 50–52; Экзерциция конная в полку Его Императорского Высочества, 1731 г. // Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 1. Главный штаб. Образование (обучение) войск. СПб., 1903. С. 43–44.

² Fiaschi C. Trattato dell'imbrigliare, maneggiare, et ferrare cavalli. Bologna, 1556. P. 115–126.

³ Татаринов К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. 1732–1762. Обмундирование и снаряжение. М., 2009. С. 34.

⁴ Гериньер Ф. Р. Конная библия. Школа верховой езды. М., 2007. С. 276.

⁵ Ménestrier C.-F. Des ballets anciens et modernes selon les règles du théâtre. P. 191–195, 231–235.

Сохранилось описание одной из разновидностей конного балета под названием котильон, опубликованное мэтром Гериньером в его «Конной библии» (1733). «Надо расположить вдоль стен или вдоль двух барьеров манежа по четыре всадника с каждой стороны, на расстоянии примерно двенадцати шагов друг от друга, причем расстояние может быть больше или меньше в зависимости от величины манежа. Всадники располагаются напротив друг друга, так что одни будут двигаться налево, а другие направо. Еще трех всадников следует расположить на средней линии манежа: один занимает центр, а два других всадника отдаляются от среднего на равное расстояние. Эти одиннадцать всадников должны быть расставлены по трем линиям, а головы их лошадей должны при этом смотреть в один из концов манежа. Восемь всадников, распределенных по боковым линиям манежа, по четыре на каждую сторону, выполняют полувольту, постоянно меняя руку и оставаясь при этом на своем участке манежа. Из трех всадников, занимающих среднюю линию, тот, кто в центре, выполняет пируэты, а два крайних всадника ведут своих лошадей по вольтам: один налево, а другой направо. Все всадники должны одновременно начинать движение по сигналу распорядителя карусели и одновременно останавливаться, заканчивая репризу курбетами или другими фигурами, которые умеют исполнять их лошади»¹.

Такой танец называли одной из самых эффектных частей конного состязания-празднества, получившего название карусели. Одной из самых запоминающихся каруселей начала 1740-х гг. стала так называемая «Дамская карусель», состоявшаяся 2 января 1743 г. в честь вступления Марии-Терезии в освобожденную от французов Прагу. Австрийская эрцгерцогиня сама вела первую кадрили в Зимней школе верховой езды Хофбурга; празднество продолжилось на дворцовой площади². Австрия и Россия в елизаветинское правление были соединены союзом, а правительницы этих стран — тесной дружбой³, но карусели, эти столь

¹ Гериньер Ф. Р. Конная библия. С. 285–286.

² Isenbart H. H., Buhner E. M. The imperial horse: the saga of the Lipizzaners. New York, 1986. P. 22.

³ Вейдемейер А. И. Царствование Елизаветы Петровны. Ч. 2. С. 1–2.

популярные в Европе куртуазные развлечения, в России пока еще были в новинку¹.

Известно, что в двадцатилетие царствования Елизаветы Петровны официальные торжества представляли собой многодневные празднования и сопровождались триумфальными шествиями и военными парадами, дипломатическими приемами, куртагами, обедами, балами, маскарадами и аллегориями, фейерверками и иллюминациями, французской и итальянской оперой и музыкальными концертами, по подобию самых блестящих европейских дворов XVI и XVII вв. В этом обширном ряду аристократических забав конный балет был представлен весьма достойно; так, именно это зрелище открывало московские коронационные празднования 1742 г., которые продолжались «с разными радостными забавами» целую неделю².

Несмотря на то что впервые в России конный балет был показан в «старой» Москве, нет никакого сомнения, что во второй трети XVIII столетия культурные новшества попадали в древнюю столицу из Санкт-Петербурга — новоявленного русского «парадиза»³, созданного гением Великого Петра. Здесь, благодаря стремлению «веселой царицы Елисавет»⁴ утвердить себя не только «дщерью Петровой», но и российский двор — равней самым могущественным государствам Европы, аккумулировались актуальные западные культурные тенденции и уже с их учетом определялась российская культурная политика. При этом заимствованное, по замыслу императрицы, должно было органично сочетаться с национальными чертами, трансформировавшись под их воздействием.

¹ Первая отечественная карусель состоялась в Петербурге в июне 1766 г. в специальном амфитеатре около Зимнего дворца. Императрица вела первую карусель на пробном показе. См.: *Ганулич А. К.* Придворная карусель 1766 года и ее отражение в литературе и искусстве // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории». Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г. СПб., 1996. С. 234–237; *Ганулич А. К.* Рыцарские карусели в России // Коневодство и конный спорт. 1990. № 4. С. 35–37.

² Обстоятельное описание торжественных порядков... С. 94; *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Т. 1. С. 145.

³ *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Т. 1. С. 82.

⁴ *Толстой А. К.* История государства Российского от Гостомысла до Тимашева // Русская сатира XIX — начала XX ввек. М., 1960. С. 263.

Так была заимствована из Западной Европы идея конного балета как развлекательного действия, вполне отвечающая вкусам русского двора. В своем главном торжестве Елизавета Петровна предстала равной западным монархам¹. Но в России с ее особым восприятием ренессансной и барочной праздничной европейской культуры придворные торжества облекались в новые формы, зачастую получая новое содержание. Конный балет впервые за более чем полтора столетия своего бытования был помещен в пространство не театральной, а военно-придворной культуры. Здесь конные представления впервые получили столь ярко выраженный военно-прикладной характер, став основой нового церемониала, где они обозначали продолжение императрицей Елизаветой петровских культурных реформ, их обогащение и дальнейшее развитие России в контексте европеизации.

* * *

Таким образом, конные сюжеты и образы входили в число активно формирующих пространство российской культурной истории нового светского века, начало которому положили петровские реформы. Военная реформа и военно-придворная культура заняли одно из важнейших мест в этой системе². Визуальные коды милитаристского сценария не только максимально ясно очертили культурные контуры новой России, но и недвусмысленно обозначили ее принадлежность к «большому свету».

¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Т. 1. С. 127.

² Пенской В.В. Армия Российской империи в XVIII в.: выбор модели развития // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 119.

ГЛАВА 3. РУССКИЙ ВСАДНИК ПРИ ПРЕЕМНИКАХ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

2.3.1. «ОБУЧАЕТСЯ В ПОЗИТУРУ ИЗГЯДНО, ЕЗДИТ РЫСЬ И СКАЧЕТ»: ВОЕННО-ПРИДВОРНАЯ ЭЛИТА ПРИ МИНИХЕ

Известно, что гений Петра Великого дал России боеспособную регулярную кавалерию, уровень которой не только отвечал всем тактическим требованиям западноевропейского военного искусства конца XVII — начала XVIII в., но и превосходил их. Однако незавершенность реформ стала причиной того, что вопрос о подготовке кадров для кавалерии не только не был решен, но даже и не был поставлен. К концу петровского правления вопрос был более чем актуален: именно в это время существенно изменялась тактика ведения конного боя, что повлекло за собой изменения в системе подготовки дворянства к военной службе.

Главный идеолог классической школы верховой езды *Haute École* мэтр Ф. Гериньер, берейтор при дворе Людовика XIV и директор манежа в Тюильри, напрямую связывал манежное обучение с приемами современного огневого конного боя. «Военное искусство и искусство верховой езды должны взаимно дополнять друг друга, — утверждал Гериньер. — Пассаж... сообщает приподнятость и благородство движениям лошади, идущей в голове строя. Обучая лошадь боковым движениям, ее обучают четко держать строй как в голове, так и в середине эскадрона... [что] позволяет легко смыкать строй... С помощью вольтов заходят к противнику в спину. Пассады служат для внезапного разворота навстречу неприятелю и внезапной контратаки. Пируэты и полупируэты дают легкость быстрым разворотам в бою. Фигуры над землей не представляют,

с военной точки зрения, непосредственного интереса, но придают лошади легкость, в которой она нуждается, для преодоления различных канав и завалов на поле боя, что нужно для безопасности и спасения жизни всадника. Наконец, можно принять за аксиому тот факт, что успех большинства боевых действий зависит от слитности движений всего строя, слаженность которого идет исключительно от качества обучения» (раздел «О военных лошадях» учения Гериньера «Школа верховой езды», 1733)¹. Книга Гериньера дала не только понимание того, зачем военному необходимо уверенное владение лошадьё, но и каким именно образом оно достигается. Неудивительно, что эта книга, простая и понятная, сразу же после выхода в свет получила широкий ряд почитателей и статус «конной библии»; знали ее и в России.

Основные постулаты французской школы оформились еще во времена Людовика XII и были отмечены в трактате «Природа и достоинство лошадей» (1499–1515)². В это же время складывалась и другая европейская школа — итальянская: в ее основе лежало искусство неаполитанских берейторов, выученных на византийском примере. Они обучали дворян, желающих служить в кавалерии, реализуя право и обязанность аристократии воевать в седле. Основы учения были изложены первым мастером неаполитанской школы Ф. Гризоне в бестселлере «Правила верховой езды» (1551)³: он обращается к наследию Ксенофонта, к той его части, что была написана к сыну Гриллу, служившему в афинской коннице⁴. Здесь же была сделана попытка применить достижения античного искусства верховой езды к популярным в XVI столетии массивным, но быстрым неаполитанским лошадям. Этот труд открыл целую волну ипполитературы: так, П. Караккиоло пишет свою «Славу лошади» (1566)⁵, как и многие другие, именно под влиянием Гризоне.

¹ Гериньер Ф. Р. Конная библия. С. 251.

² «De la nature et vertu des chevaux». См.: The museum of the horse. Domaine de Chantilly. Munich; London; New York, 2013. P. 12–13.

³ В четырех книгах. См.: Grisoni F. Gli ordini di cavalcare. Venetia, 1551.

⁴ Денисон Дж. История конницы. Т. 1. С. 37.

⁵ Королькова Е. Ф. «Скачущие сквозь века...» // «Полцарства за коня...» С. 40; Caracciolo P. La gloria del cavallo. Venezia, 1566.

Параллельно с Гризоне теорию верховой езды разрабатывал его современник Ч. Фьяски в своем «Трактате о взнуздывании и манежной езде» (1556)¹. Фьяски принадлежал к феррарской школе — известному центру рыцарской культуры.

Идеи Гризоне были продолжены его учеником Дж. Пиньятелли; именно он свел воедино разрозненные приемы византийской, итальянской и французской школ². В качестве прогрессивного метода обучения снова названа манежная езда, а античные традиции пересмотрены применительно к современному военному искусству. «Что бы ни говорил Хрисанф у Ксенофонта, — писал М. Монтень в главе «О боевых конях» своих «Опытов» (1580), — вы всегда связываете доблесть свою и судьбу с судьбою и доблестью вашего коня; его ранение или смерть влекут за собой и вашу гибель, его испуг или его ярость делают вас трусом или храбрецом; если он плохо слушается узды или шпор, вам приходится отвечать за это своей честью»³.

В свою очередь, достижения учеников Пиньятелли, прежде всего А. де Плювинеля⁴, наставника молодого Людовика XIII и С. де ла Бру легли в основу *Haute École* — Высшей школы верховой езды. Идеи, позволившие вывести эту школу в число ведущих, были опубликованы в прекрасно иллюстрированных сочинениях Плювинеля «Королевский манеж» (1623)⁵ и «Наставление королю в искусстве верховой езды» (1625)⁶ и в трактатах де ла Бру «Французская верховая езда» (1593 и 1608)⁷.

Достижения итальянского и французского военного искусства были осмыслены в трактате современника Плювинеля П. де ла Ну «Французская и итальянская кавалерия или

¹ Fiaschi C. Trattato dell'imbrigliare, maneggiare, et ferrare cavalli. Bologna, 1556.

² Santagata S. La vita di Giambattista Pignatelli, Principe di Marsico Nuovo. Napoli, 1751.

³ Монтень М. Опыты. Кн. 1 и 2. М., 1979. С. 258–259.

⁴ По словам ипполога А. Г. Невзорова: «Величайшего из классиков *Haute École*, отца и основателя этой Школы мессира гранд-мастера Антуана де ля Бом де Плювинеля <...> [который] научил больше людей и лошадей, чем все остальные за последние сто лет». См.: Плювинель А. Наставление королю в искусстве верховой езды / пер. и комм. А. Г. Невзорова. М.; СПб., 2008. С. 6, 27.

⁵ Pluvinel A. Maneige royal. Paris, 1623.

⁶ Pluvinel A. L'Instruction Du Roy en l'exercice de monter à cheval. Paris, 1625.

⁷ Broue S. Le Cavalerie François. Paris, 1602; Broue S. Second livre des préceptes du Cavalerie francois. Paris, 1608.

искусство выездки лошадей по заветам этих двух наций» (1620)¹. Сравнение проводилось в контексте подготовки не столько нобиля, сколько военного. С этого времени связь искусства верховой езды и военного искусства становится еще более тесной.

В 1728 г. Гериньером-старшим была основана военная кавалерийская школа в Кане, слава которой вышла далеко за пределы Франции: в условиях почти непрерывных войн в Европе второй трети XVIII в. она явно выигрывала у аристократической анжерской академии². В списках студентов-иностранцев (ирландцев, шотландцев, швейцарцев, немцев, датчан, голландцев, неаполитанцев, фламандцев, богемцев, поляков, американцев и т.д.) встречаются и русские фамилии³. Но не только французский опыт стал той основой, из которой выросла отечественная кавалерийская школа.

Еще одна школа, основанная на итальянском наследии, была сформирована австро-испанскими Габсбургами с центром в Венском Хофбурге — зимней и основной резиденции двора. Здесь обучение велось на испанских (андалузских) лошадях, лучшими из всех европейских. Мода на неаполитанских лошадей и неаполитанских мастеров уходила в прошлое, вместе с переходом Неаполитанского королевства к испанской короне. В 1570 г. открылись Королевские конюшни и манеж в Кордове, в 1572 г. — первая Высшая школа верховой езды — Испанская школа верховой езды в Вене.

К концу первой трети XVIII в. венская школа приобрела настолько большое значение, что для ее расширения был перестроен дворец Хофбург. Главным результатом преобразования и гордостью дворца стал Испанский манеж, или Зимняя школа, а в ней — так называемый «Белый зал»: полный света просторный партер, окруженный высоко поднятой галереей с местами для зрителей. Украшением манежа служил выгравированный девиз: «По приказу императора Карла VI Школа

¹ *Noue P. La Cavalerie Française et Italienne ou l'Art de Bien Dresser Les Chevaux Selon les Préceptes des Deux Nations.* Lyon, 1620 (Рис. 11–13).

² *Doucet C. Les académies d'art équestre dans la France d'Ancien régime.* Paris, 2007. P. 40–41, 51, 190.

³ *Doucet C. Les académies équestres et l'éducation de la noblesse (XVIe–XVIIIe siècle) // Revue historique.* 2003/4. № 628. P. 820, 831.

обучает молодых дворян и лошадей искусству верховой езды и военному искусству»¹.

Австрийское военное искусство в это время было образцовым для молодой Российской империи. Еще в последние годы жизни Петр I применял австрийский опыт при реорганизации своей кавалерии. Австрийский образец лежал в основе конной экзерциции для Украинского корпуса М. Голицына от 1723 г.; был тщательно изучен боевой порядок австрийского войска².

Замыслы Петра были продолжены его преемниками. Под влиянием Б. К. Миниха³ в царствование Екатерины I было предписано вести обучение русской кавалерии по австрийскому образцу⁴.

Новые грандиозные задачи ставятся в царствование Анны Иоанновны и решаются при ее деятельном участии. Императрица стремилась создать двор, не уступающий в пышности и великолепии европейским. Согласно замыслам, одновременно с перестройкой Зимнего дворца (по австрийскому примеру) «на [Дворцовом] лугу против Зимняго дому»⁵ гранд-мастер русского барокко обер-архитектор Б.-Ф. Растрелли воздвиг огромный манеж, роскошно убранный снаружи и внутри (1732). Это был «очень красивый манеж, — сообщал английский дипломат Ф. Дэшвуд, — я думаю, [он] является самой прекрасной достопримечательностью Петербурга»⁶. Конюшенный штат состоял из 393 служителей и 379 лошадей, содержание которых обходилось казне в 58 000 рублей ежегодно⁷. Одних только седел хранилось 212 штук.

¹ «Diese Kaiserliche Reitschule wurde zum Unterricht und zur Übung der adeligen Jugend wie auch der Ausbildung der Pferde für Kunstritt und Krieg auf Befehl Kaiser Karl VI». См.: *Sellés-Ferrando X. Spanisches Österreich*. Wien, 2004. P. 55.

² Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века. Т. 1. С. 92.

³ На русской службе с 22 мая 1721 г. См.: Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874. С. 209–210.

⁴ *Витт Л. В.* Конница: Вооружение и владение оружием. С. 25.

⁵ *Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. С. 188.

⁶ *Дэшвуд Ф.* Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // *Беснятых Ю. И.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 57.

⁷ *Шубинский С. Н.* Придворный и домашний быт императрицы Анны Ивановны. С. 171.

При участии увлеченного лошадыми Э.И. Бирона в манеже с 6 ноября 1732 г. была открыта «Конская школа» — первая в России школа верховой езды. Спустя неделю Анна Иоанновна, разделявшая увлечения своего фаворита, посетила «построенный для конной езды дом», наблюдала там за конными экзерцициями, и «искусство ездящих и изрядные лошади возбудили у Ея Императорского Величества великое удовольствие»¹. С подачи Бирона императрица полюбила верховую езду и к 1733 г., несмотря на свои сорок лет и полноту, выучилась ездить верхом, так что «могла по-дамски с одной стороны на лошади сидеть и летом по саду в Петергофе проезжаться»².

Все в том же ноябре 1733 г. Анна Иоанновна осматривала конюшни кирасирского полка Миниха, только что выстроенные у Литейного двора, и пять сотен лошадей, закупленных в Германии специально для тяжелой кавалерии³. Не менее охотно она наблюдала за военными смотрами, в программу которых были включены конные упражнения: «пополудни на лугу против Летнего дому имелась экзерциция Лейб-гвардии Конного полку при присутствии Ее императорского величества», — свидетельствуют записи в Журнале Придворной канторы от 25 июня и 4 октября 1734 г.⁴

В декабре 1732 г. Анна Иоанновна присутствовала на первом смотре сборной роты нового Кадетского корпуса. Смотр, приуроченный ко дню рождения племянницы императрицы принцессы Анны, проходил в том самом манеже. Результаты смотра порадовали императрицу: в знак высочайшего расположения Корпусу было объявлено: «сей такой корпус есть, из которого Ее Величеству впредь свою армию искусными офицерами наполнить можно будет»⁵ и пожаловано белое атласное знамя с российским гербом и императорским вензелем. Вторично

¹ Цит. по: Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М., 2002. С. 109, 136.

² Миних Э. Записки. С. 164.

³ Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города. 1703–1782. СПб., 1884. С. 274, 277.

⁴ Журнал Придворной канторы 1734 года на знатные при дворе Ее Императорского Величества оказы. СПб., [б.д.]. С. 4, 9.

⁵ Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города. С. 278. Знамя к древку прикрепляли трое: Анна Иоанновна вбила первый гвоздь, второй — именинница, третий — Генерал-директор Корпуса Миних.

императрица бывала на смотре кадетов в 1737 г. и снова осталась довольна их «великой исправностью в учении»¹.

Решение об открытии Кадетского корпуса принималось на волне постепенного смещения внимания русского двора с австрийского на немецкий, прежде всего на прусский военный опыт и опыт создания кадетских школ как кузницы кадров для монархии². Первой европейской кадетской школой была «Рыцарская академия» в прусском Кольберге, открытая в 1653 г. для подготовки дворянских детей к воинской службе. С 1682 г. во Франции были созданы особые кадетские роты, чтобы изолировать будущих офицеров от солдатского общества³. В дворянских академиях XVII–XVIII вв., в том числе и в кадетских, была распространена именно «рыцарская» модель образования. Известная школа в Сорё на острове Зеланд (Дания) функционировала как элитарная рыцарская академия. Основу подготовки составляла триада «танец — фехтование — верховая езда». Преподавались и другие военные (фортификация, черчение, рисунок, картография) и классические науки (история, география, право, языки). При этом каждая из школ имела специфику: лионская академия специализировалась на модной новинке — ипповетеринарии; стены академии были покрыты фресками с изображениями лошадей, в том числе и анатомическими, чтобы передать ученикам понятие о красоте лошади, ее идеальных пропорциях и строении⁴.

С начала XVIII в. центры подготовки военной элиты перемещаются из дворянских классических академий в профильные

¹ Данченко В. Г., Калашиников Г. В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М., 2007. С. 42.

² Обращением к немецкой военной культуре отмечено начало правления царя Алексея Михайловича: первой переводной на русский язык военной книгой стало «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (оригинал с названием «Kriegskunst zu Fuss» от 1615 г., перевод в 1647 г.) И. Я. фон Вальхаузен, директора старейшей в Европе военной школы в Зигене (Вестфалия). В 1616 г. Вальхаузен издал вторую часть «Учения» под названием «Искусство воевать верхом» («Kriegskunst zu Pferd»). См.: Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647 год. СПб., 1904; Wallhausen J. J. Kriegskunst zu Pferd. Graz, 1971.

³ Стараниями военного министра Людовика XIV Ф.-М. Летелье. См.: Айрапетов О. Р. Забытая карьера Русского Мольте. Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 33.

⁴ Doucet C. Les académies équestres et l'éducation de la noblesse (XVIe — XVIIIe siècle). P. 830.

военные школы. В 1713 г. закрылась берлинская Королевская академия, где обучались представители высшего дворянства и наследные принцы¹. Академия в Кольберге также преобразована согласно новым идеям: с 1703 г. она открылась под названием кадетской школы. Эта школа, как и две другие, организованные курфюрстом (в Брауншвейге и в Бранденбурге), в 1716–1717 гг. были сведены воедино в Королевский прусский кадетский корпус на 110 человек; в корпус вошли и полковые кадеты — дети дворян-кальвинистов. Королевский корпус разместился по месту пребывания двора в Берлине. Учебный курс был ориентирован на классическое «рыцарское» образование. По берлинскому примеру были реформированы уже существующие кадетские школы в Магдебурге (1709) и Дрездене (1725)².

Берлинский опыт активно использовался при создании Петербургского кадетского корпуса. Другим примером послужил кадетский корпус Копенгагена — еще одного признанного центра военного образования³. У истоков создания Корпуса стояли президент Военной коллегии Б. К. Миних и дипломат П. И. Ягужинский, выполнявший государственные поручения в Берлине, Копенгагене и Вене, осведомленный о состоянии военного образования в Европе⁴. Практическая реализация возлагалась на Миниха; в помощь ему были откомандированы два офицера берлинского корпуса.

Открытие Корпуса под названием «Рыцарской академии» состоялось 17 февраля 1732 г. «Хотя... Государь Петр Великий, император, неусыпными своими трудами воинское дело в такое уже совершенное состояние привел, что оружие Российское действия свои всему свету храбростью и искусством показало... однакож... весьма нужно, дабы шляхетство от молодых лет к тому в теории обучены, а потом и в практику годны были; того ради указали Мы: учредить Корпус Кадетов, состоящий

¹ Федюкин И. И., Лавринович М. Б. Сухопутный Кадетский корпус... С. 232.

² Дрезденский кадетский корпус посещал Петр I во время Великого посольства в 1698 г.

³ Данченко В. Г., Калашников Г. В. Кадетский корпус. С. 13–14, 35, 47; Федюкин И. И., Лавринович М. Б. Сухопутный Кадетский корпус... С. 232.

⁴ Петрухинцев Н. Н. Становление Кадетского корпуса при Анне Иоанновне 1731–1740 гг. // Труды ГЭ. Т. 37: Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: к 275-летию основания. СПб., 2007. С. 134.

из... шляхетских детей, от 13 до 18 лет... которых обучать Арифметике, Геометрии, Рисованию, Фортификации, Артиллерии, шпажному действию, на лошадях ездить и прочим к воинскому искусству потребным наукам», — гласил императорский указ¹. «Всякие молодому человеку пристойные экзерциции яко рисование, танцование, на шпагах биться, на лошадях ездить, вольтижирование, солдатские экзерциции и прочая, чрез всех классов, как кто к чему диспозицию, склонность и охоту имеет, кадетам чрез искусных мастеров показываются», — сообщал Устав корпуса, утвержденный 18 ноября 1731 г.²

Целевой аудиторией предполагались титулованные недоросли. Первым в корпус поступил сын сенатора А. В. Новосильцев (зачислен с 17 февраля 1732 г.³). Среди детей самых почтенных фамилий в первом наборе находилась и назначенная императрицей дюжина праздных пажей ее младшей сестры Прасковьи Иоанновны и первой супруги Петра I царицы Евдокии Федоровны (обе умерли в конце 1731 г.). Число желающих поступить в корпус оказалось столь велико, что штат был увеличен с планируемых 200 до 282, а затем и до 360 человек. Среди кадетов первого набора числилось 223 человека из российских дворян, 27 эстляндских, 16 лифляндских и 16 детей офицеров иностранцев на русской службе⁴. Обучение было доступно и для великовозрастных: несмотря на указ, возраст значительной части кадетов первых наборов на момент поступления превышал 20 лет. Это вполне согласовывалось с европейскими тенденциями⁵.

За благородством происхождения учащихся следили более строго: «понеже в кадетской корпус желающих кадетов определено более трехсот человек, а все ль оные из шляхетства... (хотя оные сами о себе то и объявили) подлинно неизвестно, того ради... извольте о том рассмотреть накрепко — все ли оные из шляхетства», — указывал Миних⁶.

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 8. 1728–1732. СПб., 1830. С. 519.

² Там же. С. 558.

³ Лузанов И. Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Т. 1. С. 110.

⁴ Там же. С. 5, 15–16, 30–31.

⁵ Doucet C. Les académies équestres... Р. 333.

⁶ Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус... С. 40.

Под размещение корпуса передали бывший дворец Меншикова на Васильевском острове. Учебную программу составили по примеру рыцарских академий; она представляла классическое для элитарного военного образования начала XVIII в. сочетание гуманитарных и специальных дисциплин, дополненных геральдикой и генеалогией. Особую группу составляли «шляхетские искусства» — фехтование, танцы и верховая езда.

Для занятий верховой ездой отводились часть дворцового парка и расположенные между дворцом и зданием Двенадцати коллегий казенные каменные конюшни, строительство которых было начато при Петре II. «Извольте приказать для обучения кадетов на немецких лошадях близ кадетского дому, в пристойном месте сделать рейтбан немедленно... И сделать чертеж, каким образом имеет рейтгауз построен быть», — распоряжался Миних в мае 1732 г.¹ Отсутствие экзерциргауза — крытого теплого помещения для занятий в непогоду — вынуждало идти на хитрости: «берейтору обучать кадетов верховой езде в неделю по 4 дня: понедельник, вторник, четверток, пятницу. А ежели в те дни обучать за дождем будет невозможно, то вместо тех дней обучать по средам и по субботам, дабы всегда в неделю четыре дня были на рейтбане», — гласил приказ по корпусу от 19 июля 1732 г.² Собственный манеж (рейтгаузманеж) при корпусе был выстроен только в 1734 г.³

Распорядок дня был выстроен по берлинскому образцу⁴. Строевые занятия, или воинская экзерциция, относились к основным, обязательным для всех учащихся дисциплинам: ими занимались летом ежедневно, зимой — 4 раза в неделю. Только в 1737 г. был издан указ об «обучении кадетов воинской экзерциции один день в неделю, дабы не отвлекать их от прочих

¹ Там же. С. 39.

² Там же. С. 42.

³ Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. С. 188.

⁴ Петрухинцев Н. Н. Становление Кадетского корпуса при Анне Иоанновне 1731–1740 гг. С. 134. Кадеты вставали в 4:45, в 5:30 молились и завтракали, в 6 утра уходили в классы, от 10 ч. до полудня занимались строем, после чего обедали. Вторая половина дня была похожа на первую: с 14 до 16 ч. снова занимались в классах, после чего два часа вновь занимались строем. В 19:30 ужинали, в 21 ч. играли «отбой». См.: Антонов А. Н. Первый Кадетский корпус: краткие исторические сведения. СПб., 1906. С. 3.

наук... ежели бы которые вновь определены были, или определяемы будут и воинской экзерциции не обучились и не довольно знают, таких особливо позволяется обучать по 2 дни в неделе покамест обучатся»¹. Занятия верховой ездой поначалу не были обязательными; так, в первом наборе их посещало только по 4 человека из роты, то есть всего 12, а затем 24 человека.

Реформы начались в конце 1733 г., когда Миних создал отдельную рейтарскую конную роту из 16 кадетов: «кроме школьной езды военным конным экзерцициям совершенно обучаться, и тогда сочинять рейтарскую роту... а лошадей разобрать шерстями по шеренгам»². Роту возглавил прусский капитан К. де Бодан³. Впоследствии численность рейтар возросла до 90 человек. Размеры прежнего каменного манежа были недостаточными, и занятия проводились в новом большом деревянном манеже.

Преподавателями «лошадиного учения» были иностранцы: берейтор вице-адмирала Ф.А. Головина К.Ф. фон Фробен в должности обер-берейтора, берейтор Людвиг, шталмейстер фон Траубниц и А.Я. Генгейн, который обучал вольтижировке. При учении также состояли конюшенный писарь, лошадиный кузнец, его помощник и два ученика, шпормахер для изготовления и починки «мундштуков, тренцов и прочего, что в ежедневной школе при лошадях сломается»⁴, его помощник и 2 ученика, 8 пикерных и 20 обыкновенных конюхов. С начала 1733 г. были введены практические занятия по уходу за лошадьми на конюшне, куда ежедневно командировались по 2 кадета.

Можно предположить, что в основе «конской экзерциции» лежала введенная Минихом в 1731 г. для тяжелой кавалерии переводная прусская «Экзерциция конная», или «Кирасирская». Основой подготовки выступала строгая муштровка, педантичное исполнение уставных пунктов. Вместо действия холодным оружием узаконивалась «ружистика». Работа с лошадью ограничивалась приучением к выстрелам и к виду конного строя

¹ ПСЭРИ. Собрание первое. Т. 10. 1737–1739. СПб., 1830. С. 256–257.

² Лузанов И.Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Т. 1. С. 55.

³ Именной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетском корпусе штаб-обер-офицерам и кадетам. Ч. 1. СПб., 1761. С. IV.

⁴ Татарников К.В., Юркевич Е.И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус... С. 5.

противника. Аллюры выше рыси не употреблялись. Важной деталью был литавренный бой как ориентир темпа. Нововведения в точности соответствовали общеевропейским тенденциям ведения конного боя и обучения ему.

Для конной экзерциции в корпусе имелось 60 верховых лошадей (по другим данным — 12¹). «Извольте... иметь старание о покупке на Кадетский корпус лошадей, также седел и прочего, что подлежит при школе лошадиной езды быть», — указывал Миних подчиненному ему И. Л. Люберасу в мае 1732 г.²

Проблема с конским составом стояла очень остро: петровские войны поглощали почти все племенные ресурсы, и в 1720–1730-х гг. «качественная лошадь... была важнейшим элементом тогдашних вооруженных сил, но явно была в дефиците в России»³. Первоначально для кадетских экзерциций были назначены «от шталмейстера [Траубница] такие лошади, которые весьма быть не надобны за упорством или упрямством и неповоротливые, а некоторые весьма бешеные и норовистые, что ни по которому образцу в шеренге не удержать и в поворотах поворотить не можно, отчего и другим замешательство делается, — докладывал капитан Вартенберг, — того ради оных надлежит... обер-офицерам, которые при той роте учреждены, чтобы лошади даваны были лучшие и поворотливые, дабы в показании кадетам лучше ускорить в чем можно было»⁴.

Обучение в придворном манеже проводилось на личных лошадях Бирона, который имел завидную личную конюшню: в ней стояли «семьдесят прекрасных лошадей, по несколько из всех стран»⁵. Бирон же поспособствовал в доставке подходящих для кадетов немецких лошадей.

¹ Федюкин И. И., Лавринович М. Б. Сухопутный Кадетский корпус... С. 246.

² Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус... С. 39.

³ Крючков Н. Н. В фавор — через конюшни. Артемий Волынский на придворной службе // Родина. 2009. № 2. С. 81. Одно из обвинений, предъявленных Волынскому, заключалось «в произвольном изменении требований к приему лошадей: разница между кирасирскими и драгунскими лошадьми была сведена к минимуму, это грозило вызвать рост цен и сорвать планы закупки лошадей». См.: Там же. С. 85.

⁴ Лузанов П. Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Т. 1. С. 56.

⁵ Курукин И. В. Бирон. С. 138.

Каждому типу лошади, в зависимости от физической конституции и способностей, было суждено сыграть определенную роль в истории. Общим сложившимся требованиям к качеству лошади в начале второй трети XVIII столетия наилучшим образом отвечал германский тип лошади с «бараньей» головой, представляющий так называемых «лошадей барокко»¹. Немецкие лошади (голландские, ганноверские, шлезвигские, ольденбургские, тракенские и т.д.), эффектные внешне, пышных форм, тяжелые и рослые, обладали не только особой конституцией, но и огромной силой, которая позволяла им легко и подвижно выполнять манежные элементы. Другой тип лошади барокко, испано-неаполитанский, был оставлен для парадных упряжек, но не для конного боя. В качестве новых школьных лошадей были выбраны именно немецкие лошади, идеальные для манежа и лучшие из возможных в России (о чем красноречиво свидетельствует их цена: за 9 немецких лошадей, выбранных лично Бироном, было уплачено 1600 рублей², в среднем 178 р. за лошадь; при этом для штаб- и обер-офицеров закупались лошади от 100 до 200 р.). Одновременно Военным ведомством были куплены новые школьные седла взамен прежних строевых седел, «на которых кадеты удержаться не могут»³, не подходящих для начального обучения. Перемены, как и то, что ключевая роль в обучении была отдана профессиональному берейтору, сказались положительно. Корпус закономерно получил статус первого в России центра подготовки кадров для кавалерии.

Проверка «в какое совершенство [учители] привели кадетов в оных экзерцициях»⁴ проводилась дважды в год посредством системы частных и публичных экзаменов и смотров. Верховая езда вошла в программу первого экзамена наряду с танцами, фехтованием и рисованием. Правила экзаменовки разрабатывались при участии президента петербургской Академии наук

¹ Испано-неаполитанский тип лошади пользовался популярностью до середины столетия, германский тип с «бараньей» головой оставался в моде чуть дольше. См.: *Королькова Е. Ф.* «Скачущие сквозь века...». С. 35.

² *Данченко В. Г., Калашников Г. В.* Кадетский корпус. С. 48.

³ *Лузанов П. Ф.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Т. 1. С. 56–57.

⁴ Там же. С. 87–88.

И.-А. Корфа, а также А. Остермана и А. Черкасского¹. Обучение завершалось получением аттестатов с указанием успехов в науках.

Так, «Дмитрий Яхонтов, вступил в Корпус 1732 года февраля 17, а выпущен 1740 года апреля 14 в армию в подпоручики с нижеследующим аттестатом: геометрию и практику окончил, в верховой езде имеет изрядную позитур у, фортификацию знает с атакой, во французском языке экспликует и переводит с немецкого на французский, немецкие письма сочиняет хорошо». «Отто Эссен, вступил в Корпус 1732 года апреля 4, а выпущен 1736 года ноября 4 в армию в подпоручики с нижеследующим аттестатом: имеет в плагеометрии начало, говорит, пишет и переводит хорошо по-русски, в верховой езде других гораздо искуснее, умеет нарочито танцевать и фехтовать; а притом и доброго поведения»; «Павел Яковлев сын Протасов, вступил в корпус 1732 года мая 23, выпущен 1740 апреля 14 в армию в прапорщики с нижеследующим аттестатом: переводит с немецкого на русский язык легких авторов, по немецки пишет посредственно, рисует ландшафты красками, фехтует в контру и вольтижирует, искусен в верховой езде, обучается регулярной фортификации с профильми»². «Верховой езде обучается в позитур у изрядно, ездит рысь и скачет», — дополнительно сообщал о достоинствах кадета Протасова другой источник³. Выпущенные кирасиры были обучены «фехтовать в контру», «волтожировать», «ездить шпорами и стремянами», «обучать и дрезировать лошадей»⁴.

Всего за годы пребывания Миниха на посту Генерал-директора Корпуса (с 1732 по 1741 г.) европейское образование в его стенах получили более 400 молодых дворян⁵. Рыцарство

¹ Там же. С. 91; ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 10. С. 261–264. Второй экзамен был отдан языкам, третий — истории и географии, политической географии и «познанию ландкарт». Четвертый — математическим наукам, механике, фортификации и артиллерии. Пятый — философским наукам (в группу входили логика, нравоучительная философия, физика и юриспруденция).

² Именной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетском... С. 10, 29, 52–53.

³ Данченко В. Г., Калашиников Г. В. Кадетский корпус. С. 41.

⁴ Павлович Вяч. Историки Ключевский и Соловьев о шляхетском Сухопутном Кадетском Корпусе // Военная быль. 1966. № 80. С. 37.

⁵ Лузанов П. Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Т. 1. С. 105–168. Зачисленный первым Новосильцев в 1737 г. был выпущен в армейские поручики. См.: Именной список всем бывшим... С. 6.

было избрано военным политиком в качестве идеи, объединяющей времена и культуры. Создание корпуса стало одной из важнейших государственных мер по формированию военной российской элиты и одновременно по усвоению страной западноевропейской культуры.

2.3.2. «ПОВЕЛИСЬ В ГОСУДАРСТВЕ ЛУЧШИЕ ЛОШАДИ...». РУССКАЯ КАВАЛЕРИЯ ДО И ПОСЛЕ ШУВАЛОВСКОГО УСТАВА. АРТЕМИЙ ВОЛЫНСКИЙ

Восемнадцатый век в истории русской лошади можно с полным правом назвать эпохальным периодом. Именно в это время она переживала наиболее драматические моменты своего существования. Как уже отмечалось, петровские войны почти полностью поглотили племенные конские ресурсы России. Необходимость их возрождения осознавалась, но в первой трети столетия какие-либо серьезные реформы в этой области не проводились.

С первых лет царствования Анны Иоанновны 33 драгунских полка, сформированные еще при Петре I¹, были усилены тяжелой кавалерией (конной гвардией в 1730 г. и кирасирами в 1733 г.) «как то при Римских цесарских войсках имеется»². Полки комплектовались рослыми и сильными людьми, которые могли бы вынести тяжесть форменных железных лат; их предполагалось посадить на крупных лошадей возрастом от 3 до 6 лет, подобранных под стать всадникам³, по примеру прусских кирасир, которых называли «колоссами верхом на слонах»⁴. С учреждением тяжелой кавалерии вопросы снабжения армии строевыми лошадьми, в том числе и тяжелыми верховыми немецкого типа, и восстановления фактически упраздненного Петром I коннозаводства стали еще более острыми.

Первоочередной задачей было названо устройство полковых конных заводов, «понеже известно всем, коим образом до сего

¹ Масловский Д. Ф. Записки по истории... Т. 1. С. 153.

² Волынский Н. П. История Лейб-гвардии кирасирского его величества полка. 1701–1901. Т. 1. Кн. 1 (1703–1733). СПб., 1902. С. 141.

³ Анненков И. В. История Лейб-гвардии Конного полка. Ч. 1. С. 31; Висковатов А. В. Историческое описание одежды... Т. 2. С. 131; Штакельберг К. К. Полтора века конной гвардии. С. 4.

⁴ Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 42.

времени при нашей кавалерии употребляемые лошади по породе своей к стрельбе и порядочному строю весьма неспособны, и такожде за малостию в нужных случаях такую службу показать не могут, какой от порядочной и доброконной кавалерии ожидать надлежит; а таких рослых и добрых лошадей из чужих краев доставать великое иждивение и труд требуется и не всегда возможно... Того ради... в нашем государстве в пристойных местах учредить и завести новые конные заводы, чтоб впредь кавалерию нашу возможно было без покупки чужестранных лошадей своими добрыми лошадьми удовлетворять и следовательно и нашу кавалерию в доброе и к военной службе потребное и полезное состояние привести»¹.

Решение вопроса было поручено известным лошадиникам оберштабмейстеру гвардии полковнику К.-Г. фон Левенвольде и военному инспектору Миниха сановнику А. П. Волынскому². Свою карьеру он начинал рядовым кавалерии, в силу чего хорошо понимал специфику строевой лошади. Позднее, во время дипломатических поездок, он близко познакомился с коннозаводством Польши, Турции, Персии и с кочевым коневодством татар и калмыков. Волынский и сам был крупным коннозаводчиком: после его казни (1740) в государственную казну было взято 362 его собственные лошади. Неаполитанские, турецкие, грузинские, прусские и аргамачьи жеребцы, кобылы и жеребята были переданы в дворцовые конюшенные заводы (171 голова), прочие 175 голов ростом не менее 2 аршина и 2 вершка (т. е. выше 151 см) — в драгунские заводы; оставшиеся получили другое назначение³.

Волынский интересовался не только практикой коннозаводства, но и его теорией: владел обширной для своего времени иппологической библиотекой⁴ и сам писал на тему иппологии.

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 8. С. 825.

² По словам мемуариста В. А. Нащокина, «оные Левенволд, Бирон и Волынской великие были конские охотники и знающие в оной охоте». См.: Нащокин В. А. Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842. С. 41.

³ Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. С. 18.

⁴ «О лошадиных заводах» (на латинском, немецком, итальянском и французском языках), «Брейторская» (на немецком языке), «О заводе лошадей» (на немецком языке) и др. См.: Крючков Н. Н. В фавор — через конюшни. С. 83; Луппов С. П. Библиотека Артемия Волынского // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1978 г. Л., 1979. С. 119–128; Луппов С. П. Книга в России: в послепетровское время: 1725–1740. Л., 1976. С. 179.

Известна «Регула о лошадях» Волынского (1725)¹. Однако его главным трудом считается «Регламент, или Устав конюшенный» (1733) — первый документ, определяющий как политику Российской империи в области коннозаводства в целом, так и порядок выполнения конкретных задач на всех уровнях².

С конца 1731 г. Волынский возглавил Конюшенную комиссию и Конюшенную канцелярию³. В его ведении были все 12 дворцовых конных заводов (где стояли 231 жеребец и 1018 кобыл), а также организация новых заводов при кавалерийских полках. Предполагалось создать 105 новых заводов на 36 000 голов; на практике в 1735 г. было решено ограничиться намного меньшим числом (840 жеребцов и 7000 кобыл). В 1739 г. были созданы еще 10 новых заводов⁴.

Главное направление работы к концу 1730-х гг. — выбраковка особей с нежелательными качествами и подбор оставшихся по мастям и отмасткам. Надлежит осмотреть «все конские заводы, — гласил императорский указ, — и оные разобрать по доброте и по шерстям... а именно: выбрав рослых статных лошадей, и чтоб в них природных пороков не было... а шерстьми прибрать годных к заводам вороных, карих, гнедых, бурых, вороночалых, карочалых и буланых. А прочих шерстей в заводах не держать... и которые кобылы выбраны годные к заводам будут, оных разобрать по шерстям, дабы одна шерсть с другой в заводе не мешалась»⁵. Преимущество в разведении отдавалось «немецким, датским и прочих пород чужестранным лошадям»⁶.

¹ Волынский А. П. Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях, как содержать и притом прилежно смотреть надлежит чтоб в добром здравьи были. СПб., 1881.

² ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 9. С. 53–63.

³ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 8. С. 605.

⁴ Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. С. 16.

⁵ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 8. С. 836. «Выбирая из них лучших, а именно: вороно-пегих, буро-пегих, каро-пегих, гнедо-пегих и голубо-пегих до ста кобыл, да одношерстных, темно-бурых, белогривых и сивогривых, игреных, белогривых ж, темно-карих с мухортинами, також и вороночалых до ста ж кобыл, и чтоб все оные кобылы были статные и беспорочные, ростом не малые, а именно в 2 аршина и выше», как гласит аналогичный документ от 1738 г. См.: ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 10. С. 645–646.

⁶ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 8. С. 838.

Волинский работал под руководством еще одного страстно-го лошаdnика — Э. И. Бирона; говорили, что «Волинский въехал в доверие к Бирону буквально верхом на лошади»¹. Их совместная почти десятилетняя деятельность имела несомненные положительные результаты. На 1 января 1740 г. конское поголовье дворцовых заводов состояло из 1685 племенных лошадей не менее 12 иностранных пород (в том числе немецких — 713, неаполитанских — 478, английских — 70, испанских — 44, фрисландских — 38, датских — 17, ломбардских — 3, персидских — 46, турецких — 21, арабских — 10, берберийских — 5, черкесских горских — 11, кубанских — 229 головы). Только в старейшем Хоропевском заводе на 1739 г. стояло 14 неаполитанских, 2 английских, 2 немецких, 1 ломбардский и 1 русский жеребец и 93 неаполитанские кобылы².

Началось создание казенных военных заводов. Был зафиксирован не только подъем государственного, но и некоторый рост частного коннозаводства. Итогом коннозаводческой деятельности Волинского были неплохие количественные результаты: «сим лучший порядок при заводах учрежден, и с 1734 года повелись в государстве лучшие лошади», — отмечал его современник В. А. Нащокин³.

Однако вопросы качества строевой лошади аннинским правительством не поднимались и, соответственно, не решались. К 1740 г. разница между кирасирскими (более массивными) и драгунскими (универсальными) лошадьми была сведена к минимуму; ввиду полного отсутствия в стране качественного конского состава, отечественных лошадей для тяжелой кавалерии достать было невозможно. Вновь говорится о негодности имеющих-ся строевых лошадей «не токмо для гвардии, но и для драгун»⁴.

Крайне невысокие требования к строевой лошади, сформулированные к концу петровского — началу аннинского правлений, к 1740 г. были еще более понижены. Так, указная мера (основной промер, показывающий высоту лошади в холке) при Петре I

¹ Павленко Н. И. Анна Иоанновна (Немцы при дворе). С. 275.

² Лусев Ю. Обер-шталмейстер А. П. Волинский // Коневодство и конный спорт. 1992. № 4. С. 24–25; Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство... С. 21.

³ Нащокин В. А. Записки Василия Александровича Нащокина. С. 41.

⁴ Значение ипподромных состязаний для коннозаводства России. С. 136.

составляла 146,5 см. Затем мера была понижена до 137,5 см, а к 1736–1738 гг. и до 133–134 см: в те годы было предписано набирать по военно-конской повинности лошадей отечественных пород «мерую и летами хотя и не по штату, но, смотря на доброту и крепость, однако ж не менее как в 2 аршина без одного, а по нужде и без 2 вершков, летами от 5 до 10 и в 10 лет»¹. Итогом государственной политики в областях коннозаводства и конского ремонта (т.е. снабжения армии), которая в аннинское правление проводилась под непосредственным немецким влиянием, стало неудовлетворительное качество строевой лошади, упавшее до критических показателей.

При вступлении на царство Елизаветы Петровны проблема нехватки в армии качественных строевых лошадей осознавалась правительством как первоочередная. Причинами неудовлетворительного конского состава были названы недостаточная закупочная цена на строевую лошадь и сама система конского ремонта. Однако первые годы этого царствования не отмечены какими-либо реформами в указанных областях.

Основные недостатки выявил Рейнский поход В. А. Репнина (весна 1748). К 1755 г. Военная комиссия при Военной коллегии, созданная для ликвидации выявленных недостатков, сформулировала основные направления реформ, «дабы привести Российскую конницу в такое надежное состояние, дабы она со всеми другими Европейскими кавалериями не только сражаться, но и превосходить могла»². Стараниями П. И. Шувалова был подготовлен новый кавалерийский Устав, где главным боевым свойством русской кавалерии назывался «жестокий удар через сильную скачку»³. Верховая езда теперь представляла «наивысшую и необходимо нужнейшую должность», за «неисправность» в которой следовал «особый гнев» императрицы⁴. Отныне к качеству строевой лошади предъявляются строгие требования.

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 9. С. 920–922; ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 10. С. 333, 545, 553. В итоге «драгуны, сходя с коней, валили их на землю». См.: Крючков Н. Н. В фавор — через конюшни. С. 83. Также были понижены указанные меры для рекрутов. См: ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 9. С. 221–222.

² Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 4. Эпоха императрицы Елизаветы. СПб., 1909. С. 7.

³ Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск... С. 167.

⁴ Масловский Д. Ф. Записки по истории... Т. 1. С. 236.

Другим направлением реформ было названо фактическое, а не мнимое наращивание численности кавалерии: к началу Семилетней войны в 1756 г. русская кавалерия имела 31 штатный полк (1 гвардейский, 6 армейских кирасирских, 6 конно-гренадерских и 18 драгунских, по другим данным — 20 драгунских) общим числом около 40 000 сабель; в действительности численность штатной кавалерии едва достигала 7000¹.

Усиленный спрос на качественную верховую лошадь, вызванный наращиванием кавалерии, был сформирован в условиях исключительной бедности страны на лошадей нужных армии свойств и качеств. Понимая, что коннозаводство является для России делом государственной важности, Елизавета Петровна приняла меры по его поддержке. Ставка делается на частное коннозаводство. Императрица обратилась к русским помещикам, приглашая их «...приложить старания к воспитанию кирасирских и других лошадей для войска»². Для поддержки частного коннозаводства был отменен принудительный конский набор; ремонт армейского конского состава предполагался через вольную покупку.

Именным императорским указом от 3 мая 1756 г. были установлены твердые закупочные цены на качественную строевую лошадь: «в Нашей кавалерии лошадей иметь против прежних лучшего состояния... летами от четырех, не выше шести лет, ручных и не диких, от природы Европейских, помешанных с русскими и другими породами; ростом... Кирасирских не менее 2 аршин 2 вершков, Гренадерских и Драгунских 2 аршин одного с четвертью, а по нужде в 2 аршина в 1 вершок, ценой Кирасирских в 60 рублей, Драгунских в 30 рублей... покупать внутри России»³.

В результате последовательной государственной политики в отношении коннозаводства к концу царствования Елизаветы Петровны многие ранее закрытые частные заводы возобновили свою работу; наблюдался быстрый рост новых заводов. Однако в силу своей неразвитости они не могли пока дать русской армии качественной — рослой, крепкой и быстрой — строевой лошади.

¹ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 4. С. 8; Масловский Д. Ф. Записки по истории... Т. 1. С. 233.

² Курская В. А. История лошади... С. 199.

³ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 14. 1754–1757. СПб., 1830. С. 561–562.

2.3.3. Иппомания в «золотой век» Екатерины II. АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ

Царствование Екатерины II было беспрецедентным по уровню военной активности: в это время Россия вела 8 внешних войн, и каждая из них способствовала эволюции военного дела¹. Заметное улучшение конского состава наблюдалось в результате пополнения трофейными лошадьми². Завоевание Кагула (1770), раздел Речи Посполитой (1772), ликвидация Запорожья (1775), завоевание Крыма (1783), победы при Рымнике (1789) и Измаиле (1790) дали двору Екатерины II колоссальное конское богатство преимущественно восточных пород, равного которому ни в континентальной Европе, ни в России не было ни по количеству, ни по качеству³.

В 1767 г. сподвижнику Екатерины II А. Г. Орлову по ее указу были пожалованы на выбор 20 отборных кобыл из дворцовых заводов⁴ и ценнейшие жеребцы Шах и Дракон, полученные императрицей в подарок от персидского шаха. Часть арабских и турецких лошадей были выведены Орловым самостоятельно из Аравии и из стран Ближнего Востока (на правах захвата военной добычи, покупки или получения в дар)⁵. Так, по окончании первой Русско-турецкой войны в 1774 г. были приведены 12 жеребцов и 9 кобыл из Аравии и Турции (еще 18 жеребцов были переданы Орловым в дворцовые заводы), среди которых были и родоначальники орловских пород Салтан и Сметанка. Последний был куплен Орловым в Аравии за 60 000 р.⁶ (для сравнения, годовое содержание 700 лошадей дворцовой конюшни в 1766 г. требовало 100 000 р., годовой

¹ Дутов С. Ю., Лютов С. Н. Военное книгоиздание в России в XVIII в. Опыт статистического анализа // Библиосфера. 2007. № 3. С. 18.

² Шатило Б. Л. Русская стреловая лошадь в XVIII столетии («Золотой век» Екатерины II и его предпосылки) // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 36–47.

³ Значение ипподромных состязаний для коннозаводства России. С. 136.

⁴ Еженедельник для охотников до лошадей. На 1823 год. Ч. 3. Кн. 1. М., 1823. С. 443.

⁵ Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. С. 28.

⁶ В это же время в верховом отделении Серебряно-прудского завода Шереметевых стоял чистокровный жеребец Бурбон стоимостью 100 000 р. См.: Там же. С. 134.

бюджет государственного коннозаводства в 1774 г. составлял около 25 000 р.¹). Невероятной была история путешествия Сметанки на российскую землю: его не решились отправить морем вместе с другими лошадьми. «Сие животное было на твердую землю выведено из Императорского фрегата и чрез Польшу препровождено в Россию», — пишет современник². В сопровождении конвоя, с охранной грамотой турецкого правительства Сметанку вели в Россию сухим путем через Турцию, Венгрию и Польшу; дорога заняла около двух лет.

Орлов также приобретал лучших выставочных западноевропейских лошадей. В итоге в его подмосковном имении «Остров» стояли арабские, персидские, турецкие, бухарские, армянские, кавказские, кизлярские, донские, английские, голландские, датские, мекленбургские, неапольские, испанские, польские и так называемые «низовые» («из низменных мест») лошади³. Все они составили основу орловского конезавода.

Свое положение при дворе и более чем пятилетнее пребывание за границей Орлов использовал не только для приобретения лошадей, но и для обогащения зоотехническими знаниями, пользуясь личными консультациями ведущих зоотехников (прежде всего англичанина Бэквелла). Служащие орловского завода, в том числе тренеры и жокеи, учились и практиковались в Англии. Но все же главным был коннозаводческий талант Орлова, опередивший свое время, по бытующему мнению⁴, на сто и более лет.

Для екатерининского правления характерна следующая динамика численности кавалерии и развития ее типов:

1) 42 полка к 1767 г., т. е. к началу первой польской и первой турецкой войн (1 гвардейский полк, 6 кирасирских, 19 карабинерных, 9 гусарских и 7 драгунских);

2) 49 полков к 1786 г. после реформ, связанных с назначением в 1775 г. командующим легкой и иррегулярной конницей Г. А. Потемкина, а регулярной кавалерией — П. А. Румянцева

¹ Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство... С. 30; Стат придворной конюшни. СПб., 1766. С. 11–13.

² Значение ипподромных состязаний для коннозаводства России. С. 136.

³ Афанасьев С. В. Орловский рысак. К 200-летию орловской рысистой породы. Пермь, 2010. С. 36–37; Все о лошади. С. 137.

⁴ Афанасьев С. В. Орловский рысак. К 200-летию орловской рысистой породы. С. 29.

(гвардейский полк, 5 кирасирских, 19 карабинерных, 8 драгунских, 1 гусарский и 15 легкоконных полков);

3) 56 полков по Штатам 1795 г.: в результате еще одного витка реформ Потемкина число регулярной кавалерии составило свыше 70 000, иррегулярной — свыше 24 000 (гвардейский полк, 5 кирасирских полков, затем карабинеры, драгуны, легкоконные полки, конные егеря, конногренадеры и гусары — 50 полков.

В результате появилось четыре новых вида кавалерии: легкоконный, конно-егерский, регулярный и иррегулярный казачий. Общее число казачьих войск увеличилось с фиктивных 35 000 при Елизавете Петровне до свыше 75 000, реально несущих службу. Общее число кавалерии, вместе с гарнизонными войсками и запасными эскадронами, было доведено до 500 000¹.

В этих условиях создание отечественной верховой строевой лошади приобрело значение государственного социального заказа. Согласно замыслам, в ней должны были соединиться такие качества, как крупный размер при правильных статях; красивая голова и шея, правильный постав головы; резвость и легкие аллюры; сила, способность легко носить большой вес; добронравие, понятливость и послушание; крепкое здоровье, неприхотливость, приспособленность к суровому российскому климату².

Не в последнюю очередь работа «подогревалась» требованиями кавалерийских уставов: значимость качественной строевой лошади становилась все более очевидной (например, в «Инструкции конного полка полковнику», 1766³). Многократно возросли требования к скорости развертывания фронта, маневренности, стремительности атаки и длительности преследования⁴. Подчеркивалась ударная роль кавалерии: ее сила «состоит в стычке... чего ради... старание приложено чтоб набрать мочных и рослых лошадей» («Короткие правила для легких войск», 1764)⁵.

¹ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 5. Эпоха императрицы Екатерины II. СПб., 1909. С. 24; Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск... С. 16–18, 64–69, 102, 496–497.

² Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. С. 73–75.

³ Инструкция конного полка полковнику. СПб., 1766. С. 76–76.

⁴ Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. С. 74.

⁵ Гусар, или короткие правила для легких войск. М., 1764. С. 51.

Придавая важнейшее значение стремительной атаке и действиям с коня, предписывалось «лошадь строевую... любить, беречь, чистить, кормить и прибирать ее и обходясь с нею ласково... внушая притом, что кавалериста как исправность службы, так и собственное сохранение живота зависит от соблюдения в добром состоянии лошади своей»¹. Требование подкреплялось рассуждениями полководца и военного теоретика П. А. Румянцева. В «Обряде службы» (1770) им еще раз подчеркивается ценность качественной строевой лошади: «наказывать и толковать тому, кто по невежеству не понимает, koliko много с исправностью вещей и лошадей в военное время самая жизнь его сопряжена»², почему и надлежит «офицерам строжайше наблюдать за целостью конского состава...»³. И организатор русской кавалерии Г. А. Потемкин, и великий стратег А. В. Суворов настаивали на том, чтобы ей «ходить вихрем»⁴. «Конных полков господам командирам обучать оные быстроте», «Атака должна производиться никак иначе, чем в полный карьер», — гласили приказы Суворова⁵. Натиск и быстрота есть основы воинского искусства, — заключал Суворов в своей «Науке побеждать»⁶.

Так Орловым было начато создание новой лошади — не существующего прежде универсального типа, одинаково пригодного для парада, похода, боя и манежа (который понимался Орловым — опытным кавалеристом — в первую очередь как курс боевой подготовки всадника и его лошади). В последней четверти XVIII в. этим условиям частично соответствовала английская чистокровная лошадь (в те времена известная под названием английская скаковая)⁷. У себя на родине эта порода, выведенная

¹ Инструкция конного полка полковнику. С. 26.

² Румянцев П. А. Сборник документов и материалов (Русские полководцы). Т. 2. 1768–1775. М., 1953. С. 254.

³ Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Т. 2. 1762–1794 год. СПб., 1894. С. 88.

⁴ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 291.

⁵ В резервный корпус для полков, вступивших из Польши в 1774 г., и по войскам Крымского и Кубанского корпусов в 1778 г. См.: Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 1. С. 114, 116.

⁶ Масловский Д. Ф. Записки по истории... Т. 2. С. 86–87.

⁷ Шапиро Б. Л. Бытовая англомания в конной гвардии первой трети XIX в.: А. Д. Чертков // Чертковский исторический сборник. Вып. 1. Образ и люди Российской империи. М., 2018. С. 56–72.

во второй половине XVII — начале XVIII в. для колониальной кавалерии (где наличие качественной лошади было вопросом выживания), зарождающегося конного спорта и охоты¹, называлась *thoroughbred*, что было производным от «совершенный, безупречный»². Действительно, по ряду названных качеств она являлась таковой. Резвейшая в мире, она представляла последнее коннозаводское достижение мирового значения; по достоинству ее оценили и в России. На рубеж XVIII–XIX вв. объем ежегодных поставок английских чистокровных лошадей в Санкт-Петербург составлял от 200 до 300 голов³.

Английской чистокровной, при использовании ее в качестве верховой, были присущи и некоторые недостатки: смещенный центр тяжести, сухие ноги и недобрый нрав. Эти недостатки объяснялись тем, что порода изначально выводилась как скаковая. Они считались преодолимыми прилитием восточных и европейских кровей, и вследствие этого малосущественными, поскольку английская чистокровная неизменно передавала потомкам свои главные достоинства: высокий рост, статность и резвость.

Орлов стал пионером разведения такой лошади в России. Первые английские лошади были у него уже во второй половине 1760-х гг. В 1770-х гг. он уже владел изрядным их количеством⁴. С 1785 г., с назначением С. Р. Воронцова послом в Англии, тот оказывал Орлову посреднические услуги в подборе высококлассных лошадей. Далее на основе английской лошади Орлов начал работу по созданию новой верховой лошади.

Богатые вельможи начинают подражать Орлову. В 1780–1790-х гг. возник ряд частных отечественных конезаводов (братьев Мосоловых, П. С. Муравьева-Апостола, Д. М. Полторацкого, С. А. Всеволожского, П. А. Чемоданова и др.), работающих на английском материале⁵. Из Англии привозят детей знаменитого

¹ Витт В. О., Желиговский О. А., Красников А. С., Штайер Н. М. Коневодство и конейспользование. М., 1964. С. 192–193.

² Барминцев Ю. Н., Фомин А. Б., Сорокина И. И. Происхождение конских пород. С. 39.

³ Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005. С. 32.

⁴ Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. С. 85–87.

⁵ Кожевников Ф. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство... С. 45.

«Оклипса (производитель в 1771–1789 гг.) — жеребца, который «не знал хлыста, не знал шпор и не знал проигрыша»¹.

Дворянское общество охватило своего рода «иппомания»: к началу правления Екатерины II насчитывалось два десятка частных конных заводов, а к концу ее правления — тысячи². В это время русское частное коннозаводство более чем успешно работает для снабжения кавалерии. Свой вклад в решение проблемы начинают вносить и военно-конские заведения (казенные военные конные заводы).

Так начатые Петром Великим преобразования кавалерии продолжались и при его преемниках. Основными направлениями развития были избраны наращивание численности и усложнение ее структуры, но состояние отечественного коннозаводства в первой трети XVIII в. и политика принудительного конского набора не позволяли реализовать задуманное. К середине столетия кризис был очевиден; вопрос приобрел государственное значение. Проблема получила решение только к концу екатерининского правления, когда А. Г. Орлову удалось успешно вывести³ орловскую верховую лошадь — новую породу, которая более других отвечала актуальным потребностям эпохи.

2.3.4. РУССКАЯ КАВАЛЕРИЯ В ЭПОХУ ФРИДРИХА ВЕЛИКОГО

Кавалерийская атака выигрывается не столько саблями, сколько хлыстами.

Ф.-В. Зейдлиц⁴

Развитие кавалерийского искусства в Европе второй половины XVIII столетия тесно связано с достижениями прусской военной системы⁵. Известно, что король Фридрих II Великий унаследовал от своего отца, Фридриха Вильгельма I, отлаженное

¹ Все о лошади. С. 119.

² Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. С. 11.

³ Первые удовлетворительные результаты были получены к концу 1780-х — началу 1790-х гг. См.: Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. С. 120.

⁴ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 1. С. 256.

⁵ Шапиро Б. Л. Русская конница в эпоху Фридриха Великого: культурный конфликт или диалог культур? // Человек и культура. 2019. № 1. С. 41–56.

финансирование военной системы и сильную, дисциплинированную, хорошо обученную армию, гордостью которой был отличный офицерский корпус¹. Однако прусская кавалерия, финансирование которой производилось по остаточному принципу, на тот момент была откровенно слабая, «не умевшая ни маневрировать, ни управлять громадными ее конями, но зато отлично умевшая полировать мундштуки и седла, лакировать ботфорты и заплетать ленточками лошадиные гривки — не имевшая и веры в самое себя»². По словам современника, ее «кавалеристы двигались с точностью гренадер, и так же тяжело и медленно, а потому никакого толку от них не было против неприятеля; они всегда приходили к делу поздно; это были великаны-колоссы на рослых лошадях, не справлявшиеся с ними; на каждом учении, несмотря на медленность аллюра, они падали беспрестанно с коней»³.

Гением Фридриха Великого при активном участии его сподвижника кавалерийского генерала и полководца Ф.-В. Зейдлица⁴ была проделана быстрая и решительная трансформация кавалерии. Началом новой эпохи можно считать битву при Гогенфридберге 4 июня 1745 г. во Вторую силезскую кампанию, когда прусская кавалерия оказала существенное влияние на исход боя. Исключительно ее силами была одержана победа при Росбахе (5 ноября 1757 г.); всего благодаря действиям кавалерии Фридриха Великого было выиграно 15 из 22 сражений⁵. Только появление в последние годы XVIII столетия нового военного гения — Наполеона I Бонапарта — повлекло за собой постепенное забвение этих достижений.

¹ Михневич Н. П. Основы русского военного искусства. СПб., 1898. С. 43; Ранке Л. Фридрих Великий. СПб., 2019. С. 17; Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 1. С. 256.

² Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 69.

³ Михневич Н. П. Основы русского военного искусства. С. 45.

⁴ По словам Ф. Энгельса, «Зейдлиц, который всегда командовал его кирасирами и драгунами и сделал из них такие войска, что по стремительности и порядку атаки, быстроте перестроений, готовности к фланговым атакам, быстроте восстановления порядка и перегруппировки после атаки ни одна кавалерия не могла сравниться с прусской кавалерией периода Семилетней войны». См.: Энгельс Ф. Кавалерия // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 11. Ч. 2. М., 1933. С. 449.

⁵ Витт Л. В. Конница: Вооружение и владение оружием. С. 29; Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 71; Сухотин Н. Н. Фридрих Великий. Лекции по истории военного искусства. СПб., 1882. С. 22, 41.

Среди важнейших моментов, которые позволили достичь столь впечатляющих результатов, прежде всего следует назвать радикальную реформу комплектования. В кирасирские и драгунские полки был запрещен прием иностранных наемников; за поведение новобранцев перед законом отвечали их отцы и семьи. В гусарские полки набирались лучшие люди, прошедшие строгий отбор. Средством управления была идеология «*esprit de corps*», в основе которой лежал патриотизм, разумная дисциплина и взыскательность. Телесные наказания для кавалерии были отменены почти полностью: «палка — главное орудие фридриховой дисциплины, была почти изъята из обращения в прусской коннице», — отмечал военный теоретик и историк, кавалерийский генерал Н. Н. Сухотин¹.

Немаловажным дополнением стала обязательная качественная военно-научная подготовка, согласно мысли: «рейтар может быть совершенным солдатом только тогда, когда вне строя и в отсутствие офицеров он будет иметь вид благопристойного порядочного человека»². Эти положения сформировали уважение к себе, к мундиру, гордость за командование и армию в целом. Любовь к королю была доведена до обожания. Результатом реформ стала национальная кавалерия, однородная и идейно близкая по духу и интересам королю-полководцу.

Еще одним значимым моментом была планомерная подготовка профессионального офицерского состава в кадетских корпусах. Прусская линейная тактика давала ничтожные потери личного состава, но вопрос своевременной подготовки качественной смены для восполнения потерь и для наращивания численности кавалерии считался одним из первостепенных. Для его решения еще в 1716–1717 гг. была создана система кадетских школ и корпусов. Флагманом кадетского образования стал Королевский прусский кадетский корпус, размещенный по месту пребывания двора в Берлине.

Фридрих II, в те годы четырехлетний сын короля, был назначен шефом корпуса, что подчеркивало его высокий статус. Уже в 12 лет наследник знал службу и имел навыки командования. Выросший вместе со своей армией, он знал каждого офицера

¹ Там же. С. 23–24.

² Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 2005. С. 365.

лично; эта связь не была разорвана и после вступления на престол, поскольку смотры король проводил самолично¹.

Успех также обеспечивался однозначностью и немногочисленностью требований уставов. На день боя каждый его участник получал простые инструкции; для генералов, эскадронных командиров и гусар с 1743–1744 гг. также предусматривались специальные инструкции. Применение в бою преимущественно холодного оружия исключало возможные случайности², которые могли изменить тщательно распланированный ход боя.

От кавалерии требовалось неукоснительное выполнение всего двух условий: стремительной сомкнутой фронтальной атаки и захвата всех неприятельских флангов. «Бесчестно позволять кавалеристу себя атаковать», — отмечалось в прусских уставах уже в 1720 и 1727 гг.; «Под страхом позорного наказания король запрещает атаковать себя», — говорилось в новых уставах Фридриха II³. Правила были категоричными: атака осуществлялась исключительно огромными массами на необыкновенно высокой скорости⁴. Отсюда явное предпочтение легкой кавалерии: лошади гусар имели более энергичные аллюры, и только они давали максимальную скорость атаки.

Кроме того, только легкую кавалерию (при известном состоянии коннозаводства XVIII в.) было возможно набрать в требуемых количествах: так, под Гогенкирхеном Зейдлиц командовал 108 эскадронами из почти 15 000 лошадей. Эта масса составлялась из кирасирских, драгунских и легкокавалерийских гусарских полков; предпочтение отдавалось гусарам и драгунам; особой ценностью считалась возможность всех без исключения действовать в пешем строю (по образцу драгун). В тяжелой

¹ Грабарь В. К. Вскормленные с копыя. С. 17; Кони Ф. История Фридриха Великого. М., 1863. С. 25–26; Сухотин Н. Н. Фридрих Великий... С. 12.

² Там же. С. 28–29. Согласно немецкому историку Т. Бернгарди, при Фридрихе исход сражения не рассматривался как продукт случая. См.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. Новое время. СПб., 1997. С. 275.

³ Сухотин Н. Н. Фридрих Великий... С. 20, 30.

⁴ «Скорость стрельбы прусской пехоты больше, шок прусской кавалерийской атаки сильнее, артиллерия у пруссаков подвижнее», — отмечал военный историк Г. Дельбрюк, анализируя феномен армии Фридриха Великого. См.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. С. 275.

кавалерии было отменено ношение кирас — это дало увеличение подвижности. Идея об однородности кавалерии для ее универсализации была закреплена в инструкции 1763 г.¹

Для разных родов кавалерии допускались различия в качественных характеристиках лошадей, но люди должны были быть одинаковы в безупречности выучки. Муштра становилась не самоцелью, а единственно возможным средством для выработки согласованности действий огромных масс. Необходимым условием выполнения сложнейших построений (которые стали фирменным знаком прусской кавалерии и лично Зейдлица) и единства маневров признано совершенное овладение искусством конного боя (т.е. в совокупности искусством верховой езды и рубки с коня) каждым кавалеристом в отдельности и тактическими единицами в целом.

Главная цель обучения кавалерийскому искусству заключалась «исключительно в доведении ее до надлежащей степени совершенства в верховой езде»², для чего «всадник должен быть полным господином своей лошади»³. Для реализации задуманного в каждом полку учреждались берейторы, а на постоянных квартирах — манежи. Вольтижировка и верховая езда назначались ежедневно; в программе подготовки была езда и рубка

¹ Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 78; Сухотин Н. Н. Фридрих Великий... С. 25, 36, 38.

² Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 72.

³ Сухотин Н. Н. Фридрих Великий... С. 20. «Между тем выполнение такой атаки является труднейшей из задач, какие только можно требовать от кавалерии. Чрезвычайно трудно сохранять полный порядок и сплоченность при движении вперед с возрастающей быстротой, в особенности если приходится скакать по неровной местности. Здесь обнаруживаются трудности и важность соблюдения прямого направления при галопе, ибо если каждый всадник не скачет вперед по прямой линии, то в рядах начинается давка, которая скоро передается из центра к флангам, а с флангов к центру; лошади возбуждаются и чувствуют себя неловко, проявляется разница в их скорости и темпераменте, и вся линия скоро превращается во что угодно, только не в прямолинейную шеренгу, утрачивает ту сплоченность, которая только и может обеспечить успех. Затем очевидно, что, подскакав вплотную к противнику, лошади сделают попытку отказаться врезаться в стоящую неподвижно или движущуюся массу противника и что всадники не должны допускать их до этого; в противном случае атака, несомненно, окажется безуспешной. Всадник поэтому не только должен проникнуться твердой решимостью врезаться в ряды противника, но и быть полным господином своей лошади». См.: Энгельс Ф. Кавалерия. С. 458.

(палаш, сабля) с коня на всех аллюрах, а также моментальная смена аллюра. Главными «нормальными» аллюрами назначались галоп (для развертывания) и карьер (для атаки). Отрабатывалось два типа сомкнутой езды: «стремя о стремя» у гусар и более плотный строй «колено о колено» у кирасир¹.

В обязательном порядке проводились строевые учения на быстрых аллюрах, на сильно пересеченной местности (не менее 5 раз в неделю, крайне желательно ежедневно). Маневры были максимально приближены к реальным боевым условиям. Смотры проводились на той же местности. В обязательном порядке вырабатывалась выносливость (так, конный бой при Цорндорфе продолжался 10 часов, за которые было произведено три атаки). В мирное время и в военное время между военными действиями проводились учебные тревоги; на сборы по тревоге отводилось не более 15 (в лагере) или 20 (на квартирах или в гарнизоне) минут². Необходимое внимание отдавалось выездке молодых лошадей. Верховая подготовка всецело находилась в руках не знающего себе равных Зейдлица.

Построенная на этих началах, прусская кавалерия представляла собой главную составляющую одной из самых могущественных армий Европы в ее пике славы³ второй половины XVIII в. Вполне естественно, что она явилась предметом подражания во многих государствах: наблюдать за маневрами под руководством Зейдлица ежегодно съезжались конники всей Европы (до самой кончины легендарного кавалериста в 1774 г.)⁴. Не была исключением и Россия, имевшая во второй половине XVIII в. сразу двух августейших поклонников как прусского милитаризма в целом, так и кавалерии Фридриха II как образцовой: Петра III и его сына Павла I.

Недолгое правление Петра III запомнилось подражанием армии Фридриха скорее внешне, нежели по сути: полкам был дан

¹ Сухотин Н. Н. Фридрих Великий... С. 34.

² Витт Л. В. Коппица: Вооружение и владение оружием. С. 29; Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 72–77; Сухотин Н. Н. Фридрих Великий... С. 26, 39–40, 42.

³ Энгельс Ф. Кавалерия. С. 448.

⁴ Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. С. 357, 364; Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 69.

новый мундир, укороченный и обуженный по-прусски, и переименование по шефам¹. Была завершена централизация военно-учебных заведений, задуманная еще при П. И. Шувалове: они объединялись с кавалерийским эскадронам².

Как известно, за 186 дней царствования император не успел довести реформирование кавалерии до логического конца. Его нововведения были отменены после восшествия на престол Екатерины II, которая выражала показное нерасположение к прусской военной системе, называя ее «обрядом неудобноносимым»³. Тем не менее открытого культурного противостояния между Россией и Пруссией не было; более того, прослеживалось некоторое заимствование прусского военного опыта, намеренное или невольное.

Комплектование кавалерии, согласно «Обряду службы» — полемому уставу П. А. Румянцева, — производилось с учетом склонностей и способностей новобранцев: «по разному роду службы потребны разные в людях и способности; следовательно, надлежит определять... в кавалерию и легкую конницу при способности лутчей к конской езде»⁴.

Подготовка будущих офицеров кавалерии продолжалась в уже существующих Сухопутном шляхетном кадетском корпусе и Пажеском корпусе. Учебным заведениям была поставлена задача «дать государству новую породу людей», для чего требовалось «сделать человека... способным сносить воинские труды»⁵.

В августе 1762 г. Сухопутному корпусу было дано название Императорского и увеличенный до 600 кадетов штат, которых обучали «как лошадей содержать, как лучше их подковать, какую тягость без нужды понести могут, чем различные их болезни лечить, какие седла, приборы и мундштуки лучше, что чего стоит и прочее, дабы потом и солдатом могли обучать как ездить

¹ *Рогоулин Н. Г.* К вопросу о насаждении в русской армии прусских порядков при Петре III // Чтения по военной истории: сб. статей. СПб., 2005. С. 222–228.

² Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 1. Главное управление военно-учебных заведений. СПб., 1902. С. 30–31.

³ *Иванов П. А.* Обзорение состава и устройства... С. 82.

⁴ *Румянцев П. А.* Обряд службы // Русская военная мысль. XVIII век: сборник. М.; СПб., 2003. С. 101–102.

⁵ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 1. С. 33.

и на лошадях скакать, реки вплавь переезжать и тому подобное»¹. Согласно уставу корпуса, подготовленному в 1766 г. шефом корпуса И. И. Бецким, науки «ездить верхом, фехтовать, вольтижировать и прочее» изучались в двух старших «возрастах»: они начинались в 15 лет и длились до 18 лет, а иногда и до 21 года².

Воспитанникам Пажеского корпуса, которые выпускались офицерами не только в кавалерию, но и ко двору, было «повелено... учиться неотменно верховой езде в манеже конюшенного ведомства»³. Их задачи были разделены на три составляющие: попечение о дарах духа, нрава и корпуса (тела). Телесное воспитание заключалось «в научениях, которые дворянству приличны»; ими назывались верховая езда, фехтование, танцы, рисование и музыка. Искусство манежа изучалось в четвертом, старшем классе⁴.

В царствование Екатерины II было положено начало еще одному военно-учебному заведению, воспитанники которого выпускались офицерами в кавалерию. В 1778 г. фаворит императрицы С. Г. Зорич основал Шкловское благородное училище (впоследствии 1-й Московский кадетский корпус). Срок обучения здесь составлял не менее 8 лет; военной экзерциции, фехтованию, верховой езде и вольтижировке обучались в трех старших классах. Воспитанники были организованы в два конных взвода, где соблюдался военный порядок по инструкции для конного полка. Среднее число выпуска составляло более 20 человек, которые определялись на службу по армейским и гарнизонным полкам⁵.

К составлению детальных инструкций воинская комиссия приступила сразу по восшествии Екатерины II на престол. В 1763 г. вышел «Устав воинский о конной экзерциции», предназначенный преимущественно для кирасирских и карабинерных полков. В нем подробно излагались обязанности кавалериста,

¹ Рассуждения служащие руководством к новому установлению Шляхетного кадетского корпуса, сколько принадлежит до воинской части оного. СПб., 1766. С. 19.

² Устав Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса. СПб., 1766. С. 16-17.

³ Милорадович Г. А. Материалы для истории Пажеского... С. 18.

⁴ Там же. С. 24-25, 34-35.

⁵ Столетие Военного министерства. 1802-1902. Т. 10. Ч. 1. С. 45-48.

начиная от выводки лошади из конюшни¹. В следующем году издается отдельная инструкция для гусар, чьим боевым действиям придавалось особое значение. В руководстве под названием «Гусар, или короткие правила для легких войск» среди прочего:

1) анализируются достижения шведской и прусской кавалерии;

2) разъясняется производство атаки: они «должны производиться весьма смело и скоро»;

3) указываются требуемые качества гусарских лошадей: «сила конницы состоит в стычке, а не в стрельбе: чего ради с немалыми расходами старание приложено чтоб набрать мочных и рослых лошадей»;

4) выделяется требование «о бережи лошадей... понеже бережь лошадей не малое дело»².

С 1765 г. устанавливается система летних лагерных сборов (императрица лично присутствовала на больших Красносельских маневрах с 18 по 30 июня 1765 г.). Цель сборов — практика на пересеченной местности, в обстановке, близкой к военной. Занятия лагерного сбора заканчивались смотрами (смотром уставного полкового учения и смотром-маневром)³.

С июля 1772 г. для улучшения подготовки кавалеристов Военным министерством совместно с управлением Красносельских лагерей открыт Красносельский «гипподром», где проводились скачки трех уровней сложности. В программу состязаний входила и манежная езда⁴.

Инструкция «Наставление каким образом в будущем лагере производить ученье как пехоте так и кавалерии» была издана только в 1774 г. Она была разработана командиром Санкт-Петербургского легиона С. М. Ржевским, вышедшим из Сухопутного шляхетного корпуса и последовательно прошедшим все чины, начиная с поручика. Целью «Наставления» было поставлено «изыскивать полезнейшие для войска движения

¹ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 1. С. 82.

² Гусар, или короткие правила для легких войск. С. 34, 51, 56, 94.

³ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 5. С. 62; Масловский Д. Ф. Записки по истории... Т. 2. С. 111–112.

⁴ Чеснокова А. Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: немцы, французы, британцы, 1703–1917. СПб., 2003. С. 239.

и кратчайшие способы к совершению оных»¹. Руководство носит исключительно практический характер; в нем сформулированы два качества, которые позволяют одержать победу, — простота и проворство. Из уставов и инструкций было исключено все, что не касалось военного искусства напрямую, «чтобы ничем таковым в экзерцициях (т.е. в уставных формах. — Б.Ш.) и маневрах (т.е. в прикладной части уставов. — Б.Ш.) люди напрасно... только в виде украшения, утруждаемы не были»².

Относительно производства атаки мнения были однозначные: ее основами названы «глазомер, быстрота, натиск»³. Кавалерийским оружием избрана сабля (палаш); и Суворов, и Румянцев настаивали на употреблении в кавалерии холодного оружия, по возможности исключая огненный бой⁴. «В коннице исполнять что ей свойственно, — гласил «Ордер господину генерал-аншефу и кавалеру А.В. Суворову», выданный Г.А. Потемкиным, — в выстроении фронтов и обороты производить быстро, а паче атаку, коей удар быть во всей силе. Сидеть на лошади крепко со свободностью, какую казаки имеют, а не по манежному принуждению»⁵.

Также стоит отметить фактическое упразднение кирасир (т.е. отмену в кирасирских полках ношения кирас), поскольку, по мнению Потемкина, «[тяжелая кавалерия] тяжела только сама себе, а не ударом неприятелю»⁶. Ставка была сделана на однообразную организацию полков по легкоконному типу: «Господа полковые командиры должны употребить все старание поставить полки свои соответственно званию легкоконных», — гласил приказ Потемкина от 27 января 1789 г.⁷ Самой боеспособной частью были признаны казаки, которые, по словам француза на русской службе полковника А.Ф. Ланжерона,

¹ Цит. по: *Розулин Н.Г.* «Полковое учреждение» А.В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб., 2005. С. 108.

² *Масловский Д.Ф.* Записки по истории... Т. 2. С. 80.

³ *Суворов А.В.* Наука побеждать. М., 1987. С. 7.

⁴ *Витт Л.В.* Конница: Вооружение и владение оружием. С. 31; *Суворов А.В.* Жизнь Суворова им самим описанная, или собрание писем и сочинений его. Ч. 2. М., 1819. С. 253.

⁵ *Масловский Д.Ф.* Записки по истории... Т. 2. С. 23.

⁶ *Иванов П.А.* Обзорение состава и устройства... С. 121.

⁷ Там же. С. 121.

«осуществляют собой предание о centaврах, ибо они... слиты в одно с своими лошадьми»; это войско, по его же словам, было «самое дешевое и самое полезное в Европе»¹.

Тем не менее при всех достоинствах казачьего войска, у него был как минимум один недостаток — его люди, обладавшие «сверхъестественными способностями опознавать местность, сохранять ее в уме, обшарить ее, составить о ней ясное понятие, расположить в ней свои цепи сообщения... определить силу неприятеля, узнавать дороги с помощью звезд»², не были приучены к действиям в регулярном строю. Первостепенной необходимостью становится обучение воинскому искусству. Залогом успешного обучения называется его постоянство. «Ежедневно рекрута посылать в полковую ма-неж, — говорилось в «Инструкции конного полка полковнику» (1766), — для показания ему вседания на конь и низседания с коней, держание, будучи на лошади, талии, ног и поводов, свободное владение своей лошадью, обороты, заезды и осаживание лошади, крепкое и смелое сиденье на лошади, через что увеличить может вид проворного неутомимого и храброго кавалериста»³.

В помощь кавалеристам в каждом полку учреждались берейторы. В полковых штатах берейторы впервые показаны 14 января 1763 г., по одному на каждый кирасирский и на каждые два карабинерных полка. С 13 мая 1764 г. — по одному берейтору на каждый драгунский полк⁴.

В 1766 г. существование полковых берейторов было закреплено вышеупомянутой «Инструкцией конного полка полковнику». «А должность их [берейторов] состоит в следующем, — гласил документ, — как обер-, так и унтер-офицеров обучать пристойно и настоящей твердостью на лошадях сидеть и ими владеть; буде же кто из офицеров учиться пожелает настоящей школе, то за то имеют таковые берейтору платить.

¹ Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство русской армии // Русская старина. 1895. Т. 83. № 5. С. 192.

² Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II... С. 192.

³ Инструкция конного полка полковнику. С. 28.

⁴ В гусарских полках при Екатерине II официальных берейторов не было. См.: Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 1. С. 94.

Всех унтер-офицеров и к каждому корпоральству по 2 рядовых научить столько конской строевой езде, чтобы они были в состоянии лошадей выезжать в строевое, а не в школьное употребление, и знали б показывать другим, как на лошадях пристойно с крепостью сидеть, ими владеть, также оных во всем по надлежности и по пропорциям седлать...

Штаб- и обер-офицерам по одной настоящей строевой лошади выезжать, строевой, а не школьной выездки; казенных же строевых лошадей, кои в езде не смиренны... выездами через учеников своих в смиренность приводить...

К тому научению конской строевой езде рядовых определять способных... и оные имеют ожидать себе произведение в офицерское достоинство чрез берейторскую должность, а и прочих в унтер-офицеры и корпоралы не производить, которые не научатся конской строевой езде столько, как здесь выше предписано, еще меньше ж того, не знающего езды не производить в обер-офицеры, ибо в кавалерии служащий офицер недостойным своего чина почитается, который знания в конской езде не имеет... для чего при всех смотрах вышеписанного знания конской строевой езде от каждого строевого человека взыскивать с таким же неопущением, как и знания экзерциции, понеже кавалерист, не умеющий настояще лошадью владеть и на ней крепко сидеть, негоден ни к какому воинскому действию»¹.

Основы положений об обучении кавалерийскому искусству почти дословно повторяли аналогичные документы армии Фридриха: «ежедневно... рейтар по одному учить... и, конечно, доводить до того, чтобы всякий рейтар был прямо господином своей лошади и умел оною и ружьем владеть»². Обучение новобранцев велось в строгой последовательности от простого к сложному; сначала одиночное обучение, затем уставные совокупные учения, лагерный сбор, маневры и стрельбы. Румянцев настаивал на «непрестанном занятии войск потребным учением»³, для чего им предоставлялась возможность вести

¹ Инструкция конного полка полковнику. С. 126–128.

² Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801. Сборник документов. Т. 2. М., 2009. С. 193.

³ Румянцев П. А. Обряд службы. С. 110.

обучение весь год (кроме ограниченного периода травяного довольствия)¹.

К концу екатерининского царствования на главное место в обучении кавалерии, по прусскому образцу, помещается развод (вахт-парад). «От одного главное влияние обучению», — подтверждал Суворов в «Науке побеждать»². Таким образом, достижения прусского милитаризма были переосмыслены гением трех полководцев екатерининского времени — Потемкина, Румянцева, Суворова — в духе развития национальных начал, заложенных Петром Великим. Ориентиром было избрано казачество, имеющее природное единение с лошадыю (так называемая «природная кавалерия»³): именно оно могло оказать эффективное сопротивление прусской армии.

Однако, оценивая состояние кавалерии, стоит учесть и ее недостатки, когда, по словам военачальника А. И. Хрущева, «щегольство фрунта службою именовалось»⁴. Злоупотребления на местах приводили к некомплекту людей и лошадей, к отсутствию систематического одиночного обучения и к многим другим негативным явлениям, сокрытым за наружным блеском. Результативному управлению кавалерией также мешала ее чрезмерно усложненная структура: к концу екатерининского царствования она состояла из 5 кирасирских полков, 17 карабинерных, 11 драгунских, 3 гусарских, 11 легкоконных, 1 конно-егерского, 9 конных бригад Речи Посполитой, 3 хоругвей, 10 регулярных казачьих полков и 12 поселенных казачьих войск, общим числом 72 383 человека (не считая гвардейской кавалерии, которая несла в основном представительские функции)⁵.

За все время правления кавалерийский устав не обновлялся; к нему издавалось множество дополнений и инструкций

¹ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 1. С. 82.

² Суворов А. В. Наука побеждать. С. 16.

³ Тараторин В. В. Конница на войне. История кавалерии с древнейших времен до эпохи Наполеоновских войн. Минск, 1999. С. 355.

⁴ Татайников К. В. Русская армия времен Екатерины Великой: взгляд изнутри // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 308.

⁵ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 759. «Роспись войск Российской армии» и объяснительная записка к ней. 1 Января 1794 г. Л. 1, 9 об., 11 (Приложение 3).

румянцевских, суворовских, потемкинских, панинских и т. д.¹ «Каждый полк и даже каждая рота — это своего рода отдельная республика, где командир упражняется во введении новшеств, не имея возможности оценить их последствия. Отсюда — удивительные различия не только между отдельными полками, но даже между подразделениями одной части: никакого единообразия, никакого общего принципа», — замечал просветитель Ж. Ромм². «Русская армия не только не имеет точно определенных основных правил о маневрах, но в ней даже не существует никаких постановлений, которые в этом отношении подчиняли бы полки каким-либо правилам. Каждый полковой командир составляет для своего полка правила по своему желанию и какие ему вздумаются (одни из них ввели в своих полках основные правила французского устава 1773 или 1788 года, другие подражают прусской тактике и т. д.), растягивает или сокращает ход маневров, а в лагерное время придумывает и исполняет такие маневры, которые для него удобны», — заключал А. Ф. Ланжерон³. Требовалась еще одна, самая решительная, реорганизация.

2.3.5. ПАВЛОВСКИЕ РЕФОРМЫ. РЫЦАРЬ НА РУССКОМ ПРЕСТОЛЕ. КОННЫЕ ТОРЖЕСТВА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ XVIII СТОЛЕТИЯ

В России достаточно быть кавалерийским офицером, чтобы не уметь ездить верхом.

А. Ф. Ланжерон⁴

Состояние русской кавалерии при вступлении на престол Павла I (ноябрь 1796 г.) было более чем выразительно охарактеризовано все тем же А. Ф. Ланжероном: «Русская кавалерия состоит из тех же людей, что и пехота, даже еще более отборных, более сильных, более высоких и таких же храбрых. Русские лошади сильны и здоровы. Между тем русская пехота превосходна,

¹ Масловский Д. Ф. Записки по истории... Т. 2. С. 79–80.

² Ромм Ж. Заметки о военном деле в России в 1780 г. // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 3. М., 2000. С. 103.

³ Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II... // Русская старина. 1895. Т. 83. № 5. С. 195–196.

⁴ Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство русской армии // Там же. 1895. Т. 83. № 4. С. 158.

а кавалерия отвратительна. Причины этого весьма просты, вот они: Кавалерия никогда не упражняется... манеж — вещь почти неизвестная в русской кавалерии... Лошадей дурно кормят... они вовсе не обладают тем быстрым разбегом, той стремительной силой, той быстротой движений, которыми должна отличаться кавалерия и которые часто дают ей возможность решать участь сражения. Русские кавалеристы едва умеют держаться в седле; это лишь крестьяне, едущие верхом, а не кавалеристы, да и как они могут сделаться ими, когда в течение всего года ездят верхом всего 5 или 6 раз... Русские кавалеристы никогда не упражняются в сабельных приемах и едва умеют владеть саблями. Все лошади, без исключения, дурно взнузданы, вследствие чего... всадник не может... ни в каком случае управлять ею... в России достаточно быть кавалерийским офицером, чтобы не уметь ездить верхом»¹. Нужны были решительные реформы.

Как известно, император Павел I продолжил опруссачивание русской армии, начатое его отцом. В 1776 г., за 20 лет до вступления на престол, Павел Петрович побывал в Берлине и, ознакомившись с армией Фридриха II, пришел к убеждению, что прусская военная система может послужить основой для переустройства русской армии. Примечательно, что и Петр III, и его сын одновременно видели своим идеалом Петра Великого и считали себя продолжателями его дела². Образ российского императора как военного лидера-триумфатора был несколько переосмыслен³.

Со второй половины 1783 г. в распоряжение Павла Петровича поступила загородная резиденция Гатчина, где и были составлены по прусскому образцу его первые кавалерийские полки: Кирасирский Наследника (с 1785 г., с 17 ноября 1796 г. переименован

¹ Там же. С. 156–158.

² Батушкина армия. Гатчинские войска великого князя Павла Петровича. СПб., 2008. С. 9.

³ Не случайно именно в павловское время был установлен конный памятник Петру I работы Б.-К. Растрелли, десятилетиями остававшийся невостребованным в силу специфической трактовки образа императора (установлен перед южным фасадом Михайловского замка). Уже при Павле I постамент памятника был украшен словами «Прадеду — правнук», подчеркивающими преемственность власти. См.: Цепляев А. А. Конная скульптура Санкт-Петербурга. Гипнопластика. СПб., 2011. С. 29–33. По словам известного исследователя русской монархии Р.С. Уортмана, монумент «создает свирепый и устрашающий образ Петра-военачальника». Уортман Р.С. Сценарии власти. Т. 1. С. 32, 254.

в Лейб-кирасирский Его Величества), Жандармский (с 1787 г.), Драгунский и Гусарский (оба с 1792 г.) полки и прибывший с Дона казачий эскадрон (с 1793 г.). Здесь он проводил свои первые маневры¹. «Великий князь имеет в своем распоряжении 1600 солдат и 3 эскадрона кавалерии и воображает, что он умерший прусский король», — писал сановник Ф.В. Ростопчин в 1793 г.² «Въезжая в Гатчину, казалось, въезжаешь в прусское владение», — отмечали современники³. Но для Павла Гатчина была не кажущимся, а вполне реальным миром власти. Она стала для него не только увеселительным дворцом, устроенным по подобию резиденции принца Л.-Ж. Конде в Шантильи⁴, но и военным лагерем.

Основы, на которых была создана павловская кавалерия, представляли смесь буквальных заимствований у Фридриха II, его отца, «короля-солдата» Фридриха Вильгельма I, а также отца Павла Петровича — российского императора Петра III, и оригинальных идей самого Павла Петровича. Основа концепции — взгляд на кавалерию как на лучшую часть войска — была перенята у Фридриха II⁵.

Кадетские корпуса, также в подражание Фридриху II, поступили под личное покровительство императора. Главноталествующим кадетского корпуса с января 1798 г. был назначен второй сын императора Константин Павлович⁶. Большое

¹ ГАРФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 98. Весенние маневры в Гатчине. 1796. Л. 1–6; Сведения о гатчинских войсках. СПб., 1835. С. 9–10, 18–70; Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. С. 26.

² Письма графа Ф.В. Ростопчина к графу С.Р. Воронцову // Архив князя Воронцова. Т. VIII. М., 1876. С. 76. Цит. по: Брикнер А. Г. Смерть Павла I. Общее положение перед переворотом (публикации А.В. Островского) // Военно-исторический журнал. 2008. № 10. С. 77.

³ Цит. по: Уортман Р.С. Сцепарии власти. Т. 1. С. 212.

⁴ Елкина А.С. Гатчина. Л., 1980. С. 4; Лансере Н., Вейнер П., Трубников А., Казнаков С., Пинз Г. Гатчина при Павле Петровиче, цесаревиче и императоре. СПб., 1995. С. 332–335. Изземные идеи были органично вписаны в русский северный пейзаж; итогом стал уникальный архитектурно-парковый ансамбль. См.: Шапиро Б.Л. «...Соблаговолили выезд иметь верхами»: августейшие амазонки гатчинской резиденции // Дворцы и события. К 300-летию Большого Петергофского дворца: сб. статей. СПб., 2016. С. 226.

⁵ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 1. С. 173.

⁶ Грабарь В.К. Вскормленные с копыа. С. 196; Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 1. С. 51–52.

значение придавалось воспитанию кавалериста в полку. «Казарма есть не только жилище солдата, но и школа, где он воспитывается», — был убежден император¹. Павловский устав «О полевой кавалерийской службе» (1796) объяснял основы воспитания: «шеф полка есть всегда главная причина храбрости своих людей»².

Частью павловского плана была разработка подробнейших штатов, уставов и инструкций. Сразу по восшествии на престол император отменил екатерининские уставы и издал новые, часто почти дословные переводы с прусских оригиналов. Военно-административное творчество в это время необыкновенно объемно: за 4 с небольшим года павловского правления в свет было выпущено 80 изданий, что в среднегодовом выражении превзошло все предшествующие³.

Отдавая предпочтение конным войскам, император Павел I, как и его идеал Фридрих II, обращал особое внимание на качество кавалерийской подготовки. Желательным результатом была объявлена «ловкая и смелая езда»⁴. Основы кавалерийской службы излагались в воинском уставе «О полевой кавалерийской службе» (1796). В 1797 г. были изданы «Устав конного полка» и «Воинский устав о полевой гусарской службе», затем — «Правила для обучения кавалергардского полка», написанные его шефом генерал-лейтенантом Ф. П. Уваровым в 1800 — начале 1801 г.⁵ Эти руководства, изобилующие мельчайшими подробностями и учитывающие все особенности кавалерийской службы, давали возможность «указывать ей задачи более сложные чем пехоте. Этим конница ставилась выше пехоты и считалась главным родом войск. Такой взгляд... был естественен для тех, кто в прусских порядках видел образцы для подражания»⁶.

¹ Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. С. 160.

² Столетие Военного министерства. 1802—1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 1. С. 157.

³ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 6. Эпоха императора Павла I. СПб., 1910. С. 47; Дутов С. Ю., Лютов С. Н. Военное книгоиздание в России в XVIII в. С. 19.

⁴ Манзей К. Н. История Лейб-гвардии гусарского Его Величества полка. Т. 1. СПб., 1859. С. 86.

⁵ Панчулидзе С. А. История кавалергардов. Т. 4. СПб., 1912. С. 381—398.

⁶ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 6. С. 52.

В основу было положено правильное одиночное обучение рекрута, чем пренебрегали в екатерининское время. К кавалерийской науке приступали только после освоения пешего строя¹: «сначала учили ездить в манеже на корде, на уздечке, без стремян, шагом и рысью; затем рекруту давали стремяна и обучали езде на мундштуке теми же аллюрами, а затем и галопом „прямым и косым фронтом“ (в прямом направлении и в пол-оборота). Потом рекрутов сводили в шеренги и обучали шереножному строю»². Однако несмотря на упомянутую в заголовке кавалерийского устава «полевую службу», обучение происходило «почти исключительно в манеже, где царил немецкий педантизм и блюлась верность устаревшим понятиям и идеалам»³.

Обучение действию оружием (палашом и пистолетом у кирасир и драгун, саблей, карабином и пистолетом у гусар⁴) завершало одиночное обучение. Затем переходили к шереножному, взводному, а позже и к эскадронному обучению, причем устав категорически запрещал брать в эскадронное учение «ни не совершенно обученного человека, ни же не совсем обьезженную лошадь»⁵.

Подробные требования к обучению показаны в Приказе инспектора кавалерии и командира Лейб-гвардии Конного полка П. А. Палена 9 декабря 1797 г., последовавшем вскоре после приема им полка. «При осмотре моем полку я нашел, что люди по одиночке не выучены и для того за нужное нахожу эскадронным командирам предписать следующее:

1) стараться всемерно всякого человека по одиночке обучать конной езде...; правила конной езды довольно известны и потому лишним почитаю входить о том в подробности;

2) дабы каждый рейтар был господин своей лошади, нужно его довести до того...; ибо через сие могут в галоп попасть легко и атаки будут всегда точные;

¹ Устав конного полка. СПб., 1797. С. 10.

² Панчулидзе С. А. История кавалергардов. Т. 2. С. 179.

³ Иванов И. А. Обзорение состава и устройства... С. 226.

⁴ Воинский устав о полевой кавалерийской службе. 29 ноября 1796 г. // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 24. С 6 ноября 1796 по 1798 г. СПб., 1830. С. 159; Тактические правила или наставление воинским эволюциям Его императорского величества Воинский устав о полевой гусарской службе. М., 1797. С. 14–15.

⁵ Воинский устав о полевой кавалерийской службе... С. 159.

3) всякому рейтару показать по одиночке, каким образом ему действовать палашом в рубке; а потом опустя палаш вынимать пистолет и действовать оным... как обстоятельства того требовать будут;

4) также довести каждого рейтара, чтобы он из эскадронного фронта по позыву выехал, не давая другой помощи лошади, как шенкелем;

5) ...ежели люди будут доведены по одиночке, то весьма легко можно их совокушить вместе;

6) также найдено мною, что рейтары во фронте шевелятся, от чего оказывается дурной вид и исполнение всякой команды не может быть точно; а для того подтверждаю, наистрожайше внушать нижним чинам, дабы они, как скоро палаш вынут, были непоколебимы на лошадях»¹.

Обязательным пунктом шла выездка (обучение) молодых лошадей, «дабы по взятию их в их полк оные к службе совсем годны были»²; а для сбережения молодых лошадей рекомендовалось «лучше не употреблять их первый год в строю»³.

В обучении были активно задействованы лучшие иностранные берейторы (Павел I приглашал прусских офицеров на русскую службу еще со времен европейского турне графа и графини Северных⁴). Само обучение «было направлено к тому чтобы сделать из [солдата] автомата, двигателем которого должна быть только палка сержанта», — фраза, сказанная военным теоретиком и историком, кавалерийским генералом Н. Н. Сухотиным про фридрихову армию, как нельзя лучше характеризует и армию его подражателя⁵. Символом павловской муштры — и символом прусского в русской армии — стала деревянная трость с костяным набалдашником, составлявшая неотъемлемую принадлежность каждого начальника, от сержанта до фельдмаршала. «Один только рядовой солдат не имел трости: знаменательная

¹ Анненков И. В. История Лейб-гвардии Конного полка. 1731–1848. Ч. 3. СПб., 1849. С. 69–70.

² Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 1. С. 161.

³ Воинский устав о полевой кавалерийской службе... С. 159.

⁴ Сорокин Ю. А. Павел I: личность и судьба. М., 1996. С. 115.

⁵ Сухотин Н. Н. Фридрих Великий... С. 10.

особенность, доказывавшая, для кого носили ее»¹. В кавалерии трость была введена у всех унтер-офицеров; в конном строю она возилась замкнутой за седельную подпругу.

Вахт- и плац-парад — еще одно знаковое явление эпохи — были введены императором с первого дня своего царствования; Павел I лично присутствовал на разводе с церемонией, состоявшемся в 11-м часу утра 7 ноября 1796 г. Вахт-парады, где (в подражание Зейдлицу) демонстрировались сложнейшие конные построения и эволюции², проводились ежедневно в 9 утра, не исключая времени пребывания императора в загородных резиденциях. Дважды в год, весной и осенью, проводились маневры в Гатчине или Павловске, где император лично командовал войсками (первое время в качестве шефа и полковника всех гвардейских полков; сам он шел во главе Конной гвардии)³.

Одновременно русская кавалерия была реформирована по прусскому образцу (в части ее родов и соотношения между ними):

1) карабинерные, конно-егерские и легкоконные полки заменены кирасирскими;

2) упразднено конное ополчение на юге страны;

3) увеличено число казачьих полков (до 47).

Самым знаменательным событием в ряду переустройств стало возрождение кирасир. Примечательно, что и «Устав о полевой кавалерийской службе», и «Устав конного полка» под кавалеристом понимали лишь кирасира или драгуна⁴. При наращивании численности кирасир планировалось сокращение армии, и особенно кавалерии, что диссонировало с прусским опытом.

¹ Панчулидзеv С. А. История кавалергардов. Т. 2. С. 132.

² Описание о вахт-параде // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 26. 1800–1801. СПб., 1830. С. 331–337.

³ Захарова О. Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской Империи XVIII — начала XX века: коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, военные парады, рыцарские карусели, церемониальные застолья, балы. М., 2003. С. 154; Панчулидзеv С. А. История кавалергардов. Т. 2. С. 95, 192. Исключения бывали лишь во время посещения императором Ново-Иерусалимского и Троице-Сергиевского монастырей. См.: Уортман Р. С. Сценарии власти. Т. 1. С. 243.

⁴ Воинский устав о полевой кавалерийской службе... С. 156–157; Устав конного полка. С. 3–4.

За четырехлетнее правление число кавалерийских полков сократилось на 11, а общая численность — на треть. К концу царствования численность полевой кавалерии составила всего 45 000¹.

Благодаря сумме принятых мер, настойчивости и постоянству требований к концу XVIII в. русская кавалерия была приведена в наилучшее за всю ее предыдущую историю состояние. Не последнюю роль в этом сыграло копирование прусского опыта², но Павлом I «в подражание подражателю Фридриха Второго, отцу своему»³ были заимствованы преимущественно его внешние, наиболее эффектные, но все же второстепенные детали, не составившие целого. Взятые отдельно от общей концепции Фридриха II, они не могли дать русской кавалерии ожидаемого прорыва. Уверенного перехода от манежной езды к полевой, столь необходимой для успешного конного боя, не произошло: этот период истории известен скорее опруссачиванием русской кавалерии, нежели ее военными успехами (так, в Итальянском и Швейцарском походах А. В. Суворова она была задействована минимально⁴).

Тем не менее рецепция достижений Фридриха II в павловской России приобрела значение, которое трудно переоценить: именно благодаря ей были определены векторы, в направлении которых национальное кавалерийское искусство развивалось в следующие полвека.

Личные пристрастия императора стали причиной того, что «роскошный, пышный Двор преобразился в огромную кордегардию... тотчас все приняло другой вид: загрели шпоры,

¹ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 6. С. 23; Сухошин Н. Н. Фридрих Великий... С. 139.

² Еще одним отступлением от прусской концепции стал осознанный отказ от наступательной войны в пользу оборонительной, несмотря на то что преимущества атаки «во всю конскую прыть» в строю «колено с коленом сомкнувшись» не оспаривались. См.: Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 138; Воинский устав о полевой кавалерийской службе... С. 162–163, 166.

³ Панин-Колледаев С. А. История кавалергардов. Т. 2. С. 116. Так, известно, что Павел I носил перстни — один с портретом Фридриха Великого «под большим бриллиантом, крутом осыпан бриллиантами», и другой — с портретом Петра III «под камнем». См.: Семевский М. И. Описи орденов, разных вещей и драгоценностей императора Павла I, с распределением их по смерти Императора, в 1801 году, разным лицам // ЧОИДР. 1867. №. 2. С. 90–91.

⁴ Клаузевиц К. Швейцарский поход Суворова 1799 года. Ч. 2. М., 1939. С. 244; Орлов Н. А. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 году. С. 28–29.

ботфорты, тесаки»¹). Кавалерийская служба была сведена к участию в разводах и парадах. «Просто невероятно, до какой степени Павел любит большие церемонии, какую важность им придает и сколько времени на них тратит», — отмечал современник, французский посланник и мемуарист².

Среди важнейших церемоний этого царствования нужно назвать закладку Михайловского замка (26 февраля 1797 г.), воплощение павловского рыцарского идеала³ — средневековой неприступной крепости, окруженной водами рек и каналов⁴. В это недолгое правление, в ряду мер по усвоению страной западноевропейской культуры, рыцарство становится для дворянства и *modus vivendi*, и *modus operandi*. Император, с детского возраста⁵ увлеченный историей мальтийских рыцарей, после захвата Мальты Наполеоном Бонапартом учредил на территории России приорат ордена Св. Иоанна Иерусалимского и провозгласил себя его Великим магистром. Как известно, он воображал себя «новым Готфридом Бульонским во главе своей верной и преданной армии, [которая] пойдет крестовым походом против ненавистной революции, восстановит ниспроверженные монархии, водворит нравственность и законность и, увенчанный лаврами и осыпанный благословениями от всех монархов, [русский царь] будет управлять судьбами Европы»⁶. Наградой для представителей лучших дворянских фамилий становится

¹ Панчулидзева С. А. История кавалергардов. Т. 2. С. 96. Это было тем более странно, что в павловское время участие в боевых действиях при дворе ценилось мало (так, разъяснения новых уставов штаб- и обер-офицерам проводились полковником И. Я. Каннабихом и генерал-майором А. А. Аракчеевым, к тому моменту не бывавшими в действующей армии. См.: Орлов Н. А. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 году. СПб., 1892. С. 35; Охлябинин С. Д. Повседневная жизнь Русской армии во времена суворовских войн. М., 2004. С. 189.

² Цит. по: Уортман Р. С. Сценарии власти. Т. 1. С. 242.

³ Агеева О. Г. Императорский двор России эпохи Павла I. М., 2018. С. 334.

⁴ Уортман Р. С. Сценарии власти. Т. 1. С. 254. Другим событием стало по царски роскошное погребение польского короля С. Понятовского (25 февраля 1798); в царствование Павла I он получил прибежище в Мраморном дворце. См.: Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. С. 155–156.

⁵ Порошин С. А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881. Стб. 267–268, 274.

⁶ Панчулидзева С. А. История кавалергардов. Т. 2. С. 154.

посвящение в рыцари. Рыцарская символика, как уже отмечалось, включается в государственный герб империи.

В ряду условно-рыцарских построек появляются (кроме уже упомянутого Михайловского замка, выкрашенного в орденский цвет) Приоратский дворец с Кабинетом приора, Мальтийская капелла с тронем гроссмейстера (при Воронцовском дворце, который получил неофициальное название «Замка мальтийских рыцарей»¹), игрушечная крепость Мариенталь, окруженная рвами с водой по всем правилам фортификации².

В устоявшийся за столетие ряд официальных праздников вводятся рыцарские ритуалы³. Событием государственной важности и великим рыцарским торжеством стала церемония перенесения мальтийских регалий (гроссмейстерской короны, знамени, кинжала веры и печати)⁴. Впервые церемония перенесения мальтийских регалий была проведена в Высочайшем присутствии в июне 1799 г. — года, особенно богатого на торжественные церемонии.

Особое место среди придворного церемониала заняли рыцарские турниры-карусели. Местом проведения предполагался гатчинский Амфитеатр: строительство было начато в 1797 г., но проект не был завершен. Сохранилось его краткое описание: «На большем лугу перед главным фасадом дворца, по ту сторону рвов, будет устроено поле... окруженное барьером, высотой по локоть, открывающимся по середине против дворца; на противоположной стороне будет построена трибуна с сидениями,

¹ С 1810 по 1918 г. в Воронцовском дворце размещалась придворная школа по подготовке пажей — Пажеский корпус, сохранивший мальтийскую символику. Слово «паж» — от итальянского *Paggio* (лат. *Paedagogium*), дворянские недоросли, которых держали в знатных домах в качестве прислуги. Во времена рыцарства пажи находились в свите рыцаря, обучаясь верховой езде и действию оружием. По достижении 14 лет производились в оруженосцы. См.: Милорадович Г. А. Материалы для истории Пажеского... С. 7.

² Шаниро Б. Л. «Для вечного хранения...»: полковые реликвии эпохи Павла I // Обсерватория культуры. 2019. № 1 (16). С. 30–39.

³ Полномочный министр Ордена Ю. П. Литта привез в Петербург дары Ордена: позолоченную кольчугу и орденские знаки для Павла I и его семейства. См.: Молло Е. С. Орден Святого Иоанна Иерусалимского в России // Военная быль. 1966. № 80. С. 32–35; Панчулидзе В. А. История кавалергардов. Т. 2. С. 152, 155–157.

⁴ Регалии обыкновенно хранились в Зимнем дворце и перевозились по месту пребывания императора в Гатчину, Павловск, Петергоф.

идушими уступами и обитыми венецианской материей, с гербом Его Высочества. По обе стороны трибуны, несколько ниже, за барьером будут помещены два оркестра музыки, а в обоих углах по той же линии будут поставлены две палатки — одна с прохладительными [напитками] и закусками, а другая для рыцарей, исполнивших свою задачу, где бы они могли сменить тяжелую обувь на более легкую для танцев. В обоих углах входа на поле будут построены небольшие павильоны, для помещения барьерной стражи, трубачей и оружия»¹.

Павловским апофеозом стал военный парад, объединенный с религиозным торжеством. Церемония, продолжающая коронационные празднества, состоялась в Московском Кремле в день Преполовления Пятидесятницы 29 апреля 1797 г. Военно-придворная культура обогатилась религиозной²: во главе церемонии был Павел — в далматике, регалиях и короне — первый и единственный русский император, командовавший войсками духовный отец и монарх в одном лице, персонифицирующий державную мощь России³.

Тяжелая кавалерия — рослые красавцы в серебряных рыцарских кирасах верхом на огромных лошадях — служили украшением официальных церемоний. Но более всех поражал парадный убор лейб-гусар, чьей отличительной деталью были барсовые шкуры: их носили «головой вниз, закидывая правую, переднюю, лапу за левое плечо, а правую, заднюю, заноса под правую руку и потом зацепляя обе их когтями, за круглый, серебряный медалион, украшенный золотым Императорским вензелем, под золотою же короною. В таком виде остальные две лапы барса оставались висящими, а хвост закидывался за правую, заднюю, лапу»⁴.

¹ Амфитеатр (Карусель) [Электронный ресурс]. URL: <http://history-gatchina.ru/parks/makarov/makarov7.htm> (дата обращения 02.06.2018).

² Согласно акту о престолонаследии, объявленному в день коронации, где Павел I назвал себя главой церкви. См.: Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб., 1901. С. 344.

³ Ахизер А. С., Клямкин И. М., Яковенко И. Г. История России... С. 205; Уртман Р. С. Сценарии власти. Т. 1. С. 243; Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 349.

⁴ Висковатов А. В. Историческое описание одежд... Т. 9. СПб., 1900. С. 22 (Рис. 14).

Наиболее запоминающимися для современников, в силу своей необычайности, стали события ноября — декабря 1796 г. Это коронование и перенесение из Александро-Невской лавры в Зимний дворец останков Петра III, и совместное погребение Петра III (вторичное)¹ и Екатерины II. Сразу же по смерти Екатерины, в ночь с 6 на 7 ноября 1796 г., «вступив на престол, — читаем мы в полковой истории кавалергардов, — Павел I не только решил перенести тело отца своего в Петропавловский собор, но придать этому событию вполне вид погребения коронованного Императора. За государственными, хранимыми в Москве регалиями, отправлен особый отряд кавалергардов. Взятие и вывоз оных из сей древней столицы происходил с великою и пышною церемонией. Для отвоза и положения оных сделан был особый длинный и драгоценною материей обшитый ящик, и повезли его покрытый драгоценной парчой, при охране скачущих по обеим сторонам, и спереди и сзади, многих кавалергардов во всем их пышном убранстве»².

10 ноября в столицу торжественно вступили гатчинские войска, разнообразием и блеском мундиров много способствовавшие красочности готовящегося печального торжества. По своей значимости они стояли не ниже викториальных праздников, «царских дней» и прочих действий государственно-представительского церемониала, а отчасти и превосходили их, поскольку именно во время печальных торжеств подводился итог правлению монарха, завершившего свой земной путь. Признательностью подданных должны были стать почести, оказанные усопшему согласно его статусу. Непременным условием среди обширного ряда условностей была «охрана такого же почетного караула, какой находился около него во дворце»³. Эта последняя

¹ Первоначально Петр III был похоронен в Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря (статус лавры монастырь получил только в 1797 г.) без почестей, подобающих императору. В ночь с 7 на 8 июля 1762 г. тело его привезли из места заточения и оставили в монастыре при «малого чина» многочисленной страже, а 10 июля «шестеро асессоров — все совершенно исключительные пьяницы — отнесли тело в церковь, где его погребли простые монастырские служки». См.: *Бойцов М. А.* Со шпагой и факелом. Дворцовые перевороты в России: 1725–1825. М., 1991. С. 301, 335.

² *Панчулидзе С. А.* История кавалергардов. Т. 2. С. 99.

³ *Погосян Е. А.* Петр I — архитектур российской истории. СПб., 2001. С. 300.

служба состояла не только в несении караула у гроба, где бы он ни находился, но и в сопровождении своего правителя в последний путь к месту упокоения; такое шествие получило название печального парада.

20 ноября вся императорская фамилия с Павлом I во главе, включая детей, посетила Александро-Невский монастырь кортежем из 42 карет с конвоем лейб-гусар и конной гвардии. Там они отдали свергнутому императору требуемые почести, тело его было вынуто из могилы и переложено в новый, золотым глазетом обитый гроб. У гроба был выставлен почетный караул из придворных чинов высших рангов; в церкви была поставлена кавалергардия, а в ее дворе — лейб-гвардейский караул¹.

25 ноября специально изготовленная корона была в торжественном поезде перевезена в Александро-Невский монастырь. По прибытии Павел I собственноручно короновал останки Петра III, возложив корону на гроб².

2 декабря петербуржцам было явлено зрелище, «которое еще недавно не представилось бы самому смелому воображению: из Невского монастыря потянулась в Зимний дворец печальная процессия с останками Петра Федоровича... По прибытии шествия во дворец гроб Петра Федоровича был внесен в траурную залу и поставлен на катафалке рядом с гробом Екатерины II»³. Процессия продолжалась два с половиной часа. По местам, по всему Невскому проспекту, начиная от Александро-Невского монастыря и до Зимнего, были расставлены шпалерами воинские части⁴. Конным строем прошли кавалергарды, кирасиры Наследника полка, лейб-гусары и лейб-казаки⁵.

¹ *Логунова М. О. Совместные похороны Екатерины II и Петра III // История Петербурга. 2013. № 1 (68). С. 15; Ритуал печального кортежа: ритуал похорон российских императоров. СПб., 1998. С. 63; Царствование императора Павла, 1796–1801 гг. Выписки из поденных придворных записок // Русская старина. 1886. № 5. С. 340.*

² В тот же день состоялась церемония перенесения погребальной короны для покойной Екатерины Алексеевны, и вынос ее тела из Тронной в Траурную залу.

³ Там же. С. 100.

⁴ *Анненков И. В. История Лейб-гвардии Конного полка, 1731–1848. Ч. 1. С. 167.*

⁵ *Логунова М. О. Совместные похороны Екатерины II и Петра III. С. 17; Принцева Г. А. Траурная процессия 2 декабря 1796 года. Перенос праха Петра III из Александро-Невской лавры в Зимний дворец // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 2001. С. 20–22.*

Траурная процессия переноса тел из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость была назначена на 5 декабря, когда войска были вновь выстроены для парада. И наконец, 18 декабря, после двухнедельной панихиды, останки «особ любезных родителей»¹ императора Павла I были преданы земле².

* * *

Печальный парад, по сути, завершивший торжества «осмнадцатого столетия», состоялся 23 марта 1801 г., когда тело Павла I было перевезено из Михайловского замка в Петропавловский собор. Последнюю службу императору служили все его войска, выстроенные шпалерами по пути шествия³. Отдавшие последний долг Павлу I, они были без промедления перенаправлены для приготовлений к торжеству коронации императора Александра I⁴, правление которого открывало новую эпоху в истории русского всадника.

Значение XVIII столетия, ставшего своеобразным водоразделом между старомосковской и молодой имперской культурой, трудно переоценить. Для русского всадника новый светский век стал «золотым веком». К концу столетия в основных чертах сформировалась национальная кавалерийская школа, заложенная в период первых преобразований; русская верховая лошадь получила особое значение, как достояние не только национальной, но и мировой культуры. Продолжалось развитие «глубинных форм, которые в новых ипостасях выступали лишь с большей яркостью»⁵: конь, как и ранее, оставался символом могущественного правителя, а культурный код «сильного мира сего» получил как никогда ранее устойчивую коннотацию с символическим образом конного героя.

¹ Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 308.

² Шапиро Б. Л. Печальные парады XVIII столетия и конные полки русской гвардии // Клио. 2017. № 3 (123). С. 89–97.

³ Кончина и погребение императора Павла I // Церковные Ведомости. 1901. № 10. С. 341; Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 502.

⁴ Штакельберг К. К. Полтора века конной гвардии. С. 19.

⁵ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII в.) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 359.

К кругу важнейших феноменов военно-придворной культуры, подвергшихся символизации, кроме традиционных образов власти, престижности, национального достоинства, впервые были причислены образы гендерной привлекательности. Впервые ценностный контекст новой культуры был выражен понятием «мода»; модный облик приобрел значение новой мифологемы¹.

За прошедшее столетие петровские нововведения перешли в область прочной традиции, изменившей содержание символического конного образа. В ходе все большей унификации старорусская культура почти полностью вытесняется из активного обращения. Из привычной приметы быта она перемещается в область национального наследия, имеющего больше символический, чем практический смысл. Ее заменяет культура общероссийская: она становится принципиально новой категорией, визуально обозначающей принадлежность ее носителя ко всей имперской общности. С развитием имперской культуры, в поисках национального своеобразия общероссийская культура приобрела название русской. Это понятие перестало обозначать этническую или региональную принадлежность, перейдя в категорию универсального, характеризующего всадника Российской империи.

¹ Флиер А. Я. Миф как универсальный контекст интерпретации культуры // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 6. С. 724–729.

Часть 3.
Центавры Российской империи

ГЛАВА 1. РУССКИЙ ВСАДНИК В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ ПАВЛОВИЧЕЙ

3.1.1. РЕЦЕПЦИЯ ВОЕННОГО ОПЫТА XVIII СТОЛЕТИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I. КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ

В последние годы нового светского века были определены те основы, на которых национальное кавалерийское искусство развивалось и в начале XIX столетия. «Под Аустерлицем мы сражались так же, как маневрировали под Гатчиной», — резюмировал полковник П. А. Иванов, автор масштабного «Обозрения состава и устройства регулярной русской кавалерии...», подводя итоги истории русской кавалерии XVIII в.¹ «Без Гатчины не было бы и Парижа», — вторил ему военный журналист ротмистр А. Л. Марков².

Дело императора Павла I было продолжено его сыновьями³. При вступлении на престол Александра I полевые войска состояли из 215 батальонов пехоты и 41 полка кавалерии. К началу 1807 г. состав армии возрос до 436 пехотных батальонов и 62 кавалерийских полков. Нарращивание численности планировалось произвести главным образом за счет увеличения числа офицеров⁴. Вследствие этого ощущался недостаток

¹ Иванов П. А. Обозрение состава и устройства... С. 152.

² Марков А. Л. Оклеветанный император // Военная быль. 1955. № 13. С. 21.

³ Шаниро Б. Л. Кавалерия в царствование Александра I: рецепция военного опыта XVIII столетия // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. 2019. № 3. С. 272–278. Александр I в первые годы после своего вступления на престол сохранил общее направление развития армии; изменилось лишь обмундирование. Старшие сыновья Павла I, получившие воспитание под его непосредственным руководством, осознавали значение его военной политики и военных реформ.

⁴ А в гусарских полках — еще и унтер-офицеров. Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 7. Эпоха императора Александра I. СПб., 1913.

в офицерском составе; он усиливался убылью в действующей армии, которая во время военных действий 1805–1807 гг. была довольно значительной.

Офицеров сухопутных войск в это время готовили четыре школы: 1-й и 2-й кадетские корпуса, Гродненский (Шкловский) кадетский корпус и Дворянское отделение Императорского Военно-сиротского дома. В кавалерию выпускали из 1-го Кадетского корпуса, где часть воспитанников обучалась манежной верховой езде и конной экзерциции еще со времен директорства Б.К. Миниха (и по тем же правилам). С 1778 г. начато обучение кавалерийскому искусству воспитанников старших классов Шкловского кадетского корпуса; обучение проводилось по инструкции для Лейб-гвардии Конного полка¹. Воспитанники Пажеского корпуса, где также обучали верховой езде и кавалерийскому строю, выпускались преимущественно в Свиту. Сложившаяся в XVIII столетии система не удовлетворяла основным потребностям армии в новом веке.

Все перечисленные школы не давали требуемого армии количества офицеров. При почти полном отсутствии специализированных кавалерийских школ штаб-, обер-офицеры и нижние чины кавалерии (в том числе и конно-артиллерийская рота) ежегодно прикомандировывались к Конной гвардии «для узнания кавалерийской службы» в полковых условиях².

Для восполнения потребности армии в офицерах со специальным образованием требовалось решить следующие первоочередные задачи:

- 1) расширить количество или объем подготовительных и/или учебных офицерских школ;
- 2) ускорить подготовку офицеров в уже существующих школах;
- 3) поскольку недостаток офицеров более всего чувствовался в кавалерии, развивать преимущественно кавалерийские школы;
- 4) усилить подготовку в кавалерийских школах в соответствии с догмой: «кавалерия, не умеющая ездить по правилам,

С. 9, 17–18; Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, ведомственных Главному их Управлению. 1700–1880. Ч. 1. СПб., 1880. С. 100.

¹ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 1. С. 45–48.

² Штапельберг К. К. Полтора века конной гвардии. С. 56.

не может принести никакой пользы и есть только одно бремя для своего государства»¹.

Первым переустройству подвергся Пажеский корпус: в 1802 г. он был преобразован из придворного в закрытое привилегированное учебно-воспитательное заведение. Главным направлением обучения было избрано военное. По окончании курса пажи выпускались офицерами в полки старой гвардии по своему выбору. Кавалерийскому искусству пажи обучались, по традиции, сложившейся еще в XVIII столетии, в придворном манеже при Зимнем дворце, где им выделялись особые дни и особое время².

Основой обучения кавалерии все еще был павловский устав 1796 г.: он сохранял свою силу до 1812 г., представляя близкую копию военно-административных документов Фридриха II. Недостатком устава был слабый отдел одиночного обучения: он не содержал указаний на усложнение элементарной программы, следствием чего на местах было крайнее разнообразие в подготовке как всадника, так и его лошади.

Эти недостатки были отчасти ликвидированы в 1805 г. в «Опыте наставлений, касающихся до экзерциций и маневров кавалерийского полка». Это практическое руководство, до недавнего времени приписываемое эскадронным командирам Кирасирского Военного Ордена полка³, представляло собой переложение французского кавалерийского устава 1801 г. В русскоязычном издании подробно рассматривалось пешее и конное учение (одиночное, эскадронное и полковое); были предложены описание и рисунок правильной посадки на коне, посадки с палашом и методика рубки с коня⁴. Многие понятия и положения «Опыта» затем вошли в официальный устав.

¹ Прибавление к предварительному постановлению о стросвой кавалерийской службе. Школа кавалерийского солдата по одиночке или искусство верховой езды для солдата. СПб., 1815. С. 7.

² Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных... Ч. 1. С. 98; Милорадович Г. А. Материалы для истории Пажеского... С. 44, 81, 84.

³ Жучков К. Б. Кавалерийское наставление Д. В. Голицына: неизвестный источник французского влияния в русской армии в начале XIX века // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 73–76.

⁴ Опыт наставлений, касающихся экзерциций и маневров кавалерийского полка. Издан трудами гг. эскадронных командиров Кирасирского Военного ордена полка. СПб., 1805. С. 52, 159.

В 1807 г. по Высочайшему повелению был издан «Опыт начальной тактики» — перевод с французского с добавлением самостоятельного материала по осмыслению национального военного опыта предыдущих лет¹. Некоторые положения «Опыта» были идентичны текстам уставов Фридриха II, так как подготовленная им прусская кавалерия все еще имела репутацию одной из самых сильных в Европе; к ее безусловным достоинствам относили блестящую выучку и неукоснительное следование уставным тонкостям (а к недостаткам — излишний педантизм и явное предпочтении учебных целей боевым). В итоге русская кавалерия получила руководство, соответствующее реалиям своего времени.

Начало следующего периода было ознаменовано открытием Учебного кавалерийского эскадрона (1809). Первоначально целью его создания была подготовка унтер-офицеров и музыкантов (из кантонистов) для кавалерийских полков по назначению великого князя Константина Павловича как генерал-инспектора кавалерии². Воспитанники были прикомандированы к Конной гвардии, несли службу наравне с конногвардейцами, размещались в казармах полка и занимались в его манеже под ежедневным наблюдением командира полка — все того же Константина Павловича, лично разъяснявшего эскадронным командирам приемы обучения³.

¹ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 7. С. 145–149.

² Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 183; Пономарев И. А. Офицерская кавалерийская школа на Шпалерной (Аракчеевские казармы) // История Петербурга. 2011. № 3 (61). С. 10. Эскадрон выпускал 100 унтер-офицеров и 25 трубачей ежегодно. Константин Павлович также исполнял обязанности председателя Совета военно-учебных заведений; после его смерти в 1831 г. главным начальником Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка был назначен Михаил Павлович, который «в продолжении 18-ти лет (до своей кончины в 1849 г. — Б. Ш.) преданно, неутомимо... с глубоким чувством долга, помогал своему монарху в великом и трудном деле воспитания рассадики офицеров для армии». См.: Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. 1700–1880. Ч. 2. СПб., 1880. С. 18. С 1850 г. каждый выпускающийся в офицеры получал копию написанного собственноручно Михаилом Павловичем «Прощания с моими детьми военно-учебных заведений», найденного в бумагах великого князя после его смерти. См.: Гольмдорф М. Г. Материалы для истории бывшего Дворянского полка. 1807–1859. СПб., 1882. С. 131; Николаев Б. А. Прощание с моими детьми (к 150-летию Дворянского полка 1807–1957) // Военная быль. 1957. № 26. С. 22.

³ Штакельберг К. К. Полтора века конной гвардии. С. 55. Великий князь оставил командование полком в 1813 г.

Константиновская система обучения новобранцев была жесткой. Такой подход был установлен еще при Павле I (и заимствован у легендарного Зейдлица): «без седла и без стремян... с первого же дня рысью на корде, и с усилением хода каждый раз, когда всадник начинает терять посадку»¹. Стоит учесть, что в те годы была установлена введенная лично Константином Павловичем посадка на лошади: плечо, колено и носок располагались по одной отвесной линии². Всадник, овладевший этой наукой, выглядел весьма презентабельно, но она была крайне сложна для неопытных³.

В 1810 г., с началом подготовки к войне с Наполеоном Бонапартом, стал очевиден недостаток специализированной подготовки выпускавшихся в кавалерию. В 1811 г. открылось кавалерийское отделение при Дворянском полку — эскадрон на 110 дворян. Им были даны «доброезжие» лошади с амуницией от гвардейских полков, конюшни, манеж 2-го кадетского корпуса и наставники из числа ведущих офицеров гвардии⁴.

К началу боевых действий 1812 г. кадетские корпуса, Пажеский корпус и Дворянский полк подготовили во все рода войск более тысячи офицеров «храброго воинства, от которого, — согласно

¹ Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 227. При Павле I «сначала учили ездить в манеже на корде, на уздечке, без стремян, шагом и рысью; затем рекруту давали стремяна и обучали езде на мунштуке теми же аллюрами, а затем и галопом „прямым и косым фронтом“». См.: Панчулидзе С. А. История кавалергардов. Т. 2. С. 179.

² Это вариант посадки, введенной Павлом I: «чтоб грудь была у него (рекрута) назад, голову бы держал прямо, а корпус немного вперед, руки к телу; левую руку, как возможно, низко, но чтоб не лежала на седле, правую же руку... опускал бы прямо по лядвии, локтем к себе; ноги держал бы не очень вперед, шпоры далее от лошади, а носки в прямой линии с коленом». См.: Там же.

³ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 7. С. 195; Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 227.

⁴ Гольмдорф М. Г. Материалы для истории бывшего Дворянского... С. 7–10; Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 182–183. Полк вел историю с 1807 г., когда молодых дворян, стремящихся к военной карьере, вместо определения в полки унтер-офицерами присылали в Волонтерный корпус при 2-м кадетском корпусе. Здесь они знакомились с порядком службы и обучались строю, после чего ускоренно выпускались в полки прапорщиками или корнетами, в том числе в кавалерию. В 1809 г. корпус получил название Дворянского полка в память одноименного полка корпуса принца Конде на русской службе. См.: Гольмдорф М. Г. Материалы для истории бывшего Дворянского... С. 8–9; Малаев М. С. Исторический очерк военно-учебных... Ч. 1. С. 102–104.

Высочайшему рескрипту на имя князя Кутузова, — Россия ожидала славы своей, а вся Европа — своего спокойствия»¹. Состав регулярной кавалерии был увеличен с 2 000 человек гвардейской и 47 000 армейской кавалерии в 1805 г. до 5000 гвардейской и 65 000 армейской кавалерии. В конце 1812 г. во всех кавалерийских частях было увеличено число эскадронов; теперь все кавалерийские полки состояли из шести действующих и одного запасного эскадрона. С этой реформой численность кавалерии увеличивалась на треть; соответственно возросла потребность в офицерском составе².

Это было время, когда дворянская молодежь спешила вступать в войска, откинув «презренный... фрак канцеляриста и помещичий халат»³. По словам военного историка А. А. Керсновского, «все, что было в России горячего сердцем и чистого душой, [на]дело мундир в Великий Двенадцатый год, и большинство не собиралось с этим мундиром расставаться по окончании военной грозы»⁴. Число желающих поступить в корпус стало так велико, что к середине 1813 г. в Дворянском эскадроне числилось 236 воспитанников⁵. Тогда же в эскадрон вошли юнкера, прикомандированные от кавалерийских полков для строевого обучения⁶.

«Дабы приуготовить юного воина в полном смысле слова к службе», было опубликовано «Послание к юным защитникам отечества в апреле месяце 1812 года» с посвящением юному великому князю Михаилу Павловичу. Среди прочего «Послание» разъясняло главные обязанности кавалериста: он «обязан иметь большое попечение о вверенной ему государевой строевой лошади, он должен ее кормить, поить и чистить прилежно, сберегать, где только можно, ибо она ему первый друг, бережет его здоровье и жизнь, делает его победителем над неприятелем

¹ Там же. С. 140.

² Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 7. С. 18–20; Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 188.

³ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии 1814–1881 гг. М., 1993. С. 14.

⁴ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. С. 8.

⁵ Гольмдорф М. Г. Материалы для истории бывшего Дворянского... С. 26.

⁶ Согласно «Положению о кавалерийских полках». См.: Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 1. С. 94.

и исправным солдатом — жить и умереть на одной доброй лошади есть лучшее правило»¹.

В 1812 г. вышел кавалерийский устав «Предварительное постановление о строевой кавалерийской службе». Его особенностью были сложные конные эволюции, отразившие переход на новый уровень мастерства.

В Заграничных походах 1813–1814 гг. русские кавалеристы могли «лично познакомиться с принципами боевой подготовки и службы прусской, австрийской и французской конницы, посетить школы верховой езды в Берлине, Вене, Версале и Сомиюре. Необыкновенная тонкость и точность работы с лошастью сочетались здесь с выполнением сложных и сверхсложных элементов верховой езды... и когда русская армия вернулась домой, то военная администрация точно определила главное направление работы в кавалерии: заложить основание систематического, планомерного и всеобщего обучения солдат и офицеров манежной верховой езде»². Идеи Павла I и Фридриха II стали осознаваться как ушедшие в прошлое. Русская кавалерия вступила в новую эпоху.

3.1.2. ПОСЛЕ ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ РУССКОЙ АРМИИ 1813–1814 ГГ.

Знаковым для дальнейшего развития кавалерийского искусства в России был 1816 г. (и не только в России: именно тогда был открыт военный институт верховой езды в Берлине). Известно, что массовое знакомство русских кавалеристов с берейторским искусством и с манежной ездой произошло при Екатерине II, когда берейторы были введены в полковые штаты.

¹ Цорн П. И. Послание к юным защитникам отечества в апреле месяце 1812 года. СПб., 1816. С. 28–29. Книга, написанная в 1812 г., поначалу бытовала только в многочисленных списках.

² Бегунова А. И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I. М., 2000. С. 190. Так, А. Д. Чертков упоминает в своих дорожных дневниках польский «балет, настоящий танец лошадей», и цирковых лошадей Франкопи, выученных с необычайным искусством. См.: Дневники офицеров русской армии. А. Д. Чертков. Дневники 1813–1814 гг. // 1812–1814: секретная переписка генерала П. И. Багратиона. Личные письма генерала Н. Н. Раевского. Записки генерала М. С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии: Из собрания Гос. ист. музея. М., 1992. С. 415, 434–435.

Однако фактическое состояние дела на местах было таково, что знакомство состоялось больше понаслышке. Только с 1816 г. эти ключевые для грамотного обучения составляющие стали вводиться в полках в обязательном порядке¹.

Этому предшествовало издание «Прибавления к Предварительному постановлению о строевой кавалерийской службе, содержащее школу кавалерийского солдата на лошади по одиночке или искусство верховой езды для солдата» (1815), где одиночное учение называлось «главным основанием усовершенствования войска»². Подробно излагались правила обучения «науке манежа», «чтоб он знал, как управлять лошадыю и как действовать оною во всех случаях... давая лошади должные способы исполнять волю седока с точностью, ловкостью и красотой»³. Предлагались приемы обучения езде шагом, рысью, галопом с переменной ноги, карьером, поворотам, вольтам, траверсу, прыжкам через препятствия и т.д.; переход к новым уровням сложности предполагался только после освоения предыдущих. Еще раз объяснялась правильная посадка на лошади (позитура): «ноги от колена должны висеть прямо по отвесу так, чтобы подпруги были оными закрыты, носки кверху, пяты книзу и вывернуты немного к лошади, наблюдая никак не дотрогивать лошади шпорами; подошвы нимало не подымать и не выказывать...»⁴. В конце 1815 г. «Школу» разослали в войска.

В 1816 г. вышел первый печатный «Эскадронный устав», в 1818 г. — «Воинский устав о кавалерийской строевой службе» (по сути редакция устава 1812 г.); в следующем году — устав «О полковом конном учении» (также основанный на уставе 1812 г.); в 1820 г. вышла последняя часть устава под заголовком «О линейном конном учении». Тексты готовились при деятельном участии Константина Павловича; в значительной мере на них повлиял прусский устав, но уже не Фридриха II, а Фридриха-Вильгельма III, изданный после Тильзитского мира, простой и строгий⁵.

¹ Иванов П.А. Обзорение состава и устройства... С. 82, 220.

² Прибавление к предварительному постановлению о строевой кавалерийской службе. С. 1.

³ Там же. С. 6–7.

⁴ Там же. С. 12–14.

⁵ Иванов П.А. Обзорение состава и устройства... С. 204–205.

В 1816 г. в программу обучения было введено повиновение лошади на шаг и на рыси, в 1817–1818 гг. перешли к боковым движениям и галопу с соблюдением дистанций; к 1819 г. русскими всадниками были освоены правильные аллюры и посадка. Наибольшие успехи были достигнуты Учебным эскадроном, что доказал смотр этого же года.

Еще в 1816 г. началась повсеместная постройка эскадронных манежей¹, где кавалеристы с большим энтузиазмом принялись за выездку лошадей — пока без знания этой малоизвестной в России науки, но с горячим желанием освоить ее. В 1817 г. к пятилетию победы в Отечественной войне был построен самый большой манеж Москвы — городской Экзерциргауз. В 1820 г. завершилось строительство манежа для Дворянского кавалерийского эскадрона². Парадоксально, но этот манеж, один из обширнейших петербургских манежей, остался маловостребованным. Число дворян, желающих поступить в эскадрон, стало незначительным (ежегодно до 40 человек). При наводнении 7 ноября 1824 г. (самом разрушительном за всю историю Петербурга) пострадали здания конюшен эскадрона: они не подлежали восстановлению, угрожая разрушением³; погибла часть учебных лошадей. Был поставлен вопрос об упразднении эскадрона, поскольку «малое число дворян в него вступающих не вознаграждает издержек»⁴. Исход вопроса был очевиден, поскольку горячим сторонником упразднения был Николай Павлович⁵.

Высвободившиеся средства великий князь планировал перенаправить на реорганизацию основанной в 1823 г. Школы гвардейских подпрапорщиков для юнкеров и нижних чинов. Школа, предназначенная для «готовящихся впоследствии украсить

¹ Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 222–223.

² Гольмдорф М. Г. Материалы для истории бывшего Дворянского... С. 30.

³ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 2. Главное управление военно-учебных заведений. СПб., 1907. С. 6–7.

⁴ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 1. С. 94.

⁵ Потто В. А. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823–1873. СПб., 1873. С. 172. При Александре I Дворянский полк выпустил в кавалерию 932 человека. См.: Гольмдорф М. Г. Материалы для истории бывшего Дворянского... С. 137.

и подкрепить собою славную российскую гвардию»¹, была создана по его замыслу и состояла под его надзором; он же разработал проект школы и инструкцию для внутреннего управления. Августейший покровитель посещал школу ежедневно и лично наблюдал за ходом строевых и классных занятий. Преподавателями были офицеры гвардейского генштаба. Общими стараниями школа быстро развивалась.

Нужно отметить и открытие в этом же, знаковом для русской кавалерии году, военной кафедры (военного отделения) Царско-сельского лицея. Выпускники отделения получали права окончивших Пажеский корпус и возможность поступить не на государственную, а на военную службу. Преподавание верховой езды было начато здесь в том же 1816 г.², но дисциплина не входила в военный курс³ и была обязательна для всех лицеистов без исключения; курс длился весь срок обучения. Ею занимались в Царско-сельском придворном манеже 3 раза в неделю, посменно, на лошадях расквартированного рядом Лейб-гусарского полка и под руководством его офицеров, которые на тот момент были одними из наиболее искушенных в кавалерийском искусстве⁴. «Мы стали ходить... в гусарский манеж, где, на лошадях запасного эскадрона учились у полковника Кнабенау, под главным руководством генерала Левашова», — вспоминал И. И. Пущин⁵. По мере взросления ученика передавали в обучение профессиональному берейтору.

¹ Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных... Ч. 1. С. 110. В том числе и молодые дворяне, желающие поступить в гвардию из университетов или из частных пансионов, не имевшие достаточной подготовки, присущей военному званию, «а тем паче гвардейскому офицеру». См.: Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных... Ч. 1. С. 110. В школу принимали по 24 человека на гвардейский полк, которые были сведены в эскадрон на 120 человек. См.: Иванов П. А. Обзор состава и устройства... С. 184.

² Селезнев И. Я. Исторический очерк Императорского лицея. 1811–1861. СПб., 1861. С. 9, 11–12, 136.

³ В лицее эта дисциплина относилась к изящным искусствам, наряду с танцами и музыкой, и преподавалась с поправками на время года, возраст воспитанника и его развитие физических сил, согласно правилу: «часть сия ни в каком случае не должна иметь другого вида, кроме забавы и отдохновения». См.: Там же. С. 94.

⁴ А также под началом шефа полка — с апреля 1818 г. им был сам Николай I. См.: ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 95. Л. 14. Списки генералов и офицеров лейб-гвардии гусарского полка с 22 апреля 1818 по 1848 г. Приложена справка о назначении Николая I шефом этого полка. Сентябрь 1848 г.

⁵ Руденская С. Д. Царскосельский-Александровский лицей: 1811–1917. СПб., 1999. С. 342.

В 1816 г. была введена кавалерийская подготовка и на периферии империи — в Финляндском топографическом кадетском корпусе, открытом с 1812 г., после присоединения Финляндии к Российской империи, в местечке Гапаньеми на базе шведского Кадетского корпуса. Здесь кадеты обучались верховой езде и вольтижировке на лошадях собственного завода еще со 2-й половины XVIII в. Верховая езда была строго обязательна к изучению, так как корпус готовил не только военных топографов; отсюда выпускались во все роды оружия и в Свиту¹. В 1823 г. корпус был переведен в г. Фридрихсгам и переименован в Финляндский кадетский корпус.

В 1816 г. из Дворянского полка выпущены первые 12 воспитанников-казаков. Примерно в это же время (не ранее 1816–1817 гг.) налаживается работа с лошадью в первом казачьем военно-учебном заведении — омском Войсковом казачьем училище (открыто с 1813 г. для подготовки офицеров Сибирского казачьего войска из казачьих детей). Первоначально обучение проходило без материальной базы; занятия по фронтовой части состояли лишь в прохождении рекрутской школы (строевой подготовки); с 1814–1816 гг. воспитанникам были доступны лишь старые казачьи сабли и деревянные ружья-макеты. Затем для воспитанников выпускного класса ввели уроки фехтования и верховой езды под наблюдением урядников, для чего предоставлялись строевые казачьи или артиллерийские лошади². Берейтор в штате отсутствовал, как и преподаватели узких специальностей³; вместо них преподавали отставные офицеры и казаки.

¹ Обучение началось в отсутствие собственных лошадей и берейтора. См.: *Лалаев М. С.* Исторический очерк военно-учебных... Ч. 1. С. 107; *Энкель К. Г.* Финляндский кадетский корпус. 1812–1887. Фридрихсгам, 1889. С. 34.

² Первый набор составил 40 казачьих детей. См.: *Гольмдорф М. Г.* Материалы для истории бывшего Дворянского... С. 137; *Гусев Н. Н.* Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1813–1913. М., 1915. С. 16–18.

³ Там же. С. 47. В 1817 г. состоялся первый выпуск; к 1819 г. училище выпустило 322 человека. Выпускники командировались в специализированные учебные заведения для продолжения образования. См.: *Басаев В. Р.* Омский кадетский корпус: история и современность. Омск, 2003. С. 17–21. С 1822 г. лучшие могли получить производство в офицеры по экзамену (до этого только по монаршему благоволению). В Александровское царствование заведение дало Сибирскому казачьему войску более полусотни командиров.

С 1819 г. обязательное обучение манежной верховой езде введено и в полках Сибирского казачьего войска: «В Омске был построен каменный манеж на 3 вольта, в форпостах и редутах манежи сооружались из плетня, обмазанного глиной. Возросли требования к строевой подготовке...»¹ С 1821 г. урядники Войска получили возможность продолжить обучение в петербургской Берейторской школе.

Нехватка преподавателей и берейторов была острой. Для их подготовки в 1817 г. были учреждены сразу две кавалерийские школы, в Петербурге (под наблюдением упоминавшегося выше выдающегося кавалериста, командира Лейб-гвардии Гусарского полка генерал-адъютанта В. В. Левашова) и в Варшаве (под наблюдением лично Константина Павловича), куда командировались офицеры из разных полков. Пробыв некоторое время при школе, они возвращались к полкам, передавая полученные знания.

В 1819 г. для подготовки наставников в кавалерийские школы при Штабе Отдельного гвардейского корпуса в Петербурге была учреждена Гвардейская Берейторская школа. Ежегодный набор составлял 30 унтер-офицеров из кавалерийских и конно-артиллерийских полков с допуском вольноопределяющихся (по другим сведениям — 70 унтер-офицеров и 30 кантонистов). Школа имела сотню собственных лошадей и отличный манеж. Она стабильно выпускала — впервые в истории — в кавалерийские полки берейторов отечественной подготовки. Кроме этого, она давала правильно выезженных офицерских строевых лошадей, что было необычным для России, где знали только любительскую выездку².

С 1819 г. действовала кавалерийская школа для юнкеров и нижних чинов при 2-й драгунской дивизии. Кроме строевых

¹ Андреев С. М. Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие, 1880–1917. Омск, 2006. С. 216.

² Восный энциклопедический лексикон. Т. 2. СПб., 1853. С. 272; Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 184, 219–200; Свод военных постановлений. Ч. 1. Образование военных учреждений. Кн. 3. Образование военно-учебных заведений с их управлениями. СПб., 1838. С. 312–313. С этого же времени избравшие кавалерийскую службу выпускники Пажеского корпуса прикомандировывались для обучения работе с лошадью к кавалергардам. См.: Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Феодоровны, 1817–1819. СПб., 1875. С. 46–47. Здесь обучение было налажено еще при Павле I.

и специально-кавалерийских дисциплин здесь преподавались и военные науки. Школа была открыта по инициативе командующего дивизией генерал-майора от кавалерии Ф. В. Ридигера; она давала хорошо подготовленных офицеров и отличных ездоков. Ее деятельность, как и деятельность других эскадронных школ, была недолгой; она прекратилась в 1823 г. с новым назначением командующего¹. В последнее десятилетие царствования Александра I войсковые школы были, пожалуй, единственным элементом, заимствованным из опыта предыдущих лет.

В 1820 г. открылась Школа для офицеров при главной квартире 1-й армии; кавалерийская подготовка здесь была обязательна и преподавалась в течение всего курса². Тогда же было открыто Артиллерийское училище, где кавалерийскому искусству обучалась конная артиллерия³. В 1823 г. была открыта Школа гвардейских подпрапорщиков, о которой сказано выше.

Таким образом, к концу царствования Александра I в создании национальной кавалерии были достигнуты значительные успехи. Менее чем за четверть века (по сути, за несколько лет, последовавших после Заграничных походов) было положено начало русской кавалерийской школе, известной своими достижениями. «Школа» была успешно перенесена в армию.

Однако только начавшая свое оформление система закономерно имела и слабые места. Ими были:

¹ Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 223. Начало войсковым школам было положено еще цесаревичем Павлом Петровичем, когда он открыл в гатчинских войсках классы для младших офицеров, подпрапорщиков и юнкеров. Гордостью школы был берейтор И. Я. Каннабих, который заведовал обучением верховой езде и наблюдением за выездкой молодых лошадей во всех гатчинских войсках. См.: Орлов Н. А. Гвардейские егеря при Павле Петровиче (к столетию Л.-Гв. Егерского полка). СПб., 1896. С. 12–13; Манзей К. Н. История Лейб-гвардии гусарского Его Величества полка. 1775–1857. С. 86.

² Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 1. С. 87, 90. Ежегодный набор составлял 30 офицеров. По окончании курса лучшие выпускники назначались в квартирмейстерскую часть. См.: Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 7. С. 80. Прототипами школы были московское и петербургское училища колонновожатых, откуда заимствовали учебную программу.

³ В первые годы качественного обучения кавалерийскому искусству для конной артиллерии не было; к услугам воспитанников был собственный небольшой манеж и лошади, которые давались от полков на время. См.: Платов А. С., Кирпичев Л. Л. Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820–1870. СПб., 1870. С. 42, 57, 59.

1) некомплект преподавателей — узких специалистов, учебных программ и пособий, лошадей и манежей;

2) недостаточная проработка модели «центр — периферия», что особенно касалось подготовки лошади;

3) слабое знакомство с методиками обучения, уже успешно применявшимися в Европе (например, специальная гимнастика).

Для стабильного развития не было условий во всех смыслах. Достигнутые позиции были неустойчивыми.

3.1.3. ДВОРЯНСКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ ЭЛИТА В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I. ШКОЛА КАВАЛЕРИЙСКИХ ЮНКЕРОВ. ВАСИЛИЙ ЛЕВАШОВ

Устранение недостатков и дальнейшее развитие русской кавалерийской школы было продолжено в царствование Николая I¹. С первых же дней своего воцарения он обратился к реформированию системы образования, сперва гражданского, а затем и военного. Требовалось «сличить и уравнить все уставы учебных заведений Империи, а также рассмотреть и подробно определить... все курсы учений»². Так был выявлен главный на тот момент недостаток российского военного образования — отсутствие в нем единообразия, поскольку «постановка курсов зависела лишь от начальников заведений, а еще более от самих преподавателей. Нигде не было полной гармонии между разными отделами военных наук»³.

Реорганизация кавалерийских школ началась с 1826 г., когда были упразднены московское училище колонновожатых и Дворянский кавалерийский эскадрон. По замыслу Николая I, в том же году на материальные средства Дворянского кавалерийского эскадрона учреждался новый эскадрон юнкеров гвардейской кавалерии при Школе подпрапорщиков. Она получила не только новую структуру, но и новое название: «Школа

¹ Шапиро Б. Л. «Русские центавры»: кавалерийские школы в правление Николая I // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 4–2. С. 156–163.

² Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных... Ч. 2. С. 3.

³ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального Штаба. СПб., 1882. С. 1.

гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров», которое отражало произошедшие изменения. Управление было передано великому князю Михаилу Павловичу.

Первоначально состав эскадрона был определен в 99 юнкеров (по 14 от каждого из 7 гвардейских полков, расквартированных в Петербурге и его окрестностях; 99-м числился так называемый «земной бог» — старший вахмистр). Для обучения принимались недоросли из потомственных дворян и пажи, желавшие служить в гвардии. Также здесь продолжали образование выпускники губернских кадетских корпусов¹.

Двухлетняя учебная программа разрабатывалась применительно к нуждам кавалерии. В занятия по тактике для низшего класса были включены основы ветеринарии, «признаки лет и качеств лошадей» и краткое знакомство с основами ипповетеринарии.

Существенной проблемой являлось отсутствие материальной базы для занятий. В первое время, за неимением собственных лошадей, конюшен и манежа, эскадрон занимался только пешей выправкой. Затем из Образцового кавалерийского полка были присланы первые 16 (по другим данным — 14) лошадей: они стояли при Измайловском полку, в конюшне Лейб-гвардии Конно-Пионерного эскадрона. Это не способствовало сохранению здоровья юнкеров, «страдавших от частых переходов в зимнее время из помещения школы в Измайловские казармы»².

В 1826–1828 гг., в ожидании выпуска, воспитанники были вынуждены брать уроки в частном манеже Моргенштерна. Езда без надзора сказалась отрицательно. Первый смотр прошел неудачно, и к производству в офицеры были допущены только юнкера кирасирских полков. Строительство собственных конюшен и манежа завершилось в конце 1828 г.³

¹ Рыкалов И. И. Историческая записка о Михайловском Воронежском кадетском корпусе. Воронеж, 1895. С. 16, 20; Шкот П. П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1832–1898. СПб., 1898. С. 29, 33.

² Потто В. А. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 267; Шкот П. П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 33, 38–39.

³ Из-за недостатка лошадей в тот год производилось только одиночное обучение, согласно расписанию, с 17 до 20 ч., в теплом крытом манеже, который отапливался 6 голландскими печами и освещался 32 лампами. Расход

В 1838 г. школа была реорганизована в четырехклассное военное училище. В эскадроне предполагалось 108 юнкеров. Часть вакансий предоставлялась Пажескому корпусу. В низших классах обучались по программе для кадетских корпусов, в высших — по специальной программе. Манежное обучение сменялось лагерными сборами, совместными для военно-учебных заведений и армии. Курс заканчивался публичными строевыми экзаменами в высочайшем присутствии¹.

Обучение верховой езде проводилось по возрастающей сложности, согласно действующему Александровскому кавалерийскому уставу (от 1812 г. и более поздним «прибавлениям» от 1815–1820 гг.). По традиции, начинали на простом оголовье без стремян, затем со стременами, затем оголовье дополнялось мундштуком. Наконец, юнкера ездили в полной амуниции на седлах с полным व्यюком. Отрабатывались элементы для смотров и разводов². Основные затруднения вызывало обучение 13-летних юнкеров, «не всегда способных к этому по молодости и физическому сложению»³.

на освещение был столь велик, что было приказано производить езду только днем, изменив расписание. С 1829 г. манежная езда совершалась в промежутке с 10 до 13 ч. См.: *Потто В.А.* Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 59–60; *Шкот И.П.* Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 45.

¹ *Потто В.А.* Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 164–167, 258; *Шкот И.П.* Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 52. Выпускниками школы были многие представители российской военной, политической и культурной элиты. В 1834 г. отсюда был выпущен корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк М.Ю. Лермонтов. Уже в те годы началось оформление особой традиции под названием «цук», целью которой было «в кратчайший срок... создать кавалерийского юнкера, выработать в нем отчетливость, исполнительность, одновременно элегантность и легкость в движении... [придать] особый облик, так отличавший всегда кавалерийского юнкера <...> Молодежь в полку поручалась „старшему корнету“, который представлял молодого в полковой жизни, развивая в нем любовь к службе, лошади и спорту. Год за годом российские императорские корпуса и училища формировали крепкие кадры русского офицерства, спаянные общими взглядами и воспитанием, создавая сильную военную касту». См.: *Витт Д.Л.* Миниатюры прошлого // *Военная мысль*. 1955. № 15. С. 16–17. Также см.: *Смирнов Р.В.* «Дикий обычай» славной гвардейской школы. Цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища. М., 2010.

² *Шкот И.П.* Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 45.

³ Там же. С. 72.

На эскадрон полагалось 113 строевых гнедых лошадей стоимостью от 30 до 700 р. Разброс цен объяснялся тем, что для обучения 13-летних мальчиков требовались смирные, хорошо выезженные лошади, которых получали из брака гвардейских полков; для юнкеров-ординарцев, являвшихся на смотр к государю, покупали кровных дорогих лошадей. Кавалерийскому искусству обучали и гвардейских подпрапорщиков, готовящихся к карьере адъютантов, полковых жалонеров и младших штаб-офицеров. Для этого годились разномастные лошади¹. Для выездки лошадей при школе состоял берейтор.

Снабжение лошадьми производилось профессиональным ремонтером Кирасирского Его Императорского Величества полка. Школа имела тесную связь с кирасирами: так, для практического применения устава и навыка к строю незадолго до производства в офицеры юнкера прикомандировывались к полкам 1-й кирасирской бригады, с которой выезжали на конные учения.

В 1839 г. школа получила новое, специально приспособленное здание, на месте плац-парада Измайловского полка и Кондукторской школы, в надворных строениях которой расположились школьные конюшни. В 1840 г. юнкера школы впервые удостоились чести быть конными ординарцами императора. С 1841 г., когда вырос уровень массовой подготовки, эскадрон кавалерийских юнкеров вновь начал принимать участие в высочайших смотрах и парадах (впервые взвод от школы участвовал в разводе в 1828 г. по случаю победы в Ахалцихском сражении И. Ф. Паскевича-Эриванского²).

Причиной успешного развития школы прежде всего называли блестящий состав преподавателей, таких как герой турецкой кампании 1828–1829 гг. штаб-ротмистр Лейб-гвардии Уланского полка И. С. Клерон, по словам современников, «центавр русской кавалерии»³. Юнкерская молодежь видела в нем идеал кавалериста.

¹ Потто В. А. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 51, 95; Шкот П. П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 33–34, 56.

² Потто В. А. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 60–61, 170; Шкот П. П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 55–56.

³ Потто В. А. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 104–105.

В 1842 г. состоялся долгожданный первый выпуск¹. В 1851 г. открылся оборудованный иппологический кабинет, где преподавал выдающийся ипполог академик А. Ф. Миддендорф (в 1851–1855 гг.). Кабинет получил широкую известность, в числе посетителей были великие князья Романовы².

В конечном счете Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров приобрела репутацию серьезной строевой школы, которая давала стране отлично подготовленных кавалеристов.

В один год со Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров был учрежден Образцовый кавалерийский полк, расквартированный в Павловске. Целью учреждения было введение в армейской кавалерии «однообразных правил... а также обмундирования, амуниции, седлания иковки лошадей и для подготовки учителей по всем предметам... кавалерийского образования»³. Полк не был военно-учебным заведением, но фактически представлял собой еще одну кавалерийскую школу.

Штат полка в составе 4 эскадронов был утвержден в 1829 г.⁴ Полк формировался из 15 кавалерийских дивизий, каждая дивизия давала взвод. Взводы сводились в команды по родам кавалерии: кирасирской, драгунской, конно-егерской, гусарской и уланской (личный состав созданного в 1826 г. для наблюдения за внутренним порядком Отдельного корпуса жандармов для обучения кавалерийской службе прикомандировывался не к Образцовому полку, а к состоящему при гвардейском корпусе Лейб-гвардии полевому жандармскому эскадрону, сформированному из нижних чинов гвардейской кавалерии)⁵.

¹ Шкот И. П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 35.

² Потто В. А. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 307; Шкот И. П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 70–71.

³ Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 17. Пг., 1914. С. 80.

⁴ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 4. 1829. СПб., 1830. Стб. 2603.

⁵ «Дежурному штаб-офицеру Штаба корпуса жандармов, господину майору и кавалеру Владиславлеву. При определении в корпус жандармов офицеров из других ведомств, с назначением начальниками команд, до сего времени не было обращено должного внимания на знание их пеших и кавалерийской службы, необходимое при заведовании жандармскими командами, как совершенно отдельными частями. Усматривая, что в следствие чего многие жандармские команды, при всем усердии и старании командиров оных, находятся в весьма неудовлетворительном состоянии, я предписываю к неперемennomu исполнению, чтобы

Численность постоянных кадров полка составляла 209 нижних чинов, переменных — 465.

В 1834 г. к полку был присоединен Учебный эскадрон. С этого же года сюда на полгода перед производством в офицеры кавалерии прикомандировывались юнкера кадетских (в том числе губернских) корпусов и Дворянского полка, для ознакомления с правилами кавалерийской службы и обучения верховой езде¹. Им назначались учебные «доброезжие» лошади.

В Дворянском полку, который продолжил выпуск в кавалерию и после упразднения эскадрона², с 1829 г. обучались горцы сформированного годом ранее Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона Собственного Его Императорского Величества конвоя. В 1830 г. в Дворянский полк, Александровский, Павловский и 2-й кадетский корпуса для обучения прибыло 40 горцев, в 1834 г. — еще 70; в дальнейшем количество воспитанников из кавказских (а с 1835 г. и закавказских) народов возрастало. Юнкера-горцы, за исключением определяющихся в Кавказско-Горский полуэскадрон, зачислялись по кавалерии³.

На время лагерных сборов из горцев составлялся особый взвод под Петергофом (в отсутствие собственных, на придворных разгонных лошадях). Лагерные учения они проводили «на свой манер» — с лихой ездой, лавой (особым порядком атаки) и джигитовкой «с пальбой из ружей и пистолетов»⁴,

всех офицеров переводимых в корпус жандармов с назначением начальниками жандармских команд, предварительно прикомандировывать к Л.-Гвардии Жандармскому полуэскадрону, и не иначе назначать в сию должность, как по удостоверению капитана Бевада в совершенном знании их кавалерийской службы. Подлинник подписал генерал-майор Дубельт». См.: ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 969. Л. 1-1 об. Об офицерах, назначаемых начальниками жандармских команд, предварительно прикомандировывать оных Лейб-гвардии к Жандармскому полуэскадрону для знакомства с кавалерийской службой. 1842 г.

¹ Гольмдорф М. Г. Материалы для истории бывшего Дворянского... С. 27; Краткий исторический очерк Орловского-Бахтина кадетского корпуса. 1843–1893 гг. Орел, 1893. С. 1-7; Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных... Ч. 2. С. 86.

² В эпоху Николая I Дворянский полк дал кавалерии 544 офицера. См.: Гольмдорф М. Г. Материалы для истории бывшего Дворянского... С. 124, 138.

³ Петин С. И. Собственный Его Императорского Величества Конвой. СПб., 1899. С. 58, 61, 88.

⁴ Там же. С. 92, 151–152. Джигитовка — «эквилибристика на скачущем во весь опор коне, но не в манеже, а в поле». См.: Елисеев Ф. И. О происхождении джигитовки // Военная быль. 1966. № 79. С. 44.

т. е. стрельбой с коня. Юнкера Кавказско-Горского полуэскадрона непродолжительное время были в составе конных ординарцев императора; затем эта практика была отменена, так как они не имели собственных лошадей и оружия¹.

Казаки отрабатывали на учениях еще и шашечные приемы². В казачьих заведениях материальная база также оставляла желать лучшего: так, при омском училище с 1826 г. состоял собственный берейтор, но лошади все еще предоставлялись из полков. Из учебных пособий в конце 1830-х гг. здесь были только перевод с французского «Карманной книжки о службе легкой кавалерии в поле» П. Х. Граббе (1833), журнальная статья «Об организации конной кавалерии» и записки из Школы гвардейских подпрапорщиков³.

Не было собственных учебных лошадей и у петербургского Артиллерийского училища: его юнкера прикомандировывались к петербургской Гвардейской берейторской школе. С 1832 г. обучение юнкеров-артиллеристов у берейторов прекратилось, и занятия проводились на лошадях учебной бригады, в ее же манеже (училище было отделено от артиллерийской учебной бригады с 1834 г.) или в манеже Инженерного замка; постепенно училище обзавелось собственным манежем, лошадьми и берейтором⁴.

Сама Гвардейская берейторская школа в это время переживала период преобразований. В 1827 г. она поступила в заведование

¹ Петин С. И. Собственный Его Императорского Величества Конвой. С. 110. Посредственное материальное обеспечение школ «второго круга» (а Дворянский полк не относился к ведущим школам) нужно назвать главной проблемой военно-учебных заведений этого периода. Так, на 1834 г. собственные строевые лошади (в количестве 45) показаны только у Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. См.: ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 70. Л. 1. Ведомость числа находящихся в строю офицеров и рядовых войск артиллерии, кавалерии, пехоты и военно-учебных заведений. 11 мая 1834 г. (Приложение 4).

² Казаки продолжали обучение кавалерийскому искусству, как и ранее, при Дворянском полку, в Омском училище Сибирского линейного казачьего войска (в 1845 г. реформировано в Сибирский кадетский корпус) и в Оренбургском военном училище (в 1844 г. реформировано в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус с фиксированными вакансиями для сыновей офицеров Оренбургского, Уральского и Астраханского казачьего войска). См.: Гольмдорф М. Г. Материалы для истории бывшего Дворянского... С. 138; Данилевич М. К. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус // Военная быль. № 45. С. 10–11.

³ Гусев Н. Н. Краткий исторический очерк Первого Сибирского... С. 42.

⁴ Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820–1870. СПб., 1870. С. 101, 127.

талантливого кавалериста В. В. Левашова, понимавшего все значение правильной школы; он сразу же приступил к реорганизации. Кроме практических занятий, воспитанникам преподавалась теория верховой езды и теория иппологии: она была введена для развития навыка самостоятельной оценки способностей лошади к выезде, ее сложения и недостатков, что являлось неотъемлемой частью берейторского искусства. Ежегодный набор составлял 50 вольноопределяющихся. С 1829 г. абитуриенты ограничивались возрастом от 16 лет до 21 года, как наиболее восприимчивого к наукам.

В 1844 г. программа занятий была еще раз пересмотрена. Число воспитанников уменьшили до 40 при сотне школьных лошадей, что позволило усилить манежные занятия. Тогда же было издано полезное «Наставление о выезде ремонтных лошадей» сподвижника Левашова, генерала от кавалерии Ф. П. Оффенберга¹.

С 1850 г. школа работала на новых основаниях. Были введены:

- 1) освидетельствование абитуриентов командиром школы, обер-берейтором и врачом; особое внимание обращалось на способности к верховой езде;
- 2) испытательный срок 6 месяцев для зачисленных;
- 3) шестилетний курс, разделенный на старший и младший классы;
- 4) «записки», т. е. конспекты лекций, выдаваемые воспитанникам.

Особое внимание обращалось на теорию верховой езды и иппологию, для чего школа приобрела коллекцию анатомических моделей и макетов (пособия были закуплены в Париже: при Николае I военно-учебные заведения могли беспощинно получать из-за границы учебные пособия всех видов²).

Классным занятиям отдавалось не более двух часов ежедневно; практика занимала шесть часов. Первые два с половиной года уходили на то, чтобы довести воспитанника до «степени ездока»³, что означало способность крепко сидеть в седле и уметь управлять выездной лошастью. Остальные три с половиной

¹ Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 286.

² Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных... Ч. 2. С. 72.

³ Военный энциклопедический лексикон. Т. 2. СПб., 1853. С. 273. Занятия проходили в просторном манеже, оборудованном зеркалами.

года воспитанники под руководством опытных берейторов обучались искусству выездки молодых лошадей. Покупка школьных лошадей производилась комиссией гвардейской кавалерии (по высоким ценам, до 286 р. серебром); лошади принимались после освидетельствования на способность к высшей школе верховой езды (манежной езде).

Таким образом, школа давала все условия для стабильного массового выпуска в полки первоклассных берейторов. В 1829–1852 гг. из Гвардейской берейторской школы было выпущено 120 берейторов, в том числе 10 лучших, принятых ко двору. Время Левашова и его сподвижников — Ф. П. и И. Н. Оффенбергов, Д. Е. Остен-Сакена¹ стало началом процветания школы, которая по праву приобрела репутацию одной из лучших в Европе.

Высшую ступень образования предоставляла Императорская военная академия, образованная в 1832 г. по проекту Николая I и генерал-адъютанта Г. Жомини² «для вящего распространения знаний в армии»³. Прототипом академии, и по назначению, и по учебному плану, можно считать офицерскую школу при главной квартире 1-й армии и оба училища колонновожатых⁴. Правом поступления в академию пользовались обер-офицеры до чина штабс-капитана гвардии, артиллерии и до капитана армии. Могли быть представлены к зачислению отлично аттестованные офицеры из выпусков военно-учебных заведений не моложе 18 лет; в классе предполагалось до 30 офицеров.

¹ Д. Е. Остен-Сакен — военачальник, генерал от кавалерии, автор трудов по теории и истории кавалерии и военного дела в целом: «Катехизис верховой езды» (1838), «Мысли о драгунах» (1861), «Мысли об устройстве легкой конницы и некоторые замечания» (1862), «Отрывок из летописи Елизаветградского гусарского полка» (1840, опубликовано 1870), «Мысли о некоторых предметах военного дела и разные военно-исторические сведения» (1865) и др. См.: ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 362. Л. 1–30. Записка Остен-Сакена «Отрывок из летописи Елизаветградского гусарского полка». [1840 г.]; Скуратов К. Н. Мирное и боевое прошлое Лейб-гвардии конно-гренадерского полка: материалы к его истории. Т. 1. 1825–1855. Париж, 1938. С. 172–173.

² Г. Жомини — мемуарист, с 1813 г. на русской службе; с 1837 г. преподаватель стратегии у цесаревича Александра Николаевича. Также занимался вопросами военной теории и истории, философии войны. Автор нескольких крупных трудов, оказавших серьезное влияние на развитие военной мысли.

³ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии... С. 12.

⁴ Там же. С. 37; Гольмдорф М. Г. Материалы для истории бывшего Дворянского... С. 173–188.

Учебная программа представляла двухлетний курс; младший — теоретический, старший — практический. Поскольку «практическое знание фронтовой службы должно почитать важнейшим предметом для офицера»¹, для ознакомления с обязанностями субалтерн-офицера каждого рода войск (рода оружия) причисленные к академии на первый год обучения прикомандировывались к пехоте, на второй — к артиллерии и кавалерии. Обучение кавалерийскому искусству было обязательным в течение всего курса. Предполагались занятия трижды в неделю в манеже Гвардейской берейторской школы; дополнительно занимались в частных манежах².

В 1854 г. академия была присоединена к Ведомству военно-учебных заведений, после чего заняла центральное место в системе военного образования. С открытием Академии преподавание военных наук было выведено из учебных программ университетов: в 1831 г. «положенную уставом Императорского Дерптского университета кафедру военных наук [закрыли] как излишнюю»³, а с 1832 г. «преподавание военных наук в университетах и гимназиях [уничтожено] повсеместно»⁴.

Тремя годами ранее состоялся последний выпуск в военную службу в Царскосельском лицее. Отсюда в военную службу было произведено 5 выпусков: в 1817, 1820, 1823, 1826 и 1829 гг.⁵

В учебных заведениях, не выпускающих в кавалерию, верховая езда преподавалась для общего ознакомления в последнем выпускном классе, один раз в неделю. Лошади и инструкторы брались от ближайшего полка, в том числе из запасных кавалерийских частей. Юнкера и кадеты, желавшие получить сколько-нибудь прочные знания, брали уроки в частных манежах.

С 1836 г. обучение кавалерийскому искусству распространилось и на кантонистов: из них (возрастом от 14 лет и старше) были созданы эскадроны по 120 и батареи по 136 человек для

¹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 15. Ч. 1. 1840. СПб., 1841. Стб. 13288.

² Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии... С. 34–35, 114–115.

³ Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М., 2003. С. 404.

⁴ Там же. С. 404.

⁵ Селезнев И. Я. Исторический очерк Императорского лицея. С. 148–153, 184.

комплектования унтер-офицерами поселенных полков и батарей 1-го, 2-го и 3-го резервных кавалерийских корпусов и 5-й легкой кавалерийской дивизии. В марте 1840 г. были сформированы эскадроны кантонистов для комплектования 1-й кавалерийской дивизии, по одному эскадрону для каждого полка¹.

Двухлетняя учебная программа здесь состояла из фронтовых и классных занятий. Фронтовые занятия заключались в «правильной выправке, маршировке, знании рекрутской школы, фланкировании и рубке саблями, аванпостной службе, сигналах, а также учении пешему по конному, эскадронному и полковому. Кантонисты эскадронов обучаются и верховой езде, сообразно их силам и возрасту»², для чего в эскадроне полагалось по 15 строевых лошадей с амуницией. В первом классе преподавалась рекрутская школа, сборка-разборка ружья и гимнастика; во втором — гимнастика и фехтование (в кавалерии — ружьем, саблей и палашом). Изучали краткое наставление об обязанностях кавалерийского унтер-офицера и солдата³.

Порядок рекрутской школы был уточнен в 1843–1845 гг. в 1-й части нового кавалерийского устава. Согласно ей, «начальное образование [рекрут] должно продолжаться девять месяцев. Первый месяц надо обращать внимание на их нравственные качества, давая им в то же время осмотреться, свыкнуться как с окружающей обстановкой, так и с важнейшими требованиями, предъявляемыми военной службой. В следующий месяц обучают рекрута обращению с лошадью и т. д., постепенно усложняя обучение... Таким образом, в рекрутской школе рекомендуется сперва манежное учение, а затем уже шереножное учение; об употреблении оружия говорится только в 3 отделе школы рекрутской. Манежную езду должно ограничить существенными потребностями службы и природными способностями лошади, согласно с этим требовать от унтер-офицеров... более, нежели от рядовых, назначая первым способнейших к езде лошадей... Однообразие правил манежной езды, ясность

¹ Свод военных постановлений. Ч. 1. Кн. 3. С. 333–342; ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 11. Ч. 1. 1836. СПб., 1837. Стб. 9466; ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 11. Ч. 2. 1836. СПб., 1837. Стб. 9690; ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 15. Ч. 1. Стб. 13244.

² Свод военных постановлений. Ч. 1. Кн. 3. С. 341.

³ Там же. С. 350.

толкования, внушение солдатам уверенности в важности и необходимости этого предмета... вот средства, ведущие к достижению желаемой цели при обучении рекрутов»¹.

Гимнастика «не в виде забавы но в виде науки в полном развитии»², т. е. как обязательный предмет, вошла в учебные программы военно-учебных заведений с 1834 г.³ К тому времени этот вид спорта уже получил некоторое военно-прикладное значение: впервые в отечественной практике «военная» гимнастика была дана в суворовском «Полковом учреждении». Наиболее важными для кавалерии были занятия на деревянном «коне» («кобыле») и на укороченном «козле»; оба использовались для обучения вольтижировке⁴.

Не только гимнастика, но и спорт в целом получил прочное место в николаевской кавалерии. Одним из важнейших пунктов подготовки стал «русский стипль-чез» — ежегодные Императорские Царскосельские скачки, с 1841 г. открытые для «господ офицеров, на лошадях служащих»⁵. С этого момента конный спорт получает широкое распространение, а качественная кавалерийская подготовка становится все более востребованной.

Царствование Николая I можно назвать значительным этапом в развитии военного образования. Военно-учебные заведения были приведены в единую систему, получив продуманную иерархическую структуру. Военно-специальное образование все более профилировалось и усложнялось. Система специального

¹ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Образование (обучение) войск. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 2. Уставы и наставления. СПб., 1914. С. 28–29.

² Краткий исторический очерк Орловского-Бахтина кадетского корпуса. С. 11.
³ Палаев М. С. Исторический очерк военно-учебных... Ч. 2. С. 74.

⁴ Деревянный конь, изготовленный по подобию настоящего — одно из древнейших вспомогательных приспособлений для совершенствования кавалерии в искусстве верховой езды и конного боя, известное со времен Древнего Рима: его упоминает военный историк Флавий Вегеций (рубеж IV–V вв.). При помощи «коня» новобранцев учили вскакивать на лошадь и соскакивать с нее с левой и правой стороны, в том числе держа в руках обнаженное оружие, пики или мечи. Римляне применяли «коня» также при обучении детей. См.: Иванов М. С. Возникновение и развитие конного спорта. С. 42–43; Строков А. А. История военного искусства. Т. 1. Рабовладельческое и феодальное общество. М., 1955. С. 84–85.

⁵ Современные заметки // Современник. 1852. Т. 35. Отд. VI. С. 227.

кавалерийского образования, получившая начальное оформление в предыдущее царствование, была усовершенствована. На местах проводилась начальная подготовка, которая довершалась в столице. В итоге к середине XIX в. в столице Российской империи оформились ведущие кавалерийские школы, с качественной материальной базой, грамотными учебными программами и талантливыми наставниками — истинными «русскими centaврами».

3.1.4. КОННЫЙ ПАРАД КАК ФОРМА ИМПЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

«Ты мне представил семьсот берейторов», — так император выразил свое одобрение эскадронному командиру Ф.П. Оффенбергу на одном из смотров, пропуская полк справа по одному с переменной аллюра¹. «Школа» была успешно перенесена в армию. Главной формой отчетности здесь, еще со времен Павла I, был плац-парад, и впервые в истории он был объектом неотрывного внимания не капрала, а монарха².

Одержимость парадом Павла I передалась и великим князьям Павловичам. Вахт-парады, начавшиеся уже со следующего дня восшествия на престол Александра I, в его царствование проводились ежедневно, без исключения для праздничных или военных дней; новый император самолично вникал в «науку фрунта»³ и мундира. Несмотря на слова, сказанные в начале своего царствования: «все будет, как при бабушке... по законам и по сердцу бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великой»⁴, именно теперь фрунтomanия «восторжествовала окончательно и стала господствовать безраздельно, с течением времени все больше приближаясь к идеалу, начертанному императором Павлом и даже во многом превосходя его»⁵.

¹ Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 227.

² Аурова Н. Н. От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII — первой половине XIX века. М., 2010. С. 182.

³ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства. СПб., 1994. С. 193; Уортман Р. С. Сценарии власти. Т. 1. С. 274.

⁴ Демкин А. В. «Дней Александровых прекрасное начало...»: внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М., 2012. С. 34.

⁵ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 7. С. 191.

Муштра и шагистика горячо поддерживалась в военной среде: «Что сказать нам, генералам дивизий, когда фельдмаршал свою высокую фигуру нагибает до земли, чтобы равнять носки гренадер», — с горечью вопрошал И. Ф. Паскевич¹. «Удивительно ли, — продолжал военачальник и военный историк А. А. Свечин, — что при ничтожных средствах для обучения, при отсутствии казарм, хороших стрельбищ, учебников, внимания к тактической подготовке, малограмотном командном составе, все усилия сосредоточились на парадной стороне дела?»²

В александровской философии парада его величественность означала совершенство подготовки армии, ее слаженность — и жесткую дисциплину, которая позволяла достичь желаемого³. К укреплению русской парадомании много послужило окончание многолетнего противостояния Александра I и Наполеона Бонапарта⁴: в мирное время ничто не мешало увлечению внешней формой военной культуры, а не ее содержанием.

¹ Сказано о М. Б. Барклае де Толли в 1816 г. Цит. по: Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 27. Стоит учесть общее предубеждение к личности полководца: опала, постигшая его в 1812 г., сказалась на его дальнейшей судьбе, в том числе посмертной. В общественном сознании, хотя «порицание Барклая не было абсолютно повсеместным», его роль свелась «до положения посредственного и незадачливого генерала-иностранца... органически чуждого национальным интересам России». См.: Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. «Неразгаданный Барклай» // Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М., 2003. С. 32; Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года // Доклады Института российской истории РАН. 1995–1996 гг. М., 1997. С. 104.

² Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. С. 28.

³ О чем говорят слова одного из очевидцев парада, герцога Веллингтона: «Никогда не воображал, что армию можно довести до такого громадного совершенства». См.: Солодков Ю. Н. Смотр российских войск под Вертью 26 и 29 августа 1815 года // Военная быль. 1973. № 121. С. 17. Репетиция, которой командовал император, прошла 26 августа, в годовщину Бородинского сражения. Парад состоялся 29 августа.

⁴ Из последних парадов военных лет наиболее примечательны парад 29 марта 1814 г. на площади Согласия в Париже, 19 апреля того же года на Марсовом поле, 22 апреля на площади Карусель в присутствии нового короля Людовика XVIII, и 18 мая на Марсовом поле перед выходом русских войск из Парижа. На возвратном пути войска прошли парадом 12 июня в местечке Энтинген в присутствии императрицы и 1 июля в г. Наумбурге в присутствии вел. кн. Марии Павловны. См.: Штакельберг К. К. Полтора вска конной гвардии. С. 47. Продолжались церковные парады в дни полковых праздников и в день Богоявления (Крещенские парады).

Зримым воплощением военного триумфа «первой в свете» армии¹ стал парад при Вертю, проведенный в последние дни августа 1815 г. Аналогичного по размаху не встречалось не только во всем XIX в., но и во всей мировой истории парада.

На необозримой равнине у горы Монт-Эме в Шампани собралось около 150 000 участников: победоносная русская армия презентовала себя союзным монархам и европейским военачальникам. Для маневра было собрано 132 батальона пехоты, 168 эскадронов кавалерии (около 29 000), 35 рот пеших и 10 рот конной артиллерии. В строю находилось 87 генералов, более 4000 офицеров (433 штаб-офицера и 3980 обер-офицеров) и свыше 146 000 нижних чинов при 540 орудиях. Русская армия расположилась на протяжении нескольких километров; парад длился более шести часов². По воспоминаниям участников и очевидцев, «точность, с которой выполнялись приемы и построения, опрятность и щеголеватость одежды, блеск оружия были поразительны и превзошли самые смелые ожидания»³. По мнению Александра I, день парада у Вертю «был прекраснейшим днем [в его] жизни»⁴. «Я вижу, что моя армия первая в свете, — утверждал император, — для нее нет ничего невозможного, и по самому наружному ее виду никакие войска не могут с нею сравняться»⁵.

Царствование Николая I принесло русской военной культуре новую эру триумфов, отмеченную еще более помпезными

¹ По словам Александра I. См.: Забытый парад русской армии: Вертю. 1815. М., 2015. С. 28. А. А. Керсновский писал: «Никогда еще Россия не имела лучшей армии, чем та, что, разгромив Европу, привела ее в восхищение и трепет на полях Вертю. Для войск Ермолова, Дохтурова, Раевского, Дениса Давыдова и Платова не существовало невозможного. До небес вознесли эти полки славу русского оружия в Европе, и высоко стоял престиж их на Родине». См.: Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. С. 8.

² Не считая гостей и обслуживающий персонал. См.: Забытый парад русской армии. С. 7, 27–29; Строевой рапорт российской армии при Вертю. 26 августа 1815 года // Забытый парад русской армии. С. 78–79. Конница находилась в составе 2-й и 3-й кирасирских дивизий, 2-й драгунской дивизии, 2-й и 3-й гусарских дивизий, 2-й и 3-й уланских дивизий. Итого 28 875 человек, в том числе 23 генерала и 86 штаб-офицеров.

³ Солодков Ю. Н. Смотр российских войск под Вертю 26 и 29 августа 1815 года. С. 17.

⁴ Забытый парад русской армии. С. 28.

⁵ Там же.

военизированными зрелищами. Первым среди самых грандиозных был парад по случаю разгрома польского восстания 1830–1831 гг.¹; далее последовала череда парадов, сопровождавших открытие Александровской колонны (1834), свидание Николая I с австрийским императором и прусским королем в Калише (1835), 25-я годовщина войны с Наполеоном в Вознесенске (1837)² и открытие монумента на Бородинском поле (1839).

Для более полного понимания этого невероятного зрелища, которое современники называли «парадом-балетом»³, обратимся к описанию гвардейского Майского парада — крупнейшего войскового смотра года. Итак, «начало мая в столичном Петербурге ознаменовывалось торжественным парадом войск столичного гарнизона⁴. Происходили эти традиционные майские парады на Марсовом поле... После объезда воинских построений император верхом на белом коне останавливался впереди царской ложи <...> Открывали парад казацьи сотни из собственного его величества конвоя, пронесившиеся в алых чекменях. Затем, печатая шаг, проходили воспитанники военных училищ, преображенцы, семеновцы, измайловцы, егеря, Павловский полк с ружьями наперевес. За пехотой следовала гвардейская артиллерия с запряжками из рослых, откормленных коней. В центре поля был оркестр-хор Преображенского полка. Звучали воодушевляющие марши.

Затем наступала минутная пауза, во время которой перед царской ложей выстраивался на серых лошадях хор трубачей Кавалергардского полка. Приближался самый эффектный момент

¹ Картина «Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Царицыном лугу в Петербурге». Г. Г. Чернецов. 1831–1837 гг. ГРМ.

² После которого Николай I писал императрице: «С тех пор, как в России существуют регулярные войска и, полагаю, с тех пор, как вообще существуют в мире солдаты, никогда не было видано что-нибудь более прекрасное, совершенное, могучее. Весь смотр прошел в удивительном порядке и законченности... Все иностранцы не знают, что и сказать — это был действительно идеал...» Цит. по: *Свечин А. А. Эволюция военного искусства*. Т. 2. С. 27.

³ *Уортман Р. С. Сценарии власти*. Т. 1. С. 280.

⁴ Майский парад был заключительным аккордом зимнего военного сезона. См.: *Безунова А. И. Кавалергарды, конногвардейцы, конногренадеры // Коневодство и конный спорт*. 1991. № 5. С. 33; *Гольмдорф М. Г. Материалы для истории бывшего Дворянского...* С. 53.

парада. Со стороны Инженерного замка появлялась блиставшая на солнце золотая конная масса тяжелой кавалерии. Могучие ганноверские лошади, двухметровые всадники в рыцарских кирасах и касках, с посеребренными или позолоченными двуглавыми орлами на них, палаши, гремящие в стальных ножнах, — все это создавало впечатление силы, способной на своем пути разметать любое сопротивление. Первая гвардейская кирасирская дивизия проходила спокойным шагом. Она шла в строю развернутых эскадронов, на эскадронных дистанциях. Серебристые линии кавалергардов на гнедых конях сменялись золотистыми линиями конной гвардии на рослых вороных... Потом были чубатые донские казаки, драгуны (конногренадеры) с конскими хвостами на касках, уланы с пестрыми значками. Лихо пролетали одетые в красные доломаны царскосельские гусары с белыми ментиками на плечах.

Все эти столь разные — и по происхождению, и по цвету мундиров — кавалерийские полки после прохождения перед царем выстраивались на противоположной стороне Марсова поля, занимая всю его длину. Генерал-инспектор кавалерии (великий князь) выезжал вперед перед этой конной массой. По его команде над головами всадников взметались сабли, шашки, палаши. По следующему сигналу весь этот многотысячный конный строй сорвавшейся лавиной устремлялся к Летнему саду. Земля дрожала под копытами многих тысяч лошадей. Казалось, что ничто не может остановить эту стихию. Но в десяти шагах от императора все замирало — шашки, сабли и палаши склонялись к ногам самодержавного повелителя. Так заканчивался... парад, представлявший во всей силе и красе императорскую гвардию»¹.

Среди всей гвардейской кавалерии — главного участника парадов — особо выделялся первый по старшинству Конный полк, любимец императоров: «моя старуха Конная гвардия», — говорил Николай I². Он представлял собой образец для всей кавалерии в отношении «наружного блеска».

¹ См.: Аспидов А. П. Петербургские арабески. М., 2007. С. 350–352.

² Штакельберг К. К. Полтора века конной гвардии. С. 169. Николай I был зачислен в Конную гвардию в четырехмесячном возрасте. См.: ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 95. Л. 14.

Частью эффектной наружности была модная короткая английская стрижка (гвардия обстригла косы «под гребенку» в конце 1806–1807 гг., а букли еще раньше; тогда же было отменено повседневное употребление пудры)¹. Короткая стрижка, которая противопоставлялась павловской косе, лежащей строго по шву, и романтическим «кудрям черным до плеч»², дополнялась бритым лицом (в те же годы офицерам и унтер-офицерам из дворян запрещено было носить усы, что также было английским влиянием³).

Эффектный вид гвардейцев подчеркивался их щегольскими мундирами. Так, к 1815 г. вся русская гвардия была одета в новые мундиры английского сукна, купленного императором на собственные средства⁴. В Конном полку таких мундиров удостоились даже нижние чины (обыкновенные их мундиры делались из дешевого польского «шленского» сукна)⁵.

Если англомания проявлялась, прежде всего, на частном уровне⁶, то официальное оформление русской военной культуры в целом было ориентировано на французский стиль, в подражание Наполеону Бонапарту, превратившему, по словам известного

¹ Висковатов А. В. Историческое описание одежды... Т. 15. СПб., 1901. С. 8, 11; Штакельберг К. К. Полтора века конной гвардии. С. 51; Незвецкий Р. Ф. Лейб-гвардия императорской России (1700–1918 гг.). М., 2009. С. 319.

² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 133; Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. С. 91.

³ Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. 2: Деятнадцатый век. Кн. 4. М–О. СПб., 2005. С. 237; Штакельберг К. К. Полтора века конной гвардии. С. 51.

⁴ Незвецкий Р. Ф. Лейб-гвардия императорской России... С. 458.

⁵ Безунова А. И. Повседневная жизнь русского гусара... С. 144; Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 225.

⁶ См.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 132. Предметами увлечения были книги, собаки, лошади и экипажи, ткани и одежда, напитки и лекарства, предметы домашнего обихода, «почти любой предмет удобства, комфорта или роскоши». См.: Кросс Э. Британцы в Петербурге... С. 29. Пользовалась спросом «английская» манера поведения: гувернантки и бонны учили детей языку и манерам, а жокеи и кучера — верховой и упряжной езде. См.: Там же. С. 32. Основной упор делался на внешнюю сторону культуры, и явление могло быть названо «плохо понятой англоманией». См.: Шан-фрей А. П. М. Ю. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 51. Как и любая страсть, англомания принимала карикатурные формы: «если англоман... то и лошади у него англоизированные, и жокеи, и грумы, словно сейчас из Лондона привезенные, и парк в английском вкусе, и портер он пьет исправно, любит ростбиф и пуддинг, на комфорте помешан и даже боксирует не хуже любого английского кучера», — иронизировал В. Г. Белинский. См.: Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982. С. 83–84.

исследователя русской придворной культуры Р.С. Уортмана, свою армию в эстетический объект. «Все на французский образец: шитье у генералов, эполеты у офицеров, португез вместо пояса у солдат, музыка на французский лад, марши французские, ученье французское», — так описывал военный Петербург французский посланник А. Коленкур¹.

Внешний блеск сделал военного образцом стиля: известно, что в глазах обывателей «дней Александровых» любая униформа имела приоритет перед партикулярной одеждой, а военный мундир был наиболее привлекательной ее разновидностью². Престиж мундира поддерживался представлением о военной, прежде всего гвардейской, среде как об элитарной части дворянства. «Офицеры гвардии состоят из всего, что есть наизыснейшего и богатейшего в России среди высшего дворянства», — констатировал шеф Рязских мушкетеров генерал-лейтенант Александр Ланжерон³.

Для Российской империи был характерен особый эстетический характер воинских церемоний, когда «плац-парад демонстрировал не просто военную силу, но также цивилизованный вкус и культуру»⁴. Эта эстетичность наилучшим образом сочеталась с характерным для великих князей Павловичей пониманием армии, которое обозначало ее высшее предназначение не столько для боя, сколько для парада. «Атакующий фронт должен идти на неприятеля сколь можно осанисто... ибо от сего наиболее зависит успех в атаке», — подчеркивалось в «Воинском уставе о кавалерийской строевой службе» от 1823 г.⁵ Зрелищность оказалась основой военного дела; явное предпочтение показной его стороны дало знаменитые «плывущие стены»⁶ и «александровские колонны»⁷.

¹ Воспоминания относятся к 1808 г. См.: Уортман Р.С. Сценарии власти. Т. 1. С. 275.

² Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. С. 499.

³ Незвецкий Р.Ф. Лейб-гвардия императорской России... С. 258.

⁴ Уортман Р.С. Сценарии власти. Т. 1. С. 280.

⁵ Никольский В.П. Состояние русской армии к концу царствования Александра I // История русской армии. Т. 2. История русской армии, 1812–1864 гг. СПб., 2003. С. 340.

⁶ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 2. С. 12.

⁷ «Общая колонна целой дивизии, каждый полк в эскадронной густой колонне, и головы полков на одной линии, почти без интервалов... Эффект был громадный». См.: Иванов П.А. Обозрение состава и устройства... С. 186.

В гвардейской кавалерии внешняя «краса полка» поддерживалась указанием «чтобы полки имели наилучших и статных лошадей»¹. «Краса» понималась как избыток массы, и лучшие полки «старались иметь лошадей жирными, для сохранения тела избегали быстрых движений, мало ездили, нежили»², тем более что «жолоб на спине и огромное брюхо было по тогдашним понятиям совершенством в содержании лошадей»³.

Была сформулирована сумма требований к экстерьеру парадной лошади: «парадная лошадь также может быть выбираема из облагороженного класса; поелику с именем сей лошади соединено бывает наименование какого-либо важного случая, например, предводительство полка, эскадрона и других достопамятных происшествий, то само по себе явствует, что такая лошадь должна иметь возможнейшее прекрасное образование и быть способной к благородно гордым позициям, если у нее недостает некоторых необходимых для офицерской лошади качеств, то сии недостатки не так легко примечаются у парадной лошади, если только вид ее весьма приятен; если прекрасная шерсть, густая грива и прекрасный хвост пленяют глаза, если возвышенный акт ног сходствует с понятием о такой лошади. Подбарабанная лошадь должна быть велика, хорошо образована, полномочна и притом смирна. Поелику она употребляется только при полковых парадах и других великолепных случаях, то и должна непременно иметь особенную легкость в движениях»⁴. Эти рассуждения были зафиксированы немцем

¹ Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 211.

² Витт Л. В. Копица: Вооружение и владение оружием. М., 2011. С. 36.

³ Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 224. Эту своеобразную эстетику можно наблюдать в поздних работах английского анималиста Джорджа Стаббса (1724–1806). Главным требованием для строевой лошади, напротив, была резвость, поскольку от нее зависела молниеносность прославленной кавалерийской атаки. Не случайно генерал Броневский «сравнивал кавалериста с птицей, крыльями которой служит строевая лошадь. Если лошадь повинуетя всаднику, если она здорова, сыта и полна сил, то конник вихрем летит на врага, сея панику в его рядах. Если лошадь плоха, то не будет ни знаменитой кавалерийской атаки, ни рукопашной схватки, где «саблям — звенеть, пикам — ломаться»». См.: Бегунова А. И. Повседневная жизнь русского гусара... С. 170.

⁴ Науман И. Г. Руководство к познанию наружности лошадей. М., 1814. С. 317–318.

Пауманом в главе «О избирании лошадей в рассуждении различного их предназначения» его «Руководства к познанию наружности лошадей» (1814).

В 1819 г. повальное увлечение красотой, единообразием и качеством кавалерийского строя было подкреплено личным указом императора. Отныне тяжелая кавалерия, предназначенная для удара и натиска, должна была иметь лошадей исключительно рослых, а следовательно, заводских¹. Для «красы полка» официально введены казенные офицерские лошади стоимостью от 600–700 р.²

В гвардию чаще прочих поставлялись английские чистокровные лошади³. Порода имела почитателей и в «большом» свете; ее известными поклонниками были великие князья Павловичи⁴. В большой моде были лошади англоизированные, улучшенные

¹ Столетие военного министерства. 1801–1902. Т. 13. Кн. 1. Вып. 1. Управление генерал-инспектора кавалерии. О ремонтировании кавалерии. СПб., 1906. С. 157.

² Управление генерал-инспектора кавалерии... С. 166–167.

³ К началу Отечественной войны 1812 г. преимущества, которые предлагала английская чистокровная лошадь для тяжелой кавалерии, уже хорошо известны, что подтверждается данными зооархеологии. См.: *Спаская Н. Н., Янишевский Б. Е.* Лошади из санитарного захоронения 1812 г. в селе Бородино: идентификация пород // Зоологический журнал. 2013. Т. 92. № 9. С. 1163, 1170, 1176. Во время заграничных походов 1813–1814 гг. английская лошадь еще более популярна. Так, к смотру в высочайшем присутствии 15 июля 1813 г. в г. Бриге лейб-кирасирам Ее величества было приказано «гг. офицерам быть всем на англоизированных лошадях и на парадных чепраках; если же кто не имеет англоизированной лошади и парадного чепрака, то могут просить у больных гг. офицеров». См.: *Марков М. И.* История Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка. С. 285. Рост популярности был связан не только с обострением интереса к английской культуре, но и с изменением политики ремонта лошадей. Так, по штатам 1812 г. на строевую лошадь конной гвардии выделялось 120 р. ассигнациями. См.: *Иванов П. А.* Обзорные составы и устройства... С. 181. В дальнейшем цены на кирасирскую лошадь увеличиваются до 171 р. 07 к. Осенью 1813 г. стоимость гвардейской лошади была доведена до 250–300 р., в том числе за кирасирскую до 500–1000 р. ассигнациями. См.: *Управление генерал-инспектора кавалерии...* С. 122–123, 127–128, 131–132.

⁴ В течение 10 лет под седлом Николая Павловича ходил английский жеребец Богатырь Муравьевского завода. См.: Все о лошади. С. 149. Николай I лично посещал скачки в Эскоте (Royal Ascot). См.: *Лопато М. Н.* Кубки Императора Николая I на скачках в Эскоте // Под высочайшим покровительством. Материалы научной конференции 11–12 ноября 2010. СПб., 2010. С. 124–134.

прилитием английской чистокровной¹. Были популярны изящные англо-арабские лошади².

Предпочтения императора, Большого и Малых дворов распространялись и на многочисленную свиту, в том числе и на гвардию. Английская лошадь (как и ее производные) стала олицетворением роскоши и престижа. Так, подпоручик Лейб-гвардии Финляндского полка декабрист Андрей Розен признавался, что когда «[полковой командир генерал В. Н.] Шеншин предложил мне быть его полковым адъютантом, предложил мне верхового коня и экипаж; я отказался единственно по той причине, что не имел англизированного верхового коня и экипажа»³.

С 1822 г. на английских или англизированных лошадях пересела почти вся российская гвардейская, а затем и армейская кавалерия⁴, что отметил в своем путевом памфлете от 1832 г. Адам Мицкевич:

Играют трубы — конница въезжает.
Тут всех мастей, цветов и форм игра,
Все яркое, все взоры поражает:
Папахи, шапки, каски, кивера.
Так на прилавке шапочник с утра
Раскладывает свой товар. Гусары,
Драгуны, кирасиры, полк улан
Все блещут медью, словно самовары,

¹ Именно на такой лошади вступал в Париж в 1814 г. русский император. «Александр сехал на любимом его мекленбургском босвом коне, белом как снег, называвшемся Марсом», — вспоминали очевидцы. См.: Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии: Из собрания Отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1991. С. 263. В это время мекленбургская порода, как и другие массивные немецкие лошади, предназначенные для тяжелой кавалерии, была улучшена прилитием крови английской чистокровной лошади. См.: Бобинский И. Краткая иппология и курс верховой езды. СПб., 1836. С. 11. Англизированная кобыла Москва ходила под седлом Николая I. См.: Бегунова А. И. Сабли остры, кони быстры... (Из истории русской кавалерии). М., 1992. С. 160. В быту понятия «английская» и «англизированная» часто смешивались.

² Прекрасных англо-арабских лошадей для гвардии поставлял конный завод Ростопчина, специализировавшийся на верховом направлении. Витт В. О. Из истории русского коннозаводства... С. 136.

³ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 93.

⁴ Иванов И. А. Обзорение состава и устройства... С. 181.

И снизу — морда конская, как кран...
В России ценят издавна коней;
Гвардейский конь солдатского ценней,
За трех солдат идет он при расчете,
А офицерский, тот совсем в почете...
К полкам вернемся. Въехал вороной,
За ним буланый, два мышастых, чалый,
За ними — белый, точно снег подталый,
Потом гнедой, потом опять гнедой,
Гнедой англазированный, соловый,
Полк меринов, полк с меткой между глаз,
Бесхвостый полк, согласно моде новой¹.

Так английская лошадь стала живым символом русского имперского парада первой половины XIX в., и — шире — русской военно-придворной культуры этого периода. Но на этом процесс символизации завершен не был. С 1823 г. был введен одношерстный состав лошадей не только гвардейской, но и армейской кавалерии². Конная гвардия, как и при своем основании, получила вороных лошадей. Кавалергардия была посажена на коней с разделением по эскадронам (первый — на светло-гнедых без отметин, второй — на гнедых с отметинами, третий — на гнедых без отметин, четвертый — на темно-гнедых без отметин. Кони лейб-кирасир Его императорского величества распределялись по эскадронам следующим порядком: в первый — караковые, вороные — во второй, караковые лысые³ и белоногие — в третий, караковые, гнедые и бурые — в четвертый; лейб-кирасир

¹ Мицкевич А. Смотр войска. С. 418. Внешней приметой английских и англазированных лошадей был коротко остриженный и приподнятый хвост из-за взрезанной мышцы хвоста, согласно моде, принятой в Англии. См.: Кандиев Б. И. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир»: комментарий. М., 1967. С. 115. Первые шаги по отмене коротких хвостов были сделаны уже в 1830-е гг. См.: ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 388. Л. 1–2. О перемене в кавалерийских полках англазированных офицерских лошадей на длиннохвостых. 1833 г. Официальная отмена произошла только в 1855 г., уже при Александре II. Штакельберг К. К. Полтора века конной гвардии. С. 110.

² Иванов П. А. Обзорение состава и устройства... С. 182. Одношерстный конский состав для армии был отменен в 1857 г.

³ Лысая лошадь имеет на лбу продолговатое белое пятно, схожее с лысиной. См.: Соколов П. И. Общий церковно-славяно-русский словарь. Ч. 1. СПб., 1834. Стб. 1337.

Ее величества — в первый золотисто-рыжие, во второй — рыжие белоногие, в третий — рыжие со звездами, в четвертый — темно-рыжие и бурые. Лейб-казакам Его величества полагались гнедые кони, и т. д. Лейб-драгунский полк, сформированный из георгиевских кавалеров, был на серых конях, подходящих к цвету ордена.

В стремлении к единообразию полки укомплектовывались личным составом одного типа внешности: кавалергарды — безбородыми блондинами, серо- или голубоглазыми; конная гвардия — брюнетами с маленькими усами (в четвертом эскадроне носили бороды); лейб-кирасиры Его императорского величества — рыжими длинноносыми, Ее величества — смуглыми брюнетами. Лейб-казаки Его величества набирались из бородатых широкоплечих шатенов и брюнетов, и т. д.¹ «Все блистало красотой и выправкой: люди, лошади, обмундировка, сбруя, все казалось вылитым по одному образцу», — вспоминал Николай I удивительный в своей слаженности парад в Вознесенске².

Единообразие становится в очередной раз переосмысленной ценностью имперской военной культуры, символизирующей единство Романовых и армии. «Мои однокорытники», — подчеркивал император Николай I эту связь³. Не случайно памятник Николаю I, установленный его преемником (работы велись в 1856–1859 гг.), изображал императора в конногвардейском мундире. Так правящий дом и вооруженные силы, взятые вместе, олицетворяли нацию. Ставка была сделана не только на армию, но на народ в целом⁴. В новых условиях парадный мундир и парадная лошадь приобретают во много раз большее значение,

¹ Горохов Ж. Русская императорская гвардия. М., 2006. С. 30, 42, 50, 60, 72; Поливанов А. Н. Из прошлого русской армии и флота // Военная быль. 1955. № 14. С. 27. Обязательным требованием для нижних чинов большинства полков гвардейской кавалерии также был достаточный рост.

² Уортман Р. С. Сценарии власти. Т. 1. С. 407–408.

³ Т. е. однокашники. Текст полностью: «Прощайте, мои однокорытники, служите так, как служили предки ваши; лезьте туда, куда велит и притом так, чтобы и другие за вами лезли. Прощайте, Бог с вами». См.: Слова, сказанные Николаем I при выпуске кадет в офицеры в 1847 году // Русская старина. 1895. Май. С. 207.

⁴ Ахизер А. С., Клямкин И. М., Яковенко И. Г. История России... С. 199.

нежели их строевые аналоги¹. «В этих мундирах я всегда в мире с самим собой», — утверждал Николай I².

В отдельных случаях предпочтение парадной культуры доводится до абсурда. Так, один из корпусных командиров «связывал успех парадов с надлежащей пригонкой киверов к солдатским головам; поэтому он требовал изучения ротными командирами антропологии, так как начальник, не сведущий в круглых и удлинённых формах человеческого черепа, не сумеет надлежащим образом пригнать кивера и провалится на параде»³. Доходило до того, что «русские солдаты не завинчивали до конца ни одной гайки на своих ружьях: с разболтанными шурупами команда „к ноге“ выполнялась особенно гулко и красиво»⁴.

Логичным продолжением господства формалистики стало развитие манежной, а не боевой кавалерийской подготовки⁵. Были введены короткие аллюры (короткий галоп и собранная рысь, которые, по словам генерала Броневского, дошли до того, что «добрая пехота могла обогнать галопирующую кавалерию»), а также «крутой» сбор⁶. Армейские маневры обрели в близкое парадированию действо, где требовался внешний блеск, совершенство формы, линий, а более ничего.

¹ Современники отмечают формы лошадей, но не их подготовку. Так, очевидица парада леди Ф. Шелли вспоминала, что «лошади идеальной формы и отлично ухожены. Видеть их на марше — великолепное зрелище». См.: Забытый парад русской армии. С. 130.

² Имея в виду мундиры кавалергардов и преображенцев. См.: Уортман Р. С. Сценарии власти. Т. 1. С. 409.

³ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. С. 27.

⁴ Нестеров Ф. Ф. Связь времен: опыт исторической публицистики. М., 1984. С. 150.

⁵ Витт Л. В. Конница: Вооружение и владение оружием. С. 31. Это прямо подтверждается содержанием уставов, переполненных множеством мелких подробностей; в них не было почти ничего, непосредственно относящегося к боевой подготовке. Вышеказанное характерно не только для кавалерии, но и для пехоты. Так, в феврале 1803 г. Александр I «приказать соизволил, для единообразного марша во всей армии, чтоб делали шаги в аршин, тихим по 75 шагов в минуту, а скорым той же меры по 120, и отнюдь от оной меры и кадансу ни в каком случае не отходить». См.: Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 1. С. 185. Неотъемлемым инструментом муштровки — и ее символом — стал метроном Бреге (Breguet). См.: Незвецкий Р. Ф. Лейб-гвардия императорской России... С. 279.

⁶ Витт Л. В. Конница: Вооружение и владение оружием. С. 36

«Война только портит солдата», — заключал великий князь Михаил Павлович¹.

Так павловские идеи, которые первоначально способствовали развитию русской кавалерии, в эпоху великих князей Павловичей привели к ее стагнации. Ритуально-парадная ремилитаризация не вела к победам, но имперский парад стал новым идеологическим символом, обогатив предметно-смысловое пространство русской имперской культуры.

3.1.5. ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ АРСЕНАЛ.

НИКОЛАЙ I — ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ ИМПЕРИИ?

Столетиями западноевропейская военно-придворная аристократия развивалась под знаком рыцарства (от немецкого *Ritter* — всадник), обозначая свое право и обязанность воевать в седле. В России рыцарство стало той культурной универсалией, которая позволила русскому дворянству в поисках актуальных идеологических символов опосредовать образ благородного героя и воина. Пик русской «рыцаремании» пришелся на первую половину XIX в., когда «державная идентичность России и Русских впервые за весь послепетровский период оказалась ущемленной и поколебленной. И впервые же обнаружилась необходимость дополнения ее идеологическими символами допетровской эпохи»².

Титулованная знать зачитывалась рыцарскими романами, увлекалась «рыцарской» музыкой, развлекалась рыцарскими турнирами. Во дворцах и в усадьбах собирались средневековые оружейные коллекции³, поскольку исторически веществен-

¹ Дубельт Л. В. Вера без добрых дел мертвая вещь / Заметки и дневники Л. В. Дубельта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. VI. М., 1995. С. 121. В некоторых внешних блестящих полках боевая подготовка начиналась только на театре войны. См.: Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. С. 28. Фронтовая муштра подчинила себе другие виды боевой подготовки, от которых зависела боеспособность армии. См.: Агеев В. В. Особенности формирования кадрового состава русской армии в эпоху «плац-парада» (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Вестник Военного университета. 2011. № 4 (27). С. 141–146.

² Ахизер А. С., Клямкин И. М., Яковенко И. Г. История России... С. 199.

³ Кроме коллекций Романовых, существовали и другие: рыцарская коллекция Паскевичей из особняка в Петербурге на Английской набережной, знаменитая коллекция А. Д. Нессельроде в усадьбе Царсвщина, коллекция двorca

ные свидетельства, а именно «меч, конь и тяжелое вооружение оказываются... главными критериями принадлежности к рыцарству»¹.

Но насколько глубоким было это увлечение?

Первые шаги к осмыслению концепции рыцарства в России были сделаны уже в позднем Средневековье; больше внимания отдавалось внешней, материальной стороне этого культурного института. К концу третьей четверти XVII столетия в царской сокровищнице хранилось множество разрозненных рыцарских доспехов и десять экземпляров полной корпусной брони. В их число входил полный доспех для коня и всадника, присланный царю Федору Иоанновичу польским королем Стефаном Баторием в 1584 г., доспехи, принадлежавшие князю И. А. Воротыгнскому, доспех Н. И. Романова и юношеский доспех, принадлежавший детям Алексея Михайловича². Практического применения в те годы эти вещи не получили³.

В России XVIII в., преображенной культурными реформами Петра I, рыцарство было избрано как идея, объединяющая времена и культуры. В качестве эффектных придворных увеселений возрождаются рыцарские турниры, снаряжение для которых заимствуется из Оружейной палаты — древней царской сокровищницы⁴. Однако собирательство рыцарских вещей еще

В. С. Храповицкого в Муромцеве, коллекция «Оружейной» из усадьбы Узкое и П. П. Вяземского в Остафьево и др. Определенную нишу занимали псевдо-рыцарские вещи царских коллекций (такие, как доспех «Древнее вооружение», изготовленный Златоустовскими мастерами в подарок цесаревичу Александру Николаевичу в 1834 г.). См.: *Шапиро Б. Л.* Рыцарские вещи в царских оружейных коллекциях (описи оружия Романовых в ГАРФ) // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов VI международной научно-практической конференции, 3–5 октября 2018 г. Тула, 2019. С. 412–418.

¹ *Лучицкая С. И.* Рыцарство — уникальный феномен западноевропейского средневековья / Рыцарство: реальность и воображаемое // Одиссей. Человек в истории / ИВИ РАН. М., 2004. С. 8.

² *Опись Московской Оружейной палаты.* Ч. 3. Кп. 2. С. 175–189.

³ *Ефимов С. В.* Оружие Западной Европы XV–XVII вв. в Артиллерийском музее. История формирования собрания (XVIII в. — 1930-е гг.) // Бранденбургские чтения. Вып. 2. Письменные памятники в музейных собраниях. СПб., 2007. С. 76.

⁴ «Опись Конюшенной казны. № 1267 (206 и 207). Опись конюшенных и оружейных уборов, которые в 1765 году были отосланы в Петербург к употреблению в карусели; в двух книгах, в одной 306, в другой 56 листов. № 1268 (209) Опись конюшенных и оружейных уборов, возвращенных в Москву

долго не будет пользоваться популярностью: вплоть до Александра I (включительно) внимание коллекционеров отдается современным предметам¹. Немногими исключениями могут служить приобретенные в Семилетнюю войну тевтонские доспехи, для хранения которых при Достопамятном зале была создана специальная «Рыцарская комната»², и фигурки латников из миниатюрного прусского кабинета Ф. В. Ростопчина, подаренного Павлу I в 1792 г.³

К концу XVIII в., как уже отмечалось, рыцарская культура приобрела особый вес. К коронации Павла I на новых началах формируется личная охрана императора — кавалергардия. Ей присваивается парадное обмундирование в виде полных рыцарских лат: серебряные кирасы и серебряные же шишаки со страусовыми перьями. Вот как описывал очевидец эту картину: «за Государем и Императрицей шла... блестящая свита, в которой военные были в большинстве, потом рота телохранителей (лейб-гвардейцев), покрытых с головы до ног вооружением: кирасами, кольчугами, в касках с развевающимися перьями, как у древних рыцарей — все из массивного серебра, сверкавшего и сиявшего на солнце. Во главе этой роты шел в такой же одежде старый воин»⁴.

С гибелью императора Павла I эпоха российского рыцарства не закончилась, как можно было бы предположить. Известно, что Александр I аннулировал российские мальтийские приорства; было объявлено, что с 1817 г. «российская ветвь державного

из Петербурга в 1766 году; в лист, на 387 листах. В начале и в конце рукописи помещены документы о возвращении уборов и реестры вещей, не оказавшихся при обратном их приселе в Москве». См.: Успенский А. И. Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. Документы XVIII–XIX вв. бывшего Архива Оружейной Палаты. М., 1906. С. 73.

¹ Родионов Е. А. История коллекции оружия Гатчинского дворца с 1770-х до 1941 г. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 16. С. 286–288; Школьников К. Коллекция оружия Петра I // Советский музей. 1987. № 6. С. 62.

² Ефимов С. В. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. в Артиллерийском музее. С. 78.

³ Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796): Историческое исследование. СПб., 1887. С. 410–411.

⁴ Панчулидзе С. А. История кавалергардов. Т. 1. С. 46. Полные церемониальные латы нижнего чина Кавалергардского полка образца 1797 г. сегодня хранятся в собрании в собрании ВИМАИВиВС.

ордена Св. Иоанна Иерусалимского больше не существует»¹. Однако Михайловский замок уже приобрел прочную репутацию замка рыцарского. В александровскую эпоху — время освободительной войны — рыцарская тема снова играет свою роль; в дворянской среде она воспринимается как знак яркой, благородной и трагедийной жизни². Это первые годы романтизма, пробудившего интерес к истории³.

Своеобразным символом русской романтической дворянской культуры и одной из ярких страниц ее истории стала рыцарская карусель, возрожденная с 1803 г. после некоторого забвения⁴; поначалу в Москве. В 1811 г. местом проведения избрана площадка напротив Нескучного сада, где был выстроен специальный амфитеатр на 5000 зрителей. Правила проведения разрабатывались по историческим сведениям о каруселях Людовика XIV⁵.

Романтизация рыцарской культуры в российском обществе в это время была практически синхронна общеевропейской: в 1818 г. публикуется статья В. Скотта «Рыцарство» (*Essay on Chivalry*), в следующем году издается его «Айвенго», а его же «Рассказы крестоносцев» (1825) выходят почти одновременно с «Одами и балладами» В. Гюго (1826) и «Замком Нейгаузен» А. А. Бестужева-Марлинского (1824).

В поисках наиболее выразительных символических образов обращались не только к литературным и музыкальным образам, но и к вещному миру (архитектуре и интерьеру, текстилю и костюму и т. д.). Именно тогда было положено начало царскосельскому собранию оружия Николая I, которое впоследствии заняло место одного из крупнейших в мире «рыцарских» собраний.

¹ Вилинбахов Г. В. Награды России: ордена. СПб., 2006. С. 66.

² Светлов И. Е. От романтизма к символизму: очерки польской и венгерской живописи XIX — начала XX века. СПб., 1997. С. 40.

³ В 1809 г. был опубликован первый исторический роман — «Мученики» Ф. Р. Шатобриана.

⁴ Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII — начала XX вв. М., 2001. С. 106.

⁵ Пыляев М. И. Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России // Исторический вестник. 1885. Т. 21. С. 333–334.

⁶ В дополнениях к «Британской энциклопедии». См.: Scott W. *Essays on Chivalry, Romance, and the Drama*. Edinburgh, 1834. P. 1.

Его первым предметом стала трофейная турецкая сабля: герой Рущукского сражения генерал А. Ф. Ланжерон преподнес ее будущему императору Николаю Павловичу¹. Сражение состоялось 22 июня 1811 г., и уже через несколько дней сабля стала подарком к 15-летию юного Романова.

Николай Павлович, отдававший должное памяти своего отца, «романтического императора»², закономерно продолжил традицию увлечения рыцарской культурой и традицию коллекционирования оружия, гармонично сосуществующих при императорском дворе. Первоначально его собрание располагалось в Гатчинском дворце, по месту пребывания августейшего коллекционера; с 1817 г. оно было перемещено в Аничков дворец. С июня 1827 г., вскоре после вступления Николая Павловича на престол, большая часть оружейного собрания была перевезена в его летнюю резиденцию — царскосельский Александровский дворец. Коллекция быстро прирастала новыми экспонатами, и в 1834 г. для ее размещения было приспособлено отдельное здание — двухэтажный павильон Арсенал³.

Собрание включало свыше 5000 единиц хранения, разделенных на 18 категорий⁴, в том числе свыше 670 рыцарских вещей. Среди них полные и разрозненные доспехи, конская броня, холодное и огнестрельное оружие, в том числе 30 копий,

¹ Шехурин Д. Ю. Краткий обзор германского оружия и оружейного декора XIII–XVIII веков // Культура и искусство в эпоху Николая I. Материалы научной конференции из цикла «Императорская Гатчина», 23–24 октября 2008 года. СПб., 2008. С. 176.

² Морохин А. В. «Я узнаю себя в моем отце»: Николай I и культ императора Павла I во второй четверти XIX в. // Исторический вестник. 2018. Т. 22. № 169. С. 164. Также см.: Вискочков Л. В. Память об отце: Николай I и Павел I // Труды Исторического факультета СПбГУ. 2013. Т. XI. С. 22–34.

³ Постройка которого была начата Александром I еще в 1819 г. См.: Образцов В. Н. Оружие Востока в собрании Эрмитажа. СПб., 2015. С. 7. Старинное оружие из собрания ГЭ. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 4. В этот период рыцарская тема была опоэтизирована А. Мицкевичем (12-я книга эпоса «Пан Тадеуш», 1832–1834 гг.) и Ф. Шопеном (полонезы зрелого периода — середины и конца 1830-х гг.), горячо воспринятыми русской дворянской культурой. См.: Штейнпресс Б. С. Музыка девятнадцатого века: Классицизм и романтизм. М., 1968. С. 347–348.

⁴ Вильчковский С. Н. Царское село. СПб., 1911. С. 196; Жиль Ф. Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего государю императору. СПб., 1860. С. II, XI–XII.

участвовавших в известной карусели 1766 г.¹ По словам хранителя коллекции Ф. Жилья, «что касается до конской брони, она в изящной красоте своей может только уступать подобным броням, принадлежавшим дому Мартиненго, и хранящимся ныне в королевском арсенале в Турине»². Гордостью коллекции были:

1) «старинные полные доспехи (жолобоватые), принадлежавшие Иоахиму Мюрату, королю неаполитанскому»;

2) «старинные немецкие полные доспехи, принадлежавшие, как уверяют, герцогу фридландскому Валленштейну»;

3) «старинные доспехи, фиолетовые, из полированной стали с золотыми полосами. Доспехи сии... принадлежавшие члену фамилии Медичи, состоят из лат, шишака и щита»;

4) «старинные доспехи отличной работы с золотыми выемками. Прекрасные доспехи сии, состоящие из лат, шишака и щита... принадлежали некогда Николаю Верацани, славному вождю (Condottieri), служившему Франции во время войн Карла V с Франциском I»;

5) «доспехи Фердинанда Альвареса Толедского, герцога Альбы и Гуески... умершего в 1582 г.»;

6) «полный доспех французского рыцаря XVI в., с копьем, броней для лошади, седлом³, чепраком и уздой»;

7) «полные доспехи из полированного железа, украшенные фигурами и арабесками... весьма древние. Судя по предметам украшений... принадлежали рыцарю крестonosцу»;

8) «немецкие доспехи для турниров XVI в., железные полированные с гравированными полосами. К ним принадлежит седло с гербом неизвестной фамилии и конская головная нашейная и нагрудная броня, также железная полированная, и с гравированными полосами превосходной работы»;

¹ [Жиль Ф.]. Каталог редкого, старинного и восточного оружия, хранящегося в собственности Его Императорского Величества арсенале в Царском Селе. СПб., 1840. Ч. 1. С. 153–173, 177–178; Там же. Ч. 2. С. 113–141, 145–147.

² Жиль Ф. Царскосельский музей с собранием оружия... С. 36. В числе прочих редкостей находились золоченые с эмалью стремена французского короля Генриха II, конский головной убор брони императора Максимилиана II, покрытый гравированными узорами, максимилиановское седло. См.: Там же. С. 45, 133.

³ Вероятно, армированное (обитое металлом). См.: Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С. Всадники войны. Кн. 1. Кавалерия Европы. СПб., 2005. С. 438; Pyhrr S. W., LaRocca D. J., Breiding D. H. The Armored Horse in Europe, 1480–1620. New York, 2005. P. 19.

9) «немецкие доспехи для турниров, начала XVI в., железные полированные с полосами, покрытыми гравировкой и золотой насечкой. Эти доспехи примечательны по тому, что по устройству своему могли служить вместе в турнирах и в сражении; для последнего употребления при них сверх обыкновенных частей двойное забрало, большой щит (*manteaux d'armes*) и левый нарукавник, которые прилаживаются к ним посредством прочных винтов»;

10) «пара шпор, принадлежавших славному полководцу, графу Тилли. При них находится следующая записка¹ на пергаменте: Эти шпоры из посеребренного железа с золотыми цветами носил в последние годы жизни своей высокочтимый генерал Тилли. Быв смертельно ранен, он подарил их мне на память, когда я проводил его из лагеря при Райне в Ингольштадт, где он вскоре испустил дух. Старший сын мой и потомки его должны сохранять их и оставить при них сию записку. Патерборн 7 апреля, лета по рождестве Господа нашего 1638 года. Германн фон-Зальца, гауптманн»;

11) «прекрасные старинные рыцарские доспехи с броней для лошади. Доспехи сии полны за исключением одной недостающей рукавицы; сделаны из закаленного железа с выпуклыми горизонтальными и вертикальными полосами, украшенными резными светло-выполированными арабесками. Предметы украшений весьма разнообразны и представляют трофеи, травли, птиц, зверей, цветы и пр. Судя по чистоте отделки, они должны быть работы флорентийского мастера. В королевском артиллерийском музее в Париже хранятся доспехи пешего воина, принадлежавшие, как уверяют, Вольфгангу фон-Нейбургу, умершему в 1653 г. Металл, расположение украшений и работа этих доспехов до такой степени сходствуют с описываемыми здесь доспехами, что и те, и другие должно почесть произведениями одного мастера. Сходство тем разительнее, что на обоих находится герб сего рыцаря: лев с раздвоившимся хвостом. Одно уже это обстоятельство доказывает, что и описываемые здесь доспехи принадлежали самому Вольфгангу фон-Нейбургу или кому-то из его рода. Директор королевского

¹ На немецком языке.

музеума Г. Сервуа, с своей стороны, нисколько не сомневается в истине сего предположения»¹.

Часть экспонатов была приобретена Николаем Павловичем во время европейских вояжей 1833 и 1837–1838 гг.; некоторые вещи были внесены в коллекцию супругой императора Александрой Федоровной, матерью Марией Федоровной и старшей сестрой Марией Павловной, поддерживающими собирательскую страсть своего августейшего родственника².

Рыцарские вещи располагались в зале нижнего этажа, восьмиугольном «зале Рыцарей» второго этажа (будучи экспозиционным центром Арсенала, он также носил название «Большого зала») и на соединяющей их лестнице. Главным украшением Зала Рыцарей были фигуры семи конных рыцарей в полном вооружении³.

Само здание Арсенала, выполненное в виде живописного четырехбашенного средневекового замка, стало не только одной из самых эффектных построек среди русской «готической» архитектуры. Его появление завершило оформление царскосельского архитектурно-паркового ансамбля, как полностью сложившейся романтически-готической среды (в первой половине 1820-х гг. в неоготическом стиле был выстроен Ламский павильон, во второй половине 1820-х гг. — комплекс Белой башни, искусственная руина «Шапель» и Пензионерная конюшня)⁴.

Именно здесь состоялась самая знаменитая карусель XIX в.: она была проведена в мае 1842 г. в Царском Селе в честь 25-летия бракосочетания Николая Павловича и Александры Федоровны⁵. В карусели, которая состояла из кадрили и других эволюций в конном строю, принимали участие 16 конных пар. В центре внимания находилась августейшая чета — император

¹ [Жиль Ф.] Каталог редкого, старинного и восточного оружия... Ч. 1. С. 153–155, 160; Ч. 2. С. 116, 138–139, 174, 191. Приведенный список далеко не полон.

² Старинное оружие из собрания ГЭ. С. 19; [Жиль Ф.] Каталог редкого, старинного и восточного оружия... Ч. 1. С. 153. Ч. 2. С. 139–140.

³ Жиль Ф. Царскосельский музей с собранием оружия... С. 133, 204.

⁴ В готическом стиле также выдержан комплекс Императорских конюшен в Петергофе, выполненный архитектором Н. Л. Бенуа по заказу Николая I в 1848–1854 гг.

⁵ Майская карусель 1842 г. запечатлена О. Верне на картине «Царскосельская карусель».

в подлинном максимилиановском доспехе из собственного Арсенала и его супруга в бархатном «средневековом» платье. Горячая поклонница рыцарской культуры, она еще в отрочестве получила сеньяль (т.е. псевдоним, вымышленное имя) «Белая роза», заимствованный из французского рыцарского романа XII в. «Флуар и Бланшефлер», а позже, уже в бытность русской императрицей — герб (венки из белых роз на лазоревом щите, пронзаемый мечом) и девиз авторства В. А. Жуковского «За веру, царя и Отечество!»¹.

«Белая роза» (как и ее ближайшие фрейлины А. А. Оленина, А. О. Смирнова-Россет и С. А. Урусова) пользовалась репутацией ловкой амазонки². Императрица обожала рыцарские забавы: для нее была устроена карусель на 16 пар верхами в Петербургском Михайловском манеже в апреле 1828 г., когда она, по воспоминанию Жуковского, выступила лучше всех³. Необыкновенно пыльным был рыцарский турнир-карусель 1 июля 1829 г. в Потсдаме, устроенный в честь дня рождения Александры Федоровны. Стоит сказать, что частью празднования была презентация только что завершенной готической Александрии в Петергофе, построенной и названной в честь императрицы⁴.

Возвращаясь к самой известной карусели XIX в., отметим, что в числе ее участников, облаченных в подлинные доспехи XVI в. из императорской коллекции, был и 24-летний цесаревич Александр Николаевич. Император и цесаревич были в максимилиановских рифлированных доспехах, взятых из комнаты императрицы нижнего этажа Арсенала; в максимилиановском доспехе был и граф Ф. В. Орлов-Денисов (его доспех происходил из Зала нижнего этажа). Немецкие доспехи XVI в. с узорной насечкой, ранее принадлежавшие герцогу Валленштейну, достались генерал-адъютанту графу С. Ф. Апраксину (взятые также из Зала нижнего этажа). Вооружение эрцгерцога Карла

¹ Зимин И. В. Александровский дворец в Царском селе. Люди и стены. 1796–1917. М., 2015. С. 82.

² Шапиро Б. Л. «...Соблаговолили выезд иметь верхами»... С. 226–234.

³ Зимин И. В. Александровский дворец в Царском Селе... С. 82. В николаевское время карусели также проводились в манеже гвардейской Берейторской школы — дважды в апреле 1834 г. (на 19 и на 17 пар участников) и в марте 1835 г.

⁴ Илатовская Т. А., Пахомова-Герес В. А. Волшебство Белой розы. История одного праздника. СПб., 2000. С. 35.

Гратцкого (из Зала рыцарей) на время карусели было отдано мужу старшей дочери Николая I герцогу М. Лейхтенбергскому (Богарне). На известном кавалеристе генерал-адъютанте Е. Ф. Мейендорфе была надета полная немецкая броня XVI в. (также из Зала Рыцарей).

Интересно, что историческими конскими доспехами на этой карусели не воспользовались, поскольку «железные доспехи и шлемы с опущенными забралами и, в особенности, конские брони до того пугали непривычных животных, что многие из них вырвались из рук и разбежались по парку», — сообщал хранитель коллекции Ф. Жиль. В итоге украшением турнирных лошадей стало легкое штофное убранство¹.

Фоном для карусели были как нельзя лучше подходящие для этой цели готические «декорации» Царскосельского архитектурно-паркового комплекса. Рыцарский поезд, предшествуемый музыкой и герольдами, двигался от Арсенала к площадке перед Александровским дворцом, где и состоялась майская карусель 1842 г.²

Так культивировавшееся в николаевскую эпоху обращение к легендарным страницам военной истории было призвано укрепить русскую военно-придворную аристократию в период ее идейных и духовных исканий. Этот путь ни в коей мере не противоречил знаменитой формуле министра народного просвещения С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность»: она была нацелена на «утверждение отечественной религиозно-культурной самобытности внутри Европы, а не вне ее»³.

Но был ли Николай I последним «рыцарем» на русском престоле⁴?

¹ Жиль Ф. Царскосельский музей с собранием оружия... С. IX, 33–34, 133, 135–136.

² Вильчковский С. Н. Царское село. С. 196–197; Жиль Ф. Царскосельский музей с собранием оружия... С. IX.

³ Ахизер А. С., Клямкин И. М., Яковенко И. Г. История России... С. 203–204.

⁴ Впервые Николай I был назван рыцарем своей бабушкой Екатериной II. См.: Шильдер Н. К. Император Николай I: его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 2. Также его называли «императором-рыцарем», «странствующим» и «неустраслимым» рыцарем, «рыцарем духа», «венчанным рыцарем» и т. п. См.: Выходков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 157; Малышев С. А. Военный Петербург Николая I. М., 2012. С. 6; Николай Первый. Рыцарь самодержавия. М., 2007. С. 475, и др.

После смерти императора рыцарская традиция еще теплилась в делах его старшего сына и преемника. Арсенал перешел от своего первого владельца к Александру II практически в полном объеме, и тот пополнял ее в течение всей своей жизни¹. Оружейная коллекция разрослась настолько, что часть ее была перемещена в нижний этаж Зубовского флигеля Большого Екатерининского дворца в Царском селе — в личных покоех Александра Николаевича, где он жил почти постоянно с 1841 г. (т.е. со своей женитьбы). Личные покои представляли собой ряд небольших комнат, декор которых по преимуществу отличался простотой: превалировала мелкая пластика, живопись и графика военной тематики, знамена и мундиры. Кабинет украшали бронзовые парные канделябры на 6 свечей с фигурами рыцарей².

Главным украшением покоев Александра Николаевича, подлинного знатока и ценителя оружия, было его обширное оружейное собрание. Оружие располагалось прежде всего в Азиатской комнате — под оружейную ее переделали в 1851 г. из Малиновой гостиной³. Здесь экспонировалось около 450 вещей, преимущественно восточных⁴, и европейское оружие, конские вещи. 257 предметов были сгруппированы в 13 композиций-«трофеев».

¹ Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 461, 465–466; Шатило Б. Л. Николай I и великие князья Николаевичи: увлечения и коллекции (личные фонды Романовых в ГАРФ) // Чертковский исторический сборник. Вып. 2. М., 2019. С. 114–124. Чуть раньше, в 1849 г., Царскосельский арсенал пополнился коллекцией младшего брата Николая I великого князя Михаила Павловича. Согласно его завещанию (за некоторыми вычетами), она также перешла в распоряжение Александру Николаевичу. Старинное оружие из этой коллекции осталось в Царскосельском Арсенале, а оружие XVIII–XIX вв. было перемещено в арсенал Николаевского дворца. См.: ГАРФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–2. Завещание великого князя Михаила Павловича, с надписью «Опись завещанного мною оружия», с подписями генерал-адъютанта графа Адлерберга, генерал-адъютанта Анненкова, генерал-адъютанта Ростовцева и генерала Криденера, удостоверяющими завещание. 20 мая 1843 г. Л. 1–2 об.; Жиль Ф. Царскосельский музей с собранием оружия... С. 86.

² Ходасевич Г. Д. Комнаты Александра II в Зубовском флигеле // Александр II и Царское Село: Каталог выставки. СПб., 2000. С. 83, 163. Последний сезон в Царском селе он провел в 1880 г.

³ Ходасевич Г. Д. Комнаты Александра II в Зубовском флигеле. С. 72.

⁴ Была и русская сабля XVII в. с золотой насечкой и надписью: «Христе, помози побеждать». См.: Вильчковский С. Н. Царское село. С. 139.

Небольшая часть коллекции, в том числе и рыцарские вещи, помещалась в небольшой Гардеробной личных покоев¹.

Рыцарские карусели при дворе Александра II проводились нечасто. Последняя рыцарская карусель для «Белой розы» — в те годы вдовствующей императрицы — была устроена в 1859 г., незадолго до ее смерти. Карусель проходила под окнами ее апартаментов в Александровском дворце (т.е. на том же месте же, где и «та самая» карусель 1842 г.).

После смерти Александра II рыцарская традиция при русском дворе окончательно вышла из круга актуальных: на смену ей пришли другие культурные ориентиры. Вещи из коллекций усопшего императора были розданы семье, близким и подшефным полкам². Основная часть царскосельского собрания, по решению Александра III, равнодушного к рыцарской культуре, была передана в Императорский Эрмитаж. Рыцарство в России окончательно перешло в статус «исторически снятой»³ культуры; перед империей стояли новые задачи, и внимание сильных мира сего отдавалось другим ценностям и идеалам.

* * *

«Ни одно искусство не требует таких подробных объяснений, как верховая езда, в которой два живые существа соединяются теснейшим образом. Мы считаем совершенно лишним

¹ В шкафах были размещены мундирные и амунические вещи Александра Николаевича. У окна стоял комод красного дерева; в нижнем ящике была устроена раздвижная походная кровать для камердинера. См.: Екатерининский дворец. Личные покои Александра II (Зубовский флигель) [Электронный ресурс]. URL: <https://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/adresa/ekaterininskii-dvorec-lichnye-poko-i-aleksandra-ii-zubovskii-fligel.html> (дата обращения 02.06.2018). Некоторое количество оружия Александра II хранилось в Оружейной и Бильярдной комнатах Зимнего дворца. См.: Старинное оружие из собрания ГЭ. С. 60.

² Часть собрания предназначалась для передачи третьему сыну почившего императора и его супруги великому князю Владимиру Александровичу (младшему брату Александра II). См.: ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 952. Л. 1–3. Список вещей Александра II, переданных по его завещанию великому князю Владимиру Александровичу и записка Адлерберга о рассылке мундиров Александра II по соответствующим полкам.

³ Кондаков И. В. Русский маскульт: от барокко к постмодерну. М.: СПб., 2018. С. 10.

доказывать кавалеристу важность верховой езды... Задача кавалерийского офицера состоит в том, чтобы достигнуть высказанной цели как можно скорее и притом самым простым образом, соответствующим нравственной и физической способности часто весьма различных индивидуумов», — этими словами открывается книга капитана фон Кюне (Кене) «Кавалерист и его лошадь»¹, подводящая итоги развития кавалерийского искусства первой половины XIX столетия. Проанализировав итоги его развития в Российской империи за этот период, можно утверждать, что сыновья императора Павла I не только продолжили дело своего отца, но и развили идеи, заложенные его великим прадедом — «архитектором российской истории»² Петром I. Вверенная великим князьям Павловичам, имперская кавалерия была развита до неизвестного ранее масштаба. Было положено прочное начало русской кавалерийской школы.

Однако развитие символического образа русского всадника в этот период было ориентировано на внешнюю, формальную сторону военно-придворной культуры. Именно в это время пространством для главного воплощения образа избраны отвлеченные, оторванные от конкретных реалий концепты (рыцарские турниры или парады-балеты). Актуализация боевой подготовки имела лишь второстепенное значение, итогом чего стала стагнация русского военного искусства, заметная к середине XIX столетия. В свою очередь, это стало причиной противоречивости коннотаций, присваиваемых образу в последующие десятилетия.

¹ Кюне. Кавалерист и его лошадь. СПб., 1859. С. 1.

² Погослян Е. А. Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001.

ГЛАВА 2. ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ НИКОЛАЕВИЧИ И КРИЗИС РУССКОЙ КОННИЦЫ

3.2.1. После Крымской войны: ОСНОВНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

Середина XIX столетия стала переломным моментом в русской военной истории. Поражение в Крымской войне (1853–1856), несмотря на, казалось бы, блестящее состояние армии¹ и усилия командования, показала кризис русской военной школы. Ему способствовали, прежде всего, социальная и техническая отсталость армии². Еще одной очевидной причиной поражения русской армии была непомерная раздутость ее штатов. «Иррегулярные части по штатам военного времени должны были представлять 245 000 человек и 180 000 коней; фактически в Восточную войну они были мобилизованы в гораздо большем составе и представляли массу в 407 000 человек и 369 000 коней³...

¹ Шапиро Б. Л. Русская кавалерия после Крымской войны: основные сценарии развития // Genesis: исторические исследования. 2019. № 5. С. 27–36. Принятой нормой стало уважительное отношение к российской кавалерии после 1830-х гг., поскольку, в определенном смысле, ни до этого времени, ни после она не поднималась до такого уровня. См.: Кухарук А. В. Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е годы // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VII. М., 2009. С. 191–205. Однако «тяжелый урок Крымской войны открыл нам глаза на многие важные недостатки нашей армии, которую мы прежде считали верхом совершенства. В особенности выказалась бесплодность существовавшей прежде системы обучения войск, вся непригодность для войны прежних педагогических требований на плац-параде и в манеже». См.: Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. М., 1999. С. 254.

² Бесов А. Г. О причинах и итогах Крымской войны 1853–1856 гг. // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 5–10.

³ Большую часть иррегулярной конницы составляли казаки. См.: Михайлов А. А. Первый бросок на юг. М., 2003. С. 228.

При таком изобилии легкой иррегулярной конницы, мы содержали еще свыше 80 000 регулярной кавалерии», — сообщал А. А. Свечин¹. Численность всей армии по штатам военного времени достигала 1 400 000 человек²; содержание громадной людской и конской массы было тяжелым финансовым бременем, «огромные человеческие и материальные затраты, связанные с этой войной, перешли все границы допустимого»³.

Повсеместное введение нарезного оружия, утроившего дальность выстрела и увеличившего его меткость, поставило вопрос о современных целях и задачах кавалерии. Высказываются — пока еще одиночные — мнения о том, что роль кавалерии на театре войны окончена⁴. Начинается сокращение кавалерии. Первые шаги в этом отношении были сделаны еще Николаем I⁵, во время царствования которого ее численность колебалась в пределах от 14 до 20 кавалерийских дивизий⁶.

Александр II, не дожидаясь решения вопроса о возможных путях развития кавалерии, начал ее сокращение. Кирасирские полки переформируются в драгунские, и кирасиры, по воспоминаниям современников, «со слезами на глазах продавали с аук-

¹ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 22. По уточненным данным, «к началу Крымской войны на службе в армии состояло 110 000 кавалеристов, сведенных в 59 полков (12 кирасирских, 11 драгунских, 16 гусарских, 20 уланских)». См.: Михайлов А. А. Первый бросок на юг. С. 227–228.

² Согласно списочному составу войск к 1 января 1853 г. См.: Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Т. 1. Приложения. СПб., 1908. С. 476.

³ Давыдов И. В. Преобразование системы военного образования России во второй половине XIX века по итогам Крымской войны 1853–1856 годов // Тенденции развития науки и образования. 2016. № 12–4. С. 10–14.

⁴ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 2. С. 38.

⁵ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–3 об. Докладная записка без подписи автора, по вопросу уменьшения кавалерии и учреждения резервных эскадронов. Докладную записку можно датировать не ранее 1848 г., согласно высочайше утвержденному положению об учреждении резервных и запасных кадров от 18 декабря 1848 г. См.: ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 23. Ч. 2. 1848. СПб., 1849. С. 117–123, и не позднее 1860 г., когда Образцовый кавалерийский полк был сокращен с переименованием в Образцовый кавалерийский эскадрон.

⁶ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. С. 22. Николаевская реформа армии, конечной целью которой были не только количественные, но и качественные изменения, была проведена в 1830-е гг. Вся армейская кавалерия переформирована на усиленный состав. См.: Положение о переформировании армейской кавалерии. СПб., 1833. С. 1.

циона крупных коней чтобы заменить их легкими драгунскими»¹. Поначалу расформировывались целые полки; следующим шагом стало сокращение полковых штатов².

Одновременно со спешной реорганизацией армии началась ее столь же стремительная техническая модернизация, сопряженная с развитием военного дела и военной науки. Армии требовались специалисты в новых областях военно-профессиональной деятельности. Возросли требования к боевой и научной подготовке личного состава³, прежде всего офицерских кадров, — одновременно с сокращением их численности. Для кавалерии это означало, что в основе подготовки должна была встать «современность», которой называли твердость посадки, понимание лошади и принципов управления ею; манежная езда должна была остаться в прошлом. «Манеж выучит управлению, лихость же уничтожит», — говорили в те годы⁴.

Очевидно, что требовалась реформа николаевской системы военного образования, преодоление ее косности и рутины. Это было крайне важным, так как к началу 1860-х гг. треть офицерского состава РИА комплектовалась из военно-учебных заведений.

Первые шаги были сделаны уже во второй половине 1850-х гг. В качестве простого и доступного средства, способствующего улучшению подготовки личного состава, был назван спорт, прежде всего гимнастика. С конца 1855 г. вводятся вольные и военно-прикладные гимнастические упражнения в гвардейском и гренадерском корпусе, а затем и в остальных частях⁵. Для кавалерии были введены упражнения со снарядами, известными с Античности: «конем» и «козлом» (укороченным конем)⁶.

¹ Марков А. Л. Из кирасирских былей // Военная быль. 1956. № 18. С. 21.

² Тихановский А. Н. Памятка исторического прошлого Нарвского кавалерийского полка. СПб., 1897. С. 48.

³ Декларировалось, что «всякий нижний чин, к какому бы он сословию ни принадлежал, может теперь рассчитывать на дальнейшее безграничное повышение по службе, если он имеет достаточное для того научное образование». См.: Штакельберг К. К. Полтора века Конной гвардии. С. 137.

⁴ Заметки об учебном кавалерийском эскадроне // Военный сборник. 1870. № 3. С. 78.

⁵ «Правила по обучению гимнастике» для войск были изданы в 1859 г. См.: Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. С. 351.

⁶ Иванов М. С. Возникновение и развитие конного спорта. С. 43. Попытки ввести в военный быт «гимнастические машины» и «деревянные кобылки»

В полках были образованы гимнастические, фехтовальные и вольтижировочные команды (впоследствии слитые воедино), кроме того, при гвардейском корпусе учреждалась особая фехтовально-вольтижировочная команда для обучения нижних чинов рубке палашами, фланкированию пиками, гимнастике и вольтижировке. Продолжала свое развитие джигитовка.

В 1857 г. была издана первая русскоязычная «Метода берейторского искусства, основанная на новых началах» версальского мастера выездки Ф. Боше, написанная им в 1847 г. За следующие 15 лет Боше, посвятивший свой труд «всем господам кавалеристам, охотникам до верховой езды»¹, приобрел множество почитателей и последователей. Его учение, простое и понятное, получило название «бошеризма», а его труд — «Библии бошеризма». Десять ее переизданий разошлись в более чем 40 000 экземпляров в переводе, кроме русского, на немецкий, английский, испанский, итальянский и голландский языки. Основная мысль «Методы» — сведенная до минимума роль лошади; всаднику и его навыкам отдавалось главное значение.

В 1857 г. были изданы правила испытаний офицерских лошадей по выездке; в следующем — «Иппология для офицера» Кюне, а еще через год — «Кавалерист и его лошадь» того же автора². Начинается формирование военно-иппологических библиотек. В 1861 г. библиотеки были пополнены двухтомным «Трудом о коневодстве» Кюне (один экземпляр, в кожаном переплете с золотым тиснением и обрезом, хранился в «Коллекции русского кавалериста» библиотеки Зимнего дворца)³.

В январе 1862 г. военный министр Д. А. Милютин представил известный Всеподданнейший доклад, послуживший началом

были сделаны еще при Николае I. См.: Гребенкин А. Н. Физические занятия и спорт в жизни воспитанников кадетских корпусов Российской империи и русского зарубежья // Вестник БГУ. 2015. № 2. С. 137.

¹ Боше Ф. Метода берейторского искусства, основанная на новых началах. СПб., 1857.

² Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство... С. 60; Кюне. Кавалерист и его лошадь; Kuhne. Hypnologische Sammlungen eines Russischen Reiterofficiers. Petersburg, 1858.

³ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2660. Ч. I. Л. 1–64. Кюне (Kuhne). «Коллекция русского кавалериста». Труд о коневодстве (Hypnologische). 1861 г.; ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2660. Ч. II. Л. 1–98. Кюне (Kuhne). «Коллекция русского кавалериста». Труд о коневодстве (Hypnologische). 1861 г.

больших реформ. Со следующего года началось обновление системы военного образования. Основные изменения затрагивали состав учебного плана и распределение дисциплин внутри него; они были согласованы с новыми требованиями военной службы. Стоит отметить, что Александр II в течение шести лет до восшествия на престол исполнял обязанности главного начальника военно-учебных заведений и хорошо представлял себе положение дел в этой сфере¹.

Пажеский корпус получил сближение организации его специальных классов с организацией военных училищ. Общие классы были реорганизованы по принципу военных гимназий. Аналогичное переустройство получила бывшая Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, которая еще в 1859 г. (по упразднению звания подпрапорщиков) в память своего основателя была переименована в Николаевское училище гвардейских юнкеров. Стоит отметить давнюю связь этих учебных заведений: камер-пажи и пажи, выдержавшие экзамен для производства в офицеры и изъявившие желание служить в кавалерии, на время лагеря прикомандировывались для ознакомления с предстоящей службой к кавалерийским юнкерам². Выпускники Пажеского корпуса и Школы составляли основу гвардейской кавалерии³.

В 1864 г. Николаевское училище гвардейских юнкеров было преобразовано в Николаевское кавалерийское училище (НКУ). В результате изменений оно получило статус специально-кавалерийского, новый штат (утвержден в 1867 г., вместе с Положением об НКУ) и табель. По новому штату училищу полагалось 11 офицерских строевых лошадей, 220 юнкерских с ремонтными

¹ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 359. Л. 1–2. Описи книг военно-учебных заведений, хранившихся в большом кабинете великого князя Александра Николаевича. 1849 г.

² Милорадович Г.А. Материалы для истории Пажеского... С. 93. Так продолжалось до 1872 г., после чего Пажескому корпусу были даны средства для организации зимних конных занятий. Летние лагеря были совместными с НКУ до 1882 г. См.: Потто В.А. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 235; Шкот П.П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 106.

³ Гвардия комплектовалась вновь произведенными из Пажеского корпуса и из НКУ, а также полковыми вольноопределяющимися и офицерами, переведенными из армии. См.: Штакельберг К.К. Полтора века Конной гвардии. С. 136.

(на 200 юнкеров) и 5 трубаческих¹. Пажам-кандидатам пажежского корпуса было отдано 10 казенных вакансий.

Учебную программу НКУ, после реформ значительно усиленную, составляли науки «сугубые» (общеобразовательные), военные и специально-кавалерийские. В специально-кавалерийскую программу входили верховая езда, учение «пешее по конному» (для практического ознакомления с уставами), теоретическое изучение уставов, теория верховой езды (которая дополнялась основами выездки молодых лошадей), шашечные приемы и рубка с коня, вольтижировка, стрельба в цель, седловка и уборка лошадей, практические занятия в ветеринарном лазарете. Особо стоит отметить углубленное преподавание иппологии, для чего был оборудован иппологический кабинет и приглашен профессор с мировой известностью И. И. Равич. Еще одной сильной стороной было теоретическое и практическое обучение ковке при специальной кузнице НКУ. Также в программе были пеший строй, ружейные приемы (они считались основой молодецкой выправки, обязательной для кавалериста), фехтование, фланкировка, гимнастика, танцы². Школа полностью удовлетворяла требованиям к подготовке кавалерийского офицера, предлагая прочную базу.

С 1863 г. в кавалерию выпускались из Александровского военного училища³, чьи старшие юнкера занимались манежной ездой раз в неделю. По мере развития военно-специального образования выпуск из непрофильных заведений сокращался. Общим местом стала узкая профилизация.

¹ В школу принимались лица не моложе 16 лет из сословий, не подлежавших рекрутскому набору (до его отмены в 1874 г.) и уже состоявшие на службе юнкера и унтер-офицеры тех же сословий. См.: Правила приема в военные училища и программы учебных предметов. СПб., 1871. С. 3; Шкот П. П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 81–82, 86.

² И. И. Равич, один из основоположников русской ветеринарии и иппологии, преподаватель иппологии в НКУ в 1864–1871 гг. В 1856–1864 гг. иппологию преподавал магистр ветеринарных наук Г. Вейдеман. См.: Потто В. А. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 232, 307, 326; Шкот П. П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 9, 73–74, 91, 102–104.

³ Кедрин В. И. Александровское военное училище. 1863–1901. М., 1901. С. 1, 5, 38–39. Пехотное училище на базе упраздненного с 1863 г. Александринского Сиротского кадетского корпуса.

В 1865 г. занятия верховой ездой включены в число обязательных в Николаевской академии Генерального штаба. Для контроля была установлена строгая отчетность посещений и периодические смотры, производимые самим начальником академии. Спустя два года, чтобы побудить офицеров к еще более тщательному изучению кавалерийского искусства, было решено применить административные меры: «которые после двухлетнего пребывания в Академии окажутся слабыми в езде по собственному нерадению, не допускать к переводу на службу в генеральный штаб»¹.

В 1865–1869 гг. были открыты кавалерийские военно-учебные заведения на периферии (в Елисаветграде и Твери — кавалерийские юнкерские училища, в Оренбурге и Новочеркасске — казачьи юнкерские училища и казачий отдел в Варшавском юнкерском училище). На протяжении всего курса обучения юнкера занимались фронтовым учением, гимнастикой, фехтованием, стрельбой, вольтижировкой и иппологией².

Волна реорганизации дошла и до Образцового кавалерийского полка. С 1860 г. он, будучи сокращенным до одного эскадрона³, получил название Образцового кавалерийского эскадрона; с 1863 г. — Учебного кавалерийского эскадрона (УКЭ)⁴. Учебная программа была сходна с курсом НКУ; одними из важнейших считались военно-научная иппология⁵ и теорияковки — одно

¹ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии... С. 286–287. В качестве альтернативы рассматривалось введение дополнительной аттестации по этой дисциплине.

² Ряснянский С. Н. Исторический очерк Елисаветградского кавалерийского училища. Нью-Йорк, 1965. С. 217; Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Т. 10. Ч. 3. СПб., 1914. С. 25, 57–58.

³ Согласно высочайшему указу «О приведении Образцового кавалерийского полка в эскадронный состав... два первые взвода иметь драгунскими, третий взвод — уланским и четвертый — гусарским». См.: ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 35. Ч. 1. 1860. СПб., 1862. С. 945.

⁴ Панченко А. М. Библиотека Офицерской кавалерийской школы: история создания и состав книжных фондов // Библиосфера. 2017. № 2. С. 38.

⁵ 1860-е гг. стали временем бурного развития, прежде всего, военной иппологии. В 1866 г. выходит «Наставление о содержании военных лошадей», а в 1869 г. «Руководство по содержанию лошадей в кавалерии и артиллерии». См.: Иванов М. С. Возникновение и развитие конного спорта. С. 90. Публикуются первые исследования по теорииковки, пособия и руководства; как

из новых направлений военной иппологии¹. Для практического познания этой науки в эскадрон целенаправленно покупались лошади различных заводов и пород «отличных статей и достоинств»².

В 1865 г. был уточнен профиль подготовки в УКЭ: его задачей стала подготовка офицеров и нижних чинов кавалерии в верховой езде, а также практическая и теоретическая подготовка кавалерийских офицеров к должности командира эскадрона и подготовка офицеров-инструкторов и инструкторов нижних чинов, прошедших курсковки³.

Продолжают развитие иппологические библиотеки. «Журнал охоты и коннозаводства»⁴, публикующий официальные документы по Управлению государственного коннозаводства, а также переводные и оригинальные материалы, в конце 1860-х гг. выходит каждые две недели — в два раза чаще, чем обычно. На государственном уровне поощряется коннозаводство (а вместе с ним и конская торговля) для нужд армии. Возможным средством преодоления кризиса в кавалерии называется линейная тактика, где одним из главных требований была еще более высокая скорость кавалерийского наскока⁵ и, соответственно, еще более качественная лошадь.

Одной из мер поддержки коннозаводства и конской торговли становятся всероссийские конские выставки. На первой из них, в 1866 г., Александр II публично обязался «ездить только

учебная дисциплина она входит в программу кавалерийских военно-учебных заведений. См.: *Аммон Г. Г.* Вернейшее средство к разведению рослых и здоровых лошадей. СПб., 1857; *Гамм В.* Руководство к правильному уходу и обращению с лошадьми. СПб., 1858; *Игнатов.* Сведение о ковке лошадей для руководства в коннозаводских училищах. СПб., 1864.

¹ Заметки об учебном кавалерийском эскадроне. С. 79, 82; Учебно-кавалерийский эскадрон // Военный сборник. 1866. № 12. С. 300.

² По высочайше утвержденному Положению об УКЭ. См.: Учебно-кавалерийский эскадрон. С. 299.

³ В 1866 г. к УКЭ было присоединено Елисаветградское кавалерийское училище, откуда были переданы библиотека, учебные пособия и руководства. См.: *Паниченко А. М.* Библиотека Офицерской кавалерийской школы... С. 38.

⁴ Выпускался с 1842 г. под названиями «Журнал коннозаводства», «Журнал коннозаводства и охоты». См.: *Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я.* Отечественное коневодство... С. 53.

⁵ «Сомкнутость и быстрота составляют первостепенные условия успеха конной атаки». См.: *Драгомиров М. И.* Учебник тактики. СПб., 1879. С. 178.

на русских лошадях»¹. Отечественная лошадь вывозится и на всемирные выставки, где дебютирует весьма успешно: так, на Всемирной конской выставке 1867 г. в Париже были представлены 24 лошади из России, в четырех классах: верховые (преимущественно англо-арабские), рысистые (две из них призовые), гяжелоупряжные породы и разное (для заграничной публики наиболее интересными стали донские казачьи лошади, небольшие, полностью отвечающие нуждам иррегулярной кавалерии)². По словам Наполеона III, в те годы Россия имела потенциал для того, чтобы стать поставщиком кавалерийской лошади для всей Европы³.

Получил распространение новый взгляд на требования к кавалерийской лошади: нарядному экстерьеру придавалось второстепенное значение, первое место отдавалось силе и выносливости. Предпочтение все чаще отдается степным, особенно донским лошадям. Для отбора лучших экземпляров с 1860-х гг. использовался конный спорт, который в этот период в России имел сугубо военно-прикладное значение⁴. Для повышения уровня подготовки юнкеров и офицеров использовались и традиционные конные турниры — карусели, проводившиеся в манеже в зимнее время. Программа каруселей была в это время расширена и включала в том числе и вольтижировку⁵. Часто турниры проходили в Высочайшем присутствии.

¹ Контев В. И. Материалы для истории русского коннозаводства 1847–1887. М., 1887. С. 473.

² Reports on the Paris universal exhibition, 1867. Vol. V. London, 1868. P. 250–251.

³ Все о лошади. СПб., 1996. С. 200.

⁴ Попытка найти предельные способности лошади и человека (спортивно-технических показателей) и определить оптимальную их подготовку в целях повышения боеспособности армии. См.: Иванов М. С. Возникновение и развитие конного спорта. С. 39, 89. «Однако, — замечал военный теоретик генерал-адъютант и генерал от инфантерии М. И. Драгомиров, на рубеже 1870–1880-х гг. сформулировавший современные требования к всаднику и его лошади, — так как [конница] состоит главнейше из элементов, созданных природой (человек и лошадь), а не изобретенных умом человека, совершенствуемость возможна только в пределах весьма ограниченных». См.: Драгомиров М. И. Учебник тактики. С. 144.

⁵ В НКУ карусели проводились в зимнее время в манеже, раз в неделю по вечерам. См.: Потто В. А. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 240.

Дом Романовых поддерживал начинания личным примером. Активным участником конских скачек был великий князь Михаил Николаевич¹. Трудно переоценить вклад в развитие кавалерии в период ее кризиса Николая Николаевича старшего, генерал-инспектора кавалерии с 1864 г.

Реформы 1870-х гг. представляют развитие идей предыдущего периода, скорректированных военным опытом, прежде всего Франко-прусской (1870–1871)², которая, по словам политического деятеля, писателя и публициста М. С. Чайковского, «доказала значение хорошей, а главное усовершенствованной конницы»³ и Русско-турецкой (1877–1878) войн.

Особое внимание уделяется казачьей коннице: так, «совершенным образцом»⁴ называет ее известнейший военный теоретик второй половины XIX в. М. И. Драгомиров. «Лучшими и первейшими мастерами конного искусства» назвал донских казаков М. С. Чайковский (в своей записке на пятидесяти листах, поднесенной Александру II в 1873 г. с целью обратить внимание военной элиты на проблемное состояние русской кавалерии)⁵. Главная мысль записки — именно кавалерия является главной военной силой, несмотря на прогресс огнестрельного оружия⁶.

¹ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 87. Скачки 1866 г. (Л. 1–2), 1869 г. (Л. 3), 1870 г. (Л. 4). Промота Главного Комитета конских скачек на Кавказе о присвоении великому князю Михаилу Николаевичу звания члена соревнования (Михаил Николаевич — наместник Его Императорского Величества на Кавказе в 1862–1881 гг.).

² Русский интерес к итогам франко-прусской войны отчасти обусловливался желанием разобраться в причинах собственных военных неудач. См.: Подольников В. И. Франко-прусская война (1870–1871) в русской периодике 70-х годов XIX в. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 4 (188). С. 90–95.

³ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 143. Л. 2. Записка Михаила Станиславовича Чайковского «О значении конницы», поднесенная Александру II. 1873 г.

⁴ Драгомиров М. И. Учебник тактики. С. 144.

⁵ Особенно выделив казацкое седло, так как оно быстро седлается, а ездок держится в седле крепко. Казацкие двойные удила с верблюдками также представлялись одними из наиболее удобных. См.: ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 143. Л. 21 об. — 23 об.

⁶ Необходимо изыскать средства для уменьшения смертоносности боя, поскольку маневрирование сомкнутыми колоннами, решительный натиск и атака стали губительными для конницы на поле боя. «Быстрота движений, узкий, глубокий строй, атака в рассыпную и решительный, не блуждающий бесцельно по полю битвы, этот строй, по моему мнению, может быть с пользою употреблен против пушек и картечи». См.: ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 143. Л. 30–33.

Однако в своем настоящем состоянии она не может быть ведущим видом вооруженных сил империи.

На волне внимания к казачьей коннице полки в очередной раз переформируются, теперь уже с присоединением казачьей конницы к регулярным дивизиям. Открываются Ставропольское юнкерское казачье училище (1870) и казачьи отдели при Елисаветградском, Иркутском и Виленском юнкерских училищах (1874–1876).

К этому моменту было признано, что учебные программы специально-кавалерийских заведений оказались слишком обширны, что получило незамедлительную критику, поскольку учебное заведение «...есть прежде всего учреждение специально-военное, а не кузнечная школа и даже не берейторская; следовательно, главная его задача — познакомить офицера с военным искусством»¹. Уместно вспомнить, что Д. А. Милютин предостерегал реформаторов системы военного образования от «впадения в энциклопедизм» еще в 1840-х гг.² Из-за опасения «наплодить коновально-ветеринарных-берейторских школ»³ и в стремлении «ограничиться необходимым, отбросить все, что составляет предмет роскоши»⁴ и не соответствует современным требованиям, учебные курсы кавалерийских школ сокращаются; убирается перегруженность и дублирование.

Научным базисом специально-кавалерийского образования оставалась военная иппология, которая получила свое развитие как комплекс сведений о лошади, дающий наиболее рациональное ее использование⁵. В 1876 г. вышел курс иппологии

¹ Заметки об учебном кавалерийском эскадроне. С. 76.

² Гребенкин А. Н. Российская военная школа в эпоху великих реформ: модернизация образовательной парадигмы // Философия образования в отечественной культурно-исторической традиции: история и современность. Сб. статей III Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2017. С. 25.

³ Заметки об учебном кавалерийском эскадроне. С. 72.

⁴ Там же.

⁵ Фишер Ф. Ф. Записки иппологии. Курс Николаевского кавалерийского училища. СПб., 1876. С. 4. Ф. Ф. Фишер — военный ветеринар в действующей армии, член Ветеринарного комитета, преподаватель иппологии в НКУ с 1870 г., ветеринар-консультант при Главном управлении государственного коннозаводства. Также автор книги: Фишер Ф. Ф. Иппология. Справочные сведения о выборе и содержании лошади. СПб., 1881.

магистра ветеринарных наук (1864) Ф. Ф. Фишера¹, специально рассчитанный на кавалерийские училища². Этот труд основывался на двухтомном «Полном курсе иппологии» профессора И. И. Равича, в 1866 г. положившего начало научной иппологической литературе.

Получил развитие конный спорт. В июле 1872 г. состоялась первая четырехверстная скачка (стиплъ-чез) в Красном селе; к участию допускались офицеры кавалерии и конной артиллерии³ и строевые лошади не моложе 4 лет, рожденные в России. Здесь же проводились скачки нижним чином на строевых лошадях и состязания на призы в выездке молодых лошадей⁴.

Введение с 1874 г. всеобщей воинской повинности и усиленный спрос на подготовленных офицеров во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. послужили к еще одному пересмотру системы специально-кавалерийской подготовки. Все сделанное ранее еще раз пересматривается с точки зрения приспособленности к боевым условиям и ценности для армии.

Зимой 1880–1881 гг. были переработаны все кавалерийские уставы (предыдущие были изданы в начале 1860-х гг., затем выпускались только исправления и дополнения; накопившись во множестве, они затрудняли использование⁵). Наконец-то было

¹ Ф. Ф. Фишер — военный ветеринар в действующей армии, член Ветеринарного комитета, преподаватель иппологии в НКУ с 1870 г., ветеринар-консультант при Главном управлении государственного коннозаводства. Также автор книги: *Фишер Ф. Ф. Иппология. Справочные сведения о выборе и содержании лошади.* СПб., 1881.

² Курс иппологии объемом в 60 часов читался в течение года. Сильной стороной курса был «перосмысленный соответственно времени курс теории ковки». См.: *Фишер Ф. Ф. Записки иппологии.* С. 3, 4.

³ *Иванов М. С. Возникновение и развитие конного спорта.* С. 91–92. Красносельский ипподром был сооружен в 1861 г. Проект был выполнен придворным архитектором А. И. Штакеншнейдером под покровительством Николая Николаевича Старшего. См.: *Савин С. П. Красное село — летний лагерь императорской резиденции.* СПб., 2011. С. 200.

⁴ *Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство...* С. 60; *Штакельберг К. К. Полтора вска Конной гвардии.* С. 115. Офицерские скачки и конные игры в Красносельском лагере проводились неофициально еще с 1820-х гг.

⁵ Для кавалерии были изданы «Воинский устав о кавалерийской строевой службе» (1869) и «Воинский устав пешего строя кавалерии» (1870), затем «Дополнение к уставу о стросвой кавалерийской службе» (1873) и «Проект дополнений и изменений в воинском уставе о стросвой кавалерийской службе» (1876). Новый устав был утвержден в 1871 г., а спустя всего лишь три года

приспособлено к современной дальности ружейного огня расстояние для перехода из одного аллюра в другой при атаке¹. Тогда же Военное министерство предложило описание стандартов верховой строевой лошади². Общество готово к тому, что впервые ставка делается не на английскую, а на отечественную лошадь (развернувшаяся в печати дискуссия по поводу публикации кавалериста, адъютанта великого князя Николая Николаевича старшего и коннозаводчика А. П. Струкова «Чистокровная лошадь в строю и походе» (1879)³.

Вводится новое прикладное средство подготовки к бою — конкур-иппик (*concours hippique*)⁴, зарекомендовавший себя в Европе и впоследствии получивший олимпийское значение. Начинает работу Комиссия по усовершенствованию офицерского кавалерийского образования⁵.

Таким образом, за более чем четверть века царствования Александра II русская кавалерия претерпела целый ряд реформ, серьезно улучшивших ее состояние. Поражение в Крымской войне открыло один из самых сложных и тяжелых периодов истории русской кавалерии. Быстрое развитие технической

дополнен «Воинским уставом пешего строя кавалерии». См.: *Бескровный Л. Г.* Очерки по историко-военной истории России. С. 356–357; Воинский устав о службе в учебных лагерях и в походах в мирное время пехоты, артиллерии и кавалерии. СПб., 1871.

¹ Также все второстепенное исключено из устава и помещено в отдельные инструкции. См.: Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 2. С. 38–40.

² Прежде всего требовался рост выше 2 аршин. См.: *Хотинский М. И.* Воинско-конная повинность. Положение о комплектовании войск лошадьми на случай войны. М., 1880. С. 13, 60.

³ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1427. Л. 1–6 об. Анонимная записка с подписью «Старый кавалерист коннозаводчик» о преимуществах русских пород лошадей. По поводу статьи Струкова в газете «Русский инвалид» № 14 «Чистокровная лошадь в строю и походе». Май 1880 г. (Приложение 5). Полное название статьи: «Чистокровная английская лошадь в строю и в походе, из опыта минувшей войны». В том же году была опубликована в «Газете коннозаводчиков». А. П. Струков участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в качестве адъютанта Николая Николаевича Старшего. См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 4. Ч. 1. 1895–1917. М., 1983. С. 235; Российская библиография. СПб., 1897. С. 290, 375.

⁴ В России первый конкур прошел в 1880 г. в Петербурге, 1882 г. — в Москве. См.: *Иванов М. С.* Возникновение и развитие конного спорта. С. 241.

⁵ При штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа, с 1879 г.

стороны военного дела, переориентация на новую тактику, реформированная система военного образования, усиление материальной и научной базы, появление военной иппологии и военно-прикладных видов конного спорта, спортивного коннозаводства, и, наконец, введение всеобщей воинской повинности делали многое из привычного отжившим и ненужным.

«Ломить неприятеля фронтом» — главного требования к кавалерии в предыдущие времена — в новых условиях было недостаточно. Обязательными стали рассыпной строй и большая подвижность: «теперь для солдата мало быть молодцом в строю, ему нужно быть таким же молодцом и в одиночку: в рубке, на разведках, скача с донесением или приказанием»¹. Ориентиром для развития была названа казачья конница, которая одна была в состоянии «подобно птице перелетной, быстро переноситься с одного места на другое, иногда и за сотню верст в сутки, орлом низвергаться на добычу и поселять страх и смятение там, где ее не ждут»². Старая «манежная» система не могла в полной мере отвечать вызовам времени, снова нуждаясь в реформировании.

3.2.2. Трансляция военно-конной культуры. «РАПОРТЫ ОЛОВЯННОЙ АРМИИ»

При масштабных реорганизациях русской кавалерии, какой она подвергалась в ходе всего XIX столетия, вопрос о кадровой смене не мог оставаться в числе второстепенных. Концепции формирования «человека военного», как и тесно связанного с ним «человека конного», как отмечалось выше, в русской военно-придворной культуре исторически были представлены весьма достойно³. Среди этого обширного массива идей выделяется «колоссальный пласт культуры, который создало человечество, — воспитание принцев»⁴.

¹ Штакельберг К. К. Полтора века Конной гвардии. С. 113.

² Там же. С. 112.

³ Шапиро Б. Л. Военное воспитание великих князей Николаевичей: мир материальный и нематериальный (личные фонды Романовых в ГАРФ) // Вестник славянских культур. 2020. № 1 (55). С. 34–49.

⁴ Бим-Бад Б. М. Подготовка к власти: документальное повествование о политической педагогике. Ульяновск, 2007. С. 3.

Один из периодов активного осмысления методов военного воспитания в России пришелся на конец XVIII — первую половину XIX в.; пик активности был напрямую связан с личными склонностями императора Павла I и его августейших сыновей, прежде всего Николая I. «[Человек] должен быть военный в душе, без чего он будет потерян в нашем веке»¹, — был убежден Николай Павлович, с детства предпочитавший военную культуру всем прочим. В результате им была сформирована собственная концепция, отразившая наметившееся усложнение военно-придворной культуры.

Известно, что сам Николай Павлович был зачислен в Лейб-гвардии Конный полк в четырехмесячном возрасте, и с тех пор его детские костюмчики выполнялись в цветах, присвоенных Конной гвардии. В неполные три года (в апреле 1799 г.) он получил свой первый военный мундир — малиновый мундир Конной гвардии. В три года великий князь получил 3-й гвардейский полк, что, по его собственным словам, «оставило в памяти моей живой след»²; в пять лет — зеленый с золотыми петлицами мундир по форме Измайловского полка; в 16 лет, к совершеннолетию и присяге, — первый генеральский мундир. Первыми его игрушками были деревянное ружье, детские литавры и шпаги, а сверстниками в играх — пажи лейб-гвардии Дворянской роты, созданной в 1810–1814 гг. для военного обучения Николая и Михаила Павловичей³.

Оригинальное развитие этой схемы мы можем наблюдать на примере четырех сыновей императора — цесаревича Александра (1818 г.р.), Константина (1827 г.р.), Николая (1831 г.р.) и Михаила

¹ Чернуха В. Г. Александр Второй: воспоминания, дневники. СПб., 1995. С. 76.

² Выскоков Л. В. Память об отце: Николай I и Павел I. С. 23; Романов Н. II. [Николай Павлович]. Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно. СПб., 1908. С. 6–7. Другими яркими воспоминаниями малолетнего Николая Павловича были парады — один, во время которого отец-император, бывший на коне, поставил ребенка себе на ногу, и другие, когда великий князь видел А. В. Суворова. См.: Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. 2. Ч. 1. Императорская главная квартира. История государевой свиты. Царствование императора Николая I. СПб., 1908. С. 5, 12.

³ Батушкина армия. Гатчинские войска великого князя Павла Петровича. С. 4; Зимин И. В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. М., 2011. С. 254; Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. 2. Ч. 1. С. 20–22.

(1832 г.р.) Николаевичей. Общая концепция воспитания великих князей Николаевичей, как известно, принадлежала В. А. Жуковскому. В основу разработанного им плана были положены две известнейшие педагогические системы — французского просветителя Ж.-Ж. Руссо и швейцарского педагога И. Г. Песталоцци. Сходные в общей идее, они различались в выборе основных трансляторов культуры. Руссо придавал первостепенное значение общению ребенка с воспитателями, Песталоцци видел залог успеха в крепкой семье¹.

Формирование ценностно-ориентированного мира личности начиналось с первого года жизни. Еще при рождении великие князья зачислялись в полки и назначались в полковые шефы, получая право ношения мундира. Детскими подарками становились прежде всего вещи военной тематики: так, рождественскими подарками цесаревича Александра Николаевича стали ящик с пистолетами, ружье, турецкая сабля, кавалергардский вицмундир и столовый сервиз с рисунками из русской военной истории².

Уже тогда уточнялось направление будущей военной стези великих князей: Константин Николаевич был назначен генерал-адмиралом и шефом Гвардейского экипажа в неполные четыре года, получив домашнее прозвище «маленький генерал-адмирал»³.

Ранние годы великих князей проходили под присмотром лично отца-императора: сыновья сопровождали его в выездах, смотрах и разводах, присутствовали на кадетских и гвардейских учениях, маневрах⁴. Известен случай, когда два младших сына-погодка Николая I в возрасте пяти и четырех лет во время

¹ Сидорова А. Н. Развитие «приятных талантов» (литература и искусства в процессе воспитания детей императора Николая I) // Культура и искусство в эпоху Николая I. Материалы VI научной конференции из цикла «Императорская Латчина», 23–24 октября 2008 г. СПб., 2008. С. 111.

² Подделкова П. Е. Детские игрушки великих князей // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 4 (29). С. 42.

³ Головин А. В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 21; Мердер К. К. Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича. 1826–1832 // Русская старина. 1885. № 9. С. 439.

⁴ Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич старший: исторический очерк его жизни и деятельности. 1831–1891. СПб., 1911. С. 11.

учения кадет в Георгиевском зале Зимнего дворца находились в строю, обозначая линию равнения.

Великих князей воспитывали, стараясь не отделять друг от друга; они много времени проводили вместе, ежедневно играя в военные игры, — брали приступом игрушечные крепости, устроенные в Царскосельском Александровском парке по чертежам Николая I¹, запускали «маленький флот»² в игрушечной гавани Царскосельского пруда, который, по словам Жуковского, для императорских детей «легко можно было обратить в океан всемирный, [где] две маленькие яхты могут в один день совершить путешествие вокруг света»³. Правила таких игр мы можем видеть в небольшом документе из ГАРФ под названием «Законы нашей войны»⁴.

С шести-семи лет к великим князьям назначались воспитатели, согласно Жуковскому, авторитетные военные, которые могли бы «из игрушки сделать наставление полезное и умели бы забавою действовать на душу, пробуждая в ней спящие высокие качества... Наставник должен понимать, что здесь в забаве детской таится героизм Мужа. Он должен быть не только знаком с механическими подробностями службы военной, но и с высоким идеалом воина, извлеченным из всемирной истории... При выборе такого наставника надобно смотреть не на одни знания военные, но и вообще на просвещение и характер нравственный, дабы наставляя, он мог и воспламенять душу ко всему великому и героическому... сим способом он может или навсегда получить ложные и вредные понятия об обязанности

¹ Божерянов И. Н. Детство, воспитание и лета юности русских императоров. СПб., 1915. С. 99; Олсуфьев А. В. Потешные императора Николая Павловича // Русский архив. 1910. № 11. С. 447; Первушина Е. В. Пушкин, Павловск, Петродворец. СПб., 2003. С. 117. «17 июня 1828 г., воскресенье. Великий князь... пригласил гостей своих, Барановых, Трубецких и Карамзиных, надеть походную амуницию... Подходя к крепости, положено взять оную штурмом. Бросились в битвы, раздалось Ура! и храбро, мигом очутились на валу». См.: Мердер К. К. Записки К. К. Мердера... // Русская старина. 1885. № 2. С. 357.

² Мердер К. К. Записки К. К. Мердера... // Русская старина. 1885. № 5. С. 276.

³ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 168. Л. 11 об. План воспитания и образования великого князя Александра Николаевича, составленный Жуковским В. А. 1825 г.

⁴ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 82. Л. 1. Условия военной игры великих князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей. «Законы нашей войны» (Приложение б).

воина... или быть образован для истинного героизма, для чести своего века, для твердого быта России»¹.

Наставники находились при великих князьях до их совершеннолетия. Ими были избраны:

1) К. К. Мердер (воспитатель цесаревича Александра Николаевича в 1824–1834 гг., георгиевский кавалер, боевой полковник, затем генерал-майор и генерал-адъютант);

2) А. А. Кавелин (воспитатель цесаревича с 1834 г., георгиевский кавалер, генерал-адъютант и генерал-лейтенант);

3) С. А. Юрьевич (помощник воспитателя цесаревича с 1826 г., преподаватель военных наук в Первом кадетском корпусе, полковник, затем флигель-адъютант);

4) Ф. П. Литке (воспитатель Константина Николаевича в 1832–1848 гг., георгиевский кавалер, капитан 1 ранга, впоследствии контр- и вице-адмирал, генерал-адъютант, известный своими кругосветными и полярными экспедициями);

5) Ф. С. Лутковский (помощник воспитателя Константина Николаевича в 1839–1848 гг., георгиевский кавалер, участник двух кругосветных экспедиций и Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., капитан-лейтенант);

6) А. И. Философов (воспитатель Николая и Михаила Николаевичей в 1838–1852 гг., георгиевский кавалер, боевой генерал-майор, впоследствии генерал-адъютант и генерал-лейтенант)².

Тогда же, задолго до официального зачисления в кадетские ряды, великие князья начинали знакомство с кадетским бытом. В восьмилетнем возрасте (цесаревич Александр в 1827 г., Константин — в 1837 г., Николай — в 1839 г. и Михаил в 1840 г.³) великие князья поступали в ряды Первого кадетского корпуса

¹ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 168. Л. 12.

² *Боженянов И. Н.* Детство, воспитание и лета юности русских императоров. С. 102; *Головин А. В.* Записки для немногих. СПб., 2004. С. 92. Первичным военным навыкам (держаться в седле, барабанному бою, ружейным приемам) великих князей обучали «дядьки». Они же делились армейскими байками, «оживляя» и дополняя официальную военную историю.

³ *Грaбaрь В. К.* Вскормленные с копыя. С. 311. В «Журнале лагерных занятий кадет» от 1838 г. есть записи, отмечающие посещение кадетского лагеря великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами в сопровождении А. И. Философова. Они смотрели занятия кадет, познакомились с их бытом и с самими кадетами, их будущими сослуживцами и подчиненными. См.: *Жерве В. В.* Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. 13.

для продолжения обучения; где, наравне с остальными, участвовали в разводах, строевых занятиях, маневрах. «Великий князь был бы в толпе людей, имел бы товарищей, наравне с другими нес бы тягость долга и службы: все это самым благотворительным образом могло бы действовать на его ум и сердце, развернуло бы в нем все чистое, человеческое», — отмечал ценность общения со сверстниками В. А. Жуковский¹.

Именно кадеты были товарищами игр великих князей. Для этого от каждого кадетского корпуса (включая школу подпрапорщиков и пажеский корпус) выбирались по два-три человека «малого возраста»², лучших по поведению и учению, «благовоспитанных, говоривших по-французски юношей»³. Кадеты (обычно 30–40 человек, иногда менее, иногда и до сотни⁴) приглашались по воскресеньям, зимой — в Зимний дворец, летом — по месту пребывания, в загородные дворцовые резиденции.

В шумных играх с кадетами, проходивших в простой обстановке, при свободном обращении к великим князьям на «ты», «стиравших все различия»⁵, нередко участвовал сам Николай I. Более прочих участникам запомнилась военная игра, заключавшаяся во взятии Петергофского Большого каскада. Император «вышел пред кадетский лагерь, взял всех кадет и спустясь с ними к низу большого фонтана Самсона, приказал всем лезть вверх

К концу весны того же 1838 г. оба подопечных Философова уже умели «проделять ружейные приемы и повороты», что и демонстрировали по команде отца-императора. См.: Там же. С. 8.

¹ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 168. Л. 11 об. — 12.

² Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. 14.

³ Химшиев Н. В. Дом Романовых в истории Первого кадетского корпуса. С. 43.

⁴ Мердер К. К. Записки К. К. Мердера... // Русская старина. 1885. № 6. С. 481; Химшиев Н. В. Дом Романовых в истории Первого кадетского корпуса. С. 43. Для игр также приглашались дети лиц ближайшего ко двору круга: Голицыных, Толстых, Гагариных, Трубецких, Барановых, Карамзиных, Адлербергов, Фредериксов, Несельроде, Шуваловых. См.: Мердер К. К. Записки К. К. Мердера... // Русская старина. 1885. № 2. С. 353, 357; Мердер К. К. Записки К. К. Мердера... // Там же. № 3. С. 543.

⁵ Белякова З. И. Великие князья Николаевичи: в высшем свете и на войне. СПб., 2002. С. 22; Второе дыхание: Гатчина и Петергоф в эпоху императора Николая I. СПб., 2011. С. 14. «Из военных игр любимая была „казаки и черкесы“, причем мы порядочно таки друг друга тузили, невзирая ни на какие титулы и ранги», — вспоминал Алексей Олсуфьев. См.: Олсуфьев А. В. Потешные императора Николая Павловича. С. 446.

по уступному фонтану; все бросились, закричав ура! Мигом очутились на террасе грота; великий князь барахтался в воде, как и все прочие, и был из первых у цели», — вспоминал воспитатель цесаревича К. К. Мердер¹. Взятие фонтанов, столь полюбившееся его участникам, впоследствии вошло в число традиционных кадетских развлечений.

Воскресные военные игры продолжались во дворцах — там великие князья «бегали с своими товарищами в больших залах, где представляли парад и конных ординарцев»², а чаще делали артиллерийские учения «при маленьких пушках, из которых мы дымили немилосердно по всем залам дворца нарочно для этого заготовленными холостыми зарядами-хлопушками, — вспоминал А. В. Олсуфьев, один из детских товарищей великих князей Николая и Михаила Николаевичей. — Эти ученья проводились под наблюдением генерал-адъютанта А. И. Философова; ему помогал присяжный унтер-офицер при комнатах их высочеств»³.

Артиллерийские учения дополнялись конноартиллерийскими⁴, которые проводились армиями игрушечных солдатиков.

Игра в солдатики в первой половине XIX столетия была одной из самых модных забав для детей и взрослых. Ее истинным поклонником был Николай I, обладатель весьма объемной и постоянно пополнявшейся коллекции солдатиков — не только оловянных, но и свинцовых, фарфоровых. Чаще всего это были фигурки немецкого производства — с высокой степенью детализации, верной и точной раскраской (в коллекции Романовых также были солдатики французского, шведского, отечественного производства⁵). Одним из самых частых сюжетов в играх была Отечественная война 1812 г.

¹ Антонов А. Н. Первый Кадетский Корпус. К 235-й годовщине основания // Военная быль. 1967. № 84. С. 4; Мердер К. К. Записки К. К. Мердера... // Русская старина. 1885. № 6. С. 482.

² Там же. № 9. С. 434.

³ Олсуфьев А. В. Потешные императора Николая Павловича. С. 446.

⁴ Мердер К. К. Записки К. К. Мердера... // Русская старина. 1885. № 9. С. 437.

⁵ Там же. № 3. С. 548; Розулин Н. Г. Оловянный солдатик // Родина. 2004. № 3. С. 90–91; Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. 2. Ч. 1. С. 25; Розулин Н. Г. Оловянный солдатик. С. 91. Были ли среди этой коллекции фигурки латников из миниатюрного прусского кабинета Ф. В. Ростопчина, подаренного его отцу в 1792 г.?

Общие правила игры, как и сами солдатики, прибывали в Россию из Германии. К николаевскому времени установилась традиция игры «кригшпиль» с расстановкой оловянной армии на топографических картах. Окончательно определилась и численность игрушечных воинских частей: пехотный полк обозначался двадцатью или двадцатью пятью фигурками солдатиков, кавалерийский — десятью¹. Армии составлялись из десятков тысяч фигур, и прибывшее из игрушечного магазина пополнение вызывало у великих князей бурные чувства². Места для такой игры требовалось много (так, воспроизведение одного только боя за батарею Раевского — одного из ключевых событий Бородинской битвы — требовало 16 кв. м.³ Так оловянная армия служила не столько детской игре, сколько освоению военной науки и военной истории, согласно словам великого русского полководца А. В. Суворова: «без светильника истории, — говорил он, — тактика потемки»⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 210. Л. 1–4. Описание военной игры и приложение к нему. 1831 г.; *Розулин Н. Г.* Оловянный солдатик. С. 90; *Стволинский Ю.* Оловянная рать полковника Люшковского // Коллекция служит людям. Л., 1973. С. 86.

² «28 марта 1829 г., четверг. Государь император подарил великому князю и Вильгельмскому несколько батальонов и эскадронов свинцовых солдат, выписанных из Берлина; радость была велика». См.: *Мердер К. К.* Записки К. К. Мердера... // Русская старина. 1885. № 3. С. 548.

³ *Стволинский Ю.* Оловянная рать полковника Люшковского. С. 83.

⁴ *Суворов А. В.* Наука побеждать. М., 2014. С. 65. В 1854 г. Николай I заказал в фирме Хайнрихссена — лучшего в мире производителя оловянных солдатиков — изготовить изображения солдат Российской императорской гвардии, для чего из Генерального штаба в Нюрнберг были отправлены цветные эскизы мундиров всех полков. «Серия фигур высотой 60 мм включала изображения гвардейских кирасир, гусар, конногренадер, драгун, казаков, конной артиллерий и гвардейской пехоты, — рассказывает исследователь Н. Г. Розулин. — Для каждого конного полка делалось по шесть фигур — полковой командир, офицер, штандарт, трубач, унтер-офицер и рядовой. Исключением были гвардейские кирасиры добавлялись литаврщик и рядовой первой шеренги (с пикой вместо палаша). Гвардейская пехота состояла из конного полкового командира, офицера, двух музыкантов и рядового. Некоторые солдатики, например, конная артиллерия и драгуны, в целях экономии повторялись и отличались лишь росписью. Весь заказ оценивался в 15 000 гульденов, но заказчик оплатил его в десятикратном размере. Сам Николай I не успел увидеть своих солдатиков: фирме потребовалось на их изготовление три года, и в Россию они прибыли лишь при Александре II». См.: *Розулин Н. Г.* Оловянный солдатик. С. 90–91.

Игрушечные сражения были полны драматизма. Так, однажды один из сверстников цесаревича «послал свою артиллерию через дефиле без прикрытия, неприятельская кавалерия бросилась на нее, изрубила артиллеристов и взяла два орудия»¹. Часто они проходили при активном участии отца-императора, который внимательно следил за ходом игры, указывая маленьким полководцам «дурные следствия плохо соображенных маневров»². Здесь, как уже было замечено, «следует обратить внимание на то, что впервые в истории русской императорской семьи отец уделял такое количество времени сыновьям»³. Необычным было и то, что Николай I играл вместе с детьми, принимая на себя подчиненную штабную роль; обычной была картина, когда «Государь император, придя в комнаты великого князя, чтобы присутствовать при сражении, приказал бросить жребий, чтобы решить, при ком из наших господ его величеству быть начальником штаба»⁴. Детали такой игры мы можем видеть в документе из ГАРФ под названием «Рапорты оловянной армии», где император упоминается под именем генерал-лейтенанта Николая, а остальные игроки — под прозвищами полковника Рубаки, полковника Легкобегова, генерал-майора Грозного, генерал-майора Удалого и т. п.⁵

Маленькие великие князья играли в солдатиков почти ежедневно: летом в саду, там же, где строили свои редуты и крепости, в зимнее время или в плохую погоду — в комнатах, расставляя оловянные полки в боевые порядки на столах. «Павловск. Пятница. Дождь шел в продолжение целого дня... Александр Николаевич играл у себя в комнатах, маневрировал оловянными солдатами, строил крепости, окружал оные и брал штурмом. Все это делается с лицом весьма серьезным», — вспоминал воспитатель цесаревича К. К. Мердер⁶. В другой день цесаревич и его наставник «по причине дурной погоды остались дома

¹ Мердер К. К. Записки К. К. Мердера... // Русская старина. 1885. № 3. С. 546.

² Там же. С. 543.

³ Подделкова П. Е. Детские игрушки великих князей. С. 42.

⁴ Мердер К. К. Записки К. К. Мердера... // Русская старина. 1885. № 3. С. 530, 532.

⁵ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 32. Л. 1, 3, 5, 6. Записки великого князя Константина Николаевича по проведению военных игр. В пакете с надписью: «Рапорты оловянной армии» (Приложение 7).

⁶ Мердер К. К. Записки К. К. Мердера... // Русская старина. 1885. № 2. С. 356–357.

Ein Edler Moscoviter in seiner rüstung

Рис. 1. Московский всадник
из «Diversarum gentium armatura
equestris» (1577)

EQVES MOSCOVITICUS

Рис. 2. Московский всадник
из «Habitus praecipuorum populorum
tam virorum quam feminarum singulari
arte depicti» (1577)

Рис. 3. Русский всадник
из «Diversarum gentium
armatura equestris» (1577)

Рис. 4. Титульный лист «Equile Joannis Austriaci Caroli V Imp. F» (1578)

Рис. 5. Лошадь фризской породы из «Equile Joannis Austriaci Caroli V Imp. F» (1578)

Королевская ездная школа.

На правление королевского дежурства
 вышесказанной школы. Внотворен
 и пинюны, и пиня дитя шобыно
 пиня, каппив способи кони пиня
 доути оуучити. Иные иные которые
 ишынтроиш подипного рицерд каппив
 оны, оуе пиняноиш ерешоди.

Врашню солноткии керапныи оуучити,
 ишторы деишныи трыж дикимь нажио
 пиняны, ишо ои сыноша прикэжжм при
 ишопино ишпранно шмилато тораца.

Иштано в ерешовныи оуучити, ишгго
 ишпозножшныи готфанда ишпандра

Рис. 6. «Королевская ездная школа»
 А. де Плювинеля (1670)

Рис. 7. «Учение како объезжати
 лошадей» (1677)

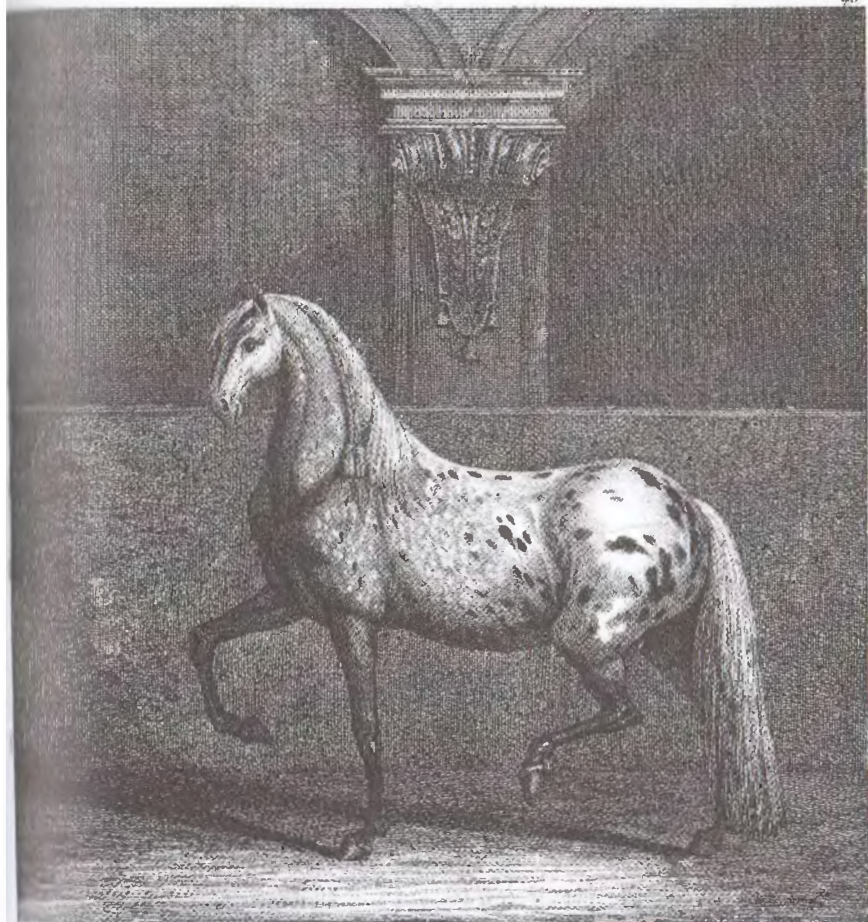
Рис. 8. «Маскарад в Москве по случаю заключения Ништадтского мира
 в 1721 году». Гравюра XVIII в.

*Dieser wahre Tiger-Schimmel mit Schwarzen Haaren hatte einen Licht braunen Kopf mit
weisser blasse, graue und Castanien braune Flecken und ganz Schwarze Schenkel
Daß er der Hochgräff Erbachischen Familie zu gehöret weißt die hunder der nach dem Leben ge-
machten. Muhlertz aprenate Schrift*

*Erbach
F. H. B. Schenk. M.
1687.*

Рис. 9. Чубарая тигровая лошадь барокко.
Гравюра И.Э. Ридингера по собственному рисунку (Аугсбург, 1745)

Anno 1746

Ist des Edle Leib Pferd Sr. Hoch Fürst Durch, Carl Eugeni Regirende
Herzogs zu Hürtenberg nach dem Leben gemahlt und mir zu gesant worden.
An farbe war es von vornen Grau mit Was gepunctet uhr den Creutz ganz Weis
mit Schwarzen flecken die schenkel dunkel grau die Man und Schwef Liecht

Рис. 10. Чубарая леопардовая лошадь барокко.
Гравюра И. Э. Ридингера с рисунка Ф. А. Эрмелытраута (Аутсбург, 1746)

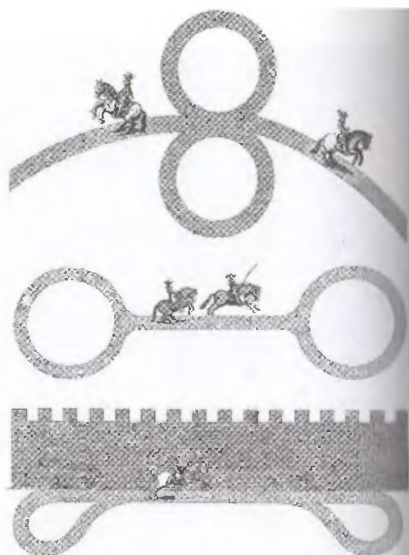
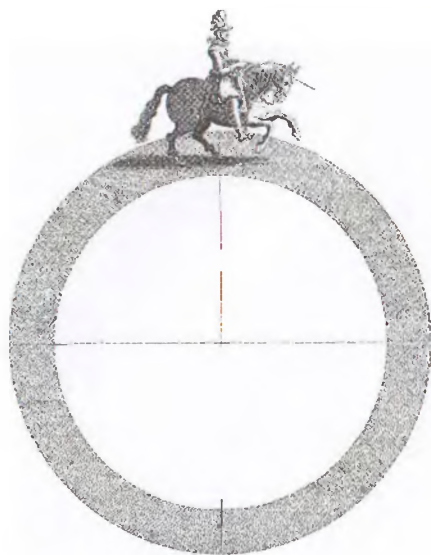

Рис. 11–12. Выездка в XVII в. «La Cavallerie Française et Italienne ou l'Art de Bien Dresser Les Chevaux Selon les Préceptes des Deux Nations» (1620)

Рис. 13. Выездка в XVII в. «La Cavallerie Française et Italienne ou l'Art de Bien Dresser Les Chevaux Selon les Préceptes des Deux Nations» (1620)

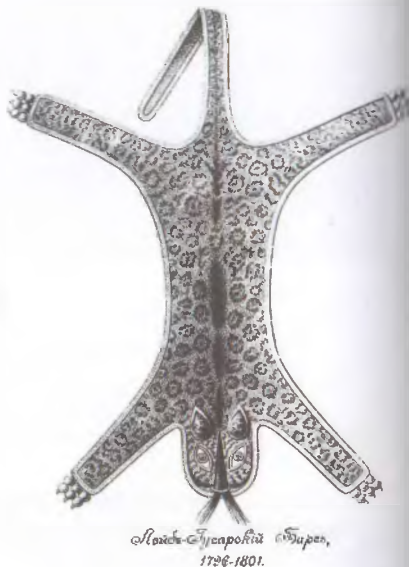

Рис. 14. Лейб-гусарский «барс» (1796–1801)

Рис. 15. Императрица Мария Федоровна в мундире Кавалергардского полка (1798). В. Л. Боровиковский

Императрица Императрица Мария Федоровна на «Волтижер»
стандартной конюшни кавалергардских офицеров.

Рис. 16. Императрица Мария Федоровна на «Волтижере» скаковой конюшни кавалергардских офицеров (1890-е)

Рис. 17. Торжественный въезд Николая II в Москву 9 мая 1896 г.

Рис. 18. Плакат «Священная война» (1914)

Рис. 19. Плакат «На коня, пролетарии» (1919)

и в кабинете императрицы разбирали вновь присланных из Берлина оловянных солдат»¹. Игры в солдатики продолжались почти до совершеннолетия великих князей, когда завершилось их военное воспитание.

Завершающим штрихом введения нового поколения в военную культуру служило потешное войско из будущих соратников и сподвижников молодых Романовых. «Петр Великий имел свой потешный полк: он находил в нем одну забаву, но эта забава, быть может, образовала Полтавского героя и Создателя русской армии», — замечал Жуковский². Так в начале 1840-х гг. в Зимнем дворце был сформирован Преображенский «потешный взвод» для Николая и Михаила Николаевичей из детей близкого им дворянского круга и придворных чинов³, с добавлением около дюжины кадетов Первого кадетского корпуса (из числа приглашаемых к великим князьям по воскресеньям). Взвод действовал на протяжении нескольких зим, с ноября по май; он получил полную парадную зимнюю форму, включая тяжелые кивера с высокими султанами, амуницию (без ранцев), тесаки и кремневые ружья кадетского образца. Занятия проходили каждое воскресенье; Николай I лично участвовал в них, исполняя обязанности инструктора, фельдфебеля и барабанщика: «сам проверил ранжир, стойку каждого, сделал расчет на шеренги и отделения, и затем начал ружейные приемы»⁴.

Господствующий в николаевское время интерес к военной культуре усилил героизацию военной истории и ее вещного мира. Военно-игровая атрибутика и символика, получившая в этих условиях первостепенное значение, представляла своего рода пробный материал, последовательно раскрывающий неопитам содержание военной культуры.

¹ Там же. № 6. С. 487.

² ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 168. Л. 11.

³ Сыновья Шуваловых, Левашевых, Игнатьевых, Гагариных, Трубецких, Толстых, Ушаковых, Мейендорфов, Бахметевых, Клепфелей, Сухозанетов, Пашковых и Олсуфьевых. См.: Олсуфьев А. В. Потешные императора Николая Павловича. С. 443–444. Многие из них впоследствии стали адъютантами великих князей. Сам А. В. Олсуфьев состоял адъютантом при Николае Николаевиче в 1855–1863 гг.; в 1892 г. был произведен в генералы от кавалерии.

⁴ Там же. С. 444–445.

Изменение военной системы в первой половине XIX столетия, на новом этапе ее исторического развития, закономерно повлекло за собой и изменение системы «вращивания» в пространство военной культуры. Развитие военной науки и более глубокая профессионализация армии сделали закономерным усложнение культурализации. Процесс присваивания военной культуры, как и раньше, начинался в младшем возрасте; все еще сохранялись отголоски древнего обряда «перехода»¹, но процессы шли более интенсивно.

Главным принципом стало целенаправленное содействие индивидуализации — развитию не только типичных, но и индивидуальных черт великих князей как носителей определенных культурных ценностей (культурный антропоцентризм). Процесс трансляции не заканчивался совершеннолетием; ведущими институтами были избраны семья, образовательная система и система профессиональной коммуникации.

3.2.3. НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ СТАРШИЙ: КАВАЛЕРИСТ, КОННОЗАВОДЧИК, КОЛЛЕКЦИОНЕР

Имя одного из четырех великих князей, чья детская история была рассмотрена выше, — генерал-фельдмаршала, главнокомандующего русской армией во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и, главное, убежденного и страстного лошадирика Николая Николаевича старшего (1831–1891) — по странному стечению обстоятельств, относится к числу почти забытых современным конным миром.

Хронологическая канва его биографии известна². Великий князь, третий сын императора Николая I и Александры Федоровны, он родился 27 июля 1831 г. При рождении назначен Шефом Лейб-гвардии Уланского полка и зачислен в списки Лейб-гвардии Саперного батальона. В 1834 г. зачислен

¹ В Российской империи он выражался во вручении наследнику, по достижении семилетнего возраста, первого настоящего «белого» оружия. См.: ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 347. Л. 1–3 об. Письмо Николая I сыну, великому князю Николаю Николаевичу. 27 июля 1838 г. (Приложение 8).

² Шапиро Б. Л. Николай Николаевич Романов старший: кавалерист, коннозаводчик, коллекционер (личный фонд Н. Н. Романова старшего в ГАРФ) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 12. С. 152–167.

в Лейб-гвардии Семеновский полк. В 1846 г. получил первый офицерский чин — подпоручика гвардии. В 1851 г. начал действительную военную службу командиром дивизиона Лейб-гвардии Конного полка. С 1852 г. командир 1-й бригады 1-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии. Во время Крымской войны находился в действующей армии (с осени 1854 г.); за сражение на Инкерманских высотах награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1854).

В 1856 г. назначен генерал-адъютантом, и, по случаю коронации Александра II, генерал-лейтенантом и начальником бывшей 1-й легкой Гвардейской кавалерийской дивизии, с оставлением генерал-адъютантом и членом Государственного совета. С 1857 г. — член Комитета о способе ремонта армии. Назначен командующим Гвардейским кавалерийским корпусом с оставлением в прежних должностях и званиях (1859). Утвержден командиром Гвардейского резервного кавалерийского корпуса (1860), командиром отдельного Гвардейского корпуса, с зачислением в Лейб-гвардии Конный полк (1862). Награжден орденом Св. Владимира 1-й степени (1863).

В сентябре 1864 г. назначен командующим войсками Гвардии и Петербургского военного Корпуса и генерал-инспектором кавалерии¹. Состоит в Главном Комитете по устройству и образованию войск; председатель Комиссии по разъяснению вопроса о перевооружении армии.

Назначен главнокомандующим войсками Гвардии и Петербургского военного округа (1867). В ноябре 1876 г. назначен главнокомандующим действующей армией (Дунайской армией на Балканском театре военных действий в Русско-турецкой войне), с оставлением в прежних должностях и званиях². За переправу через р. Дунай награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. За переход через Балканы награжден золотой саблей с бриллиантами «За храбрость» (1877). В тот же год за пленение армии Османа Нури-паши и взятие Плевны награжден орденом

¹ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 13. Л. 1. Приказ Александра II о назначении генерал-инспектором кавалерии великого князя Николая Николаевича старшего.

² ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 14. Л. 1. Приказ Александра II о назначении главнокомандующим действующей армией великого князя Николая Николаевича старшего.

Св. Георгия 1-й степени (последний в истории кавалер ордена Св. Георгия 1-й степени).

Произведен в генерал-фельдмаршалы в ознаменование заслуг, оказанных Отечеству в войне с Турцией, с одновременным увольнением по болезни от должности главнокомандующего действующей армией (согласно прошению самого Николая Николаевича) с оставлением во всех прочих занимаемых должностях и званиях (1878). В 1880 г., также согласно прошению великого князя, по болезни уволен с должности Главнокомандующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа, с оставлением во всех прочих должностях и званиях. С вступлением на престол Александра III (1881) возвращен к службе. Состоял в Особой комиссии, занимавшейся военным управлением, и в Комиссии о переустройстве кавалерии. В должности генерал-инспектора кавалерии находился вплоть до своей смерти 13 апреля 1891 г.¹

Военная служба и лошади увлекали Николая Николаевича с детства; обе страсти он унаследовал от отца. На формирование личности великого князя в самые ранние его годы оказал влияние воспитатель цесаревича К. К. Мердер² (отец шталмейстера И. К. Мердера, автора многочисленных трудов по истории лошади и коннозаводству). Первые шесть лет жизни великий князь провел в Петергофе, в близком общении с отцом-императором. С малых лет был приучен к простому образу жизни, физическим упражнениям и спорту.

Николая Николаевича целенаправленно готовили к военной службе, в отличие от его старшего брата-цесаревича, которого воспитывали более как просвещенного монарха, нежели полководца. Но в основе подготовки младших сыновей Николая I лежал все тот же «План воспитания» Жуковского.

Подготовка к высокому служению была начата 19 марта 1838 г., когда, согласно Высочайшему приказу, воспитателем шестилетнего Николая Николаевича и его младшего брата-погодки

¹ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11. Полный послужной список Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича старшего. 1883 г. Л. 1 — 48 об. (Приложение 9); Петров А. Николай Николаевич Старший // Русский биографический словарь. Нааке-Накенский — Николай Николаевич Старший. СПб., 1914. С. 365–388.

² Белякова З. И. Николаевский Дворец. СПб., 1997. С. 9.

Михаила Николаевича был назначен боевой генерал-майор А. И. Философов, выдающийся и по образованию, и по своим душевным качествам¹. Весь следующий 1839 г. был целиком посвящен занятиям по «Плану воспитания» Жуковского. В том же году, в неполных восемь лет, Николай Николаевич вступил в 1-й кадетский корпус для обучения воинским наукам и практического ознакомления с военной службой. Наравне с прочими кадетами корпуса великий князь участвовал в разводах, строевых занятиях, маневрах.

С двенадцати лет (1843) он начал осваивать искусство верховой езды и, по свидетельству «потешного преображенца» Алексея Олсуфьева, одноклассника и товарища детства Николая Николаевича, в скором времени дошел в этом деле до совершенства². Занятия верховой ездой проходили в манеже Аничкова дворца, еженедельно, раз или два в неделю, в присутствии Николая I и под руководством вольтижера Виоля, обучавшего этому искусству и гвардейский кавалерийский корпус³.

Программу занятий можно предположить, исходя из описания аналогичных уроков в манеже цесаревича Александра Александровича (с учетом того, что описание относится к середине — второй половине 1860-х гг.). «Зимой два раза в неделю мы собирались в манеже цесаревича и упражнялись гимнастикой под руководством гимнастов и клоунов из цирка Ренца, — вспоминал адъютант Николая Николаевича Д. А. Скалон, долгое время занимавший должность начальника Канцелярии генерал-инспектора кавалерии⁴. — Упражнения заключались в прыгании через лошадь, что называлось „*voltiges académiques*“, в вольтижировании на неоседланной лошади и езде стоя на седле. В этих упражнениях мы достигали большого искусства»⁵. Так именно

¹ Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. 4–7.

² Лабутин П. А. «Я горжусь... что мне пришлось командовать такой славной армией» // Военно-исторический журнал. 2001. № 8. С. 30.

³ Олсуфьев А. В. Потешные императора Николая Павловича // Русский архив. 1910. № 11. С. 447–448.

⁴ Адъютант с 1864 г., начальник Канцелярии в 1878–1891 гг. См.: Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. 213.

⁵ Скалон Д. А. На службе при великом князе Николае Николаевиче // Русская старина. 1909. № 5. С. 292–293.

в юношеские годы великий князь получил тот уровень подготовки, который позволил ему пользоваться репутацией отличного всадника на протяжении всей жизни.

Карьера юного великого князя развивается быстро. В 14-летнем возрасте (в начале 1846 г.) Николай Николаевич был произведен в унтер-офицеры, 1 июля того же 1846 г. — в подпоручики (произведен в офицеры), 13 октября 1847 г. — в поручики, 30 августа 1848 г. — в капитаны. В 1849 г. он занимается с кавалерийскими юнкерами, в 1849–1850 гг. — командует сводной ротой гвардейских подпрапорщиков и Пажеского корпуса Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в лагере Военно-учебных заведений. В апреле 1850 г. назначен флигель-адъютантом, 13 октября 1850 г. произведен в полковники. Летом 1851 г. в лагере командует батальоном 1-го Кадетского корпуса; за смотры, парады и маневры корпуса в Высочайшем присутствии великому князю объявлено монаршее благоволение¹.

Рубежной датой можно назвать 27 июля 1851 г. — двадцатилетие и совершеннолетие Николая Николаевича. Днем принесения присяги на верность государю и государству избран день кавалерского праздника св. Георгия 26 ноября 1851 г. Присяга сопровождалась словами Высочайшего манифеста: «да будет он... утешением нашим и всего императорского дома нашего, да будет твердою, надежною опорой престола, честью и славой любезного отечества нашего»².

После присяги начинается кавалерийская служба Николая Николаевича. С 28 ноября 1851 г. он прикомандирован «для узнания порядка службы Л.Гв. к Конному полку с тем, чтобы командовать дивизионом», — гласит запись в послужном списке. Спустя год Николай Николаевич получает командование 1-й бригадой 1-й Легкой гвардейской кавалерийской дивизии (одновременно с назначением генерал-инспектором по инженерной части)³.

¹ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11. Послужной список великого князя Николая Николаевича старшего. Л. 2 — 3 об.; Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. 17–22.

² Там же. С. 27.

³ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11. Послужной список великого князя Николая Николаевича старшего. Л. 3 об., 4 об. — 5 об.

Роль А.И. Философова как воспитателя великого князя закончилась в октябре 1852 г.¹; с этого времени генерал состоял при нем в должности попечителя. Постигание кавалерийской службы происходило под руководством одного из лучших кавалерийских генералов, бывшего командира Кавалергардского полка генерал-адъютанта Р.Е. Гринвальда.

К началу действительной военной службы Николая Николаевича было приурочено начало строительства его собственного дворца — Николаевского дворца на Благовещенской площади (ныне площадь Труда). Архитектором был избран А.И. Штакеншнейдер, много работавший для высочайшей фамилии (так, в 1856 г. он выполнил отделку покоев для апартаментов великого князя в первом этаже Зимнего дворца²).

Строительство приостанавливалось из-за Крымской войны; в итоге оно заняло десятилетие (1851–1861). Дворцовые служебные помещения занимали целый квартал. В их числе был Конюшенный корпус, включающий главные и дежурные конюшни на 20 лошадей и небольшой на 9 окон манеж, декорированный в арабском стиле (постройки сохранились, но в бытность дворца Ксенинским институтом конюшня была переоборудована в столовую, а манеж — в спальню для воспитанниц. Декор манежа утрачен. Аналогичный — предположительно — декор в арабском стиле сохранился в Мавританской комнате Петра Николаевича, второго сына великого князя³).

Стараниями великого князя конюшня была оборудована наилучшим образом — специальными «зимними» стеклами, «израсчатыми очагами с медными котлами и кранами», мраморными кормовыми ящиками и английским станком дляковки лошадей⁴. Выход в манеж для удобства частых занятий был оборудован непосредственно из его личных покоев (через подвальный этаж), занимавших восточную часть бельэтажа

¹ Петров А. Николай Николаевич Старший. С. 369.

² Бурдяло А.В. Необарокко в архитектуре Петербурга: эклектика, модерн, неоклассика. СПб., 2002. С. 144.

³ Белякова З.И. Николаевский Дворец. С. 48, 71. РГИА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 125. Смета на производство строительных работ в Манеже и конюшнях при строящемся дворце вел. кн. Николая Николаевича Старшего. 1861 г. Л. 10 — 11 об.

⁴ РГИА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 125. Л. 2 об., Л. 11 об. — 18 об.

дворца¹. «На прошлой неделе обедал у вел. кн. Николая Николаевича по-семейному внизу в покоях великого князя Николая Николаевича младшего... Разговор, особенно после обеда, исключительно лошадный», — вспоминал посещение дворца сановник П. А. Валуев². Подробности «лошадных разговоров» ясны из воспоминаний Д. А. Скалона. «Бесконечные разговоры о достоинствах и недостатках лошадей, — писал он, — во время пребывания на заводах обыкновенно за завтраками и обедами между любителями и коневодами шли оживленные разговоры, высказывались всевозможные взгляды на подбор лошадей, на содержание, качество породы; обсуждались отдельные только что виденные экземпляры, выводились их породы и проч.»³

При дворцовом манеже была оборудована «зрительная комната» для ежегодных весенних выставок лошадей и других животных (собак, скота). Специальные охотничьи выставки, где экспонировались одновременно и лошади, и собаки, подходящих для той или иной охоты пород, были обычной практикой того времени. Тут же проводился популярный среди ценителей аукцион скота⁴. Известно, что великий князь был ценителем не только лошадей, но и других породистых животных, и флоры и фауны в целом⁵.

¹ РГИА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 125. Л. 3 об. — 4 об.; *Хиенкина И. В.* Джентльмен от кавалерии // *Кони Петербурга*. 1999. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://museecole.narod.ru/irino/gentlman.html> (дата обращения 26.11.2018).

² *Валуев П. А.* *Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел*. Т. 2. 1865–1876 гг. М., 1961. С. 845.

³ *Скалон Д. А.* На службе при великом князе Николае Николаевиче // *Русская старина*. 1909. № 12. С. 539.

⁴ *Жерве В. В.* Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. 210; *Коптев В. И.* Материалы для истории русского коннозаводства 1847–1887. М., 1887. С. 597, 604.

⁵ В разные годы он был почетным президентом, почетным членом и/или покровителем в многочисленных конноспортивных и сельскохозяйственных обществах. См.: ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11. Послужной список великого князя Николая Николаевича старшего. Л. 1; ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 17. Дипломы Московского общества сельского хозяйства, Комитета акклиматизации животных и растений и Комитета шелководства об избрании почетным членом великого князя Николая Николаевича старшего. Л. 1–3; ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 18. Дипломы Российского общества любителей садоводства об избрании великого князя Николая Николаевича старшего покровителем и почетным членом общества. Л. 1–2; ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 22. Диплом Общества защиты зверей в г. Риге, выданный великому князю Николаю Николаевичу

По смерти Николая I (19 февраля 1855 г.) на конюшне Николаевского дворца появились личные лошади отца-императора, назначенные великому князю в наследство: сыновьям Николая I было завещано «поровну и по жребии» разделить меж собой императорскую конюшню (за вычетом верховых лошадей Больших конюшен, назначенных Михаилу Павловичу)¹. Известны прекрасные качества лошадей Николая I. С 1844 г. был открыт конкурс породных лошадей «для избрания лучших из числа их под собственное седло и в экипажи его величества»². Критериями отбора были красота форм и движений; победители получали 2000 р. за верховую лошадь, удостоившуюся седла его величества, и, сверх того, 1500 р., золотую медаль и похвальный лист за лошадь не только красивую, но и правильно выезженную. Конкурс проводился ежегодно, на царскосельских августовских скачках. В итоге конюшни императора удовлетворяли самому взыскательному вкусу.

В 1856 г. во владение Николая Николаевича перешло загородное имение Знаменка (Знаменская дача на Петергофской дороге), также назначенное августейшим отцом в наследство своему третьему сыну³. «Для сына Николая куплена мыза Знаменская, находящаяся в пожизненном владении моей жены; дача сия приобретена на часть капитала, причитающуюся сыну Николаю. От жены моей зависеть будет, когда дачу угодно будет предоставить в пользу моего сына; я бы желал, чтоб сие последовало

старшему. Л. 1; ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 54. Обращение и протокол заседания Дальковского общества любителей скотоводства, присланные великому князю Николаю Николаевичу старшему. Июль 1868 г. Л. 1–15. С 1885 г. был почетным президентом Общества донских частных коннозаводчиков.

¹ Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 462. Николаю Николаевичу также была завещана императорская свита. «Искренно благодарю всех бывших при МНЕ г.г. Генерал-Адъютантов, Генералов МОЕЙ Свиты и Флигель-Адъютантов за верную их службу; прошу их с тою же любовью и преданностью служить МОЕМУ Сыну», — было сказано в 23-й статье духовного завещания. См.: ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 9а. Л. 1. Выдержка из духовного завещания Николая I, 15 апреля 1855 г.; ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11. Л. 5 об. — 6 об.

² О конкурсе лошадей в Царском селе // Журнал коннозаводства и охоты. 1843. Т. 5. № 21. С. 1–2.

³ Шаниро Б. Л. Николай I и великие князья Николаевичи: увлечения и коллекции (личные фонды Романовых в ГАРФ) // Чертковский исторический сборник. Вып. 2. М., 2019. С. 114–124.

тогда, когда вступит он в брак», — говорилось в духовном завещании Николая I¹. Нужно отметить, что в ноябре того же 1856 г. у Николая Николаевича родился первенец, его полный тезка; по этому случаю с 27 ноября 1856 г. великий князь стал именоваться Николаем Николаевичем старшим.

В 1857–1859 гг. великокняжеский дворец в Знаменке, ранее оформленный А. И. Штакеншнейдером, полностью перестраивается Г. А. Боссе, одним из самых известных столичных архитекторов. По его же проекту в Знаменке был выстроен обширный Конюшенный корпус на 90 лошадей, в виде гигантского каре, в четырех углах которого размещались служебные двухэтажные корпуса — жилые помещения для обслуживающего персонала². Также были построены манеж, кузницы и лазарет. Для декора был избран арабско-готический стиль (так называемый стиль мудехар), о чем свидетельствуют сохранившиеся в западной части каре нервюрные своды на тонких столбах-опорах. Пристрастие Николая Николаевича к арабскому и арабско-готическому стилям вполне объяснимо: основной гордостью великокняжеских конюшен были именно арабские и англо-арабские лошади.

Арабская лошадь в это время переживает пик популярности, отчасти затмевая английскую чистокровную. Они, «может быть, уступая на скачках, конечно, не уступят в силе и энергии английским чистокровным, а в других отношениях преимущество несомненно на их стороне», — оценивали знатоки приспособленность арабов к военным условиям и к кавалерийской службе³. При этом «чистого араба [который в состоянии удовлетворить требованиям самого взыскательного седока] достать трудно всюду в Европе, и большинство наших арабоманов довольствуются тем, что у их лошадей арабская голова и хороший отдел хвоста», — констатировал автор знаменитой «Книги о лошади» ипполог К. Г. Врангель⁴. В итоге выбор был сделан в пользу сколько возможно качественной арабской и англо-арабской лошади отечественного разведения и, возможно, донской лошади⁵.

¹ Николай I. Личность и эпоха... С. 462, 474.

² Бурдяло А. В. Необарокко в архитектуре Петербурга... С. 154.

³ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1427. Л. 3 об.

⁴ Врангель К. Г. Книга о лошади. Т. 1. СПб., 1886. С. 290.

⁵ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1427. Л. 3 об. — 4.

Почти одновременно со Знаменкой в распоряжение Николая Николаевича старшего поступил конный завод в селе Чесменка Бобровского уезда Воронежской губернии. Завод, специализировавшийся на разведении английской чистокровной верховой лошади, был основан ведущим российским коннозаводчиком А. Г. Орловым-Чесменским. В 1845 г.¹ завод был продан государству его наследниками (вместе с расположенным в том же уезде Хреновским конным заводом, любимым детищем Орлова). В 1857 г. Чесменский завод, где еще сохранялись постройки времен Алексея Орлова, перешел во владение Николая Николаевича старшего². Целью создания завода, по определению самого великого князя, было «составить рассадник различных пород лошадей: верхового — кавалерийского и охотничьего сортов для Собственного Его Императорского Высочества употребления, а также упряжных: экипажного городского, экипажного разгонного и рабочего земледельческого сортов, для хозяйственных надобностей»³. Для нужд завода было получено специальное тавро с начальными буквами имени Николая Николаевича и его короной⁴.

В 1858 г. верховой отдел Чесменского завода включал отделения:

- 1) арабское (включая лошадей из Сирии и Египта);
- 2) азиатское (где, кроме арабских, были лошади с персидской, горской, кавказской, кабардинской кровью);
- 3) англо-арабское;
- 4) англо-азиатское;
- 5) смешанное (арабская, азиатская, английская, орловская и другие).

Итого 52 верховые лошади, а всего 98 (на начало 1860 г.)⁵.

¹ Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. С. 45, 337, 343.

² На Воронежщине открывается музей Великих князей Николая Николаевича Старшего и его сына Петра Николаевича / Письмо Е. Д. Степановой В. Г. Черкасову-Георгиевскому 23 июня 2008 года [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.apologetika.eu/print.php?sid=1288> (дата обращения 26.11.2018); РГИА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 106. Описание конского завода при с. Чесменке Бобровского у. Воронежской губ. Л. 3 об. — 4.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 7 об.

⁵ Там же. Л. 9 об. — 10, 14 об.

Этот эпизод отражен в записках Д. А. Скалона: «Николай Николаевич старший только что устраивал свой конный завод, основанием которому послужил подарок короля Виртембергского из его чистокровного арабского рассадника, — вспоминал Скалон. — Его высочество увлекался верховым сортом лошадей, рысистые же выводились только для собственной конюшни и были на втором плане»¹.

В 1862 г., т.е. примерно в те же годы, от египетского паши в подарок великому князю была прислана арабская кобыла Шарракия² (бронзовый скульптурный портрет Шарракии с жеребенком Медже работы Е. А. Лансере хранится в Научно-художественном музее коневодства МСХА им. К. А. Тимирязева). С 1865 г. великокняжеские владения обогатились Донскими заводами Николаевского Зимовника Киевской губернии.

Говорили, что в конюшнях Николая Николаевича старшего содержались лошади всех наиболее известных пород в мире, однако в разведении, как уже отмечалось, он отдавал предпочтение арабской и англо-арабской лошади. Великий князь занимался в основном верховым разведением, целью которого было создание качественной строевой лошади. Соответственно этому назначению он выделял наиболее важные качества лошади: быстроту в сочетании с выносливостью и силой. Культивирование одной быстроты в ущерб остальным качествам великий князь считал глубоко ошибочным³.

Верховое разведение в России 1850–1860-х гг. переживало глубокий кризис. Результаты Крымской войны поставили вопрос о немедленной выработке новой тактики кавалерийского боя. Началось сокращение численности кавалерии и, следовательно, объемов ежегодного конского ремонта. «После сокращения нашей кавалерии в 1862 г. с 80 000 до 36 000 отечественное верховое коннозаводство сразу было подорвано», — констатировал Д. А. Скалон, состоявший при Николае Николаевиче во время

¹ Скалон Д. А. На службе при великом князе Николае Николаевиче // Русская старина. 1909. № 12. С. 543. Щедрый подарок Карла I, вероятно, был приурочен к его вступлению на престол в июне 1864 г.

² Хиенкина И. В. Джентльмен от кавалерии [Электронный ресурс].

³ Скалон Д. А. На службе при великом князе Николае Николаевиче // Русская старина. 1909. № 12. С. 543.

осмотра конезаводов и конюшен для военно-конского ремонта¹. Тысячи частных конезаводов были закрыты. Состояние частного верхового коннозаводства было обусловлено последствиями крестьянской реформы 1861 г. Многие заводы стали убыточными, что привело к сокращению племенного состава или к закрытию заводов. Положение о государственном коннозаводстве 1864 г. свидетельствовало о глубине упадка отрасли.

Одной из мер по поддержке коннозаводства стали конские выставки. Первая всероссийская конская выставка открылась в Москве 1 сентября 1866 г. Чистокровный отдел представлял «лошадей мощных по формам, капитальных по объему и красивых по наружности; так что многие из них прямо просились под седло, и могли составить изящную верховую лошадь для блестящих гвардейских парадов»²; были представлены среди прочих и лошади Николая Николаевича³. Украшением верхового отдела стал получивший медаль англо-араб «Мирза, прекрасный белый жеребец великого князя Николая Николаевича старшего. Мирза замечателен тем, что он сохранил совершенно весь тип арабского коня с его округленными благородными формами, но с тем вместе годеи и под всадника большого роста, ибо в нем 2 аршина 3½ вершка»⁴. Еще крупнее «был Великого же князя вороной Магомет — 2 аршина 4½ вершка, т. е. более 162 см в холке! Впрочем, Великому князю, как человеку весьма высокому, и не годились другие лошади»⁵. Магомет обращал на себя всеобщее внимание как «очень красивая, нарядная и с тем вместе рослая верховая лошадь»⁶.

До наших дней сохранилась копия родословной Мирзы и заметка, подписанная генерал-адъютантом [Р.Е.] Гринвальдом и письмоводителем Чесменского завода Сониным: «Ваше

¹ Там же. С. 537.

² Контев В. И. Материалы для истории русского коннозаводства. С. 445.

³ РГИА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 44. Опись лошадям Николаевского зимовника, отправленных на всероссийскую конскую выставку в г. Петербург. 2 мая — 9 августа 1866 г. Л. 1–6.

⁴ Контев В. И. Материалы для истории русского коннозаводства. С. 449–450.

⁵ Хуенкина И. В. Конские выставки на исходе тысячелетия // Кони Петербурга. 1999. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://museecole.narod.ru/irino/vystavka1.html> (дата обращения 26.11.2018).

⁶ Контев В. И. Материалы для истории русского коннозаводства. С. 450.

Императорское Высочество, имею счастье известить, что любимый Ваш Мирза назывался у нас Мурза, родился он в 1849 году, а родословная у него нижеследующая...»¹: покоривший всех Мирза происходил от известного и непобедимого Мидлетона английской чистокровной верховой породы.

Так же убедительно лошади Николая Николаевича старшего были представлены на Второй всероссийской конской выставке, прошедшей в Москве в сентябре 1869 г. Ее отличием стал исключительный по своему наполнению отдел верховых лошадей, демонстрирующий «беспримерное коннозаводское богатство России»². «Мы были поражены прекрасным светло-серым жеребцом Гунибом на отличных ногах, принадлежащим Николаю Николаевичу старшему», — отмечал корреспондент³. В верховом отделе великий князь получил похвальные листы за жеребца Гуниба от Грызуна и Караимки, за кобылу Газеллу от Грызуна и Антилопки, за жеребца Бурну от Булата и Акуш⁴. Также был отмечен его «превосходный чубарый жеребец Агаляр, настоящий образец легкой кавалерийской лошади, замечательный мощностью своих членов и широтой крестца, способного нести на себе значительную тяжесть»⁵.

Шестнадцать лошадей Николая Николаевича приняли участие во Всемирной выставке 1878 г. в Париже, где «прекрасные головы, отличный постав шей, благородство, энергия и вместе с тем необыкновенная покорность человеку изумляли посетителей»⁶. Здесь всеобщее внимание привлек серый жеребец Рушук (восьми лет, ростом 2 аршина 4 вершка, рожденный от Рая и Мекки), удостоенный первой премии по отделу чистокровных арабских лошадей (золотая медаль и 1200 франков). Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Рушук служил

¹ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 273. Л. 1. Копия родословной коня «Мирзы» коннозавода великого князя Николая Николаевича старшего (Приложение 10).

² Всё о лошади. С. 200.

³ Коптев В. И. Материалы для истории русского коннозаводства. С. 502.

⁴ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–3. Похвальные листы 11-й Всероссийской конской выставки великому князю Николаю Николаевичу старшему (Приложение 11).

⁵ Коптев В. И. Материалы для истории русского коннозаводства. С. 504.

⁶ Жерас В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. 210.

под седлом Николая Николаевича младшего, состоявшего для особых поручений при отце-главнокомандующем.

Первую премию по отделу англо-арабских лошадей (также «золотая медаль и 1200 франков») получил караковый жеребец Друз (одиннадцати лет, ростом 2 аршина 5 вершков, от Джана и Бабуры). Во время Русско-турецкой войны Друз служил под седлом самого главнокомандующего. Оба жеребца прекрасно показали себя на сильно пересеченной местности Балкан: по словам полковника М. А. Газенкампа, состоявшего при главнокомандующем для ведения журнала военных действий, там наша кавалерия двигалась с колоссальными затруднениями, когда «каждый шаг вперед [требовалось] расчищать от снега и гололедицы»¹, и люди больше надеялись на цепкость ног лошади, чем на свои собственные ноги².

Третьей премии по отделу англо-арабских лошадей был удостоен жеребец Абрикос; премиями были отмечены чистокровные арабы, гнедой жеребец Аладин и рыжий жеребец Баскак³. Все лошади Николая Николаевича, отмеченные высшими наградами и премиями, родились в Чесменке, которая к тому времени стала образцовым заводом, предметом гордости и славы его августейшего владельца.

3.2.4. «ДОРОГОЕ МОЕ ДЕТИЩЕ»: ОФИЦЕРСКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ ШКОЛА

Работа по созданию лошади, удовлетворяющей всем современным требованиям, велась великим князем Николаем Николаевичем старшим прежде всего в интересах кавалерийского дела. С этой же целью он поддерживал военно-учебные кавалерийские заведения: Берейторскую школу (покупкой лучших выставочных

¹ Газенкампф М. А. Мой дневник 1877–78 гг. СПб., 1908. С. 263.

² Там же. С. 309.

³ В тот же год конюшня Николая Николаевича старшего пополнилась семью арабскими жеребцами, подаренными султаном Османской империи Абдул-Хамидом II: великий князь посетил знаменитые константинопольские конюшни султана в 1878 г. во время подписания предварительных условий Сан-Стефанского мирного договора. См.: Белякова З. И. Великие князья Николаевичи... С. 167; Хиенкина И. В. Джентльмен от кавалерии [Электронный ресурс].

лошадей в ее пользу¹), Учебный кавалерийский эскадрон (преобразованием применительно к новым требованиям современного кавалерийского боя) и, конечно же, созданную в 1882 г. на базе Берейторской школы и Учебного эскадрона Офицерскую кавалерийскую школу (ОКШ), которую неизменно называл «дорогим своим детищем»².

Задумав самое широкое развитие ОКШ (по оценке ее начальника в 1886–1898 гг., генерала от кавалерии и военного министра В. А. Сухомлинова), великий князь лично руководил занятиями, бывая в школе почти ежедневно. Отдельное внимание уделял военно-научной подготовке; с большим интересом следил за результатами езды и выездки³. В распоряжении ОКШ были лучшие лошади собственного завода Николая Николаевича, здесь был его рабочий кабинет, здесь хранилась его верховая одежда.

Над открытием ОКШ — офицерской школы нового типа, готовящей командование кавалерии, еще с 1879 г. работала комиссия генерал-лейтенанта В. В. Нотбека; она закончила работу «Положением об ОКШ» (утверждено 14 марта 1882 г.). Согласно документу, УКЭ был переформирован в ОКШ; тогда же при ОКШ была создана школа инструкторов взамен одновременно расформированной Гвардейской Берейторской школы⁴.

ОКШ состояла из отдела эскадронных и сотенных командиров (где обучались офицеры — кандидаты в командование драгунскими и казачьими полками), инструкторского отдела (здесь готовили инструкторов верховой езды и выездки строевых лошадей; отдел, составленный из офицеров и унтер-берейторов,

¹ «Почтенный коннозаводчик В. Ган, приобретший большую опытность в познании служебных способностей лошадей, в бытность свою ремонтером, и с тех пор серьезно с научным взглядом занимающийся своим конным заводом, находящимся в Полтавской губернии (в 50 маток), привел в Москву 24 лошади, из коих Николай Николаевич Старший купил для берейторской школы 5 лошадей». См.: *Коптев В. И.* Материалы для истории русского коннозаводства. С. 499.

² *Петров А. Николай Николаевич Старший.* С. 386.

³ *Дистерло Н. А.* Офицерская кавалерийская школа. Исторический очерк, 1809–1909 // *Кортес Г.* Всадник Европы. Жизнь и наследие Джеймса Филлиса, старшего преподавателя Офицерской кавалерийской школы Санкт-Петербурга. М., 2017. С. 84; *Сухомлинов В. А.* Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926. С. 71.

⁴ *Дистерло Н. А.* Офицерская кавалерийская школа... С. 273–274; *Пономарев И. А.* Офицерская кавалерийская школа на Шпалерной... С. 10.

работал только до 1891 г.) и эскадрона (разделенного на унтер-офицеров и ефрейторов, учебную команду, нижние чины и тру-бачей). Целью ее работы называли прежде всего практическое испытание и исследование всех усовершенствований, вновь вводимых в русской и зарубежной кавалерии, а также развитие кавалерийского дела в целом¹.

В основе обучения лежали обязательные для всех отделов дисциплины: гимнастика, седловка, верховая езда и выводка лошадей. В отделе эскадронных и сотенных командиров, кроме того, изучали тактику, историю кавалерии, воинские уставы, правила военной езды, внутренней службы и ухода за лошадьми, военно-научную иппологию, занимались конным кадровым учением, выправкой, рубкой и стрельбой с коня, джигитовкой, фехтованием, приемами владения различным оружием, иппо-ветеринарией, ездили карусель, играли в конное поло.

Обучение инструкторов было направлено на практику кавалерийской службы. Здесь изучали правила внутренней службы и ухода за лошадьми, выправку, вольтижировку, правила военной езды, езду трудных, скаковых и других сложных лошадей, работу на развязке, ковку, конский лазарет, иппологию.

Эскадрон занимался началами кавалерийской подготовки — пешим строем, вольтижировкой, верховой ездой в манеже и в поле, вьючением и мундштучным учением, обучался владению холодным и огнестрельным оружием, стрельбой, а также изучал воинский устав, устройство войск, уголовно-военное законодательство, топографию, арифметику, Закон Божий, чтение и письмо², готовились к ординарческой службе³.

Конский состав школы был представлен казенными строевыми лошадьми для всех строевых чинов (постоянного и переменного состава); отдельно поставлялись лошади для вольтижировки и молодые лошади из кадров гвардейского кавалерийского запаса для предоставления офицерам и наездникам практики

¹ Дистерло Н. А. Офицерская кавалерийская школа... С. 274–275.

² ГАРФ. Ф. 652. Оп. 2. Д. 89. Л. 2 — 10 об. Расписание занятий в Офицерской кавалерийской школе. 1 октября 1885 г. — 1 февраля 1886 г. (Приложение 12).

³ Стрелецкий И. Я., Курдюк А. А. Средние учебные заведения повышения квалификации офицерского состава русской армии (1882–1892 гг.) // Военный академический журнал. 2015. № 4 (8). С. 65–72.

в выездке¹. Великий князь установил новые, более строгие правила учета и ремонта строевых лошадей, контроля за их породными данными. Лично выезжал для инспектирования войск, осмотра государственных и частных конских заводов и конюшен, привлеченных к поставкам строевых лошадей². «Мы часто на конях мокли до костей и затем на солнце и ветру просыхали», — вспоминал Д. А. Скалон³.

Таким образом, главным направлением кавалерийского образования предполагалась глубокая профилизация. Основным требованием было высокое качество подготовки при ее простоте: учебная программа ОКШ была довольно обширна, но не перегружена, и содержала лишь необходимый *minimum minimorum* теоретических и практических занятий.

Конечной целью обучения называли исключительно боевую подготовку. «С постепенным введением сокращенных сроков службы, является настоятельная необходимость ограничить обучение войск только предметами, имеющими непосредственное отношение к боевой их деятельности, — говорилось в рапорте, поданном военному министру из Главного комитета по устройству и образованию войск. — Низводить до возможно малых размеров, все то, что не имеет существенного значения в деле подготовки войск к бою, или составляет только потребность службы их в мирное время. На том основании... имеется в виду установить точное распределение занятий, дабы... ни один день не пропадал даром и дабы каждому виду занятий было отведено подобающее ему место, в общем объеме воинского образования. Но если приведенные соображения справедливы относительно всех родов войск, то едва ли не наибольшее значение имеют они в кавалерии, где люди должны быть обучены частью тому,

¹ Дистерло Н. А. Офицерская кавалерийская школа... С. 81.

² Петров А. Николай Николаевич Старший. С. 373, 384; Скалон Д. А. На службе при великом князе Николае Николаевиче // Русская старина. 1909. № 12. С. 537. Был командирован для осмотра государственных конских заводов и казенных конюшен; проводил смотры задонских, кабардинских, черноморских, калмыцких табунов. Ежегодно лично объезжал донские и украинские конные заводы. См.: Бегунова А. И. Сабли остры, кони быстры... С. 187.

³ Скалон Д. А. На службе при великом князе Николае Николаевиче // Русская старина. 1909. № 5. С. 286. Великий князь Николай Николаевич старший с адъютантом Д. А. Скалоном. См.: Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. 55.

чему учится пехота, и кроме того, еще езде и твердому знанию полевой службы, поэтому выделение их предметов образования кавалерии всего того, что не составляет действительной потребности для ее специального назначения, должны быть предметом особой заботливости...»¹

Как одно из самых действенных средств подготовки кавалериста (и офицерского состава, и нижних чинов) Николай Николаевич старший широко задействовал конный спорт, считая, что он помогает выявить предельную силу и стойкость лошади и человека, развивает и совершенствует их способности. Для поддержки спорта великий князь предоставлял офицерам ОКШ собственных лошадей. Поощрял офицеров к приобретению лучших лошадей, для чего ввел новые правила о скачках. С Высочайшего разрешения организовал четырехверстные скачки на призы Императорской фамилии с призовой суммой в 24 500 р.; нижние чины получали призы за выездку².

Стоит отметить, что Николай Николаевич осуждал господствующую в РИА со времен императора Павла I плац-парадную выездку³. Он «занял свой пост [генерал-инспектора кавалерии], когда наша кавалерия работала в духе манежных требований, когда щеголяла лошадьми в теле, красивыми, выхоленными, хотя бы и слишком откормленными, а потому неповоротливыми, невыносливыми и к полевой службе мало способными, когда аллюры были медленны и укорочены, когда коней берегли настолько, что переходы совершались только шагом, а коней водили при этом в поводу», — отмечал биограф великого князя В. В. Жерве⁴. Очевидно, что требования, предъявляемые Николаем Николаевичем к кавалерии в целом и к кавалерийской подготовке в частности, несколько опережали свое время.

Реформы по кавалерии Николай Николаевич начал с 1857 г.: в первых же приказах предъявлялись систематические и последовательные требования по ее подготовке к усиленным

¹ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 78. Л. 1 — 1 об. Кония рапорта Главного комитета по устройству и образованию войск военному министру о необходимости некоторых упрощений в пешем строе кавалерии. 21 января 1881 г. — 12 апреля 1883 г.

² Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. 214–215.

³ Бегунова А. И. Сабли остры, кони быстры... С. 187.

⁴ Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. 213.

и продолжительным походным движениям. Также великий князь занимался вопросами усиленной подготовки командного состава, работал с кадрами кавалерийского запаса.

В 1874 г. он инициировал открытый конкурс на издание труда по всемирной истории кавалерии (первой премии в 5000 р. был удостоен начальник гвардейской кавалерии при генерал-губернаторе Канады подполковник Дж. Денисон). Также он участвовал в обсуждении единой методики составления истории полков РИА (1879)¹, «для того чтобы боевой опыт, приобретенный войсками, давал плоды и в будущем»².

Особое внимание Николай Николаевич старший уделял улучшению конского состава, для чего подготовил и издал «Инструкцию для воспитания и объездки молодых лошадей» и «Наставление для выездки ремонтной кавалерийской лошади» (1889)³. Главной целью подготовки им было названо «обучать тому, что составляет главное достоинство боевого коня»⁴. Несмотря на многие новые начинания, основным сценарием развития была тотальная милитаризация.

3.2.5. «Лошадиный» Музеум. Конное наследие Николая Николаевича старшего. Николай Николаевич младший

Великие князья Николаевичи закономерно продолжили традицию увлечения военной культурой и военного коллекционирования, существовавших при русском дворе. В личных собраниях четырех сыновей Николая I военное коллекционирование приобрело различные формы, обусловленные спецификой жизненного пути великих князей и их личными склонностями.

¹ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–4. Указание начальника штаба гвардейского корпуса офицерам, занятым составлением очерков по истории гвардейских полков (Приложение 13).

² Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. 211.

³ Романов Н. Н. [Николай Николаевич]. Наставление для выездки ремонтной кавалерийской лошади. СПб., 1889; Тарасов М. Я. Во главе армии, гвардии и военного округа // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 74.

⁴ Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. 213–214.

Увлечения Николая Николаевича старшего в полной мере проявились в его личных коллекциях. Собрание предметов, связанных с коннозаводческой деятельностью великого князя, включало в себя:

1) зубы лошадей и их подковы (вероятно, призовых или лучших лошадей). Как уже отмечалось, с 1860-х гг. теорияковки стала новым направлением военно-научной иппологии, соотносимо с принципом «нет копыта — нет лошади»¹. Выставки подков вошли в повседневную жизнь коннозаводчиков²;

2) фотоальбомы и отдельные фотопортреты лошадей заводов великого князя, в том числе фотопортреты выставочных лошадей³;

3) коннозаводскую карту и коннозаводские книги (великий князь собственноручно вел студ-буки Чесменского конезавода и Собственного коневодства на Дону; также он самостоятельно вывел родословные таблицы лошадей А. Г. Орлова)⁴;

4) обширную иппологическую и коневодческую библиотеку⁵.

Это имущество после смерти великого князя было распределено между Главным управлением государственного коннозаводства и ОКШ.

В коллекцию также входила иллическая живопись, графика и скульптура из Личных покоев Николая Николаевича старшего

¹ Лангенбахер Л. Э. Теорияковки. Курс учебной кузнницы Офицерской кавалерийской школы. М., 2011. С. 3. Так, библиотека ОКШ к рубежу XIX–XX вв. располагала семнадцатью различными изданиями по теорииковки, в числе которых было 4 иностранных. См.: Панченко А. М. Библиотека Офицерской кавалерийской школы... С. 41.

² «В особо устроенном прекрасном выводном зале выставлены образцы подков, выкованных с истинно артистическим искусством», отмечали корреспонденты, посетившие Вторую всероссийскую конскую выставку. См.: Коптев В. И. Материалы для истории русского коннозаводства. С. 489. По словам современников, подкова знаменитого тяжеловоза Энглендс-глори, «слона гнедой масти», была такого огромного размера, что закрывала край тарелки. См.: Скалон Д. А. На службе при великом князе Николае Николаевиче // Русская старина. 1909. № 12. С. 540.

³ Коптев В. И. Материалы для истории русского коннозаводства. С. 489.

⁴ Скалон Д. А. На службе при великом князе Николае Николаевиче // Русская старина. 1909. № 12. С. 539.

⁵ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 349. Л. 8 — 8 об., 14, 18. Описи имущества великого князя Николая Николаевича старшего и расписки разных лиц в получении отдельных вещей из компат великого князя Николая Николаевича (Приложение 14).

в Николаевском дворце¹ и из дворца в Чесменском имении. Покои и манеж украшали портреты лошадей, написанные по специальному заказу великого князя академиком живописи А. П. Швабе, одним из известнейших анималистов и мастеров иппического жанра середины XIX в.²

Часть имущества великого князя и его коллекции, согласно оставленному завещанию, впоследствии перешла к его сыновьям³ и к племяннику Дмитрию Константиновичу, кавалеристу, также серьезно увлекавшемуся коннозаводством⁴; тот разместил предметы иппического искусства в небольшом дворце при принадлежавшем ему Дубровском конном заводе Полтавской губернии. «В столовой висели гравюры и небольшие картины, изображавшие лошадей. На одной из них был изображен граф Орлов в небольших санках, правящий своим легендарным арабом — производителем Сметанкой. Дяденька говорил мне, что эти картины принадлежали раньше великому князю Николаю Николаевичу старшему и висели на его Чесменском конном заводе», — вспоминал племянник Д. К. Романова великий князь Гавриил Константинович⁵.

Часть коллекции предметов искусства, составлявших Музеум великого князя, была завещана Ольге Николаевне Николаевой, старшей дочери Николая Николаевича от его связи с артисткой балета Е. Г. Числовой-Николаевой⁶.

Свою страсть к кавалерии и лошадям великий князь передал двум своим сыновьям, Николаю и Петру.

Старший сын великого князя, Николай Николаевич младший (1856–1929), генерал-лейтенант (1893), генерал от кавалерии

¹ Белякова З. И. Великие князья Николаевичи... С. 95–96; Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. С. 475. Среди них был и рисованный портрет купленного в Англии многопризного Пин-о-де-Боя.

² Хиенкина И. В. Джентльмен от кавалерии [Электронный ресурс]. А. П. Швабе служил живописцем при Управлении государственным коннозаводством, а также выполнял заказы двора.

³ РГИА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 124. Акт о разделе имущества, оставшегося после смерти великого князя Николая Николаевича. 26 апреля — 31 декабря 1891 г. Л. 1–4.

⁴ ГАРФ. Ф. 765. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2. Письмо Николая II великому князю Дмитрию Константиновичу об освобождении его от должности Главноуправляющего государственного коннозаводства. 13 ноября 1905 г.

⁵ Романов Г. К. [Гавриил Константинович] В Мраморном дворце: воспоминания. М., 2005. С. 88.

⁶ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 об. — 2. Копия завещания великого князя Николая Николаевича старшего. 4 мая 1880 г. (Приложение 15).

(1900), в 1895–1905 гг. сменил отца на посту генерал-инспектора кавалерии¹. Кавалерийскую службу начал в УКЭ. Русско-турецкую войну, как было сказано выше, прошел в свите отца-главнокомандующего; за отличия был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и золотой саблей (1877). После войны служил в Лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку; командовал полком, затем 2-й Гвардейской кавалерийской дивизией. Затем был Главнокомандующим войсками Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа и председателем Совета государственной обороны; дважды Верховным главнокомандующим — в начале Первой мировой войны и в марте 1917 г.²

Военная, прежде всего кавалерийская, культура с детства была в числе его увлечений. С ранних лет находился при отце, в том числе, по воспоминаниям его адъютанта, на маневрах и учениях. «К нам приезжает иногда на учение Василий Данилович Скалон с маленьким великим князем Николаем Николаевичем младшим, которого это крайне забавляет и который рад и счастлив провести время с отцом», — вспоминал Д. А. Скалон³.

«Гвардеец с ног до головы, гвардеец до мозга костей»⁴, он получил прекрасное военно-профессиональное образование. Как и отец, пользовался заслуженной репутацией подлинного кавалериста, знатока манежной и полевой езды⁵, и, по словам современников, выглядел «на коне весьма эффектно. Несмотря на то что он обладал огромнейшим ростом и чрезмерно длинными ногами, у него была та идеальная, несколько кокетливая «николаевская» посадка кавалериста старой школы, посадка, которая так красила всадника, сливая его с конем в одно нераздельное и гармоничное целое»⁶.

¹ О Николае Николаевиче младшем как руководителе русской кавалерии бытуют разные, противоречивые мнения. См.: *Оськин М. В.* Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой мировой войне. М., 2009. С. 17.

² *Данилов Ю. Н.* Мои воспоминания об Императоре Николае II-ом и Вел. Князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 19. Берлин, 1928. С. 239.

³ *Скалон Д. А.* На службе при великом князе Николае Николаевиче // Русская старина. 1909. № 6. С. 450.

⁴ *Трубецкой В. С.* Записки кирасира: мемуары. М., 1991. С. 150.

⁵ *Данилов Ю. Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 29.

⁶ *Трубецкой В. С.* Записки кирасира... С. 150.

В 1887 г. великий князь организовал крупнейшую великокняжескую охоту в собственном имении Першино Алексинского уезда Тульской губернии: здесь поля чередовались с участками леса, представляя идеальную для псовой охоты местность. Сам выступал главным распорядителем охоты. В России Першинская охота была единственной, развернутой в таком широком масштабе при грамотной организации и безупречном качестве; имела репутацию образцовой «Охотничьей академии»¹. Для охоты и для личного пользования разводил полукровных английских верховых лошадей и лошадей восточных кровей (киргизских и кабардинских)².

Для улучшения кавалерийской подготовки ввел учения на сильно пересеченной местности³, а в 1897 г. с той же целью организовал в ОКШ парфорсные конные охоты, которые, по словам кавалериста М. А. Свечина, способствуя «лихости и находчивости в скачке по незнакомой местности», в конечном счете способствовали лихости кавалерийского наскока⁴.

Младший сын великого князя Николая Николаевича старшего, Петр Николаевич (1864–1931), генерал-лейтенант (1908), генерал-инспектор по инженерной части (1904), состоял по гвардейской кавалерии. Как и его августейший отец, был на коне с юных лет: во «вседневном журнале великого князя Петра Николаевича» с 1875 г., т. е. с его одиннадцати лет, наиболее часто упоминаются занятия именно верховой ездой⁵. Петр Николаевич унаследовал Знаменский и Чесменский конезаводы⁶ и право пользования Донскими заводами Николаевского Зимовника. Состоял в Главном управлении Совета государственного коннозаводства. Так сыновья Николая Николаевича старшего успешно продолжили дело отца, каждый на своем поприще.

¹ Панкратов В. В. Августейший выстрел. Романовы и русская охота. М., 2013. С. 153–157.

² Полозов Е. М., Немова С. Н. Д. П. Вальцов и Першинская охота. К 160-летию со дня рождения Д. П. Вальцова. Тула, 2010. С. 3–4. Под седлом великого князя ходили кабардинские лошади: чалая, темно-гнедая и бурая. Для охоты использовались лошади серой масти: в первые годы — киргизы и кабардинки, затем полукровные английские. Под борзятниками ходили чалые кабардинские лошади. См.: Панкратов В. В. Августейший выстрел... С. 157.

³ Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 29–34.

⁴ Свечин М. А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 54–55.

⁵ Белякова З. И. Великие князья Николаевичи... С. 281.

⁶ РГИА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 124. Л. 1—1 об.

Многолетняя деятельность Николая Николаевича старшего на благо Отечества высоко оценивалась его современниками. В рескрипте императора Александра III от 15 августа 1889 г. были отмечены заботы великого князя об улучшении кавалерии в целом и ее конского состава, об обучении кавалерии и подготовке конского состава к строевой службе, что приумножило боевую конную силу Российской императорской армии¹.

Ровно год спустя, на волынских маневрах в августе — сентябре 1890 г. бывший главнокомандующий, уже тяжело больной, в последний раз появился перед рядами своей армии², после чего незамедлительно отбыл на лечение. В апреле 1891 г. великий князь скончался.

Памяти Николая Николаевича старшего был посвящен перевод на русский язык двухтомной «Истории конницы» Дж. Денисона, изданный под редакцией В. А. Сухомлинова (1897)³. Имя Николая Николаевича старшего получила школа солдатских детей, открытая стараниями великого князя при ОКШ в 1888 г.⁴

В 1910 г. началась работа Особого комитета по сооружению в Санкт-Петербурге памятника Николаю Николаевичу старшему. Сбор средств на его создание — 330 тысяч рублей — проходил через всенародную подписку⁵. В поддержку кампании, по поручению Комитета в 1911 г., полковник В. В. Жерве подготовил к печати биографическое исследование, посвященное великому князю⁶.

Памятник Николаю Николаевичу старшему — бронзовый скульптурный верховой портрет великого князя-главнокомандующего в походной форме — был установлен в сквере около

¹ Петров А. Николай Николаевич Старший. С. 386.

² Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. 222.

³ Денисон Дж. История конницы. Т. 1. СПб., 1897.

⁴ «...желая обеспечить школу надежными кадрами учителей-специалистов по фехтованию, вольтижировке, гимнастике и т. п., одним из средств к тому великий князь считал учреждение школы солдатских детей, которая могла бы исподволь готовить соответствующий контингент молодых людей». См.: Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. 216.

⁵ В итоге «император Николай II имел полное право сказать: Фельдмаршалу великому князю Николаю Николаевичу-Старшему памятник поставил российский народ...». См.: Шишов А. В. Николай Николаевич. Фельдмаршальский жезл. М., 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/470589-feldmarshalskiy-zhezl-nikolay-nikolaevich.html> (дата обращения 15.10.2019).

⁶ Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич... С. V.

Михайловского манежа 12 января 1914 г. Его автором был скульптор П. Каноника, много работавший для дома Романовых. Скульптура помещалась на гранитном постаменте, четыре стороны которого были украшены горельефами с изображениями важнейших эпизодов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и сподвижников великого князя¹. Открытие монумента сопровождалось военным парадом в Высочайшем присутствии².

История великого князя Николая Николаевича старшего представляет собой редкий по своей полноте и сбалансированности взаимосвязей опыт. Своей жизнью и деятельностью он в полной мере оправдал слова отца-императора, сказанные при присяге. Казарма, конюшня и манеж составили главный смысл его жизни. Привязанность к лошади он воспринял от отца-императора, блестяще развил это качество и передал своим сыновьям — продолжателям культурных традиций.

Результаты многолетних, продуманных и систематических трудов, подготовившие русскую кавалерию к переходу на качественно новый технический уровень, делают великих князей Николаевичей — прежде всего Николая Николаевича старшего и его преемника Николая Николаевича младшего — заметными фигурами если не русской военной истории второй половины XIX в. в целом, то истории русской кавалерии этого периода и в особенности культурной истории русского всадника.

¹ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 306. Фотографии с изображением памятника генерал-фельдмаршалу великому князю Николаю Николаевичу старшему, главнокомандующему в период Турецкой войны 1877–1878 гг. Л. 1–4; *Гречук Н.* Петербург. События и лица. История города в фотографиях Карла Буллы и его современников. М., 2015. С. 154–157.

² ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 351. План парада при открытии памятника великому князю Николаю Николаевичу. Л. 1–2. Памятник, высоко оцененный современниками, был разрушен в 1918–1919 гг. при смене градостроительной концессии. См.: *Цепляев А. А.* Конная скульптура Санкт-Петербурга. Гиппопластика. СПб., 2011. С. 229–234. В настоящее время обсуждается идея его восстановления. В эти же годы в Москве был уничтожен конный памятник «белому генералу» М. Д. Скобелеву, заложенный в 1911 г. и открытый в июне 1912 г. См.: *Цепляевы А. А. и А. А.* Конная скульптура Москвы. Гиппопластика. СПб., 2014. С. 314–322.

ГЛАВА 3. ПОСЛЕДНИЕ РОМАНОВЫ. РУССКИЙ ВСАДНИК НА СЛОМЕ ЭПОХ

3.3.1. РУСИФИКАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА III. «РУССКИЙ СОМЮР». АЛЕКСЕЙ БРУСИЛОВ

Многие недостатки, присущие русской кавалерии в середине — начале второй половины XIX в., главными из которых были техническая и социальная незрелость, за время царствования Александра II были устранены. К началу 1880-х гг. основным результатом развития национальной кавалерии стало осознание того, что «ломить неприятеля фронтом» в новых современных условиях было недостаточно¹.

Вступление на престол Александра III ознаменовало начало новой эпохи. С этого момента национальная внутренняя политика основывалась прежде всего на планомерной и последовательной русификации, которая имела как отрицательные (жесткость проводимых реформ), так и положительные (расцвет русской национальной идеи, культуры и искусства, во многих областях которого наблюдался подлинный апофеоз национальных художественных начал) стороны. Начались перемены и в армии: здесь поиск национального своеобразия проходил на фоне пристального внимания к уже сложившимся (казачьим, кавказским, французским, немецким, североамериканским и др.) конным практикам.

¹ *Шаниро Б. Л.* Русская кавалерия после Крымской войны... С. 34; *Шаниро Б. Л.* Русификация и модернизация конницы в царствование Александра III // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2019. № 4 (32). Т. 2. С. 70–87; ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 57. Л. 1 — 6 об. Доклад барона Н. Криденера генерал-инспектору кавалерии великому князю Николаю Николаевичу старшему о необходимости изменения программы обучения кавалерии. 11 января 1883 г. (Приложение 16).

Первые реформы в отечественных вооруженных силах были проведены уже в 1881–1882 гг.; наибольшие изменения приписались на кавалерию. Так, в результате «американской» реформы профессора Николаевской академии Генштаба Н. Н. Сухотина¹, все армейские уланские и гусарские полки были преобразованы в драгунские (приказ от 13 июля 1882 г.); армейские кирасиры, как известно, были подрагунены (переформированы в драгуны) еще в 1860 г. Таким образом, к середине 1882 г. была унифицирована вся армейская кавалерия². «На лошадь стали смотреть не как на первое и главное оружие кавалериста, а только как на средство передвижения», — подвел итоги драгунской реформе Сухотина военный историк А. А. Керсновский³.

В октябре того же года, согласно реформе военного министра П. С. Ванновского, драгуны получили новый упрощенный мундир: запашные «беспуговичные» полукафтаны («армяки»), цветные кушаки, широкие серо-синие шаровары, мягкие низкие сапоги, невысокую «крестьянскую» барашковую шапку и темно-зеленую фуражку. Сабли заменили шашками⁴, кавалерийские пики (драгунские, уланские и казачьи) практически упразднили, оставив их лишь для первых шеренг казачьих полков⁵. Драгуны, которых в русской армии называли «ездящей пехотой», получили «слишком пехотный», мешковатый мундир. Различия во внешнем виде армейского кавалериста и пехотинца стали минимальны и наблюдались лишь в длине мундира и в форме головного убора.

Одновременно были отменены традиционные осенние и весенние парады, разводы; царские смотры стали устраиваться все

¹ Сухотин Н. Н. Рейды, набеги, насады, поиски конницы в Американской войне 1861–1863 гг. СПб., 1887.

² Введенский Г. Э. Пять веков русского военного мундира. С. 98.

³ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. 1881–1915 гг. М., 1994. С. 20.

⁴ После реформы холодного оружия 1881 г. шашечная рубка становится одним из самых популярных в войсках видов состязаний. К рубежу XIX–XX вв. горячее и искреннее увлечение шашечной рубкой привело к тому, что она стала неотъемлемой частью русского воинского искусства, а шашка — еще одним символом русской конницы. См.: Шапиро Б. И. Шашечная рубка в Михайловском манеже весной 1900 г. («Lemon cutting») // История: факты и символы. 2020. № 1 (22). С. 25–34.

⁵ Ушинка В. М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века. С. 88–89; Кулинский А. Н. Русское холодное оружие XVIII–XX вв. Т. 1. СПб., 2001. С. 284, 288; Низовский А. Ю. Русские форменные пуговицы. 1797–1917 гг. М., 2008. С. 195.

реже¹ (проводились лишь зимние парады на Дворцовой площади²). Основное внимание было сосредоточено не на блеске «военной мишуры» (по словам военачальника А. А. Брусилова³), а на усилении военной мощи страны.

Однако в войсках александровский драгунский мундир, напоминавший русскую крестьянскую одежду, получил неофициально-неодобрительное название «мужицкого»; говорили, что реформа Ванновского «сравнила воина с трамвайным кондуктором»⁴. Набирало популярность мнение, согласно которому реформы Сухотина и Ванновского обезличивали кавалерийские полки, обесценивали их историю, традиции, мундир. Пренебрежение исторически культивируемым в кавалерии внешним лоском, даже щегольством, получившим особое понятие «тонность»⁵, недвусмысленно высказанное на самом высоком уровне, негативно сказалось на воинском духе. Начался отток офицеров из армии. Так, в отставку подали все офицеры ведущего свое старшинство с 1668 г. Киевского гусарского полка, после его переименования в драгунский 27-й⁶. Распространенной формой протеста стали «похороны мундира»⁷. По словам современников, в это время прошлое русской кавалерии было «туманно и неопределенно»⁸; неопределенно стало и ее будущее, осложненное не только падением воинского духа, но и стремительностью технической модернизации армии.

Численность регулярной кавалерии после реформ была увеличена более чем в полтора раза; с 1883 г. полки были развернуты

¹ Введенский Г.Э. Пять веков русского военного мундира. С. 94; Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. С. 11.

² ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 76. Планы военных парадов в Петербурге. 1872–1909. Л. 5, 6, 51, 52, 64, 67–70. Мазуровский В.В. «Последний зимний парад на Дворцовой площади императора Александра III» (1894). Почтовая открытка.

³ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2013. С. 51.

⁴ Введенский Г.Э. Пять веков русского военного мундира. С. 98, 104.

⁵ Хорошилова О.А. Костюм и мода Российской империи. Эпоха Александра II и Александра III. М., 2015. С. 142.

⁶ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. С. 20.

⁷ Бей Е.В. Похороны мундира // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С. 78–79; Введенский Г.Э. Пять веков русского военного мундира. С. 99.

⁸ Тихановский А.Н. Памятка исторического прошлого Нарвского кавалерийского полка. С. 52.

в 6-эскадронный состав (вместо прежнего 4-эскадронного)¹, в том числе посредством набора «офицеров, которых привлекала только красивая форма обмундирования, но которые, в сущности, не любили и не знали лошади; офицеры эти садились в седло редко только по необходимости и пригом крайне неохотно»².

Одновременно, согласно современным требованиям, были усложнены требования к подготовке кавалериста. В этих условиях меры по восстановлению морального духа кавалерии и усовершенствованию ее подготовки приобрели особый вес, тем более значимый, что 1880-е гг. были временем «крайнего упадка, можно сказать, даже маразма всей русской кавалерии... Старая школа императора Николая I крепко держалась в русской коннице, со всей ее рутиной, — сокрушался генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего Николай Николаевич младшего Ю. Н. Данилов. — Зимой ездили только в манеже — рысью или укороченным галопом, доводя скорость последнего едва ли не до скорости пехотного шага. Обращали внимание только на оттягивание каблука вниз и колена назад. Летом, хотя и оставляли манеж, но на открытом воздухе выбирали совершенно ровное поле, где занимались только плац-парадными учениями. Высшим искусством считалось умение провести учение „на пяточке“, а пределом лихости считалось движение карьером, однако на расстояние не свыше 100–150 шагов. Командиры эскадронов, покровительствуемые сверху, больше всего берегли тела лошадей. Шаг на походе и рысь при перестроении считались нормальными аллюрами, и, при малейшем усилии конной части лошади... задыхались. Личный состав кавалерии... не отсеивался; при отсутствии тренировки он... терял свои знания и ко времени получения высших должностей оказывался вполне непригодным, как для понимания современных требований, так и тем более для проведения их в жизнь»³. С учетом вышесказанного, особое внимание в постреформенный период планировалось отдать именно офицерской подготовке.

¹ Дистерло Н. А. Офицерская кавалерийская школа... С. 275; Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. С. 21.

² Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 28.

³ Там же. С. 27–28.

Ведущая роль отдавалась ОКШ, или, как ее называли современники, «лошадиной академии»¹; она получила неофициальное значение русского аналога знаменитой Королевской кавалерийской школы в Сомюре (Франция). Акцент в работе здесь был сделан на военной езде, а затем и на военно-спортивной; на тех же началах развивался и «Русский Сомюр» — ОКШ². Обе школы — каждая в своем Отечестве — стали значимой частью национальной военной культуры и предметом национальной гордости³.

Как и в Сомюре, в ОКШ обучалась политическая и военная элита. В разные годы ее курс окончили великие князья Петр Николаевич и Дмитрий Константинович, Дмитрий Павлович, Николай Николаевич младший. Некоторое время школу посещал цесаревич Николай Александрович⁴. Одним из первых, еще до официального формирования школы, в ОКШ был зачислен будущий полководец и генерал от кавалерии А. А. Брусилов, талантливый кавалерист, чья роль в развитии русской кавалерии оценивается весьма высоко⁵. В стенах ОКШ Брусилов провел более четверти века (1881–1906):

1) командирован в Санкт-Петербург в учебный кавалерийский эскадрон 07.10.1881 г.;

2) зачислен в штатное число офицеров переменного состава проектируемой ОКШ 17.10.1881 г.;

3) окончил с отличием курс наук отдела эскадронных и сотенных командиров ОКШ 12.08.1883 г.;

4) переведен в постоянный состав ОКШ 05.09.1883 г.;

5) назначен адъютантом ОКШ 12.11.1883 г.;

6) назначен исполняющим должность старшего учителя верховой езды и выездки лошадей 29.11.1889 г.; утвержден в должности 09.02.1890 г.;

7) назначен помощником начальника отдела верховой езды и выездки лошадей 21.08.1890 г.;

¹ Панченко А. М. Библиотека Офицерской кавалерийской школы... С. 37.

² Левицкий А. А. Русский Сомюр // Военная быль. 1958. № 30. С. 20–22.

³ Иванов М. С. Возникновение и развитие конного спорта. С. 50.

⁴ Пономарев И. А. Офицерская кавалерийская школа на Шпалерной... С. 12–13; Стрелецкий И. Я., Курдюк А. А. Средние учебные заведения повышения квалификации... С. 65–72.

⁵ ГАРФ. Ф. Р5972. Оп. 3. Д. 139. Приказ по Гвардейскому Корпусу 26 января 1909 г. С.-Петербург: Л. 1—1 об.

8) за болезнью начальника отдела езды временно заведовал им (дважды в октябре — декабре 1890) г.;

9) назначен штаб-офицером, заведующим обучающимися офицерами в отделе эскадронных командиров 12.08.1891 г.;

10) исполнял обязанности начальника отдела эскадронных и сотенных командиров в августе — сентябре 1891 г.;

11) принял отдел эскадронных и сотенных командиров 04.09.1891 г.;

12) за упразднением отдела эскадронных и сотенных командиров назначен начальником драгунского отдела 01.01.1893 г.;

13) исполнял обязанности начальника ОКШ на маневрах в июле — августе 1893 г.¹;

14) исполнял обязанности начальника ОКШ в июне — августе и в октябре 1898 г.;

15) назначен помощником начальника ОКШ 10.11.1898 г.;

16) исполнял обязанности начальника ОКШ в августе — октябре 1899 г.;

17) назначен начальником ОКШ 10.02.1902 г.²;

18) сдал ОКШ 29.04.1906 г.³

Пик карьеры Брусилова в ОКШ пришелся на начало XX в., но к нововведениям в ее устройстве он приступил сразу по назначении в 1891 г. начальником офицерского отдела школы. Именно тогда, по словам самого Брусилова, его «жизнь наполнилась весьма интересовавшими [его] опытами кавалерийского дела»⁴. Одним из его значимых достижений было введение в учебную программу парфорсных охот⁵, которые заменили

¹ ГАРФ. Ф. Р5972. Оп. 3. Д. 127. Послужной список состоящего в постоянном [составе] Офицерской кавалерийской школы числящегося по гвардейской кавалерии полковника Брусилова Алексея Алексеевича. Январь 1895 г. Л. 3 об. — 5 об.

² ГАРФ. Ф. Р5972. Оп. 3. Д. 136. Приказ по Офицерской кавалерийской школе № 49 от 18 февраля 1902 г. Сиб. о сдаче школы генерал-майору Брусилову. Л. 1–2.

³ Послужной список генерал-адъютанта Брусилова // Брусилов А. А. Мои воспоминания. Брусиловский прорыв. М., 2013. С. 356.

⁴ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2013. С. 28–29.

⁵ Александров Б. Ю. А. А. Брусилов на службе в Офицерской кавалерийской школе // Наука сегодня: реальность и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. Научный центр «Диспут». Вологда, 2016. С. 52.

для русского дворянства почти забытую к тому времени конную псовую охоту.

Обобщив известный опыт, Брусилов смог создать уникальную систему обучения кавалерийскому искусству, где основное внимание отдавалось актуальной в новых условиях ведения войны полевой езде¹. В эпоху, когда «жирные тела [лошадей] становились главной заботой кавалерийских начальников, следствием [чего] явились черепахи аллюры на ровной местности»², основным современным средством развития кавалериста считал он спорт, и сам, с самых первых лет пребывания в ОКШ, получил известность как выдающийся ездок³.

С началом александровских реформ конный спорт получал все большее признание — не только как средство усовершенствования кавалерийской подготовки, но и как обстоятельство, способствующее популяризации русской культуры. «Есть... фактор, с которым предстоит считаться как России, так и Европе. Это все усиливающаяся идея панславизма. Она... естественно вытекает из самого духа нашего времени, лозунгом которого с 1859 года сделалось объединение племен. Эта идея требует осуществления в жизни, и она вовлечет своих многочисленных сторонников в ужасную войну, если не найдено будет мирного средства для проведения Ея в жизнь. Таким средством явилось бы то чувство внутреннего удовлетворения, которое ощутили бы славянские народности, увидев С-Петербург столицей мирового общения в всемирной выставке <...> Только [Россия], составляя... посредствующее звено между востоком и западом, может соединить под эгидой славянской идеи производительность Европы и Азии <...> Очень вероятно, что через небольшое число лет [имена] Красного села, Царского села или С-Петербург будут столь же употребительными в мире конского спорта, как Аскот, Нью Маркет, или Шантильи», — писал

¹ Александров Б. Ю. Деятельность генерала А. А. Брусилова в развитии и пропаганде конного спорта России начала XX века // Вестник спортивной истории. 2015. № 1. С. 25.

² Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. С. 20.

³ Александров Б. Ю. Деятельность генерала А. А. Брусилова в развитии и пропаганде... С. 22.

некий парижанин Гримм на Высочайшее имя, представляя проект устройства в Петербурге Всемирной выставки и международного состязания рысаков, «имеющего целью поставить Россию в деле конского спорта в уровень с некоторыми государствами Европы»¹.

Заметное участие в становлении военно-прикладного конного спорта приняла 13-я кавалерийская дивизия, где было учреждено офицерское скаковое общество. Особо выделялся 39-й Нарвский армейский драгунский полк (бывший 13-й гусарский Нарвский великого князя Константина Николаевича²) и его первое в России военно-скаковое общество «Кавалерийский спорт», известное с 1888 г. Главная заслуга в развитии спортивного духа здесь принадлежала командующему полком в 1885–1894 гг. О. А. Стемпелю (Штемпелю). Приняв полк, он «привил в нем любовь и знание лошади. С его помощью появились отличные ездоки и была основана знаменитая Скаковая конюшня 39-го драгунского Нарвского полка, за успехом которой следила вся наша кавалерия и все любители спорта», — вспоминал Э. И. Гримм, однофамилец автора проекта Всемирной выставки, сам прекрасный ездок и кавалерист³.

Лучшими ездоками 39-го Нарвского полка были офицеры полка В. Н. Ростовцев, А. З. Чавчавадзе и В. Н. Ренне. Были три лучших «центавра» и у 13-го драгунского Каргопольского полка: так называли трех братьев Екимовых — Федора, Василия и Михаила, «за исключительную любовь к лошади и езде»⁴.

В 1890-х гг. великий князь Владимир Александрович, командующий войсками гвардии и Петербургского округа, основал престижные скачки на кубок гвардейской кавалерии, для участия в которых приобретались специальные лошади.

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 40. Д. 244. По письму на высочайшее имя проживающего в Париже некоего Гримма о необходимости для России стать в деле конского спорта в уровень с некоторыми государствами Европы. 30 июня — 15 августа 1883 г. Л. 1–3 (Приложение 17).

² Тихановский А. Н. Памятка исторического прошлого Нарвского кавалерийского полка. С. 47.

³ Гримм Э. И. Еще маленькое воспоминание из нашего прошлого // Военная быль. 1961. № 48. С. 32.

⁴ Гавриковский К. Ф. Спортивные воспоминания // Там же. 1960. № 43. С. 19.

Свои скачки, конкур и пробеги были и у гвардейской конной артиллерии¹.

Конные пробеги, стоверстные и дальние, как и переходы, стали новым средством проверки предельных возможностей человека и лошади². Одним из первых, и одним из самых известных, стал одиночный конный переход от Благовещенска до Петербурга, совершенный в 1889–1890 гг. сотником 1-го Конного полка Амурского казачьего войска Д. Н. Пешковым на азиатской лошади («монголке»), которые обыкновенно использовались забайкальскими и амурскими казаками. Переход занял 193 дня (1169 активных часов), за которые было пройдено 8283 версты. К эксперименту сотника подтолкнули известие о тридцатидневном конном пробеге «о двуконь» корнета 26-го драгунского Бугского полка М. В. Асеева из Полтавской губернии в Париж на Всемирную выставку, а также желание доказать превосходные качества казачьей лошади и проверить собственные силы и возможности. Наградой ему стал орден Св. Анны 3-й степени и зачисление в ОКШ, которую Пешков закончил по отделу эскадронных и сотенных начальников³.

Растет интерес к казачьей лошади — сухой, костистой, пропорционально широкой, с легкой головой, высоко поставленной шеей, полной грудью, широкой и крепкой спиной, правильно поставленными устойчивыми сухими ногами и хорошими движениями⁴.

Казачья конница, как известно, была названа ориентиром для дальнейшего развития русской кавалерии еще в царствование Александра II. Было увеличено число казачьих полков

¹ Гримм Э. И. Воспоминания старого кавалериста // Там же. 1961. № 46. С. 26.

² Рубец И. Ф. По поводу статьи «Спортивные воспоминания» // Там же. 1961. № 46. С. 30.

³ Безотосный В. М. Наградное дело сотника Пешкова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. VI. М., 1995. С. 366–368; Пешков Д. Путевые заметки (дневник) от Благовещенска до Петербурга изо дня в день, с 7-го ноября 1889 года по 19 мая 1890 года, во время переезда верхом на «Сером» // По Каме и Уралу: путевые записки XIX — начала XX вв. Сборник путевых записок. Пермь, 2011. С. 223.

⁴ Сборник описания обмундирования, снаряжения, амуниции, а также всего конского снаряжения казаков Оренбургского казачьего войска. Троицк, 1885. С. 72–73.

и казачьих офицеров. Принимается решение поднять уровень казачьего образования: помимо уже работающего казачьего отдела в ОКШ, с 1890 г. в Николаевском кавалерийском училище открывается казачья сотня на 120 юнкеров для приготовления их к офицерской службе в конных казачьих частях¹.

Зимой 1891/92 г. силами ОКШ под руководством ее начальника (в 1886–1897 гг.) В. А. Сухомлинова и при участии А. А. Брусилова был совершен экспериментальный пробег от Петербурга до Новгорода; были задействованы арабская, англо-арабская, чистокровная, донская, кабардинские, рысистые, уральские и полукровные лошади. Задачи эксперимента были следующие:

1) выяснить степень выносливости лошадей различных пород, заводов и типов, в том числе с некоторыми часто встречающимися пороками;

2) определить нормальную и максимальную скорость движения и максимальную дальность переходов обыкновенной строевой лошади при условии сохранения конского состава для дальнейшей службы;

3) выявить влияние увеличения скорости движения на конский состав;

4) определить порядок восстановления сил конского состава после пробега;

5) провести сравнительный анализ физических возможностей кровных лошадей и лошадей простых пород².

Результаты пробега на практике подтвердили уже известную точку зрения, согласно которой и кровные лошади, и лошади простых пород, имея свои достоинства и недостатки, при условии осмысленного учета этой специфики могут и должны использоваться в модернизированной кавалерии.

Все большую значимость приобретает верховое коннозаводство, в том числе производство строевой и особенно военно-спортивной лошади. Стоит учесть, что верховой «признавалась лошадь не по породной принадлежности, а по годности к... строевому седлу... далеко не достаточно оседлать

¹ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. С. 21; Шкот П. П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 113.

² Сухомлинов В. А. Зимний пробег партии Офицерской кавалерийской школы в учебном 1891–92 году. СПб., 1892. С. 4, 7–20, 34, 42–43.

лошадь, чтобы сделать ее верховой», — констатировал ипполог К. Г. Врангель¹.

В целях поощрения коннозаводства вводятся специальные скаковые призы: приз государственного коннозаводства для трехлеток, приз для трехлеток чистокровной верховой породы, рожденных в России (Всероссийское дерби), частные призы (Долгоруковский, Мосоловский, им. И. И. Воронцова-Дашкова, Весенний и т. д.). С середины 1880-х гг. скачки проводились на 15 ипподромах². В итоге, пусть и крайне медленно, «русская кавалерия постепенно вооружалась дальнобойным и скорострельным конем»³. Это дало возможность при обновлении кавалерийских уставов в 1893 г. включить в них главу о полевой езде и понятие полевого галопа⁴, что знаменовало завершение очередного серьезного этапа модернизации.

Итоги развития русской кавалерии в царствование Александра III и планы по ее дальнейшему усовершенствованию излагались в «Записке о кавалерии» генерал-майора, генерала от кавалерии А. А. Бильдерлинга (начальника НКУ в 1878–1890 гг., автора «Пособия для военных разведчиков», «Вооруженные силы Германии», «Иппологического атласа»)⁵. Согласно этому документу, «современная армия в бою и при маневрировании гребует обширного пространства, вследствие чего нынешняя кавалерия должна обладать особой силой и быстротой. Сила и скорость лошадей напрямую зависят от качества самой лошади, поэтому... необходимо улучшить конский состав кавалерии»⁶. Особое внимание предполагалось обратить на развитие военно-спортивной сферы, в том числе конного спорта и спортивного коннозаводства, которые в это время почти полностью принадлежали пространству военной культуры. «Всякий иппический

¹ Врангель К. Г. Книга о лошади. Т. 1. С. 289.

² Камбегов Б. Д., Гуревич Д. Я. Столетие Всероссийского дерби // Коневодство и конный спорт. 1986. № 2. С. 31–33.

³ Александров Б. Ю. А. А. Брусилов на службе в Офицерской кавалерийской школе. С. 52.

⁴ Столетие военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 2. С. 42.

⁵ Осоргин М. М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861–1920. М., 2008. С. 189.

⁶ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 140. «Записка о кавалерии» генерала Бильдерлинга. 1892 г. Л. 1.

спорт, скачки с препятствиями, охота и другие военные упражнения в поле — одни способны развить во всаднике и в лошади необходимые для кавалерийской службы навыки и качества. На аванпостах, в разъезде, на разведке и перед фронтом эскадрона для атаки нужны лихие наездники», — заключал Бильдерлинг¹.

Одним из главных результатов развития русской кавалерии в царствование Александра III можно считать ее модернизацию до того уровня, который дал всеобщую уверенность в том, что «преимущества кавалерии не являются исторически исчерпанными и могут быть с большим успехом востребованы в грядущих военных кампаниях»². Интерес к национальной культуре, характерный для этого периода русской истории, послужил к тому, что составной частью модернизации кавалерии стала ее жесткая русификация. Идиллическая, лубочная русская конница перестала существовать.

3.3.2. ЖЕНЩИНА В СЕДЛЕ: ФЕМИНИЗАЦИЯ ОБРАЗА. МАРИЯ ФЕДОРОВНА

Известное равнодушие к военной культуре Александра III³ в какой-то мере компенсировалось увлечениями и личными склонностями его августейшей супруги Марии Федоровны. Основные ритуалы имперского милитаристского сценария стали в том числе и женской сферой деятельности⁴. Одним из таких

¹ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 140. Л. 6.

² Александров Б. Ю. А. А. Брусилов на службе в Офицерской кавалерийской школе. С. 53.

³ Александр III был равнодушен не только к военной культуре, но и ко многим традиционным мужским увлечениям, в том числе не был приверженцем мундирного коллекционирования (в отличие от деда, отца и сына). Александр II пополнил собрание Романовых несколькими сотнями собственных мундиров и военных сюртуков. См.: ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 951. Л. 1–15. Список вещей Александра II, хранившихся в арсенале дворца; ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 953. Л. 1–8 об. Опись мундиров и сюртуков Александра II, составленная после его смерти. С пометами Александра III; сотнями же насчитывались военные костюмы Николая II. См.: Шапиро Б. Л. Гардероб Александра III: музеи и архивы (личный фонд Марии Федоровны в ГАРФ) // *Filo Ariadne* (Нить Ариадны). 2019. № 3 (15). С. 46–57.

⁴ Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 241–242, 376.

ритуалов было Высочайшее полковое шефство, тесно связывающее Романовых и вооруженные силы империи¹.

Звание шефа полка при дворе воспринималось как почетная должность, накладывающая определенные обязанности и в духовной, и в материальной сфере. Отношение августейшего шефа к своим подопечным, основанное на блестящем знании истории полка², как правило, не было формальным, о чем свидетельствуют обширная делопроизводственная документация³, переписка⁴, подкрепленные сведениями полковых «летописей». Еще одним свидетельством являются мемориальные вещи⁵.

¹ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 395. Л. 1—18 об. Списки членов императорской фамилии, числящихся в войсках, и особ иностранных владетельных домов, состоящих шефами в русских войсках.

² Например, книги внуки Павла I великой княгини Екатерины Михайловны, шефа трех полков: двух уланских и одного драгунского. См.: ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 121. Л. 1. Список книг по истории лейб-гвардии драгунского полка. Также см.: ГАРФ. Ф. 640. Оп. 2. Д. 31. Л. 1—2. Выписка из истории Крымского конного императрицы Александры Федоровны полка. 1900 г.; ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 34. Л. 1—8. Сведения о 8-м Уланском Вознесенском великой княжны Татьяны Николаевны полке (имеется историческая справка-памятка о полке с 1812—1911 гг.). 1911—1913 гг.; ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 260. Л. 1. «Краткая историческая памятка» 3-го гусарского Елисаветградского полка великой княжны Ольги Николаевны.

³ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 496. Л. 1. Докладная записка командира Кавалергардского полка императрице Марии Федоровне о строительстве квартир для офицеров; ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 498а. Л. 1—109. Списки и рапорты командиров подшефных императрице Марии Федоровне полков. 1890—1909 гг.; ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 1133. Л. 1—2. Месячный рапорт о состоянии 10-го драгунского Новгородского полка имени великой княгини Елены Павловны. Июнь 1865 г.

⁴ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 495. Обращение императрицы Марии Федоровны к Кавалергардскому полку по поводу 25-летия ее шефства над полком. Л. 1—1 об. (Приложение 18); ГАРФ. Д. 643. Оп. 1. Д. 27. Л. 1. Телеграмма полковника Бенуа августейшему шефу великой княгине Ольге Александровне. 1910 г.; ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 661. Л. 1. Телеграмма полковника Спокойского-Францевича Марии Павловне с поздравлением ее и великой княгини Марии Александровны с полковым праздником. 24 апреля 1915 г.; ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 664. Л. 1—4. Письма (официальные) военного министра Сухомятина Владимира Александровича Марии Павловне о назначениях и повышении по подшефным ее полкам. 20 марта 1909 г. — 3 октября 1914 г.; ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 73. Л. 1—2. Рапорты командира 48 драгунского полка шефу великой княгине Ксении Александровне. 9—12 сентября 1906 г.; ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 582. Л. 1. Телеграмма полковника Филонова шефу полка великой княгине Ксении Александровне. 25 марта 1897 г.; ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 24. Л. 1—6. Телеграфные донесения полковника Кузьмина-Караваева своему шефу — великой княжне Марии Николаевне об участии полка в военных операциях. 1914—1915 гг.

⁵ ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 31. Л. 1. Ходатайство командира 9 драгунского Казанского полка шефу, великой княжне Марии Николаевне, о дополнительном

Свидетельством теплых отношений шефа и подопечных были не только официальные дары, но и трогательные женские безделушки, которые преподносились Романовым наряду с «серьезными» подносными вещами. Так, шеф кавалергардов императрица Мария Федоровна хранила в Туалетной комнате Гатчинского дворца парфюмерный флакон в виде каски кавалергарда¹. Кроме того, среди ее украшений была брошь в виде миниатюрного кавалерийского палаша. Она была поднесена ее величеству вместе с букетом в ознаменование особых отношений между императрицей и подшефным полком на полковом празднике 6 сентября 1882 г.² Это был первый полковой праздник после назначения Марии Федоровны шефом полка³. Развернутое описание этого значимого для обеих сторон события было размещено в петербургской газете «Голос» от 8 сентября 1882 г.⁴

С 1826 г. (с того самого года, когда кавалергардам был присвоен данный образец палаша) полковым маршем была избрана мелодия из оперы Ф. А. Буальдые «Белая дама». Однако на гвардейском сленге название произведения означало еще и холодное оружие, с которым гвардия, в соответствии с негласным этикетом, не расставалась никогда и даже венчалась, вопреки церковным правилам, не снимая оружия⁵. Известно, что

награждении ее портретами некоторых чинов; ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–4. Список офицеров [9 драгунского Казанского полка] с указанием подарков каждому [от шефа полка — всл. кн. Марии Николаевны] и их стоимости (Приложение 19).

¹ Empress Maria Fedorovna: A Life & Fate: exhibition catalog. St Petersburg, 2008. P. 139, 160. В настоящее время находится в собрании ГИМ. Изготовлен в России в 1890-х гг., возможно, в единственном экземпляре. См.: За кулисами парадной жизни. Поставщики императорского двора. Каталог выставки. СПб., 2013. С. 317.

² Шаширо Б. И. Кирасирский палаш образца 1826 года: памятная брошь императрицы Марии Федоровны // Мир оружия: история, герои, коллекции. Материалы международной научно-практической конференции, 29 ноября — 1 декабря 2017 г. Тула, 2017. С. 243–246.

³ Император Александр III. Императрица Мария Федоровна: Каталог выставки. 6 сентября — 3 октября 2006 г. СПб., 2006. С. 47; Панчулидзе В. А. История кавалергардов. Т. 4. С. 323.

⁴ Бибилов Г. В. История кавалергардов. Париж, 1992. С. 412.

⁵ Звегинцов В. Н. Полковой марш кавалергардов // Военная быль. 1966. № 78. С. 44. Каменский В. А. О ношении офицерами оружия // Военная быль. 1973. № 121. С. 46–47; Ключков Д. А. Обмундирование, снаряжение и вооружение Российской императорской армии. 1914–1917: Гвардейская тяжелая кавалерия. М., 2015.

Мария Федоровна высоко оценила подарок и надевала брошь при посещениях кавалергардии. Именно она украшала наряд августейшего шефа 30 января 1884 г. при осмотре казарм, манежа, лошадей и конюшен полка¹. Традиция полковых подношений, вопреки «не раз повторенным приказам по военному времени о воспрещении всяких подписок и складчин между «офицерами»², заняла важное место в полковой жизни, способствуя выстраиванию теплых отношений между августейшим шефом и подопечными полками.

Еще одним из таких предметов является простой на вид красный веер³: единственным украшением лицевой стороны гладкого атласного экрана-плие является надпись «Карусель Кавалергардского Ее Величества полка 1886»⁴. Более внимательный взгляд увидит правую лицевую пластину, украшенную серебряной императорской короной, левую пластину с эмалевым полковым знаком в виде Мальтийского креста, полудужку (кольцо для кисти) в виде шпоры — «лучшего украшения кавалериста»⁵, и саму кисть в виде офицерского темляка, собранную на конце и повязанную по-кавалерийски. Веер принадлежал Марии Федоровне; он происходит из Аничкова дворца, который служил ее основным петербургским местопребыванием.

Художественное решение веера более чем символично. Экран выполнен из атласной алой ткани — прикладного цвета Кавалергардского Ее Величества полка и цвета супервеста, который полагался офицерам полка в особо торжественных случаях. Надпись и серебряная отделка веера повторяли цвет полкового

С. 223; Синдаловский Н. А. Марсово поле: военная столица Российской Империи в петербургском городском фольклоре. СПб., 2006. С. 32. Впоследствии популярная мелодия в исполнении оркестра Лейб-гвардии Конного полка была записана на граммофонную пластинку, и оркестр получил всероссийскую известность. См.: Гринев Г. М. Еще о русских военных оркестрах и маршах. С. 44–45.

¹ Панчулидзева С. А. История кавалергардов. Т. 4. С. 323–325.

² Милютин Д. А. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1879–1881. М., 2010. С. 210.

³ Шапиро Б. Л. «Кавалергардский» веер Марии Федоровны: полковая мемориальная культура конца XIX — начала XX вв. // Ученые записки КнАГТУ. Науки о человеке, обществе и культуре. 2017. № 3 (31). С. 13–18.

⁴ Императорские веера из Эрмитажа. Веера из собрания Государственного Эрмитажа. СПб., 1997. С. 52–53.

⁵ Клочков Д. А. Обмундирование, снаряжение и вооружение... С. 316.

приборного металла¹. Известно, что веер был поднесен императрице как шефу кавалергардии по случаю ежегодной карусели, устроенной в день полкового праздника в 1886 г.

Сохранилось описание аналогичной кавалергардской карусели, проходившей спустя год, 11 (23) марта 1887 г. «Каждый год в манеже, где офицеры упражняются зимой, они устраивают карусель, в которой занято двенадцать или четырнадцать дам и джентльменов, — рассказывала очевидица, супруга посланника США в России А. Лотроп — Манеж был изящно декорирован шлемами, кирасами, флагами, растениями и т. д., но самым прекрасным был ковер. По краям огромного открытого пространства — земляной бордюры шириной, пожалуй, десять футов; все остальное было покрыто чем-то, производившим впечатление индийского ковра с широкой каймой. Один угол казался загнутым, и, хотя я знала, из чего был сделан ковер, я с трудом осознавала, что он не настоящий. Говорят, он был сделан из цветных опилок, но они должны были быть смешаны с чем-то скрепляющим вместе, в противном случае композиция не сохранила бы свои четкие контуры. Земля в центре была коричневатой-желтой, но фигуры были разноцветными, как и бордюры. Конечно, он был сразу же испорчен копытами»². Существует фотоснимок этого прекрасного ковра «из цветных опилок для офицерской карусели с дамами», сделанный офицером Кавалергардского Ее Величества полка М. А. Серебряковым; он был помещен в юбилейной «Истории кавалергардов» С. А. Панчулидзева³.

«Присутствовало, я полагаю, две-три сотни приглашенных, — продолжала А. Лотроп, — императрица и императорская семья занимали балкон в конце здания. Когда все собрались, и прибыла императорская семья, двери в противоположном конце манежа, ведущие к конюшням, открылись и выехали два трубача на белых конях. Вообще полковые лошади гнедые и очень красивые. Затем появились четыре офицера в великолепной алой

¹ Ключков Д. А. Обмундирование, снаряжение и вооружение... С. 237–238, 252–253, 385.

² Плешков В. Н. Петербург глазами американцев. Придворные балы и карусель. 1886, 1887 годы. Из писем Алмиры Ван Несс Лотроп // История Петербурга. 2002. № 6 (10). С. 31.

³ Панчулидзева С. А. История кавалергардов. Т. 4. С. 283.

с серебром форме в медных касках с огромными орлами наверху. Затем выехали всадники — дамы, конечно, в костюмах для верховой езды и шелковых шляпах, офицеры в белой с серебром форме на алых чепраках. Они проехали полпути, когда протрубили трубы. По приближении к императорской семье половина всадников направилась в одну сторону, другая — в другую; дамы кланялись императрице, офицеры обнажали в салюте свои шпаги. Вслед за тем оркестр заиграл полонез, который был исполнен всадниками; затем трубачи и четыре офицера удалились. Передвижения выполнялись под очень красивую музыку. Танцевали кадрили и разные другие танцы, которые были весьма грациозны и прелестны. Выступления продолжались почти два часа»¹.

Императрица с удовольствием посещала популярные в высшем свете карусели ее подшефного полка. «20 марта [1914 г.]. В 9 часов вечера я и Мария отправились на caroussel, устроенную кавалергардами. Все также прошло прекрасно и невероятно весело», — записала Мария Федоровна в своем дневнике². Это была последняя карусель, устроенная кавалергардами для своего августейшего шефа³.

Исторически кавалергардия представляла собой самую приближенную к императрице воинскую часть, более принадлежащую к двору, нежели к военному ведомству. Эта особенность была обусловлена в равной степени обстоятельствами ее создания и ее задачами. Главной службой при учреждении кавалергардии была названа почетная охрана особы императрицы, а звание капитана корпуса (кавалергардия стала полком только в правление Павла I) принял сам Петр I⁴.

Позднее обязанности почетного шефства для кавалергардии исполняли Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна (в чине капитана), Елизавета Петровна (в чине капитана Лейб-компании, куда кавалергардия вошла составной частью), Александра Федоровна, супруга Николая I, Александр II, Мария Федоровна

¹ Плешков В. Н. Петербург глазами американцев. С. 31.

² Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 30.

³ Зимин И. В. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX — начало XX в. М., 2011. С. 225.

⁴ История кавалергардов и Кавалергардского Ее величества полка с 1724 по 1 июля 1851 года. СПб., 1851. С. 1–6.

(в чине шефа) и ее августейший супруг Александр III (в чине второго шефа)¹. Высочайшее шефство было наградой кавалергардии и обозначением ее особого положения.

Мария Федоровна стала последним из августейших шефов кавалергардов. Текст Высочайшего приказа гласил: «Его императорское величество изволит оставаться шефом во всех тех полках гвардии и армии и военно-учебных заведений, в коих числился первым Шефом в Бозе почивший государь император Александр Николаевич, кроме Кавалергардского полка, Шефом которого назначается Ее Императорское Величество Государыня Императрица»². Приказ был получен 2 марта 1881 г., на другой день после вступления Александра III на престол.

Своему новому шефу кавалергарды во главе с полковником Н. Н. Шиповым³ представлялись 23 марта в Аничковском дворце в присутствии великого князя Владимира Александровича, главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. По свидетельству очевидцев, «Ее величество выразила... полное удовольствие быть шефом кавалергардов»⁴.

Здесь же, в Аничковом дворце, почти два года спустя, 18 февраля 1884 г., Мария Федоровна лично награждала офицеров кавалергардии, охранявших ступени трона при коронации их величеств. В коронации 15 мая 1883 г. участвовали четыре взвода, первый из которых открывал шествие в Успенский собор, второй сопровождал императорские регалии, и еще два замыкали шествие. Командующий кавалергардами Н. Н. Шипов находился в алтаре у престола, два старших кавалергардских офицера стояли на пятой ступени трона, и два младших охраняли его седьмую ступень в самые торжественные минуты церемонии, когда монархи «вместе с возложением на главу свою венца царского возлагают на себя бремя государственного правления»⁵.

¹ Висковатов А. В. Историческое описание одежды... Т. 3. СПб., 1899. С. 15; История кавалергардов и Кавалергардского Ее величества полка... С. xxvii; Панчулидзе С. А. История кавалергардов. Т. 4. С. 319.

² Панчулидзе С. А. История кавалергардов. Т. 4. С. 322.

³ Речь идет о Н. Н. Шипове (старшем). Н. Н. Шипов — младший также командовал Кавалергардским Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны полком, но позже, с 1916 г.

⁴ Панчулидзе С. А. История кавалергардов. Т. 4. С. 322, 333.

⁵ История кавалергардов и Кавалергардского Ее величества полка... С. 6.

В Большом Кремлевском дворце кавалергарды разместились так: два взвода в главном парадном зале — Андреевском, и по одному взводу в Екатерининском зале и в Святых сенях Грановитой палаты. На следующий день кавалергарды служили при парадном обеде в Грановитой палате¹.

С тех пор Мария Федоровна принимала живое участие в полковой жизни кавалергардов. По случаю столетия полка она впервые появилась в мундирном платье по кавалергардской форме². Это произошло на церковном параде 11 января 1899 г. в Михайловском манеже. «Невиданное зрелище представлял... манеж... блестящее обмундирование и снаряжение кавалергардов в конном строю, роскошь мундиров придворных и членов дипломатического корпуса, нарядные туалеты дам, все это представляло редкую по красоте картину... Подъезжая к фронту полка, Государыня откинула боа, скрывавший воротник и галун на мундире, и полк увидел в первый раз своего Шефа в кавалергардском колете, — вспоминали очевидцы — участники парада. — Мы имели счастье впервые видеть нашего Августейшего Шефа в форме нашего полка. Восторженно забили сердца кавалергардов при виде такого высокого знака внимания, оказанного кавалергардскому мундиру»³.

С 31 мая 1880 г. Мария Федоровна также исполняла обязанности почетного Шефа «синих» гатчинских кирасир⁴. Участие императрицы в судьбе полка продолжалось вплоть до ее кончины в 1928 г., в том числе и после 1917 г., после перемещения полка за пределы России⁵. По словам современников, августейшее шефство «составляло для полка эпоху»⁶ и оценивалось «драгоценнее всех милостей»⁷.

¹ Коронационный альбом в память священного коронования... С. 10, 21–25, 33.

² Должность шефа полка накладывала обязанность принимать парад, проходя верхом в его главе.

³ Панчулидзе С. А. История кавалергардов. Т. 4. С. 341–342, 348.

⁴ Список шефов особ императорского дома и высокопоставленных лиц начальствовавших полком и числившихся по спискам полка // Марков М. И. История Лейб-гвардии Кирасирского... С. 6.

⁵ Музей костюма. Государственный музей-заповедник «Павловск». СПб., 2014. С. 96–97.

⁶ Марков М. И. История Лейб-гвардии Кирасирского... С. 483.

⁷ Там же.

Мария Федоровна была шефом еще нескольких подразделений РИА: Гвардейского экипажа, 11-го уланского Чугуевского Ее Имени полка, 2-го Лейб-Драгунского Псковского Ее Имени полка, 15-го драгунского Переяславского Императора Александра III полка и 11-го Восточно-Сибирского Стрелкового Ее Имени полка¹. Участие в военных парадах и смотрах подшефных полков доставляло императрице истинное удовольствие: «25 марта [1914 г.]. Сегодня отправилась на Гвардейский конный парад, на котором я так давно не была. Погода прекрасная», — писала она в своем дневнике². «Апофеозом смотра была бешеная атака в сомкнутом строю, производимая прямо на шатер императрицы под громовое „ура“, — вспоминал кирасир В. С. Трубецкой. — Зрелище, захватывающее своим стремительным порывом. В десяти шагах от шатра центр атакующей линии с полного хода круто останавливался, вызывая самые восторженные похвалы императрицы, которая, еще раз всех поблагодарив, отпускала полк»³.

Зрелище конного смотра было волнующим для всех его участников — Мария Федоровна, согласно общему мнению, была прекрасной всадницей; ее близкие неизменно отмечали, что она обожала лошадей. «Императрицу Марию Федоровну я знал еще, когда она была супругою моего командира гвардейского корпуса, наследника цесаревича Александра Александровича, — вспоминал начальник ОКШ генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов, — императрица же была прекрасной наездницей и к верховой езде относилась с любовью. Во время лагерного сбора под Красным селом, когда я был начальником офицерской кавалерийской школы, мне часто приходилось встречать Марию Федоровну на прекрасной кровной лошади с одним только рейткнехтом (нижним чином, солдатом, ухаживающим за офицерскими лошадьми. — *Б. Ш.*), в окрестностях Дудергофа, Тайц и других пунктах, в значительном расстоянии от дворца»⁴.

По словам С. Д. Шереметева, она «наслаждалась верхом, скакала через рвы и канавы, брала препятствия, с трудом за нею

¹ Зимин И. В. Взрослый мир императорских резиденций... С. 73.

² Дневники императрицы Марии Федоровны. С. 30.

³ Трубецкой В. С. Записки кирасира... С. 113.

⁴ Сухомлинов В. А. Воспоминания // Литература русского зарубежья. Антология: в 6 т. Т. 1. Кн. 2. 1920–1925. М., 1990. С. 68.

угонялись»¹. Это подтверждала и свита: рассказывали, что «во время кавалерийского учения на Военном поле Цесаревна, желая переехать через поле к Государю Императору, очутилась уже на половине пространства, когда скомандовали „марш, марш в атаку“. Вся кавалерия массою поскакала по направлению к Цесаревне. Для того чтобы не быть раздавленной и в то же время успеть подъехать к Государю, Ее Высочество сильными ударами хлыстом заставила лошадь скакать наискось поля, но быстрее кавалерии и под конец ловким движением повернула лошадь и как вкопанная встала возле Его Величества. Очевидцы говорили мне, что они с трудом удержались от восторженного „ура“»².

В искусстве верховой езды Мария Федоровна намного превосходила всю прочую женскую часть последних Романовых, среди которых было немало прекрасных всадниц: у каждого из детей Александра III, не только мальчиков, но и девочек, был свой инструктор верховой езды — гвардейский офицер³. Хорошей всадницей была великая княгиня Мария Павловна — младшая: известно, что она была единственной дамой, осмелившейся сопровождать шведского короля Густава V на лосиной охоте⁴. Неплохой всадницей⁵ была и великая княгиня Мария Павловна — старшая, шеф нескольких полков,

¹ Цит. по: Зимин И. В. Взрослый мир императорских резиденций... С. 78.

² Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и в Дании. СПб., 2010. С. 148.

³ Воррес Й. Великая княгиня Ольга Александровна. Мемуары. М.: Захаров, 2004. С. 35. В разное время репутацией амазонок из дома Романовых также пользовались супруга Александра I Елизавета Алексеевна (страстно любила верховую езду, выезжала почти ежедневно) и супруга Николая I Александра Федоровна (большая любительница рыцарских каруселей). Современники нередко могли видеть (а мы можем мысленно представить) отрядную для глаз «кавалькаду, среди которой блестела амазонка, в задумчивой, смелой и вместе безыскусственной наружности которой, в прекрасном стане и заманчиво-благородных действиях все напоминало героинь рыцарских романов». См.: Пинин И. Ф. Поездка в Гатчину. 1848 год // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XIX век. СПб., 2007. С. 200.

⁴ Гауке К. Ш., Юнггрен А. История одной беглянки // Наше наследие. 1999. № 48. С. 66.

⁵ Романова К. А. [Ксения Александровна]. Письмо Оболенской А. А., 11/23 августа 1893 г. Из Кронштадта в Либаву // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. XIV. М., 2005. С. 474–475.

в том числе иностранных¹. Как и многие другие Романовы, она предпочитала верховую езду прочим развлечениям. «19 марта [1914 г.], среда. В 10 с четвертью отправилась в Царское [село] на манеж, где должен был состояться парад гвардейских драгунов, чьим шефом является теперь М[ария] П[авловна]. На ней была военная униформа, и вся она прямо-таки сияла от удовольствия, что играет первую скрипку», — отмечала Мария Федоровна в дневнике². «Помню, как она скакала галопом с кавалеристами, а мы изо всех сил старались не отставать на наших маленьких пони», — вспоминал великий князь Кирилл Владимирович³.

Довольно уверенно ездили верхом и дочери Николая II, которые, как и прочие августейшие шефы⁴, могли продемонстрировать свои умения на полковых смотрах. Великая княжна Ольга Николаевна была шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка. Она носила это почетное звание с 11 июля 1909 г., когда император «в виде особой милости, высоко оценив самоотверженную службу... в 1905–1906 годах (участие в Русско-японской войне и охрана правопорядка в Прибалтийском крае. — *Б. Ш.*), назначил свою старшую дочь Ольгу (14-летнюю. — *Б. Ш.*) Шефом Полка... Шефу были поднесены депутацией полное обмундирование и снаряжение полка, песня Елисаветградцев, вложенная в папку, и букет белых роз»⁵.

¹ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 99. Строевые рапорты по крейсеру «Адмирал Нахимов» и 3-му кавалерийскому полку великой княгини Марии Павловны. 1879 г. Л. 7; ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 677. Л. 1. Черновик письма Марии Павловны командиру 3-го Кавалерийского полка имени Марии Павловны по поводу принятого его шефства над полком.

² Дневники императрицы Марии Федоровны. С. 29.

³ Романов К. В. [Кирилл Владимирович]. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996. С. 41.

⁴ ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 21, Л. 1–2. Расписание праздников в частях войск, подшефных императрице Александре Федоровне и ее дочерям. 1914 г. (Приложение 20). ГАРФ. Ф. 683. Оп. 1. Д. 99. Л. 1. Записка-автограф великой княжны Анастасии Николаевны в том, что она назначена шефом 9 драгунского Казанского полка. Также см.: Великая княжна Мария Николаевна в форме 9-го драгунского Казанского полка. См.: *Звегинцов В. В.* Русская армейская кавалерия. 1907–1914. М., 1998. С. 11.

⁵ Воронов А. В. Ольгины гусары: 3-й Гусарский Елисаветградский Ея Императорского Высочества Великой княжны Ольги Николаевны полк, 1764–1964: Страницы полковой истории. М., 1999. С. 19–23.

В 1911 г. по случаю совершеннолетия шефа полку были вновь присвоены их знаменитые белые ментики, которых он был лишен в 1855 г. (были оставлены лишь для командования)¹; более 20 000 р. на изготовление ментиков были выданы из личных средств Ольги Николаевны².

Наиболее полно достижения старших дочерей Николая II как полковых шефов были продемонстрированы на смотре 5 августа 1913 г.³ В этот памятный день Елисаветградский полк вместе с 8-м Уланским Вознесенским великой княжны Татьяны Николаевны полком участвовал в конном параде в Новом Петергофе: «В конном строю, в зимней парадной форме, построились... на заднем плацу полки... Красивую картину представляла собой эта Сводная бригада: желтые лацканы и флюгера с желтыми полосами Вознесенцев хорошо гармонировали с темно-синим оттенком уланок; еще красивее была линия Елисаветградских гусар в голубых доломанах и краповых чакчирах, с белыми ментиками и красивыми гусарскими шапками с белым шлыком... Сперва появилась верхом на коне, в уланской форме и в сопровождении Великого князя Николая Николаевича, Великая княжна Татьяна Николаевна. Она поздоровалась со своим полком, проехала вдоль фронта и стала на правом фланге. Затем, также в сопровождении Великого князя Николая Николаевича, появилась в нашей полковой форме и в краповой амазонке Великая княжна Ольга Николаевна. Она также поздоровалась с полком, проехала вдоль фронта и стала на правом фланге»⁴. По воспоминаниям Николая II, «Вознесенские уланы и Елисаветградские гусары представились щеголевато и прекрасно в зимней парадной форме. Оба шефа молодцами прошли во главе своих полков и отлично сделали заезд. Завтракали с офицерами и дамами во дворце

¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 478. Л. 1–6. Историческая справка о гусарских ментиках, представленная генералом Сухомлиновым Николаю II.

² Введенский Г.Э. Пять веков русского военного мундира. С. 113; Воронов А. В. Ольгины гусары... С. 11, 26.

³ Шапиро Б.Л. «Верховая юбка» шефского мундира Ольги Николаевны Романовой из собрания Царскосельского музея // Забелинские научные чтения — год 2014-й: Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. М., 2017. С. 276–288.

⁴ Воронов А. В. Ольгины гусары... С. 29–30.

и затем снимались группой»¹. Император назвал этот день особенно памятным.

Однако первой кавалеристкой среди почетных шефов-женщин дома Романовых называли именно Марию Федоровну². В искусстве верховой езды она превосходила и своего августейшего супруга, не вполне одобрявшего это ее увлечение³.

Интересно, что Мария Федоровна, не довольствуясь собственными конюшнями⁴, обращалась и к офицерским лошадям. Секретарь Ф. А. Оом описал один такой случай. Она «была замечательно смелая и вообще отличная наездница. Однажды при осмотре... конюшни Цесаревича ей понравилась особенно киргизская лошадь... Но на ней мог ездить один только берейтор, — рассказывал он, — [Мария Федоровна] хотела непременно попробовать лошадь и, несмотря на уверения, что этакая проба опасна, ее высочество приказала ее оседлать и села на нее. И что же? Лошадь повиновалась и под легкую и умелую ручкою ее выделявала все требуемые аллюры»⁵.

¹ *Зимин И. В.* Взрослый мир императорских резиденций... С. 76. Снимок, где Ольга Николаевна проводит полк церемониальным маршем в конном строю перед императором, сделан 5 августа 1913 г. в Новом Петергофе. Кинооператор фирмы «Братья Пате» снимал парад и посещение «Александрии». Материалы вошли в фильм «Императорская Россия», демонстрировавшийся всему миру. См.: *Рябилин А. И.* Королева Вюртембергская Ольга // *Военная быль.* 1963. № 58. С. 14–15.

² *Шапиро Б. Л.* Августейшие амазонки Гатчины: верховой гардероб императрицы Марии Федоровны // *Гатчинский дворец в истории России. Конференция 1–3 декабря 2016 года.* СПб., 2016. С. 321–331. Сохранился фотоснимок конных охотников, среди которых императрица и ее старшая дочь великая княжна Ксения Александровна. См.: ЦАКФФД. П. 587. Сн. 47. Снимок датируется 1894 г., и обе амазонки — и Мария Федоровна, и ее дочь — одеты в соответствии с последними верховыми модами. См.: *Шапиро Б. Л.* Ахроматическая мода рубежа веков: Belle Époque или Fin de Siècle? // *Теория моды: одежда, тело, культура.* 2018. № 47. С. 51–72.

³ *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. С. 68; *Хорватова Е. В.* Мария Федоровна. Судьба императрицы. М., 2006. С. 49. Однако именно во время его пребывания в Гатчине были построены служебно-конюшенные здания для придворно-конюшенной части. До этого и служебно-конюшенные должности, и дворцовые лошади размещались частью по казармам, манежам и конюшням Кирасирского Ее Императорского Величества полка, частью по постройкам дворцового ведомства. См.: *Рождественский С. В.* Столетие города Гатчины. 1796–1896. Т. 1. Исторические сведения. СПб., 1896. С. 273–274.

⁴ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 3330. Л. 1–5. Списки лошадей, принадлежащих императрице Марии Федоровне (Приложение 21).

⁵ *Карнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны... С. 148.

Случай был далеко не единичным, что можно проиллюстрировать верховым фотопортретом Марии Федоровны, сделанным в 1890-х гг. в польском городе Спала¹. В 4-томной «Истории кавалергардов» военного историка, ротмистра кавалергардии в отставке С. А. Панчулидзева снимок получил название «Государыня Императрица Мария Федоровна на „Волтижере“ скаковой конюшни кавалергардских офицеров»². Стоит добавить, что груд был написан к столетию полка, а императрица в качестве шефа принимала живое участие в его обсуждении в полковой юбилейной комиссии и в последующем его издании³.

Очевидно, что одной из характерных черт милитаристского сценария в Российской империи рубежа XIX–XX вв. можно назвать его стремительную феминизацию. Образ, объединяющий монархию с миром, получил новое — гендерное — выражение.

3.3.3. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ИМПЕРИИ: BELLE ÉPOQUE ИЛИ FIN DE SIÈCLE?

Время правления царя-миротворца было для России не только эпохой национального культурного подъема. Для определенных кругов планомерная и последовательная русификация имела не-радостные последствия. От Николая II, его преемника, ожидали если не начала новой эры⁴, то, во всяком случае, перемен к лучшему. Безотлагательного вмешательства требовала армия, прежде всего, кавалерия: одним из главных результатов развития

¹ ЦГАКФФД. П. 216. Фотоальбом «Пребывание членов императорской фамилии в Спале».

² Панчулидзева С. А. История кавалергардов. Т. 4. С. 347 (Рис. 16). Конюшни РИА комплектовались лошадьми по определенной схеме, следовательно, можно уточнить масть лошади — гнедую с отметиной, и принадлежность лошади ко 2-му эскадрону. См.: Горохов Ж. Русская императорская гвардия. С. 30. Отметим, что с собственными лошадьми путешествовали как офицеры, так и августейшая фамилия; обычай был распространен и в России, и в Европе. Так, австрийская императрица Елизавета Баварская, известная своей любовью к верховой езде, ежегодно выезжала на охоту в Англию с парой собственных лошадей. См.: Тисдолл Э. П. Императрица Мария Федоровна: Датская принцесса на русском троне. М., 2010. С. 137.

³ Доклад ротмистра в отставке Панчулидзева о программе «Истории кавалергардов», рассмотренный в полковой юбилейной комиссии. Инв. № г-1626, г-31071 // Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Гатчинский дворец. Кн. 1. М., 2004. С. 86.

⁴ Игнатьев А. А. На фронте. 50 лет в строю. М., 2013. С. 82.

русской кавалерии в царствование Александра III можно считать относительно успешную модернизацию, но ее воинский дух, поколебленный реформами Сухотина и Ванновского, оставлял желать лучшего¹.

В 1895 г., в самом начале нового царствования, была восстановлена должность генерал-инспектора кавалерии; на это место был назначен «кавалерист Божьей милостью»² великий князь Николай Николаевич младший, любимый в армии. Тогда же была восстановлена традиция проведения пышных парадов и смотров, прежде всего так называемого Майского парада, отмененного Александром III, — грандиозного зрелища, завершающего зимний сезон Петербургского гарнизона. В том же году приступили к обсуждению грядущего празднования столетнего юбилея Кавалергардского полка (его с размахом отметили в 1899 г.); Конная гвардия позирует для масштабных батальных полотен в Императорской Академии художеств³.

Характерной приметой парадных мероприятий этого времени стало тяготение к большим формам. Одним из самых масштабных в истории русского парада и зримым воплощением мощи русской армии стал грандиозный парад, проведенный 5 сентября 1902 г. в рамках Больших Курских маневров: его участниками стали более 90 000 военнoслужаших Московского, Киевского, Одесского и Виленского военных округов⁴. В качестве аналогов могут быть названы лишь два события первой половины XIX в.: парад при Вертю в августе 1815 г., когда победоносная русская армия в 150 000 человек презентовала себя союзным монархам и европейским военачальникам, и стотысячный парад, сопровождавший открытие Александровской колонны в августе 1834 г.

¹ Шаниро Б. Л. Русская конница на рубеже веков: Belle Époque или Fin de Siècle? // Человек и культура. 2019. № 5. С. 82–93.

² Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. С. 42.

³ ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 496. Письмо командира Кавалергардского полка великому князю Николаю Михайловичу о праздновании юбилея полка. Сентябрь 1895 г. Л. 1 — 4 об. (Приложение 22); Давыдов Б. Б. «Верхом на лошади и в латах». Письмо художника А. Д. Кившенко великому князю Павлу Александровичу. 1895 г. // Исторический архив. 2007. № 2. С. 211–212.

⁴ Коровин В. В. Романовы и русская армия: участие Николая II и члeнов императорской семьи в Больших маневрах 1902 года // Былые годы. 2013. № 30 (4). С. 53–59.

На рубеже XIX–XX вв. гигантомания русского парада вновь обозначила совершенство подготовки армии. Масштабными военными парадами отметили 200-летие Санкт-Петербурга в 1903 г., в 1909 г. — 200-летие Полтавской битвы¹. Высочайшим приказом было изменено старшинство Лейб-гвардии Конного полка с 7 марта 1721 г. на 16 июня 1706 г., с тем, чтобы помпезно отметить и это двухсотлетие².

Майские дни 1910 г. были наполнены парадами и конными празднествами по случаю 100-летнего юбилея Офицерской кавалерийской школы (далее — ОКШ)³. С размахом отпраздновали великое событие русской военной истории — 100-летие Отечественной войны 1812 г. Войска и воспитанники военно-учебных заведений 26 августа 1912 г. прошли церемониальным маршем перед Александровской колонной; в тот же день состоялся парад на Бородинском поле, в Высочайшем присутствии и в присутствии ветеранов, очевидцев и современников Отечественной войны 1812 г.⁴ Менее года спустя, в феврале 1913 г., военными парадами отметили 300-летие царствование дома Романовых⁵.

Приготовления «людей и коней к параду, [чтобы] вывести их чистыми игрушечками на смотр»⁶ вновь обрели смысл, утраченный в царствование Александра III, который отменил традиционные парады и смотры. По свидетельству современников, перед особо значимыми торжествами, как в старину, «румянили щеки солдатам, пользуясь для этого соком красной свеклы...

¹ Военная столица Российской империи: в фотографиях конца XIX — начала XX веков. СПб., 2004. С. 81; Шелаев Ю. Б., Шелаева Е. И. Российская империя накануне крушения. СПб., 2014. С. 90–91.

² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 298. Л. 3. Переписка и приказы по Лейб-гвардии Конному полку о порядке празднования 200-летия полка. 1912 г. (Приложение 23).

³ Юбилейные дни столетия Офицерской кавалерийской школы // Вестник русской конницы. 1910. № 9. С. 385–398; Юбилейные дни столетия Офицерской кавалерийской школы // Вестник русской конницы. 1910. № 10. С. 433–441.

⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 415. Л. 3–5. Церемониал празднования 100-летия Отечественной войны, списки лиц, участвовавших в праздновании. Август 1912 г.; РГАКФД. Император Николай II производит смотр войск в дни празднования 100-летия Отечественной войны 1812 года. 1912 г. 5–3855.

⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 344. Л. 2–3. План построения войск при торжественном выезде Николая II в день празднования 300-летия царствования дома Романовых. 21 февраля 1913 г.; ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 963. Л. 1–14. Церемониал празднования 300-летия дома Романовых. 21 февраля 1913 г.

⁶ Трубецкой В. С. Записки кирасира... С. 118.

фабрили краской усы, дабы придать всем людям одинаковый вид красавцев. Делалось все это без шуток, серьезно и даже благоговейно»¹. Помпезные военизированные зрелища вновь стали значимой частью имперской культуры, обозначая и память о былых подвигах русской армии, и жажду новых триумфов.

Полки буквально требовали замены навязанного реформой 1882 г. «мужицкого» мундира, который, в силу известных взглядов царя-миротворца, не был и не мог быть овеян военной славой. Все большую популярность приобретала идея возрождения мундира исторического, поскольку в массовом сознании «с кепи связывались славные воспоминания Шипки и Шейнова, а с лацканами и ментиками... предания Фридланда и Бородина»². Эти годы видятся «праздничной эпохой русской жизни... когда непоколебима была вера в славу русского оружия»³.

Долгожданные реформы мундира прошли в 1907–1909 гг.; по их итогам полкам были возвращены традиционные мундирные формы, дополненные множественными отсылками к давно ушедшим временам. Так, в преддверии столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. полкам был возвращен кивер как вещественное олицетворение побед русской армии. Часть полков получили кивера с султанами, отчасти схожими с киверами образца 1812 г.; особые высокие кивера с султанами и кутасами, весьма схожие с историческими, получил Генштаб, генералитет, гвардейская конная артиллерия и гвардейские драгуны.

В армейской кавалерии были восстановлены гусарские и уланские полки с их историческими наименованиями и эффектной парадной формой, включая уланки и ментики. Весьма нарядная парадная форма была пожалована национальным конным формированием (Крымскому и Дагестанскому полкам, Осетинскому и Туркменскому дивизионам). В новую форму переоделись кавалерийские училища. Сапоги — важнейшая деталь кавалерийской экипировки — теперь делаются по новой, эффектной моде, с гладкими жесткими голенищами (гвардейские образца 1908 г.) Эфесы всех родов офицерского холодного оружия

¹ Трубецкой В. С. Записки кирасира... С. 119.

² Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. С. 12.

³ Багрецов С. Н. Памяти генерал-лейтенанта В. А. Цурикова // Вестник русской конницы. 1911. № 1. С. 29.

украшаются вензелем царя¹. Возвращается утраченный в александровское время кавалерийский шик, поддержанный модой на ношение мужских корсетов² (модой, казалось бы, ушедшей в середине XIX столетия и вновь воскреснувшей).

В итоге, по воспоминаниям современников, триумфальные шествия «красивых, как боги» кавалеристов³ воскрешали в памяти «давно отжившие времена эпохи Александра I и Николая I»⁴, когда «на краю поля, со стороны инженерного замка, появлялась блиставшая на солнце подвижная золотая конная масса... кавалерийские полки выстраивались в резервные колонны, занимая всю длину Марсова поля, противоположную Летнему саду... шашка [генерал-инспектора кавалерии Николая Николаевича младшего] опускалась, и по этому знаку земля начинала дрожать под копытами пятитысячной конной массы, мчавшейся к Летнему саду. Эта лавина останавливалась в десяти шагах от царя. Так оканчивался этот красивый спектакль»⁵.

Новым эстетическим идеалом эпохи стал идеализированный образ военного, высказанный двадцатилетним офицером Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка В. С. Трубецким: «прекрасно быть человеком красиво одетым, человеком чести, человеком, всегда носящим оружие — военным человеком — защитником родины»⁶.

Однако эта идеализация происходила на почве негативных настроений, естественным образом связанных с декадентскими переживаниями «*Fin de Siècle*» и «перелома веков»⁷. Они

¹ Введенский Г. Э. Пять веков русского военного мундира. С. 105–107; Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века. С. 91–94; Ключков Д. А. Обмундирование, снаряжение и вооружение... С. 109.

² Хорошилова О. А. Костюм и мода Российской империи. Эпоха Николая II. М., 2012. С. 96.

³ Трубецкой В. С. Записки кирасира... С. 72.

⁴ Игнатьев А. А. На фронте. 50 лет в строю. С. 94.

⁵ Там же. С. 108–111.

⁶ Трубецкой В. С. Записки кирасира... С. 22.

⁷ Обе культуры «перелома веков» занимали довольно продолжительный отрезок, который можно определить в диапазоне с 1884 по 1917 г. См.: Шаниро Б. Л. Ахроматическая мода рубежа веков: Belle Époque или Fin de Siècle? С. 51–72. Обыкновенно бытование обеих культур ограничивают 1890–1914 гг. См.: Steinberg M. Russia's fin de siècle, 1900–1914 // Cambridge History of Russia. Cambridge, 2006. P. 65–93. Однако нижней границей явления правомерно

представляли собой глубокое и неразрешимое противоречие с *Belle Époque*, сосуществуя параллельно. В России это противостояние протекало особенно тяжело. Из-за социополитического отставания страны *Fin de Siècle* имел временной сдвиг: он начался позже, чем в Европе, и продолжался дольше; появившееся из-за этого ощущение запоздалости связывалось с декадентскими настроениями¹, активизированными поражением в Русско-японской войне.

То и дело высказывались замечания, согласно которым кавалерия как самостоятельная ударная сила исчерпала свои возможности: с началом нового века, в условиях стремительно растущей механизации армии, ее роль является не более чем вспомогательной, и, следовательно, затраты на этот дорогостоящий род войск не оправданы. Для того чтобы кавалерия могла удовлетворять условиям современного боя, от нее в очередной раз ожидают² увеличения подвижности, так как она все еще представляет собой «единственное маневренное средство оперативного уровня... обеспечивает высокий темп наступления армий и фронтов в целом <...> и для возможности своей работы должна владеть большим пространством»³. Кавалерия⁴,

считать и 1886 г., время первого появления выражения «*Fin de Siècle*» как особого понятия, характеризующего эпоху, либо даже 1884 г., когда Поль Верлен в своем «Томлении» (стихотворение «*L'angeur*» из сборника «*Jadis et Naguère*») пишет: «*Je suis l'Empire à la fin de la décadence...*» См.: Верлен П. Томление. Цит. по: Зенкин С. Н. «Декаданс» в идейном контексте современности // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2014. № 6 (98). С. 113–122. В 1886 г. выражение «*Fin de siècle*» было отмечено в романе Эмиля Золя «Творчество» (*L'Œuvre*) и в первом номере газеты Анатолия Бажо «*Le Décadent*» (от 10 апреля 1886 г.). См.: Hutchinson B. Lateness and Modern European Literature. Oxford, 2016. P. 223. Понятие «*Belle Époque*» оформилось уже после Первой мировой войны как ностальгическое. См.: Holmes D., Tarr C. A Belle Époque?: Women and Feminism in French Society and Culture 1890–1914 (Polygons: Cultural Diversities & Intersections). New York, 2006. P. 1.

¹ Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и *fin de siècle* в России. М., 2008. С. 5.

² Сухомлинов В. А. [Бондаренко Остап]. Конница «*fin de siècle*». СПб., 1893. С. 3–30.

³ Оськин М. В. Крах конного блицкрига... С. 160, 184.

⁴ Сравнение «золотого» и «серебряного» веков, это «во-первых, сравнение двух сопоставимых между собой эпох, одна из которых, позднейшая, стремится списать славу прошлого; во-вторых, — их смысловая близость, даже сходство, вызванное тяготением культурной современности к нетленным идеалам классической поры... с одной стороны, притязания на „блеск“

тоскующая по упущенному «невозвратно-счастливному» (по Герцину) «Золотому веку», втягивается в очередной виток технологической гонки.

3.3.4. СПОРТ И ВЛАСТЬ В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ. ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Классическая манежная подготовка в это время переживала серьезный кризис, не имея возможности предложить результаты, сколько-нибудь адекватные современным боевым требованиям. Начались поиски новой доктрины, желательной четкой и простой системы, годной для быстрой переподготовки огромной массы личного и конского состава: при воцарении Николая II в русской кавалерии числилось 50 номерных драгунских полков, Финский полк и 18 гвардейских полков. В дальнейшем ее численность лишь увеличивалась, несмотря на разговоры о боевой несостоятельности (на начало Первой мировой войны русская кавалерия включала 124 полка армейской кавалерии, к концу 1917 г. — до двух с половиной сотен полков, в том числе более 70% казачьих)¹.

Было предложено несколько концепций, различных по полноте раскрытия вопроса и по сумме усилий, требующихся для их реализации.

Официальное направление было представлено учением Дж. Филлиса. В 1898 г., по настоянию Николая Николаевича младшего и А. А. Брусилова, этот знаменитый наездник был приглашен в ОКШ, где и оставался в качестве старшего преподавателя до 1909 г. Основой своей системы Филлис называл длительную, систематическую и вдумчивую манежную работу, как базу, на которой впоследствии могла быть развита полевая работа. По сути, система представляла критическую переработку методов великого Боше (так называемых трех золотых ключей

культурных достижений, их значительность и универсальность, „нетленность“, сопоставимые по уровню с классикой „золотого века“; с другой же стороны, речь каждый раз шла об ином типе „благородства“ металла и формирования новой системы ценностей культуры — в споре с „золотым запасом“ классики, в „конкуренции“ с классической эпохой». См.: *Кондаков И. В. Культура России...* С. 219–220.

¹ Там же. С. 10–12; *Ненахов Ю. Ю. Кавалерия на полях сражений XX века: 1900–1920 гг.* Минск, 2004. С. 32–33.

Боше) его учеником¹. Учениками Филлиса, в свою очередь, были А. А. Брусилов, Д. П. Багратион, К. Г. Маннергейм, С. М. Буденный, П. Н. Краснов и многие другие.

Нужно отметить, что Филлис также работал над выездкой лошадей; мэтр подготовил несколько десятков лошадей высшей школы и несколько сотен лошадей «обыкновенной выездки»²; в том числе для генерал-инспектора кавалерии Николая Николаевича младшего. Итогом его многолетних трудов стало обеспечение русской военной элиты высокоэстетичным и универсальным чистокровным конским составом, прекрасно показавшим себя и в манеже, и на тяжелых полевых испытаниях³.

Опыт ОКШ также использовался Императорской Николаевской военной академией и жандармерией⁴.

Кроме того, был довольно хорошо известен опыт Кавалерийской школы в Сомюре (Франция): оттуда в Россию привозили не только превосходно выездженных лошадей, но и передовые методики их подготовки⁵. Определенную популярность имела система подготовки авторства Н. И. Звегинцева, офицера Гусарского Его Величества Лейб-гвардии полка, одного из первых отечественных рекордсменов по прыжкам в высоту⁶.

Однако чаще всего спортивные успехи российских конников связывали с повальным увлечением «облегченной» системой Каприлли, молодого итальянского наездника, победителя международных соревнований в Турине в 1902 г., преподавателя конных школ Тор-ди-Квинто и Пинероло (до своей смерти в 1907 г.). В России учение Каприлли было воспринято весьма горячо, что

¹ Кортес Г. Всадник Европы. С. 16; Левицкий А. А. Генерал Брусилов // Военная быль. 1968. № 89. С. 32; Левицкий А. А. Русский Сомюр. С. 22.

² Иванов М. С. Возникновение и развитие конного спорта. С. 65.

³ Оськин М. В. Крах конного блицкрига... С. 184; Кортес Г. Всадник Европы. С. 159; Филлис Дж. Основы выездки и езды. М., 1990. С. vii, 6.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 10751. Л. 1–2. По ходатайству корнета Петербургского жандармского дивизиона Петрова о прикомандировании его к переманному составу Офицерской кавалерийской школы для прохождения курса. 1905–1906 гг.; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 16364. Л. 1–10. О командировании ротмистра Вилламова в Офицерскую кавалерийскую школу для изучения инструкторской обязанности верховой езды; ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 193. Л. 3 об. Письмо начальника Николаевской академии Генерального штаба П. Д. Святополк-Мирскому. 1902 г. (Приложение 24).

⁵ Левицкий А. А. Русский Сомюр. С. 21.

⁶ Рубец И. Ф. Почтовый ящик // Военная быль. 1959. № 38. С. 25.

впоследствии дало стране плеяду выдающихся конников — братьев А. П. и П. П. Родзянко, М. М. Плешкова, Д. Ф. Эксе и др.

Впервые мастерство российских конников на международном уровне было представлено на Играх II Олимпиады в Париже (1900) — в соревнованиях по преодолению препятствий и в показательных гонках упряжек, где участвовали офицер лейб-гвардии Конного полка В. Н. Орлов и некто Поляков, не вошедшие в число призеров¹; затем в 1902 г. — на соревнованиях по конкуру в Турине, откуда А. П. Родзянко, впоследствии названный лучшим из российских конников-спортсменов тех лет², привез передовые методы школы Каприлли.

Стабильные победы так называемой «смены богов»³ начинаются в 1910-х гг.: Г. А. Бертрена — в Лондоне (1910), М. М. Плешкова — в Вене (дважды, 1911), Д. Ф. Эксе (Лондон, 1911), К. Н. Авалова (Ливерпуль, 1912), А. Е. Панчулидзева (Вена, 1914), и, конечно же, феноменальная трехкратная победа команды русских офицеров-конкурстов в главном международном состязании по преодолению препятствий — на Золотой Кубок короля Эдуарда VII (1912, 1913 и 1914)⁴.

Распространению нового знания способствовало печатное слово: учение Филлиса, записанное им в 1890 г., в 1901 г. было переведено на русский язык и опубликовано⁵. Система Каприлли была изложена в двух публикациях: в его статье (1901) и в брошюре П. П. Родзянко, написанной по возвращении с трехлетней стажировки в пинерольской школе (1911)⁶. На страницах журнала

¹ *Concours internationaux d'exercices physiques et de sports: rapports*. Vol. 1. Paris, 1901. P. 292.

² *Горохов Ж.* Русская императорская гвардия. С. 37.

³ *Половцов П. А.* В дни затмения. Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцова в 1917 году. М., 2016. С. 116.

⁴ *Иванов М. С.* Возникновение и развитие конного спорта. С. 98; *Дмитриева Н. В.* Род Панчулидзевых на службе Отечеству // «Недаром помнит вся Россия...»: эпоха 1812 года и Русское дворянство». Материалы VIII Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2012. С. 85; Наши победы в Лондоне // *Вестник русской конницы*. 1911. № 13–14. С. 493–499; *Свечин М. А.* Записки старого генерала о былом. С. 35; Спорт // *Вестник русской конницы*. 1910. № 12. С. 563.

⁵ *Филлис Дж.* Основы выездки и езды.

⁶ *Кортес Г.* Всадник Европы. С. 159; *Родзянко П. П.* Итальянская кавалерийская школа и новый метод полевой езды и обучения ей. СПб., 1911; *Caprilli F.* Per l'equitazione di campagna // *Rivista di Cavalleria*. 1901. Vol. VII. P. 59–71.

«Вестник русской конницы» (издавался при ОКШ, 1906–1914) была развернута оживленная дискуссия, где обсуждались достоинства и недостатки той или иной школы.

Чаще других критике подвергалась итальянская школа: против поверхностной ускоренной подготовки русских каприллистов по системе, не проверенной долговременным опытом и, вдобавок, дошедшей в Россию «понаслышке через третьи руки»¹ высказывались В. А. Химец, начальник ОКШ (1909–1914), один из лучших ездоков и знатоков лошади в русской армии², С. П. Урусов и др. «В последние 2–3 года некоторые из наших молодых кавалеристов, желая усовершенствоваться в езде, побывали в Сомюрской и Пиннерольской школах и вынесли много полезных приемов управления лошадью. К сожалению, как это часто бывает у нас, русских, не имеющих достаточно терпения изучать предложенный вопрос всесторонне во всем его объеме <...> Подражатели [Каприлли] схватили... только верхушки, прибавили кое-что „от себя“, вышло „нечто“, громко названное „основой военной езды и выездки по итальянской системе“. Они говорят, что по этой системе... совершается чудо... Все существующие системы, как сложные, требующие большой физической работы, по их мнению, следует бросить как негодные, а перейти на итальянскую и тогда честь русской конницы будет спасена. Открытие это некоторым из пылкой молодежи вскружило голову», — замечал Д. П. Багратион, редактор «Вестника»³. Однако в преддверии Первой мировой войны упрощенная система Каприлли, обещающая ее приверженцам быстрый результат, становится особенно популярной; кавалерия была буквально заражена «прыжкоманией».

Все предложенные системы, отличаясь в деталях, имели одну конечную цель — подготовку квалифицированного всадника и соответствующей ему по своим качествам лошади, смелой, со свободными движениями, развитым дыханием и мускулатурой,

¹ Багратион Д. П. О выезде военной лошади // Вестник русской конницы. 1910. № 4. С. 159; Литтауэр В. С. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М., 2006.

² Энгельгардт Б. А. Воспоминания камер-пажа // Григорьев А. Б., Хазин О. А. Пажи-рыцари России: духовное наследие Пажеского Его Императорского Величества корпуса. М., 2004. С. 138.

³ Багратион Д. П. О выезде военной лошади. С. 159.

прошедшей серьезные испытания (парфорсные охоты, которые с 1897 г. вошли в обязательную программу подготовки в ОКШ, конкуры, скачки) и адаптированной к военному строю, не робеющей перед широкими аллюрами и пересеченной местностью. С назначением на пост начальника ОКШ А. А. Брусилова (1902), страстного и убежденного конника, совершенствование стало особенно убедительным; «изо дня в день вся русская кавалерия меняла свое лицо»¹, так как «старым кавалеристам тех времен и не снилось, что можно было требовать от коня»².

В числе первоочередного средства подготовки был избран конный спорт, который, как уже отмечалось, к рубежу XIX–XX столетий приобрел характер культа. При ОКШ открывается Общество конной и ружейной охоты и развития скакового дела в кавалерии (1900), чьей задачей стало руководство развитием конного спорта в русской армии. Появляются полковые общества конного спорта. В числе популярных военно-прикладных направлений конного спорта — прежде всего преодоление препятствий (т. е. конкур), барьерные либо гладкие скачки, рубка, конное фехтование, вольтижировка, реже выездка (манежная езда)³. Не была забыта и рыцарская карусель⁴. Набирают популярность дальние и стоверстные пробеги⁵.

В 1889 г. в Санкт-Петербургском Михайловском манеже были впервые проведены состязания по конкуру; с тех пор манеж занял

¹ Игнатьев А. А. На фронте. 50 лет в строю. С. 116.

² Левицкий А. А. Генерал Брусилов. С. 32.

³ Трубецкой В. С. Записки кирасира... С. 33; Вертепов Д. П. Царская сотня // Военная быль. 1956. № 18. С. 19–20; ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 750. Л. 1–2 об. Программа скачек, устраиваемая комитетом общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты. 1900 г. (Приложение 25); ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 640. Л. 1–6. Телеграммы родственников и знакомых великому князю Гавриилу Константиновичу, с приложением программы состязания в скачках с препятствиями. 1912 г.; ГАРФ. Ф. Р5972. Оп. 1. Д. 15. Л. 1. Программа конских состязаний 1 июня 1914 г. кружка любителей конского спорта Ахтырского гусарского полка.

⁴ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 281. Л. 3. Программа и правила конских состязаний в Москве 25 февраля—10 марта 1896 г. с препроводительным письмом Общества охоты великому князю Владимиру Александровичу (Приложение 26); Кочетов Ф. Е. Манежная езда и конный праздник // Военная быль. 1960. № 40. С. 20–21.

⁵ Рубец И. Ф. По поводу статьи «Спортивные воспоминания» // Военная быль. 1961. № 46. С. 30.

позицию главного соревновательного центра русской армии¹. Скачки для офицеров Петербургского гарнизона проводились на Красносельском, Царкосельском (после Русско-японской войны все реже и реже) и Коломязском ипподромах², пробеги — на Гатчинском поле и в Тяглево³. Прибытие участников стоверстного пробега по Выборгскому шоссе в Михайловский манеж было одним из кульминационных моментов спортивного сезона: ворота манежа внезапно раскрывались, и в них «влетал, весь в грязи и измученный, победитель, под бешеные овации публики»⁴.

С 1890-х гг. конкуры проводились и в Москве⁵; а затем и в других городах Российской империи. В 1913 г. на Всероссийской олимпиаде в Киеве впервые состоялось первенство России по конному спорту; состязания проводились по выездке, конкуру и троеборью.

Все чаще акцентируется необходимость немедленного доведения кавалерии до совершенства при строго практической направленности подготовки⁶, поскольку «искусство ради искусства» не может иметь места в предвоенное время⁷. «Состязания, соответствуя духу требований кавалерийской службы, не должны иметь шаблонного характера, а охватывать широкую сферу спортивных действий, способствуя развитию военного искусства, — так определял этот вопрос Устав одного из полковых спортивных обществ. — Спорт может и должен быть поощряем лишь в том случае, если преследует в конечном результате боевые цели»⁸. Суть вопроса была кратко сформулирована

¹ Михайловский манеж // Вестник русской конницы 1910. № 7. С. 324–327; Старый Петербург: юбилейный сборник воспоминаний. 1701–1953. Кн. 1. Париж, 1953. С. 51.

² ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4936. Л. 1–2 об. Список участников офицерских скачек на призы Военного министерства. Красное село, 4 июля 1914 г. (Приложение 27).

³ Свечин М. А. Записки старого генерала о былом. С. 33–35; Старый Петербург: юбилейный сборник воспоминаний. Кн. 1. С. 50; Все о лошади. С. 241; Плешков М. М. Мои воспоминания. Мюнхен, 1959. С. 3–5.

⁴ Старый Петербург: юбилейный сборник воспоминаний. Кн. 1. С. 51.

⁵ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 281. Л. 1–4.

⁶ Наставление для ведения занятий в кавалерии. СПб., 1912. С. 5–9.

⁷ Урусов С. П. Верховая езда. СПб., 1913. С. 3–4.

⁸ Устав конного кружка любителей всех видов состязаний при 1-м Лейб-драгунском Московском императора Александра III полку. Тверь, 1909. С. 2, 11.

как «манеж — средство, поле — цель»¹. «Слабая машина человек! И какую великую пользу принес бы [на театре войны] спорт, правильно культивируемый», — восклицал участник Первой мировой войны кавалерист Л. В. Саянский².

Материалы Общества конского спорта Лейб-гвардии конно-гренадерского полка дают представление о примерном распределении конных состязаний и призовых сумм для победителей — офицеров полка, победителей из нижних чинов, а также статистические данные о количестве участвующих в состязаниях офицеров. «Более половины офицерских лошадей полка принимало участие в состязаниях, причем ездоками были, за малым исключением, почти все состоящие на лицо г[оспода] офицеры», — заключалось в отчете о деятельности Общества³.

В оформлении такого подхода немалую роль сыграло убеждение, что «степень развития конного спорта в кавалерии есть верный показатель состояния техники кавалерийского дела и отечественного коннозаводства, этих двух слагаемых, на которых базируется специальная работа конницы»⁴. Участие в конных состязаниях повышало престиж военного и его воинской части; скоро сложилась практика покупки специально подготовленных лошадей к определенным состязаниям⁵.

Соответственно требованиям новой эпохи развивалось и отечественное коннозаводство: к началу Первой мировой войны в строю уже были отечественные лошади, родившиеся «для того чтобы прыгать»⁶. В итоге спортивная лошадь частично заменила собой лошадь строевую и лошадь парадную (на протяжении столетий неизменно рослую, круглотелую, даже

¹ Устав конного кружка любителей всех видов состязаний... С. 1.

² Саянский Л. В. Три месяца в бою: дневник казачьего офицера. М., 1915. С. 88.

³ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 168. Л. 2 об. Отчет Общества конского спорта Лейб-гвардии конно-гренадерского полка. 1901–1902 гг.

⁴ Перед отправлением в Лондон // Вестник русской конницы. 1911. № 8. С. 328.

⁵ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 75. Л. 5 об. Письмо председателя «Общества поощрения конного спорта в лейб-гвардии драгунском полку» Глембоцкого Карловой Н. Ф. об избрании ее почетным членом Общества. Устав Общества и программа скачек; Гримм Э. И. Воспоминания старого кавалериста // Военная быль. 1961. № 46. С. 26–27.

⁶ Лудышкин М. Я. Два аршина посемь вершков // Военная быль. 1954. № 8. С. 12.

тучную¹), что во многом способствовало модернизации конского состава армии и в итоге самой кавалерии. «Современной конницей может считаться лишь та, чей личный состав сидит на современных боевых конях. Последние же по своим свойствам должны стоять выше того конского состава, каким должна была удовлетворяться конница прошлого», — констатировал выпускник ОКШ, профессор Императорской Николаевской военной академии А. Ф. Матковский в своей «Коннице» (1913)².

Определенную роль, согласно словам Брусилова «кавалерист — не берейтор, не узкий манежный специалист, а конный воин, составляющий единое целое с лошадью»³, сыграло новое понимание единства всадника и его лошади. Люди были готовы буквально «спать в подковах... лошадей. В кавалерии всадник без лошади — ничто, и конь без всадника — тоже ничто...»⁴. Сочетание прекрасно подготовленного конского и личного состава (здесь нужно добавить, что именно кавалерия исторически комплектовалась отборными людьми) в сумме своей давали России, не преувеличивая, лучшую кавалерию как самостоятельный род войск не только в Европе, но и во всем мире⁵. Казалось, что наступает расцвет русской кавалерии, по времени совпавший с расцветом русской *Belle Époque*.

Численность кавалерии, несмотря на все негативные высказывания о целесообразности этого шага, только увеличивается: благодаря «Большой программе по усилению армии», принятой в 1913 г., произошло увеличение вооруженных сил на 39%, в том числе кавалерии на 8%, что позволило выделить войсковую конницу, не нарушая кавалерийских дивизий⁶.

Максимально полно используется опыт, накопленный «природной конницей» России — казаками⁷. Так, построение tradi-

¹ Бассен-Шпиллер П. С. Из воспоминаний старого улана // Военная быль. 1962. № 57. С. 27.

² Цит. по: Бегунова А. И. Сабли остры, кони быстры... С. 226.

³ Цит. по: Ненахов Ю. Ю. Кавалерия на полях сражений... С. 114.

⁴ [Геринг А. А.]. О наших сверхсрочных // Военная быль. 1972. № 118. С. 46.

⁵ Оськин М. В. Крах конного блицкрига... С. 105; Ненахов Ю. Ю. Кавалерия на полях сражений... С. 69.

⁶ Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне. М., 1926. С. 92.

⁷ ГАРФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 78. Речь великого князя Николая Николаевича, произнесенная в войсковом кругу Войска Донского. 6 мая 1914 г.

ционной казачьей конной лавой было заимствовано регулярной кавалерией в качестве основного для конной атаки¹. В поисках путей развития казачья военная культура идеализируется едва ли не больше исторически сложившейся имперской². Появляются рассуждения, что модернизированная прилитием «первобытно-могучей»³ казачьей культуры русская кавалерия станет главной ударной силой: «неудержимые конные лавы будут сметать врага, преследовать и рубить бегущих, перехватывать тыловые коммуникации, сеять хаос и панику и, в конечном счете, решать исход боевых действий»⁴.

События середины — второй половины 1910-х гг. разрушили эти надежды. Летом 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну с составом в 36 кавалерийских дивизий (24 дивизии с 12 конными орудиями каждая, 8 отдельных бригад и несколько отдельных частей, общим числом в 732 эскадрона/сотни, включая первоочередные казачьи части)⁵. В ходе войны было произведено до 400 конных атак⁶, однако, не имея навыков действий в современном общевойсковом бою, согласно самым скептическим прогнозам, кавалерия все более утрачивала себя в качестве самостоятельной ударной силы.

¹ Оськин М. В. Крах конного блицкрига... С. 65; Наставления для действия казачьих частей лавами. СПб., 1899; Ненахов Ю. Ю. Кавалерия на полях сражений... С. 115.

² Ключков Д. А. «Отличные храбростью...» Собственный Его Императорского Величества конвой. М., 2014. С. 274.

³ Ненахов Ю. Ю. Кавалерия на полях сражений... С. 78.

⁴ Оськин М. В. Крах конного блицкрига... (аннотация).

⁵ Только ежегодный ремонт в годы Первой мировой войны составлял 100 000 лошадей. См.: Киборт М. И. «В России верхом не ездят»: история национальных пород лошадей тесно связана с историей нашей страны // Родина. 2006. № 5. С. 63. К Октябрьской революции 1917 г. численность кавалерии РИА возросла примерно в 2 раза. См.: Бахтияров Р. С. Конь для армии: оценка использования в военных целях в первой половине XX века // Историко-педагогические чтения. 2016. № 20–1. С. 101.

⁶ Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне. С. 93; Еленевский А. И. Военные училища в Сибири // Военная быль. 1963. № 61. С. 26; Оськин М. В. Крах конного блицкрига... С. 38; Рубец И. Ф. Конные атаки Российской императорской кавалерии в Первую мировую войну // Военная быль. 1964. № 68. С. 15–18. Превосходные боевые качества русской кавалерии как лучшей конницы в мире, как и ее отдельные достижения в ходе этой войны, заслужили беспорное признание. См.: Катцер Н. Лошади и всадники: о животных и людях в «войне машин» XX века // Личность, общество и власть в истории России. Новосибирск, 2018. С. 138.

Бой 10-й русской кавалерийской дивизии легендарного военачальника, генерала от кавалерии, замечательного кавалериста и «первой шашки России»¹ Ф. А. Келера и 4-й австрийской кавалерийской дивизии Э. фон Зарембы под Ярославице в самом начале Первой мировой войны (8 августа 1914 г.) стал самым масштабным кавалерийским сражением этой войны и последним крупным кавалерийским сражением в мировой истории, всадники которого действовали исключительно холодным оружием (шашками и пиками)². «Тонкой истройной линией... полки спускались в ложину <...> Первая шеренга австрийского строя на мгновение замерла и как бы поднялась на воздух, нанизанная на русские пики, — вспоминал А. В. Сливинский, участник сражения и «боевой ученик» Ф. А. Келера. — Раскатами барабанной дробы посыпались шашечные и сабельные удары, то глухие, то резкие, металлические в тех случаях, когда шашка встречала на своем пути железные каски. Серые защитные рубашки наших всадников просачивались между австрийскими голубыми ментиками. Видно было, что обе стороны начали расстраиваться и смешиваться в общую массу... всадник рубил всадника»³.

Бой у Ярославице стал последним отзвуком старой школы; «этот случай характерен, как показатель того, насколько крепко эти принципы въелись в плоть и кровь тогдашних конников. Но вернуться вспять больше не удалось; за исключением этого боя конница не видела больше кавалерийских дуэлей „большого стиля“, зато вынуждена была драться на широких фронтах, используя огонь и маневр и широко прибегая к пешим боям», — констатировал кавалерист В. И. Микулин в попытке увидеть будущее русского всадника в новом «технологическом» веке⁴.

¹ Карпов Н. Д. Трагедия Белого Юга. 1920 год. М., 2005. С. 21.

² В бою с обеих сторон приняли участие 2 500 всадников. См.: Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. М., 2014. С. 171. Участник сражения А. В. Сливинский полагает, что общее число участвовавших всадников более 3 000. См.: Сливинский А. В. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8 (21) августа 1914 года у д. Ярославице. Сербия, 1921. С. 41.

³ Там же. С. 13–15.

⁴ См.: Микулин В. И. Проблема реорганизации высших соединений конницы // Война и революция. Кн. 12. М.; Л., 1929. С. 33. Сам Микулин, окончивший Елисаветградское кавалерийское училище и воевавший в уланском полку,

Фетишизация исторического мундира и культ конного спорта, чрезмерно развитые в армии, привели не только к поднятию воинского духа и к повышению качества подготовки, но и к тому, что многие кавалеристы не интересовались повседневной строевой работой или не были способны к ней¹. По словам Ф. А. Келлера, «школа забыла, что она воспитывает не берейторов, а строевых офицеров и средство... превратила в цель»².

Взращенная с таким тщанием, русская кавалерия не сыграла и четверти той роли, какую должна была. Обращенная более в свою историю, нежели в будущее, не имея возможности выполнить возложенные на нее задачи, она оказалась практически безоружной перед лицом современной войны. Начало Первой мировой войны, казалось, стало началом и ее конца.

3.3.5. «ГОСУДАРЬ, КОНЕЧНО, БЫЛ ВЕРХОМ...» НАЧАЛО НОВОЙ ИСТОРИИ?

В экстремальных условиях перелома веков, культур (*Belle Époque* и *Fin de Siècle*, мира и войны) и поиска национальной идеи наибольшую востребованность получают образы героев русской национальной истории, наделенных и универсальными, и национально-культурными особенностями; свое воплощение они получают в традиционном цикле «смерть — возрождение — бессмертие»³. Так, молодому императору Александру III приводили в пример Александра Невского⁴: как олицетворение национальной воинской славы, он защищал границы земли Русской, а после смерти стал ее небесным заступником.

галантливый кавалерист, с 1916 г. перешел в военную авиацию, с лета 1919 г. вернулся в кавалерию. См.: Дубинский И. В. Примаков. М., 1968. С. 87. История характерная и показательная.

¹ Трубецкой В. С. Записки кирасира... С. 34, 45; Эксе Д. Ф. К статье Дрозд-Бонячевского «Увлечение спортом в кавалерии» // Вестник русской конницы, 1911. № 8. С. 325–327.

² Оськин М. В. Крах конного блицкрига... С. 22.

³ Хоружая С. В., Салчинкина А. Р. Архетипические основы образа героя-казака в годы Кавказской войны // Общество: философия, история, культура. 2016. № 10. С. 13.

⁴ В наставлении, написанном М. Толстым по смерти цесаревича Николая Александровича. См.: Уортман Р. С. Сцепарии власти... Т. 2. С. 248.

Обращение к национальным истокам происходит на фоне отказа от возвеличивания петровской европеизированной культуры; основообразующим периодом для современной России стало считаться русское царство Московского периода¹. Идеологическое наследие Московской Руси было призвано придать Российской империи самобытную национальную окраску, а ее императору — подтверждение национальной состоятельности².

Новый миф — о возвращении национальных традиций, о культурной преемственности между Московской Русью и Российской империей, о восстановлении империи после перенесенного кризиса³ — возвеличивал Российскую империю и ее императора; так Александр III был объявлен родоначальником нового периода русской истории⁴.

Коронация 1883 г. служит примером того, как реальные образы русской истории уступают место эпическому образу. В центр национального мифа здесь помещен всадник в русской шапке и сапогах, верхом на белом коне⁵. Конь в имперском церемониале выступает как традиционный для русской культуры спутник героя в его апофеозе и как символ возрождения: «...процессия совершалась по церемониалу... Государь, конечно, был верхом», — отмечал в дневнике П. А. Валуев, государственный деятель, близкий двору⁶.

Особый смысл в церемониале отдавался «вседанию государя на конь», что подчеркивалось и в «больших», т. е. важнейших государственных церемониях, и во всех прочих его разновидностях (траурных, брачно-семейных, воинских, дипломатических и т. д.)⁷. «Когда государь император изволит сесть на коня... тогда шествие начнется», — гласил придворный церемониал бракосочетания (въезда королевны Александры Георгиевны, не-

¹ Уортман Р. С. Сценарии власти... Т. 2. С. 286, 593.

² Ахизер А. С., Клямкин И. М., Яковенко И. Г. История России... С. 233.

³ В том числе после кризиса царевича 1881 г.

⁴ Уортман Р. С. Сценарии власти... Т. 2. С. 302, 324, 506.

⁵ Развитие идеи продолжилось в 1896 г. См.: Торжественный въезд Николая II в Москву 9 мая 1896 г. См.: Коронационный сборник. Т. 2. СПб., 1899. Без пагинации (Рис. 17).

⁶ См.: Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. С. 337.

⁷ Шапиро Б. Л. Русский всадник в парадигме власти: последние Романовы // Культурный код. 2020. № 1. С. 92–96.

песты великого князя Павла Александровича, 1889)¹. «Государь император и государи великие князья изволят выйти из Дворца и в воротах оного сесть на коней; после чего его величество изволит принять начальство над... войсками», — сообщал другой церемониал (торжественного открытия памятника императору Николаю I, 1859)². Очевидно, действо открывало наиболее значимую часть церемониала.

Как и в старомосковской традиции, среди качеств государя особо отмечались величавость верховой посадки и умение подчинить коня своей воле, ассоциативно сравнивая эти навыки с умением властвовать.

Это традиция, складывавшаяся в правящем доме столетиями, при переломе культур приводила — не могла не привести — к курьезам. Показательна история одного смотра, рассказанная его очевидцем, главнокомандующим войсками Петроградского военного округа генералом П. А. Половцовым. «...В Петрограде после революции несколько раз заходил разговор об устройстве парада, но каждый раз вопрос откладывался... Решили мы произвести смотр... Прибыв на плац в Павловск, я сел на лошадь для своего объезда, и в это время старший из придворных конюшенных меня спросил, какую лошадь дать Военному министру [А. Ф. Керенскому]? Говорю, что самую спокойную. Конюшенный спрашивает: „Можно эту?“, показывая на какого-то *белого зверя*. Соглашаюсь и только потом вспоминаю, что это та лошадь, на которой Государь всегда ездил, когда был в гусарской форме.

Нужно заметить, что накануне по поводу верховой езды был с Керенским разговор. Он очень сильно упирался, уверяя, что... ему доктора запретили ездить верхом. Я ему доказал, что обходить конный строй пешком немыслимо (даже революция не может изменить смысла русской пословицы, по которой конный пешему не товарищ), и что его мысль — объехать фронт на автомобиле рискованна... Итак... подъехал автомобиль Керенского.

¹ ГАРФ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 281. Л. 1 об. Церемониал въезда королевны Александры Георгиевны и бракосочетания великого князя Павла Александровича с королевной Александрой Георгиевной. 1889 г.

² ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 532. Л. 1 об. Церемониал открытия памятника императору Николаю I. 25 июня 1859 г. «По выходе из экипажа государь император изволит сесть на коня и начать объезд войск». См.: ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 803. Л. 3 об. Церемониал встречи в Санкт-Петербурге персидского шаха.

Он взгромоздился на седло, и, взяв в руки мундштучный повод с одной стороны и трензельный с другой, поехал по фронту, в то время, как один конюх следовал пешком у головы лошади, по временам давая ей направление, а другой бежал сзади, вероятно, с целью подобрать Керенского, если он свалится. Рожи казаков запасной Сводно-Гвардейской сотни не оставили во мне никаких сомнений относительно впечатления, произведенного объездом»¹.

История, приключившаяся с незадачливым представителем новой власти, в тот же вечер стала предметом живых обсуждений и кривотолков: среди прочего обсуждалось «благородное животное, стойко вынесшее оскорбление»². Пример, тем более показательный, что единение всадника и его лошади исторически отмечалось как имеющее особую ценность. Конь, «с которым

¹ Половцов Н. А. Дни затмения: записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцова в 1917 году. Paris, 1918. С. 92–94. Интересно сравнить Павловский смотр 1917 г. с Высочайшим смотром, который проходил годом раньше (май 1916). Описание смотра 3-го конного корпуса Ф. А. Келера принадлежит Ю. А. Слѣзкин, офицеру и военному публицисту: «Воинственно прекрасную картину представляла собой эта соборная в одном месте внушительная масса разнообразной по типу русской конницы. Вот регулярные полки 10-й Кавалерийской дивизии: нарядны нервные рыжие кони Новгородских драгун. На прочной гнедой масти лошадях сидят Одесские уланы. Серебром отливают серые кони „голубых“ Ингерманландских гусар. Их одноподполковники — Наследника Цесаревича Оренбургские казаки, — как вросшие сидят на своих маленьких, крепко сбитых, сибирских лошадях. А какой былинной чисто русской удалью веет от чернобровых красавцев донцов, с лихо выбивающимися из-под фуражек чубами и как статны их быстроногие степняки! Вдруг со стороны Хотина показался скачущий во весь опор „махальный“. Лицо командира корпуса отразило радостное волнение. Своим зычным голосом граф Келлер скомандовал: „Корпус смирно! Шашки вон — пики в руку! Равнение направо! Господа офицеры!“ Начальники дивизий и командиры полков подхватили команды. Весь корпус в одном радостном порыве повернул головы направо... Дав шпоры своему гунтеру, граф Келлер поскакал навстречу приближавшейся от города большой группе всадников. Все ближе и ближе видны идущие крупной рысью всадники и впереди всех, на светло-сером коне Государь!!! Трубаچی Новгородского полка заиграли „встречу“! Послышалось приветствие Государя, покрытое громким, радостным ответом... перешедшим в громовое „ура“... Объехав все части корпуса, Государь занял место, чтобы пропустить полки церемониальным маршем. Раздались громкие команды, и, сделав „заезд повзводно направо“, корпус перестроился в колонну для прохождения перед Царем. Под звуки своих полковых маршей полк за полком начал проходить перед Царем бесконечные ряды покрытой славой русской Императорской конницы». См.: Слѣзкин Ю. А. Голубые гусары. Очерки и рассказы. Буэнос-Айрес, 1953. С. 10.

² Половцов П. А. Дни затмения... С. 93.

связан службой, с которым обручился на всю жизнь, избрав его своим оружием»¹, издавна был первым и главным символом русского всадника (наряду с другими атрибутами — шпорами, кавалерийскими сапогами и саблей/шашкой²). Эта связь особенно наглядно выражалась в погребальной практике: во время печального парада любимую лошадь покойного вели рядом с похоронной колесницей; тут же несли шпоры, символизировавшие его воинскую славу. «Вот за гробом первым идет в черной попоне, ведомый двумя [сослуживцами] — его конь... которого избрал он, чтобы делить и радости, и горести, и славу, и печаль своей кавалерийской службы. Он идет впереди всех, впереди сестры, впереди невесты, родственников, впереди громадной, блестящей толпы провожающих офицеров — товарищей. Он — символ кавалерийской службы», — отмечалось в некрологе, посвященному одному из офицеров-конников³.

Стоит учесть и самостоятельное символическое значение белого коня: среди всего массива идей о связи всадника и лошади всадник верхом на белом коне выделялся особо. За тысячелетие русской истории этот символический образ прошел трансформацию от священного военачальника небесного воинства до государя-защитника Отечества и триумфатора, создателя огромной и могущественной империи; именно в нем оформились массовые ожидания от верховной власти. Торжественные выезды государя на белом коне стали олицетворением верховной власти. Именно белые лошади использовались в царских выездах при коронациях — этих символических формах публичной презентации власти — на протяжении всей русской истории;

¹ Памяти штабс-ротмистра Г.А. Фертова // Вестник русской конницы. 1910. № 4. С. 186.

² Арсеньев А.А. «Науки» и «капониры». Страничка из жизни НКУ 1915–16 гг. // Военная быль. 1961. № 51. С. 40–42; Балабин Е.И. Донской КК в Новочеркасске // Военная быль. 1973. № 122. С. 5; Марков А.Л. Кадеты и юнкера. Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне // Марков А.Л. Кадеты и юнкера. Никитин В.Н. Многострадальны. М.: Воениздат, 2001. С. 61, 71–72; Фурман (полковник). Елисаветградское кавалерийское училище // Военная быль. 1956. № 20. С. 8. «Эх, была бы волюшка / Во широком полюшке / Мне бы острую шашку / Да буланого коня», — поется в известной казачьей песне.

³ По смерти Г.А. Фертова, штабс-ротмистра 8-го Астраханского драгунского Николая Николаевича полка. См.: Памяти штабс-ротмистра Г.А. Фертова. С. 186–187.

не был исключением и ее имперский период¹. «[Коронационное] шествие открывал кавалергардский эскадрон, за которым ехал верхом на белом коне царь в мундире преображенцев, первого и старейшего полка русской гвардии», — вспоминал очевидец последней коронации Романовых².

Развитие трактовки тема получила в дни Первой мировой войны. На плакатах, героизирующих роль России в этом конфликте, Николай II изображался в виде аллегорической фигуры русского богатыря-всадника на белом коне, окруженного воинами, спешащими на бой; сюжет был назван «Священная война. Могучая Русь», а его главный герой — «царем-надежей»³.

Стоит отметить, что всадник на белом коне был еще и символом Георгия Победоносца, чей собирательный образ святого защитника сложился еще в ранний период русской истории. В фольклорной традиции он приобрел роль народного покровителя, фигурируя под именем Егория Храброго. В годы Первой мировой этот образ принимает великий князь Георгий Михайлович: рожденный на Кавказе, где еще сохранялся символизм этого имени, на театре войны он задействуется для награждения нижних чинов солдатскими «Егориями» — георгиевскими крестами⁴, замещая фигуру императора⁵.

¹ Коронационный альбом в память священного коронования... С. 3. Коронационные торжества. Альбом священного коронования их императорских величеств государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Федоровны. М., 1896. С. 58; и т.д.

² *Игнатьев А. А.* На фронте. 50 лет в строю. С. 84.

³ Специалистами МО «Музей Москвы» плакат интерпретируется следующим образом: «В центре изображена аллегорическая фигура царя — Николая II, в виде рыцаря на белом коне, окруженного воинами, спешащими на бой». См.: Госкаталог.РФ. Министерство культуры РФ. Плакат. Священная война [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=18169079> (дата обращения 25.12.2019) (Рис. 18).

⁴ На сегодняшний день среди более чем миллиона георгиевских кавалеров значатся десятки тысяч иноверцев. Для их награждения была создана специальная форма георгиевского креста, где изображение православного св. Георгия заменили на изображение российского государственного герба. Примечательно, что многие иноверцы отказывались получать крест с изображением герба, заявляя: «мы хотим со всадником, а не с курицей». См.: *Елисеева Н. Е., Пятрикеев С. Б., Шабанов В. М.* «Егорий» для солдата // Вестник архивиста. 2008. № 1. С. 304.

⁵ За что был награжден Георгиевским оружием. См.: ГАРФ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 13. Грамота на Георгиевское оружие, пожалованная великому князю Георгию Михайловичу. 1916 г. Л. 1; *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 76.

Принцип замещающего подобия был использован не впервые: по мере развития и усложнения военного дела роль военного лидера все чаще передается от царя к его военачальникам. Так, в годы Кавказской (1817–1864) и Русско-турецкой (1877–1878) войн народные мечты о панславянском национальном лидере обрели свое воплощение в фольклорном образе героя на белом коне: прежде всего, Н. П. Слепцова и «белого генерала» М. Д. Скобелева, которых чаще прочих сравнивали с былинными богатырями¹.

В годы Первой мировой войны фольклорная парадигма получила свое дальнейшее развитие в истории донского казака К. Ф. Крючкова. Начальствуя разъездом из четырех донцов, в бою 30 июля (12 августа) 1914 г. он уничтожил кавалерийский разъезд противника в составе 27 (по другим данным — 22) человек; сам Крючков получил 16 ран, его лошадь — 11. За свой подвиг казак получил первый в истории Первой мировой войны Георгиевский крест 4-й степени², а вместе с ним и всенародное признание, встав вровень с другими чудо-богатырями русских былин в публицистике, лубке, открытках и плакатах, стихах и песнях.

Таким образом, последние годы Российской империи ознаменовались отказом от петровской культурной концепции; декларируется возвращение к национальным истокам, т. е. к культурным формам Московской Руси. Героизированный образ всадника в этих условиях развивается прежде всего в фольклорной парадигме, где встречаются европеизированная дворянская и русская народная культура. Образ царя-защитника развивается параллельно с образом безымянного народного героя.

* * *

Последние годы Российской империи, под влиянием «перелома» веков и культур, длительных войн и апокалипсиса надвигающейся революции, ознаменовались поиском национального символа.

¹ Мамышев В. Н. Генерал-майор Николай Павлович Слепцов: жизнеописание. СПб., 1858. С. 20; Потто В. А. Исторический очерк Николаевского кавалерийского... С. 134; Уртман Р. С. Сценарии власти... Т. 2. С. 204–205.

² Нелипович С. Г. «Вырвались от противника и прибыли порезанные и израненные...» Документы РГВИА о подвиге первого георгиевского кавалера великой войны К. Ф. Крючкова // Отечественные архивы. 2014. № 5. С. 74–84.

Таким символом стал конный герой-защитник Отечества: получивший устойчивые фольклорные коннотации в обозначенных экстремальных условиях, он объединил монархию и народ.

Одним из главных результатов развития конной истории России XIX — начала XX вв. стала прекрасная, современная техническая подготовка ее кавалерии. Основы, заложенные еще в петровскую эпоху, были развиты до невиданного ранее масштаба.

Но поиски идеального образа «настоящего» всадника, истинного кавалериста велись преимущественно в прошлом: «золотым веком» русской конницы попеременно называлось сначала европейское, затем «осмынадесятый» век и, наконец, московское средневековье. Присвоение героики прошлого, казалось, обеспечивает героическое настоящее и будущее русской конницы. Это положение обеспечило наличие противоречий, создававших внутреннее напряжение эпохи. С одной стороны, образ всадника XIX — начала XX в. восходил к славным традициям русской конной истории, закладывавшимся ранее — петровским, екатерининским, павловским и т. д. С другой стороны, каждый виток технической модернизации, удачно адаптированный к русской почве, делал многое из конной традиции прошлого отжившим и ненужным.

В парадигме власти образ также развивается, будучи обращенным в прошлое: был создан национальный миф, где конный образ играет главенствующую роль. Наибольшее влияние на этот процесс оказало не фактическое начало Первой мировой войны, разделившей «старую» и «новую» истории, а ее последствия; все вышесказанное обусловило переход конной истории России на очередной этап развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПОИСКИ БУДУЩЕГО В ПРОШЛОМ

В борьбе за существование Запад стал доминировать в экономическом и политическом планах, но он не смог полностью обезоружить соперников, лишив их исконно присущей им культуры. В духовном поединке последнее слово еще не сказано.

А. Дж. Тойнби¹

Первая мировая война обозначила начало конца всей прежней истории русского всадника. С первых же дней она показала несостоятельность традиций «золотого века» конницы. Ломающая все прежние устои, война так преобразовала ход истории, что для конницы, казалось бы, не осталось места. Изменившаяся повседневность повлекла за собой смещение ценностей. Идеи и идеалы *Belle Époque* и *Fin de Siècle* ушли в прошлое; новыми ценностями стали функционализм и техницизм, моторизация, промышленное производство, рациональность и экономичность. Эти принципы легли в основу нового витка модернизма. Все громче слышались споры о судьбе конницы — но уже не о задачах и тактике, а о ее целесообразности как рода войск.

Перед конницей был поставлен выбор: закончить свое существование либо перейти на принципиально иной уровень эволюции. Этот конфликт обозначил основной вектор, который должен был получить развитие в ближайшем будущем.

Октябрьский переворот в России (1917) привел к установлению большевистской диктатуры и вызвал длительную и кровопролитную Гражданскую войну (1917–1922/23). Невзирая на появление и развитие нескольких новых видов вооружения, в ходе этой войны именно конница все еще оставалась наиболее

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2010. С. 38.

подвижным из всех самостоятельных родов наземных войск. Получившая новую организацию, «подтянув себя к требованиям современности»¹, именно конница сыграла определяющую роль в Гражданской войне.

Среди мер ее поддержки председателем Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцким был выдвинут лозунг «Рабочая революция должна создать могущественную красную конницу. Коммунист должен стать кавалеристом»; он был размещен на плакате «На коня, пролетарий» художника А. П. Апсита (1919)². Молодой революционной культуре нужен был общепонятный символ: этим символом стал красный всадник, в образе которого соединились фольклорные традиции и революционный пафос.

Победы Конармии навсегда вошли в более чем тысячелетнюю историю русской конницы, а ее командиры — прежде всего, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов — стали героями революционного культа. Образ начдива В. И. Чапаева стал знаком-символом красного кавалериста сначала в Поволжье и на Урале, а затем и во всей России: не случайно постамент посвященной ему конной статуи (скульптор П. А. Баландин, архитектор В. И. Морозов) имеет лишь надпись: «Легендарному герою Гражданской войны» и даты «1887–1919» (годы жизни В. И. Чапаева)³. Еще одно новое понятие — «ворошиловский всадник» — обозначало кадровую смену кавалерии: одноименный знак, отмечающий молодежь, отличившуюся «ударной конной работой», был утвержден ОСОАВИАХИМ с 1936 г.⁴ Революция вырастила человека нового типа, чьи качества в новой мифологеме выражались в собирательном образе буденновца. Впоследствии это название получила и новая порода «верного боевого товарища» красного всадника — его лошади (буденновская порода

¹ Терещенко В. В чем нуждается наша конница // Война и революция. Кн. 12. М., 1929. С. 47.

² Аквилянов Ю. А. Красная кавалерия в Гражданской войне в России // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 15–16 (Рис. 19).

³ Бровченко В. И. Памятник В. И. Чапаеву в Чебоксарах (краткий исторический очерк) // Чувашский национальный музей. Люди. События. Факты: альманах. Чебоксары, 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.chnmuseum.ru/files/almanac2002/almanac2002_111.pdf (дата обращения 23.12.2019).

⁴ Федоренко Л. О конной подготовке в стрелковых частях // Военный вестник. 1937. № 17. С. 38–43.

лошадей известна с 1948 г.)¹. Реальный образ становится неотделим от легенды.

Новые героические мифы о красных всадниках воплотились в художественных образах: литературных, кинематографических, музыкальных. Это трилогия романов «Хождение по мукам» А. Н. Толстого (1921–1922, 1921–1928, 1940–1941), роман «Чапаев» Д. А. Фурманова (1923), цикл рассказов «Конармия» И. Э. Бабеля (1926), фильм «Чапаев» братьев Васильевых (1934) и др. В одном из военных маршей РККА, «Марше Буденного» (братья Покрасс и А. А. Д'Актиль, 1920) нашла свое выражение слава С. М. Буденного, его Конармии и буденновцев.

Мы — красные кавалеристы,
И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ, —

с первого же куплета текст отсылает к мифологии русского героического эпоса; к древней истории адресована и музыкальная форма произведения. Так на основе русских исторических традиций был создан опоэтизированный культурный символ, по своей силе многократно превосходящий все созданное ранее по западному образцу. Запад был определяющим фактором российской жизни, ее модернизации, начиная со времен Смуты²; невероятно важным было принять западную культуру, еще более важным — достигнув результата в синхронизации, вовремя вернуться на самостоятельный путь развития.

Основные и существенные признаки образа базировались на культурно-историческом наследии царской России. В итоге культурная форма русского всадника сложилась из следующих составляемых (культурных черт):

- 1) владение кавалерийским искусством (что обусловило высокий уровень вхождения в закрытую, по своей сути, корпорацию);
- 2) культ не физической силы, но особой лихости, «русской» удали;
- 3) самоотверженная преданность власти и непримиримость к ее врагам;

¹ Иакобсен В. Боевой товарищ лошадь и уход за ней. М.; Л., 1927. С. 4.

² Ахиезер А. С. Циклизм ценностных основ российской власти... С. 34.

4) стремительность и неотвратимость кавалерийской атаки, несущей врагам ужас неизбежной кары-апокалипсиса;

5) сакральная уверенность в своей победе.

Это смыслы, которые в рамках конкретной культурной формы всегда присутствовали рядом. Символический образ, приспособленный к культурному минимуму аграрной (по преимуществу) страны, был обрисован грубыми мазками; именно в таком «солдатско-мужицко-пролетарском»¹ виде он мог быть понят и принят не только социальной и культурной элитой, но и самым массовым реципиентом. Общеинтересность содержания, клишированность изложения, универсальность сюжета гарантировали его максимально широкую распространенность². Культурный код «сильного мира сего» получил как никогда ранее устойчивую коннотацию с символическим образом конного героя.

Основным сценарием, внутри которого развивалась эта культурная форма, был сценарий милитаристский, в рамках которого образ получил не просто положительную, а героическую коннотацию. Стимулом и инструментом модернизации выступали жесточайшие уроки войн, через которые прошла Россия на своем историческом пути; особый исторический путь обусловил и своеобразие ее развития³.

Эта культурная форма многослойна; ее трансформации подчинены определенным закономерностям. Наблюдаемые исторические изменения на протяжении более чем тысячелетней ее истории были обусловлены трансформацией социокультурного и культурно-исторического контекста: так Зимний дворец прошел путь от императорской резиденции до кавалерийской школы ОСОАВИАХИМа⁴.

Культурная форма, чьи различные этапы и циклы развития были «разделены и одновременно соединены судьбоносными историческими поворотами»⁵, со временем естественным образом изменялась, но символический образ русского всадника,

¹ Кондаков И. В. Культура России... С. 255.

² Кондаков И. В. Русский масскульт: от барокко к постмодерну. С. 6.

³ Ахиезер А. С., Клямкин И. М., Яковенко И. Г. История России... С. 18.

⁴ Конивец А. В. Зимний Дворец. От императорской резиденции до Кавышколы Осавиахиима. СПб., 2014.

⁵ Кондаков И. В. Культурогенез исторических поворотов. С. 13–16.

«подобно тому как в теле живого человека с годами одни органические клеточки и кровяные шарики постепенно заменяются другими, но самый человек продолжает жить своей жизнью, почти не меняясь характером... не менял своего „я“, а лишь приспосабливался и принаравливался к новым эпохам и требованиям»¹, как некая целостность, основанная на взаимопроникновении культурных слоев.

«Символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры — он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее», — безусловно прав Ю. М. Лотман². «Символической нагрузкой» культурной формы, независимой от этих изменений, сущностной характеристикой русского всадника выступала только одна черта — его вне-временная связь с циклом «смерть — возрождение — бессмертие», обусловленная особой миссией героя — защитника Отечества. «Летит бронзовый Чапаев над родным городом, как бы прикрывая нас своей буркой от бед», — так писали о легендарном комдиве уже в ХХI столетии (первоначально памятник был установлен в Москве, у павильона «Поволжье» ВСХВ; с реорганизацией ВСХВ в ВДНХ памятник переместили по месту рождения героя)³.

Последним апофеозом (в 1950-х гг. кавалерия в составе Советской армии расформируется, деятельность военных конных заводов прекращается⁴) русского всадника стал выезд Г. К. Жукова, принимавшего триумфальный Парад Победы 24 июня 1945 г. в Москве на Красной площади верхом на белом коне⁵. «Это был последний день, когда погибшие стояли в колоннах рядом с живыми», — писал биограф «маршала Победы», всенародного кумира, ставшего легендой еще при жизни⁶.

¹ Трубецкой В. С. Записки кирасира... С. 162.

² Лотман Ю. М. Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 192.

³ Бровченко В. И. Памятник В. И. Чапаеву в Чебоксарах (краткий исторический очерк).

⁴ Киборт М. И. «В России верхом не ездят»... С. 63.

⁵ Известна версия, согласно которой, И. В. Сталин намеревался сам принимать Парад Победы как Верховный Главнокомандующий. См.: Михеенков С. Е. Жуков: Маршал на белом коне. М., 2015. С. 470; Ржевская Е. М. В тот день, поздней осенью // Маршал Жуков, каким мы его помним. М., 1989. С. 302.

⁶ Михеенков С. Е. Жуков: Маршал на белом коне. С. 472.

История русского всадника показывает, насколько тесно сплетены между собой различные исторические эпохи, с какой силой влияют на отечественную культурную историю архаические представления. Отдельные исторически-конкретные фигуры и сценарии более чем тысячелетней конной истории России, трансформируясь в отвлеченные образы «удалых всадников, бросающих своих скакунов в стремительную атаку»,¹ превратились в важный элемент национального самосознания. Ужас и величие, свойственные архетипу всадника на уровне древнейшего семантического пласта, обусловили его всевременное присутствие в парадигме власти, вероятно, намечая будущее прошлого, будущее национальной традиции. Полный контрастов, иногда чудовищных, символический образ русского всадника выглядит и как пугающий, и как притягательный одновременно. Эта бинарность искомого культурного символа является его самой существенной характеристикой, в очередной раз обозначая модель русской культуры как двуединого целого, которая и сейчас остается одним из наиболее дискуссионных вопросов истории русской культуры.

¹ Катцер Н. Лошади и всадники: о животных и людях в «войне машин» XX века, С. 147.

Игорь Кондаков

ПОСЛЕСЛОВИЕ. ОТ ВЕЩЕГО ОЛЕГА ДО КОНАРМИИ...

Конная культура России

Перед нами прошла история дореволюционной России. Промелькнули знакомые имена из русской истории — от Александра Невского до Ивана Грозного, Бориса Годунова, Первого Лжедмитрия, далее все Романовы — от Петра Великого до Николая II, а с ними их фавориты, волей или неволей вошедшие в историю и разделившие с ними власть. И рядом — имена незнакомые, о которых мы когда-то что-то только слышали. Или нам казалось, что слышали...

Но не в именах и лицах состоит интерес этой книги. Она — об истории культуры. В том числе — истории материальной культуры. Истории культуры повседневности. Недаром увлекательная книга Бэллы Шапиро насыщена и даже переполнена эксклюзивными деталями древнерусского и придворного быта, филигранными подробностями костюмов, убранства, украшений, оружия, упряжи, интересными не только самими по себе, но и тем ценностно-смысловым содержанием, которое формирует символический ряд русской культуры, составляющий самобытный ее облик, ее национальную идентичность...

И тут мы понимаем, что автор книги, талантливый историк, культуролог и музеолог, уже известный читателям по своим многочисленным исследованиям истории костюма, истории текстиля, истории повседневности, — Бэлла Львовна Шапиро — совершила настоящее *открытие* (явление, чрезвычайно редкое в гуманитарных науках!). Она открыла в сфере культурно-исторических

исследований *принципиально новый дискурс*, в свете которого и культура, и история культуры, и теория культуры раскрываются по-новому, с неожиданной, но весьма важной для понимания стороны. Автор настоящего повествования иногда называет этот дискурс *конной историей*, иногда — *конной культурой*, иногда — *историей коня и всадника*... И это не просто новый аспект в русле историко-культурных изысканий, не просто экзотический взгляд исследователя, позволяющий *остранить* (*остраннить*) все атрибуты культуры на протяжении тысячелетия, — это *новая парадигма культуры*, а вместе с тем и *новая парадигма науки о культуре*.

В своей яркой и емкой монографии «Русский всадник» Бэлла Шапиро убедительно показывает, что русская конная культура составляет не что иное, как *парадигму власти* дореволюционной Руси/России. За ней встает и образ благородного рыцаря и рыцарства (насколько это понятие приложимо к русской жизни, и даже к повседневности русского дворянства), и величие, избранничество царской и императорской власти (на фоне пешей толпы бесправных и безмолвных подданных), и демонстративный привкус самодовлеющей вооруженной силы и идеологии милитаризма в репрезентации этой власти — как внутри, так и вовне страны.

А там уже видится и мощное социокультурное обрамление этой тенденции: русская конница, русская кавалерия, кавалерийские рыцарские школы, конный балет, конское убранство, русская строевая лошадь, седельный сбор, ездовая одежда, костюм для верховой езды и даже... «кавалергардский» веер. Обращает на себя внимание обилие символических и ритуально-обрядовых форм русской конной культуры: культ коня (в том числе реликты славянского культа коня в погребальном обряде государственного чина), ритуально-обрядовые формы костюма для верховой езды, гербовое и геральдическое в мужской ездовой одежде, конь как часть русского посольского обычая, сакральное в царском конном выезде, лошади «государева седла», гербовое убранство царской лошади, кавалерия как рецепция военного опыта и т. д.

Здесь важно понимать, и это демонстрирует во всех частях и главах своей новаторской книги Бэлла Шапиро, что «конная

культура» — это не просто табун лошадей и даже не только сообщество людей на лошадях, — это именно культура, но особого рода. Это, во-первых, система ценностей, значений и смыслов, норм и традиций, регулирующая отношения людей и лошадей, сообщества всадников — светских и военных — иерархией наездников различного статуса; во-вторых, это организация различных видов специализированной деятельности, связанной с коннозаводским хозяйством, воспроизводством поголовья лошадей, их селекцией, выведением новых пород, обучением и воспитанием, выездкой и т.п.; в-третьих, это система различных социокультурных атрибутов всадничества (включая убранство лошадей, упряжь, оружие, костюмы людей, предназначенные для верховой езды, украшения и т.д.); в-четвертых, это система знаков, необходимая для эффективного функционирования сообществ лошадей и людей с другими сообществами и с национальной культурой в целом, для развития коммуникации и диалогических отношений — между человеком и животным, между разными животными, между всадниками разного ранга.

Конечно, конная культура — это не вполне человеческая культура или, скажем так, не только человеческая культура, но и культура животных (животных-компаньонов при человеке), — еще точнее, это синтез человеческой и нечеловеческой культур, а если учесть постоянный компонент сакрального — мифологического, религиозного и мистического сознания, сопровождающего этот надгосударственный синтез, — то это еще и сверхчеловеческая культура, которая сразу придавала символической величине государственной и церковной власти не просто величественный и патетический, но надмирный, вселенский и божественный смысл. Таким образом, через конную культуру различных цивилизаций мы приобщаемся к глубинным основам не только русской, французской, английской, монгольской, арабской, китайской или индийской культур в отдельности, не только научаемся сравнивать различные конные культуры между собой, но и прикасаемся к фундаментальным механизмам мировой культуры в целом.

«*Мир есть конь*» — эта фраза, заимствованная из древнеиндийских «Упанишад», становится исходной в теоретической статье Ю. Лотмана и Б. Успенского «Миф — имя — культура».

Эта фраза «принадлежит тексту заведомо мифологическому», а мифологический текст апеллирует не к переводу или объяснению, но к *узнаванию* и *отождествлению*, а далее к *трансформации* объектов, которая связана «с пониманием процессов этой трансформации»¹. В каком-то смысле эта формула дает ключ к осмыслению любой конной культуры (в том числе русской) как сложной семиотической системы с богатым эстетическим, нравственным, психологическим и философским содержанием, системы, обладающей серьезным потенциалом развития.

Другой выдающийся представитель Московско-тартуской семиотической школы — Вяч. Вс. Иванов — в специальной статье, посвященной коню, показал, что мифы, связанные с конем, лежат в основании культур всех индоевропейских народов, более того — большинства мифологических систем Евразии. Так, бог грозы индоевропейской мифологии — *Per(k)unos представляется «в виде воина-змееборца на коне (или на боевой колеснице, запряженной конями)». «Общим для индоевропейских народов является образ бога солнца на боевой колеснице, запряженной конями, причем само солнце представляется в виде колеса». К древнейшим архетипическим образам евразийских культур относятся ритуал жертвоприношения коня и символ коня у Мирового древа². С этими представлениями связана роль Коня в погребальных обрядах (о чем много говорится в книге Б. Шапира «Русский всадник») и его связь с хтоническим миром.

Рискну к блестящему повествованию Бэллы Шапира добавить несколько собственных примеров из истории русской конной культуры (хотя и отдаю себе отчет в некотором дилетантизме своих познаний в этой области).

Вспомним один из начальных легендарных эпизодов русской истории, нашедшем отражение в «Повести временных лет» и поэтическом пересказе Пушкина — «Песни о Вещем Олеге»: «Но примешь ты смерть от коня своего». Предсказавший гибель князя «кудесник, любимец богов», сам отказывается от княжеского дара («В награду любого возьмешь ты коня»), но его

¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф — имя — культура // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: «Александра», 1992. Т. I. С. 58–59.

² Иванов Вяч. Вс. Конь, лошадь // Мифы народов мира: В 2 т. 2-е изд. (репринт. изд.). М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 2008. Т. I: А–К. С. 666.

пророчество в отношении Олега оправдывается: князь умирает от укуса «гробовой змеи», притаившейся в конском черепе.

Однако этот хрестоматийно известный сюжет несет в себе глубокий мифологический подтекст, раскрывающий закономерности древней восточнославянской истории. Современный историк В. Петрухин убедительно интерпретирует легендарное событие древнерусской архаики как отражение социального и «ритуального» противостояния словен (населения севера Восточно-Европейской равнины), поклонявшихся Волосу (Велесу) в образе подземного Змея, и руси (княжеской дружины, обосновавшейся в Киеве и претендовавшей на наследие Хазарии), избравшей в качестве своего божественного покровителя бога грозы и войны Перуна, почитаемого в образе небесного Всадника. «Если признать, что Олег был первым, кто оказал предпочтение Перуну, обосновавшись в Киеве и оторвавшись от изначальной столицы в Новгороде, от опоры на словен, то его „эпическая“ смерть от змеи может выглядеть как некая „расплата“ со стороны словенского Волоса»¹.

Реконструкция этого историко-мифологического сюжета перекликается с реконструкцией так называемого «основного мифа» Вяч. Ивановым и В. Топоровым². Это миф о поединке Бога Грозы (Громовержца) — Перуна — с его противником Змеем (воплощением хтонических сил) — Волосом/Велесом. Визуальное изображение битвы Небесного Всадника со Змеем, пронзаемым молнией-копьем, несомненно, предвосхищает «Чудо св. Георгия со Змием», т. е. позднейшую православную икону Георгия Победоносца, покровительствовавшего авторитарной власти великих князей и царей. Иногда изображение поединка Георгия Победоносца со Змеем трактуется как символическое представление победы Руси над половцами (или другими кочевниками) или как отстаивание Москвой своей независимости от Орды.

Со временем эта символика приобрела более широкое толкование — как борьба России за независимость против любых агрессоров, внешних и внутренних врагов. Именно эта

¹ Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. С. 141.

² Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. С. 4–179.

трактовка основного мифа отобразилась в конном памятнике Петру I работы Э.-М. Фальконе, воздвигнутом в С.-Петербурге («Медный всадник»). Змея, попираемая задним копытом коня, символизирует окончательную победу просвещенного монарха над «враждебными силами», победу разума и державной воли цивилизатора над варварством народа и неодоушевленной природой.

Это был памятник не только царю-преобразователю, но и самой авторитарной власти, уже несколько веков твердившей своим подданным: «Мы над своими холопами вольны...» и умевшей «казнить» и «миловать» своих холопов — сверху донизу — в соответствии с принципом державного произвола. Увековечение деспотизма, впоследствии повторенное в конных статуях Николая I и Александра III.

Однако в парадигме власти — то грозной, то изысканной — наметилась трещина, и не одна. Уже в тираническое правление Ивана Грозного была им затеяна амбивалентная «игра в цари», опасно расшатывавшая основы только начинавшего свое становление самодержавия как безальтернативного института — социального, политического, культурного. Б. Успенский показал, что само неограниченное самодержавие является своим могильщиком, иницируя самозванство. Единолично провозгласивший себя царем, Великий князь Московский Иван Васильевич был фактически самозванцем и, естественно, подозревал других князей и бояр в подготовке заговоров против себя.

Первой жертвой «игры в царя» стал в 1567 г. *царский конюший* Иван Петрович Федоров (Челяднин), вызванный во дворец и насильно переодетый в царские одежды, — после юродивого поклонения Ивану Грозному «самозванцу поневоле» Федоров-Челяднин был зверски зарезан на троне самим царем и его окружением. «Начальник транспортного цеха» эпохи Ивана Грозного казался мнительному монарху ближе всего к захвату власти и роли августейшего Всадника; боярин первым поплатился за свои амбиции Рюриковича¹.

¹ Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 154.

Зато в 1575 г. очередная «игра в царя» обернулась венчанием на царство правнука последнего хана Золотой Орды Ахмага — Симеона Бекбулатовича, ставшего «потешным», шутовским царем. Что же касается самого Ивана Грозного, то он «весь свой чин царский отдал Симеону, а сам ездил просто, как боярин, в оглоблях», нарочито отказавшись от роли верховного Всадника Московского царства¹. «Перед нами как бы последний этап борьбы с татарским владычеством — этап семиотический», — заключает Б. Успенский².

Апологии самодержавного всадничества положил конец Пушкин, не только показав в «Капитанской дочке» красноречивые примеры самозванчества в действии, но и подведя итоги самодержавного произвола в «Медном всаднике». В самом деле, изображая катастрофические последствия наводнения в Петербурге, Пушкин словами Александра I обосновал бессилие власти укротить природу («И молвил: „С божией стихией Царям не совладать“»). Однако Петр, построив столицу своей империи на гиблом месте, хотел именно совладать со стихиями. Дальнейший ход истории Петербурга продемонстрировал безответственность принятых Петром решений, коснувшихся всех.

Два вопроса задает риторически автор «Медного всадника». Один обращен к Коню:

Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

Другой вопрос адресован самому Петру как «властелину судьбы»:

Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Оба вопроса остаются без ответа. Но в самих вопросах была уже заложена изрядная доля сомнения и неопределенности. Всадник-Петр явно злоупотребил своей парадигмой власти, подняв Россию на дыбы над бездной. И Конь застыл в неустойчивом положении. Еще почти целый век российскому Коню предстояло «зависать» над бездной в ожидании неминуемой катастрофы.

¹ Там же. С. 155.

² Там же. С. 156.

В начале XX в. конная культура России агонизирует. Конный выезд императорской семьи все чаще вытесняется автомобилем. Александр Блок, обращаясь к теме Медного Всадника (в стихотворении 1905 г. «Вися над городом всемирным...»), вдруг обнаруживает, что «предок царственно-чутунный», а вовсе не медный, что монарх больше не является «всадником», а «бредит на змее», и его конь исчез. Во всем знаменитом памятнике самодержавию современникам видна только змея!

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдвлен
Сверкнувших колец чешуи.

А в романе Андрея Белого «Петербург» созерцание памятника Петру, кажущегося фантазмагорическим видением, чревато самыми тревожными предчувствиями и прогнозами.

«С той чреватой поры, как примчался сюда металлический Всадник, как бросил коня на финляндский гранит — надвое разделилась Россия; надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа Россия.

Ты, Россия, как конь! В темноту, в пустоту занеслись два передних копыта; и крепко внедрились в гранитную почву — два задних»¹.

А вот заключительные, апокалиптические видения русской конной культуры, рожденные поэтом-террористом Вадимом Ропшиным (Борисом Савинковым): «Конь бледный», «Конь вороной», соединяющие мечты террориста и реалии Гражданской войны. Последние страницы русской конной культуры мы перелистываем вместе с М. Шолоховым в «Донских рассказах», вместе с И. Бабелем в «Конармии», вместе с А. Платоновым в «Чевенгуре»...

Страшный приговор русской конной культуре читаем мы в бабелевской «Конармии»:

«Нажал я колеса и вкладываю в коника два заряда. Жалко было жеребца. Большевичок был жеребец, чистый большевичок. Сам ржий, как монета, хвост пулей, нога струной.

¹ Андрей Белый. Петербург. Роман в восьми главах с Прологом и Эпилогом. М.: Наука, 1981. С. 99.

Думал — живую Ленину свезу, ан не вышло. Ликвидировал я эту лошадку. Рухнула она как невеста, и туз мой с седла снялся»¹.

Советская действительность, советская ментальность оказались несовместимыми с тысячелетней русской конной культурой. Жалкие попытки советской кавалерии воевать с немецкой ганковой армадой в начале Великой Отечественной войны говорят сами за себя. И, наверное, только ностальгические воспоминания о Гражданской войне подвигли Сталина посадить Г. Жукова и К. Рокоссовского на коней во время Парада Победы... Или царь над ними хотел, по обыкновению, подшутить?

В XX в. Россия сменила парадигму власти, выбрав более холодную, металлическую, техническую, жестокую. Но это — уже другая история, которой не касается в своей теплой, живой, умной и человеческой книге Бэлла Шапиро. Успех этого глубокого историко-культурологического труда у читателей самого разного уровня и кругозора, как мне представляется, неизбежен.

¹ Бабель И. Э. Конармия // Бабель И. Э. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Время, 2006. С. 116–117.

Приложения

1. ВКЛАДЫ В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ¹

дата	вклад
	ездовыми одеждами и лошадьми
1533	терлик камка червчата у него 18 пугвиц серебренных да конь бур иноход
1535	терлик тафтян червчат да 3 коня
1535	терлик камка зелена куфтерь да мерин
1535	терлик тафтян лазорев, пугвицы серебряны да конь рыж
1535	терлик камчат безрукав, а на нем 6 пугвиц серебряных да 3 коня
1542	терлик отласной да мерин булан
1544	терлик байберечен, терлик тафта зелена, да конь гнед, мерин сер
1545	терлик тафта двоелична, да иноходец, да санник
1649	чюга бархат червчат рытой, нашивка золотная, полы подбиты дорогами да артамак ворон, грива направо, срост, на левом боку болонка
	«воинские» вклады
1534	терлик камка червчата куфтерь, у него 21 пугвица медные позолочены, да конь в седле, да саадак, да сабля
1626–1627	чюга рыбчата отлас золотной, да 32 кобылицы нагайских, да жеребец гнед, да санник сер, да 2 сабли, оправныс. И всего вкладу платья и лошадей на 500 рублей

¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 49, 58, 69, 74–75, 91, 135–136, 161, 164, 239.

2. ЕЗДОВОЙ ГАРДЕРОБ ЦАРЯ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА¹

ОДЕЖДА

Емурлук (для ненастья)

сукно малиновое

Епанча (для ненастья)

сукно осиновое

Жезл

греческий

инроговый

костяной с орлом (15)

Зипун

атлас желт (2)

зарбав серебряный

камка зеленая китайская (2)

камка осиновая чешуйчатая

камка соломенный цвет, китайская на бумаге

камка черная китайская

объярь травная по белой земле травки шелк червчат

тафта белая (91)

Зипун теплый

атлас алый, испод пупки собольи

Зипун холодный

объярь травчатая по белой земле травки червчатые

¹ Авторские извлечения из: *Строев П. М.* Выходы государей царей... (в скобках указана частота упоминания того или иного предмета).

Кафтан простой к ездовому наряду

*атлас бел, кружево золотое плетеное с горды узкое,
испод черева лисьи*

Кафтан простой теплый к ездовому наряду

атлас бел, испод пупки соболю

Кафтан простой холодный к ездовому наряду

камка малиновая китайская

Кафтан ездовой

атлас алы (18)

атлас алы испод пупки соболю (3)

атлас алы испод пупки соболю, с нашивкой

атлас алы испод черева лисьи (9)

атлас алы с нашивкой золото с серебром волоченые

атлас белый (12)

атлас белый испод черева белы (2)

атлас белый испод черева лисьи (6)

атлас жаркий

атлас таусинный, испод пупки соболю

атлас черный, испод пупки соболю

зарбаф золотный (8)

*зарбаф золото с серебром, нашивка образцы
низаны жемчугом с алмазы*

зарбаф золотный по нему деревца шелк разных цветов (2)

*зарбаф золотный по нему кубы серебряные, нашивка образцы
жемчужные с алмазы*

*зарбаф кубы золото с серебром, нашивка образцы низаны жемчугом
с алмазы*

зарбаф серебряный по нему репы и травы шелк разных цветов

камка алая китайская

камка брусничная китайская

камки брусничная китайская испод пупки соболю

объярь алая (5)

объярь алая гладкая

объярь белая

объярь песочная

объярь рудожелтая струя серебряная (3)

объярь серебряная по ней травы золотые с разными шелки (3)

объярь серебряная по ней травы золотые с разными шелки
нашивка золотая с камнями с алмазы и с яхонты
сукно маковое испод черева лисьи

Кафтан ездовой верхний

объярь по червчатой земле травы золотые и серебряные,
испод горностаевый, с широкими рукавами

Кафтан ездовой исподний

объярь алая струя серебряная

Кафтан ездовой для ненастья

сукно коричневое испод пупки соболя

Кафтан ездовой с прямым клиньем / ездовой с прямым клиньем теплый

бархат лимонный цвет
объярь рудожелтая испод горностаевый
объярь рудожелтая гладкая испод горностаевый
сукно рудожелтое

Кафтан ездовой стеганный (сибирский)

атлас малиновый

Кафтан ездовой теплый

зарбаф золотный испод пупки соболя (2)

Кафтан ездовой холодный

зарбаф золотный
зарбаф золотный по нему травки серебряны с шелки
зарбаф кубы золото с серебром, нашивка образцы
низаны жемчутом с алмазы
объярь золотная по серебряной земле травы золотые с разными
шелки нашивка золотая с алмазы и с яхонтики чернчатыми
объярь золотная по серебряной земле травы золотые с разными шелки,
пуговицы изумрудные большие с узлы (3)
объярь по серебряной земле травы золотые с разными шелки,
пуговицы изумрудные
объярь рудожелтая струя серебряная
объярь светло-брусничная
сукно малиновое с нашивкой

Платье ездовое смирное**Посох**

индейский

индейский с камнями

индейский с костями

монастырский

монастырский каповый

Тесьма

золотная с крюки алмазными

с крюки алмазными (3)

с крюки яхонтовыми

Ферезей

байберек алый по нему травы золотые (2)

байберек алый по нему травы золотые и серебряные

*бархат жаркий цвет двоemorx по нему травы золотые
и серебряные с алмазной нашивкой*

бархат рудожелт двоemorx, по нему репы золотые и серебряные

объярь алая (7)

объярь алая гладкая

объярь алая испод пластины собольи

объярь белая (2)

объярь белая гладкая (11)

объярь белая струя серебряная (7)

объярь белая струя серебряная с нашивкой

объярь белая струя серебряная с алмазной нашивкой (2)

объярь вишневал, испод пластины собольи

объярь голубая, кружево золотное плетеное с городы

объярь желтая

объярь золотная травы аксамичены (3)

объярь малиновая, испод пластины собольи

объярь осиповая (13)

объярь осиповая с узким кружевом (2)

объярь осиповая с широким кружевом (2)

*объярь по рудожелтой земле по ней струя и травы золотые
в травах аксамичено*

объярь серебряная травы золотные

сукно белое скорлат

сукно алое скорлат (5)
 сукно алое испод пластины собольи
 сукно вишневое, испод пластины собольи
 сукно осиновое (3)
 сукно осиновое испод пластины собольи

Ферезея теплая

бархат алый гладкий (5)
бархат венецейский золотный с орлами
объярь алая
объярь белая гладкая (4)
объярь белая струя серебряная
объярь по серебряной земле травы золотые (6)
объярь серебряная по ней травы золотые кружево серебряное
 плетеное с городаы
объярь червчата, испод пластины собольи
 сукно алое, испод пластины собольи

Ферезея холодная

байберек алый по нему травы золотые
бархат жаркий цвет двоєморх, по нему травы золотые
бархат жаркой цвет двоєморх, по нему травы золотые и серебряные,
 с алмазной нашивкой
объярь алая
объярь алая с широким кружевом
объярь белая струя серебряная
объярь вишневая
объярь червчата
 сукно белое
 сукно белое скорлат

Шапка

бархат алый двоєморх с запоны
бархат алый двоєморх, обнизная с пером алмазным (3)
бархат алый двоєморх обнизная с запоны и с пером алмазными (3)
бархат алый двоєморх по морхам обнизано жемчугом с запоны
 и с пером алмазными (4)
бархат алый двоєморх по морхам обнизано жемчугом скатным
 с запоны и с пером алмазными
бархат жаркий цвет с запоны

бархат жаркий цвет двоеморх
бархат жаркий цвет двоеморх с запоны (10)
бархат лимонный
бархат рудожелт с орлом
бархат рудожелт двоеморх с орлом (2)
бархат рудожелт двоеморх с запоны (11)
бархат рудожелт двоеморх с запоны с меньшим орлом
бархат червчат с запоны
бархат червчат с орлом
бархат червчат двоеморх с орлом (14)
бархат червчат двоеморх с запоны с орлом (7)
бархат червчат двоеморх окол соболий с орлом (2)
бархат червчат двоеморх с сободем
бархат червчат двоеморх обнизная с запоны и с пером алмазным
бархат червчат двоеморх по морхам обнизано жемчугом
с запоны и с пером алмазными
бархат шафранный цвет двоеморх с запоны с меньшим орлом
бархат шафранный цвет двоеморх с запоны с орлом (4)
сукно алое с зерновыми петли (4)
сукно алое скорлат с зерновыми петли (2)
сукно белое с запоны (2)
сукно белое с петли
сукно белое скорлат с петли
сукно белое скорлат с запоны и с петли (7)
сукно малиновое
сукно малиновое с сободем
сукно червчато (7)
сукно червчато с запоны (2)
сукно червчато с петли (3)
сукно червчато с сободем
сукно червчато с сободем и с петли (2)
сукно черное
сукно черное окол соболий

Шляпа (для ненастья)

3. РОСПИСЬ ВОЙСК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ. 1 ЯНВАРЯ 1794 Г.¹

Настоящий документ представляет собой одну из сводных ведомостей войсковых частей армии, которые ежегодно составлялись для всеподданнейшего доклада Военною коллегиею.

Роспись указывает состав армии к 1 января 1794 года. В ней приведены сведения: о наименованиях частей, о числе положенных в каждой из них по штату чинов и о состоянии таковых палицо, о местах квартирования частей, о положенных для них штатах и суммах на содержание и о средствах комплектования этих частей. По роду оружия указаны — конница, в составе полков: 5 кирасирских, 17 карабинерных, 11 драгунских, 3 гусарских, 11 легкоконных, 1 конноегерских, 9 конных бригад Речи Посполитой, 3 хоругвей, 10 казачьих полков регулярных, 12 казачьих войск поселенных; пехота, в составе полков: 14 гренадерских, 59 мушкетерских, 9 егерских корпусов, 3 егерских батальонов, 15 полевых батальонов Сибирского и Оренбургского корпусов и запасных и 4 полков Речи Посполитой; 21 — артиллерийских частей и 61 — гарнизонных батальонов. Общий штатный состав армии отмечен численностью в 581.929 человек. Налицо же показано 500.550; менее на 81.379 человек. Необходимо отметить, что в росписи отсутствуют сведения о составе и количестве войск гвардии, как пешей, так и конной; численность ее, по определению покойного профессора Д. О. Масловского, достигло до цифры в 23.539 человек. Прибавляя ее к цифре, показанной росписью, общую численность наличного состава русской армии нужно считать в количестве 24.089 человек.

¹ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 759. Л. 1-11.

Отсюда, впрочем, необходимо выкинуть значительную цифру, показанную в росписи, 23.477 человек, солдатских детей в школах и инвалидов.

Перед семилетней войной русская армия едва достигла 330.000; таким образом, за время царствования императрицы Екатерины II, вооруженные силы России были увеличены в общем числе 170.000 человек.

По специальностям службы, роспись указывает: пехоты — 206.258, конницы — 72.383, казаков — 78.645, артиллеристов и инженеров — 75.910, гарнизонных чинов — 60.592 и прочих команд — 46.762 человека.

В росписи сведения о воинских частях изложены в той же последовательности. В состав их некоторые из частей требуют дополнительных разъяснений об их происхождении. Так, например, 9 конных бригад и 4 пехотных полка, новоприсоединенные от Речи Посполитой. «Эти части 6 мая 1794 года были приняты в Российскую службу от бывших польских войск, с переименованием, однако, прежних названий; в 1794 году эти части, по случаю возникшего в Польше мятежа, были расформированы. В росписи упомянуты три хоругви: Императорская Белорусская, Могилевская и Полоцкая. Под этим наименованием 1 марта 1784 года были сформированы небольшие воинские отряды, из находившего в Могилевском и Полоцком наместничествах околичного дворянства; эти хоругви пережили царствование Императрицы Екатерины II. Как части, присоединенные от Речи Посполитой, так и хоругви принадлежат к составу так называвшихся национальных войск.

«Составленный из ямщиков» казачий регулярный полк был сформирован 7 октября 1788 года для умножения войск, действовавших против Швеции, из ямщиков Московской, Тверской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Ярославской, Вологодской и Костромской губерний. Он полагался в разряде войск «временных, по военным обстоятельствам формированных», но был упразднен лишь 19 декабря 1797 года.

«Составленный из тептярей и бобылей Уфимского и Вятского наместничеств» казачий полк был сформирован 23 июля 1791 года из тептярей и бобылей. Тептяри — народность, обитающая в незначительном числе в пределах губерний Уфимской,

Пермской и Оренбургской; бобыли — жители богатого села Бобылевского Оренбургской губернии.

«Иноверцев братских» казачье войско было составлено из «братских татар» — третьего народа монгольского поколения, называвшихся братцами, или бурятами. Жили и служили на границах Китая. О времени его образования не имеется точных указаний.

РОСПИСЬ

Войск Российской императорской армии, с показанием, где они находятся, по каким штатам и на каких суммах содержатся и откуда комплектуются и с изъяснением: какие из них, после высочайшие конфирмованных штатов, вновь прибавлены и какие уничтожены. Учинена к 1-му числу января 1794 года¹.

КИРАСИРСКИЕ 6-ЭСКАДРОННЫЕ ПОЛКИ

Лейб 1106 / 999 / в г. Гадячи

Наследников 1125 / 1047 / в г. Дерпт

Военного Ордена 1106 / 844 / в г. Хороль

Казанский 1106 / 1056 / в г. Фелин

Князя Потемкина 1106 / 1098 / в г. Глемянов

По каким штатам и на каких суммах содержатся: по конфирмованным штатам, Наследников 1763 г., а прочие 1786 годов и все содержатся из суммы комиссарской.

Откуда комплектуются: комплектуются все рекруентами великороссийскими, а наследников, по особливому указу, получает ежегодно рекрут из Малороссийских казаков, Потемкина же — из обывателей Екатеринославского Наследничества, ибо он присоединен к коннице Екатеринославской

КАРАБИНЕРНЫЕ 6-ЭСКАДРОННЫЕ ПОЛКИ

Каргопольский 1106 / 926 / в г. Нижнеломове

Нарвский 1106 / 862 / в г. Кирсанове

¹ Показаны: число людей в штате / число имеющих налицо / место нахождения полка.

Рижский 1106 / 1030 / в г. Ведене

Рязанский 1106 / 1026 / в Низовых местах, в м. Линцах

Ингерманландский 1106 / 1028 / в м. Вислович

Ямбургский 1106 / 1034 / в м. Дерехин

Московский 1106 / 1048 / в г. Валках

Ростовский 1106 / 1020 / в г. Саратов

По каким штатам и на каких суммах содержатся: по конфирмованным штатам 1786 г. содержатся на сумме комиссариатской

Откуда комплектуются: рекрутами в Великороссии собираемыми

КАРАБИНЕРНЫЕ МАЛОРОССИЙСКИЕ 5-ЭСКАДРОННЫЕ ПОЛКИ

Глуховской 938 / 666 / в м. Васильков

Киевский 938 / 635 / в г. Ромне

Северский 938 / 766 / в м. Николаеве

Черниговский 938 / 824 / в м. Крылове

Нежинский 938 / 831 / в м. Чуднове

Стародубский 938 / 827 / в м. Дмитрове

Софийский 938 / 867 / в м. Прилуне

Тверской 938 / 845 / в м. Немирове

По каким штатам и на каких суммах содержатся: по штатам 1786 г., содержатся на сумме, в ведомство Комиссариата поступающей от податей в Малороссийских губерниях собираемых с казаков.

Откуда комплектуются: Малороссийскими казаками, из селений, по полкам расписанных

Конно-гренадерский Военного Ордена 2002 / 1969 / в м. Опошке

По каким штатам и на каких суммах содержится: по повелению покойного князя Потемкина, составлен из Малороссийского Гренадерского Полка и, как сверхштатный, содержится на сумме экстраординарной

Откуда комплектуются: комплектовать сей полк надлежит Малороссиянами, ежели он должен остаться в штатном положении

ДРАГУНСКИЕ 10-ЭСКАДРОННЫЕ ПОЛКИ

Смоленский 1882 / 1791 / в м. Луцке

Астраханский 1882 / 1596 / в Александрове

Владимирский 1882 / 1743 / в кр[епоcти] Москве

Таганрогский 1882 / 1652 / в г. Ставрополе

Санктпетербургский 1882 / 1747 / в г. Пинске

Нижегородский 1882 / 1810 / на Кубани

Кинбургский 1882 / 1490 / в м. Павловске

Оренбургский 1882 / 1755 / при Оренбурге

Сибирский 1882 / 1821 / в кр. С. Петра

Иркутский 1882 / 1715 / в кр. Усть-Каменогорской

По каким штатам и на каких суммах содержатся: все по подтвержденному штату 1786 г. апреля 10-го дня, содержатся на сумме комиссарской

Откуда комплектуются: рекрутами

Псковский, с присоединенными к нему пятью эскадронами гусар 2835 / 2487 / в м. Ковне

По каким штатам и на каких суммах содержится: по Именному указу, составлен из карабинерного и излишек на содержание его, сверх карабинерного оклада, потребной также и на гусарские эскадроны, производится из особо назначенной суммы

Откуда комплектуется: рекрутами

ГУСАРСКИЕ 6-ЭСКАДРОННЫЕ ПОЛКИ

Ольвиопольский 1119 / 956 / в м. Торговице

По каким штатам и на каких суммах содержится: на излишних против легкоконных штатов употребляется сумма экстраординарная, а штат им сделан покойным князем Потемкиным

Откуда комплектуется: Из обывателей Екатеринославского и Харьковского наместничества

Воронежский 1119 / 1025 / в м. Хелме

Два эскадрона гусар для разведов 325 / 325 / в Москве

По каким штатам и на каких суммах содержатся: из штатских доходов

Откуда комплектуется: рекрутами

ЛЕГКОКОННЫЕ 6-ЭСКАДРОННЫЕ ПОЛКИ

Павлоградский 1047 / 986 / в Рославле

Мариупольский 1047 / 952 / по левую сторону р. Бурга

Александровский 1047 / 925 / в м. Тулчине

Херсонский 1047 / 885 / в м. Ровном

Полтавский 1047 / 979 / в Полтаве

По каким штатам и на каких суммах содержатся: по штатам 1786 г., содержатся на сумме комиссарской

Откуда комплектуются: из обывателей Екатеринославского и Харьковского наместничеств

УКРАИНСКОЙ КОННИЦЫ ПОЛКИ

Острогородский 1047 / 1047 / в Дорогобуже

Харьковский 1047 / 1047 / в м. Горойцах

Ахтырский 1047 / 1031 / в м. Несвиже

Сумской 1047 / 1047 / в новом Польском краю

Изюмский 1047 / 1047 / в м. Глубоком

Украинский 1047 / 1028 / в г. Случке

По каким штатам и на каких суммах содержатся: по штатам 1786 г., содержатся на сумме комиссарской

Откуда комплектуются: из обывателей Екатеринославского и Харьковского наместничеств

КОННО-ЕГЕРСКИЕ 10-ЭСКАДРОННЫЕ ПОЛКИ

Переславский, соединенный с Лубенским, кои оба были малороссийские карабинерные

1838 / 1656 / в м. Кобелях

Киевский, вновь составленный из взятых эскадронов от 10 Малороссийских карабинерных полков, от каждого по одному
1838 / 1636 / в м. Хемельнике

По каким штатам и на каких суммах содержатся: по штатам сделанным покойным фельдмаршалом князем Потемкиным 4 июня 1790 г., но как сие полки прежде в числе штатных легкоконных и карабинерных находились, то и содержатся на штатной сумме с дополнением из излишних людей из суммы экстраординарной

Откуда комплектуются: казаками малороссийскими

Елисаветградский, из легкоконного сего имени с дополнением людьми, взятыми из легкоконных полков 1838 / 1591 / в м. Корбине

Таврический, соединенный с Константиноградским, кои оба были легкоконными

1838 / 1687 / в Тавриде

По каким штатам и на каких суммах содержатся: по штатам сделанным покойным фельдмаршалом князем Потемкиным 4 июня 1790 г., но как сие полки прежде в числе штатных легкоконных и карабинерных находились, то и содержатся на штатной сумме с дополнением из излишних людей из суммы экстраординарной

Откуда комплектуются: обывателями наместничества Екатеринославского

НОВОПРИСОЕДИНЕННЫЕ ОТ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ БРИГАДЫ КОННЫЕ

Брацлавская 1819 / 1647 / в м. Плишкове

Днепровская 1819 / 1708 / при Белой Церкви

Днестровская 1819 / 1424 / в м. Богоуслове

Подольская 1819 / 995 / в м. Володарке

Пинская 1712 / 994 / в м. Ушемире

Волынская 1819 / 1550 / в м. Чавограде

По каким штатам и на каких суммах содержатся: до будущего рассмотрения остаются на таком же основании, как и в Польше были, получая довольствие из суммы экстраординарной

Откуда комплектуются: откуда комплектовать положение еще не сделано

ПОЛКИ ЛЕГКОЙ КОННИЦЫ

Житомирский 1098 / 781 / в м. Смите

Константиновский 1098 / 410 / в м. Черкасах

Виницкий 1122 / 842 / в ключе около Винницы

По каким штатам и на каких суммах содержатся: до будущего рассмотрения остаются на таком же основании, как и в Польше были, получая довольствие из суммы экстраординарной

Откуда комплектуются: положение еще не сделано

ХОРУГВИ

Императорская Белорусская 200 / 200 / в Белоруссии

Могилевская 296 / 296 / в Белоруссии

Полоцкая 148 / 148 / в Белоруссии

По каким штатам и на каких суммах содержатся: по именному указу и штату при нем приложенному, назначена на содержание их особая сумма

Откуда комплектуются: составить, а комплектовать назначено из шляхетства Белорусского

КАЗАЧЬИ РЕГУЛЯРНЫЕ

Первый, Второй, Третий Чугуевские 1341 / 1341 / в Чугуевском уезде / каждый

По каким штатам и на каких суммах содержатся: по конфирмованному 1793 года штату

Откуда комплектуются: казаками Чугуевского уезда, в коем числится 21486 душ

Мовдоцкий 1102 / 1102 / в своем селении

По каким штатам и на каких суммах содержится: по особому сделанному в сем полку штату

Откуда комплектуется: поскольку полк имеет свое поселение, то и комплектуется сам собою

Астраханский 691 / 691 / под Астраханью

По каким штатам и на каких суммах содержится: на равном основании с Донскими полками из суммы особо назначенной

Откуда комплектуется: —

Первый, Второй, Третий Оренбургские 691 / 691 / в Оренбургском округе / каждый

По каким штатам и на каких суммах содержатся: —

Откуда комплектуются: —

Составленный из ямщиков 1000 / 1000 / в Лифляндии

По каким штатам и на каких суммах содержится: по особливому Именному указу, содержится на сумме, особливо отпускаемой.

Откуда комплектуется: наполняется ямщиками тех губерний, из которых полк сей ставить и назначено

Составленный из топтырей и бобылей Уфимского и Вятского наместничества 540 / 540 / в Уфимском наместничестве

По каким штатам и на каких суммах содержится: по Именному указу, на равном основании с Донскими полками

Откуда комплектуется: из своих селений

ВОЙСКА КАЗАЧЬИ ПОСЕЛЕННЫЕ

Екатеринославское из мещан однодворцев и старообрядцев в Екатеринославском и Харьковском наместничествах 10894 / 10894 / в своих селениях

По каким штатам и на каких суммах содержатся: штатов никаких не имеют

Откуда комплектуются: не назначено

Черноморские 9422 / 9422 / в своих селениях

По каким штатам и на каких суммах содержатся: по Именному указу будет сие войско иметь свое жительство на острове Тамань и службу отправлять наравне с Донским войском

Откуда комплектуются: не требует комплектования, поскольку само себя наполняет

КАЗАКСКИЕ ВОЙСКА ПОСЕЛЕННЫЕ

Хоперское 611 / 611 / в своих селениях

Вольское 738 / 738 / в своих селениях

Гребенское 500 / 500 / в своих селениях

Семейное 452 / 452 / в своих селениях

Терское 198 / 198 / в своих селениях

По каким штатам и на каких суммах содержатся: во время службы содержание получают от комиссариата, на равном основании с Донским войском

Откуда комплектуются: рекрутами наполняются сами собою

В том числе: людей штатного положения / налицо

Кирасир 5549 / 5044

Карабинер 16 352 / 14 244

Драгун 20 702 / 19 607

Гусар 3516 / 3079

Конных егерей 7352 / 6570

Легкоконных 11 517 / 10 874

Конных grenадер 2002 / 1969

Польской конницы 14 145 / 10 352

Регулярных казаков 9429 / 9429

Нерегулярных казаков 69 216 / 69 216

Особенно же:

Конницы 81 779 / 72 383

Казаков 78 645 / 78 645

Всех же войск вообще: 581 929 / 500 550

4. ВЕДОМОСТЬ

*числа находящихся в строю офицеров и рядовых
войск артиллерии, кавалерии, пехоты и военно-учебных
заведений. 11 мая 1834 г.¹*

Звание войск	Число										Лошадей	
	батальонов	эскадронов	арт. батар.	генералов	штабс-офицеров	обер-офицеров	унтер-офицеров	мушкетеров	рядовых	итого	строевых	артиллер. и конных
Военно-учебные заведения												
Школы Гвардейских Кавалерийских юнкеров	-	4	-	-	1	3	6	3	36	49	45	-
1 полк												
Школы Гвардейских подпрапорщиков	-	-	-	1	1	3	5	48	36	93	-	-
Корпуса инженеров путей сообщения	1	-	-	-	-	2	5	2	36	43	-	-
Кондукторской роты Глав. инж. уч.	-	-	-	-	1	3	10	2	72	88	-	-
Пажеского корпуса	-	-	-	-	-	4	10	6	72	92	-	-
2 полк												
1 Батальона Дворянского полка	1	-	-	-	3	13	36	20	216	188	-	-
2 Батальона Дворянского полка	1	-	-	-	2	11	36	17	216	289	-	-
1 Кадетского корпуса	1	-	-	-	2	14	48	57	336	457	-	-
2 Кадетского корпуса	1	-	-	1	2	17	48	21	336	424	-	-
Павловского Кадетского корпуса	1	-	-	-	2	13	38	17	259	322	-	-
Морского	1	-	-	-	2	13	38	9	246	308	-	-
Артиллерийского училища	-	-	1	-	1	6	16	4	72	99	-	32
Итого воен.-уч. зав.	7	½	1	2	17	102	296	206	1926	2547	45	32

¹ ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.

Звание войск	Число										Лошадей	
	батальонов	эскадронов	арт. батар.	генералов	штабс-офицеров	обер-офицеров	унтер-офицеров	музыкантов	рядовых	итого	строевых	артиллер. и конных
Кавалерия												
<i>Гвард. Кир. Див.</i>												
Кавалергардск. Ея Величества	-	6	-	4	3	30	84	22	576	715	622	-
Л-гв. Конного	-	6	-	1	3	30	84	19	576	712	679	-
Кирасирского Ея Величества	-	6	-	2	3	27	84	22	576	712	682	-
Лейб-Кирасирского Ея Высоч. Цесар.	-	6	-	1	2	33	84	22	576	717	682	-
Л-гв. Конно-Пионерного Эскадрона	-	1	-	-	1	9	25	4	227	266	220	72
Итого	-	25	-	8	19	129	361	89	2531	312	2945	72
<i>Свод. Л.-гв. Дивиз.</i>												
Конно-Гренадерского	-	6	-	2	2	28	84	29	576	719	689	-
Уланского	-	6	-	1	3	33	84	21	576	717	681	-
Гусарского	-	6	-	1	3	29	84	19	480	315	583	-
Казачьего	-	3	-	1	1	16	42	10	288	357	340	-
Атаманского Ея Высоч. Цесар.	-	2	-	-	1	10	18	5	192	226	215	-
Л-гв. Крымско-Татарского эскадрона	-	½	-	-	1	3	8	2	48	62	38	-
Кавказско-Горского полуэскадрона	-	½	-	-	-	4	22	3	24	53	49	-
Команды Сборного Линейного казач. войска	-	-	-	-	-	9	3	-	22	27	25	-
Итого	-	24	-	5	11	125	345	89	2206	2776	2640	-
Образцового Кавалерийского полка	-	6	-	1	3	33	72	23	480	611	575	-
Л-гв. Жандармского полуэскадрона	-	½	-	-	-	3	8	2	63	76	73	-
Итого кавалерии	-	66	-	14	26	290	786	203	5280	4585	6233	72

Звание войск	Число										Лошадей	
	батальонов	эскадронов	арт. батар.	генералов	штабс-офицеров	обер-офицеров	унтер-офицеров	музыкантов	рядовых	итого	стрелковых	артиллер. и конных
Пехота												
<i>1 Гвар. Див.</i>												
Л.-гв. Преображенск.	3	-	-	4	6	39	198	148	2448	2832	-	-
Семеновского	3	-	-	-	6	39	201	156	2448	2850	-	-
Измайловского	3	-	-	2	6	47	201	182	2424	2860	-	-
Егерского	3	-	-	1	6	44	201	142	2520	2913	-	-
Саперного батальона	1	-	-	1	9	18	66	80	792	958	-	-
Итого	13	-	-	8	26	187	867	708	10632	12420	-	-
<i>2 Гвар. Див.</i>												
Московского	3	-	-	2	6	40	201	153	2448	2850	-	-
Гренадерского	3	-	-	1	6	44	201	139	2448	2838	-	-
Павловского	3	-	-	1	5	44	201	134	2324	2924	-	-
Финляндского	3	-	-	2	5	44	201	137	2448	2835	-	-
Гвардейского Экипажа	1	-	-	1	2	17	67	38	594	778	-	-
Итого	13	-	-	7	24	189	871	683	10438	12225	-	-
<i>Свод. Бриг.</i>												
Л.-гв. Литовского	3	-	-	1	6	44	198	150	2448	2846	-	-
Учебного Саперного батальона	1	-	-	1	2	11	77	90	720	304	-	-
Образцового пехотного полка	2	-	-	1	4	35	134	117	1384	1874	-	-
Итого пехоты	32	-	-	17	62	466	2147	1748	25842	30265	-	-

Звание войск	Число										Лопадей	
	батальонов	эскадронов	арт. батар.	генералов	штабс-офицеров	ober-офицеров	унтер-офицеров	музыкантов	рядовых	итого	строевых	артиллер. и понтонных
Артиллерия												
Л.-гв. 1-й бригады	-	-	3	1	4	13	45	63	327	452	-	203
Л.-гв. 2-й бригады	-	-	3	-	4	14	44	19	322	403	-	209
Конной бригады	-	-	3	-	3	17	34	21	404	479	344	38
Дивизион Донской конной роты	-	-	½	-	-	3	2	2	60	74	51	56
Образцовый пешей батареи	-	-	1	-	1	6	26	11	82	126	-	96
Образцовый конной батареи	-	-	½	-	1	3	19	-	45	68	34	32
Учебной бригады батарея № 1	-	-	1	-	1	6	18	20	74	119	-	-
Итого	-	-	12	1	14	62	195	136	1314	1721	449	251
Всего	39	56	13	34	49	920	3234	2293	34362	41118	6727	355
Орудий:												
Конных 32												
Пеших 72												
Понтонов 8												

5. АНОНИМНАЯ ЗАПИСКА

*с подписью «Старый кавалерист коннозаводчик»
о преимуществах русских пород лошадей*

*По поводу статьи Струкова в газете «Русский инвалид» № 14
«Чистокровная лошадь в строю и походе». Май 1880 г.¹*

В № 14 газеты «Русский Инвалид» за текущий год была помещена очень интересная статья г. Струкова «Чистокровная лошадь в строю и в походе».

Чистокровная английская лошадь заявила свою быстроту давно и везде на скаковых испытаниях, куда она являлась после продолжительной тщательной и искусной тренировки, к которой способны так английские лошади, но еще до сих пор сами создатели этой лошади, несравненной по скорости, англичане, люди самые практические, не употребляют ее так, как рекомендует г. Струков.

Далее г. Струков говорит, что в Англии из 400 лошадей скачут с большим или меньшим успехом не более 40. Куда же деваются негодные для скачек? Конечно, самая незначительная часть их поступает, после невероятных проделок барышников, в производители преимущественно за границу; остальные же продаются за бесценок и попадают под охоту; их можно видеть в упряжи легких экипажей, непременно легких, потому что плечи английской скаковой лошади сотворены не для хомута.

Цены неспособных к скачке лошадей так незначительны, что ими можно было бы ремонтировать часть английской кавалерии, численность которой так невелика собственно в Англии.

¹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1427. Л. 1—6 об.

Будь скаковые лошади так хороши для походной и боевой службы, как убежден г. Струков, то англичане не преминули бы воспользоваться ими для своей кавалерии, тем более что это, возвыся достоинства лошадей, возвысило бы и их ценность. Но если в Англии не практикуется этот способ употребления чистокровной лошади, то есть другие причины, а не дороговизна их.

По материальным средствам и служебному положению г. Струков мог дать своим лошадям и удобнее помещения, и обильнее продовольствия, чем другие кавалерийские офицеры, и потому его лошади так блистательно перенесли все трудности похода. Доказательства, приводимые г. Струковым, могли бы заслуживать большего доверия, если бы он имел только одну лошадь, которая перенесла все трудности и лишения, перенесенные лошадьми строевых офицеров, но у него было их четыре, и они, имея гуттаперчевые попоны, делили трудности, выпадающие на долю лошади строевого офицера.

Потом г. Струков приводит как доказательство достоинств чистокровной английской лошади свои разъезды, где ему приходилось делать на одной лошади 100–200 верст, что при встречах с неприятелем он боялся только за своих ординарцев и что лошади сих последних в кукурузных плантациях путались, спотыкались и, как печальный пример, приводит изрубленного фельдшера.

Вполне доверяя г. Струкову, не можем пройти молчанием, что он, отправляясь в трудный, сопряженный с опасностями путь на неопределенное время, брал более сбереженную, отдохнувшую и самую надежную лошадь из своих четырех, а ординарцы его, не имея из чего выбирать, подтянув подпруги, садились на своих, какие были, некровных, исполнявших бессильно всякую службу, может быть, без всяких попон, стоявших под дождем и по колено в грязи, делали с г. Струковым те же 100–200 верст. А что касается несчастного фельдшера, то он, к сожалению, как плохой ездок, скорее мог свалиться с кровной, энергической лошади, чем с простой из заводных, и так же [мог] быть изрубленным турками.

В приводимых доказательствах достоинств чистокровной английской лошади в строю и в походе виден г. Струков: как неутомимый и лихой ездок, отважный и находчивый офицер

и, самое главное, как страстный охотник. Не смея подозревать его в задней мысли, мы позволяем себе думать, что он говорил бы с меньшей уверенностью об английской лошади, если бы у него было их не четыре и они были бы не из завода Н. П. Петровского, где все лошади при его жизни воспитывались по-спартански, и происходят от таких производителей, каких редко можно встретить теперь в Англии.

Государственное коннозаводство наше платило большие деньги за Лорда Фоукенберга Карактакуса и других, но таких, как-вы были Женераль-шассе, Вантроло и другие, преобразенные раньше, не могло иметь ни за какие деньги. Азартная игра в короткие скачки на трехлетках, которых начинают тренировать с полуторагодового возраста, лишило страну если не навсегда, то надолго, тех несравненных лошадей, которые составляли гордость англичан.

Английская лошадь, которую так протезирует г. Струков, по мнению опытных людей, не вполне соответствует рекомендуемому им употреблению.

Искусственно при помощи климатических и других условий переделали арабскую лошадь с высоким передом, грациозной шеей, круторебрую и с пропорциональными ногами в английскую, с шеей прямой, большей частью пашистую и полубокую и преимущественно с короткой берцовой костью, низкопередую.

При тренировании и скачках более всего страдают у скаковых английских лошадей передние ноги вследствие их низкопередости и, по той же причине, они имеют просторный ход в задую с большим переносом заднего следа за передний, что способствует им быстро подаваться вперед на скачках, но вместе с тем лишает их той гибкости, какою обладает арабская лошадь. Не пылкий темперамент, обуславливаемый текущей в жилах английской лошади благородной крови, как выражается г. Струков, а склад делает ее механически неспособной к кавалерийской выезде и сбору. Кровь той и другой тождественна. Кроме того, пашистые лошади всегда прожорливы и ходоконны; то и другое способствует, при недостатке корма, упадку сил и побоям седлом холки и спины.

Арабская лошадь вся, как говорится, в комке, а рожденная и воспитанная в нашем климате, достигает роста 2 арш.

з и более вершков, как дети Обиана-Серебряного, другого Обиана и Гайдамака в бывшем Хреновском арабском рассаднике, лошади, рожденные в заводах: Чесменском Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича Старшего и Сангушки. Эти лошади, можно сказать с полной уверенностью, может быть, уступая на скачках, конечно, не уступят в силе и энергии английским чистокровным, а в других отношениях преимущество несомненно на их стороне.

В заключение г. Струков ставит полукровную лошадь наравне с кровной, но он забывает, что наши верховые заводы, начиная с Хреновского, англо-арабской крови или полукровные. Даже Донских лошадей можно считать большею частью $3/4$ кровными. Заводы: Платова, Голицына, Иловайского, Чернозудова и других имели в косяках своих арабских и английских жеребцов в значительном количестве и, если не ошибаемся, в два первых поступил весь завод чистокровных лошадей известного знатока охотника, англомана г. Лунина и от них распространились полукровные матки и косячные жеребцы по донским степям.

Сколько известно из отзывов участвовавших в минувшей войне, людей беспристрастных, все верховые заводские лошади несли походную и боевую службу легко и, возвратясь здоровыми, служат под офицерами и во фронте так же хорошо, как служили до войны.

Говоря о полукровных, вероятно, г. Струков подразумевает только рожденных от скрещивания чистокровных английских жеребцов или маток с лошадьми всех других пород верхового сорта? Это скрещивание, освежая кровь, действительно может дать вполне удовлетворительные результаты, если бы была возможность иметь, хотя не таких производителей, какими воспользовался наш гениальный коннозаводчик граф Алексей Григорьевич Орлов и, следуя его примеру, граф Ростопчин, и только с правильными формами и задатками силы, тогда конечно ничего не оставалось бы желать, а так как мы можем получать из Англии только посредственных, то должны, выбирая из двух зол меньшее, обратиться к арабским потому, что недостатки сих последних по округлости их форм при передаче потомству менее будут вредны, чем отразившиеся на приплоде пороки английских.

В начале настоящего столетия привоз к нам из Англии лошадей был огромный. Во время Наполеоновских войн наша главная придворная конюшня была преимущественно составлена из них. Все военные люди со средствами ощущали необходимость, вступая в поход, обзавестись английским скакуном. Одним словом, на них была мода, ими щеголяли и дорожили, но, несмотря на то, сказать к слову, не много возвратилось их в Россию по окончании Отечественной войны.

Видя такой запрос на чистокровных лошадей, явился в двадцатых годах предприимчивый барышник-англичанин Жаксон с жеребцами сомнительных достоинств, но красивыми. Он устроил конюшню в Москве и в других местах, где развито было более коннозаводство. Все почти владельцы конных заводов обратились к нему и без разбора, не жалея денег, раскупили этих жеребцов, а у кого не хватало средств, те посылали маток на его случные пункты и этим способом перепортили свои заводы.

До появления Жаксоновских жеребцов наше коннозаводство на такой высокой степени и было в таких размерах, что едва ли могли соперничать с нами наши западные соседи. Жаксон, можно сказать, первый устроил правильным образом упадок наших конских заводов. С этого времени все реже и реже стали появляться прежнего общеупотребительного сорта лошади: рослые, сухие, с формами мекленбургских шорных, годные под верх и в упряжь¹.

Кровь английской скаковой лошади так сильна, что всецело передает приплоду и потомству как свои неоценимые достоинства, так и неисправимые пороки. Ее должно подливать с большим умением и осторожностью. Примером неумеренного пользования ею служат беловодские заводы: Ново-Александровский и Лиморевский, заводы эти с самого их основания имели производителей: английских ког-горстов, массивных хреновских рысаков и очень редко чистокровных английских.

¹ Еще в конце пятидесятих годов являлась на Тамбовские бега тройка г. Миллера, составленная из лошадей Завода В. Н. Комойна и, сделав па кругу тридцать верст в 1 ч. и 5 мин., на другой же день везла своего владельца в имение за 40 верст от Тамбова. Такие примеры не составляли исключения (Примечание автора записки).

Сверх того, чтобы придать правильность и красоту форме, добавлялись хреновские верховые, арабские, Ростопчинские и других азиатских пород. В них производились лошади кирасирского и шорного сорта: рослые с красивыми формами, костистые и вполне способные к кавалерийской службе. Старые кавалеристы хорошо помнят этих лошадей в ремонтах комиссии гвардейского ремонта, и в особенности бросались они в глаза по своей красоте во фронте гвардейской кирасирской дивизии.

В шестидесятых годах сделано было распоряжение о сформировании из этих двух заводов одного с уменьшением комплекта маток (до 150 при 15 производителях) и удержано название Ново-Александровского. Выбор пал, конечно, на самых лучших, сверх того, в число того же комплекта поступило по несколько маток из недавно расформированного старинного Починевского, Деркульского и Стрелецкого заводов. Таким образом, выбрано было 150 маток в заводской состав Ново-Александровского завода более чем из 600, но несмотря на то, нашли необходимым улучшать его чистокровными английскими. В заводской книге изд. 1869 года мы уже видим: 10 чистокровных жеребцов производителей, 1-го арабского и 4-х полукровных, но уже редко видим в продаже с аукциона тех рослых, красивых и костистых, какие были прежде; их заменили большею частью лошади легкого, неопределенного сорта, часто недомерки (мнее 2 арш. 11/2 верш.)

Нам кажется, что г. Струков, смотря на английскую чистокровную лошадь, преувеличивает ее достоинства и не замечает недостатков.

Очень жаль, что он в минувшую войну имел только одних чистокровных английских, так удачно выбранных, если бы у него были хреновские и других верховых заводов лошади, г. Струков мог бы их сравнивать, и тогда неизвестно какой из них он отдал бы предпочтение.

Старый кавалерист коннозаводчик

Сельцо Сербино, мая 1880 года

6. УСЛОВИЯ ВОЕННОЙ ИГРЫ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ КОНСТАНТИНА, НИКОЛАЯ И МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧЕЙ¹

Законы нашей войны

1. Партии воюющие разделяются по ранжиру.
2. Каждая партия избирает себе начальника.
3. Разделение армии на пехоту и кавалерию зависит от главнокомандующих.
4. Каждая воюющая армия имеет свой лагерь.
5. Кого притащат в неприятельский лагерь, считать пленником.
6. Те из пленных, которые не дают честного слова — оставаться в плену, имеют право убежать, ежели часовые не досмотрели.
7. Те, которые изменяют, или давшие честное слово оставаться в плену, убежать будут выключены из игры, и к следующему воскресенью не будут приглашаться.

*Председатель Законодательной комиссии
Константин*

*Члены Законодательной комиссии Николай
Михаил*

¹ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 82. Л. 1.

7. ЗАПИСКИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА
ПО ПРОВЕДЕНИЮ ВОЕННЫХ ИГР

В пакете с надписью «Репорты оловянной армии»¹

Командиры

Генерал-майор Стременцов

Генерал-майор Безухов

Полковник Рубака 1-ый

Командующий Подполковник Рубатской 3-ий

Генерал-майор Чепорный

Подполковник Лихачев

Майор Гром

Генерал-майор Веселый

Генерал-майор Грозный

Полковник Степенный

Подполковник Мазур

Генерал-майор Удалый

Подполковник Крепкий

Майор Украинцев

Генерал-майор Смелый

Генерал-майор Храбрый

Подполковник Донской

Майор Уральский

Генерал-майор Казбек

Командующий Полковник Бешау

Подполковник Элбарус

Генерал-майор Верской

Полковник Шикин

Полковник Учинский

¹ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–7.

Звание войск	Эскадронов	Батарей	Генералов	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых	Итого	Число рядовых во взводах и число действующей при-струги на оружие	Число лошадей
Чины штаба			2	4	5				11		
Союзный кавалерийский корпус											
1ая бригады											
Кирасирского Князя Пожарского полка	4		1	2	15	66	13	256	353	По 8 рядовых	335
Драгунского Сусанина полка	4		1	2	13	70	14	256	356	//8//	340
2ая бригады											
Уланского Минина полка	4		1	2	14	69	13	256	355	//8//	338
Гусарского Ермака полка	4		1	2	18	65	9	256	351	//8//	330
3ая бригады											
Казачьего Платова полка	4		1	2	12	71	12	256	354	//8//	339
Горского Цицианова полка	4		1	2	4	78	9	256	350	//8//	343
Итого	24			16	81	419	70	1536	2130		2025
1ая Конно-артиллерийская бригада											
Батарея Легкой № 1		2	1	1	2	13	4	54	54	По 4 человека	51
Батарея Легкой № 2		//	//	1	2	8	3	65	65		62
Итого		2	1	2	4	21	7	120	120		113
Всего	24	2	9	18	85	440	77	2250	2250		2138
Орудий легких 10											

Генерал-лейтенант Михайлов

Начальник корпуса Генерал-лейтенант Михайлов

Звание войск

1ая бригады:

Кирасирской Князя Пожарского полк

Драгуны: 1ой / 2ой

Драгунский Сусанина полк

Драгуны: 1ой / 2ой

2ой бригады:

Уланский Минина полк

Драгуны: 1ой / 2ой

Гусарский Ермака полк

Дивизионы: 1ой / 2ой

Горский Цицианова полк

Дивизионы: 1ой / 2ой

1ая Артиллерийская бригада

Батарея Легкой № 1

Батарея Легкой № 2

Главный командующий Союзными войсками генерал-фельдмаршал

Звание войск	Командиры
Пехота: 1ой Бригады: Лейб-гвардии гренадерского полка Фельдмаршала графа Паскевича полка 2ой Бригады: Фельдмаршала герцога Веллингтона полка Цесарского полка 3^{ей} Бригады: Принца Оранского полка Волонтерского егерского полка	Генерал-лейтенант Николай Генерал-майор Чернобровкин Полковник Прелесный Полковник Македонский Генерал-майор Быстрый Полковник Велепов Полковник Безобразов Генерал-майор Левицкий Подполковник Дерозубов Полковник Легкобетов
Кавалерия: 1ой Бригады: Кирасирского князя Пожарского полка Драгунского Сусанина полка 2ой Бригады: Уланского Минина полка Гусарского Ермака полка 3^{ей} Бригады: Казачьего Платова полка Горский Цицианова полка	Генерал-лейтенант Михайлов Генерал-майор Стременцов Генерал-майор Безухов Генерал-майор Чонорный Генерал-майор Веселый Генерал-майор Грозный Генерал-майор Удалой Генерал-майор Смелый Генерал-майор Храбрый Генерал-майор Казбек
Артиллерия: Конно-артиллерийской бригады: Батареи Легкой № 1 Батареи Легкой № 2 Батареи Легкой № 3 Конно-артиллерийской бригады: Батареи Легкой № 1 Батареи Легкой № 2	Генерал-майор Верской Полковник Шикин Полковник Учинский

Имеет быть в строю

Имя и войск																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																				
-------------	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

Звание войск	Батальонов	Эскадронов	Батарей	Генералов	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых	Итого	Число рядовых во звёздах и число прислуги на оружие	Число лошадей
Кавалерия												
1ая Бригады:												
Кирасирского князя Пожарского полка	4		1	2	15	66	13	256	353			335
Драгунского Сусанина полка	4		1	2	13	70	14	256	356			340
2ая Бригады:												
Уланского Минина полка	4		1	2	14	69	13	256	355			331
Гусарского Ермака полка	4		1	2	18	65	9	256	351			330
3ая Бригады:												
Казачьего Платова полка	4		1	2	12	71	12	256	354			339
Горский Цицианова полка	4		1	2	4	78	9	256	350			349
Итого	24	6	12	76	419	70	1536	2119				2025
Артиллерия												
Конно-артиллерийской бригады:												
Батареи Легкой № 1			1		1	12	3	36	54			16
Батареи Легкой № 2			1		1	12	4	40	58			32
Батареи Легкой № 3			1		1	12	4	40	58			32
Итого			3		2	36	11	116	167			50
Конно-артиллерийской бригады:												
Батареи Легкой № 1			1	1	2	19	4	55	55			51
Батареи Легкой № 2			1	1	2	8	3	65	65			62
Итого			2	2	4	27	7	120	120			113
Всего	18	24	5	12	47	230	1142	505	4041	5977		2216
Орудий пехотных 12												
Орудий конных 10												

Главнокомандующий Союзной армией
Генерал-фельдмаршал Константин

Генерал-лейтенант Николай

Название войск	Командиры
1ая Бригада: Лейб-гвардии Гренадерский полк Батальоны 1, 2, 3 Фельдмаршала графа Паскевича полк Батальоны 1, 2, 3	Генерал Майор Чернобровкин Полковник Прелесный Подполковник Тихий Майор Урыв Майор Глупый Полковник Македонский Майор Лебедев Подполковник Волков Майор Фарлиф
2ая Бригада: Фельдмаршала герцога Веллингтона полк Батальоны 1, 2, 3 Цесарский полк Батальоны 1, 2, 3	Генерал Майор Быстрый Полковник Веменов Подполковник Безносов Майор Кривоносов Майор Тихонов Полковник Безобразов Подполковник Безруков Майор Куропаткин Майор Вилкоточкин
3ая Бригада: Принца Оранского полк Батальоны 1, 2, 3 Волонтерский полк Батальоны 1, 2, 3	Генерал-майор Левицкий Майор Дергозубов Майор Индейцев Майор Косоглазый Майор Кривой
1ая Артиллерийская бригада Батареи Легкая 1, 2, 3	Полковник Легкобегов Подполковник Курицин Майор Курчавый Майор Каменков Подполковник Пуженко Полковник Забрэжинский Майор Травер Майор Коленкур

Звание войск	Батальонов	Батарей	Генералов	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых	Итого	Число рядовых во взводах и число прислуги на оружие	Число лошадей
Чины штаба			3	3	4				10		
Союзный пехотный корпус											
1 ^{ая} бригады											
Лейб-гвардии Гренадерского полка	3			4	19	111	67	384	586	По 8 рядовых	
Фельдмаршала графа Паскевича Ериванского полка	3			4	27	111	68	384	594		
2 ^{ая} бригады											
Фельдмаршала герцога Веллингтона полка	3			4	20	111	69	384	588	По 8 рядовых	
Цесарского полка	3			4	22	111	59	384	580		
3 ^{ья} бригады											
Принца Оранского полка	3			4	27	111	71	384	597	По 8 рядовых	
Волонтерского Егерского полка	3			4	24	111	82	384	605		
Итого	18	3	27	143	666	417	2304	3560			
1 ^{ая} Артиллерийская бригада											
Батарея Легкой № 1		1		1	1	12	3	36	54	По 9 человек	16
Батарея Легкой № 2		1		1		12	4	40	58		32
Батарея Легкой № 3		1			1	12	4	40	58		32
Итого		3		2	2	36	11	116	167		80
Всего Орудий легких 12	18	3	3	29	145	702	428	2420	3727		80

Генерал-лейтенант Николай

Имеет быть в строю

Знапие войск	Батальонов	Эскадронов	Батарей	Генералов	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых	Итого	Число рядовых во взводах и число прислуги на оружии	Число лошадей
Союзный пехотный корпус												
Чины штаба				3	3	4				10		
1 ^{ая} Бригады												
Лейб-Гвардии Гренадерского полка	3				4	19	111	68	384	536	По 8 рядовых	
Фельдмаршала Графа Паскевича Ериванского полка	3				4	27	111	68	384	594		
2 ^{ая} Бригады												
Фельдмаршала герцога Веллингтона полка	3				4	20	111	69	384	588	По 8 рядовых	
Цесарского полка	3				4	22	111	59	384	580		
3 ^{ая} Бригады												
Принца Оранского полка	3				4	24	111	71	384	597	По 8 рядовых	
Волонтерского егерского полка	3				4	24	111	82	384	605		
Итого	18				27	143	666	417	2304	3550		

[illegible]

8. ПИСЬМО НИКОЛАЯ I СЫНУ,
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ
НИКОЛАЕВИЧУ. 27 ИЮЛЯ 1838 Г.¹

27 июля 1838 г.

9 августа

Теплиц

Пишу тебе в первый ещё раз, любезный Низи, с благодарным к Богу сердцем, вспоминая что тобою наградил нас Господь в минуты самые тяжёлые для нас, как утешение и предвестник конца наших разнородных бедствий. Вот и семь лет тому прошло, и вместе с этим по принятому у нас в семье обычаю, получил ты **саблю!!!**

Великий для тебя и для нас день! Для нас, ибо сим знаком посвящаем третьего сына на службу будущую брату и родине. Для тебя же тем, что получаешь первый знак твоей будущей службы. В сабле и мундире офицера ты должен чувствовать, что с сей минуты вся будущая твоя жизнь не твоя, а тому принадлежит, чьим именем получил ты сии знаки. С сей минуты ты постоянно должен не терять из мыслей, что ты беспрестанно стремиться должен, постоянным послушанием и прилежанием быть достойным носить сии знаки, не по летам тебе данные, но в возбуждение в тебе благородных чувств и с тем, чтобы некогда достойным быть своего звания. Молись усердно Богу и проси его помощи. Люби и почитай своих наставников, чти твоих родителей и старшего брата и прибегай к их советам всегда и с полною доверенностью и тогда наше благословение будет всегда над твоей дорогой головой. Обнимаю тебя от души, поручаю тебе поцеловать братцев и поклониться от меня искренно Алексею Илларионовичу.

Бог с тобой
твой верный друг папа.
Н.

¹ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 347. Л. 1—3 об.

9. ПОЛНЫЙ ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СТАРШЕГО. 1883 г.¹

Составлен 17 августа 1880 года

I. Чин, имя, отчество и фамилия

Генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, его императорское высочество великий князь Николай Николаевич старший

II. Должность по службе

Генерал-инспектор по инженерной части и всей кавалерии, член Государственного совета и Александровского комитета о раненых; председатель Главного комитета по устройству и образованию войск;

Почетный президент: Николаевской Инженерной академии; ИМПЕРАТОРСКОГО Казачьего Экономического общества и Владимирского общества рысистых бегах; покровитель Тульского скакового общества; Сибирского общества Дольского хозяйства, Комитета акклиматизации животных и растений, учрежденного при ИМПЕРАТОРСКОМ Московском обществе Дольского хозяйства и Российского общества садоводства.

Почетный член: ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Географического общества; Императорской Медико-хирургической академии; ИМПЕРАТОРСКОГО С.-Петербургского университета; ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии наук; Михайловской Артиллерийской академии; ИМПЕРАТОРСКОГО Вольного Экономического общества; Российского Общества любителей садоводства; ИМПЕРАТОРСКОГО Московского общества сельского хозяйства и Горьгорецкого земледельческого института; Мюнхенского Общества художеств; Мюнхенского Общества поощрения промышленности и Берлинского общества акклиматизации животных;

¹ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11. Л. 1—62 об.

Шеф: л.-гв. Уланского полка; 6-го Саперного батальона и 3^я рот л.-гв. Саперного батальона и л.-гв. 4-го Стрелкового Императорской фамилии батальона и Имени своего полков: Драгунских: 8-го Астраханского и 15-го Тверского; 53-го Пехотного Волынского; 5-го Гусарского Александрийского; 9-го Гренадерского Сибирского и 1-го Кавказского Саперного батальона и полков: Австрийского Гусарского № 2 и Прусского Кирасирского № 5.

Числится в полках: л.-гв. Преображенском, Семеновском, Литовском, Конном Гусарском Его Величества и Казачьем Его Величества; в роте Николаевского инженерного училища и в Донском Казачьем войске.

III. Ордена и знаки отличия

Кавалер орденов Российских: Св. Апостола Андрея Первозванного; Св. Георгия 1/2/4 ст.; Св. Владимира 1 степени; Св. Александра Невского; Белого Орла; Св. Анны 1 ст. и Св. Станислава 1 ст.;

Иностраннх: Прусских: «*Pour le mérite*» с дубовыми листьями; Красного и Черного Орла и Гогенцолернской цепи; Виртембергских: Короны и военных заслуг; Нидерландского льва; Австрийского Св. Стефана; Датского — Слона; Итальянского Благовещения; *Annunziata*; французского почетного легиона 1 ст.; Саксонской — Зеленой короны; Баварского — Св. Губерта; Неаполитанского — Св. Фердинанда; Пармского — Св. Георгия Константинопольского 1 ст.; Дармштадского — Людвига; Баденских: Верности и Льва Церингенского; Веймарского Белого сокола или Бдительности; Ольденбургского — заслуг; Саксон-Альтенбургского — Эрнестинского Герцогского дома 1 ст.; Турецкого — Османе 1 ст., украшенного бриллиантами; Греческого Спасителя; Мекленбург-Шверингских: Вендской короны 1 ст. и крестов за военные заслуги 1 и 2 ст.; Шведского — Серафима; Румынской заезды 5 и 1 ст.; Черногорского князя Данила 1 ст.; Сербского — Такова 1 ст. и Защитника Гроба Господня.

Имеет вензелевое изображение Имени в Бозе почившего Государя Императора Николая I; золотую саблю с надписью «за храбрость», золотую саблю бриллиантами украшенную, с надписью «за переход через Балканы в декабрь 1877 года», крест за службу на Кавказе.

Медали: золотую с надписью «за труды по освобождению крестьян» и серебряные: за защиту Севастополя; за покорение Чечни и Дагестана в 1857, 1858 и 1859 гг. Бронзовые: в память войны 1853–1856 гг.

и в память войны 1877–1878 гг.; Прусскую — в память дня коронования Его Величества короля Вильгельма I; Румынскую — за военные заслуги; Сербскую «за храбрость» и Черногорскую «за храбрость». Прусский крест за 25-летнюю службу. Румынский крест за переход через Дунай и портрет Его Величества Шаха Персидского

IV Когда родился: 27 июля 1831 года

V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец: Сын в Бозе почившего Императора Николая I

VI. Какого вероисповедания: Православного

VII. Где воспитывался: В доме родителей

VIII. Получаемое на службе содержание: Жалованья — 1696 р. Столовых — 3500 р. Добавочных — 4582 р. 50 к.

IX. Происхождение службы

Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин, производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места служения или должности в другую, с объявлением, по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию, когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемилодивейшие рескрипты, Высочайшие благоволения.

Назначен шефом л.-гв. Уланского полка с состоянием л.-гв. в Саперном батальоне ВЫСОЧАЙШИМ приказом — 1831 Июля 27

ВЫСОЧАЙШЕ повелено считаться л.-гв. в Семеновском полку — 1834 декабря 6

Его Величеством Королем Прусским Фридрихом Вильгельмом III пожалован орденами Красного и Черного Орла — 1838 г.

Вступил в ряды кадет 1-го Кадетского корпуса и находясь в карауле на Главной Петергофской гауптвахте, удостоился получить денежное награждение 1 р. сер. — 1839 июня 26
(1846/1847/1848/1849 июля 2 — То же)

Его Величеством Виртембергским пожалован орден Короны — 1846 г.

Подпоручиком — 1846 июля 1

Поручиком — 1847 октября 13

Капитаном — 1848 августа 30

В 1849 и 1850 годах командовал в лагере Военно-учебных заведений сводною ротой Гвардейских подпрапорщиков Пажеского корпуса

Назначен шефом полков Имени Его Императорского Высочества, в Бозе почившего Великого Князя Михаила Павловича: Драгунского Тверского и Сибирского Гренадерского Имени Его Высочества — 1849 сентября 19

Его Величеством Королем Нидерландским пожалован орден Нидерландского Льва — 1849 г.

Флигель-адъютантом — 1850 апреля 23

Полковником — 1850 октября 23

За смотры и ученья в присутствии Государя Императора объявлено Монаршее благоволение 1851 января 6 и апреля 25

Назначен шефом Прусского Кирасирского № 5 полка — 1851 Мая 20

За смотры, парады и маневры в Высочайшем присутствии объявлены Монаршие благоволения в приказах, командуя в то время в лагере батальоном 1-го Кадетского корпуса — 1851 июня 20/21/27; июля 4; августа 7

Высочайше повелено считаться по спискам л.-гв. Конно-Пионерного Эскадрона (ныне упраздненного), коего мундир носил с 1840 года — 1851 сентября 4

Прикомандировать для узнания порядка службы л.-гв. к Конному полку с тем, чтобы командовать дивизионом — 1851 ноября 28

Его Величеством Императором Австрийским пожалован орден Св. Стефана — 1851 г.

За смотр в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность по званию генерал-инспектора по инженерной части — 1852 февраля 7

Его Величеством Королем Саксонским пожалован орден Зеленой Короны Rauten Orden — 1852 февраля 27

Назначен шефом Австрийского Гусарского № 2 полка — 1852 марта 2

Пожалованы ордена:

Его Величеством Королем Баварским — Св. Губерта — 1852 марта 19

Его Величеством Королем Неаполитанским — Фердинанда — 1852 мая 2

Герцогом Пармским — Св. Георгия Константильянского 1 степени — 1852 мая 10

Великим Герцогом Дармштадтским — Людвига — 1852 мая 28

Великим Герцогом Баденским — Верности и Льва Церингенского — 1852 мая 29

Великим Герцогом Веймарским — Белого Сокола или Бдительности — 1852 июня 7

Ольденбургский Орден Заслуг — 1852 г.

За смотр в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность по званию генерал-инспектора по инженерной части, за наводку понтонного моста — 1852 июня 10

За примерную быстроту и точность в передаче повелений Государя Императора во время маневров объявлено особенное Монаршее благоволение — 1852 августа 12

За смотр практических саперных работ в присутствии Государя Императора объявлена совершенная признательность, по званию генерал-инспектора по инженерной части — 1852 августа 20

Назначен шефом Астраханского Кирасирского (ныне Драгунского) полка, с именованьем этому полку именем Его Высочества — 1852 сентября 20

Генерал-майором с назначением генерал-инспектором по инженерной части и командиром 1-й бригады бывшей 1-й Легкой гвардейской кавалерийской дивизии — 1852 ноября 26

За смотры, парады и маневры в присутствии Государя Императора объявлены Монаршие благоволения — 1853, января 1; апреля 30; мая 25, 28; июня 3, 14, 20; июля 4, 9, 24, 25, 30; августа 12/ 1854; апреля 3; мая 20, 22, 28

За смотр работ по устройству батарей на устьях р. Невы, объявлена искренняя признательность — 1854 июня 5, 6, 8, 11; августа 24; сентября 1, 2

В воздаяние из личного мужества и примерной храбрости, оказанной Им в сражении на Инкерманских высотах, пожалован орден Св. Георгия 4-го класса — 1854 октября 24

Назначен членом Государственного совета — 1855 марта 27

С Высочайшего разрешения, циркуляром командовавшего Императорскою Главною квартирою, объявлена искренняя признательность в Бозе почившего Государя Императора Николая Павловича, изъявленная Его Величеством в 23-ей статье духовного завещания своего следующими словами: «искренно благодарю всех бывших при МНЕ г.г. генерал-адъютантов, генералов МОЕЙ свиты и флигель-адъютантов за верную их службу; прошу их с тою же любовью и преданностью служить МОЕМУ Сыну» — 1855 марта 31

Назначен шефом 6-го Саперного батальона — 1855 апреля 17

За смотр в высочайшем присутствии, объявлено монаршее благоволение в особенности — 1855 апреля 9

За успешное укрепление подступов к кр. Выборгу и за смотры береговых батарей в Финляндии объявлено особое монаршее благоволение — 1855 июня 18

Назначен шефом 2-го батальона Стрелкового полка императорской фамилии — 1855 июня 22 и л.-гв. Конно-пионерного эскадрона (ныне упраздненного) — 1855 августа 30

За успешное возведение батарей у дер. Бронной, объявлена искренняя признательность его величества — 1855 сентября 3

Назначен генерал-адъютантом — 1856 января 25

Назначен шефом Александрийского гусарского полка и 3-й Саперной роты л.-гв. Саперного батальона — 1855 января 25

За успешное исполнение инженерных работ по укрытию Кронштадтского рейда, объявлена искренняя признательность его величества — 1856 марта 9

Генерал-лейтенантом — 1856 августа 26

Назначен почетным президентом Николаевской Инженерной академии и начальником бывшей 1-й легкой Гвардейской Кавалерийской дивизии, с оставлением в звании генерал-адъютанта и членом Государственного совета — 1856 августа 26

При состязании офицеров в цельной стрельбе на дистанции 400 шагов получил приз 2-го разряда, стрелковое ружье 6-ти линейного калибра, с вензелем Его Величества и надписью: 4 сентября 1856 г. «За отличную стрельбу Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу» — 1856 сентября 4

Свидетельство на получение сего приза из штаба Гвардейских и Преображенского корпусов 19 сентября 1856 года № 20

Зачислен в списки л.-гв. Стрелкового батальона Императорской фамилии, с назначением шефом в 3-й роты сего батальона — 1856 октября 1

За смотры и ученья в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность Его Величества — 1856 октября 20

Монаршие благоволения: октября 22, 23, 30, 31; ноября 10, 30; декабря 13

Получил Высочайший рескрипт за собственноручным подписанием Его Величества, следующего содержания: «Ваше Императорское Высочество! Незабвенный Родитель Наш, назначая Ваше Императорское Высочество Генерал-Инспектором Инженерной части, указал путь, по которому должна преимущественно проходить служба Вашего Престола и Отечеству. Указом сего числа Правительствующему Сенату Я представил Вашему Высочеству вступить в исполнение должности, с званием Вашим сопряженной. Я остаюсь уверенным, что Ваше Высочество, постигая всю важность вверяемой управлению Вашему инженерной части, употребите все усилия Ваши, дабы часть сия постоянно находилась в желаемой степени совершенства» — 1856 января 25

За смотры и ученья в Высочайшем присутствии объявлено Монаршее благоволение — 1857 января 19

Искренняя признательность: 1857 Марта 7; мая 4, 22, 24, 26; июля 3

Монаршее благоволение — 1857 июня 24, 25, 26, 29, 30, 31; августа 10, 15

Назначен начальником 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии нового состава, с оставлением в тех же званиях и должностях — 1857 августа 17

За отличный порядок воинских зданий и укреплений и за успешное производство работ в Ивановгородской крепости, объявлена совершенная признательность, по званию генерал-инспектора по инженерной части — 1857 августа 29

За смотры, парады и ученья в Высочайшем присутствии объявлены: искренняя благодарность — 1857 октября 4; монаршее благоволение — октября 18; ноября 6; декабря 14; искренняя признательность — 1858 января 6; июля 26; августа 2

Назначен шефом 1-го Кавказского Саперного батальона, с именованием Именем Его Высочества 1858 сентября 26

Назначен командующим Гвардейским Кавалерийским Корпусом с оставлением в прежних должностях и званиях — 1859 апреля 12

Сдал дивизию и принял корпус — 1859 апреля 12

За маневры и смотры в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность Его Величества — 1859 июня 14; августа 2

Особенная благодарность — 1859 августа 11

Его Величеством Императором Французов пожалован орден Почетного Легиона — 1860 в мае

За смотры, ученья и маневры в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность — 1860 июля 22

Утвержден Командиром Гвардейского резервного Кавалерийского корпуса — 1860 июля 22

За смотры в Высочайшем присутствии с душевным удовольствием изъявлена совершенная признательность — 1860 августа 9

Генерал-инспектором, с оставлением командиром корпуса — 1860 августа 30

За смотры, ученья и маневры в Высочайшем присутствии объявлены: совершенная признательность 1861 мая 2; июня 3, 29, 31

По Высочайшему повелению командовал отдельным Гвардейским корпусом — 1861 с апреля 19 по июня 31, командуя вместе с тем и Гвардейским Резервным Кавалерийским корпусом

За отличное состояние войск отдельного Гвардейского корпуса объявлена особая благодарность — 1861 августа 4

Назначен временно командовать отдельным Гвардейским корпусом, с оставлением в прежних должностях и званиях — 1862 июня 23

Вступил в командование — 1862 июня 23

За маневры и смотры в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность — 1862 августа 5

Совершенная признательность — 1862 августа 8

Назначен Командиром отдельного Гвардейского корпуса, с зачислением л.-гв. в Конный полк — 1862 августа 30

Награжден орденом Св. Владимира 1-й степени — 1863 января 1

Зачислен в списки Кондукторской роты Николаевского Инженерного училища — 1863 января 23

За смотры в Высочайшем присутствии объявлены: Искренняя признательность — 1863 апреля 20, 27. Совершенная признательность мая 14. Искренняя признательность июня 12, 21; июля 3, 10, 23. Особая признательность — 1864 апреля 27. Искренняя признательность июля 12

Зачислен л.-гв. в Преображенский полк — 1864 августа 6

Получил Высочайший рескрипт за собственноручным подписанием Его Величества, следующего содержания: «Ваше Императорское Высочество! Во время лагерного сбора в Красном селе, Я неоднократно присутствовал при учебных занятиях и маневрах состоящих под Вашим начальством гвардейских войск и каждый раз, к искреннему удовольствию свосму, более и более убеждался, что войска эти находятся в отличном состоянии. Твердость и отчетливость всех движений и построений, правильность и меткость стрельбы, бодрый и веселый вид солдат и особое усердие их к исполнению своих обязанностей свидетельствуют о совершенном знании ими своего дела, о превосходной системе их образования и постоянной заботливости о них начальства. Изъявляя Вашему Императорскому Высочеству искреннюю Мою признательность за неутомимую деятельность Вашу по благоустройству вверенных вам войск, пребываю к Вам навсегда неизменно благосклонным» — 1864 августа 7

За смотры, ученья и маневры в Высочайшем присутствии объявлены: искренняя признательность — 1864 августа 7

Назначен членом комитета о раненых — 1864 августа 18

За смотр в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность — 1864 августа 21

По упразднении звания отдельного Гвардейского корпуса назначен командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа — 1864 сентября 10

Назначен генерал-инспектором кавалерии — 1864 сентября 17

За смотр в Высочайшем присутствии объявлена особая признательность — 1864 октября 28

За тревогу в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность — 1865 февраля 22

За смотр в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность — 1865 июня 22

За маневры и наводку плавучего моста чрез р. Неву в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность — 1865 августа 4

За смотр в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность — 1865 августа 7

Получен Высочайший Рескрипт за собственноручным подписанием Его Величества, следующего содержания: «Имея случай во время лагерного сбора нынешнего лета под Красным селом удостовериться, что вверенные Главному начальству Вашему войска Гвардии и Петербургского военного округа по своему образованию, порядку и духу воинскому не только находятся в том же блистательном состоянии, в котором я привык их видеть, но еще постоянно совершенствуются во всех отраслях своего благоустройства, Я вмещаю Себя в приятную обязанность выразить Вашему Императорскому Высочеству полное Мое удовольствие и признательность за неутомимые Ваши труды и заботы о вверенных Вам частях и уверен, что Попечения Ваши и впредь поддержат эти войска в том же отличном состоянии: Препываю к Вам навсегда неизменно благосклонным»

За смотр строящихся батарей в Кронштадте объявлена искренняя признательность — 1865 августа 11

За смотр в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность — 1865 октября 9

За смотры войскам в Высочайшем присутствии объявлена особая признательность — 1866 февраля 22; апреля 6

За смотры, маневры и ученья объявлено Монаршее благоволение — 1866 июня 20; августа 5

Получен Высочайший рескрипт за собственноручным подписанием Его Величества¹ — 1866 августа 8

За смотр Кронштадтских батарей объявлена искренняя признательность — 1866 августа 9

За отличное состояние войск, бывших при встрече Марии Дагмары, Принцессы Датской, объявлена искренняя благодарность Его Величества — 1866 сентября 14

За смотр в Высочайшем присутствии объявлена Его Величеством особая признательность — 1866 ноября 15

За полезные и обширные труды, исполненные Главным комитетом по устройству и образованию войск объявлена искренняя признательность Его Величества — 1867 мая 7

За смотры и маневры объявлены: признательность Его Величества — 1867 мая 14; искренняя признательность — июля 15

Пожалован Датский орден Слона — 1867

Получен Высочайший рескрипт за собственноручным подписанием Его Величества² — 1867 июня 17

Назначен Главнокомандующим войсками Гвардии и Петербургского военного округа — 1867 августа 30

¹ Содержание которого почти дословно повторяет рескрипт от августа 1865 г.

² Содержание которого почти дословно повторяет рескрипт от августа 1865 г.

За смотр в Высочайшем присутствии объявлена особая признательность — 1867 октября 2

Его Величеством Королем Эллинов пожалован Греческий орден Спасителя — 1867

Получен Высочайший рескрипт¹ — 1868 апреля 22

За смотры войскам в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность Его Величества — 1868 мая 2; июня 27; июля 12

Получен рескрипт за собственноручным подписанием Его Величества² — 1868 июля 12

За смотр в Высочайшем присутствии войскам, собранным при г. Варшаве, объявлена искренняя признательность Его Величества — 1868 сентября 18

За смотр в Высочайшем присутствии объявлена особая признательность Его Величества — 1868 сентября 24; особая признательность — декабрь 23

Пожалован Черногорский орден Даниила 1-й степени — 1868 декабря 28

За труды в Высочайше утвержденной комиссии по разъяснению вопроса о перевооружении нашей армии, объявлена искренняя признательность Его Величества, как председателю этой комиссии — 1869 марта 20

За отличное исполнение в 1868 году геодезических, топографических и гравированных работ военно-топографического отдела Главного штаба, а также чертежных работ Главного инженерного управления, объявлена искренняя признательность Его Величества — 1869 апреля 9

За смотры и парады объявлена искренняя признательность Государя Императора — 1869 мая 2; июня 6; октября 16

¹ Содержание которого почти дословно повторяет рескрипт от августа 1865 г., с добавлением текста «Я жалую по 300 т. р. ежегодно для выдачи пособий в размере полугодовых окладов жалованья всем Штаб- и Обер-офицерам, которые несут в войсках Гвардии действительную службу».

² Содержание схоже с предыдущими рескриптами.

Получен рескрипт за собственноручным подписанием Его Величества¹ — 1869 июля 11

Получен орден Мекленбург-Шверинский 1-й степени от Грос Герцога Мекленбург-Шверинского — 1869 августа 30

За отличное исполнение в 1869 г. членами Генерального штаба и Корпуса военных топографов геодезических, топографических, гравировальных и фотографических работ и чертежных работ Главного инженерного управления объявлена искренняя признательность Его Величества — 1870 апреля 3

За смотр войскам в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность Его Величества — 1870 июня 27

За маневры войск в Красном Селе с 16-го по 21-е июля в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность Его Величества — 1870 июля 21

Получен Высочайший рескрипт² — 1870 июля 21

За смотры и парады в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность Его Величества — 1870 августа 10; октября 9; 1871 января 7; марта 18; апреля 22; июля 23, 29

Выражена совершенная признательность Его Величества по окончании серии бригадных учений бывших в Высочайшем присутствии — 1871 мая 27

Высочайший рескрипт³ — 1871 августа 11

За смотры и парады в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность Его Величества — 1871 августа 21; октября 29; ноября 27; 1872 января 17, 21; февраля 10, 12, 19, 26; мая 30; июня 29; июня 5, 17

Его Величеством Германским Королем Прусским пожалован орден «Pour le Mérite» — 1871 ноября 27

¹ Содержание схоже с предыдущими рескриптами.

² Содержание схоже с предыдущими рескриптами.

³ Содержание схоже с предыдущими рескриптами.

Высочайший рескрипт¹ — 1872 июля 17

За смотр войскам в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность — 1872 октября 30

От Императора Германского Короля Прусского получил цепь Гюгенцолернскую — 1872 августа 30

Его Величеством Султаном Турецким пожалован орден «Османие 1-й степени», украшенный бриллиантами — 1872

Получил в Иерусалиме от патриарха Кирилла Орден защитника Гроба Господня — 1872 октября 28

За смотр войскам в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность — 1873 февраля 12; апреля 20; мая 11; июня 23

Его Величеством Шахом Персидским пожалован портрет — 1873 мая 10

Высочайший рескрипт² — 1873 августа 10

За маневры с 4-го по 10-е августа объявлена искренняя признательность Его Величества — 1873 августа 10

За парад войскам при открытии памятника в Бозе почившей Императрицы Екатерины II, объявлена искренняя признательность Его Величества — 1873 ноября 24

От Его Высочества Герцога Эрнеста Саксон-Альтенбургского получен орден Эрнестинского Герцогского Дома 1-й степени — 1873 декабря 29 — 1874 января 10

За смотры войскам в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность Его Величества — 1874 января 14; февраля 7; апреля 18

За маневры с 30-го Июля по 7-е Августа объявлена искренняя признательность Его Величества — 1874 августа 7

¹ Содержание схоже с предыдущими рескриптами, с добавлением текста «... Я с удовольствием видел, как при маневрировании артиллерия искусно сосредотачивалась в большие батареи, как пехота правильно пользовалась своим скорострельным оружием и как, в свою очередь, кавалерия согласовала свои достижения с пехотою и артиллерию...».

² Содержание схоже с предыдущими рескриптами.

Получил Высочайший рескрипт¹ с собственноручным подписанием: «Искренно Вас любящий Александр» — 1874 августа 7

Объявлена совершенная благодарность Его Величества за отличный порядок войск, бывших при торжественной встрече в С. Петербурге Высоконареченной невесты Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича — 1874 августа 15

За смотр войскам в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность Его Императорского Величества — 1874 ноября 23

Объявлена искренняя признательность Его Величества при обзоре геодезических и топографических работ, произведенных в 1874 г. чинами Генерального Штаба и Корпуса военных топографов, а также чертежных работ Главных Управлений: Инженерного и Интендантского — 1875 апреля 2

Зачислен в Л.-гв. Казачий Его Величества полк — 1875 апреля 20

За смотр войскам в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность Его Величества — 1875 апреля 24; июля 4

Его Величеством Королем Шведским пожалован орден Серафима — 1875 июля 4

Зачислен в сословие Донского Казачьего войска во вновь образуемую станицу, на урочище Карачеплаке, которая наименована «Великокняжескою» — 1875 июля 11

За корпусный маневр в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность Его Величества — 1875 июля 25

За маневры с 30-го июля по 4-е августа в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность Его Величества — 1875 августа 4

Пожалован Итальянский орден Благовещения /Annunziadu/ — 1875

За смотры войскам в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность Его Величества — 1876 января 16, 23; апреля 27; июля 12, 30; августа 10

¹ Содержание схоже с предыдущими рескриптами.

Получил Высочайший рескрипт¹ — 1876 августа 10

Высочайшим приказом назначен главнокомандующим Действующей Армией, с оставлением во всех прежних должностях и званиях — 1876 ноября 1

За смотр войскам в Высочайшем присутствии изъявлена искренняя признательность Его величества — 1876 ноября 3

Высочайшим приказом от 6-го ноября 1876 зачислен в полки л.-гв.: Гусарский Его Величества и Литовский, с оставлением во всех прежних занимаемых Им должностях и званиях — 1876 ноября 6

Выехал из Петербурга к Действующей Армии — 1876 ноября 19

Вступил в командование Действующей Армией — 1876 ноября 23

Объявлена искренняя признательность Его Величества за смотры войскам Действующей Армии в Жмеринке и Бирзуле — 1877 апреля 10; Тирасполе и Унгени — апреля 11; в Кишиневе — апреля 12

Назначен шефом 53-го Пехотного Волынского полка, коему и повелено именоваться 53 Пехотным Волынским Имени Его Высочества полком — 1877 апреля 17

Государь Император, осмотрев войска действующей армии и найдя их в превосходнейшем во всех отношениях виде, соизволил объявить искреннюю признательность Его Величества — 1877 апреля 19

Объявлена искренняя признательность Его Величества за смотр войскам Гвардии и Петербургского военного округа — 1877 апреля 28

Объявлена искренняя признательность Государя Императора при осмотре Его Величеством чертежных работ Главного инженерного управления — 1877 мая 5

За успешное исполнение произведенной осенью 1876 г. и в апреле 1877 г. мобилизации частей армии объявлена искренняя признательность Его Величества — 1877 мая 9

¹ Содержание схоже с предыдущими рескриптами.

За подвиги отличной распорядительности во время войны 1877 г., увенчавшейся блестящим успехом при переправе наших войск через р. Дунай, Всемилоостивейше награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-й степени — 1877 июня 15

Пожалован Мекленбургский крест за военные заслуги 2-й степени — 1877 июня 15

Пожалована Черногорская медаль Милоша Обилича «За храбрость» — 1877 июня 15

Высочайшими приказами по войскам Действующей армии и по военному ведомству, объявлена сердечная и глубокая признательность Государя Императора, по случаю совершившейся, с полным успехом, переправы войск через р. Дунай — 1877 июня 17

Пожалованы ордена Румынской звезды 5-й степени — 1877 сентябрь

Пожалована Румынская медаль за военные заслуги — 1877 октябрь

За пленение армии Османа Паши и взятие Плевны Всемилоостивейше награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 1-й степени — 1877 ноября 29

Пожалован Мекленбургский крест за военные заслуги 1-й степени — 1877 ноября 29

Его Величеством Императором Германским Королем Прусским пожалован орден «Pour le mérite» с дубовыми листьями — 1877 декабря 27

Всемилоостивейше награжден золотой саблей с надписью: «За храбрость» — 1877 декабря 29

Пожалован Прусский крест за 25-летие службы — 1877

Всемилоостивейше пожалована Золотая сабля, украшенная бриллиантами, с надписью: «За переход через Балканы» — 1878 января 7

Пожалованы Сербские: Орден Такова 1-й степени, медаль «За храбрость» — 1878 марта 7

В ознаменование важных заслуг, оказанных Престолу и Отечеству в войне с Турцией, произведен в Генерал-Фельдмаршалы, с увольнением по болезни, согласно Его желанию, от должности Главнокомандующего

Действующею армией, с оставлением во всех прочих занимаемых им должностях и званиях — 1878 апреля 16

Сдал командование Действующей Армией Генерал-Адъютанту Тотлебену — 1878 апреля 17

Прибыл в С.-Петербург — 1878 апреля 22

Объявлена искренняя признательность Его Императорского Величества за смотр войскам — 1878 мая 13; ноября 23

Пожалован Виртембергский орден военных заслуг — 1878 июль

По случаю окончания Красносельского Лагерного сбора 1879 г., в продолжение которого на всех смотрах и маневрах войска Гвардии и Петербургского военного Округа представились Государю Императору в примерном порядке и блестящем виде, объявлена искренняя признательность Его Величества — 1879 августа 8

За смотр войскам в Высочайшем присутствии объявлена искренняя признательность Его Величества — 1880 мая 3

За маневры, бывшие в Высочайшем присутствии с 4-го по 8-е августа 1880 года, объявлена искренняя признательность Его Императорского Величества — 1880 августа 8

Согласно прошению, Высочайшим приказом уволен от должности Главнокомандующего войсками Гвардии и Петербургского военного Округа, с оставлением во всех прочих должностях и званиях — 1880 августа 17

Продолжение службы

За смотр войск, бывших в лагерных сборах под Москвою, Киевом и Одессой и при Бендерах объявлена искренняя признательность Его Величеством в Высочайшем приказе — 1881 октября 28

Согласно главе Капитула орденов от 12 июня 1882 за № 312, назначена пенсия по ордену Св. Владимира 1-й степени по 600 р. в год — 1882 мая 1

Государь Император, по докладу об окончании работ Комиссии о переустройстве кавалерии объявил Высочайшую признательность — в Высочайшем приказе — 1882 августа 22

Назначен почетным членом Ник. Ак. Ген. Шт. — 1882 ноября 27

За смотр войскам, бывшим в лагерных сборах под Москвой, Орлом, Варшавой, при Харькове, объявлена искренняя признательность Его Величества — 1883 января 9

Объявлена Высочайшая признательность, по докладу об окончании работ особой Комиссии по преобразованию Саперного войска — 1883 мая 8

Продолжение после 16 февраля 1880 г.

По Высочайшему повелению осматривал войска Виленского и Варшавского военных округов — 1880 августа 24 — сентября 21

С Высочайшего разрешения отъехал за границу — 1881 января 7
Возвратился в Петербург — 1881 августа 6

По Высочайшему повелению командирован за границу, куда отъехал — 1881 марта 28

Возвратился из командировки — июня 6

По Высочайшему повелению осматривал войска Московского, Киевского и Одесского военных округов — 1881 с августа 22 по сентября 14

По Высочайшему повелению осматривал войска Харьковского и Варшавского военных округов и войска кавалерии Московского и Одесского военных округов — 1882 августа 9 — сентября 16

По Высочайшему повелению командирован за границу, куда отъехал 1883 января 9

Возвратился из командировки в январе 26

По Высочайшему повелению командирован в Москву на время Священного Коронования Их Императорских Величеств — 1883 мая 5 — мая 29

По Высочайшему повелению осматривал войска Московского, Курского, Харьковского и Кавказского военных округов — 1883 с августа 4 по октября 6

Х. Бытность вне службы

а) во временных отпусках: когда уволен, на какое время и явился ли в срок, а если просрочил, то сколько именно и признана ли просрочка уважительной; б) в бессрочном отпуске, с какого и по какое время; в) для пользования ран: где именно, по чьему разрешению, с какого и по какое время; г) по роду оружия, без исполнения службы; д) в плане: когда и где взят и когда возвратился на службу; и е) в отставке: когда уволен и когда вновь прибыл на службу.

XI. Холост, или женат, на ком, имеет ли детей; год, месяц и число рождения детей; какого они и жена вероисповедания

Женат на Ея Императорском Высочестве Великой Княжне Александре Петровне, урожденной Принцессе Ольденбургской; Имеет Сыновей: Великих Князей, родившихся:

Николая Николаевича — 6 ноября 1856 г. и

Петра Николаевича — 10 января 1864 г.

Жена и дети вероисповедания православного

XII. Есть ли за ним, за родителями его, или, когда женат, за женою, недвижимое имущество, родовое или приобретенное

За ним состоит имения родовые: Мыза Знаменская, близъ Петергофа и приобретенные: Минской губернии Борисовского уезда — Борисовщина на 180 000 десятин земли с наследными 7000 крестьянами, и в Крыму, на Южном берегу около Ялты 8 десятин, пожалованных Его Величеством под названием «Катимейс»

XIII. В штрафах по суду, или без суда, также под следствием, был ли, когда, за что именно, чем дело кончено: Не был

XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением, где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии; особые поручения; сверх прямых обязанностей, по Высочайшим повелениям, или от начальства; подсудность, не подлежащая внесению в штрафную графу

В 1854 году по случаю войны с Англией, Францией и Турцией, находился при войсках, охранявших побережье С.-Петербургской губернии в составе Петербургского отряда — 1854 с марта 9 по августа 9

В 1854 году по Высочайшему повелению выехал из Петербурга в Ревель для осмотра устраивавшихся там прибрежных батарей; оттуда возвратился 16 августа к Петергофскому отряду и находился при оном по 2 сентября

С 2 по 27 Сентября находился при особе Государя Императора

В 1854 году 27-го сентября командирован по Высочайшему повелению в распоряжение Князя М. Горчакова, командующего 3, 4, 5 пехотными Корпусами, откуда отправился в Севастополь, где находился с 23 октября по 4 декабря

24 октября участвовал в сражении у Инкермана, состоя при главнокомандующем всеми сухопутными и морскими силами, в Крыму находившимися, генерал-адъютанте князе Меншикове, и в воздаяние отличного мужества и примерной храбрости, оказанных им в сем сражении, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени

24 ноября находился при перестрелке прибрежных батарей Северной стороны во время вылазки пароходов «Владимир», «Херсонес», «Крым»

В 1855 году по Высочайшему повелению командирован был 2 января в Севастополь, где и находился с 18 января по 21 февраля

20 января по разрешению главнокомандующего военно-сухопутными и морскими силами, в Крыму находившимися, назначен заведующим всеми инженерными работами, укреплениями и батареями на Северной стороне Севастополя, на пространстве от Константиновской батареи до Мекензиевой горы включительно

В 1855 году находился при войсках, охранявших побережье С.-Петербургской губернии, в составе промежуточного к Нарве отряда

В 1855 году по Высочайшему повелению, командирован был в Финляндию для укрепления подступов к кр. Выборгу, со стороны 'Фронгзунда, также для осмотра и проверки береговых батарей и укреплений, возведенных в кр. Кюмень-городе, Фридрихсгаме, Свеаборге и городах: Або, 'Авастгуссе и Таммерфорсе, причем за успешное и отчетливое исполнение сего Высочайшего повеления объявлено ему особенное Монаршее благоволение 16 июня; в командировке этой находился с 1 по 16 июня. Находясь в том отряде, по Высочайшему повелению, командирован был для выбора и укрепления позиции у д. Бронной на случай действий неприятеля десантными войсками и за успешное

возведение сих батарей при упомянутой дер. Бронной объявлена ему 3 Сентября искренняя Признательность Его Величества

В 1855 году в июле месяце командирован был, по Высочайшему повелению, на 3 дня в кр. Выборг, для восстановления шихерных батарей, после покушения неприятельского флота у Тронгзунда 1-го июля

Был назначен начальником инженеров Западной Армии, но не прибыл к месту по случаю получения командировки

1 сентября того же года, по Высочайшему повелению, командирован был в г. Николаев, для укрепления оного и приведения в оборонительное положение, куда отправился через г. Москву, Тулу, Орел, Курск, Харьков, Полтаву и Кременчуг.

Из Николаева сопутствовал Его Величеству в Севастополь и окрестности оного, откуда командирован был для инспектирования передовых войск и отрядов наших до с. Коккоза

4 ноября возвратился в Николаев, где и оставался до 6 ноября, откуда выехал обратно в Москву и по железной дороге в Царское Село 11 ноября

В 1855 году ноября 15, по Высочайшему повелению, командирован был для общего руководства всеми работами по усилению Кронштадтского рейда, укрепления Северного фарватера и заграждения подступов к рейду со стороны южного и северного фарватеров; причем 9 марта 1856 г. объявлена искренняя признательность Его Величества при посещении 6-го числа Кронштадта за то, что все инженерные работы сопровождаются полным успехом. В этой командировке находился до заключения перемирия 19 марта 1856 г.

В 1856 г. находился в Москве, в составе отряда Гвардейских и Гренадерского корпусов, собранных там по случаю Священного Коронования Их Императорских Величеств

В 1835 г., в походе апреля месяца, сопутствовал Государыне Императрице из Петербурга в Москву и, по кратком пребывании, возвратился в Царское село в мае месяце

В 1837 г., в ноябре месяце сопутствовал Государыне Императрице из Царского села в Москву и, по кратком там пребывании, возвратился в Петербург в декабре месяце

В 1838 г., в мае месяце выехал из Петербурга в Берлин и, по кратком там пребывании, сопутствовал Государю Императору в Стокгольм и обратно в Петербург. Поездка эта совершена сухопутно от Берлина до Штетина, а оттуда в Стокгольм и обратно в Кронштадт на пароходе «Геркулес»

1839 г. июня 25 вступил в ряды кадет 1-го Кадетского корпуса

В 1844 и 1845 гг. при выступлении из С.-Петербурга и вступлении в лагерь у Петергофа отряда военно-учебных заведений находился в рядах кадет 1-го Кадетского корпуса

В 1846 г., в марте месяце сопутствовал Государю Императору в Москву, где, пробыв 10 дней, возвратился в Петербург

В 1846 и 1847 гг. при выступлении из Петербурга и вступлении в лагерь у Петергофа отряда военно-учебных заведений, находился в рядах кадет 1-го Кадетского корпуса

В 1849 г. марта 19 выехал из Петербурга в Москву для присутствования при освящении Нового Московского Дворца в Кремле. Возвратился 19 апреля того же года

1850 г. августа 2 отправился из Петербурга в первое путешествие по России через г. Ярославль, Кострому, Нижний Новгород, Москву до Твери, откуда, проехав до Вышнего Волочка по железной дороге, возвратился в Петербург 21 числа

Того же года 31 августа отправился во 2-е путешествие по России, проехав по железной дороге до Тоснинской пристани, оттуда до Новгорода на пароходе «Петр», затем от Вышнего Волочка до Твери по железной дороге и прибыл в Москву 2 Сентября. Из Москвы сопутствовал Государю Императору в Варшаву, где, пробыв 2 недели, возвратился в Царское Село 23 октября

1851 г. мая 3 по воле Государя Императора выехал из Петербурга в Варшаву и сопутствовал Его Величеству в Ольмюце, а оттуда отправился в Берлин, возвратился в Царское село 2 июня

Того же года августа выехал в Москву на празднество Коронавания Государя Императора по случаю 25-летнего царствования Его Величества; из Москвы сопутствовал Государю Императору в Луцк и Елисаветград, из которого отправился в 3-е путешествие

1852 г. февраля отправился в путешествие по Германии, Голландии, Италии

Того же года июня 25 отправился с Государем Императором из Петергофа в Берлин, откуда возвратился с Его Величеством и Государыней Императрицей в Петергоф 5 июля

1853 г. сентября 1 по Высочайшему повелению сопровождал Его Величеству в вояже в Москву, в Варшаву, за границу в Ольмюц и обратно в Варшаву, а оттуда, по Высочайшему повелению, отправился в крепость Ивангород и Киев, для инспектирования саперных батальонов, сих крепостей и открытия Киевского цепного моста и прибыл обратно в Царское Село 1 октября

1860 г. декабря 21 командирован был, по Высочайшему повелению, в Берлин на погребение покойного Короля Фридриха Вильгельма II, возвратился 4 января 1861

1861 г. октября 4 был командирован в Кенигсберг и Берлин на коронацию короля Вильгельма I. Возвратился 18 октября

1863 г. с 18 августа по 8 сентября находился в вояже по внутренним губерниям империи

С Высочайшего разрешения отправился на Кавказ и в Россию для осмотра кавалерии — 1869 марта 15

По Высочайшему повелению был командирован в Кенигсберг на осенние Прусские Маневры — 1869 августа 20

Находился в вояже по внутренним губерниям империи — 1870 с мая 7 по августа 26

По Высочайшему повелению командирован в Варшаву для приготовления войск Варшавского округа к смотрам Государя Императора — 1870 с сентября 19 по октября 5; 1871 с апреля 6 по мая 11

По Высочайшему повелению был командирован в Штутгарт и в Россию для осмотра войск Киевского и Харьковского округов — 1871 с августа 15 по сентября 26

По Высочайшему повелению был командирован для осмотра в Варшаве войск гвардии и кавалерии — 1872 с марта 20 по апреля 4

По Высочайшему повелению был командирован в Берлин и затем находился в вояже во внутренних губерниях России и за границей в Турции и Египте — 1872 с июня 18 по ноября 20

По Высочайшему повелению был командирован в Берлин — 1873 с декабря 3 по декабря 10

С Высочайшего разрешения осматривал резервные Кавалерийские бригады и Государственные Конские бригады — 1875 с апреля 27 по мая 20

По Высочайшему повелению был командирован в Варшаву и за границу в Берлин для присутствия на маневрах — 1876 с августа 12 по октябрь 4

Отъехал из Петербурга в действующую Армию, для принятия Главного Начальства над оной — 1876 ноября 19
Возвратился в Петербург — 1878 апреля 22

Отъехал в Воронежскую губернию — 1878 мая 30
Возвратился в Петербург — 1878 октября 5

Отъехал в Воронежскую губернию и за границу — 1879 апреля 18
Возвратился в Петербург — 1880 февраля 16

*И. д. начальника штаба,
свиты Его Величества генерал-майор Бобриков
старший адъютант,
полковник Попов*

Итого в сем послужном списке пронумерованных, прошнурованных
и печатью скрепленных шестьдесят листов /60/

*старший адъютант,
полковник Попов*

10. КОПИЯ РОДОСЛОВНОЙ КОНЯ
«МИРЗЫ» КОНЕЗАВОДА ВЕЛИКОГО
КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА
СТАРШЕГО. 15 МАРТА 1862 Г.¹

Ваше Императорское Высочество, имею счастье известить, что любимый Ваш Мирза назывался у нас Мурза, родился он в 1849 году, а родословная у него нижеследующая:

Мидлетон Купленный в Англии	Пихта От Перуёна, купленного в Англии, и Венус, купленной у Гр. Комаровского	Лотери Купленный в Англии	Азбука От Орневилля от Английских купленного в заводе Гр. Орловой Чесменской и Барбарисы от Персидских Деркульского Завода
Молодец		Лепешка	
Мурза Род. 1849 г. В Новоалександровском заводе			

15 марта 1862 г.

Подписал:
генерал-адъютант Гринвальд

Верно:
письмоводитель Чесменского завода Сонин

¹ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 273. Л. 1.

II. ПОХВАЛЬНЫЕ
ЛИСТЫ II-Й ВСЕРОССИЙСКОЙ
КОНСКОЙ ВЫСТАВКИ ВЕЛИКОМУ
КНЯЗЮ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ
СТАРШЕМУ. 1869 г.¹

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ

По отделу верховому

Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему за жеребца *Гуниба* от Грызуна и Караимки, представленного на 2-ю Всероссийскую конскую выставку 1869 г.

*Главкомандующий Государственным Коннозаводством,
генерал-адъютант Гринвальд*

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ

По отделу верховому

Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему за кобылу *Газеллу* от Грызуна и Антилопки, представленную на 2-ю Всероссийскую Конскую выставку 1869 г.

*Главкомандующий Государственным Коннозаводством,
генерал-адъютант Гринвальд*

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ

По отделу верховому

Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему за жеребца *Бурну* от Булата

¹ ГАРФ, Ф. 646, Оп. 1, Д. 24, Л. 1-5.

и Акуш, представленного на 2-ю Всероссийскую конскую выставку 1869 г.

*Главнокомандующий Государственным Коннозаводством,
генерал-адъютант Гринвальд*

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ

По отделу рысистому

Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему за жеребца Бунчука, от Богатого и Закрасы, представленного на 2-ю Всероссийскую конскую выставку 1869 г.

*Главнокомандующий Государственным Коннозаводством,
генерал-адъютант Гринвальд*

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ

По отделу рысистому

Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему за кобылу Бурную от Богатого и Ворониhi, представленную на 2-ю Всероссийскую Конскую выставку 1869 г.

*Главнокомандующий Государственным Коннозаводством,
генерал-адъютант Гринвальд*

12. РАСПИСАНИЕ ЗАНЯТИЙ

*в Офицерской кавалерийской школе
с 1 октября 1885 г. по 1 февраля 1886 г.¹*

ОТДЕЛ ЭСКАДРОННЫХ И СОТЕННЫХ КОМАНДИРОВ²

Часы	Понедельник
8-9	
9-10 10-11 11-12	Задачи по тактике Вестовым — выправка и ручная гимнастика
12-1	Ручное оружие
1-2	
2-3	Правила военной езды
3-4	Езда (Б. и М. манежи)
4-5	
5-6	

Часы	Вторник	
8-9		
9-10	1 ^{1/2} и 2 ^{1/2} отд. — конск. лазар; 3 ^{1/2} и каз. отд. фехтов.	При хорошей погоде — проездка (не более трех отделений)
10-11	1 ^{1/2} и 2 ^{1/2} отд. — кузница; 3 ^{1/2} и каз. отд. точ. оруж.	
11-12	Пешее учение	
12-1	Посещение занятий друг. отд.	
1-2		
2-3 3-4	Езда, карусель, конное кадровое учение (Б. и М. манежи)	
4-5		
5-6		

¹ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 2. Д. 89. Л. 1—10 об.

² Здесь и далее в Приложении № 12: Б. манеж — Большой манеж, М. манеж — Малый манеж.

Часы	Среда
8-9	
9-10	История кавалерии Вестовым — правила внутренней службы и ухода за лошадьми
10-11	
11-12	
12-1	Телеграфное дело
1-2	
2-3	Телеграфное дело
3-4	Езда (Б. и М. манежи)
4-5	
5-6	

Часы	Четверг		
8-9			
9-10	1 ^{1/2} и 2 ^{1/2} отд. — фехтов.; 3 ^{1/2} и каз. отд. — кон. лазар.	При хорошей погоде — проездка (не более трех отделений)	
10-11	1 ^{1/2} и 2 ^{1/2} отд. — точ. оруж; 3 ^{1/2} и каз. — кузница		
11-12	Пешее учение		
12-1	Уставы; седловка		
1-2			
2-3	Езда, конное кадр. учение, поло, рубка и стрельба с коня, казак. джигитовка (Б. и М. манежи)		
3-4			
4-5			
5-6			

Часы	Пятница
8-9	
9-10	Инпология Вестовым — выправка и ручная гимнастика
10-11	
11-12	Тактика
12-1	
1-2	
2-3	Беседа Начальника Школы или общая верховая езда под личным его начальством (начало езды в 2 ^{1/2} часа)
3-4	Езда (Б. и М. манежи)
4-5	
5-6	

Часы	Суббота
8-9	Вестовым гимнастика
9-10	Задачи по тактике
10-11	
11-12	
12-1	Черчение
1-2	
2-3	Проездка или выводка (Б. манеж)
3-4	
4-5	
5-6	

ОТДЕЛ ИНСТРУКТОРОВ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ

Понедельник				
Часы	Офицеры		Унтер-Берейторы	
	Старший курс	Младший курс	Старший курс	Младший курс
8-9 ^{1/2}	Вестовым — выправка, гимнастика и осмотр обмундирования		Езда по ½ сменно на прикомандир. Б. (Б. манеж)	Езда по ½ сменно на старых (Б. манеж)
9 ^{1/2} -10 ^{1/2}	Присутствуют и участвуют со своими обучающими при езде трудных, скаковых, отсталых, собственных офицерских и частных лошадей		Езда трудных, скаковых, отсталых, собствен. офицерск. и части. л. (Б. манеж)	
10 ^{1/2} -12	Езда по ½ сменно на кадр. Б. (Б. манеж)	Езда по ½ сменно на старых (Б. манеж)	При хорошей погоде — проездка на кадров. В. При дурной погоде — см. ниже	При хорошей погоде — проездка на прикомандир. В. При дурной погоде — см. ниже
12-1	Езда на прикомандир. Б. (Б. манеж) При хорошей погоде — проездка	Езда на прикомандир. В. (Б. манеж) При хорошей погоде — проездка		
1-2				
2-3		Правила военной езды		
3-4			Правила военной езды	
4-5			Езда по ½ сменно на кадровых В. если не было утром проездки (Б. манеж)	Езда по ½ сменно на прикомандир. Б. если не было утром проездки (Б. манеж)
5-6				

Часы	Вторник			
	Офицеры		Унтер-Берейторы	
	Старший курс	Младший курс	Старший курс	Младший курс
8-9			Присутствуют со своим обучающим при езде Унтер-офицеров эскадрона	Гимнастика
9-10	Езда на прикомандир. Б. (Б. манеж)	Гимнастика	При хорошей погоде — проездка приком. В. При дурной погоде — проводка вечером вестовых	Выводка прикоманд. В. (в конюшине)
10-11	Езда на кадрах Б. (Б. манеж)	Езда на старых Б. (Б. манеж)		Езда на старых (Больш. учебн. площ.)
11-12	Присутствуют и участвуют со своими обучающими при езде трудных, скаковых, отсталых, собственных офицерских и частных лошадей		Езда трудных, скаковых, отсталых, собственных офицерских и частных лошадей (Б. манеж)	
12-1	Развязка (М. манеж)	Езда на прикомандиров. В. (Б. манеж)		
1-2				
2-3				
3-4			Ковка	
4-5	Для вестовых — правила влутренной службы		Езда по ½ сменно на кадрах. В. (Б. манеж)	Езда по ½ сменно на прикоманд. В. (Б. манеж)
5-6				

Среда				
Часы	Офицеры		Унтер-Берейторы	
	Старший курс	Младший курс	Старший курс	Младший курс
8-9	Вестовым — выправка, гимнастика и осмотр обмундирования			Езда на старых Б. (Б. манеж)
9-10	Присутствуют со своим обучающим при езде унтер-офицеров старш. курсов (Сред. лев. жога)		Езда на прикомандиров. Б. (Б. манеж)	Присутствуют со своим обучающим при езде унтер-офицеров старш. курсов (Прав. жога от входа)
10-11	Присутствуют со своим обучающим при езде офиц. младш. курсов (Сред. лев. жога)	Езда на старых Б. (Б. манеж)	Присутствуют со своим обучающим при езде офиц. младш. курсов (Сред. лев. жога)	Выводка прикомандир. В. (в конюшне)
11-12	Езда на прикомандир. Б. (Б. манеж)	Присутствуют со своим обучающим при езде офицеров старш. курса	При хорошей погоде — проездка на кадр. В. При дурной погоде — см. ниже	При хорошей погоде — проездка на приком. В. При дурной погоде — см. ниже
12-1	Езда на кадровых Б. (Б. манеж)	При хорошей погоде — проездка на приком. В. При дурной погоде — см. ниже		
1-2				
2-3	Кузница	Езда на прикомандир. В. если не было проездки утром (Б. манеж)	Езда собственных, офицерских и частных лошадей. Проводка или проездка лошадей: трудных, отсталых и скаковых (М. манеж)	
3-4				
4-5	Для вестовых — правила седловки и ухода за лошадьми		Езда на кадров. В. если не было проездки утром (Б. манеж)	
5-6	М. манеж предоставляется для езды собственных лошадей			Езда на командир. В. если не было проездки утром (Б. манеж)

Четверг				
Время	Офицеры		Унтер-Берейторы	
	Старший курс	Младший курс	Старший курс	Младший курс
8-9	Вестовым — выправка, гимнастика и осмотр обмундирования		Езда по ½ смен-но на при-командир. Б. (Б. манеж)	Езда по ½ смен-но на старых (Б. манеж)
9-10	Конский лазарет (от 9-10 ч.)	Присутствуют и участвуют со своими обучаю-щими при езде трудных, скако-вых, отсталых, собственных офи-церских и част-ных лошадей	Езда трудных, скаковых, отсталых, собственных офицерских и част-ных лошадей (Б. манеж)	
10-12	Езда по ½ смен-но на кадр. Б. (Б. манеж)	Езда по ½ смен-но на старых (Б. манеж)	При хорошей погоде — про-ездка на кадров. В. При дурной погоде — см. ниже.	При хорошей погоде — проезд-ка на приком. В. При дурной по-годе — см. ниже.
12-1	Езда на при-командир. Б. (Б. манеж) При хорошей пого-де — проездка	Езда на прикоман-дир. В. (Б. манеж) При хорошей по-годе — проездка		
1-2				
2-3				
3-4			Правила военной езды	
4-6			Езда по ½ смен-но на кадр. В. если не было проездки утром (Б. манеж)	Езда по ½ смен-но на прико-мандир. В. если не было про-ездки утром (Б. манеж)

Пятница				
Часы	Офицеры		Унтер-Берейторы	
	Старший курс	Младший курс	Старший курс	Младший курс
8-9	Вестовым — выправка, гимнастика и осмотр обмундирования		Езда по ½ смен-но на кадр. В. (Б. манеж)	Езда по ½ смен-но на старых (Б. манеж)
9-10		Иппология Вестовым — проводка прикоманд. В.		
10-11	Правила военной езды			Езда трудных, скаковых, отсталых, собственных офицерских и частных лошадей (Б. манеж)
11-12	Присутствуют со своими обучающими при езде унтер-офицеров эскадрона		Разводка и выводка и осмогрегь лошадей (М. манеж)	
12-1	Вольтижирование (М. манеж)			
1-2				
2-3	Беседа Начальника Школы или общая верховая езда под личным его начальством (начало езды в 2 1/2 часа)		Проводка подкоманд. Б. через барьеры (Б. и М. манежи)	Проводка в по-воду подко-мандир. Б. или пропускание их через барьер (Б. и М. манежи)
3-4	Проездка на прикоманд. Б.		Правила внутренией службы	
4-5	Езда по ½ сменно на кадр. В. (Б. манеж)	Езда по ½ смен-по на старых (Б. манеж)	Иппология	
5-6				

Суббота				
Часы	Офицеры		Унтер-Берейторы	
	Старший курс	Младший курс	Старший курс	Младший курс
8-9	Вестовым — уборка казарм		Езда трудных, скаковых, отсталых, собственных офицерских и частных лошадей (Б. манеж)	
9-9 ¹⁵				Проездка прикомандир. В. (М. манеж)
9 ¹⁵ -10	Конский лазарет		Проездка на кадровых В. (М. манеж)	
10-10 ¹⁵		Вольтижирование		Проездка и барьеры на старых (Б. манеж)
10 ¹⁵ -11			Проездка и барьеры на прикоманд. Б. (Б. манеж)	
11-11 ¹⁵	Проездка и барьеры на прикоманд. Б. (Б. манеж)			
11 ¹⁵ -12		Проездка на прикомандир. В. (Б. манеж)		
12-12 ¹⁵	Проездка и барьеры на кадровых. Б. (Б. манеж)	Проездка и барьеры на старых (Б. манеж)		
12 ¹⁵ -1				
При хорошей погоде взамен поездки в манеж назначаются:				
10-11			Проездка на прикомандир. Б.	Проездка на старых
11-12	Проездка на прикомандир. Б.	Проездка на прикомандир. В.	Проездка на кадровых В.	Проездка на прикомандир. В.
12-1	Проездка на кадровых Б.	Проездка на старых		

Примечание: При хорошей погоде взамен всех назначенных на субботу занятий, Начальник отдела может приказать дальнюю поездку; оставшимся от этой поездки лошадям делается проводка вестовыми.

Примечание: Учебные площади распределяются для занятий так: большая — для инструкторов, кроме часов, назначенных для езды в отдел эскадронных и сотенных командиров, и, кроме среды 10–12 ч., назначенной для езды эскадрона; малая — для эскадрона, а в часы, свободные от его езды и для инструкторов.

*Начальник Кавалерийской офицерской школы
генерал-майор Тутолмин*

ЭСКАДРОН

Понедельник						
Часы	Унтер-офицеры и ефрейторы	Учебная команда		Нижние чины общего состава		Трубачи
		1 смена	2 смена	1 смена	2 смена	
8-9	Гимнастика	Езда (М. манеж)	Седловка, выучение, мунд. учение	Гимнастика		
9-10			Езда (М. манеж)		Езда в поле	
10-11		Обучение владению холодным оружием и особые приемы с ружьем		Езда (М. манеж)		
11-12	Езда (М. манеж)	Обучение устройству и употреблению ручного огнестрельного оружия и приготовительные упражнения к стрельбе				
12-1						Езда (М. манеж)
1-2						
2-3						
3-4						
4-5	Вечерние занятия	Чтение и письмо		Вечерние занятия		
5-6		Устройство войск и довольствие				

Вторник						
Часы	Унтер-офицеры и ефрейторы	Учебная команда		Нижние чины общего состава		Трубачи
		1 смена	2 смена	1 смена	2 смена	
8-9	Езда (Б. манеж)	Седловка, выючение, мунд. учение	Езда (М. манеж)	Обучение владению холодным оружием и особые приемы с ружьем		
9-10		Езда (М. манеж)	Обучение владению холодным оружием и особые приемы с ружьем	Седловка, выючение, мунд. учение		
10-11	Пеший строй, приемы оружием, прикладка и прицеливание			Езда (Б. манеж)	Пеший строй	
11-12	Обучение устройству и употреблению ручного огнестрельного оружия и подготовительные упражнения к стрельбе				Езда (Б. манеж)	
12-1						
1-2						
2-3						
3-4						
4-5	Вечерние занятия	Арифметика		Вечерние занятия		
5-6		Воинский устав				

Среда						
Часы	Унтер-офицеры и сфрейторы	Учебная команда		Нижние чины общего состава		Трубачи
		1 смена	2 смена	1 смена	2 смена	
8-9		Вольтижирование (М. манеж)				
9-10	Вольтижирование (М. манеж)	Пеший строй		Вольтижирование (М. манеж)		
10-11	Езда в поле		Езда (М. манеж)	Езда в поле		
11-12		Езда (М. манеж)	Пеший строй			
12-1	Примечание: взамен занятий, назначенных от 10-12, командир эскадрона может производить по своему усмотрению и в те же часы общую верховую езду всему эскадрону					Езда (М. манеж)
1-2						
2-3						
3-4						
4-5	Вечерние занятия	Чтение и письмо		Вечерние занятия		
5-6		Устройство войск и довольствие				

Четверг						
Часы	Унтер-офицеры и ефрейторы	Учебная команда		Нижние чины общего состава		Трубачи
		1 смена	2 смена	1 смена	2 смена	
8-9	Обучение владению холодным оружием и особые приемы с ружьем	Гимнастика		Гимнастика	Езда (М. манеж)	
				Попеременно через неделю		
9-10	Езда в поле	Езда (М. манеж)		Езда в поле (через неделю)		
10-11			Езда (М. манеж)			
11-12	Пеший строй	Сведения из уголовно-военных законов		Пеший строй		
12-1						Езда (М. манеж)
1-2						
2-3						
3-4						
4-5	Вечерние занятия	Арифметика		Вечерние занятия		
5-6		Воинский устав				

Пятница						
Часы	Унтер-офицеры и ефрейторы	Учебная команда		Нижние чины общего состава		Трубачи
		1 смена	2 смена	1 смена	2 смена	
8-9	Вольтижирование (М. манеж)					
9-10		Чтение и письмо		Вольтижирование (М. манеж)		
10-11		Езда (М. манеж)	Езда в поле	Езда в поле		
		Поперемсно через неделю				
11-12	Езда (Б. манеж)	Чтение топографических карт				
12-1						
1 2						
2-3						
3-4						
4 5	Вечерние занятия	Воинские уставы		Вечерние занятия		
5-6	Закон Божий					

Суббота						
Часы	Унтер-офицеры и ефрейторы	Учебная команда		Нижние чины общего состава		Трубачи
		1 смена	2 смена	1 смена	2 смена	
8-9	Сомкнутый пеший строй, выводка лошадей, пропускание их через препятствия и просадка (Б. манеж)					
9-10						
10-11			Классные занятия			
11-12						
12-1						
1-2						
2-3						
3-4						
4-5						
5-6						Езда (Б. манеж)

Примечание: вечерние занятия эскадрона заключаются в следующем:

1. Утверждение унтер-офицеров и ефрейторов в требуемых от них знаниях по служебным предметам и в разведывательной службе.
2. Обучение грамоте нижних чинов последнего призыва и более способных общих сроков.
3. Словесные занятия по обучению нижних чинов общего состава обязанности службы.
4. Подготовка учителей молодых солдат.

Начальник Кавалерийской офицерской школы
генерал-майор Тутолмин

13. УКАЗАНИЕ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ГВАРДЕЙСКОГО КОРПУСА

*офицерам, занятым составлением очерков
по истории гвардейских полков. 1879 г.¹*

НАЧАЛЬНИК ШТАБА
ГВАРДЕЙСКОГО КОРПУСА

17 февраля 1879 г.

№ 1434

В С.-Петербург

*Его Императорскому Высочеству
Начальнику 1-й Гвардейской Дивизии*

Ваше Императорское Высочество!

Вследствие писем моих к Начальникам дивизий, от 12 прошлого Января за № 318–328 в настоящее время получены ответы, которые и были доложены Его Императорскому Высочеству, Командиру Корпуса.

Государь Наследник Цесаревич, оставаясь при прежнем Своем мнении не стеснять формами личные способности офицеров, составляющие исторические описания, изволил, однако ж, приказать поставить для таких описаний требования, которые должны быть в них выполнены.

Вследствие этого, в дополнение к упомянутому выше письму за № 318–328, имею честь сообщить Вашему Императорскому Высочеству следующий ряд вопросов, которые желательно было бы разъяснить в исторических полковых хрониках:

¹ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–4.

1. Практические приемы, выработанные в войсках во время кампании для действий в бою, в походе и на отдыхе.

2. Случаи применения саперных работ, их размер, вид и способ производства в различных случаях.

3. Убыль в людях и лошадях, главные причины: состав частей, в которых они выступали на театр войны, состав их в различные другие периоды кампании.

4. Продовольствие нижних чинов: в какие периоды кампании части довольствовались из артельных котлов; в какие из походных котелков. Особенно важно разъяснение довольствия сухарями: получали ли солдаты постоянно сухари и в каком размере. Сколько суточных для сухарей приходилось солдату носить на себе в наиболее горячие периоды войны и как велика была в этих случаях дача. Приходилось ли и когда печь хлеб самим войскам или получать его от жителей.

5. Расход огнестрельных припасов в течение кампании вообще, а по возможности, и в важнейших делах. Соображения, сколько патронов было расстреляно и сколько утеряно. Какие затруднения встречались при подвозе и пополнении боевых припасов? Каковы оказались боевые припасы при стрельбе в делах и при учебной стрельбе при Сан-Стефано.

6. Во сколько обозы оказались соответствующими своему назначению. Какие повозки все время следовали при войсках, какие далеко отставали; соображения, насколько это зависело от недостатков повозок и насколько от исключительных условий местности /Балканы/. Какие части полкового имущества, взятого в поход, оказались необходимыми, какие лишними.

7. Санитарная часть в войсках: состояние здоровья в разные периоды, главные виды заболеваний, действия дивизионных и полковых лазаретов и помощь, оказанная Красным Крестом.

8. Описание должно описать весь период времени, начиная с объявления мобилизации до возвращения части на постоянные квартиры и приведения ее на мирный состав.

9. К описаниям прилагать: именные списки всех офицеров, участвовавших в походе, убитых, раненых и Георгиевских кавалеров.

10. Высочайшие награды за поход и отдельные дела, телеграммы, рескрипты и проч.

11. Насколько возможным оказалось во время войны применение полковой и ротной отчетности в настоящем виде.

Кроме того, в кавалерии и артиллерии желательно иметь сведения по следующим вопросам:

12. В каких местах в тылу оставались заболевшие и отставные лошади; когда они присоединялись к своим частям?

13. Какое число кругов подков было взято с собою в походе, когда они были израсходованы, где и во сколько времени были изготовлены новые подковы? Какой, примерно, процент некованных лошадей был в частях к концу кампании?

14. Как был велик в различных случаях, в равные периоды кампании, расход людей и лошадей на ординарческую службу, на полевую почту и другие т. п. командировки?

Что касается порядка, принятого для составления полковых историй, то Его Императорское Высочество, Командир Корпуса, изволил найти весьма полезным способ, принятый в некоторых частях корпуса, именно поручение нескольким офицерам /по 1 на батальон/ собирание и свод материалов для составления истории действий каждого батальона полка. Все эти материалы затем поступают, для окончательной обработки, к офицеру, составляющему историю полка, который сможет во время своего труда пользоваться помощью означенных офицеров.

Для устранения ошибок или даже просто односторонности во взглядах и для обобщения интереса к делу, Государь Наследник Цесаревич изволил вполне одобрить распоряжение некоторых Начальников о производстве в каждом полку, периодически, военных бесед и вообще сообщений обществу офицеров по составленным отделам истории полка, как то рекомендовалось приказом по корпусу прошлого года № 7.

Офицер, составляющий историю, может пользоваться офицерскими документами, записками и дневниками, имеющимися как у офицеров, так и в Штабах. Причем считаю долгом прибавить, что офицеры, нуждающиеся в сведениях из вверенного мне Штаба, смогут пользоваться ими только в помещении Штаба; на дом никакие дела и книги не могут быть выдаваемы.

Некоторые составители описаний предполагают пользоваться корреспонденциями, помещавшимися в газетах и журналах, и отдельными сочинениями о войне. Необходимо предупредить

их, что такие материалы могут служить им для разъяснения второстепенных вопросов и вообще к ним следует относиться крайне осторожно, подвергая их предварительно тщательной проверке. Во всяком случае, необходимо в описании всегда указывать источники, в особых примечаниях или делая на них ссылки в выносках.

*С чувством глубокого высокопочитания
Имею честь быть
Вашего Императорского Высочества
Всепреданнейшим
Н. Розенбах*

14. ОПИСИ ИМУЩЕСТВА
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ
НИКОЛАЕВИЧА СТАРШЕГО

*и расписки разных лиц в получении отдельных вещей
из комнат великого князя Николая Николаевича. 1891—1893 гг.¹*

Опись орденов и медалей в Бозе почившего
Великого Князя Николая Николаевича,
находящихся в комнатах

Св. Андрея Первозванного, украшенные камнями (искусственными);
два ордена и одна звезда, а всего ...3

Цепь того же ордена ...1

Знаков того же ордена обыкновенных, в том числе две звезды ма-
лые, всего ...3

Цепь малая, для статского платья с орденами Св. Андрея Первозван-
ного, св. Георгия 4-й ст. и 4 медалями ...1

Св. Владимира 1 степени ...1

Звезд того же ордена малых ...2

Знаков того же ордена на бантах три и без банта одна, а всего ...4

Св. Георгия Победоносца 1 степени ...2

Звезд того же ордена малых ...2

Звезд того же ордена для сюртуков ...2

Звезд того же ордена шитых ...1

Знаков того же ордена на бантах ...2

Знаков того же ордена для ношения на шее ...4

¹ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 349. Л. 1—18.

Ларец со знаком ордена Св. Георгия Победоносца 4-й ст. с грамотой и статутом, полученным в В.К.Н.Н. Стар. в Севастополе в 1854 г., и имеющими места на крышке ларца знаком 4 степени и звездой того же ордена ...1

Св. Александра Невского ...1

Белого орла ...1

Св. Анны 1 степени ...1

Св. Станислава 1 степени: звезда, ордена нет ...1

Австрийский Св. Стефана ...1

Французский Почетного легиона ...1

Баварского Св. Губерта. Звезда и орден отправлены ...1

Турецкий менджи. Звезда украшена камнями (искусст.) ...1

Персидский портрет Шаха, украшенный алмазами ...1

Прусских Pour le mérite ...2

Вюртембергских военных ...1

Мекленбург-Шверинских для ношения на груди ...2

Ордена и медали уменьшенного размера в колодочках:

Знаков Св. Георгия 4 степени ...2

Медалей за труды по освобождению крестьян ...2

Медалей за защиту Севастополя ...2

Медалей в память войны 1853–1856 гг. ...2

Медалей за покорение Чечни и Дагестана ...2

Медалей в память войны 1877–1878 гг. ...2

Медалей в память Священного Коронования Их Императорских Величеств 1883 г. ...2

Медалей французских ...2

Медалей Черногорских с надписью за храбрость ...2

Медалей Сербских с надписью за храбрость ...2

Медалей Румынских ...2

Медалей Прусских в память Коронования Вильгельма I ...2

Крестов Румынских за переход через Дунай ...2

Крестов Мекленбург-Шверинских ...2

Крестов Румынских с мечами ...2

Крестов Прусских за 25-ти летнюю службу ...2

Крестов Австрийских за 25-ти летнюю службу ...2

Ордена и медали обыкновенного размера:

Знаков Св. Георгия 4-й ст. ...2

Медалей за труды по освобождению крестьян ...2

Медалей за защиту Севастополя ...2

Медалей в память войны 1853–1854 гг. ...2

Медалей за покорение Чечни и Дагестана ...2

Медалей в память войны 1877–1878 гг. ...2

Медалей в память Священного Коронования Их Императорских Величеств 1883 г. ...2

Медалей французских ...2

Медалей Черногорских с надписью за храбрость ...2

Медалей Сербских с надписью за храбрость ...2

Медалей Румынских ...2

Медалей Прусских в память Коронования Вильгельма I ...2

Крестов Румынских за переход через Дунай ...2

Крест за службу на Кавказе ...3

Знак ордена Защитника Троба Господня (копия, подлинный же находится в церкви Николаев. Дворца) ...1

Вензелевых изображений имени Императора Николая I ...2

Знаков за устройство гражданского управления в Болгарии ...2

Знаков за 40-летнюю службу ...2

Знак Палестинского общества ...1

Знак общества спасения на море ...1

Знаков общества Красного Креста ...2

Ордена упраздненные:

Неаполитанский ...1

Пармский ...1

Болгарский Св. Александра ...1

Болгарский военный ...1

Французская звезда прежнего образца ...1

Прусская звезда прежнего образца ...1

Греческая звезда прежнего образца ...1

Медаль французская прежнего образца ...1

Медалей Болгарских ...3

Крест Румынский ...1

Все вышеозначенные ордена хранятся в витрине орехового дерева

Из комнаты в Бозе почившего Великого Князя приняты мною назначенные к отправлению в Севастопольской музей

Лампа на пирамиде артиллерийских снарядов

Одна малая картина, писанная на дереве масляными красками, изображающая флот, стоящий в Севастопольской бухте

СПИСОК ВЕЩЕЙ, ОТПРАВЛЕННЫХ ПО ПРИКАЗАНИЮ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА В СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ МУЗЕЙ

Жетон в память Севастопольской кампании ...1

Образок малый, пуля и перовица, найденная в Севастополе ...3

Фотографический портрет графа Тотлебена ...1

Пирамида малых снарядов с надписью: «Севастополь» ...1

Картин писаных масляными красками, в золоченых рамах ...3

СПИСОК МУНДИРОВ В БОЗЕ ПОЧИВШЕГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И ДРУГИХ ВЕЩЕЙ, ОТПРАВЛЕННЫХ ПО ПРИКАЗАНИЮ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА В ЧАСТИ ВОЙСК

В л.-гв. Уланский полк:

Оружие, украшенное бриллиант. ...1

Мундир с погонами, аксельбантом, витепкетом, перевязью с лядункой и шапкой ...1

Витрина с адресом и серебряными арматурами ...1

Фигур, нижних чипов (конных) ...2

Фигура нижнего чина (пешая) ...1

Картин (военные сюжеты) ...4

В л.-гв. Семеновский полк:

Жезл фельдмаршальский ...1

Фигур нижних чинов ...2

В л.-гв. Саперный батальон:

[неразборчиво] в ларце ...1

Мундир с погонами ...1

Фигур нижних чинов ...2

Фигура Орла, стоящего на скале ...1

Картина (военный сюжет) ...1

В л.-гв. Стрелковый Имп. Фам. Бат.:

Мундир с погонами ...1

Фигура нижнего чина ...1

В 1-й Кавказский Саперный Батал.:

Мундир с погонами и аксельбантом ...1

Фигура нижнего чина ...1

В 6-й Саперный батальон:

Мундир с погонами и аксельбантом ...1

Фигура нижнего чина ...1

В 53-й Волынский полк:

Мундир с погонами ...1

В Сибирский Гренадерский полк:

Мундир с погонами ...1

Группа чинов полка на скале ...1

Фигура нижнего чина ...1

В Астраханский Драгунский полк:

Мундир с погонами, аксельбантом, перевязью с лядункой ...1

Группа фотографическая в раме под стеклом ...1

Фигура нижнего чина (пешая) ...1

В Тверской Драгунский полк:

Мундир с погонами, аксельбантом и перевязью с лядункой ...1

Группа, темной бронзы, чинов полка ...1

Группа фотографическая, в бронзовой раме, чинов полка ...1

Фигура нижнего чина (пешая) ...1

В Александрийский драг. полк:

Мундир с погонами, аксельбантом и перевязью с лядункой ...1

Фигура нижнего чина (конная) ...1

В Офицерскую Кавалерийскую школу:

Жетон отдела эскадронных и сотенных командировок ...1

Ведерко серебряное, поднесенное в Бозе почившему В.К. в 1884 г. ...1

То же, поднесенное в 1885 г. ...1

То же, поднесенное в 1886 г. ...1

Группа фотографическая в раме под стеклом ...1

Вышеозначенные вещи частью отправлены Его Превосх. Г.М. Орловым в местное расположение войск, а некоторые сданы им лично депутациям от частей войск

Константин Андерсен

ДОВЕРЕННОСТЬ

Сим удостоверяю, что казначею и квартирмейстеру Офицерской Кавалерийской школы поручику 46-го Драгунского Переяславского Его Величества полка Подлесскому доверяется получить назначенный к передаче в Школу принадлежавший в Бозе почившему Великому Князю Николаю Николаевичу шкаф с коллекцией конских зубов и подков. Что подписью и приложением казенной печати удостоверяю;

13 октября 1893 года, С.-Петербург

Вр. и. о. начальник школы, полковник Ленц

Шкаф с коллекцией конских зубов и подков получен

Поручик Подлесский

14-20 октября 1892 года

Для представления Его Высочеству Евгению Максимилиановичу:

Палаш

Снаряд артиллерийский

Портрет Его Высочества Сергея Максимилиановича,

а всего три предмета принял:

Анушкевич

18 июня 1891 г.

Из комнаты Великого Князя Николая Николаевича Старшего принято мною книг в переплете 28 разных, без переплета 14 тоже, одна карта коннозаводская и папка со снимками чистокровных лошадей Хреновского завода.

Курьер Милов

4 Августа 1893 г.

Канцелярия Главного управления Государственного Коннозаводства доверяет курьеру канцелярии Николаю Милову получить из дворца в Бозе почившего Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича Старшего заводские книги рысистым и чистокровным лошадям государственных и частных конских заводов для доставления их в помянутую канцелярию августа 4 дня 1893 г.

Коллежский советник Пастухов

15. КОПИЯ ЗАВЕЩАНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СТАРШЕГО. 4 МАЯ 1880 Г.¹

Завещаю после моей смерти:

Дорогой и мною любимой моей Екатерине Гавриловне Николаевой, в знак глубокой моей любви, сердечной и вечной благодарности за все мое счастье, которым только Ей одной я обязан.

1. Все мои капиталы полностью.

2. Все мои имения, Высочайше мне даренные и все имения без изъятия благоприобретенные.

3. Все мои Конские заводы, Чесменский и Донские Николаевского Зимовника.

4. Все вещи без изъятия находящиеся в моих квартирах, Антресольной и подвальной равно все вещи Кладовой, называемой Музеемом.

5. Равным образом прошу Ее выбрать все вещи, картины, бронзы, статуи, фарфор, мебель и т.п., [и т.] д. из моих Комнат в николаевском Дворце, Знаменском Дворце и Знаменской фермы; также и растения оранжерей.

6. Все остальное, что Ею не будет выбрано из Дворца, Знаменки и фермы, разделить между собой Великим Князьям Николаю и Петру Николаевичам.

7. В случае смерти Екатерины Гавриловны Николаевой, все мои Капиталы, имения даренные и благоприобретенные и Конские заводы, т.е. все упомянутое в пунктах 1, 2, 3 и 4 завещаю детям Ея, Ольге, Екатерине, Николаю и Владимиру Николаевым.

8. В том же случае, все вещи и обстановка антресольной и подвальной Квартире и Кладовой Николаевского Дворца

¹ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 — 2 об.

в пункте 4 упомянутых завещаю Ольге Николаевне Николаевой исключительно.

Генерал-фельдмаршал Николай

4 мая 1880 года

С.-Петербург

(Надпись на конверте)

«Хранить в моей конторе до моего востребования»

В случае моей смерти немедленно
вскрыть и все беспрекословно исполнить

Как тут сказано

Генерал-фельдмаршал Николай

*Копия с сего находится у Екатерины Гавриловны
Николаевой в запечатанном конверте!*

16. ДОКЛАД БАРОНА Н. КРИДЕНЕРА

генерал-инспектору кавалерии великому князю Николаю Николаевичу старшему о необходимости изменения программы обучения кавалерии. 11 января 1883 г.¹

Его Императорскому Величеству
Генерал-инспектору кавалерии

Ваше Императорское Высочество!

Отчет о произведенной 17 минувшего Ноября поездке в Яков Свиты Его Величества Генерал-Майора Струкова с 14 офицерами вверенной ему бригады Генерал-Адъютант Альбендинский имел честь представить Вам 4 числа прошлого Декабря месяца. Поездка эта удостоилась одобрения Вашего Императорского Высочества, выраженного в телеграмме 18 Ноября. До этого времени Вам благородно было отнестись сочувственно к поездке 30 офицеров той же бригады с командиром ее в Главе 5 минувшего Сентября из г. Скерневице в Варшаву (75 верст в 5½ часов времени).

Вашему Императорскому Высочеству, вероятно, известно также о совершенном 2 минувшего Октября Генералом Струковым с 9 офицерами испытании в езде на дальнее расстояние, причем 200 верст были сделаны на переменных лошадях в 8½ час времени.

Нет сомнения, что Ваше Императорское Высочество в Ваших неизменных заботах о развитии кавалерийского дела относитесь сочувственно и покровительственно к подобным проявлениям кавалерийского дела, имеющем целью подготовить себя с технической стороны соответствующими полевыми упражнениями,

¹ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 57. Л. 1 — 6 об.

к тем широким трудным задачам, которые выпадают на кавалерию в военное время.

Одним из главных условий успеха при исполнении этих задач является выносливость кавалерии: она должна быть способна делать быстрые передвижения на большие расстояния, не теряя способности вступать тотчас после них в бой с неприятелем. Без этой способности кавалерия не может принести всю ту пользу, которую вправе от нее ожидать правительство.

Настоящее состояние военного искусства и усовершенствованное огнестрельное оружие ограничивает роль кавалерии на поле сражения, но тем большее значение она получает на театре войны, где на ее долю выпадают широкие задачи стратегического свойства, от удачного исполнения коих зависит успех войны.

Последние войны указывают, что бой кавалерии на поле сражения составляет лишь весьма незначительную долю ее деятельности, главная часть коей заключается в исполнении разведывания, в охранении своих войск и в действиях на тыл неприятеля для уничтожения средств существования его армии. Бой, конечно, может происходить и при этих действиях, но лишь тогда, когда без него кавалерия не может достигнуть цели, но бой этот начнется не столкновением масс, а выразится в действиях более или менее мелких частей, причем немалую роль будет играть бой в спешенном строю за местные предметы.

Что так смотрит и правительство на будущие задачи кавалерии, служит доказательством переформирование ее в драгун и вооружение винтовками, доставляющее ей возможность и способность к лучшему задержанию противника и преодолению тех препятствий, которые она может встретить на своем пути при движении впереди армии или при действиях в период до начала военных операций, прикрывая мобилизацию своих и мешая мобилизации неприятельских войск.

Но чтобы кавалерия с успехом могла исполнить свое назначение на войне, от нее требуется проявление таких качеств и знаний, которые невозможны без предварительной подготовки мирного времени, направленной к их развитию. Качества эти следующие:

1. Как уже упомянуто выше, выносливость и способность к быстрым передвижениям без расстройств состава и с сохранением возможности тотчас после таких передвижений вступить в бой. Только при такой способности кавалерия, раскинутая на большом пространстве для прикрытия мобилизации, успеет вовремя преградить путь неприятелю, старающемуся мешать нашему изготовлению, распределенная на значительном протяжении по фронту и в глубину для маскирования операций армии, она успеет вовремя подкрепить передние части для остановки боем неприятеля, старающегося проникнуть для рекогносцировок; посланная в разведки, может пробиться за завесу кавалерии неприятеля, чтобы добыть верные о нем сведения и доставить результат своих разведок вовремя в Штаб армии или отряда; посланная для нападения на тыловые учреждения неприятеля, может с успехом исполнить поручение.

2. Сохранение должной связи и сообщения между разбросанными на большом пространстве частями и их общим начальством. Это возможно при правильном отправлении службы конною почтой, имеющей на войне большое значение.

3. Умелое разведывание, которое могло бы добывать о неприятеле сведения, нужные управлению армией, и быстро доставлять их по адресу.

4. Сохранение должной связи по фронту и в глубину, столь необходимое при отправлении охранительной службы.

5. Умело пользоваться местностью, чтобы находить в ней укрытие как при исполнении разведывания, так и при охране своих войск.

До сего времени, однако, в существующих и проектированных уставах, инструкциях и наставлениях имеется очень мало указаний по этому предмету. Устав полевой службы дает лишь правила для действия, но не дает и не может дать указаний, как вести это дело: в проектированной инструкции для летних занятий отделу о разведывательной и охранительной службе отведено лишь незначительное место и совсем не дается указаний, как вести обучение, в годовом распределении занятий по этим важнейшим отделам обучения кавалерии назначено лишь самое незначительное время (в период эскадронных сборов 4 дня;

полковых сборов — 8 дней; в зимние время этот отдел совсем не практикуется).

В предназначениях Вашего Императорского Высочества по этому вопросу всегда высказывалась необходимость этой подготовки, всегда развивалась мысль о широком употреблении кавалерии массами и отдельными частями в поле, на обширном районе. Ваше Императорское Высочество неоднократно изволили высказывать в приказах по кавалерии и в словесных разборах маневров, что означенный отдел обучения не находится еще на должной высоте своего развития, что полевые испытания нашей кавалерии указали и продолжают указывать недостаточное знание ею разведывательной службы, недостаточное знакомство с местностью, малое сродство кавалерии с полем.

Генерал-адъютант Альбединский, со своей стороны, ставя себе священной и неизменной обязанностью в деле мирного воспитания войск, вверенного ему округа, руководствоваться всецело указаниями многолетнего опыта и знания Вашего Императорского Высочества, любовью Вашею к кавалерийскому делу, осмеливается повергнуть на усмотрение Ваше, не признаете ли возможным разрешить в полках 3-й бригады 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии вести полевые занятия в более широком объеме, хотя бы в виде опыта, с тем чтобы в течение этого опытного времени выработать подробные правила последовательного ведения занятий, придерживаясь и руководствуясь неоднократно выраженными указаниями Вашего Императорского Высочества.

Ежели последует разрешение Ваше по сему столь важному в деле подготовки кавалерии, предмету, то Генерал-адъютант Альбединский начал бы с выработки в главных общих чертах программы предполагаемым опытом и занятиям и представил бы эту программу Вашему Императорскому Высочеству для предварительного одобрения и для получения относительно ее новых указаний Вашего Императорского Высочества, ежели признаете нужным сделать таковые. За сим о результате опытов Генерал-адъютант Альбединский представит Вашему Императорскому Высочеству подробный отчет с теми изменениями, которые желательны в наших уставах и правилах, для целесообразной подготовки развития боевых качеств кавалерии.

Встретив ныне за болезнью Генерал-адъютанта Альбединского в командование войсками Варшавского Округа, считаю себя обязанным представить его взгляды на усмотрение Вашего Императорского Высочества.

Не откажите милостиво принять выражение глубочайшего почтения и преданности с коими имею честь быть

*Вашего Императорского Высочества
Всепреданнейший и всепреблагодарнейший слуга
Барон Николай Криденер*

№ 245

11 января 1883 года

Г. Варшава

17. ПО ПИСЬМУ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ
ИМЯ ОТ ПРОЖИВАЮЩЕГО В ПАРИЖЕ
НЕКОЕГО ГРИММА

*о необходимости для России стать в деле конского
спорта в уровень с некоторыми государствами Европы.
30 июня — 15 августа 1883 г.¹*

Собственною Его Величества рукою написано:
довольно оригинальная мысль!

*30 июня в Петербург
Скрепил д. Толстой*

Ваше Императорское Величество!

Благосклонность, с которою Ваше Императорское Величество соизволили относиться к моим письмам и сообщениям, дает мне смелость представить на благоустройство вашего Императорского Величества проект, осуществление которого могла бы возыметь весьма благоприятные влияния как на Россию, так и на Европу.

Я имею в виду устройство всемирной выставки в С.-Петербурге, в связи с международным состязанием рысаков на специально установленный «главный приз» для лучшего бегуна.

За возможно скоро официальное приурочение выставки на 1885 или 1886 год говорят двоякого рода соображения. С одной стороны, это соображения политические, а с другой — торгово-промышленные. Если обратиться к политической стороне вопроса, в данное время Европейский концерн и правительства

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 40. Д. 244. Л. 1-7.

Европы более всего озабочивает угрожающая опасность войны и ужасающий рост социализма. Ограждение Европы от этих опасений было бы равнозначительно нахождению философского камня. Та война, которой страшится Европа, не найдя средства для ее предотвращения, это война России, в союзе с Францией, против соединенных германо-австрийских сил. Если даже не входить в вероятные подробности этой разрушительной войны, то все-таки очевидно, что результаты ее будут гибельными не только для вовлеченных в нее, но даже для тех, которые в эту борьбу не замешаны. Отсрочка на несколько лет самой значительной войны века была великой заслугой перед человечеством. Всемирная в С.-Петербурге выставка представила бы в глазах Европы серьезную гарантию мира. Даже что касается до усиливающего роста социализма, то и тут всемирная выставка в России могла бы оказать услугу заглушением его на некоторое время. Социалистическое стремление, побудительные основы которого зиждутся почти всегда в смутном чувстве подавленности, в разочаровании самолюбий, в безработице или отсутствии средств к существованию, короче — корень которого лежит в чувстве всеобщего неудовольствия, русский социализм был бы приостановлен в своих начинаниях, обезоружен в своих предприятиях и [неразборчиво] лихорадочным, но спасительным и производительным возбуждением ума, которое обыкновенно предшествует столь важному национальному событию. Есть еще и другой фактор, с которым предстоит считаться как России, так и Европе. Это все усиливающаяся идея панславизма. Она, так сказать, естественно вытекает из самого духа нашего времени, лозунгом которого с 1859 года сделалось объединение племен. Эта идея требует осуществления в жизни, и она вовлечет своих многочисленных сторонников в ужасную войну, если не найдено будет мирного средства для проведения ее в жизнь. Таким средством явилось бы то чувство внутреннего удовлетворения, которое ощутили бы славянские народности, увидев С.-Петербург столицею мирового общения в всемирной выставке. Выставка 1868 года сдержала на четыре года Франко-прусскую войну, несмотря даже на Люксембургский вопрос. Этой выставке 1878 года обязана своим существованием третья республика во Франции, несмотря на то, что она

была по последнем издыхании после выхода в отставку г. Тьера и что ей естественно угрожал тот же самый конец, как и обем ей предшествовавшим.

Материальная и финансовая стороны дела, по моему убеждению, доставили бы России еще больше выгоды, чем политическая. Можно предполагать и даже ожидать несомненно, что как только Ваше Императорское Величество соизволите согласиться на выставку и соблаговолите назначить сроки ее открытия, курс рубля поднимется, можно даже надеяться, что в случае если подготовительные меры будут удачно приняты, то он достигнет номинальной своей ценности в день открытия выставки. Можно было бы иметь в виду все больше и больше усиливающийся рост экономического благосостояния, которым как финансовое управление, так и крупные торговые и банковые фирмы могли бы воспользоваться для окончательного восстановления кредита. Я же опасаясь для России прискорбной неудачи, которая постигла Венскую выставку. Эта выставка не удалась, потому, что не имела за себя достаточных разумных оснований. Она представила себя только [как] сколок с бывшей в 1868 году. Европейская промышленность, за исключением Русской, была уже достаточно известна по результатам предшествовавших выставок, она не представляла собственно никакого интереса для торгово-промышленного класса и должна была рассчитывать преимущественно только на посещение любознательных любителей. Это обстоятельство является одной из главных причин ее неуспеха, так как только Париж во всяких данных случаях может рассчитывать на исключительный прилив посетителей. С давних пор это понято в Берлине и даже теперь этот вопрос там разрабатывается, от идеи всемирной выставки там отказались по принятии в соображение таких оснований, которые обусловили неудачу всемирной выставки 1873 г. Сверх того следует принять в расчет беспощадную вражду Франции и Германии, обуславливающую невозможность какого-нибудь национального предприятия в Берлине.

Все эти препятствия для России не существуют. Напротив того, только она, составляя, так сказать, посредствующее звено между востоком и западом, может соединить под эгидой

славянской идеи производительность Европы и Азии. Вот новые заманчивые условия и в то же время ругательство успеха! Очевидно, что приготовления ко всемирной выставке в Петербурге сами по себе дадут толчее необычайной силы русской промышленности. Оживление, которое воцаряется в мастерских, фабриках и конторах, взаимные заказы, новые сношения, которые завяжутся, необходимо, между нашей и иностранной промышленностью, дух соревнования, который овладеет искусствами и ремеслами и будет стремиться превзойти все, прежде до сего бывшее, — все это уничтожит застой в делах и даст русской промышленности силу окончательно уравновесить вывозом собственных произведений ввоз иностранной. Что же касается мер для облегчения путешествия по России, как то удешевление проезда по главным железнодорожным путям, упрощение паспортных и таможенных формальностей на границе, принятие мер для удобства и увеселения посетителей как в Петербурге, так и в окрестностях, так же, как и необходимые меры для привлечения содействия иностранных правительственных и промышленных сил, то это частные вопросы, которые могут быть разрешены только учреждением с этой целью специальной комиссии, которую надлежит созвать в возможной скорости и в составе которой я почти за величайшее счастье, если Ваше Императорское Величество соизволите меня назначить в ее членах.

Мне остается теперь сказать несколько слов о международном состязании рысаков и установлении главного приза для лучшего бегуна. Статистика показала, что невозможно или, по крайней мере, чрезвычайно трудно состязаться с Англией в скачках на ровном пространстве и с препятствиями; чистокровный английский скакун имеет неоспоримое превосходство перед всеми другими породами. С другой стороны, все скачки, происходящие в Англии или Франции, лишены всякого значения, так нам на наших глазах доказывает неудача авторского и германского спорта. Во Франции спорт имеет международный характер, как и в Англии, и сделался одной из главных приманок Парижа (особенно с той поры, как более высокий, чем на английских скачках Дерби, главный приз содействует привлечению во Францию спортсменов этой национальности).

Более 600.000 ежегодно съезжаются народу на значительные скачки и на скачки за главный приз. Вообще было бы очень желательно, чтобы каждая столица имела, как Лондон свой Дерби, как Париж свой день главного приза, как Ницца свою знаменитую стрельбу в голубей и свои регаты (гонку), свой специальный вид спорта, который ежегодно привлекал бы в нее известное число иностранцев. С.-Петербург должен был бы так же иметь свой ему свойственный вид международного спорта, который бы собирал посетителей в известное определенное время года, каковы, по моему мнению, могут быть только международные состязания рысаков. Положительно необходимо, чтобы призы этого состязания были достаточно высоки, чтобы широко вознаградить участников состязания за их немалые денежные расходы. Открытие этого вида спорта, которое за значительностью данного срока времени, могло бы быть успешно подготовленным, могло бы совпасть с открытием всемирной выставки, т.е. такого рода обстоятельством, которое являлось бы достаточно ручательством участия состязателей. Очень вероятно, что через небольшое число лет [названия] Красного села, Царского села или С.-Петербург будут столь же употребительными в мире конского спорта, как Аскот, Нью-Маркет или Шантильи. Я себе позволю по этому вопросу, который составляет мою специальность, выработать подробную программу, если только Ваше Императорское Величество соизволите возложить на меня этот труд.

Я заключаю это мое письмо, за пространность которого я прошу извинения, в твердой надежде, что Ваше Императорское Величество соизволите его принять с полным снисхождением и не соизволите в нем усмотреть ничего иного кроме чувства верной привязанности к стране, в которой я родился, и беспредельной преданности особе Вашего Императорского Величества, которого я имею счастье пребывать и всегда останусь самым почтительным и преданным слугою

Константин де Гримм

*Париж 6 июля 1883 года
улица Ришелье, 3*

* * *

Милостивый государь!
Граф Илларион Иванович

Имею честь препроводить к вашему сиятельству письмо на Высочайшее имя от пребывающего в Париже некого Константина Гримма, в котором он, между прочим, проводит мысль о необходимости для России вывести конский спорт в уровень с некоторыми европейскими странами, и с этой целью предлагает свои услуги к составлению подробной программы для учреждения в окрестностях Петербурга международного состязания рысаков.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности
23 июля
1883 год

* * *

Главнoуправляющй
Государственным Коннозаводством
2 Августа 1883 года
№ 277
С.-Петербург

Его Превосход-ву П. В. Оржевскому

Милостивый Государь!
Петр Васильевич

Вследствие препровожденного Вашим Превосходительством от 23-го сего июля за № 1572 письма г-на Гримма на Высочайшее Имя, при сем возвращаемого, имею честь сообщить, что в случае осуществления предположения об устройстве в С.-Петербурге всемирной выставки несомненно было бы полезно положить начало международным рысистым состязаниям, если из Государственного Казначейства будут отпущены потребные на то суммы.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.
Гр. Воронцов-Дашков

* * *

ТОВАРИЩ

Министра внутренних дел

Заведующий полицией

Его Превосход-ву П. Н. Николаеву

*Милостивый Государь!**Павел Никитич*

Имею честь препроводить к Вашему Превосходительству на дальнейшее зависящее распоряжение письмо на Высочайшее Имя некоего проживающего в Париже г. Гримма, в котором проводится им мысль о весьма важном значении для России, с точки зрения интересов ее внутренней и внешней политики, устройства в Петербурге всемирной выставки и одновременно с нею международного состязания рысаков, имеющего целью поставить Россию в деле конского спорта в уровень с некоторыми государствами Европы. При этом долгом считаю присовокупить, что Главноуправляющий государственным коннозаводством, которому мною было препровождено названное письмо, сообщил мне, что в случае осуществления в С.-Петербурге всемирной выставки, несомненно было бы полезно положить начало международным рысистым состязаниям, если из Государственного Казначейства будут отпущены потребные на то суммы.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности

15 августа 1883 года

18. ОБРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ

*к Кавалергардскому полку по поводу
25-летия ее шефства над полком¹*

Четверть века исполнилось, как незабвенный в Бозе Почивший Император Александр III в день восшествия своего на престол назначил Меня Шефом Кавалергардского полка. Это назначение было для меня первым светлым лучом в переживаемой тогда тяжелой эпохе.

За эти 25 лет я получила чувства постоянства и благородства, выражаемые неизменно Мне полком.

Я искренне полюбила моих Кавалергардов и ношу с гордостью звание Шефа столь славного полка.

За этот длинный период времени Мне всегда приходилось лишь радоваться блестящим вашим успехам как мирной, так и боевой службы.

Лестные отзывы ваших начальников об офицерах и молодцах — нижних чинах, бывших на Дальнем Востоке, глубоко меня радовали.

Все вы без исключения исполняли свой долг мужества и доблести и остались верными носителями таких чудесных традиций и идеалов, с которыми связана так крепко слава Кавалергардского полка.

Меня в настоящее время трогает ваше общее желание — как бывших, так и настоящих Кавалергардов — запечатлеть эти счастливые для меня события полезным делом устройства палаты Моего имени для нижних чинов при полковом лазарете.

¹ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 495. Л. 1 — 1 об.

Этим добрым делом вы невольно меня заставили вспомнить вашего первого Шефа, в Бозе почившую Императрицу Александру Федоровну, Царицу-бабушку, которая по воспоминаниям, дошедшим до меня, так живо интересовалась полком и так горячо его любила.

Памяти Ея сердечно благодарю Вас всех, желая выразить и изъявить Вам Мою особенную признательность и доброжелательство к Вашим истинным ко мне чувствам.

Я препровождаю при сем Мой портрет, который остался навсегда в среде близкой Моему сердцу.

Уверена твердо, что дальнейшая Ваша служба Престолу и Отечеству будет радовать Моего возлюбленного Венценосца — Государя, и что священный зов долга и чести всегда будет жить в славном Кавалергардском полку.

19. СПИСОК ОФИЦЕРОВ 9 ДРАГУНСКОГО КАЗАНСКОГО ПОЛКА

*с указанием подарков каждому от шефа полка —
вел. кн. Марии Николаевны¹*

Полковник Шереховский	Футляр Чайный прибор [фирма-изготовитель, неразборчиво] 120 р.
Капитан бар[он] Фревениц	Ящик серебряный для папирос Гарбанс хрустальный с монетой 96 р.
Капитан Андреев	Чайник бульотка [фирма-изготовитель, неразборчиво] 180 р.
Капитан Илинский	Футляр — графин хрустальный серебряная оправа 95 р. [фирма-изготовитель, неразборчиво]
Капитан Кутенов	Кувшин хрустальный с монетой 60 р. [фирма-изготовитель, неразборчиво] 14 р. 50 к.
Капитан Лазарев	Салатник хрустальный [фирма-изготовитель, неразборчиво] 63 р. Бумажник Алексан. 12 р.
Штабс-капитан Хайлов	Жардиньер серебряный хрустальный [фирма-изготовитель, неразборчиво] 70 р.
Штабс-капитан Корабчук	Кофейник серебряный Морозова 65 р. Рамка стеклянная 12 р.
Штабс-капитан Головкин	Футляр — столовый прибор 52 р.
Штабс-капитан Кулюкин	Футляр — закусочный прибор [фирма-изготовитель, неразборчиво] 46 р.
Штабс-капитан Куприченко	Сухарница серебряная Морозова 53 р.
Штабс-капитан Данилов	Кувшин хрустальный серебряный Морозова 37 р.

¹ ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 32. Л. 1-4.

Штабс-капитан Баченский	Графин хрустальный с монетой [фирма-изготовитель, неразборчиво] 34 р.
Штабс-капитан Николаев	Кувшин хрустальный Морозова [фирма-изготовитель, неразборчиво] 60 р.
Штабс-капитан Лаврентьев	Ваза серебряная, верх хрустальный Грачев 45 р.
Штабс-капитан Зметнов	Сухарница хрустальная [фирма-изготовитель, неразборчиво] серебряная 53 р.
Штабс-капитан Валкович	Те же вещи
Лейтенант Магулевский	Сухарница серебряная Грачев 72 р. Листорез 15 р.
Лейтенант Билибин	Чайник серебряный спир[товой] 115 р. Листорез и карандаш 14 р.
Поручик Мореамбей	Часы красного дерева Буре 60 р.
Поручик Дедгалин	Футляр — серебряный нож Вилки (и[ара]) Грачева 85 р.
Поручик Варапанов	Кувшин хрустальный с монетой [фирма-изготовитель, неразборчиво] 75 р.
Поручик Якубович	Портсигар серебряный [фирма-изготовитель, неразборчиво] 35 р. Бумажник Алексан. 14 р. 50 к.
Надворный советник доктор Миланов	Ваза серебряная хрустальная Грачева 48 р. Рамка Петерсен 4 р. 35 к.
Коллежский советник Мелков	Футляр — чайные стаканы Морозова Ложки по полдюжины 48 р. Рамка Петерсен 4 р. 35 к.
Коллежский советник Купчурцев	Футляр — подстаканник серебряный столовый и ложка 24 р.
Коллежский советник Мосягин	Сухарница серебряная Грачева 47 р. Бумажник Алексан. 14 р.
Полковник Барцингер-Штенберг	Ваза [фирма-изготовитель, неразборчиво] 69 р. Курительный прибор Алексан. 4 р. Рамка Кнап[п]а 12 р.
Полковник Киреев	Чайный прибор Грачева 135 р.
Есаул Шапринский	Серебряный хрустальный кувшин [фирма-изготовитель, неразборчиво] Бумажник Алексан. 75 р.

Есаул Токарев	Салатник хрустальный серебряный от Грачева 55 р. Вилка и ложки 25 р. Бумажник Алексан. 12 р. 50 к.
Есаул Жуков	Серебряная сухарница Морозова 66 р. Бумажник Алексан. 14 р. 50 к.
Есаул Долгов	Кофейный прибор Морозова 180 р.
Подъесаул Криц	Серебряный ящик для папирос [фирма-изготовитель, неразборчиво] 95 р.
Риза-Кули Мирза	Рамка Алексан. 4 р.
Подъесаул Свидин	Запонки (неразборчиво)
Подъесаул Рашпиль	Футляр — кофейный прибор Морозова 135 р.
Подъесаул Савицкий	Часы столовые П. Буре 85 р. Рамка Алексан. 6 р.
Подъесаул Тамонов	Кувшин хрустальный серебряный [фирма-изготовитель, неразборчиво] 50 р. Рамка Кнап[п]а 5 р. 50 к.
Подъесаул Панкратов	Футляр на 6 персон Серебряный столовый прибор [неразборчиво] 77 р. Рамка Алексан. 7 р.
Подъесаул Ветер	Серебряная ваза фрукт[овая] Морозова 70 р. Бумажник Алексан. 10 р.
Подъесаул Манухо	Ваза серебряная хрустальная Морозова 78 р. Рамка Алексан. 4 р.
Подъесаул Гульла	Серебряная ваза Морозова 45 р. Бумажник Алексан. 7 р. 96 к.
Коллежский советник Рикерсен [неразборчиво] врач	Серебряная сухарница Грачева 47 р.
Надворный советник Девель Ветеринарный врач	Те же вещи
Надворный советник Камошков делопроизводитель	Чайные ложки дюжина серебряные Грачева 26 р.
Тайный советник Сидоров классный фельдшер	Те же вещи
Подъесаул Щербаков	Кувшин хрустальный серебряный Грачева 45 р. Рамка Петерсен

Сотник Федюшкин	Серебряная бульотка Морозова 110 р. Рамка Алексан. 6 р.
Сотник Скорцов	Часы металлические столовые П. Буре 60 р. Листорез с стекло[м] Александр 2 р. 50 к.
Сотник Белый	Кувшин хрустальный серебряный Прибор [фирма-изготовитель, неразборчиво] 45 р. Рамка Алексан. 6 р.
Сотник Шведов	Дорожные часы П. Буре 65 р. Прибор серебряный [фирма-изготовитель, неразборчиво] 30 р.
Сотник Шпуринафский	Графин хрустальный прибор малый [фирма-изготовитель, неразборчиво] 34 р. Рамка Алексан. 6 р.
Сотник Збаравский	Графин прибор с монетой [фирма-изготовитель, неразборчиво] 34 р. Рамка Алексан. 11 р. 50 к.
Сотник Зорицков	Те же вещи; кофейный прибор
Сотник Золоторев	Портсигар серебряный с монетой [фирма-изготовитель, неразборчиво] 45 р.
Сотник Скляров	Портсигар серебряный с монетой [фирма-изготовитель, неразборчиво] 47 р.

20. РАСПИСАНИЕ ПРАЗДНИКОВ

*в частях войск, подшефных императрице
Александре Федоровне и ее дочерям. 1914 г.¹*

*Из Канцелярии Его Императорского Величества
по принятию прошений*

ПРАЗДНИКИ частей войск, коих ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА изволят быть шефом

Месяцы	Числа и праздники	Наименование частей войск
Апрель	23 Св. Муч-цы Царицы Александры	Крымского конного Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка
Май	15 Вознесение Господне	Л.-гв. Уланского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка
Август	30 Перенос. Мощ. Св. Благ. Вел. Кн. Александра Невского	5-го гусарского Александрийского Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка
Декабрь	25 Рождество Иисуса Христа	21-го Сибирского стрелкового Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка

ПРАЗДНИКИ частей войск, коих Великие Княжны ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА, ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА и МАРИЯ НИКОЛАЕВНА изволят быть шефами

Месяцы	Числа и праздники	Наименование частей войск
Май	25 День Св. Троицы	3-го гусарского Елисаветградского Ея Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны полка
Август	30 Перенос. Мощ. Св. Благ. Вел. Кн. Александра Невского	8-го уланского Вознесенского Ея Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны полка
Октябрь	22 Иконы. Пресв. Богородицы Казанской	9-го драгунского Казанского Ея Императорского Высочества Великой Княжны Марии Николаевны полка

¹ ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 21. Л. 1-2.

21. СПИСКИ ЛОШАДЕЙ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕДОРОВНЕ¹

МОИ БЫВШИЕ ЛОШАДИ

Гусар	(неразборчиво)	Кбешан	Абрек
Шотландка	(неразборчиво)	Гренада	Шмель
Ташка	Герой	Подарок	Громанд
Арапчик	Али	Сынок	Ярославец
Тахенан	Хивинец	Гнедой (неразборчиво)	Соломон
(неразборчиво)	Боярин	Гнедой (неразборчиво)	Тан

ТЕПЕРЕШНИЕ ЛОШАДИ

(неразборчиво)	Молодец	Армада	Бурый (неразборчиво)
(неразборчиво)	(неразборчиво)	(неразборчиво)	Кабард
(неразборчиво)	(неразборчиво)	Карабах	Серый (неразборчиво)
Сомерник		Гнедой (неразборчиво)	

Петергоф

ВЕРХОВЫЕ ЛОШАДИ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Консолин	Спала	Червонец (иноходец)	Али-бек (иноходец)
Чеснок	Кокетка	Хаджи (иноходец)	

¹ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 3330. Л. 1-5.

СПИСОК ЛОШАДЕЙ КОНЮШЕННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ДВОРА ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА

Упряжная часть

		Год Р.	Рост		Завод
			арш.	верш.	
1	Карасик, жеребец темно-гнедой	1872	2	5 ½	Кн. Вяземского
2	Визапур, жеребец темно-гнедой	1872	2	5 ½	С.Д. Коробьина
3	Миловидный, жеребец темно-гнедой	1870	2	5 ¼	Г. Павлова
4	Быстролет, жеребец рыжий	1871	2	5	У.И. Арапова
5	Быстряк, жеребец темно-серый	1874	2	5	С.А. Мерхелевича
6	Зверь, жеребец темно-серый	1873	2	5	С.А. Мерхелевича
7	Точеный, жеребец вороной	1874	2	4	Н.Д. Бологовского
8	Айдания, жеребец вороной	1873	2	4	Кн. Вяземского
9	Мурад, жеребец вороной	1869	2	4	Пожидаевых
10	Гранит, жеребец вороной	1871	2	4	Кн. Вяземского
11	Степennyй, жеребец вороной	1869	2	6 ½	Павлова
12	Уборный, конь вороной	1869	2	5 ½	Филиппова
13	Аккорд, жеребец вороной	1871	2	5	Кн. Вяземского
14	Богач, жеребец вороной	1869	2	5 ½	Коробьина
15	Атрад, жеребец рыжий	1872	2	5 ½	Жедринского
16	Ветерок, жеребец темно-серый	1873	2	5 ½	Сенявиной
17	Догоняй, жеребец серый	1873	2	5 ½	В.Я. Тулинова
18	Гранит 2, жеребец темно-серый	1872	2	5 ½	Кн. Б.А. Черкасского
19	Любимец, жеребец гнедой	1873	2	4 ¾	Савельева
20	Раскат 1, жеребец темно-гнедой	1874	2	4 ¾	Кн. П.Д. Волконского
21	Строгий, жеребец вороной	1875	2	6	И.И. Лукина
22	Неугомонный, жеребец вороной	1874	2	3 ¾	Государственного Хреновского завода
23	Лось, жеребец вороной	1875	2	3 ½	
24	Удар, жеребец темно-серый	1872	2	5	Борисовского
25	Железный, жеребец вороной	1875	2	5	

26	Добротный, жеребец рыжий	1876	2	5	Синицына
27	Ларчик, жеребец вороной	1875	2	4	Государственного Хреновского завода
28	Унос, жеребец вороной	1876	2	4	
29	Задорный, жеребец темно-гнедой	1874	2	4	Озобишница
30	Зарез, жеребец темно-гнедой	1874	2	4 ½	
31	Барчук, жеребец рыжий	1876	2	5 1/8	-
32	Сотник, мерин вороной	1873	2	1 ½	[неразборчиво] Донской породы
33	Хорунжий, мерин вороной	1872	2	2	
34	Есаул, мерин вороной	1875	2	2 ¼	
35	Парадный, жеребец вороной	1871	2	4 ½	Рахманинова
36	Бурливый, жеребец вороной	1873	2	4	Синицына
37	Раскат 2, жеребец вороной	1877	2	4 5/8	Борисовского
38	Притворщик, жеребец вороной	1877	2	4 ¼	
39	Акробат, жеребец вороной	1877	2	4 ¼	
40	Чистяк, жеребец вороной	1875	2	6 ¾	Прибытнова
41	Потешный, жеребец вороной	1876	2	5	Зарядовского

Верховая часть

42	Яхонт, жеребец темно-гнедой	1861	2	3 ½	Кн. Орлова
43	Сунженец, конь белый	1866	2	1 1/8	Абук
44	Марта, кобыла гнедая	1869	2	5 1/8	Из Германии
45	Кабардинец, конь серый	1871	2	1	От кн. Волконского
46	Рушук, конь темно-серый	1871	2	5 ½	генерала Дохтурова
47	Мечка, кобыла чалая	1871	2	1 ¾	Кн. Долгорукова
48	Роза, кобыла чалая	1875	2	3 5/8	Генерала Струкова
49	Гусар, пони / жеребец темно-серый	1872	1	13	Кн. Волконского
50	Силуэт, жеребец гнедой	1873	2	4 ½	Гр. Л. И. Гендрикова
51	Барс, жеребец вороной	1874	2	4 ½	Кн. Орлова
52	Явор, жеребец серый	1874	2	4 ½	
53	Кратер, мерин серый	1873	2	4	Государственного Ново-Александровского

54	Арапчик, мерин вороной	1873	2	5 ½	С Кавказа
55	Грозный, мерин светло-серый	1872	2	1 ⅞	
56	Абаз, мерин светло-серый	1873	2	2 ½	
57	Казак, мерин белый	1870	2	2 ⅞	
58	Нестор, жеребец красно-серый		2	½	Государственного Лимаревского
59	Подруга, кобыла рыжая		2	4 ½	Из Кирасирского полка

Английская часть

60	Вольтижер, мерин вороной	1866	2	3 ½	Из Англии
61	Фаворит, мерин рыжий	1870	2	3	Неизвестно
62	Мистельто, конь вороной	1866	1	14 ½	
63	Мальчик, конь вороной	1869	1	13 ½	
64	Пади, пони / мерин вороной	1871	1	15	Из Англии
65	Петя, пони / мерин вороной	1869	1	14 ½	Гр. Орлова
66	Володя, кобыла белая	1870	1	15 ¾	Денисова
67	Аргос, жеребец караковый	1873	2	3 ¼	Из Франции
68	Портос, жеребец караковый	1873	2	2 ½	
69	Блюбель, пони / кобыла вороная	1871	1	8 ¼	Из Англии
70	Кора, кобыла темно-серая	1869	2	4	Из Франции
71	Перль, кобыла темно-серая	1870	2	4	
72	Эсперанс, кобыла темно-серая	1870	2	4	
73	Абель, кобыла темно-серая	1870	2	4	
74	Фрипон, кобыла светло-серая	1869	2	4	
75	Лири, кобыла гнедая	1875	2	5 ½	Государственного Деркульского
76	Догадка, кобыла гнедая	1875	2	5	
77	Риволь, кобыла гнедая	1876	2	3 ¾	Государственного Хреновского
78	Протектор, мерин гнедой	1874	2	4 ¼	Из Нормандии
79	Маркиз, мерин гнедой	1874	2	3 ⅞	
80	Нормандия, кобыла караковая	1872	2	6 ¼	

81	Тори, конь рыжий	1872	2	4 ^{3/8}	Из Берлина
82	Ровер, конь гнедой	1874	2	5	
83	Паролет, жеребец бурый	1875	2	1 ½	
84	Пуляпе, жеребец бурый	1873	2	1 ½	
85	Мисс Скотт, кобыла светло-гнедая	1872	2	4 ½	Из Нормандии
86	Diana, кобыла караковая	1875	2	5	
87	Psyche, кобыла караковая	1875	2	5	
88	Jupon, кобыла караковая	1875	2	5	
89	Vesta, кобыла караковая	1875	2	4 ½	Из Англии
90	(пропущено), гунтер рыжий	1875	2	4 ^{6/8}	
91	(пропущено), гунтер бурый	1876	2	4 ½	
92	(пропущено), гунтер вороной	1876	2	5	

22. ПИСЬМО КОМАНДИРА КАВАЛЕРГАРДСКОГО ПОЛКА

*великому князю Николаю Михайловичу о праздновании
юбилея полка. Сентябрь 1895 г.¹*

Ваше Императорское Высочество!

Юбилейная комиссия, состоящая под моим председательством, из приглашенных старых Кавалергардов до полковничьего чина включительно, проживающих в столице и выборные г.г. офицеров настоящего состава, сим доводит до сведения Вашего, что на основании Высочайше утвержденных сроков празднования столетия юбилея войсковых частей, со дня их непрерывного существования, таковой для Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка определен на 2 января 1899 года.

Юбилейная полковая комиссия впоследствии выработает порядок торжественного празднования, который после высочайшего соизволения будет, по возможности, заблаговременно доведен до сведения всех служивших в полку г.г. офицеров, кои сообщат свое местожительство.

В настоящее время решено нижеследующее:

1. *Издать подробную историю* Кавалергардов и Кавалергардского полка, с иллюстрациями в тексте и альбомом картин и формы в красном.

Причем прилагается:

Одним из прежде служивших в полку товарищем дана была следующая мысль: дабы облегчить иллюстрацию полковой истории, спросить участников нового издания не пожелают ли кто заказать разным художникам картины или рисунки

¹ ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 496. Л. 1—4 об.

изображающие бытовую жизнь полка или бывшие эпизоды. Выбор художников и сюжетов предоставляются самим желающим, по соглашению с полковой юбилейной комиссией. Означенная картина, исполненная масляными красками, акварелью, карандашом или пером, становится собственностью заказчика, но полк получает возможность воспроизвести их в новом издании.

2. *Издать краткую историю* для нижних чинов в форме памятки.

3. *Издать альбом портретов* т.г. офицеров: шефов, командиров, полковников, эскадронных командиров, полковых адъютантов, всех выдающихся деятелей на различных поприщах и наличного, ко дню юбилея, состава полка с краткими биографическими сведениями.

4. *Выбить медаль* в память юбилея.

5. *Учредить жетон* для всех старых Кавалергардов в память юбилея.

6. *Составить в полку альбом снимков* с полноценными подарками.

7. *Собрать в полковой библиотеке* все издания полка и статьи о полке и, по возможности, если не сами издания, то сведения об изданиях Кавалергардов по разным отраслям знания.

8. *Составить в полку собрания меню* прощальных проводов.

9. *Учредить в полку Кавалергардский музей* с образцами обмундирования, вооружения и снаряжения.

10. *Учредить капитал* имени старых Кавалергардов: пенсионный, для старослужащих в полку нижних чинов.

Имея в виду, что предстоящее торжество одинаково близко сердцу всем кавалергардам, как прежде служившим в полку, так и имеющим высокую честь служить в настоящее время, и имея необходимость знать заблаговременно число желающих приобрести предпринятые полком издания, стоимость таковых точно определить пока нет возможности, сим предлагаю Вам соблаговолить известить полк о желании подписаться на оные, равно и о согласии участвовать в общих расходах по подношению их Августейшему шефу полка, Государю Императору и всем Особам от лица всех Кавалергардов.

Участие выбывших офицеров всеобщих расходах по изданиям и подношениям определен: в единовременном взносе

в размере 100 р. или ежегодных взносах в размере к 1 января и к 1 июля 1896 года, к 1 января 1897 и 1898 гг., по 25 р. Всем выбывшим из полка после 1 января 1891 года, у коих был произведен трехрублевый ежемесячный вычет в юбилейный капитал в течение полных двух лет, т.е. 72 р., предлагается внести 28 р., остальные же по особому расчету с полковым казначеем. По точному определению расходов всем участникам будет сообщена подробная раскладка.

Полковые издания в продажу пускать не предполагается, а таковые будут разосланы, кроме участников-подписчиков, в полк гвардейского корпуса и некоторые библиотеки.

Полковая комиссия обращается к Вам с всепокорнейшей просьбой соблаговолить оказать содействие по сбору нужных материалов, воспоминаний, предметов, и указать местожительство, чины и звания всех прежде служивших г.г. офицеров, проживающих в провинции.

При чем присовокупляю: в офицерской артели имеются серебряные именные приборы г.г. офицеров, служивших в полку, некоторые с 50-х годов. В виду бывших примеров, что как служившими в полку, так и выбывшими, были приносимы в дар именные серебряные приборы своих дедов, отцов, и близких родственников, желательно иметь таковые именные приборы тем из старых Кавалергардов, что служили раньше, чем приступил в полку обычай заводить их. Стоимость приборов установленного образца столового и десертного — 36 р.

<...> Будучи уверен в сочувствии Вашем к предпринятому обще-Кавалергардскому дню, прошу принять уверение в совершенном моем уважении и искренней преданности.

23. ПЕРЕПИСКА И ПРИКАЗЫ ПО ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННОМУ ПОЛКУ

о порядке празднования 200-летия полка. 1912 г.¹

Приказ

Лейб-гвардии по Конному полку

По случаю 200-летия полка необходимо созвать комиссию по празднованию в составе: командующего полком, полковников, командиров эскадронов, адъютантов, казначея, квартирмистра, герцога Лейхтенбергского. Время и место будет объявлено приказом по полку.

Начальнику первой кавалерийской дивизии

Рапорт

Просьба о том, чтобы новый Штандарт, который должен получить полк в честь 200-летия, имел древко старого образца, так как новый неудобен и некрасив.

Начальнику Штаба войск Гвардии

и Петербургского военного округа

По соизволению Государя Императора будет изменено старшинство Лейб-гвардии Конного полка с 7 марта 1721 года на 16 июня 1706 года. Таким образом, полку при праздновании 200-летнего юбилея будет пожалован новый Штандарт. Во внимание принимается, что 27 июня 1851 года был пожалован штандарт, по которому полк должен будет прослужить 145 лет до получения нового. Признается желательным высочайше сократить.

Начальнику Штаба 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии

В 1906 году Л.-гв. Конному полку исполняется 200 лет. Годовщину принято приурочить к 1919 году — 200-летию указа Петра I

¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 298. Л. 1 — 8 об.

о формировании Лейб-Регемента. Полк получит новый штандарт с надписями:

1706 г. Лейб Эскадрон Князя Меншикова.

1721 г. Кронштадтский драгунский полк.

1725 г. Лейб Регемент.

1730 г. Конная гвардия.

Приказом от 1912 года Л.-гв. Конному полку было присвоено старшинство с 16 мая 1706 года со времени образования лейб-пикавдрона князя Меншикова вместо 16 июня 1721 года. Принимая во внимание, что старшинство это признано лишь в 1912 году, Военный министр признал возможным представить доклад о желательности разрешить Л.-гв. Конному полку праздновать свой 200-летний юбилей и в соответствии с сим заменить штандарт новым юбилейным. Празднование юбилея было назначено на 11 мая 1919 года в честь 200-летия указа Петра I о Лейб-Регементе.

На испрашиваемое в 18-й день сего октября последовало Высочайшее Его Императорского Величества соизволение. О таковом Высочайшем повелении сообщается для доклада Августейшему главнокомандующему войсками округа и зависящих распоряжений.

*Командующий Императорской Главною Квартирой в Ливадии
26-го марта 1912 года*

Командиру лейб-гвардии Конного полка

Государь Император в 22-й день сего марта соизволил на присвоение Лейб-гвардии Конному полку герба бывшего Лейб-Регемента. Сообщая о таком соизволении, добавляю, что присвоенный герб не имеет никакого официального характера и предоставляется полку для различных домашних украшений: на сервизах, подарках, при внутренней отделке комнат.

*Главное Управление Генерального Штаба
Отдел по устройству и службе войск.
Отделение 3. Стол 2. 3-го Апреля 1912 года
Начальнику Штаба войск Гвардии
и Петербургского военного округа*

Командующий Императорской Главной Квартирой уведомил Военного Министра о присвоении Конному полку герба <...>. О таковом Высочайшем соизволении сообщается для зависящих распоряжений.

24. ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА
НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМИИ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
П. Д. СВЯТОПОЛК-МИРСКОМУ. 1902 г.¹

С.-Петербург

12 апреля 1902 года

Его Сиятельству Князю П. Д. Святополк-Мирскому

Начальник Николаевской Академии Генерального Штаба, свидетельствуя свое совершенное почтение Его Сиятельству Князю Петру Дмитриевичу, иметь честь покорнейше просить Его Сиятельство удостоить своим посещением занятия г.г. офицеров дополнительного курса, назначенные согласно прилагаемому распределению.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

изустных докладов стратегических задач офицерами
дополнительного курса Николаевской Академии Генерального
Штаба в 1902 году и испытаний в верховой езде

Части войск, чины и фамилии офицеров	№№ задачи	Состав комиссий
Л.-Гв. Литовского полка поручик Раттэль	14	Г.-М. Поливанов
33-й артиллерийской бригады штабс-капитан Михеев	15	Полк. Чистяков
Л.-Гв. Атаманского ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА полка сотник Якушов	10	Полк. Алексеев
Л.-Гв. Литовского полка поручик Духонин	12	
24 апреля, среда, начало докладов в 10 ч.		

¹ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 193. Л. 1—3 об.

Части войск, чины и фамилии офицеров	№№ задачи	Состав комиссий
Свеаборгской крепостной артиллерии штабс-капитан Шолоков	49	Г.-М. Поливанов Полк. Чистяков Полк. Алексеев
Л.-Гв. Конного полка поручик Булгарин	50	
14-й артиллерийской бригады штабс-капитан Дегтярев	57	
Кронштадтской крепостной артиллерии штабс-капитан Головань	52	
Л.-Гвардейского ЕГО ЦАРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА эскадрона поручик Ганчев	53	
1-го Конного ЕГО ЦАРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА полка ротмистр Марков	55	
Военного ЕГО ЦАРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА училища капитан Пенев	54	
4-го Конного ЕГО ЦАРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Наследника князя Бориса Тырновского полка ротмистр Марков	56	Г.-М. Поливанов Полк. Чистяков Полк. Алексеев
23-й артиллерийской бригады штабс-капитан Тараканов		
39-й артиллерийской бригады поручик Агапеев		
2-й гренадерской артиллерийской бригады поручик Михаэлис		
Кавалерского ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ полка поручик граф Игнатьев	18	Полк. Колюбакин Полк. Воронов Полк. Кузьмин-Короваев
19-й артиллерийской бригады поручик Вильчевский	22	
12-го пехотного Великолукского полка поручик Деев	16	
1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады штабс-капитан Пфингстен	20	
19-й конно-артиллерийской батареи поручик Скибин	17	
10-й артиллерийской бригады штабс-капитан Батранец	21	
Л.-Гв. Павловского полка поручик Романов	19	
Гвардейской конно-артиллерийской бригады поручик Троцкий	23	
25 апреля, четверг, начало докладов в 10 ч.		
2-й гренадерской артиллерийской бригады штабс-капитан Мыслицкий	6	Г.-М. Михневич Полк. Сулима-Самуйлло Подп. Богуславский
Л.-Гв. Кирасирского ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ полка поручик Свечин	2	

Части войск, чины и фамилии офицеров	№№ задачи	Состав комиссий
Л.-Гв. 1-й артиллерийской бригады поручик Колюбакин	3	Г.-М. Михневич Полк. Сулима-Самуйлло Подп. Богуславский
Л.-Гв. 2-й артиллерийской бригады поручик Орлов	8	
6-го Л. драгунского Павлоградского ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-го полка штабс-ротмистр Косяков	4	
43-й артиллерийской бригады капитан Уляновский	1	
37-го пехотного Екатеринбургского полка штабс-капитан Неленин	5	
Л.-Гв. Уланского БЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ полка поручик Романовский	7	
25 апреля, четверг, начало докладов в 11 ч.		
11-го гренадерского Фанагорийского полка штабс-капитан Довбор	39	Г.-М. Мышлаевский Полк. Марков Подп. Янушкевич
1-го Волгского конного полка Терского казачьего войска сотник Сонышкин	38	
164-го пехотного Закатальского полка штабс-капитан Цаудт	40	
81-го пехотного Апшеронского полка поручик Диденко	35	
20-го драгунского Ольвиопольского полка штабс-ротмистр Семенов	36	
Л.-Гв. Гродненского Гусарского полка штабс-ротмистр Махов	34	
Л.-Гв. 3-й артиллерийской бригады поручик Алексеев	37	
24-й артиллерийской бригады штабс-капитан Штевен	33	
18-го Саперного батальона поручик Марушевский	78	
148-го пехотного Каспийского полка штабс-капитан Суханов	76	
Л.-Гв. 2-й артиллерийской бригады поручик Водарь	81	Г.-М. Золотарев Полк. Хабалов Подп. Князь Вадбольский
4-й резервной артиллерийской бригады штабс-капитан Кирсанов	75	
41-й артиллерийской бригады штабс-капитан Саенко	74	
36-го драгунского Ахтырского полка штабс-ротмистр Одинцов	80	

Части войск, чины и фамилии офицеров	№№ задачи	Состав комиссий
Ковенской крепостной артиллерии поручик Щербань	77	Г.-М. Золотарев
20-го Восточно-Сибирского стрелкового полка штабс-капитан Грудзинский	79	Полк. Хабалов Подп. Князь Вадбольский
26 апреля, пятница, начало докладов в 10 ч.		
4-й Донской казачьей батарее сотник Савельев	66	Г.-М. Орлов
45-го драгунского Северского полка штабс-ротмистр Грудстрем	68	Полк. Мошниц Подп. Агапеев
40-й артиллерийской бригады поручик Жигулин	70	
5-го гренадерского Киевского полка поручик Коломенский	72	
9-го Саперного батальона штабс-капитан Виберг	73	
10-й артиллерийской бригады штабс-капитан фон-Энгель	69	
Варшавской крепостной артиллерии поручик Чеглов	67	
9-го Донского казачьего полка подьесаул Цыганков	71	
261-го пехотного резервного Шемахинского полка поручик Габаев	26	Г.-М. Макшеев
147-го пехотного Самарского полка штабс-капитан Ахвердов	31	Полк. Баскаков
Ростовской местной команды подьесаул Сычов	28	Подп. Огородников
Ростовской местной команды подьесаул Гуцин	27	
10-го Донского казачьего полка подьесаул Ушаков	25	
1-го Кавказского стрелкового батальона поручик Загю	32	
41-й артиллерийской бригады поручик Степанов	24	
1-й Туркестанской артиллерийской бригады поручик Ялов	47	Г.-М. Гейсман
6-й артиллерийской бригады штабс-капитан Крымов	48	Г.-М. Баланин
Л.-Гв. Семеновского полка поручик Веселаго	44	Подп. Христианин
8-й артиллерийской бригады поручик Фалсеев	41	
16-го гренадерского Мингрельского полка штабс-капитан Белопольский	43	

Части войск, чины и фамилии офицеров	№№ задачи	Состав комиссий
9-го гренадерского Сибирского полка штабс-капитан Савченко	45	Г.-М. Гейсман Г.-М. Баланин
2-го Екатеринодарского полка Кубанского казачьего войска сотник Черный	46	Подп. Христианин
17-го Саперного батальона штабс-капитан Буняковский	61	Полк. Геништа Подп. Гулевич Подп. Данилов
Гвардейской запасной пешей батарее поручик Далер	64	
37-го драгунского Военного Ордена полка штабс-ротмистр Анисимов	58	
55-го пехотного Подольского полка штабс-капитан Трофимов	62	
2-й запасной артиллерийской бригады штабс-капитан Борк	60	
Л.-Гв. Кирасирского ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ полка поручик Соваж	59	
1-го Восточно-Сибирского стрелкового ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка поручик Сапожников	63	
109-го пехотного Волжского полка поручик Астапович	65	

Форма одежды: присутствующим при докладах — сюртук при оружии, докладывающему — сюртук при оружии, высокие сапоги.

ИСПЫТАНИЯ В ВЕРХОВОЙ ЕЗДЕ

27 апреля, суббота г.г. офицерам 1-го отделения	Полк. Чистяков. Подп. Соколов.
29 апреля, понедельник г.г. офицерам 2-го отделения	

Форма одежды — в сюртуках при оружии, высокие сапоги.
Начало в 10 часов утра.

Подлинное подписал:
Начальник академии,
генерал-лейтенант Глазов

С подлинным верно:
Правитель дел Академии,
Полковник Чистяков

Сверял:
и. д. Столоначальника Мартынов

25. ПРОГРАММА СКАЧЕК

устраиваемых Комитетом Общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты. 1900 г.¹

Комитет «Общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты» постановил: устроить в Михайловском манеже состязания в скачке через препятствия «Concours Hippique» в феврале, марте и апреле сего 1900 года по ниже-следующей программе:

1 день. Воскресенье, 27 февраля

Прибытие лошадей, участвующих в пробеге 100 верст. 1-ой лошади — 500 р., 2-ой — 200 р. и 3-ей — 100 р. Подписка по 10 руб. с лошади.

УСЛОВИЯ:

- а) уравнильный вес 5 ½ пудов;
- б) седловка форменная — походная;
- в) только г. офицеры на собственных лошадях;
- г) въезд в манеж всех прибывших в порядке прибытия.

1. Приз «Спокойствия и смелости лошади» от Общества в 425 р., для ездоков-охотников чрез нижеследующие препятствия:

- а) мост ширина 1½ арш.;
- б) тропинка ширина 1 арш.;
- в) слезание;
- г) прыжок через огонь;
- д) 1) канава 1½ арш. с прутяным барьером ¾ арш. и в расстоянии 8 арш.; 2) прутяной барьер ¾ арш. с канавой 1½ арш.;
- е) срубленное дерево;

¹ ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 750. Л. 1—2 об.

ж) жердяной забор $1\frac{1}{4}$ арш.;

з) кусты;

и) пальба;

к) барабанный бой и

л) красные флаги.

Подписка по 5 р. с лошади, 1-ой лошади — 300 р. и 2-ой — 125 р.

2. Приз «Открытия» от Общества в 325 руб., для ездоков-охотников на лошадях, никогда не скакавших на состязаниях Общества. Шесть препятствий; подписка 5 р., 1-ой лошади — 150 р., 2-ой — 100 р., 3-ей — 50 р., 4-ой — 25 р.

3. Приз Общества в 300 р. для русских одиночек; подписка 5 р.; 1-й запряжке — 150 р., 2-й — 100 р., 3-й — 50 р. и остальным запряжкам, заслуживающим одобрения, — малые серебряные медали.

Примечание. Если на этот приз запишется менее 4 экипажей, то приз считается несостоявшимся и не разыгрывается.

4. Джигитовка казаков; лучшему наезднику золотые часы, двум последующим — серебряные часы. Всем предоставляется возможность поднять на ходу кошелек с 5 р.; не поднявшим приз — по 3 р.

II день. Воскресенье, 5 марта

1. Приз Общества в 425 р., для ездоков-охотников на лошадях скакавших, но не выигравших 1-го и 2-го призов на состязаниях Общества; шесть препятствий; подписка 5 р., 1-ой лошади — 250 р., 2-ой — 100 р., 3-ей — 50 р., 4-ой — 25 р.

2. Приз «Фронтowej» от Общества в 425 р., для гг. офицеров с минимальным весом 6 пудов. Ездок в походном вооружении и обмундировке, при походной седловке на мундштук; шесть препятствий, подписка 5 р., причем должно быть представлено свидетельство от Начальника части о том, что лошадь признана им фронтowej; 1-ой лошади — 250 р., 2-ой — 100 р., 3-ей — 50 р., 4-ой — 25 р.

Примечание. Лошади, уже выигравшие в прошедшие года 1-й приз, должны скакать через возвышенные соломенные забор и каменную стену. Лошади, выигравшие 2-й приз, скачут через возвышенную каменную стену.

3. Премировка лошадей гг. офицеров за наружные формы и движения. Записанные лошади подразделяются на 2 категории:

1) лошади под тяжелым весом и

2) лошади под легким весом.

В каждой категории 3 приза.

I приз. Серебряная вещь и золотая медаль

II приз. Серебряная вещь и большая серебряная медаль

III приз. Малая серебряная медаль.

Лошади, признанные заслуживающими одобрения, — бронзовые медали.

Участвующие в состязании на этот приз выезжают на седле произвольного образца, на мундштуке или уздечке. Подписная цена 10 р. с лошади.

Из двух лошадей, получивших первые призы на этих состязаниях в обеих категориях, лучшая лошадь получает приз, пожалованный августейшим президентом Общества его императорским высочеством великим князем Николаем Николаевичем.

От Государственного коннозаводства золотая медаль («За лучшую лошадь, рожденную в России»).

Примечание. Подписка лошадей гг. офицеров на премировку будет приниматься лично или письменными заявлениями с 22 февраля и прекратится 2 марта сего года. Лошади для первоначального осмотра должны прибыть в Михайловский манеж: 2-го, 3-го, 4-го марта в час дня.

4. Приз Общества в 300 р. для шорных одиночек; подписка 5 р., 1-й запряжке — 150 р., 2-ой — 100 р. и 3-й — 50 р., остальным запряжкам, заслуживающим одобрения, — малые серебряные медали.

Примечание. Если на этот приз запишется менее 4-х экипажей, то приз считается несостоявшимся и не разыгрывается.

III день. Воскресенье, 12 марта

1. Приз «Охотничий» в 425 р., для ездовых-охотников, при условии пройти все препятствия полевым галопом, не переменив аллюра с начала скачки до ее окончания; шесть препятствий; подписка 5 р., 1-ой лошади — 250 р., 2-ой — 100 р., 3-ей — 50 р., 4-ой — 25 р.

Примечание. Лошади, уже выигравшие в прошедшие года 1-й приз, должны скакать через возвышенные соломенные заборы и каменную стену. Лошади, выигравшие 2-й приз, скачут через возвышенную каменную стену.

2. Приз Общества в 1350 р. в память посещения состязаний Общества Их Императорскими Величествами, для ездовых охотников, 6 возвышенных препятствий, подписка 10 р., 1-й лошади — 800 р., 2-й — 300 р., 3-й — 200 р., 4-й — 50 р. Первый приз может получить только лошадь, не свалившая ни одно из препятствий.

3. Приз от Общества «Lemon Cutting». Рубка нижних чинов. Первому — золотые часы, остальным участвующим по 5 р. каждому.

УСЛОВИЯ: от Кавалерийского полка допускается по 1 нижнему чину и 1 нижний чин от Гвардейской конно-артиллерийской бригады.

Состязание состоит в том, что участвующие должны на манежном галопе перерубить висящий в середине манежа лимон.

Лимон висит:

- 1) для Кирасирской дивизии — 3 арш. 1 верш.;
- 2) для полков 2-й Гвардии Кав. див. — 2 арш. 15 верш.;
- 3) для Казачьих частей Кав. див. 2 арш. 14 верш.

4. Приз Общества в 350 р., для русских пар в дышле; подписка 10 р., 1-й запряжке — 200 р., 2-й — 100 р., 3-й — 50 р. и остальным запряжкам, заслуживающим одобрения, — малые серебряные медали.

Примечание. Если на этот приз запишется менее 4 экипажей, то приз считается несостоявшимся и не разыгрывается.

IV день. Воскресенье, 19 марта

1. Приз Общества для нижних чинов на неоседланных лошадях. Допускается по одному нижнему чину от полка, через 6 препятствий барьер в $1\frac{1}{4}$ арш., на денежные призы.

2. Приз от Общества «Парфорсной и Ружейной Охоты и развития скакового дела в Кавалерии», в 400 р. через нижеследующие препятствия; подписка по 5 р. с лошади, 1-й лошади — 250 р., 2-й — 100 р. и 3-й — 50 р.

Препятствия:

- а) срубленная елка;
- б) дощатый забор;

в) тройная живая изгородь: 1-я и 2-я — $1\frac{1}{4}$ арш и 3-я — 1 арш. высоты, расстояние между ними в аршин;

г) тройной жердяной барьер, 1-й $0\frac{3}{4}$ арш., 2-й — 1 арш. и 3-й — $1\frac{1}{4}$ арш. высоты, расстояние между ними по $\frac{3}{4}$ аршина;

д) елка и

е) ров с водой.

3. Приз «Великокняжеский» в 1800 р., пожалованный Обществу Их Императорскими Величествами, для ездовых-охотников. Десять возвышенных препятствий. Подписка 10 р. с лошади, 1-й лошади — 100 р., 2-й — 400 р., 3-й — 200 р., 4-й — 100 р.

Примечание. Лошади, уже выигравшие этот 1-й приз в прошедшие года, не имеют права получить приза. Лошади, взявшие 2-й и 3-й призы в прошедшие года, могут получить только высший приз.

4. Приз Общества в 350 р. для пар в шорах; подписка 10 р., 1-й запряжке — 200 р., 2-й — 100 р. и 3-й — 50 р. и остальным запряжкам, заслуживающим одобрения, — малые серебряные медали.

Примечание. Если на этот приз запишется менее 4-х экипажей, то приз считается несостоявшимся и не разыгрывается.

V день. Воскресенье, 26 марта

1. Приз от Общества для гг. офицеров, для «скачков в ширину» в 700 р. Подписка по 10 р. с лошади. 1-й лошади — 500 р. и 2-й — 200 р.

Условия. Первый приз получает лошадь, прыгнувшая не менее $6\frac{1}{2}$ арш. Допускается перескачка на каждую ширину до 3-х раз.

Вышина прутьяного барьера перед водой $\frac{1}{2}$ арш. Начальный прыжок в $5\frac{1}{2}$ арш., затем до $6\frac{1}{2}$ арш. прибавляется в ширину по пол-аршина, после чего по четверти аршина.

2. Приз, пожалованный Обществу Государем Императором в 1000 р. для ездовых-охотников; 14 препятствий; подписка 10 р., 1-й лошади — 600 р., 2-й — 300, 3-й — 100 р.

Примечание. Означенные призы выдаются вещами. Лошади, уже выигравшие этот 1-й приз, имеют право скакать на 1-й приз через возвышенные препятствия. Лошади, выигравшие 2-й и 3-й приз в прошедшие года, могут получить только высший приз.

3. Приз, пожалованный Обществу в 350 р. для «тяжеловозов». Подписка по 3 р. с лошади. 1-й приз в 250 р. от Бориса Михайловича Петрово-Соловово и 2-й — в 100 р. от князя Петра Павловича Голицына.

Примечание. Допускаются к состязанию лошади, двинувшие на репетиции с места груз в 80 пудов. Понукание допускается только голосом.

4. Приз общества в 300 р. для троек; подписка 5 р.; 1-й запряжке — 150 р., 2-й — 100 р. и 3-й — 50 р. и остальным запряжкам, заслуживающим одобрения, — малые серебряные медали.

Примечание. Если на какой-либо из этих призов запишется менее 4-х экипажей, то приз считается несостоявшимся и не разыгрывается.

VI день. Воскресенье, 2 апреля

1. Приз Общества для скачки в вышину в 425 р. для г.г. офицеров; подписка 5 р., 1-й лошади — 250 р., 2-й — 100 р., 3-й — 50 р., 4-й — 25 р.

Правила для состязания в прыжках на вышину на «Concours Hippique».

Для состязания в прыжках на вышину в середине манежа ставится соломенный барьер с откосами из живых изгородей. Лошади начинают состязания с прыжка через барьер вышиной в 1 арш. 13 верш., затем барьер поднимается последовательно на высоты:

1) 2 арш.,

2) 2 арш. 2 верш.,

3) после чего барьер поднимается каждый раз на один только вершок.

Через барьер вышиной в 1 арш. 13 верш. и 2 арш. разрешается прыгать каждой лошади по 2 раза, выше 2 арш. по три раза.

Приз получает лошадь, взявшая высший барьер, а при равных по высоте прыжках принимается во внимание с какого — первого, второго или третьего прыжка был взят предыдущий барьер. Лошадь, установившая новый рекорд на «Concours Hippique», получит жетон.

2. «Prix Couple», пожалованный обществу ее императорским высочеством великой княгиней Марией Павловной в 500 р. для ездовых-охотников, 6 препятствий; подписка 10 р. с лошади, 1-й паре — 350 р., 2-й — 150 р.

3. Смена лошадей ремонта иностранных и русской армии, выезженных по системе г-на Филлиса.

4. Приз Утешительный от Общества в 350 р. для ездовых-охотников на лошадях, участвовавших в состязаниях, но не взявших ни 1-го, ни 2-го призов. Шесть препятствий, подписка 5 р., 1-й лошади 250 р., 2-й лошади — 100 р.

Высота препятствий

Обыкновенных:

- 1) живая изгородь — выпина $1\frac{3}{4}$ арш.;
- 2) забор — $1\frac{1}{2}$ арш.;
- 3) двойная живая изгородь — $1\frac{1}{2}$ арш.; расстояние между ними — 8 арш.;

4) каменная стена — $1\frac{1}{4}$ арш.;

5) ров с водой — ширина 3 арш., с живой изгородью впереди.

Возвышенных:

- 1) живая изгородь — высота 2 арш.;
- 2) забор — $1\frac{3}{4}$ арш.;
- 3) двойная изгородь живая — $1\frac{3}{4}$ арш.; расстояние между ними — 7 арш.;

4) каменная стена с кирпичом — $1\frac{1}{4}$ арш.;

5) ров с водой — ширины 5 арш. С живой изгородью впереди на четверть аршин выше обыкновенной и на аршин наклонной к воде.

Подписка лошадей будет приниматься в конторе Августейшего Президента Общества: Большая Итальянская, дом № 13, с 21 февраля с. г. ежедневно от 11 до 4 час. пополудни, лично или письменными заявлениями и за два дня до состязания в Михайловском манеже и будет закрываться накануне состязания в 4 часа дня.

Секретарь общества М.Е. Крупенский

26. ПРОГРАММА И ПРАВИЛА КОНСКИХ СОСТЯЗАНИЙ В МОСКВЕ

*25 февраля — 10 марта 1896 г. с препроводительным письмом
Общества охоты великому князю Владимиру Александровичу¹*

*Его Императорскому Высочеству
Великому Князю Владимиру Александровичу
Августейшему Представителю Императорского
Общества размножения охотничьих и промысловых
животных и правильной охоты*

Совет Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты имеет честь представить при сем Вашему Императорскому Высочеству программу и правила турнира Конских состязаний, имеющих быть в Москве 25-го февраля, 3-го и 10-го марта сего 1896 года.

Совет Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты доводит до всеобщего сведения, что в Феврале и Марте сего 1896 года имеют место быть в Городском Манеже состязания в скачках через препятствия (*Concours Hürrique*) и выезде экипажей по нижеследующей программе:

1-й день. Воскресенье 25 февраля

1. Три приза Общества — трое часов для нижних чинов. Парная езда через шесть препятствий.

2. Приз Общества 350 р. для гг. офицеров и джентльменов на лошадях, не скакавших на конских состязаниях ни в Москве, ни в Петербурге. 6 препятствий. Подписка 5 руб. 1-й лошади 200 р., 2-й — 100 р., 3-й — 50 р.

¹ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 281. Л. 1-3.

3. Два приза Общества: серебряная вещь и золотой жетон, для одиночек в русской городской запряжке, в городском экипаже. Подписка 10 р. с экипажа. Лучшей запряжке серебряная вещь, второй — золотой жетон.

4. Два приза Общества: серебряная вещь и золотой жетон, для одиночек в шорной запряжке, в произвольных экипажах. Подписка с экипажа по 10 р. Лучшей запряжке серебряная вещь, второй — золотой жетон.

5. Два приза Общества: две серебряные вещи, для наемных выездов парой у дышла в городских экипажах. Подписка 10 р. Первый приз — серебряная вещь и второй приз — серебряная вещь.

6. Джигитовка казаков: лучшим двум наездникам — серебряные часы, остальным по 3 руб. от Общества.

2-й день. Воскресенье 3 марта

1. Приз Общества «Офицерский» 350 р., для гг. офицеров на фронтовых лошадях. Езда через 6 препятствий. Подписка 5 р., причем должно быть представлено свидетельство от полкового командира, что записываемая лошадь — фронтовая. 1-й лошади — 200 р., 2-й — 100 р., 3-й — 50 р.

2. Приз Общества 600 р., для гг. офицеров и джентльменов на лошадях всех пород, годных для псовой и парфорсной охоты. 6 препятствий. Подписка 10 р. 1-й лошади — 300 руб., 2-й — 200 руб., и 3-й 100 руб.

3. Три приза Общества: две серебряные вещи и золотой жетон, для пар у дышла в русской городской запряжке, в городском экипаже. Подписка 20 р. с экипажа. Лучшей запряжке — серебряная вещь, второй — тоже, и третьей — золотой жетон.

4. Два приза Общества: серебряная вещь и золотой жетон для пар у дышла в шорной запряжке, в произвольных экипажах. Подписка — 20 р. с экипажа. Лучшей запряжке — серебряная вещь, второй — золотой жетон.

5. «Турнир» гг. офицеров и джентльменов. Каждый исполнивший все условия получает от Общества золотой жетон; не исполнивший одного — серебряный жетон; не исполнивший двух — почетную кокарду. Подписка 5 р.

3-й день. Воскресенье 10 марта

1. Приз Общества 1400 р., для гг. офицеров и джентльменов на лошадях всех пород, годных для псовой и парфорсной охоты. Езда через 11 препятствий. Подписка 20 р. 1-й лошади — 800 р., 2-й — 400 р., 3-й — 200 р.

2. Приз Общества «Утешительный» — 300 р., для гг. офицеров и джентльменов на лошадях, скакавших на состязаниях Общества и не выигравших ни одного 1-го, 2-го или 3-го приза. Подписка 5 р. 6 препятствий. 1-й лошади — 150 р., 2-й — 100 р., 3-й — 50 р.

3. Два приза Общества: серебряная вещь и золотой жетон для троек в произвольных экипажах. Подписка 20 р. с тройки. Лучшей запряжке — серебряная вещь, второй — золотой жетон.

4. Два приза Общества для наемных ямских троек две серебряные вещи. Подписка по 10 р. с тройки. Лучшей — серебряная вещь.

5. Два приза Общества: серебряная вещь и золотой жетон, для пар с пристяжкой, в русской городской запряжке и городском экипаже. Подписка — 15 р. с экипажа. Лучшему выезду — серебряная вещь и второму — золотой жетон.

6. Два приза Общества: серебряная вещь и золотой жетон для цугов в шорной запряжке (tandem) в произвольных экипажах. Лучшей запряжке — серебряная вещь, второй — золотой жетон.

7. Два приза Общества: серебряная вещь и золотой жетон для четверки цугом (four-in-hand) в шорной запряжке, в произвольных экипажах. Подписка — 20 р. с экипажа. Лучшая запряжка получает серебряную вещь и вторая — золотой жетон.

8. Джигитовка казаков: лучшим двум наездникам — серебряные часы, остальным по 3 р. от Общества.

Примечание:

1. Если на все означенные для выездов призы запишется на каждый менее 4-х экипажей, то приз считается не состоявшимся и не разыгрывается, но выехавшие экипажи в меньшем числе могут быть удостоены жетоном, а подписные деньги возвращаются.

2. Всем запряжкам, не получившим призов, но признанным судьями достойными поощрения могут быть, однако, выданы от Общества серебряные жетоны.

3. Управление лошадьми в шорной запряжке самим владельцем не обязательно; допускаются кучера.

4. Подписка будет приниматься с 15 января по 20 февраля, в Канцелярии Общества (Москва, Арбат, д. Соколова), с 11 до 4 ч. дня, а в остальное время — в Городском Манеже с 11 до 4 ч. дня.

5. С 21 февраля, между днями состязания, Манеж будет представлен с 9 до 2 ч. дня пробе лошадей, а с 2 до 5 ч. дня — выездом.

6. В настоящей программе, в случае надобности, призы могут быть перенесены из одного дня в другой, а также могут быть добавления.

Порядок и правила турнира

I

1. Каждая пара выезжает шагом на середину манежа, где всадники останавливаются между Царской ложей и судейской беседкой, и, став друг против друга, салютуют копытами, затем

2. Каждый № делает левое плечо и направляется манежным галопом к барьеру, следуя вдоль которого, № 1-й (красный), дойдя до Царской ложи, а № 2 (синий) до судейской ложи, снимают одновременно, на ходу, копьем кольца, далее

3. Продолжают идти манежным галопом, на втором повороте делают вольт у гладиатора со щитом и ударяют в щит, причем копьё должно сломаться.

4. Бросив Копье, вынимают из кобуры револьвер¹ и тем же галопом подходят ко льву, около которого делают вольт и производят выстрел в пасть льва. Вложив револьвер в кобуру, вынимают шашку.

5. За вторым поворотом делают у фигуры негра вольт, во время которого должны срубить ему голову, и

6. Перейдя в полевой галоп и следуя вдоль барьера, снимают шашкою (протыкают шашкою) у сирены голову, с которой и выскакивают на середину манежа, где, остановившись парой против Царской ложи, производят салют и уезжают с арены.

II

Гг. офицеры и джентльмены выезжают на арену парами; гг. офицеры в походной форме, а гг. джентльмены в охотничьих костюмах. Оружие: шашка, револьвер и короткое копье-дротик. Пары определяются жребием до начала турнира.

Копье-дротик состоит из древка, в верхней части которого, в гнезде, вставляется хрупкий наконечник; копье это выдается от Общества.

Приз присуждается по определению судей не только за выполнение всех условий, но и за умелое управление лошадью, в том расчете, чтобы состязующиеся согласовали свои действия в одновременном выполнении условий турнира.

¹ Примечание. Револьвер должен быть заряжен холостым зарядом и находиться в застегнутой кобуре.

27. СПИСОК УЧАСТНИКОВ ОФИЦЕРСКИХ СКАЧЕК

*на призы Военного министерства. Красное село,
4 июля 1914 г.¹*

ОФИЦЕРСКАЯ СКАЧКА

(3-й день испытания на первенство строевой лошади)

№	Чины и фамилии сздоков	Лошадь, возраст (лет)	Какого завода	Когда и ка- кой получи- ла приз
1	Л.-гв. Конного полка штабс-ротмистр Су- ровцов	Конь Диспаич Вороной, 7	Выводной	Не получал
2	Л.-гв. Кирасирского ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка Фл. Ад. штабс- ротмистр Петровский	Кобыла Арагва гнедая, 5	М. И. Лаза- рева	Не получала
3	Л.-гв. Атаманского пол- ка хорунжий Кирьянов	Кобыла Диана, 10	Гр. Браниц- кой	
4	Л.-гв. Улавского ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА полка штабс-ромистр Гурьев	Кобыла Ирида рыжая, 10	Ново-Алек- сандровск.	Не получала
5	Л.-гв. Драгунского пол- ка корнет Правел	Конь Мазарини св.-гнед., 6	Курдимово	Не получал
6	Гв. Запасного кав. пол- ка штабс-ротмистр Го- генпаль	Кобыла Арагва, 7	Оводова	
7	Гв. Запасного кавале- рийского полка поручик Загорский	Кобыла Бавари гнедая, 9	Г. О. Рауха	Не получала
8	Офицерской кавалерий- ской школы ротмистр Резников	Конь Шушунь гнедой, 8	Оводова	Не получал

¹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4936. Л. 1—2 об.

№	Чины и фамилии ездоков	Лошадь, возраст (лет)	Какого завода	Когда и какой получила приз
9	Л.-гв. Конной артиллерии Фл.-Ад. капитан Линевич	Конь Вечерний Звон темно-карак., 5	Выводной	Не получал
10	Л.-гв. Конной артиллерии штабс-капитан Трепов	Конь Берил II гнедой, 9	Выводной	Не получал
11	12-го гусарского Ахтырского полка ротмистр Панаев 1-й	Кобыла Дрофа буланая, 12	Экора	В 1913 г. под шт.-ротм. Панас-вым 2-м 4-й приз за первенство строевой лошади в Киев. восн. округ
12	Того же полка штабс-ротмистр Панаев II-й	Кобыла Айхонь рыжая, 9	Выводная	Под ездоком в 1912 г. на Окружной скачке 1-й приз и в том же г. на Красносельской скачке 1-й приз
13	12-го гусарского Ахтырского полка поручик Темперов	Кобыла Сегонда буланая, 7	Остроградского	Не получала
14	20-го драгунского Финляндского полка поручик Карташев	Конь Кальдерон Рыжий, 9	Иваницкой	

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия наук

ВИМА И ВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства

ВСХВ — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка

ВЦИ — Вестник церковной истории

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГИМ — Государственный исторический музей

ГМВ — Государственный музей Востока

ГМЗ — Государственный музей-заповедник

ГРМ — Государственный Русский музей

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея

ГЭ — Государственный Эрмитаж

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

МО — Музейное объединение

МСХА — Московская сельскохозяйственная академия

НКУ — Николаевское кавалерийское училище

НОКО — Научно-образовательное культурологическое общество

ОКШ — Офицерская кавалерийская школа

ОСОАВИАХИМ — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РВИО — Российское военно-историческое общество

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГAKФД — Российский государственный архив
кинофотодокументов

РГАУ-МСХА — Российский государственный аграрный
университет — Московская сельскохозяйственная академия

РГВИА, РГИВИА — Российский государственный военно-
исторический архив

РГИА — Российский государственный исторический архив

РИА — Русская императорская армия

РИБ — Русская историческая библиотека

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия

СА — Советская археология

СТ — Советская тюркология

ТОДЛР — Труды Отдела древнерусской литературы Института
русской литературы

УКЭ — Учебный кавалерийский эскадрон

ЦГАКФД — Центральный государственный архив
кинофотофонодокументов

ЦМ ВС РФ — Центральный музей Вооруженных сил Российской
Федерации

ЧОИДР — Чтения в Императорском обществе истории
и древностей Российских при Московском университете

ЭО — Этнографическое обозрение

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

II. Источники (НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ)¹

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

- ГАРФ. Ф. 102. Оп. 40. Д. 244. По письму на высочайшее имя проживающего в Париже некоего Гримма о необходимости для России стать в деле конского спорта в уровень с некоторыми государствами Европы. 30 июня — 15 августа 1883 г. 7 л.
- ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 388. О перемене в кавалерийских полках агглизированных офицерских лошадей на длиннохвостных. 1833 г. 2 л.
- ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 969. Об офицерах, назначаемых начальниками жандармских команд, предварительно прикомандировывать оных лейб-гвардии к жандармскому полуэскадрону для знакомства с кавалерийской службой. 1842 г. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 10751. По ходатайству корнета Петербургского жандармского дивизиона Петрова о прикомандировании его к переменному составу Офицерской кавалерийской школы для прохождения курса. 1905–1906 гг. 2 л.
- ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 16364. О командировании ротмистра Вилламова в Офицерскую кавалерийскую школу для изучения инструкторской обязанности верховой езды. 10 л.
- ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 298. Л. 3. Переписка и приказы по Лейб-гвардии Конному полку о порядке празднования 200-летия полка. 8 л.
- ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 344. План построения войск при торжественном выезде Николая II в день празднования 300-летия царствования дома Романовых. 21 февраля 1913 г. 3 л.
- ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 415. Церемониал празднования 100-летия Отечественной войны, списки лиц, участвовавших в праздновании. Август 1912 г. 18 л.
- ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 478. Историческая справка о гусарских ментиках, представленная генералом Сухомлиновым Николаю II. 6 л.
- ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 803. Церемониал встречи в Санкт-Петербурге персидского шаха. 3 л.

¹ Здесь и далее техническая подготовка текстов из ГАРФ, РГАДА, РГИА к печати — Д. С. Муравьевой (если не указано иное).

- ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 75. Письмо председателя «Общества поощрения конного спорта в лейб-гвардии драгунском полку» Глембоцкого Карловой Н. Ф. об избрании ее почетным членом Общества. Устав Общества и программа скачек. 7 л.
- ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 121. Список книг по истории лейб-гвардии драгунского полка. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 21. Расписание праздников в частях войск, подшефных императрице Александре Федоровне и ее дочерям. 1914 г. 2 л.
- ГАРФ. Ф. 640. Оп. 2. Д. 31. Выписка из истории Крымского конного императрицы Александры Федоровны полка. 1900 г. 2 л.
- ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 495. Обращение императрицы Марии Федоровны к Кавалергардскому полку по поводу 25-летия ее шефства над полком. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 496. Докладная записка командира Кавалергардского полка императрице Марии Федоровне о строительстве квартир для офицеров. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 498а. Списки и рапорты командиров подшефных императрице Марии Федоровне полков. 1890–1909. 109 л.
- ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 3329. Опись вещей, принадлежащих императрице Марии Федоровне и Александру III. 45 л.
- ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 3330. Списки лошадей, принадлежащих императрице Марии Федоровне. 5 л. Техническая подготовка текста к печати — Н. К. Карбаиа.
- ГАРФ. Д. 643. Оп. 1. Д. 27. Телеграмма полковника Бенуа августейшему шефу великой княгини Ольге Александровне. 1910 г. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 9. Копия завещания великого князя Николая Николаевича старшего. 2 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 9а. Выдержка из духовного завещания Николая I. 15 апреля 1855 г. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11. Послужной список великого князя Николая Николаевича старшего. 62 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 13. Приказ Александра II о назначении генерал-инспектором кавалерии великого князя Николая Николаевича старшего. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 14. Приказ Александра II о назначении главнокомандующим действующей армией великого князя Николая Николаевича старшего. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 17. Дипломы Московского общества сельского хозяйства, Комитета акклиматизации животных и растений и Комитета шелководства об избрании почетным членом великого князя Николая Николаевича старшего. 3 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 18. Дипломы Российского общества любителей садоводства об избрании великого князя Николая Николаевича старшего покровителем и почетным членом общества. 2 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 22. Диплом Общества защиты зверей в г. Риге, выданный великому князю Николаю Николаевичу старшему. 1 л.

- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 24. Похвальные листы II-й Всероссийской конской выставки великому князю Николаю Николаевичу старшему. 5 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 54. Обращение и протокол заседания Дальковского общества любителей скотоводства, присланные великому князю Николаю Николаевичу старшему. Июль 1868 г. 15 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 57. Доклад барона Н. Криденера генерал-инспектору кавалерии великому князю Николаю Николаевичу старшему о необходимости изменения программы обучения кавалерии. 11 января 1883 г. 6 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 78. Копия рапорта Главного комитета по устройству и образованию войск военному министру о необходимости некоторых упрощений в пешем строе кавалерии. 21 января 1881 г. — 12 апреля 1883 г. 5 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 273. Копия родословной князя «Мирзы» конозавода великого князя Николая Николаевича старшего. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 306. Фотографии с изображением памятника генерал-фельдмаршалу великому князю Николаю Николаевичу старшему, главнокомандующему в период Турецкой войны 1877–1878 гг. 4 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 347. Письмо Николая I сыну, великому князю Николаю Николаевичу. 27 июля 1838 г. 3 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 349. Описи имущества великого князя Николая Николаевича старшего и расписки разных лиц в получении отдельных вещей из комнат великого князя Николая Николаевича. 18 л.
- ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 351. План парада при открытии памятника великому князю Николаю Николаевичу. 2 л.
- ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 1133. Месячный рапорт о состоянии 10-го драгунского Новгородского полка имени великой княгини Елены Павловны. Июнь 1865 г. 2 л.
- ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 82. Условия военной игры великих князей Константина Николаевича, Николая Николаевича и Михаила Николаевича под заглавием «Законы нашей войны». 1 л.
- ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 87. Грамота Главного комитета конских скачек на Кавказе о присвоении великому князю Михаилу Николаевичу звания члена соревнования. 4 л.
- ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 168. Отчет Общества конского спорта Лейб-гвардии конно-гренадерского полка. 1901–1902 гг. 3 л.
- ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 188. Докладная записка без подписи автора, по вопросу уменьшения кавалерии и учреждения резервных эскадронов. 3 л.
- ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 532. Церемониал открытия памятника императору Николаю I. 25 июня 1859 г. 3 л.
- ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 34. Сведения о 8-м Уланском Вознесенском полке имени Татьяны Николаевны Романовой (имеется историческая справка-памятка о полке с 1812–1911 гг.). 1911–1913 гг. 8 л.
- ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 76. Планы военных парадов в Петербурге. 1872–1909 гг. 19 л.

- ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 99. Строевые рапорты по крейсеру «Адмирал Нахимов» и 3-му кавалерийскому полку великой княгини Марии Павловны. 1879 г. 7 л.
- ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 100. Указание начальника штаба гвардейского корпуса офицерам, занятым составлением очерков по истории гвардейских полков. 4 л.
- ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 140. «Записка о кавалерии» генерала Бильдерлинга. 1892 г. 6 л.
- ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 281. Программа и правила конских состязаний в Москве 25 февраля — 10 марта 1896 г. с препроводительным письмом Общества охоты великому князю Владимиру Александровичу. 4 л.
- ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 759. «Роспись войск Российской армии» и объяснительная записка к ней. 1 Января 1794 г. 11 л.
- ГАРФ. Ф. 652. Оп. 2. Д. 89. Расписание занятий в Офицерской кавалерийской школе. 1 октября 1885 г. — 1 февраля 1886 г. 9 л.
- ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 661. Телеграмма полковника Спокойского-Францевича Марии Павловне с поздравлением ее и великой княгини Марии Александровны с полковым праздником. 24 апреля 1915 г. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 664. Письма (официальные) военного министра Сухомлинова Владимира Александровича Марии Павловне о назначениях и повышениях по подшефным ее полкам. 20 марта 1909 г. — 3 октября 1914 г. 4 л.
- ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 677. Черновик письма Марии Павловны командиру 3-го Кавалерийского полка имени Марии Павловны по поводу принятия его шефства над полком. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 750. Программа скачек, устраиваемая комитетом общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты. 1900 г. 2 л. Техническая подготовка текста к печати — Н.К. Карбаиа.
- ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 640. Телеграммы родственников и знакомых великому князю Гавриилу Константиновичу, с приложением программы состязания в скачках с препятствиями. 1912 г. 37 л.
- ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 963. Церемониал празднования 300-летия дома Романовых. 21 февраля 1913 г. 14 л.
- ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 73. Рапорты командира 48 драгунского полка шефу великой княгине Ксении Александровне. 9–12 сентября 1906 г. 2 л.
- ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 582. Телеграмма полковника Филонова шефу полка великой княгине Ксении Александровне. 25 марта 1897 г. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 62. Завещание великого князя Михаила Павловича, с надписью «Опись завещанного мною оружия», с подписями генерал-адъютанта графа Адлерберга, генерал-адъютанта Анненкова, генерал-адъютанта Ростовцева и генерала Криденера, удостоверяющими завещание. 20 мая 1843 г. 2 л.
- ГАРФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 98. Весенние маневры в Гатчине. 1796. 6 л.
- ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 496. Письмо командира Кавалергардского полка великому князю Николаю Михайловичу о праздновании юбилея полка. Сентябрь 1895 г. 4 л.

- ГАРФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 78. Речь великого князя Николая Николаевича, произнесенная в войсковом круту Войска Донского. 6 мая 1914 г. 2 л.
- ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 70. Ведомость числа находящихся в строю офицеров и рядовых войск артиллерии, кавалерии, пехоты и военно-учебных заведений. 11 мая 1834 г. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 95. Списки генералов и офицеров лейб-гвардии гусарского полка с 22 апреля 1818 по 1848 г. Приложена справка о назначении Николая I шефом этого полка. Сентябрь 1848 г. 16 л.
- ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 260. «Краткая историческая памятка» 3-го гусарского Елизаветградского полка великой княжны Ольги Николаевны. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 13. Грамота на Георгиевское оружие, пожалованная великому князю Георгию Михайловичу. 1916 г. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 281. Церемониал въезда королевы Александры Георгиевны и бракосочетания великого князя Павла Александровича с королевой Александрой Георгиевной. 1889 г. 19 л.
- ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 395. Списки членов императорской фамилии, числящихся в войсках, и особ иностранных владетельных домов, состоящих шефами в русских войсках. 1882–1894 гг. 18 л.
- ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 143. Записка Михаила Станиславовича Чайковского «О значении конницы», поднесенная Александру II. 1873 г. 50 л.
- ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 168. План воспитания и образования великого князя Александра Николаевича, составленный Жуковским В. А. 1825 г. 26 л.
- ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 210. Описание военной игры и приложение к нему. 1831 г. 96 л.
- ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 359. Описи книг военно-учебных заведений, хранившихся в большом кабинете великого князя Александра Николаевича. 1849 г. 2 л.
- ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 362. Записка Остен-Сакен «Отрывок из летописи Елизаветградского гусарского полка». [1840 г.] 30 л.
- ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 951. Список вещей Александра II, хранившихся в арсенале дворца. 1881 г. 18 л.
- ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 952. Список вещей Александра II, переданных по его завещанию великому князю Владимиру Александровичу и записки Адлерберга о рассылке мундиров Александра II по соответствующим полкам. 4 л.
- ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 953. Опись мундиров и сюртуков Александра II, составленная после его смерти. С пометами Александра III. 1881 г. 8 л.
- ГАРФ. Ф. 683. Оп. 1. Д. 99. Записка-автограф великой княжны Анастасии Николаевны в том, что она назначена шефом 9 драгунского Казанского полка. 1 л.
- ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 24. Телеграфные донесения полковника Кузьмина-Караваева своему шефу — великой княжне Марии Николаевне об участии полка в военных операциях. 1914–1915 гг. 6 л.
- ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 31. Ходатайство командира 9 драгунского Казанского полка шефу, великой княжне Марии Николаевне, о дополнительном награждении ее портретами некоторых чинов. 1 л.

- ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 32. Список офицеров [9 драгунского Казанского полка] с указанием подарков каждому [от шефа полка — вел. кн. Марии Николаевны] и их стоимости. 4 л.
- ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 32. Записки великого князя Константина Николаевича по проведению военных игр. В пакете с надписью: «Рапорты оловянной армии». 7 л.
- ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2660. Ч. I. Кене (Kühne). Коллекция русского кавалериста. Труд о коневодстве (Hyrpologische). 1861 г. 64 л.
- ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2660. Ч. II. Кене (Kühne). Коллекция русского кавалериста. Труд о коневодстве (Hyrpologische). 1861 г. 64 л. 98 л.
- ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1427. Анонимная записка с подписью «Старый кавалерист коннозаводчик» о преимуществах русских пород лошадей. По поводу статьи Струкова в газете «Русский инвалид» № 14 «Чистокровная лошадь в строю и походе». Май 1880 г. 6 л.
- ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4936. Список участников офицерских скачек на призы Военного министерства. Красное село, 4 июля 1914 г. 2 л.
- ГАРФ. Ф. 765. Оп. 1. Д. 11. Письмо Николая II великому князю Дмитрию Константиновичу об освобождении его от должности Главноуправляющего государственного коннозаводства. 13 ноября 1905 г. 2 л.
- ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 193. Письмо начальника Николаевской академии Генерального штаба П. Д. Святополк-Мирскому. 1902 г. 3 л.
- ГАРФ. Ф. Р5972. Оп. 1. Д. 15. Программа конских состязаний 1 июня 1914 г. кружка любителей конского спорта Ахтырского гусарского полка. 3 л.
- ГАРФ. Ф. Р5972. Оп. 3. Д. 127. Послужной список состоящего в постоянном [составе] Офицерской кавалерийской школы числящегося по гвардейской кавалерии полковника Брусилова Алексея Алексеевича. Январь 1895 г. 10 л.
- ГАРФ. Ф. Р5972. Оп. 3. Д. 136. Приказ по Офицерской кавалерийской школе № 49 от 18 февраля 1902 г. Сиб. о сдаче школы генерал-майору Брусилову. 2 л.
- ГАРФ. Ф. Р5972. Оп. 3. Д. 139. Приказ по Гвардейскому корпусу о сдаче ген.-лейтенантом А. А. Брусиловым 2-ой Гвардейской кавалерийской школы Безобразову. 26 января 1909 г. 1 л.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

- РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 287. Архив Оружейной палаты. Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. Расходная книга за 1740 г. 430 л.

Российский государственный архив кинофотодокументов (РГAKФД)

- РГAKФД. 5—3855. Император Николай II производит смотр войск в дни празднования 100-летия Отечественной войны 1812 года. 1912 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://photo.rgakfd.ru/showObject.do?object=150234034> (дата обращения 01.11.2019).

Российский государственный исторический архив (РГИА)

- РГИА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 44. Опись лошадям Николаевского зимовника, отправленных на всероссийскую конскую выставку в г. Петербург. 2 мая — 9 августа 1866 г. 6 л.
- РГИА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 106. Описание конского завода при с. Чесменке Бобровского у. Воронежской губ. 94 л.
- РГИА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 124. Акт о разделе имущества, оставшегося после смерти великого князя Николая Николаевича. 26 апреля — 31 декабря 1891 г. 5 л.
- РГИА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 125. Смета на производство строительных работ в Манеже и конюшнях при строящемся дворце вел. кн. Николая Николаевича старшего. 1861 г. 21 л.

Центральный государственный архив кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД)

- ЦГАКФФД. П. 216. Фотоальбом «Пребывание членов императорской фамилии в Спале» [Электронный ресурс]. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgakffd/photoalbum/222> (дата обращения 01.11.2019).
- ЦГАКФФД. П. 587. Сн. 47 [Электронный ресурс]. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgakffd/positive/17951> (дата обращения 01.11.2019).

І.ІІ. Источники (опубликованные)

Законодательные и военно-административные

- Воинский устав о полевой кавалерийской службе. 29 ноября 1796 г. // ИСЗРИ. Собрание первое. Т. 24. С 6 ноября 1796 по 1798 г. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 156–212.
- Воинский устав о службе в учебных лагерях и в походах в мирное время пехоты, артиллерии и кавалерии. СПб.: Военная тип., 1871. 62 с.
- Генералитет, или Табель о полевой армии драгунских, пехотных и гарнизонных полков, о провианте и рационах и о всей их амуниции. М.: Московская тип., 1722. 83 с.
- Гусар, или короткие правила для легких войск. М.: При Императорском Московском Университете, 1764. 96 с.
- Духовный регламент. 1721. СПб.: Синодальная тип., 1866. 192 с.
- Инструкция конного полка полковнику. СПб.: В Государственной Военной Коллегии, 1766. 135 с.
- Материалы для истории русского флота. Ч. 3. Балтийский флот. 1702–1725. СПб.: Тип. Морского министерства, 1866. 726 с.
- Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801. Сборник документов: в 2 т. Т. 1. М.: Русская панорама, 2011. 727 с.
- Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801. Сборник документов: в 2 т. Т. 2. М.: Русская панорама, 2009. 591 с.

Наставление для ведения занятий в кавалерии. СПб.: Военная тип., 1912. 132 с.

Наставления для действия казачьих частей ланами. СПб.: Военная тип., 1899. 19 с.

Описание о вахт-параде // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 26. 1800–1801. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 31–337.

Опыт наставлений, касающихся экзерции и маневров кавалерийского полка. Издан трудами гг. эскадронных командиров Кирасирского Военного ордена полка. СПб.: Медицинская тип., 1805. 39; 533; 103 с.

Положение о переформировании армейской кавалерии. СПб.: Военная тип., 1833. 171 с.

Правила приема в военные училища и программы учебных предметов. СПб.: Изд. книгопродавца Я. А. Исакова, 1871. 44 с.

Прибавление к предварительному постановлению о строевой кавалерийской службе. Школа кавалерийского солдата по одиночке или искусство верховой езды для солдата. СПб.: При Императорской АН, 1815. 50 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 1. 1649–1675. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1029 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 3. 1689–1699. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 690 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. 1700–1712. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 881 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 5. 1713–1719. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 780 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 6. 1720–1722. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 815 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 7. 1723–1727. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 922 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 8. 1728–1732. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1014 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 9. 1733–1736. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1022 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 10. 1737–1739. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 995 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 11. 1740–1743. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 988 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 12. 1744–1748. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 960 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 13. 1749–1753. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 957 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 14. 1754–1757. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 862 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 20. 1775–1780. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1034 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 25. 1798–1799. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 933 с.

- ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 4. 1829. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. 968 с.
- ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 11. Ч. 1. 1836. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837. 895 с.
- ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 11. Ч. 2. 1836. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837. 405 с.
- ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 15. Ч. 1. 1840. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. 855 с.
- ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 23. Ч. 2. 1848. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1849. 255 с.
- ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 35. Ч. 1. 1860. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1862. 960 с.
- Рассуждения служащие руководством к новому установлению Шляхетного кадетского корпуса, сколько принадлежит до воинской части оного. СПб.: [б.и.], 1766. 25 с.
- Романов Н.Н. [Николай Николаевич]. Наставление для выездки ремонтной кавалерийской лошади. СПб.: Военная типография, 1889. 109 с.
- Румянцев П.А. Обряд службы // Русская военная мысль. XVIII век: сборник. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 5–172
- Румянцев П.А. Сборник документов и материалов (Русские полководцы). Т. 2. 1768–1775. М.: Воениздат, 1953. 864 с.
- Сборник описания обмундирования, снаряжения, амуниции, а также всего конского снаряжения казаков Оренбургского казачьего войска. Троицк: Тип. Д.Ф. Лобова, 1885. 78 с.
- Свод военных постановлений. Ч. 1. Образование военных учреждений. Кн. 3. Образование военно-учебных заведений с их управлениями. СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1838. 360; 64 с.
- Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству св. Синода. Кн. 1 (1716–1800). СПб.: Тип. МВД, 1860. 790 с.
- Стат придворной конюшни. СПб.: [б.и.], 1766. 13 с.
- Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. 2. Ч. 1. Императорская главная квартира. История государевой свиты. Царствование императора Николая I. СПб.: Тип. М. Вольф, 1908. 478 с.
- Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 1. Главный штаб. Образование (обучение) войск. Уставы и наставления. СПб.: Тип. «Бережливость», 1903. 358 с.
- Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. 2. Главный штаб. Образование (обучение) войск. Уставы и наставления. СПб.: Тип. М. Вольф, 1914. 279 с.
- Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 1. Главное управление военно-учебных заведений. СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1902. 145 с.
- Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 2. Главное управление военно-учебных заведений. СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1907. 163 с.
- Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 3. Главное управление военно-учебных заведений. СПб.: Тип. М. Вольф, 1914. 215 с.

- Столетие военного министерства. 1801–1902. Т. 13. Кн. 1. Вып. 1. Управление генерал-инспектора кавалерии. О ремонтировании кавалерии. СПб.: Тип. М. О. Вольф, 1906. 336 с.
- Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века: сборник материалов. Т. 1. М.: Русская панорама, 2010. 455 с.
- Тактические правила или наставление воинским эволюциям Его императорского величества Воинский устав о полевой гусарской службе. М.: Сенатская тип., 1797. 136 с.
- Устав Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса. СПб.: [б.и.], 1766. 24 с.
- Устав конного кружка любителей всех видов состязаний при 1-м Лейб-драгунском Московском императора Александра III полку. Тверь: Типо-лит. Н. Родионова, 1909. 16 с.
- Устав конного полка. СПб.: [б.и.], 1797. 68 с.
- Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647 год. СПб.: Тип. «Бережливость», 1904. 287 с.
- Экзерциция конная в полку Его Императорского Высочества, 1731 г. // Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Главный штаб. Исторический очерк. Образование (обучение) войск. Уставы и наставления. СПб.: Тип. «Бережливость», 1903. С. 3–44.

Иппологическая литература

- Аммон Г. Г. Вернейшее средство к разведению рослых и здоровых лошадей. СПб.: Изд. И. Бриффа, 1857. 29 с.
- Бобинский И. Краткая иппология и курс верховой езды. СПб.: Тип. Х. Юнц, 1836. 216 с.
- Боше Ф. Метода берейторского искусства, основанная на новых началах. СПб.: [б.и.], 1857. 363 с.
- Врангель К. Г. Книга о лошади. Т. 1. СПб.: Тип. Ф. В. Щепанского, 1886. 597 с.
- Волынский А. П. Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях, как содержать и притом прилежно смотреть надлежит чтоб в добром здоровьи были. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. 49 с.
- Гамм В. Руководство к правильному уходу и обращению с лошадьми. СПб.: [б.и.], 1858. 36 с.
- Гериньер Ф. Р. Конная библия. Школа верховой езды. М.: Аквариум, 2007. 320 с.
- Еженедельник для охотников до лошадей. На 1823 год. Ч. 3. Кн. 1. М.: Тип. А. Семена, 1823. 480 с.
- Значение ипподромных состязаний для коннозаводства России. М.: Либроком, 2014. 152 с.
- Иакобсен В. Боевой товарищ лошадь и уход за ней. М.; Л.: Госиздат, 1927. 66 с.
- Игнатов. Сведение о ковке лошадей для руководства в коннозаводских училищах. СПб.: [б.и.], 1864. 36 с.

- Кюне. Кавалерист и его лошадь. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1859. 348 с.
- Лангенбахер Л. Э. Теорияковки. Курс учебной кузницы Офицерской кавалерийской школы. Репринт. М.: Либроком, 2011. 112 с.
- Мяснов П. Н. О конских ристаниях и скаковых лошадях. М.: Книжный дом Либроком, 2011. 110 с.
- Науман И. Г. Руководство к познанию наружности лошадей. М.: Тип. Н. С. Всеволожского, 1814. 332 с.
- Плювинель А. Наставление королю в искусстве верховой езды. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб., 2008. 128 с.
- Родзянко П. П. Итальянская кавалерийская школа и новый метод полевой езды и обучения ей. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 162 с.
- Урусов С. П. Верховая езда. СПб.: Русское книжное т-во «Деятель», 1913. 102 с.
- Федоренко Л. О конной подготовке в стрелковых частях // Военный вестник. 1937. № 17. С. 38–43.
- Филлис Дж. Основы выездки и езды. Факсимильное воспроизведение издания 1901 г. М.: Турист, 1990. 304 с.
- Фишер Ф. Ф. Записки иппологии. Курс Николаевского кавалерийского училища. СПб.: М. Штейн, 1876. 430 с.
- Фишер Ф. Ф. Иппология. Справочные сведения о выборе и содержании лошади. СПб.: Тип. Б. Г. Янпольского, 1881. 366 с.
- Хотинский М. Военно-конская повинность. М.: Тип. И. Смирнова, 1880. 78 с.
- Broue S. Le Cavalerie François. Paris: Chez Abel l'Angelier, 1602. 174 p.
- Broue S. Second livre des preceptes du Cavalerie francois. Paris: Chez Abel l'Angelier, 1608. 176 p.
- Caprilli F. Per l'equitazione di campagna // Rivista di Cavalleria. 1901. Vol. VII. P. 59–71.
- Caracciolo P. La gloria del cavallo. Venezia: Apresso Gabriel Giolito De Ferrari, 1566. 969 p.
- Fiaschi C. Trattato dell'imbrigliare, maneggiare, et ferrare cavalli. Bologna: Per Anselmo Giaccarelli, 1556. 194 p.
- Grisone F. Gli ordini di cavalcare. Venetia: Vincenzo Valgrifi, 1551. 238 p.
- Kuhne. Hyppologische Sammlungen eines Russischen Reiterofficiers. Petersburg [w. p.], 1858. 111 p.
- Noue P. La Cavallerie Française et Italienne ou l'Art de Bien Dresser Les Chevaux Selon les Préceptes des Deux Nations. Lyon: C. Morillon, 1620. 176 p.
- Pluvinel A. L'Instruction Du Roy en l'exercice de monter à cheval. Paris: M. Nivelles, 1625. 207 p.
- Pluvinel A. Maneige royal. Paris: Aux frais de Crispian, 1623. 64 pl.
- Santagata S. La vita di Giambattista Pignatelli, Principe di Marsico Nuovo. Napoli: Presso Giuseppe Raimondi, 1751. 184 p.
- Wallhausen J. J. Kriegskunst zu Pferd. Graz: Akademische Druck und Verlagsanstalt, 1971. 249 p.

Каталоги музеев, выставок, альбомы

- Амелехина С. А., Бобровницкая И. А., Моршакова Е. А. Венчания на царство и коронации в Московском Кремле. Т. 1. М.: Азбука, 2013. 140 с.
- Батушкина армия. Гатчинские войска великого князя Павла Петровича. СПб.: Галерея, 2008. 35 с.
- Беляев О. П. Кабинет Петра Великого. Отд. 1. Ч. 2. СПб.: Императорская тип., 1800. 154 с.
- Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М.: Тип. Н. Степанова, 1844. 74 с.
- Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М.: Тип. Бахметева, 1860. 288 с.
- Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба // «Полцарства за коня...» Лошадь в мировой культуре. Каталог выставки. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 2006. С. 143–149.
- «Во утверждение дружбы...» Посольские дары русским царям. М.: Художник и книга, 2005. 152 с.
- Военная столица Российской империи: в фотографиях конца XIX — начала XX веков. СПб.: Лики России, 2004. 232 с.
- Второе дыхание: Гатчина и Петергоф в эпоху императора Николая I. СПб.: ГМЗ «Гатчина», 2011. 32 с.
- Государева Оружейная палата. Сто предметов из собрания Российских императоров. СПб.: Атлант, 2002. 408 с.
- Гречук Н. Петербург. События и лица. История города в фотографиях Карла Буллы и его современников. М.: Центрполиграф, 2015. 479 с.
- Екатерина Великая: русская культура второй половины XVIII века / ГЭ. СПб.: Славия-Интербук, 1993. 192 с.
- [Жиль Ф.]. Каталог редкого, старинного и восточного оружия, хранящегося в собственности Его Императорского Величества арсенале в Царском Селе. Ч. 1. СПб.: Тип. Э. Праца, 1840. 247 с.
- [Жиль Ф.]. Каталог редкого, старинного и восточного оружия, хранящегося в собственности Его Императорского Величества арсенале в Царском Селе. Ч. 2. СПб.: Тип. Э. Праца, 1840. 199 с.
- Жиль Ф. Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего государю императору. СПб.: Политехнографическое Заведение А. Баумана, 1860. 273 с.
- За кулисами парадной жизни. Поставщики императорского двора. Каталог выставки. СПб.: ГМЗ «Царское село», 2013. 392 с.
- Илатовская Т. А., Пахомова-Герес В. А. Волшебство Белой розы. История одного праздника. СПб.: Славия, ГЭ, 2000. 120 с.
- Император Александр III. Императрица Мария Федоровна: Каталог выставки. 6 сент. — 3 окт. 2006 г. СПб.: НП Принт, 2006. 432 с.
- Императорские веера из Эрмитажа. Веера из собрания Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 1997. 70 с.
- Кириллова Л. П. Старинные экипажи. Сокровища Оружейной палаты. М.: Красная площадь, 2000. 208 с.

- Кириллова Л. И. Экипажи XVI–XVIII веков. М.: Трилистник, 2006. 127 с.
- Конь и всадник. Взгляд сквозь века. Каталог выставки. М.: ГИМ, 2003. 64 с.
- Королькова Е. Ф. «Полцарства за коня...» // «Полцарства за коня...» Лошадь в мировой культуре. Каталог выставки. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 2006. С. 13–28.
- Королькова Е. Ф. «Скачущие сквозь века...» // «Полцарства за коня...» Лошадь в мировой культуре. Каталог выставки. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 2006. С. 29–61.
- Коронационные торжества. Альбом священного коронования их императорских величеств государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Федоровны. М.: Типо-лит. И. Н. Кушнерев, 1896. 168 с.
- Коронационный альбом в память священного коронования их императорских величеств в Москве 15 мая 1883 года. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883. 108 с.
- Музей костюма. Государственный музей-заповедник «Павловск». СПб.: ГМЗ «Павловск», 2014. 160 с.
- Музей «Особая кладовая» в Петергофе. Петродворец: ГМЗ «Петергоф», 2011. 80 с.
- Ненарокова И. С. Государственные музеи Московского Кремля. М.: Искусство, 1987. 239 с.
- Образцов В. Н. Оружие Востока в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2015. 228 с.
- Оружейная палата. М.: Московский рабочий, 1964. 243 с.
- От войны к миру. Россия — Швеция. XVIII век. Каталог выставки 28 апреля — 12 сентября 1999 г. Ч. 1. Династии и монархии. СПб.: Славия, 1999. 103 с.
- От войны к миру. Россия — Швеция. XVIII век. Каталог выставки 28 апреля — 12 сентября 1999 г. Ч. 2. Военные противостояния. СПб.: Славия, 1999. 96 с.
- Писарская Л. В. Оружейная палата Кремля. М.: Московский рабочий, 1975. 240 с.
- Подмосковье: памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков. М.: Московский рабочий, 1962. 584 с.
- Посольские дары. М.: Красная площадь, 1996. 272 с.
- Ракова А. Л. «Le miroir héroïque de la Noblesse» («Героическое зеркало дворянства») // «Полцарства за коня...» Лошадь в мировой культуре. Каталог выставки. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 2006. С. 108–111.
- Русский музей представляет: Лошади в русском искусстве. Альманах. Вып. 12. СПб.: Palace Editions, 2001. 224 с.
- Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Гатчинский дворец. Кн. 1. М.: Ирись, 2004. 160 с.
- Старинное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия. 2011. 131 с.

- Толстоухова В. Парадное конское убранство и старинные экипажи. М.: Изобразительное искусство, 1979. 18 с.
- Чернышев В. А. Седельная сбруя XVIII–XIX веков // «Полцарства за коня...» Лошадь в мировой культуре. Каталог выставки. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 2006. С. 150–157.
- Шелаев Ю. Б., Шелаева Е. И. Российская империя накануне крушения. СПб.: Лики России, 2014. 440 с.
- Empress Maria Fedorovna: A Life & Fate: exhibition catalog. St. Petersburg: Petronivs Publishing, 2008. 168 p.
- Gifts to the Tsars. 1500–1700. Treasures from the Kremlin. Exhibition Catalogue. New York: Harry Abrams Pub., 2002. 336 p.
- The museum of the horse. Domaine de Chantilly. Munich: Prestel, 2013. 176 p.

Имущественные документы

- Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. Вып. 1. М.: Типо-лит. С. П. Архипова, 1877. 376 с.
- Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г. Вып. 2. М.: Типо-лит. М. П. Щепкина, 1883. 660 с.
- Гардероб и некоторые вещи Виллима Монса в 1723–1724 гг. // Семеновский М. И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. 1692–1724. М.: Пресса, 1994. С. 368–373.
- Дело о пожитках государыни Царевны Наталии Алексеевны // Старина и новизна. 1914. № 17. С. 115–231.
- Домашнее имущество царя Ивана Васильевича Грозного по исполной описи, составленной из списков 90 и 91 годов XVI века // Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. Государев двор. Дом Рюриковичей. М.: Синодальная тип., 1912. С. 199–200.
- Книги описные князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животов Голицыных на их московском большом и на загородных дворах, что за Никитскими воротами, и привозных // Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1893. Стб. 1–340.
- Семевский М. И. Описи орденов, разных вещей и драгоценностей императора Павла I, с распределением их по смерти Императора, в 1801 году, разным лицам // ЧОИДР. 1867. № 2. С. 89–119.
- Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 годов // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. 1850. № 7. С. 1–46.
- Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 2. Кн. 3. Посуда раковинная, косяная, каменная, кокосовая и проч. Древняя домашняя утварь. Мебель и одежда. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1884. 264 с.
- Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. Броня. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1884. 312 с.
- Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. Ловчий снаряд. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1884. 194 с.

- Опись платья и книг царевича Ивана Михайловича // *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 2. М.: Синодальная тип., 1915. С. 593–594.
- Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года. М.: Московский Кремль, 2014. 192 с.
- Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева // *Временник императорского Московского общества истории и древностей российских.* 1850. № 8. С. 1–40.
- Опись о гардеробе Его Императорского величества Петра Второго, платье и прочее // *Павленко Н. И.* Петр II. М.: Проспект, 2017. С. 280–284.
- Перечень одежд XV в. // *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 2. М., 1915. С. 846–870.
- Платье, головной и спальный уборы царицы Евдокии Лукьяновны 1642 года // *Савваитов П. И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты. СПб.: Тип. Императорской АН, 1865. С. 105–126.
- Платье и некоторые вещи царя Алексея Михайловича 1676 года / Платье, оружие, ратный доспех и конский прибор царя Бориса Федоровича Годунова 1589 года // *Савваитов П. И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты. СПб.: Тип. Императорской АН, 1865. С. 68–74.
- Платье, оружие, ратный доспех и конский прибор царя Бориса Федоровича Годунова 1589 года // *Савваитов П. И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты. СПб.: Тип. Императорской АН, 1865. С. 11–47.
- Платье царя Михаила Федоровича 1629 года // *Савваитов П. И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты. СПб.: Тип. Императорской АН, 1865. С. 48–56.
- Приходная книга запасов 1676/77 года // *Топычканов А. В.* Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII в. М.: Московские учебники и картолитография, 2004. С. 101–130.
- Приходо-расходные книги Казенного приказа. Записные книги Московского стола / РИБ. Т. 9. СПб.: Тип. МВД, 1884. 576 с.
- «Пожитки» Бориса Федоровича Годунова // *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. Государев двор. Дом Рюриковичей. М.: Синодальная тип., 1912. С. 266.
- Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова // *ЧОИДР.* 1887. № 3. С. 1–128.
- Роспись приданому 1717 г. // *Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина.* Ч. 4. М.: Тип. А. Мамонтова, 1898. С. 5–13.

Роспись приданому для Катерины Романовны [Дашковой, урожденной графини Воронцовой] // Архив князя Воронцова. Кн. 21. М.: Унив. тип., 1881. С. 379–382.

Рядная графини Евдокии Даниловны Бестужевой-Рюминой, рожденной Разумовской // *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. Т. 1. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. С. х–xxx.

Успенский А. И. Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. Документы XVIII–XIX вв. бывшего Архива Оружейной Палаты. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1906. 247 с.

Царская утварь и платье царя Федора Алексеевича 1682 года // *Савваитов П. И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты. СПб.: Тип. Императорской АН, 1865. С. 75–102.

Источники личного происхождения

Арсеньев А. А. «Науки» и «капонеры». Страничка из жизни НКУ 1915–16 гг. // Военная быль. 1961. № 51. С. 40–42.

Бассен-Шпиллер П. С. Из воспоминаний старого улана // Военная быль. 1962. № 57. С. 27–28.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Вече, 2013. 288 с.

Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. 1865–1876 гг. М.: АН СССР, 1961. 560 с.

Вертепов Д. П. Царская сотня // Военная быль. 1956. № 18. С. 19–20.

Витт Д. Л. Миниатюры прошлого // Военная быль. 1955. № 15. С. 16–17.

Воррес Й. Великая княгиня Ольга Александровна. Мемуары. М.: Захаров, 2004. 272 с.

Гавликовский К. Ф. Спортивные воспоминания // Военная быль. 1960. № 43. С. 18–19.

Газенкамф М. А. Мой дневник 1877–78 гг. СПб.: В. Берсзовский, 1908. 624 с. [Геринг А. А.]. О наших сверхсрочных // Военная быль. 1972. № 118. С. 46–47.

Головин А. В. Записки для немногих. СПб.: Нестор-История, 2004. 576 с.

Головин А. В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб.: Д. А. Р. К., 2006. 368 с.

Гримм Э. И. Воспоминания старого кавалериста // Военная быль. 1961. № 46. С. 26–27.

Гримм Э. И. Еще маленькое воспоминание из нашего прошлого // Военная быль. 1961. № 48. С. 32.

Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II-ом и Вел. Князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 19. Берлин: G. Hirschbaum, 1928. С. 212–242.

Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Феодоровны. 1817–1819. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. 47 с.

Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Лондон: Trubner, 1859. 505 с.

- Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М.: Вагриус, 2005. 704 с.
- Дневники офицеров русской армии. А. Д. Чертков. Дневники 1813–1814 гг. // 1812–1814: секретная переписка генерала П. И. Багратиона. Личные письма генерала Н. Н. Раевского. Записки генерала М. С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии: Из собрания Гос. ист. музея. М.: Терра, 1992. С. 402–454.
- Дубельт Л. В. Вера без добрых дел мертвая вещь / Заметки и дневники Л. В. Дубельта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. VI. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. С. 111–142.
- Дудышкин М. Я. Два аршина восемь вершков // Военная быль. 1954. № 8. С. 12–13.
- Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная // Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1890. С. 241–287.
- Записки императрицы Екатерины Второй. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1907. 743 с.
- Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб.: Тип. Безобразова, 1874. 406 с.
- Игнатьев А. А. На фронте. 50 лет в строю. М.: Вече, 2013. 448 с.
- Кочетов Ф. Е. Манежная езда и конный праздник // Военная быль. 1960. № 40. С. 20–21.
- Литтауэр В. С. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М.: Центрполиграф, 2006. 285 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/vladimir-littauer/russkie-gusary-memuary-oficera-imperatorskoy-kavalerii-1/chitat-onlayn/> (дата обращения 04.08.2019).
- Маништейн Х. Записки Маништейна о России. 1717–1744. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. 378 с.
- Марков А. Л. Из кирасирских былей // Военная быль. 1956. № 18. С. 21.
- Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М.: Три века истории, 2000. 480 с.
- Мердер К. К. Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича. 1826–1832 // Русская старина. 1885. № 2. С. 343–364.
- Мердер К. К. Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича. 1826–1832 // Русская старина. 1885. № 3. С. 527–554.
- Мердер К. К. Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича. 1826–1832 // Русская старина. 1885. № 5. С. 265–280.
- Мердер К. К. Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича. 1826–1832 // Русская старина. 1885. № 6. С. 481–510.
- Мердер К. К. Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича. 1826–1832 // Русская старина. 1885. № 9. С. 429–444.
- Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. М.: Рос. фонд культуры; ТРИТЭ, 1999. 558 с.
- Милютин Д. А. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1879–1881. М.: РОССПЭН, 2010. 599 с.

Миних Э. Записки // Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720-е — 1760-е годы). Л.: Худ. лит., 1991. С. 82–187.

Мосолов А. А. При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии министра двора. СПб.: Наука, 1992. 261 с.

На Воронежщине открывается музей Великих князей Николая Николаевича старшего и его сына Петра Николаевича / Письмо Е. Д. Степановой В. Г. Черкасову-Георгиевскому 23 июня 2008 года [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.apologetika.eu/print.php?sid=1288> (дата обращения 26.11.2018).

Нащокин В. А. Записки Василия Александровича Нащокина. СПб.: Тип. Императорской АН, 1842. 385 с.

Олсуфьев А. В. Потешные императора Николая Павловича // Русский архив. 1910. № 11. С. 443–448.

Осоргин М. М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861–1920. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2008. 1000 с.

Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии: Из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея. М.: Мысль, 1991. С. 112–355.

Пешков Д. Путевые заметки (дневник) от Благовещенска до Петербурга из дня в день, с 7-го ноября 1889 года по 19 мая 1890 года, во время переезда верхом на «Сером» // По Каме и Уралу: путевые записки XIX — начала XX вв. Сборник путевых записок. Пермь: [б.и.], 2011. С. 223–230.

Пиньи И. Ф. Поездка в Гатчину. 1848 год // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XIX век. СПб.: ООО «Союз-Дизайн», 2007. С. 198–201.

Письма графа Ф. В. Ростопчина к графу С. Р. Воронцову // Архив князя Воронцова. Т. VIII. М.: Тип. Грачева, 1876. С. 37–145.

Письма и бумаги императора Петра Великого: в 6 т. Т. 2. 1702–1703. СПб.: Гос. тип., 1889. 721 с.

Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8 (июль — декабрь 1708 г.). Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1948. 408 с.

Письмо царицы Евдокии Лукьяновны к ее сестре Федосье Лукьяновне Стрешневой // Временник императорского общества истории и древностей российских. 1849. № 1. С. 15.

Плешков М. М. Мои воспоминания. Мюнхен: Издание Объединения Кирасир Ее Величества, 1959. 67 с.

Полетика А. А. Записки о пребывании Императрицы Екатерины Второй в Киеве в 1787 году. СПб.: Изд. И. Глазунова, 1843. 34 с.

Половцов П. А. В дни затмения. Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцова в 1917 году. М.: Вече, 2016. 336 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/p-a-polovcov/dni-zatmeniya/chitat-onlayn/> (дата обращения 26.10.2019).

- Половцов П. А. Дни затмения: записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцова в 1917 году. Paris: Возрождение, 1918. 206 с.
- Порошин С. А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. 636 стб.
- Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. 480 с.
- Романов Г. К. [Гавриил Константинович]. В Мраморном дворце: воспоминания. М.: Захаров, 2005. 383 с.
- Романов К. В. [Кирилл Владимирович]. Моя жизнь на службе России. СПб.: Белый орел, 1996. 336 с.
- Романова К. А. [Ксения Александровна]. Письмо Оболенской А. А., 11/23 августа 1893 г. Из Кронштадта в Либаву // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. XIV. М.: Рос. фонд культуры; Студия 'ТРИТЭ'; Рос. Архив, 2005. С. 474–475.
- Романов Н. П. [Николай Павлович]. Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно. СПб.: Тип. Р. Голике и А. Вильборг, 1908. 21 с.
- Саянский Л. В. Три месяца в бою: дневник казачьего офицера. М.: Московское издательство, 1915. 144 с.
- Свечин М. А. Записки старого генерала о былом. Ницца: [б. и.], 1964. 205 с.
- Скалон Д. А. На службе при великом князе Николае Николаевиче // Русская старина. 1909. № 5. С. 278–294.
- Скалон Д. А. На службе при великом князе Николае Николаевиче // Русская старина. 1909. № 6. С. 445–450.
- Скалон Д. А. На службе при великом князе Николае Николаевиче // Русская старина. 1909. № 12. С. 529–545.
- Слёзкин Ю. А. Голубые гусары. Очерки и рассказы. Буэнос-Айрес: [б. и.], 1953. 36 с.
- Сливинский А. В. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8 (21) августа 1914 года у д. Ярославлице. Сербия: [б. и.], 1921. 56 с.
- Старый Петербург: юбилейный сборник воспоминаний. 1701–1953. Кн. 1. Париж: Éd. des presses du temps présent, 1953. 80 с.
- Суворов А. В. Жизнь Суворова им самим описанная, или собрание писем и сочинений его. Ч. 2. М.: Тип. С. Селивановского, 1819. 314 с.
- Сухомлинов В. А. Воспоминания // Литература русского зарубежья. Антология: в 6 т. Т. 1. Кн. 2. 1920–1925. М.: Книга, 1990. С. 63–74.
- Сухомлинов В. А. Воспоминания Сухомлинова. М.; Л.: Госиздат, 1926. 334 с.
- Трубецкой В. С. Записки кирасира: мемуары. М.: Россия, 1991. 218 с.
- Фурман (полковник). Елисаветградское кавалерийское училище // Военная быль. 1956. № 20. С. 6–10.
- Чернуха В. Г. Александр Второй: воспоминания, дневники. СПб.: Пушкинский фонд, 1995. 418 с.

- Шан-Гирей А. П. М. Ю. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989. С. 33–55.*
- Энгельгардт Б. А. Воспоминания камер-пажа // Григорьев А. Б., Хазин О. А. Паж-рыцари России: духовное наследие Пажеского Его Императорского Величества корпуса. М.: Социально-политическая мысль, 2004. С. 80–162.*

Записки иностранцев о России

- Адамс К. Английское путешествие к москвитам // Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков. М.: Столица, 1991. С. 38–41.*
- Адамс К. Первое путешествие англичан в Россию в 1553 году // ЖМНП. 1838. № 10. С. 35–64.*
- Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в середине XVII. Т. 3. Москва. М.: Унив. тип., 1898. 208 с.*
- Арсений Элассонский. Описание путешествия в Московию // Историческая библиотека. 1879. № 9. С. 45–97.*
- Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1843. С. 2–64.*
- Бруин де К. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 17–188.*
- Буссов К. Московская хроника. 1584–1613 // Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 9–162.*
- [Вебер И., Лунд М. И.] Подлинное известие о русском и московском путешествии и въезде светлейшего высокородного князя и государя, господина герцога Иогансена младшего из королевского датского рода и проч. // ЧОИДР. 1867. № 4. С. 2–56.*
- Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664–1665. СПб.: Symposium, 1996. 272 с.*
- Вундерер И. Д. Путешествие по Дании, России и Швеции с 1589 по 1590 годы // Шит и зодчий: Путеводитель по древнему Пскову. Псков: Отчина, 1994. С. 33–39.*
- Гваньини А. Описание Московии. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. 172 с.*
- Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Из-во МГУ, 1988. 430 с.*
- Горсей Дж. Записки о России. XV — начало XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.*
- Груневег М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2013. 384 с.*
- Гольдентьерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Гольштейнского в Россию 1602 г. // ЧОИДР. 1911. № 3. С. 32–63.*
- Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву 1557–1558 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 67–80.*

- Донесение Венецианскому Дожу от посланного из Венеции английского приора Джерио о приеме польским послом у Царя Московского и на беге Татар на его земли. 1570 // *Тургенев А. И.* Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Э. Праца, 1841. С. 213–215.
- Дэшвуд Ф. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // *Беспятых Ю. И.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Б/ИИЦ», 1997. С. 53–86.
- Ерлезунда П. П. История о Великом Княжестве Московском // *ЧОИДР*. 1867. № 2. С. 343–578.
- Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // *Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов)*. М.: Международные отношения, 1991. С. 167–184.
- Иовий П. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского к папе Клименту VII // *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы*. М.: Русский мир, 1997. С. 255–306.
- Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию, ими предпринятом в 1667 году // *Проезжая по Московии*. М.: Международные отношения, 1991. С. 320–341.
- Капмани П. Записки. Сведения о России конца XVI в. // *Вестник МГУ*. 1969. № 6. С. 80–85.
- Карлейль Ч. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля // *Историческая библиотека*. 1879. № 5. С. 1–46.
- Кобенцель И. Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века // *ЖМНП*. 1842. № 35. С. 127–153.
- Койэтт Б. Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб.: Тип. Главного упр. уделов, 1900. 841 с.
- Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // *ЧОИДР*. 1846. № 1. С. 1–47.
- Контарини А. Путешествие в Персию // *Барбаро и Контарини в России: К истории итало-русских связей XV в.* Л.: Наука, 1971. С. 210–247.
- Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1906. 322 с.
- Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. // *ЖМНП*. 1837. № 16. С. 327–394.
- Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Изд-во МГУ, 1994. 151 с.
- Майерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга. М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1874. 260 с.

Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М.: Языки славянских культур, 2007. 554 с.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: Гос. соцэкгиз, 1937. 208 с.

Мильтон Дж. Московия Джона Мильтона. М.: Унив. тип. Катков, 1875. 83 с.

Мнишек М. Дневник Марины Мнишек (1607–1609 г.). По рукописи Краковского музея Князя Чарторыйского № 1633. М.: [б. и.], 1908. 59 с.

Невилль Ф. Записки о Московии. М.: Аллегро-пресс, 1996. 304 с.

Немоевский С. Записки Станислава Немоевского // Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков. М.: Столица, 1991. С. 199–215.

Обухович М. Дневник Михаила Обуховича, стражника Великого княжества Литовского, писанный в плену в Москве в 1666 году // Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков. М.: Столица, 1991. С. 335–341.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.

Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 57–58 годов при царском дворе / Известия англичан о России во второй половине XVI в. // ЧОИДР. 1884. № 4. С. 12–29.

Пальмквист Э. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М.: Ломоносов, 2012. 344 с.

Парри В. Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. // ЧОИДР. 1899. № 4. С. 3–10.

Пельгржимовский-Пелеш И. Описание посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 г. // ЖМНП. 1850. № 68. С. 91–122.

Принц Даниил фон Бухау. Начало возвышения Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова, советника августейших императоров Максимилиана II и Рудольфа II и дважды бывшего чрезвычайным послом у Ивана Васильевича Великого князя Московского // ЧОИДР. 1876. № 4. С. 47–75.

Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Гюсканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М.: Рита-Принт, 1997. С. 231–406.

Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году // Проезжая по Московии. М.: Международные отношения, 1991. С. 285–319.

Ромм Ж. Заметки о военном деле в России в 1780 г. // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 3. М.: Наука, 2000. С. 88–115.

Смит Т. Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1893. 124 с.

Стрейс Я. Три путешествия. М.: ОГИЗ-Соцэкгиз. 1935. 415 с.

Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. // ЧОИДР. 1891. № 3. С. 1–202.

Таубе И., Крузе Э. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Московия при Иване Грозном глазами иностранцев. М.: Ломоносов, 2014. С. 113–138.

- Тектандер Г. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. // ЧОИДР. 1896. № 2. С. 1–54.
- Трана А. Дневник Андерса Траны: 1655–1656. Великий Новгород: Новгородский ГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. 127 с.
- Турбервилль Дж. Послания из России // Горсей Дж. Записки о России. XVI—начало XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 261–275.
- Турбервилль Дж. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века // Горсей Дж. Записки о России. XVI—начало XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 245–260.
- Тьеполо Ф. Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо // Исторический Архив. 1940. № 3. С. 305–388.
- Уитворт Ч. Россия в начале XVIII века: Сочинение Ч. Уитворта. М.; Л.: АН СССР, 1988. 222 с.
- Устрялов Н. Г. Сказания современников о Дмитриии Самозванце. Ч. 1. Борова летопись московская. СПб.: Императорская Российская академия, 1831. 314 с.
- Устрялов Н. Г. Сказания современников о Дмитриии Самозванце. Ч. 2. Записки Георга Паерле. СПб.: Императорская Российская академия, 1832. 227 с.
- Флетчер Дж. О государстве русском, или образ правления русского царя. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 165 с.
- Фоскарино М. Донесение о Московии второй половины XVI века // Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков. М.: Столица, 1991. С. 50–57.
- Ченслер Р. Известия англичан о России во второй половине XVI века // ЧОИДР. 1884. № 4. С. 1–105.
- Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // Московия при Иване Грозном глазами иностранцев. М.: Ломоносов, 2014. С. 73–112.
- Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925. 183 с.
- Юстен П. Посольство в Московию 1569–1572 гг. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. 222 с.
- Tanner B. Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam: Potentissimi Poloniae Regis ac Reipublicae Mandato & Consensu Anno 1678. Norimbergae: Zieger, 1689. 132 p.

Справочная литература

- Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995. 576 с.
- Богуславский В. В. Славянская энциклопедия. XVII век. Т. 1. А–М. М.: Олма-пресс, 2004. 780 с.
- Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб.: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. 788; 48 с.
- Вильчковский С. Н. Царское село. Путеводитель. СПб.: Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 277 с.

Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 17. Пг.: Тип. И. Д. Сытина, 1914. 320 с.

Военный энциклопедический лексикон. Т. 2. СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1853. 632 с.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 4. Ч. 1. 1895–1917. М.: Книга, 1983. 364 с.

Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 303 с.

Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 487 с.

Отчет ГЭ. 2011 г. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 175 с.

Петров А. Николай Николаевич старший // Русский биографический словарь. Нааке-Накенский — Николай Николаевич старший. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1914. С. 365–388.

Петрухин В. Я. Конь // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 590–594.

Рабинович М. Д. Полки петровской армии 1698–1725. Краткий справочник / Труды ГИМ. Вып. 48. М.: Советская Россия, 1977. 112 с.

Роговер Е. С. Русская литература первой половины XIX века. СПб.: Сага, 2004. 429 с.

Российская библиография. СПб.: Э. Гартъ, 1897. 411 с.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1. М.: Наука, 1974. 768 с.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 1. А–З / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Дм. Буланin, 1992. 411 с.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 4. Т–Я. Дополнения / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Дм. Буланin, 2004. 891 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться — Рященко) / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1997. 298 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Наука, 2004. 814 с.

Соколов П. И. Общий церковно-славяно-русский словарь. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской российской академии, 1834. 1692 стб.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. А–К. СПб.: Отд. рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1893. IX, 49 с., 1420 стб.

Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. 2. Деятнадцатый век. Кн. 4. М–О. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 838 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2 (Е — Муж). М.: Прогресс, 1986. 672 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4 (Т — Ящур). М.: Прогресс, 1987. 864 с.

- Concours internationaux d'exercices physiques et de sports: rapports. Vol. 1. Paris: Imprimerie Nationale, 1901. 393 p.
- Reports on the Paris universal exhibition, 1867. Vol. V. London: G.E. Eyre, W. Spottiswoode, 1868. 306 p.

Художественная литература

- Кандиев Б. И. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир»: комментарий. М.: Просвещение, 1967. 390 с.
- Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. 578 с.
- Мицкевич А. Смотр войска // Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1968. С. 416–428.
- Монтень М. Опыты. Кн. 1, 2. М.: Наука, 1979. 704 с.
- Толстой А. К. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева // Русская сатира XIX — начала XX веков. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1960. С. 255–267.

Прочее

- Акты русского государства. 1505–1526. М.: Наука, 1975. 436 с.
- Алексеев А. И. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184.
- Амазонка // Модный свет. 1894. № 16. С. 160–161.
- Амфитеатр (Карусель) [Электронный ресурс]. URL: <http://history-gatchina.ru/parks/makarov/makarov7.htm> (дата обращения 02.06.2018).
- Багрецов С. Н. Памяти генерал-лейтенанта В. А. Цурикова // Вестник русской конницы. 1911. № 1. С. 29–43.
- Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских орденов. М.: Тип. Н. Всеволожского, 1814. 336 с.
- Басилашвили К. Седло Петра I, бывшее в Полтавском сражении // Сайт «Эхо Москвы». Интервью с Е. Корольковой, координатором проекта Эрмитажа «Конюшенный музей», 14 августа 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/palacesquare/801900-echo/> (дата обращения 15.01.2019).
- Безотосный В. М. Наградное дело сотника Пешкова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. VI. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. С. 366–375.
- Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа тайных дел 7165–7183 гг. М.: Тип. Штаба Московского военного округа, 1908. 346 с.
- Белокуров С. А. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1906. 110 с.
- Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. 1749–1751. СПб.: Северо-Запад. Библийская комиссия, 1997. 414 с.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М.: Наука, 1987. 440 с.

- Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. СПб.: Алетейя, 2005. 422 с.
- История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Т. 1. М.: Крут, 2004. 631 с.
- История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Т. 2. М.: Крут, 2004. 656 с.
- Домострой. М.: Советская Россия, 1990. 303 с.
- Дополнения к дворцовым разрядам. Ч. 1. М.: В Унив. тип. (М. Катков), 1882. XV; 912 стб.
- Драгомиров М. И. Учебник тактики. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1879. 459 с.
- Древности Российского государства. Отд. III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М.: Тип. А. Семена, 1853. 187 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 565 с.
- Екатерининский дворец. Личные покои Александра II (Зубовский флигель) [Электронный ресурс]. URL: <https://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/adresa/ekaterininskii-dvorec-lichnye-pokoi-aleksandra-ii-zubovskii-fligel.html> (дата обращения 02.06.2018).
- Журнал придворной канцелярии 1734 года на знатные при дворе Ее Императорского Величества оказии. СПб.: [б. и.], [б. д.]. 21 с.
- Забывший парад русской армии: Вертю. 1815. М.: Кучково поле, 2015. 256 с.
- Заметки об учебном кавалерийском эскадроне // Военный сборник. 1870. № 3. С. 71–82.
- Записка о Царском дворе, церковном чинопочинании, придворных чинах, Приказах, войске, городах и проч. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2 (1598–1613). СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. С. 422–426.
- Звегинцов В. В. Русская армейская кавалерия. 1907–1914. М.: Рейтар, 1998. 48 с.
- Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: биографии и портреты: по изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». СПб.: Лениздат, 1996. 956 с.
- Именной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетском корпусе штаб-овер-офицерам и кадетам. Ч. 1. СПб.: При Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, 1761. 274 с.
- Иоанн V // ЧОИДР. 1848. № 9. С. 219–493.
- Кавалергарды: История, биографии, мемуары. М.: Воениздат, 1997. 399 с.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал. 1766–1779 год // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XVIII век. СПб.: Изд-во Сергея Ходова, 2006. С. 42–60.
- Кн. А. М. Курбский и царь Иоанн IV Васильевич Грозный. Избранные сочинения. СПб.: Тип. Глазунова, 1902. 286 с.
- Книга степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. 708 с.
- Коронационный сборник. Т. 2. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1899. 298 с.

- Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Изд. археографической комиссии, 1884. 216 с.
- Кончина и погребение императора Павла I // Церковные Ведомости. 1901. № 10. С. 341.
- Лаврентьевская летопись. Т. 1. Вып. 1. Повесть временных лет / ПСРЛ. Л.: АН СССР, 1926. 286 стб.
- Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство русской армии // Русская старина. 1895. Т. 83. № 4. С. 145–177.
- Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство русской армии // Русская старина. 1895. Т. 83. № 5. С. 184–202.
- Летопись Ораниенбаума. История дворцового комплекса в документах, письмах, дневниках и воспоминаниях. 1710–1918. СПб.: Историческая иллюстрация, 2015. 448 с.
- Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история: в 24 т. Т. 2. М.: АКТЕОН, 2009. 528 с.
- Михайловский манеж // Вестник русской конницы. 1910. № 7. С. 324–327.
- Наши победы в Лондоне // Вестник русской конницы. 1911. № 13–14. С. 493–499.
- Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Нестор-История, 2007. 523 с.
- Николай Первый. Рыцарь самодержавия. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 479 с.
- Новейшие моды. Амазонка с длинным лифом и баской // Модный свет. 1903. № 10. С. 98.
- О конкурсе лошадей в Царском селе // Журнал коннозаводства и охоты. 1843. Т. 5. № 21. С. 1–2.
- О приватной жизни князя Потемкина. Потемкинский праздник. М.: Панорама, 1991. 32 с.
- Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования ея августейшаго императорского величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: При Императорской АН, 1744. 168 с.
- Палеографические снимки с русских рукописей XII–XVII веков. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1901. 143 с.
- Памяти штабс-ротмистра Г. А. Фертова // Вестник русской конницы. 1910. № 4. С. 186–187.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование Великого Князя Ивана Васильевича. Ч. 1 (1487–1533). СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1882. 6; VI; XII, 870 с., 116 стб.
- Памятники дипломатических сношений с Римской Империей. Т. 2. С 1594 по 1621 г. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1852. 1542 стб.
- Перед отправлением в Лондон // Вестник русской конницы. 1911. № 8. С. 327–329.

Пискаревский летописец / ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. С. 31–220.

Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича // ЖМНП. 1835. № 5. С. 69–82.

Поливанов А. Н. Из прошлого русской армии и флота // Военная быль. 1955. № 14. С. 26–27.

Послужной список генерал-адъютанта Брусилова // Брусилов А. А. Мои воспоминания. Брусиловский прорыв. М.: Эксмо, 2013. С. 352–362 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/aleksey-brusilov/moi-vospominaniya-brusilovskiy-proryv/> (дата обращения 15.11.2019).

Поучение Владимира Мономаха // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М.: Художественная литература, 1969. С. 146–171.

Походный журнал 1726 года. СПб.: [б.и.], 1855. 46 с.

Проезжая грамота о свободном пропуске из Пскова в Москву 12 лошадей, купленных для высочайшего двора за границей иностранцем Томасом Книпером. 17 декабря 1679 г. // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 9. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1875. С. 133–134.

Прокопович Ф. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. 120 с.

Ржевская Е. М. В тот день, поздней осенью // Маршал Жуков, каким мы его помним. М.: Политиздат, 1989. С. 283–316.

Ритуал печального кортежа: ритуал похорон рос. императоров. СПб.: Рос. гос. ист. арх., 1998. 104 с.

Рубец И. Ф. Почтовый ящик // Военная быль. 1959. № 38. С. 25.

В Санктпетербурге августа 19 дня // Санктпетербургские ведомости. 1734. № 66. С. 305–312.

Сведения о гатчинских войсках. СПб.: Военная тип., 1835. 109 с.

Синодик царя Ивана Васильевича Грозного // Устрялов Н. Г. Сказания князя Курбского. СПб.: Тип. Императорской АН, 1868. С. 369–391.

Слова, сказанные Николаем I при выпуске кадет в офицеры в 1847 году // Русская старина. 1895. Май. С. 207.

Современные заметки // Современник. 1852. Т. 35. Отд. VI. С. 214–280.

Спорт // Вестник русской конницы. 1910. № 12. С. 563.

Стоглав // Домострой. Поучения и наставления всякому христианину. М.: Институт русской цивилизации; Родная страна, 2014. С. 255–285.

Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. Ч. 1. Десяти и Тысячная книга XVI века. М.: Тип. И. Н. Кушнерева, 1891. 456 с.

Строев П. М. Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год). М.: Тип. А. Семена, 1844. 702; 109 с.

Суворов А. В. Наука побеждать. М.: Военное издательство, 1987. 37 с.

Суворов А. В. Наука побеждать. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 304 с.

Сухомлинов В. А. Зимний пробег партии Офицерской кавалерийской школы в учебном 1891–92 году. СПб.: Тип. Департамента Уделов, 1892. 46 с.

- Татищев Ю. В. Местнический справочник XVII в. Летопись историко-родословного общества. Вып. 2-3 (22-23). Вильна: Луб. тип., 1910. 105 с.
- Терещенко А. В. Быт русского народа. Ч. 1. М.: Русская книга, 1997. 288 с.
- Терещенко В. В чем нуждается наша конница // Война и революция. Кн. 12. М.: Госиздат, 1929. С. 47-64.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.: Тип. Императорской АН, 1884. 564 с.
- Учебно-кавалерийский эскадрон // Военный сборник. 1866. № 12. С. 299-300.
- Хроника моды // Вестник моды для портних. 1894. № 12. С. 118.
- Царствование императора Павла, 1796-1801 гг. Выписки из поленных придворных записок // Русская старина. 1886. № 5. С. 339-356.
- Церемониальный, банкетный и походный журнал 1755 года. СПб.: Типография Департамента Уделов, 1870. 133 с.
- Церемониальный развод конных и пеших караулов Президентского полка ФСО России [Электронный ресурс]. URL: http://www.fso.gov.ru/struktura/p7_1.html (дата обращения 15.01.2019).
- Цорн П. И. Послание к юным защитникам отечества в апреле месяце 1812 года. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1816. 36 с.
- Чин Патриархия круг города на ослати шествия, бываемого в день постановления Российских патриархов, и следующие в том обряды, 1642 года // Древняя российская вивлиофика. 1788. № 2. С. 245-261.
- Юбилейные дни столетия Офицерской кавалерийской школы // Вестник русской конницы. 1910. № 9. С. 385-398.
- Юбилейные дни столетия Офицерской кавалерийской школы // Вестник русской конницы. 1910. № 10. С. 433-441.
- Amman J., Weigel H. Habitus praecipuorum populorum tam virorum quam feminarum singulari arte depicti. Nuremberg: Hans Weigel, 1577. 401 p.
- Bruyn A. Diversarum gentium armatura equestris. Cologne: [w. pub.], 1577. 86 p.
- Equile Joannis Austriaci Caroli V Imp. F. Amsterdam: Philips Galle, 1578. 24 p.
- Scott W. Essays on Chivalry, Romance, and the Drama. Edinburgh: R. Cadell, 1834. 395 p.
- Vecellio C. De gli habiti antichi et moderni di diverse parti del mondo. Venetia: Presso Damian Zenaro, 1590. 499 c.

II. ЛИТЕРАТУРА

- Автократов В. Н. Первые комиссариатские органы русской регулярной армии (1700-1710 гг.) // Исторические записки. 1961. № 68. С. 163-188.
- Агеев В. В. Особенности формирования кадрового состава русской армии в эпоху «плац-парада» (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Вестник Военного университета. 2011. № 4 (27). С. 141-146.
- Агеева О. Г. Евронизация русского двора. 1700-1796 гг. М.: ИРИ РАН, 2006. 264 с.

- Агеева О. Г. Императорский двор России эпохи Павла I. М.: Фонд «Связь эпох», 2018. 440 с.
- Азанчевский М. П. История Преображенского полка. М.: Тип. Каткова и К, 1859. 232; 142 с.
- Айрапетов О. Р. Забытая карьера Русского Мольте. Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетейя, 1998. 314 с.
- Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. М.: Кучково поле, 2014. 640 с.
- Аквилянов Ю. А. Красная кавалерия в Гражданской войне в России // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 15–20.
- Акельев Е. В. Из истории введения брадобрития и «немецкого» костюма в петровской России // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 90–98.
- Александров Б. Ю. А. А. Брусилов на службе в Офицерской кавалерийской школе // Наука сегодня: реальность и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. Научный центр «Диспут». Вологда: Маркер, 2016. С. 52–53.
- Александров Б. Ю. Деятельность генерала А. А. Брусилова в разведке и пропаганде конного спорта России начала XX века // Вестник спортивной истории. 2015. № 1. С. 21–28.
- Алексеева Е. В. Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург: УрГИ, 2006. 254 с.
- Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С. Всадники войны. Кн. 1. Кавалерия Европы. СПб.: ООО «Полигон», 2005. 488 с.
- Амелехина С. А. Церемониальный костюм Российского императорского двора в собрании Музеев Московского Кремля. М.: Московский Кремль, 2016. 336 с.
- Андреев В. В. Общеобразовательный очерк русской истории. СПб.: Тип. М. Хана, 1871. 335 с.
- Андреев И. Л. Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время. М.: Наука, 2008. С. 254–276.
- Андреев С. М. Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие, 1880–1917. Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2006. 259 с.
- Андреева Е. А. Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII в.: Описание палат, хором и сада: Исследование и документы. СПб.: Историческая иллюстрация, 2013. 360 с.
- Андроников И. Л. Четырнадцать русских «Троек» // Андроников И. Л. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1981. С. 94–106.
- Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2002. 362 с.
- Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2005. 426 с.
- Анисимов Е. В. Женщины у власти в XVIII веке как проблема // Вестник истории, литературы, искусства. Отд. ист.-филол. наук РАН. М.: Собрание; Наука, 2005. С. 328–335.
- Анисимов Е. В. Императорская Россия. СПб.: Питер, 2008. 640 с.

- Анненков И. В. История Лейб-гвардии Конного полка. 1731–1848. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской АН, 1849. 339 с.
- Анненков И. В. История Лейб-гвардии Конного полка. 1731–1848. Ч. 3. СПб.: Тип. Императорской АН, 1849. 100 с.
- Антонов А. Н. Первый Кадетский Корпус. К 235-й годовщине основания // Военная быль. 1967. № 84. С. 1–6.
- Антонов А. Н. Первый Кадетский корпус: краткие исторические сведения. СПб.: Скоропечатня Рашкова, 1906. 56 с.
- Анучин Д. Н. Сани, лады и кони как принадлежность похоронного обряда. М.: Тип. О. Гербек, 1890. 146 с.
- Арендт В. В. Конный доспех из собрания Оружейной палаты (публикация и комментарии А. Ю. Прокопьева и Ю. Ф. Игиной) // Средние века. 2013. № 74 (3–4). С. 410–427.
- Аристов Н. Я. Промышленность древней Руси. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 336 с.
- Арицховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: МГУ, 1944. 102 с.
- Артамонов В. А. А. Д. Меншиков как полководец // Меншиковские чтения. 2011. № 2. С. 114–135.
- Артамонов В. А. Победа генерала А. Д. Меншикова под Калишем в 1706 г. // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, декабрь 2006 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 262–275.
- Асидов А. П. Петербургские арабески. М.: Центрполиграф, 2007. 463 с.
- Аурова Н. Н. От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII — первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2010. 464 с.
- Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865. 804 с.
- Афанасьев С. В. Орловский рысак. К 200-летию орловской рысистой породы. Пермь: Книжный мир, 2010. 288 с.
- Ахиезер А. С. Сфера между и ее осмысление // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 125–133.
- Ахиезер А. С. Циклизм ценностных основ российской власти: от Ивана IV до конца советского этапа // Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 30–43.
- Ахиезер А. С., Клямкин И. М., Яковенко И. Г. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2008. 450 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/aleksandr-ahiezer/istoriya-rossii-konets-ili-novoe-nachalo/> (дата обращения 13.12.2019).
- Багдасаров Р. В. Символика вымышленного коня в русской традиционной культуре // Россия и гнозис: Материалы конференции, 24–25 марта 1998 г. М.: Рудомино, 1999. С. 22–34.
- Багратион Д. П. О выезде военной лошади // Вестник русской конницы. 1910. № 4. С. 152–165.
- Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 4. Эпоха императрицы Елизаветы. СПб.: Тип. Скачкова, 1909. 107 с.

- Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 5. Эпоха императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. Скачкова, 1909. 231 с.
- Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 6. Эпоха императора Павла I. СПб.: Тип. Скачкова, 1910. 176 с.
- Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Т. 7. Эпоха императора Александра I. СПб.: Тип. Скачкова, 1913. 481 с.
- Баиов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года войны. СПб.: Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1906. 828 с.
- Байбури А. К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этноческие стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. С. 257–265.
- Базилевич К. В. Имущество московских князей в XIV–XVI веках // Труды ГИМ. Вып. 3. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1926. С. 1–52.
- Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. // Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. Труды ГИМ. М.: Нижполиграф, 1928. С. 5–118.
- Балабин Е. И. Донской КК в Новочеркасске // Военная быль. 1973. № 122. С. 1–6.
- Балонов Ф. Р. Колесничные ристания как форма погребального жертвоприношения // Жертвоприношение. Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней: Сб. ст. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 194–198.
- Балушок В. Г. Инициации древнерусских дружинников // Этнографическое обозрение. 1995. №1. С. 35–45.
- Балязин В. Н. Самодержцы: любовные истории царского дома. Кн. 1. М.: Олма-пресс, 1999. 606 с.
- Балбашиев Н. И. К истории мореходного образования в России. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 214 с.
- Барминцев Ю. Н., Фомин А. Б., Сорокина И. И. Происхождение конских пород // Коннозаводство и конный спорт. М.: Колос, 1972. С. 27–123.
- Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. Государев двор. Дом Рюриковичей. М.: Изд. Министерства Императорского Двора, 1912. 333 с.
- Басаев В. Р. Омский кадетский корпус: история и современность. Омск: Омский дом печати, 2003. 176 с.
- Бахтияров Р. С. Конь для армии: оценка использования в военных целях в первой половине XX века // Историко-педагогические чтения. 2016. № 20–1. С. 99–105.
- Бегунова А. И. Кавалергарды, конногвардейцы, конногренадеры // Коневодство и конный спорт. 1991. № 5. С. 32–33.
- Бегунова А. И. «Лошадей и платье любили пуще прочего» // Коневодство и конный спорт. 1993. № 5–6. С. 27–28.
- Бегунова А. И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I. М.: Молодая гвардия, 2000. 383 с.

- Бегунова А. И. Сабли острые, кони быстры... (Из истории русской кавалерии). М.: Молодая гвардия, 1992. 256 с.
- Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1898. XVI; 336; DXXVIII с.
- Бей Е. В. Похороны мундира // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С. 78–79.
- Белокуров С. А., Зерцалов А. Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. Документы Московских архивов. М.: Изд. Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1907. 244 с.
- Белякова Е. В. Поучение новопоставленному священнику в восточнославянской традиции // Материалы VIII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». М.: Индрик, 2015. С. 14–15.
- Белякова З. И. Великие князья Николаевичи: в высшем свете и на войне. СПб.: Логос, 2002. 329 с.
- Белякова З. И. Николаевский Дворец. СПб.: Белое и черное, 1997. 158 с.
- Бердников Л. И. Цеголи и вертопрахи: герои русского галантного века. М.: Луч, 2008. 384 с.
- Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. Ч. 1. СПб.: Тип. Х. Гинце, 1834. 453 с.
- Бескровный Л. Г. Военные школы в России в первой половине XVIII в. // Исторические записки. 1953. Т. 42. С. 285–300.
- Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М.: АН СССР, 1957. 454 с.
- Бесов А. Г. О причинах и итогах Крымской войны 1853–1856 годов // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 5–10.
- Бибииков Г. В. История кавалергардов. Париж: Georges Bibikoff, 1992. 515 с.
- Билибин И. Я. Несколько слов о русской одежде в XVI и XVII вв. // Старые годы. 1909. Июль—сентябрь. С. 440–456.
- Бим-Бад Б. М. Подготовка к власти: документальное повествование о политической педагогике. Ульяновск: Печатный двор, 2007. 140 с.
- Богатырев С. Н. Шлем Ивана Грозного в контексте придворной культуры // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 2. С. 112–140.
- Богданов А. П. В тени Великого Петра. М.: Армада, 1998. 336 с.
- Богданов А. П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М.: Вече, 2009. 320 с.
- Богомолов С. Н. О значении слова: варяг, казак, росс и рет, или как должно понимать эти слова в истории. Тифлис: Изд-во Тип. Канцелярии Наместника Кавказского, 1848. 72 с.
- Божерянов И. Н. Детство, воспитание и лета юности русских императоров: к десятилетию со дня рождения его императорского высочества наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича. СПб.: Тип. А. Бенке, 1915. 128 с.
- Бойцов М. А. Со шпагой и факелом. Дворцовые перевороты в России: 1725–1825. М.: Современник, 1991. 590 с.

- Болтунова Е. М. Русская гвардия первой четверти XVIII в.: «Борцы с традицией» или «традиционалистские реформаторы» // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 149–170.
- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. Скифы и славяне: мифологические параллели // *Древности славян и Руси*. М.: Наука, 1988. С. 110–114.
- Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 344 с.
- Брикнер А. Г. Смерть Павла I. Общее положение перед переворотом (публикация А. В. Островского) // *Военно-исторический журнал*. 2008. № 10. С. 77–81.
- Брикс Г. О. История конницы // *Денисон Дж. История конницы*. СПб.: Изд. П. П. фон Дервиз, 1897. С. 1–339.
- Бровченкова В. И. Памятник В. И. Чапаеву в Чебоксарах (краткий исторический очерк) // *Чувашский национальный музей. Люди. События. Факты: альманах*. Чебоксары, 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.chnmuseum.ru/files/almanac2002/almanac2002_111.pdf (дата обращения 23.12.2019)
- Бузыкина Ю. Н., Трубицын К. В. Всадники на русских иконах. Можно ли доверять древним образцам? // *Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии*. 2012. № 1–2 (4–5). С. 82–101.
- Бурдяло А. В. Необарокко в архитектуре Петербурга: эклектика, модерн, неоклассика. СПб.: Искусство СПб., 2002. 380 с.
- Буровик К. А. Родословная вещей. М.: Знание, 1985. 224 с.
- Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 640 с.
- Варенцов В. А., Коваленко Г. М. В составе Московского государства: очерки истории Великого Новгорода. СПб.: Блиц, 1999. 207 с.
- Введенский Г. Э. Пять веков русского военного мундира. СПб.: Атлант, 2005. 336 с.
- Вейдемейер А. И. Царствование Елизаветы Петровны. Ч. 2. СПб., 1834. 143 с.
- Вершинина Н. М. История коллекции мундирных платьев императрицы Екатерины II из собрания Государственного музея-заповедника «Павловск» // *Дворцы и события. К 300-летию Большого Петергофского дворца: сб. статей*. СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2016. С. 48–57.
- Вершинина Н. М. Мундиры императрицы Екатерины II из собрания ГМЗ «Павловск». Вопросы терминологии и атрибуции // *Атрибуция, история и судьба предметов из императорских коллекций: сборник докладов научной конференции «Кучумовские чтения»*. СПб.: ГМЗ «Павловск», 2015. С. 61–72.
- Веселаго Ф. Ф. Очерк истории морского кадетского корпуса. СПб.: Тип. Морского кадетского корпуса, 1852. 366 с.
- Вилинбахов Г. В. Награды России: ордена. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 160 с.
- Вилинбахов Г. В. Русские знамена XVII в. с изображением единорога // *Сообщения ГЭ*. 1982. №. 47. С. 22–25.
- Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 1. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1899. 118 с.

- Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 2. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1899. 139 с.
- Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 3. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1899. 141 с.
- Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 4. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1899. 110 с.
- Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 5. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1899. 74 с.
- Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 9. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1900. 78 с.
- Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 15. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1901. 39 с.
- Витт Л. В. Конница: Вооружение и владение оружием. М.: Либроком, 2011. 240 с.
- Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. Создание новых пород лошадей на рубеже XVIII–XIX столетий. М.: Сельхозгиз, 1952. 360 с.
- Витт В. О., Желиговский О. А., Красников А. С., Шнайер Н. М. Коневодство и конейпользование. М.: Колос, 1964. 384 с.
- Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
- Вишневская И. И. Драгоценные ткани при дворе царя Ивана Грозного // Материалы конференции «Московский кремль в эпоху Ивана Грозного». М.: Московский Кремль, 2007. С. 60–77.
- Вишневская И. И. Драгоценные ткани. Сокровища Оружейной палаты. М.: Художник и книга, 2007. 180 с.
- Вишневская И. И. Группа предметов парадного конского убранства иранской работы XVI–XVII веков из собрания музеев Кремля // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 5. Новые атрибуции. М.: Искусство, 1987. С. 94–105.
- Вишневская И. И. Жемчужное шитье на Руси. М.: Московский Кремль, 2007. 64 с.
- Володихин Д. М. Царь Федор Алексеевич, или Бедный отрок. М.: Молодая гвардия, 2013. 267 с.
- Волошин П. Ф. Русские военные оркестры // Военная быль. 1962. № 56. С. 37–40.
- Волынский Н. П. История Лейб-гвардии кирасирского его величества полка. 1701–1901. Т. 1. Кн. 1 (1703–1733). СПб.: Столичная тип., 1902. 310 с.
- Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра. Т. 1. Кн. 1. СПб.: Тип. Т-ва А. С. Суворина, 1912. 320 с.
- Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра. Т. 1. Кн. 2. СПб.: Тип. Т-ва А. С. Суворина, 1912. 485 с.
- Воронов А. В. Ольгины гусары: 3-й Гусарский Елисаветградский Ея Императорского Высочества Великой княжны Ольги Николаевны полк, 1764–1964: Страницы полковой истории. М.: Рейтар, 1999. 96 с.
- Все о лошади. СПб.: Лениздат, 1996. 525 с.

- Высочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб.: СПбГУ, 2001. 638 с.
- Высочков Л. В. Память об отце: Николай I и Павел I // Труды Исторического факультета СПбГУ. 2013. Т. XI. С. 22–34.
- Гамель И. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1865. 179 с.
- Ганулич А. К. Придворная карусель 1766 года и ее отражение в литературе и искусстве // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории». Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г. СПб.: СПбНЦ, 1996. С. 234–237.
- Ганулич А. К. Рыцарские карусели в России // Коневодство и конный спорт. 1990. № 4. С. 35–37.
- Гарнец А. Д., Зыбина Д. Д. Эволюция архитектуры конных сооружений: от конюшен Рамзеса II до современных конно-спортивных комплексов. Ч. 1. Древний и классический периоды // Academia. Архитектура и строительство. 2015. № 2. С. 50–55.
- Гауке К. Ш., Юнггрен А. История одной беглянки // Наше наследие. 1999. № 48. С. 65–78.
- Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 4. СПб.: Тип. Имп. АН, 1799. 385 с.
- Гладков Н. Н. История государства российского в наградах и знаках. Т. 1. СПб.: Полигон, 2003. 623 с.
- Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века. Л.: Художник РСФСР, 1988. 227 с.
- Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального Штаба. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. 385; 205; 98 с.
- Голубцова М. А. Московская школа Петровской эпохи // Москва в ее прошлом и настоящем. Памяти историка Москвы И. Е. Забелина. Т. 7. М.: Образование, 1911. С. 33–48.
- Гольмдорф М. Г. Материалы для истории бывшего Дворянского полка. 1807–1859. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. 199 с.
- Горбунов Б. В. Традиция конных состязаний — важнейший компонент народной культуры русского этноса // Российский научный мир. 2014. № 2 (4). С. 56–90.
- Горелик М. В. Монголо-татарское вооружение второй половины XIV — начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244–269.
- Горохов Ж. Русская императорская гвардия. М.: Рейтар, 2006. 400 с.
- Грабарь В. К. Вскормленные с копыя. Очерки истории детского воинского воспитания. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 580 с.
- Градова К. В. Театральный костюм. Кн. 2. Мужской костюм. М.: СТД, 1987. 192 с.
- Грачев А. В. Физическое воспитание в России в эпоху реформ Петра I // Очерки по истории физической культуры. Вып. 1. М.: Физкультура и спорт, 1938. С. 107–142.

- Гребенкин А. Н. Российская военная школа в эпоху великих реформ: модернизация образовательной парадигмы // *Философия образования в отечественной культурно-исторической традиции: история и современность*. Сб. статей III Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: РИО ПГАУ, 2017. С. 24–30.
- Гребенкин А. Н. Физические занятия и спорт в жизни воспитанников кадетских корпусов Российской империи и русского зарубежья // *Вестник БГУ*. 2015. № 2. С. 136–140.
- Гринева Г. М. Еще о русских военных оркестрах и маршах // *Военная быль*. 1963. № 58. С. 44–45.
- Гурлянд И. Я. Иван Гебдон, комиссариус и резидент. Ярославль, 1903. 91 с.
- Гус М. С. Гоголь и николаевская Россия. М.: Гослитиздат, 1957. 374 с.
- Гусев Н. Н. Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1813–1913. М.: Типо-лит. И. Н. Кушнев, 1915. 448 с.
- Гусев Ю. Коннозаводство XV–XVII веков // *Коневодство и конный спорт*. 1992. № 1. С. 14–15.
- Гусев Ю. Обер-штальмейстер А. П. Волинский // *Коневодство и конный спорт*. 1992. № 4. С. 24–25.
- Гусев Ю., Манжол А. Коннозаводство в эпоху Петра I // *Коневодство и конный спорт*. 1993. № 2. С. 30–31.
- Давыдов Б. Б. «Верхом на лошади и в латах». Письмо художника А. Д. Кившенко великому князю Павлу Александровичу. 1895 г. // *Исторический архив*. 2007. № 2. С. 211–212.
- Давыдов И. В. Преобразование системы военного образования России во второй половине XIX века по итогам Крымской войны 1853–1856 годов // *Тенденции развития науки и образования*. 2016. № 12–4. С. 10–14.
- Данилевич М. К. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус // *Военная быль*. № 45. С. 10–11.
- Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж: Imprimerie de Navarre, 1930. 374 с.
- Даниэль С. М. Рококо: От Ватто до Фрагонара. СПб.: Азбука-классика, 2010. 336 с.
- Данченко В. Г., Калашников Г. В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М.: Центрполиграф, 2007. 463 с.
- Двуреченский О. В. Колесцовые шпоры, происходящие с территории Русских княжеств и Московского государства второй половины XIII–XVII вв. // *Военная археология*. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2018. С. 118–182.
- Двуреченский О. В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории тушинского лагеря // *Военная археология*. М.: Квадрига, 2008. С. 55–93.
- Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. Новое время. СПб.: Наука; Юнента, 1997. 368 с.
- Демкин А. В. «Дней Александровых прекрасное начало...»: внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

- Денисова М. М. Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М.: Искусство, 1954. С. 247–304.
- Денисова М. М. Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Военно-исторический сборник / Труды ГИМ. Вып. 20. М.: ГИМ, 1948. С. 29–46.
- Денисова М. М. Седло конца XVI века // Оружейная палата. М.: Изд. Оружейной палаты, 1925. С. 125–132.
- Денисон Дж. История конницы. Т. 1. СПб.: Изд. П. П. фон Дервиз, 1897. 432 с.
- Дистерло Н. А. Офицерская кавалерийская школа. Исторический очерк. 1809–1909 // Кортес Г. Всадник Европы. Жизнь и наследие Джеймса Филлиса, старшего преподавателя Офицерской кавалерийской школы Санкт-Петербурга. М.: Пятый Рим, 2017. С. 253–295.
- Дмитриева Н. В. Род Панчулидзевых на службе Отечеству // «Недаром помнит вся Россия...»: эпоха 1812 года и Русское дворянство». Материалы VIII Международных Дворянских чтений. Краснодар: Кубань-кино, 2012. С. 81–86.
- Добровольская Г. Н. Танец, пантомима, балет. Л.: Искусство, 1975. 125 с.
- Добровольская Э. Д., Гнедовский Б. В. Ярославль. Тутаев. Архитектурно-художественные памятники. М.: Искусство, 1981. 312 с.
- Добродомов И. Г. Акцентологическая характеристика булгаризмов в славянских языках // Советская тюркология. 1979. № 5. С. 8–19.
- Дубинский И. В. Примаков. М.: Молодая гвардия, 1968. 175 с.
- Думова Н. Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. М.: ИРИ РАН, 1993. 239 с.
- Луров И. Г. Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. университета, 2002. 718 с.
- Дутов С. Ю., Лютов С. Н. Военное книгоиздание в России в XVIII в. Опыт статистического анализа // Библиосфера. 2007. № 3. С. 13–20.
- Егоров В. И. Кавалергарды и конные команды Лейб-компании. 1742 // Наш восемнадцатый век: Военный сборник. М.: Арт-Волхонка, 2014. С. 327.
- Егоров В. И. «Наш восемнадцатый век...» // Наш восемнадцатый век: Военный сборник. М.: Арт-Волхонка, 2014. С. 8–93.
- Еленевский А. П. Военные училища в Сибири // Военная быль. 1963. № 61. С. 26–35.
- Елисеев Ф. И. О происхождении джигитовки // Военная быль. 1966. № 79. С. 44.
- Елисеева Н. Е., Патрикеев С. Б., Шабанов В. М. «Егорий» для солдата // Вестник архивиста. 2008. № 1. С. 302–309.
- Елкина А. С. Гатчина. Л.: Художник РСФСР, 1980. 160 с.
- Епифанов П. П. Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого. М.: Гос. ордена Ленина б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1946. С. 5–42.
- Епифанов П. П. Начало организации русской регулярной армии Петром I (1699–1705) // Ученые записки. 1946. № 88 (История СССР). С. 66–99.

- Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982. 320 с.
- Ефимов С. В. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. в Артиллерийском музее. История формирования собрания (XVIII в. — 1930-е гг.) // Бранденбургские чтения. Вып. 2. Письменные памятники в музейных собраниях. СПб.: ВИМАИВиВС, 2007. С. 76–86.
- Ефимов С. В. Шведский дипломат Томас Книппер в России // От Нарвы к Ништадту: петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 280-летию со дня заключения Ништадтского мира. СПб.: ВИМАИВиВС, 2001. С. 38–42.
- Жабрева А. Э. Боярский и дворянский костюм XVII века как феномен русской культуры // Вече: Алмазах русской философии и культуры. Вып. 4. СПб., 1995. С. 151–164.
- Жабрева А. Э. К истории маскарадного костюма в России: (обзор опубликованных материалов XVIII в.) // Историко-библиографические исследования. СПб.: РНБ, 2002. С. 227–244.
- Жаринов Г. В. О происхождении так называемой «Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича» // Архив русской истории. Вып. 2. М.: Тип. Роскомархива, 1992. С. 179–185.
- Жаркова Н. Ю. Имущество А. Д. Меншикова по неизвестной описи 1732 года // Труды ГЭ. Т. 70. Петровское время в лицах—2013: к 400-летию Дома Романовых (1613–2013). СПб.: Изд-во ГЭ, 2013. С. 162–173.
- Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич старший: Исторический очерк его жизни и деятельности. 1831–1891. СПб.: Тип. М. О. Вольф, 1911. 4; x; 248 с.
- Жилина Н. В. Русский женский головной убор XV–XVII вв. // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 154–174.
- Жучков К. Б. Кавалерийское наставление Д. В. Голицына: неизвестный источник французского влияния в русской армии в начале XIX века // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 73–76.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 2. М.: Синодальная тип., 1915. 900 с.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1056 с.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: Тип. Грачева, 1869. 670; 178; VIII с.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 704 с.
- Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. М.: Изд. Императорского Общества истории и древностей российских, 1847. 33 с.
- Загородняя И. А. Дипломатические дары из Литвы и Речи Посполитой. Типология и новые атрибуции // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 18. Декоративно-прикладное искусство Западной Европы. М.: Куна, 2006. С. 158–191.

- Загородняя И. А. Дипломатические дары русским царям из Речи Посполитой (по материалам книг приездов польских великих послов второй половины XVII в.) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. М.: ИРИ РАН, 2003. С. 71–98.
- Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Т. 1. Приложения. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1908. 604 с.
- Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне. М.: Госвоениздат, 1926. 428 с.
- Зайцев Н. Лошадь Петра Первого // Коневодство и конный спорт. 1986. № 7. С. 31.
- Заозерский А. М. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Петроград: Тип. «Научное дело», 1917. 351 с.
- Захарова О. Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской Империи XVIII—начала XX века: коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, военные парады, рыцарские карусели, церемониальные застолья, балы. М.: АиФ, 2003. 398 с.
- Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII—начала XX вв. М.: Центрполиграф, 2001. 464 с.
- Звегинцов В. Н. Полковой марш кавалергардов // Военная быль. 1966. № 78. С. 44.
- Зезюлинский Н. Ф. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Т. 1. СПб.: Типо-лит. Месника и Римана, 1889. 187 с.
- Зенкин С. Н. «Декаданс» в идейном контексте современности // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2014. № 6 (98). С. 113–122.
- Зимин А. А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 9. С. 159–177.
- Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964. 535 с.
- Зимин И. В. Александровский дворец в Царском селе. Люди и стены. 1796–1917. М.: Центрполиграф, 2015. 636 с.
- Зимин И. В. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX—начало XX в. М.: Центрполиграф, 2011. 560 с.
- Зимин И. В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. М.: Центрполиграф, 2011. 686 с.
- Иванов С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.
- Иванов М. С. Возникновение и развитие конного спорта. М.: Профиздат, 1960. 164 с.
- Иванов И. А. Обзорение состава и устройства регулярной русской кавалерии. СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1864. 317; 28 с.
- История кавалергардов и Кавалергардского Ее величества полка с 1724 по 1 июля 1851 года. СПб.: Военная тип., 1851. 138; сxxv с.
- Кавелин К. Д. Быт русского народа. Соч. А. Терещенки // Кавелин К. Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Этнографии и правоведение. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. Стб. 5–168.

- Калишевич З. Е. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII веке и роль златописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: Сб. ст. М.: АН СССР, 1961. С. 392–411.
- Камбегов Б. Д., Гуревич Д. Я. Столетие Всероссийского дерби // Коневодство и конный спорт. 1986. № 2. С. 31–33.
- Каменский В. А. О ношении офицерами оружия // Военная быль. 1973. № 121. С. 46–47.
- Кара-Мурза А. А. Поэма «Медный всадник» А. С. Пушкина: политико-философские проекции // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 2. С. 54–65.
- Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. «Неразгаданный Барклай» // Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М.: РГГУ, 2003. С. 31–38.
- Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Регион Докса. Источниковедение культуры. М.: РГГУ, 2005. 210 с.
- Карамзин Н. М. История государства Российского: в 3 кн., в 12 т. Кн. 3. Примечания к IX т. СПб.: Изд. И. Эйнерлинга, 1843. 730 с.
- Карамзин Н. М. История государства Российского: в 3 кн., в 12 т. Кн. 3. Т. XI. СПб.: Тип. Э. Праца, 1845. 728 с.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. В 2 кн. (12 т.). Кн. 1. Т. VI. СПб.: Золотой век, 2003. 687 с.
- Карнович Е. И. Замечательные богатства частных лиц в России. М.: Символ; Гамаюн, 1992. 284 с.
- Карпов Н. Д. Трагедия Белого Юга. 1920 год. М.: Вече, 2005. 75 с.
- Катцер Н. Лошади и всадники: о животных и людях в «войне машин» XX века // Личность, общество и власть в истории России. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. С. 135–150.
- Кедрин В. И. Александровское военное училище. 1863–1901. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гещеля, 1901. 54, 187 с.
- Келлер Е. Э. Праздничная культура Петербурга. Очерки истории. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2001. 319 с.
- Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии 1814–1881 гг. М.: Голос, 1993. 336 с.
- Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. 1881–1915 гг. М.: Голос, 1994. 352 с.
- Кибовский А. В. Амазонская рота. 1787: курьез или первое женское подразделение в России? // Цейхгауз. 1997. № 6. 1997. С. 16–19.
- Киборт М. И. «В России верхом не ездят»: история национальных пород лошадей тесно связана с историей нашей страны // Родина. 2006. № 5. С. 60–63.
- Киреева Е. В. История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века. М.: Просвещение, 1970. 165 с.
- Кириллова Л. П. Царский выезд в XVII столетии // Наше наследие. 1997. № 42. С. 105–112.
- Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1966. 84 с.

- Киричников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–36. Л.: Наука, 1973. 140 с.
- Клаузевиц К. Швейцарский поход Суворова 1799 года. Ч. 2. М.: Восник-дат, 1939. 258 с.
- Клейн В. К. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. М.: Оружейная палата, 1925. 67 с.
- Клочков Д. А. Обмундирование, снаряжение и вооружение Российской императорской армии. 1914–1917 гг. Гвардейская тяжелая кавалерия. М.: Русские витязи, 2015. 416 с.
- Клочков Д. А. «Отличные храбростью...» Собственный Его Императорского Величества конвой. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 348 с.
- Ключевский В. О. Сказания иностранцев о московском государстве. М.: Унив. тип., 1866. 264 с.
- Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. IV. М.: Мысль, 1989. 400 с.
- Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796): Историческое исследование. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. 474 с.
- Кобрин В. Б. Иван Грозный. М.: Московский рабочий, 1989. 175 с.
- Ковалевская В. Б. Конь и всадник. Пути и судьбы / АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1977. 152 с.
- Козут Е. В. Конская «железная голова» из собрания Музеев Московского Кремля // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 28. Оружейное собрание Музеев Московского Кремля. Памятники, история, проблемы изучения. М.: Московский Кремль, 2018. С. 237–241.
- Козут Е. В. Науз с владельческой надписью из собрания Музеев Московского Кремля // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 28. Оружейное собрание Музеев Московского Кремля. Памятники, история, проблемы изучения. М.: Московский Кремль, 2018. С. 128–135.
- Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. М.: Агропромиздат, 1990. 220 с.
- Комаров О. В. Изучение комплекса вооружений дворянского войска XVI в. и документальные источники // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VII. С. 392–460 [Электронный ресурс]. URL: http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1/ (дата обращения 20.10.2019).
- Кондаков И. В. Архитектоника культуры как метод исторической культурологии (на примере России) // Мир культуры и культурологии. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. С. 147–158.
- Кондаков И. В. Культура России: краткий очерк истории и теории. М.: Университет, 1999. 356 с.
- Кондаков И. В. Культурогенез исторических поворотов // Лики культуры в эпоху социальных перемен. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. Екатеринбург: УрГПУ, 2018. С. 13–16.
- Кондаков И. В. Русский масскульт: от барокко к постмодерну. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 544 с.

- Кондаков И. В. Ю. М. Лотман как культуролог (в эпицентре «большой структуры») // Юрий Михайлович Лотман. М.: РОССПЭН, 2009. С. 221–239.
- Кони Ф. История Фридриха Великого. М.: Тип. Л. Степановой, 1863. 523 с.
- Конивец А. В. Зимний Дворец. От императорской резиденции до Кавшкылы Осавиахима. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. 114 с.
- Контев В. И. Материалы для истории русского коннозаводства 1847–1887. М.: Типо-лит. В. В. Чичерина, 1887. 941 с.
- Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и в Дании. СПб.: Лики России, 2010. 264 с.
- Коровин В. В. Романовы и русская армия: участие Николая II и членов императорской семьи в Больших маневрах 1902 года // Былые годы. 2013. № 30 (4). С. 53–61.
- Королев Г. И. Всадник в европейской сфрагистике, нумизматике и геральдике // Труды Историко-архивного института. Т. 34. Сб. ст. геральдического семинара ИАИ РГГУ. Вып. 1. М.: РГГУ, 2000. С. 35–48.
- Кортес Г. Всадник Европы. Жизнь и наследие Джеймса Филлиса. М.: Пятый Рим, 2018. 408 с.
- Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1860. 215 с.
- Костомаров Н. И. Собрание сочинений Н. И. Костомарова: исторические монографии и исследования: в 8 кн. Кн. 5. Т. 14. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. 827 с.
- Костюхина Л. М. Из истории рукописного дела в России XVII века // Археографический ежегодник за 1964 г. М.: Наука, 1965. С. 56–76.
- Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. М.: Тип. К. А. Попова, 1868. 252 с.
- Кочетков И. А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство небесного царя») // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 38: Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л.: Наука, 1985. С. 185–209.
- Красовская В. М. Западноевропейский балетный театр: очерки истории: от истоков до середины XVIII века. М.: Искусство, 1979. 295 с.
- Краткий исторический очерк Орловского-Бахтина кадетского корпуса. 1843–1893 гг. Орел: Тип. газеты «Орловский вестник», 1893. 135 с.
- Крейк Дж. Краткая история униформы (Форма напоя: от традиционализма к вызову). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 233 с.
- Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб.: Дм. Буланин, 2005. 528 с.
- Крючков Н. Н. В фавор — через конюшни. Артемий Волынский на придворной службе // Родина. 2009. № 2. С. 81–85.
- Кудрявцев И. М. Издательская деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 8. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1963. С. 179–244.

- Кузьмина Е. Е. Кони степей Евразии в эпоху энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк: Рифей, 2010. С. 5–13.
- Кулинский А. Н. Русское холодное оружие XVIII–XX вв. Т. 1. СПб.: Атлант, 2001. 384 с.
- Курбатов А. В. Ольстра по письменным и археологическим данным // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2014. № 6. С. 99–104.
- Курбатов А. В. Специальная воинская обувь в средневековой России // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2013. № 1–2 (6–7). С. 34–45.
- Курская В. А. История лошади в истории человечества. М.: Ломоносов, 2016. 280 с.
- Курукин И. В. Бирон. М.: Молодая гвардия, 2006. 426 с.
- Куриц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: Тип. И. Чоколова, 1915. 606 с.
- Кусайнова Е. В. Служилое казачество в русско-ногайских отношениях. По материалам Посольского приказа. 1534–1548 гг. // Исторический архив. 2006. № 3. С. 189–203.
- Кутищев А. В. Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность. М.: Компания Спутник+, 2006. 408 с.
- Кухарук А. В. Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е годы // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VII. М.: М. Колеров, 2009. С. 191–205.
- Лабутин П. А. «Я горжусь... что мне пришлось командовать такой славной армией» // Военно-исторический журнал. 2001. № 8. С. 30–37.
- Лабутина Т. Л. Британский дипломат и разведчик Чарлз Уитворт при дворе Петра I // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 124–135.
- Лаврентьев А. В. Принадлежал ли Ивану Грозному «шлем Ивана Грозного»? // Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 2. С. 92–111.
- Лазарев В. Н. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский временник. 1953. № 6. С. 186–222.
- Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. 1700–1880. Ч. 1. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. 140 с.
- Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. 1700–1880. Ч. 2. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. 283 с.
- Лансере Н., Вейнер П., Трубников А., Казнаков С., Пинэ Г. Гатчина при Павле Петровиче, цесаревиче и императоре. СПб.: Лига, 1995. 350 с.
- Лебедева И. Н. Личная библиотека царя Федора Алексеевича // Книга в России XVIII—середины XIX в. Из истории Библиотеки Академии наук: сб. научных трудов. Л.: БАН СССР, 1989. С. 84–92.
- Левинсон-Нечаева М. Н. Золото-серебряное кружево XVII в. // Сборник статей по истории материальной культуры XVI–XIX вв. Труды ГИМ. Выпуск XIII. М.: ГИМ, 1941. С. 167–190.

- Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI-XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сб. научных работ по материалам Государственной Оружейной палаты. М.: Искусство, 1954. С. 305-386.
- Левицкий А. А. Генерал Брусилов // Военная быль. 1968. № 89. С. 32-34.
- Левицкий А. А. Русский Сомюр // Военная быль. 1958. № 30. С. 20-22.
- Летин С. А. Война камзолов и телогреек // Империя истории. 2002. № 3 (3). С. 17-23.
- Летин С. А. Служилое платье от Петра Великого // Родина. 2000. № 11. С. 18-23.
- Летин С. А., Вилинбахов Г. В. Российская императорская гвардия. СПб.: Славия, 2005. 471 с.
- Лехович Т. Н. «О ношении никому богатых платьев...»: что стоит за указами Елизаветы Петровны против роскоши? // Труды ГЭ. Т. 67. М. В. Ломоносов и Елизаветинское время. Материалы конференции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2013. С. 169-180.
- Лихачев Н. П. Разрядные дяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. 559 с.
- Логунова М. О. Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф, 2011. 270 с.
- Логунова М. О. Совместные похороны Екатерины II и Петра III // История Петербурга. 2013. № 1 (68). С. 13-20.
- Лопата М. Н. Кубки Императора Николая I на скачках в Эскоте // Под высочайшим покровительством. Материалы научной конференции 11-12 ноября 2010. СПб.: Алина, 2010. С. 124-134.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства. СПб.: Искусство СПб., 1994. 398 с.
- Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 191-199.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф — имя — культура // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 58-75.
- Лотман Ю. М. Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 129-247.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII в.) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 338-380.
- Лузанов П. Ф. Сухонутный шляхетный кадетский корпус. Т. 1. Период графа Миниха (с 1732 по 1741). СПб.: Книгопечатная Шмидт, 1907. 189 с.
- Луников С. П. Библиотека Артемия Волынского // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1978 г. Л.: Наука, 1979. С. 119-128.
- Луников С. П. Книга в России: в послепетровское время: 1725-1740. Л.: Наука, 1976. 381 с.

- Луттов С. П. Книга в России в XVII веке. Л.: Наука, 1970. 224 с.
- Лучицкая С. И. Рыцарство — уникальный феномен западноевропейского средневековья / Рыцарство: реальность и воображаемое // Одиссей. Человек в истории / ИВИ РАН. М.: Наука, 2004. С. 7–35.
- Люттов С. Н. Книга в русской армии (конец XVII — начало XX века). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, Новосиб. воен. ин-т МО РФ, 2011. 124 с.
- Маккензи М. Мода. М.: Кладезь-букс, 2010. 158 с.
- Малышев В. Н. Общие принципы построения военного костюма XVIII–XIX веков // Сборник исследований и материалов ВИМАИВиВС. Вып. VIII. СПб.: ВИМАИВиВС, 2006. С. 232–255.
- Малышев С. А. Военный Петербург Николая I. М.: Центрполиграф, 2012. 397 с.
- Мамышев В. Н. Генерал-майор Николай Павлович Слепцов: жизнеописание. СПб.: Тип. Я. Третья, 1858. 24 с.
- Манзей К. Н. История Лейб-гвардии гусарского Его Величества полка. 1775–1857. Т. 1. СПб.: Военная типография, 1859. 290 с.
- Манкевич И. А. Праздники в стиле барокко: «веселящийся» Петербург в эпоху императрицы Елизаветы Петровны // Вестник СПбГУКИ. 2004. № 1. С. 62–75.
- Марков А. Л. Кадеты и юнкера. Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне // Марков А. Л. Кадеты и юнкера. Никитин В. Н. Много-страдальные. М.: Воениздат, 2001. С. 3–128.
- Марков А. Л. Оклеветанный император // Военная быль. 1955. № 13. С. 19–22.
- Марков М. И. История конницы. Ч. 3. От вооружения конницы огнестрельным оружием до Фридриха Великого. Тверь: Типо-лит. Ф. С. Муравьева, 1887. 158 с.
- Марков М. И. История конницы. Ч. 3. От Густава Адольфа до Фридриха Великого. Тверь: Типо-лит. Ф. С. Муравьева, 1888. 238 с.
- Марков М. И. История Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка. СПб.: Гос. тип., 1884. 484; 164 с.
- Мароши В. В. Тройка как символ исторического пути России в русской литературе XX века // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 204–209.
- Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. 1683–1762 год. Т. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1891. 356 с.
- Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Т. 2. 1762–1794 год. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1894. 507 с.
- Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М.: Тип. Окружного штаба, 1883. 199 с.
- Матвеев В. Ю. Процессиянная попона с личной эмблемой Петра I в собрании Оружейной палаты // Московский Кремль. Материалы и исследования. Произведения русского и зарубежного искусства XVI — начала XVIII вв. М.: Московский Кремль, 1984. С. 217–220.
- Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 400 с.

- Мегорский Б. В. Камзол как «летняя форма одежды» в петровской армии [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2018. Т. 10. С. 230–262. URL: http://www.milhist.info/2018/10/22/megorskiy_3 (дата обращения 15.01.2019).
- Мельникова А. С. Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 610–620.
- Мельникова Н. Ю., Трескин А. В. История физической культуры и спорта. М.: Советский спорт, 2013. 392 с.
- Мельникова О. Б. Серебряные конские цепи в Оружейной палате // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 16. Художественные памятники Московского Кремля. М.: Московский Кремль, 2003. С. 121–132.
- Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. Т. 2. М.: Академия моды; СПб.: Чарт-Пилот, 2001. 432 с.
- Микулин В. И. Проблема реорганизации высших соединений конницы // Война и революция. Кн. 12. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 26–46.
- Милорадович Г. А. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса. 1711–1875. Киев: Тип. М. П. Фрица, 1876. 260 с.
- Михайлов А. А. Первый бросок на юг. М.: АСТ, 2003. 429 с.
- Михайлов Г. В. Зимние дворцы Петра I. Архитектура и художественное убранство. События и люди. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2002. 224 с.
- Михайлов К. А. К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород: [б. и.], 1994. С. 93–103.
- Михайлова И. Б. Великолепный «косматый», «рытый», «петливатый»: бархат в средневековой Европе // Теория моды: одежда, тело, культура. 2012. № 25. С. 63–98.
- Михайлова И. Б. Иван-царевич в чеботах, а Василиса Прекрасная в поршнях: обувь на Руси в IX–XVII веках // Теория моды: одежда, тело, культура. 2016. № 40. С. 53–78.
- Михайлова И. Б. «И здесь сошлись все царства...»: очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб.: Дм. Буланин, 2010. 648 с.
- Михайлова И. Б. «Солнечная» мода Грозного — царя: золотные ткани в Московской Руси XVI–XVII веков // Теория моды: одежда, тело, культура. 2017. № 44. С. 63–98.
- Михеенков С. Е. Жуков: Маршал на белом коне. М.: Молодая гвардия, 2015. 631 с.
- Михневич В. О. Век эпикурейства. Черты нравов в России XVIII века // Наблюдатель. 1889. № 11. С. 38–54.
- Михневич Н. П. Основы русского военного искусства. СПб.: Тип. Штаба Отдельного Корпуса пограничной стражи, 1898. 178 с.
- Мишуков Ф. Я. Золотая насечка и инкрустация на древнем оружии // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сб. научных

- работ по материалам Государственной Оружейной палаты. М.: Искусство, 1954. С. 115–136.
- Моисеенко Е. Ю. Опись гардероба А. Д. Меншикова. К истории мужского костюма первой четверти XVIII века в России // Культура и искусство петровского времени. Публикации и исследования. Л.: Аврора, 1977. С. 88–110.
- Молева Н. М. Земли московской давние преданья. М.: Московский рабочий, 1985. 224 с.
- Молло Е. С. Орден Святого Иоанна Иерусалимского в России // Военная быль. 1966. № 80. С. 32–35.
- Морохин А. В. «Я узнаю себя в моем отце»: Николай I и культ императора Павла I во второй четверти XIX в. // Исторический вестник. 2018. Т. 22. № 169. С. 160–193.
- Мусин А. Е. *Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. 368 с.
- Мухин О. Н. Трансформация маскулинного облика российского монарха в петровскую эпоху: постановка проблемы // Вестник ТГПУ. 2014. Вып. 2 (143). С. 96–101.
- Назаренко И. И. Некоторые рукописные источники по зоотехнии XVII–XVIII веков // Вопросы истории естествознания и техники. 1956. № 1. С. 235–241.
- Незвецкий Р. Ф. Лейб-гвардия императорской России (1700–1918 гг.). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 570 с.
- Нелипович С. Г. «Вырвались от противника и прибыли порезанные и израненные...» Документы РГВИА о подвиге первого георгиевского кавалера великой войны К. Ф. Крючкова // Отечественные архивы. 2014. № 5. С. 74–84.
- Ненахов Ю. Ю. Кавалерия на полях сражений XX века: 1900–1920 гг. Минск: Харвест, 2004. 512 с.
- Нестеров Ф. Ф. Связь времен: опыт исторической публицистики. М.: Молодая гвардия, 1984. 239 с.
- Низовский А. Ю. Русские форменные пуговицы. 1797–1917 гг. М.: Родонит, 2008. 367 с.
- Никольский В. П. Состояние русской армии к концу царствования Александра I // История русской армии: в 7 т. Т. 2. История русской армии, 1812–1864 гг. СПб.: Полигон, 2003. С. 306–373.
- Нидерле Л. Славянские древности. М.: Новый акрополь, 2010. 744 с.
- Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. / Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–34. М.: Наука, 1971. 84 с.
- Николаев Б. А. Прощание с моими детьми (к 150-летию Дворянского полка 1807–1957) // Военная быль. 1957. № 26. С. 22.
- Николаев П. В. Парсуны всадников конца XVII в. Проблема атрибуции // Наука и школа. 2011. № 4. С. 123–128.
- Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. СПб.: Нестор-история, 2008. 248 с.

- Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука, 1976. 288 с.
- Образцов В. Седло неудачника Карла // Родина. 2009. № 7. С. 60.
- Одинцов Г. Ф. Из истории гонимологической лексики в русском языке. М.: Наука, 1980. 224 с.
- Орлов Н. А. Гвардейские егеря при Павле Петровиче (к столетию Л.-Гв. Егерского полка). СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1896. 26 с.
- Орлов Н. А. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 году. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1892. 362 с.
- Осинов Д. О. Обувь московской земли XII–XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М.: ИА РАН, 2006. 202 с.
- Оськин М. В. Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой мировой войне. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 448 с.
- Охлябинин С. Д. Повседневная жизнь Русской армии во времена суворовских войн. М.: Молодая гвардия, 2004. 352 с.
- Очерки русской культуры XIII–XV ввек. Ч. 1. Материальная культура. Одежда. М.: Изд-во МГУ, 1969. 480 с.
- Павленко Н. И. Анна Иоанновна (Немцы при дворе). М.: АСТ-Пресс книга, 2002. 384 с.
- Павленко Н. И. Полудержавный властелин: историческая хроника. М.: Современник, 1988. 384 с.
- Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1994. 400 с.
- Павленко Н. И. Страсти у трона: история дворцовых переворотов. М.: Родина, 1996. 320 с.
- Павлович Вяч. Историк Ключевский и Соловьев о шляхетском Сухопутном Кадетском Корпусе // Военная быль. 1966. № 80. С. 36–37.
- Панкратов В. В. Августейший выстрел. Романовы и русская охота. М.: Вече, 2013. 208 с.
- Панченко А. М. Библиотека Офицерской кавалерийской школы: история создания и состав книжных фондов // Библиосфера. 2017. № 2. С. 37–45.
- Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. 3. XVII — начало XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 11–264.
- Панчулидзе С. А. История кавалергардов. Т. 1. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1899. 402 с.
- Панчулидзе С. А. История кавалергардов. Т. 2. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1901. 298 с.
- Панчулидзе С. А. История кавалергардов. Т. 4. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. 411 с.
- Пастухов В. Б. Культура и государственность в России: эволюция Евразийской цивилизации // Инос. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 2. Россия как субъект. М.: Аргус, 1995. С. 149–178.
- Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1862. 596 с.

- Пенской В. В. Армия Российской империи в XVIII в.: выбор модели развития // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 119–136.
- Первушина Е. В. Пушкин, Павловск, Петродворец. СПб.: Литера, 2003. 222 с.
- Перро Ф. Роскошь. Богатство между пышностью и комфортом в XVIII–XIX веках. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. 288 с.
- Перхавко В. Б., Пчелов Е. В., Сухарев Ю. В. Князья и княгини русской земли IX–XVI вв. М.: Русское слово, 2002. 476 с.
- Петин С. И. Собственный Его Императорского Величества Конвой. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1899. 436 с.
- Петров П. И. История Санкт-Петербурга с основания города. 1703–1782. СПб.: Тип. Глазунова, 1884. 848, 246 с.
- Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России / МГУ им. М. В. Ломоносова, ГИМ. Т. 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М.: Изд-во МГУ, 2003. 479 с.
- Петрухин В. Я. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13–410.
- Петрухинцев И. И. Становление Кадетского корпуса при Анне Иоанновне 1731–1740 гг. // Труды ГЭ. Т. 37: Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: к 275-летию основания. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. С. 132–144.
- Пийримяэ Х. А. Торговые отношения России со Швецией и другими странами Европы по материалам нарвского ввоза в 1661–1700 гг. // Скандинавский сборник. 1963. Вып. VII. С. 44–86.
- Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М.: Молодая гвардия, 2003. 873 с.
- Платов А. С., Кирпичев Л. Л. Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820–1870. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1870. 378 с.
- Платонов С. Ф. Собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Стройлеспечат, 1993. 730 с.
- Пleshков В. Н. Петербург глазами американцев. Придворные балы и карусель. 1886, 1887 годы. Из писем Алмиры Ван Несс Лотрон // История Петербурга. 2002. № 6 (10). С. 27–32.
- Погосян Е. А. Петр I — архитектор российской истории. СПб.: Искусство СПб., 2001. 424 с.
- Подделкова П. Е. Детские игрушки великих князей // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humanum). 2013. № 4 (29). С. 40–44.
- Подольников В. П. Франко-прусская война (1870–1871) в русской периодике 70-х годов XIX в. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 4 (188). С. 90–95.
- Полидович Ю. Б. Конь и конская узда в системе погребальной обрядности народов юга Восточной Европы прескифского и скифского времени // Текст. Контекст. Подтекст. Сборник статей в честь М. Н. Погребовой. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 157–227.
- Полозов Е. М., Немова С. Н. Д. П. Вальцов и Першинская охота. К 160-летию со дня рождения Д. П. Вальцова. Тула: Левша, 2010. 36 с.

- Пономарев И. А. Офицерская кавалерийская школа на Шпалерной (Арачеевские казармы) // История Петербурга. 2011. № 3 (61). С. 9–18.
- Потто В. А. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823–1873. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1873. 344; 326 с.
- Принцева Г. А. Траурная процессия 2 декабря 1796 года. Перенос праха Петра III из Александрово-Невской лавры в Зимний дворец // Царь убийство 11 марта 1801 года. СПб.: Palace Editions, 2001. С. 20–22.
- Пчелов Е. В. Изменения государственного герба России в XVI–XVII в. и их причины / Тезисы докладов участников VIII международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 101–102.
- Пчелов Е. В. «Лев и единорог» в русской культуре: к вопросу о семантике символов // Исследования по лингвистике и семиотике. Сб. статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 426–435.
- Пчелов Е. В. Символика воинских регалий московских царей // Власть. 2009. № 2. С. 114–116.
- Пчелов Е. В. Символика даров семье Кучума // Quaestio Rossica. 2015. № 4. С. 241–247.
- Пушкарев И. И. История Императорской российской гвардии. Ч. 1. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1844. 379 с.
- Пыляев М. И. Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России // Исторический вестник. 1885. Т. 21. С. 309–339.
- Рабинович М. Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.: Наука, 1986. С. 63–111.
- Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.: Наука, 1988. 312 с.
- Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М.: Наука, 1978. 327 с.
- Раздорский А. И. Копская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М.: Старая Басманная, 2011. 238 с.
- Ракитина М. Г. Обряды рождения и крещения царских детей в России XVI–XVII вв. // Исследования по источниковедению России (до 1917 г.). Сб. статей. М.: Институт российской истории РАН, 2009. С. 46–70.
- Ранке Л. Фридрих Великий. СПб.: Евразия, 2019. 95 с.
- Рекле Е. П. С Алфеевых — на Невские берега. Карусельные портреты Григория и Алексея Орловых. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. 72 с.
- Ретьева Э. Н. О некоторых тюркизмах в русском и украинском языках XV–XVI веков // Советская тюркология. 1976. № 5. С. 36–42.
- Рогатнев А. С. Женские шефские военные мундиры: курьез или необходимость // Курьез в искусстве и искусство курьеза: материалы XIV Царскосельской научной конференции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2008. С. 332–336.
- Розулин Н. Г. К вопросу о насаждении в русской армии прусских порядков при Петре III // Чтения по военной истории: сб. статей. СПб.: [б. и.], 2005. С. 222–228.

- Роголин Н. Г. К вопросу о факторах, влиявших на эволюцию русского мундира в XVIII в. // Военно-мобилизационная деятельность государства и российское общество в XVIII–XX веках. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. С. 22–28.
- Роголин Н. Г. Оловянный солдатик // Родина. 2004. № 3. С. 90–92.
- Роголин Н. Г. «Полковое учреждение» А. В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб.: Дм. Буланин, 2005. 248 с.
- Родионов Е. А. История коллекции оружия Гатчинского дворца с 1770-х до 1941 г. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 16. С. 285–307.
- Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб.: Тип. М. Александрова, 1912. 679 с.
- Рождественский С. В. Столетие города Гатчины. 1796–1896. Т. 1. Исторические сведения. СПб.: Типо-лит. Д. Семенюкова, 1896. 323; 94 с.
- Рубец И. Ф. Конные атаки Российской императорской канальерии в Первую Мировую войну // Военная быль. 1964. № 68. С. 15–18.
- Рубец И. Ф. Крымские амазонки // Военная быль. 1966. № 80. С. 40.
- Рубец И. Ф. По поводу статьи «Спортивные воспоминания» // Военная быль. 1961. № 46. С. 30.
- Руденская С. Д. Царскосельский-Александровский лицей: 1811–1917. СПб.: Лениздат, 1999. 511 с.
- Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 784 с.
- Рыкалов И. И. Историческая записка о Михайловском Воронежском кадетском корпусе. Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1895. 157 с.
- Рибинин А. И. Королева Вюртембергская Ольга // Военная быль. 1963. № 58. С. 13–17.
- Ряснянский С. Н. Исторический очерк Елисаветградского канальерийского училища. Нью-Йорк: Изд. объединения б. юнкеров Елисаветградского кав. училища, 1965. 239 с.
- Савва В. И. О Посольском приказе в XVI в. Харьков: Тип. Т-ва потр. о-в юга России, 1917. 409 с.
- Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты. СПб.: Тип. Императорской АН, 1865. 351 с.
- Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб.: Тип. Императорской АН, 1896. 184 с.
- Савваитов П. И. Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1886. 120 с.
- Савельева Е. А. Книги царя Федора Алексеевича в собрании Аптекарского приказа // Вторые Луионовские чтения: доклады и сообщения. Санкт-Петербург, 12 мая 2005 г. М.: Наука, 2006. С. 15–28.
- Савин С. И. Красное село — летний лагерь императорской резиденции. СПб.: D'arco Edizioni, 2011. 216 с.

- Саенкова Е. М., Герасименко Н. В. Иконы святых воинов. Образы небесных защитников в византийском, балканском и древнерусском искусстве. М.: Интербук-бизнес, 2008. 272 с.
- Сазонова Л. И. Русь — птица-тройка Гоголя: сакральные основания национальной мифологемы и ее отражения в литературе // Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени / ИМЛИ РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 249–292.
- Сазонова Н. В. Мир сефевидских тканей XVI–XVII века. М.: Государственный музей Востока, 2004. 192 с.
- Самоковасов Д. Я. Могилы Русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей // Труды Московского комитета по устройству Черниговского археологического съезда. М.: Синодальная тип., 1908. 272 с.
- Светлов И. Е. От романтизма к символизму: очерки польской и венгерской живописи XIX — начала XX века. СПб.: Дм. Буланин, 1997. 271 с.
- Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 1. М.; Л.: Военизгиз, 1928. 385 с.
- Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.; Л.: Военизгиз, 1928. 620 с.
- Седов П. В. «Аргмаки в чести, и нашу братью выпюсят в честь» (конюшня московского придворного XVII в.) // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2017. № 4 (16). С. 247–266.
- Седов П. В. Детские годы царя Федора Алексеевича // Средневековая Русь: сб. научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 77–93.
- Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб.: Дм. Буланин, 2006. 604 с.
- Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Селезнев И. Я. Исторический очерк Императорского лицея. 1811–1861. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1861. 524, 199 с.
- Селиванова Л. Л. Российские амазонки на службе ее величества // Диалог со временем. 2010. № 31. С. 74–88.
- Семенов И. Н. Российский дипломатический протокол: история и современность. М.: Белый город, 2011. 240 с.
- Сетаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях лошадей // Советская тюркология. 1981. № 6. С. 16–32.
- Сидорова А. Н. Развитие «приятных талантов» (литература и искусства в процессе воспитания детей императора Николая I) // Культура и искусство в эпоху Николая I. Материалы VI научной конференции из цикла «Императорская Гатчина», 23–24 октября 2008 г. СПб.: Алина, 2008. С. 111–128.
- Синдаловский Н. А. Марсово поле: военная столица Российской Империи в петербургском городском фольклоре. СПб.: Остров, 2006. 180 с.
- Скрябин А. А. К статье П. Волошина «русские военные оркестры» // Военная быль. 1963. № 59. С. 43–45.

- Скуратов К. Н. Мирное и боевое прошлое Лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка: материалы к его истории. Т. 1. 1825–1855. Париж: Imprimerie VAL, 1938. 305 с.
- Славницкий Н. Р. Воинские праздники и салютационная пальба в Санкт-Петербурге в царствование Анны Иоанновны // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой международной научно-практической конференции. № 4. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. С. 150–159.
- Смирнов Р. В. «Дикий обычай» славной гвардейской школы. Цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища. М.: Любимая книга, 2010. 128 с.
- Спасская Н. Н., Янишевский Б. Е. Лошади из санитарного захоронения 1812 г. в селе Бородино: идентификация пород // Зоологический журнал. 2013. Т. 92. № 9. С. 1162–1178.
- Соболев А. Н. Балканский культ всадника и принцип множественности // *Laurea Logae*. Сб. памяти Л. Г. Степановой. СПб.: Нестор-история, 2011. С. 595–603.
- Соболевский А. И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII веков. СПб.: Синод. тип., 1899. 159 с.
- Сокурова О. Б. Георгий Победоносец и «Медный всадник» как архетипы русской исторической судьбы // Труды СПбГИК. 2009. Т. 185. С. 54–63.
- Сокурова О. Б. Размышления А. С. Пушкина об исторической судьбе России в поэме «Медный всадник» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 2. С. 295–302.
- Соловьев С. М. Сочинения в 18 книгах. Кн. XVIII. История России с древнейших времен. Т. 15–16. М.: Мысль, 1993. 639 с.
- Солодков Ю. Н. Смотр российских войск под Вертью 26 и 29 августа 1815 года // Военная быль. 1973. № 121. С. 16–17.
- Сорокин Ю. А. Павел I: личность и судьба. М.: Мысль, 1996. 210 с.
- Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. М.: Вече, 2009. 224 с.
- Срезневский И. И. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян. Харьков: Унив. тип., 1846. 107 с.
- Стволинский Ю. Олонянная рать полковника Люшковского // Коллекция служит людям: сб. очерков. Л.: Лениздат, 1973. С. 81–87.
- Стрелецкий И. Я., Курдюк А. А. Средние учебные заведения повышения квалификации офицерского состава русской армии (1882–1892 гг.) // Военный академический журнал. 2015. № 4 (8). С. 65–72.
- Строков А. А. История военного искусства. Т. 1. Рабовладельческое и феодальное общество. М.: Военное изд-во, 1955. 662 с.
- Суслина Е. Н. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М.: Молодая гвардия, 2003. 382 с.
- Сухомлинов В. А. [Бондаренко Остап]. Конница «fin de siècle». СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1893. 31 с.
- Сухотин Н. Н. Рейды, набеги, наезды, поиски конницы в Американской войне 1861–1863 гг. СПб.: В. Березовский, 1887. 322 с.

- Сухотин Н. Н. Фридрих Великий. Лекции по истории военного искусства. СПб.: Тип. Штаба Войск Гвардии и Петербургского Военного округа, 1882. 264 с.
- Тарасов М. Я. Во главе армии, гвардии и военного округа // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 70–75.
- Тараторин В. В. Конница на войне. История кавалерии с древнейших времен до эпохи Наполеоновских войн. Минск: Харвест, 1999. 432 с.
- Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года // Доклады Института российской истории РАН. 1995–1996 гг. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 104–128.
- Татарников К. В. Русская армия премен Екатерины Великой: взгляд изнутри // [Электронный ресурс] История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 278–314. URL: http://www.milhist.info/2012/09/30/tatarnikov_1 (дата обращения 15.01.2019).
- Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. М.: Любимая книга, 2008. 352 с.
- Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. 1732–1762. Обмундирование и снаряжение. М. [б. и.], 2009. 80 с.
- Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7, 8. М.: Ладомир, 1996. 464 с.
- Тисдолл Э. П. Императрица Мария Федоровна: Датская принцесса на русском троне. М.: Олма Медиа Групп, 2010. 320 с.
- Тихановский А. Н. Памятка исторического прошлого Нарвского кавалерийского полка. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1897. 52 с.
- Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М.: Кучково поле, 2011. 400 с.
- Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Айрис-пресс, 2010. 640 с.
- Топоров В. Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 12–47.
- Топоров В. Н. Московские люди XVII века (к злобе дня) // Philologia slavica: Сборник статей к 70-летию академика Н. И. Толстого. М.: Наука, 1993. С. 191–219.
- Трефолов И. Н. Елизавета как цеголиха // Исторический вестник. 1882. № 9. С. 218–219.
- Трубицын К. В. Как новгородцы коня снаряжали // Родина. 2009. № 9. С. 87–88.
- Трусов А. Н. Конная культура. Высокие традиции верховой езды // Охраняется государством. 2017. № 3. С. 50–60.
- Уртман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.
- Уртман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с.
- Успенский Б. А. Анти-поведение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1994. С. 460–476.

- Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Языки русской культуры, 1998. 680 с.
- Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1858. 652 с.
- Фаллер О. В., Мальцева О. Л. Августейшие покровительницы российских полков. М.: Издательский дом «Триглиц», 2019. 352 с.
- Фаминцын А. С. Божества древних славян. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1884. 331 с.
- Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
- Федоров В. Г. Холодное оружие. М.: Яуза; Эксмо, 2010. 288 с.
- Федоров О. А. Реконструкция облика знатного дворянина на московской службе (первая половина — середина XVI в.) // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2009. С. 228–230.
- Федюкин И. И., Лавринович М. Б. Сухонутный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге (1730-е годы) и его берлинский прообраз // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 228–249.
- Фехнер М. В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // Советская археология. 1982. № 2. С. 57–70.
- Флиер А. Я. Безграничный мир культурных смыслов // Культура культуры. 2018. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://cult-cult.ru/unlimited-world-cultural-senses/> (дата обращения 17.12.2019).
- Флиер А. Я. История как культура и культура как история // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 30–42.
- Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник МГУКИ. 2015. № 6 (68). С. 24–30.
- Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 139–144.
- Флиер А. Я. Культурная форма как предмет познания // Вестник СВФУ. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2016. № 4 (04). С. 45–51.
- Флиер А. Я. Культурогенез в истории культуры // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 137–148.
- Флиер А. Я. Миф как универсальный контекст интерпретации культуры // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 6. С. 724–729.
- Флиер А. Я. О природе культурного символа // Вестник МГУКИ. 2016. № 1 (69). С. 51–57.
- Хиенкина И. В. Джентльмен от кавалерии // Кони Петербурга. 1999. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://museecole.narod.ru/irino/gentlman.html> (дата обращения 26.11.2018).
- Хиенкина И. В. Конские выставки на исходе тысячелетия // Кони Петербурга. 1999. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://museecole.narod.ru/irino/vystavka1.html> (дата обращения 26.11.2018).

- Химшиев Н. В. Дом Романовых в истории Первого кадетского корпуса: памятка для кадет Первого кадетского корпуса. СПб.: Военная тип., 1913. 81 с.
- Хитенков Г. Г. Из истории коннозаводства // Коннозаводство и конный спорт. М.: Колос, 1972. С. 125–140.
- Хлебников Б. В. История 32-го драгунского Чугуевского Ее Величества полка. 1613–1893. СПб.: Паровая скоропечатня П. Яблонского, 1893. 120 с.
- Ходасевич Г. Д. Комнаты Александра II в Зубовском флигеле // Александр II и Царское Село: Каталог выставки. СПб.: ГМЗ «Царское село», 2000. С. 72–83.
- Хорватова Е. В. Мария Федоровна. Судьба императрицы. М.: АСТ-Пресс СКД, 2006. 664 с.
- Хорошилова О. А. Война и мода. От Петра I до Путина. М.: Этерна, 2018. 528 с.
- Хорошилова О. А. Костюм и мода Российской империи. Эпоха Александра II и Александра III. М.: Этерна, 2015. 472 с.
- Хорошилова О. А. Костюм и мода Российской империи. Эпоха Николая II. М.: Этерна, 2012. 464 с.
- Хорошкевич А. И. Русь и Крым: от союза к противостоянию: конец XV — начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 334 с.
- Хоружая С. В., Салчинкина А. Р. Архетипические основы образа героя-казака в годы Кавказской войны // Общество: философия, история, культура. 2016. № 10. С. 13–15.
- Цепляевы А. А. и А. А. Конная скульптура Москвы. Гипнопластика. СПб.: Росток, 2014. 446 с.
- Цепляев А. А. Конная скульптура Санкт-Петербурга. Гипнопластика. СПб.: Росток, 2011. 383 с.
- Чежина Ю. И. История лошади: интерпретация античной идеи в конном монументе Петру I работы Б.-К. Растрелли // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2015. № 5. С. 513–518.
- Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Т. XVII. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 454–481.
- Черная Л. А. Антропологический код древнерусской культуры. М.: Языки славянских культур, 2008. 464 с.
- Черная Л. А. Петр I как образец «политичного кавалера» // Петр Великий и его время: материалы Всерос. науч. конф., посвященной 290-летию Полтавской победы. СПб.: Историческая иллюстрация, 1999. С. 142–145.
- Черная Л. А. Придворная культура Алексея Михайловича: от Артаксеркса до Орфея // Исторический вестник. Романовы: династия и эпоха. 2013. Т. 3. № 150. С. 24–47.
- Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М.: ИА РАН, 1998. 543 с.

- Чернышев В. А. Конные повозки и экипажи в России X–XIX веков. СПб.: Форт, 2007. 368 с.
- Чеснокова А. Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: немцы, французы, британцы, 1703–1917. СПб.: Сатис, 2003. 332 с.
- Чумичева О. В. Иконические перформансы Ивана Грозного: трансформация идеи царской власти // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси. М.: Индрик, 2011. С. 508–532.
- Шабельская Н. Л. Материалы и технические приемы в древнерусском шитье // Вопросы реставрации: сборник Центральных государственных реставрационных мастерских. Вып. 1. М.: ЦГРМ, 1926. С. 113–124.
- Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1. С. 23–38.
- Шапиро Б. Л. Августейшие амазонки Гатчины: верховой гардероб императрицы Марии Федоровны // Гатчинский дворец в истории России. Конференция 1–3 декабря 2016 года приурочена к 150-летию Российского исторического общества и 250-летию Гатчинского дворца. СПб.: ГМЗ «Гатчина», 2016. С. 321–331.
- Шапиро Б. Л. «Амазонки» при московском дворе: седельный сбор и костюм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 35–44.
- Шапиро Б. Л. Ахроматическая мода рубежа веков: Belle Époque или Fin de Siècle? // Теория моды: одежда, тело, культура. 2018. № 47. С. 51–72.
- Шапиро Б. Л. Бытовая англомания в конной гвардии первой трети XIX в.: А. Д. Чертков // Чертковский исторический сборник. Вып. 1. Образ и люди Российской империи. М.: ГПИИ, 2018. С. 56–72.
- Шапиро Б. Л. «Верховая юбка» шефского мундира Ольги Николаевны Романовой из собрания Царскосельского музея // Забелинские научные чтения — год 2014-й: Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. М.: ГИМ, 2017. С. 276–288.
- Шапиро Б. Л. Военное воспитание великих князей Николаевичей: мир материальный и нематериальный (личные фонды Романовых в ГАРФ) // Вестник славянских культур. 2020. № 1 (55). С. 34–49.
- Шапиро Б. Л. Воины в кружевах: дресс-код золотого века // Шапиро Б. Л. История кружева как культурный текст. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 72–80.
- Шапиро Б. Л. Всадники в кружевах: золото-серебряная отделка в мундирных и амуниционных вещах XVIII в. // Ученые записки ОГУ. 2017. № 2 (75). С. 79–82.
- Шапиро Б. Л. «Всяких чинов людям носить платье немецкое и ездить на немецких седлах»: русский всадник в петровских реформах // Studia Humanitatis. 2019. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://st-hum.ru/content/shapiro-bl-vsyakh-činov-lyudyam-nosit-plat-neмецкое-i-ezdit-na-nemeцkikh-sedlah-russkij> (дата обращения 26.04.2019).
- Шапиро Б. Л. Гардероб Александра III: музеи и архивы (личный фонд Марии Федоровны в ГАРФ) // Filo Ariadne (Нить Ариадны). 2019. № 3 (15). С. 46–57.
- Шапиро Б. Л. Гербовое и геральдическое в мужской ездовой одежде XVII века // История: факты и символы. 2017. № 4 (13). С. 121–127.

- Шапиро Б. Л. Гербовое убранство царской лошади: Россия позднего средневековья и Новое время // История: факты и символы. 2017. № 1. С. 14–26.
- Шапиро Б. Л. Границы маскулинности в русском военно-придворном костюме XVIII века: сукно против кружева // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 26. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 180–206.
- Шапиро Б. Л. «Двуглавый под короною орел»: конское убранство в ритуалах имперской России // История: факты и символы. 2018. № 2 (15). С. 25–30.
- Шапиро Б. Л. «Для вечного хранения...»: полковые реликвии эпохи Павла I // Обсерватория культуры. 2019. № 1 (16). С. 30–39.
- Шапиро Б. Л. Жемчужный чепрак второй половины XVII в. из мастерских Московского Кремля // «История кружева — история страны»: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Москва, 3 ноября 2016 г. М.: Интерпринт. 2016. С. 10–12.
- Шапиро Б. Л. Женщина в седле: История костюма для верховой езды. М.: Ленанд, 2016. 208 с.
- Шапиро Б. Л. Золото и золотные ткани в древнерусской мужской одежде // Вестник ТвГУ. История. 2018. № 1. С. 64–81.
- Шапиро Б. Л. Золото-серебряный декор одежды в XIII–XVIII вв. // Вестник ТвГУ. История. 2015. № 4. С. 54–74.
- Шапиро Б. Л. Золото-серебряный текстиль в царских седельно-сбруйных комплектах XVIII столетия // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии: Материалы XXI международной научной конференции. СПб.: СПГУТД, 2018. С. 398–401.
- Шапиро Б. Л. История кружева как культурный текст. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 272 с.
- Шапиро Б. Л. «Кавалергардский» веер Марии Федоровны: полковая мемориальная культура конца XIX — начала XX вв. // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. 2017. № 3 (31). С. 13–18.
- Шапиро Б. Л. Кавалерийский кафтан: прототип «дамского мундира» Елизаветы Петровны? // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы международной научной конференции / ИА РАН, ИРИ РАН. М., 2018. С. 116–117.
- Шапиро Б. Л. Кавалерия в царствование Александра I: рецепция военного опыта XVIII столетия // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. 2019. № 3. С. 272–278.
- Шапиро Б. Л. «Кавалиерским чином ехати...»: европейские модели военного образования в московских школах петровского времени (1701–1715 гг.) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 3 (11). С. 91–105.
- Шапиро Б. Л. Кирасирский палаш образца 1826 года: памятная брошь императрицы Марии Федоровны // Мир оружия: история, герои, коллекции. Материалы международной научно-практической конференции, 29 ноября — 1 декабря 2017 г. Тула: Тульский государственный музей оружия, 2017. С. 243–246.

- Шапиро Б. Л. Конструирование квазимужского и феминизированного придворного костюма в XVIII столетии: русская специфика // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 27. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 48–74.
- Шапиро Б. Л. Конь и всадник в мифах и образах русской культуры // Альманах НОКО России «Мир культуры и культурология». Вып. VI. СПб.: НОКО, 2018. С. 209–215.
- Шапиро Б. Л. Коронационный конный балет императрицы Елизаветы Петровны // Локус. 2019. № 1. С. 24–36.
- Шапиро Б. Л. Костюм российской знати и мода после петровских реформ (по описям имущества частных лиц и семейно-правовым актам 1723–1730 гг.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М.: Изд-во Московского университета, 2019. С. 527–530.
- Шапиро Б. Л. Кружевные вещи в дворянском мужском костюме XVIII в. по материалам сговорных записей и росписей приданого // «История кружева — история страны»: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Москва, 3 ноября 2016 г. М.: Интерпринт, 2016. С. 38–46.
- Шапиро Б. Л. Лошади «государева седла» в Московском государстве XVI–XVII вв. // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 170–184.
- Шапиро Б. Л. Московский всадник в конце XVII столетия (по описям имущества В. В. Голицына 1679 и 1689 гг.) // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия) / ИА РАН, ИРИ РАН. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М.: Индрик, 2019. С. 234–235.
- Шапиро Б. Л. Нарративная история придворной культуры XVII–XVIII вв.: мундир, белье и кружева // Ценности и смыслы. 2017. № 3. С. 120–128.
- Шапиро Б. Л. Николай I и великие князья Николаевичи: увлечения и коллекции (личные фонды Романовых в ГА РФ) // Чертковский исторический сборник. Вып. 2. Российская империя во времени и пространстве М.: ГПИИВ, 2019. С. 114–124.
- Шапиро Б. Л. Николай Николаевич Романов старший: кавалерист, коннозаводчик, коллекционер (личный фонд Н. Н. Романова старшего в ГАРФ) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 12. С. 152–167.
- Шапиро Б. Л. Обувь, шпоры и элементы седельного сбора: материальная культура всадника в Московском государстве XVI–XVII вв. // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2017. № 26. С. 189–201.
- Шапиро Б. Л. «Обучается в позитуру изрядно, ездит рысь и скачет»: кавалерийские рыцарские школы в эпоху Миниха // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 2 (18). С. 217–230.
- Шапиро Б. Л. «Одежды Дианы»: женский костюм для конной охоты в западноевропейской культуре Нового времени // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии: Материалы XIX международной научной конференции СПб.: СПГУТД, 2016. С. 35–39.

- Шапиро Б. Л. «Охотничий» верс Елизаветы Петровны // Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI–XX веков. Материалы IV научно-практической конференции 20–22 октября 2015 г. / Труды ГИМ. Вып. 208. М.: ГИМ, 2017. С. 345–353.
- Шапиро Б. Л. Печальные парады XVIII столетия и конные полки русской гвардии // Клио. 2017. № 3 (123). С. 89–97.
- Шапиро Б. Л. Реликты славянского культа коня в погребальном обряде государственного чина по московскому обычаю // Клио. 2016. № 7 (115). С. 133–141.
- Шапиро Б. Л. Русификация и модернизация конницы в царствование Александра III // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2019. № 4 (32). Т. 2. С. 70–87.
- Шапиро Б. Л. Русская кавалерия после Крымской войны: основные сценарии развития // Genesis: исторические исследования. 2019. № 5. С. 27–36.
- Шапиро Б. Л. Русская конница в эпоху Фридриха Великого: культурный конфликт или диалог культур? // Человек и культура. 2019. № 1. С. 41–56.
- Шапиро Б. Л. Русская конница на рубеже веков: Belle Époque или Fin de Siècle? // Человек и культура. 2019. № 5. С. 82–93.
- Шапиро Б. Л. Русская строевая лошадь в XVIII столетии («Золотой век» Екатерины II и его предпосылки) // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 36–47.
- Шапиро Б. Л. Русские золотные шубы XVI–XVII вв.: бытование и распространение // Палеороссия. 2019. № 1 (11). С. 135–146.
- Шапиро Б. Л. «Русские centaury»: кавалерийские школы в правление Николая I // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 4–2. С. 156–163.
- Шапиро Б. Л. Русский всадник в парадигме власти: последние Романовы // Культурный код. № 1. С. 92–96.
- Шапиро Б. Л. Русский костюм: между царством и империей // История: факты и символы. 2017. № 3 (12). С. 132–139.
- Шапиро Б. Л. Рыцарские вещи в царских оружейных коллекциях (описи оружия Романовых в ГАРФ) // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов VI международной научно-практической конференции, 3–5 октября 2018 г. Тула: Тульский государственный музей оружия, 2019. С. 412–418.
- Шапиро Б. Л. Сакральное в царском конном выезде: нарративные источники позднего русского средневековья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 2 (56). С. 103–121.
- Шапиро Б. Л. Смерть и свадьба — сестры, или Еще раз о военно-свадебной моде XVI века // Теория моды: одежда, тело, культура. 2016. № 42. С. 313–319.
- Шапиро Б. Л. «...Соблаговолили выезд иметь верхами»: августейшие амазонки гатчинской резиденции // Дворцы и события. К 300-летию Большого Петергофского дворца: сб. статей. СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2016. С. 226–234.
- Шапиро Б. Л. Сословный женский костюм XVIII — начала XX вв. по материалам сговорных записей и росписей приданого // Женская тра-

- диционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время: материалы научно-образовательного семинара, 24–25 сентября 2015 г. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 84–102.
- Шапиро Б. Л. Страшный суд Ивана Грозного: конь как ритуал и символ // Альманах НОКО России «Мир культуры и культурология». Вып. V. СПб.: НОКО, 2016. С. 110–116.
- Шапиро Б. Л. Текстильное конское убранство в системе атрибутов царской власти // Вестник КемГУ. История. 2017. № 1 (69). С. 74–79.
- Шапиро Б. Л. «Терлики делапы к государственной радости...»: мужская ездовая одежда в Московии XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 36–39.
- Шапиро Б. Л. Царские библиотеки XVII в.: книги «лошадиного учения» // Литература в системе культуры. К семидесятилетию профессора И. В. Кондакова: сб. статей по итогам Международной научно-практической конференции. Москва, 15 апреля 2017. М.: АСОУ, 2017. С. 112–118.
- Шапиро Б. Л. Церемониал конного выезда в русской культуре XVI–XVII вв. по представлениям современников // Творческое наследие А. А. Зимина и современная российская историография. Доклады, статьи и воспоминания. Материалы Международной научной конференции (VI Зиминские чтения). РГГУ, 7 апреля 2015. М.: Древлехранилище, 2017. С. 333–348.
- Шапиро Б. Л. Церемониальный текстиль XVII века: низанные жемчужные работы мастерских Московского Кремля // Вестник КемГУ. История. 2018. № 1 (73). С. 74–78.
- Шапиро Б. Л. Шашечная рубка в Михайловском манеже весной 1900 г. («Lemon cutting») // История: факты и символы. 2020. № 1 (22). С. 25–34.
- Шапиро Б. Л. «Adversi, aversi, perversi»: конь как часть русского посольского обычая // История: факты и символы. 2016. Вып. 4 (№ 9). С. 24–36.
- Шапиро Б. Л. Номо Eques русского средневековья: царь Федор Алексеевич Романов // Локус. 2017. № 4. С. 7–18.
- Шехурин Д. Ю. Краткий обзор германского оружия и оружейного декора XIII–XVIII веков // Культура и искусство в эпоху Николая I. Материалы научной конференции из цикла «Императорская Гатчина», 23–24 октября 2008 года. СПб.: Алина, 2008. С. 176–184.
- Шильдер Н. К. Император Николай I: его жизнь и царствование. Т. 1. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903. 800 с.
- Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1901. 606 с.
- Шиндлер О. В. Классификация русских корпусных доспехов XVI века // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. V. С. 417–486 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.milhist.info/2014/08/18/schindler> (дата обращения 15.10.2019).
- Шитова Л. А. Жемчужное шитье раннего петровского времени. Истоки и проблемы атрибуции // Филевские чтения. М.: ЦМиАР, 2003. С. 414–433.
- Шишов А. В. Николай Николаевич. Фельдмаршальский жезл. М.: АСТ; Астрель, 2008. 480 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/470589-fel-dmarshal-skiy-zhezl-nikolay-nikolaevich.html> (дата обращения 15.10.2019).

- Школьников К. Коллекция оружия Петра I // Советский музей. 1987. № 6. С. 62–66.
- Шкот П. П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1832–1898. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1898. 133; 120 с.
- Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы: сборник статей. М.: Наука, 1969. С. 7–58.
- Штакельберг К. К. Полтора века конной гвардии. 1730–1880. СПб.: Тип. В. Демакова, 1881. 230 с.
- Штейнпресс Б. С. Музыка девятнадцатого века: Классицизм и романтизм. М.: Советский композитор, 1968. 486 с.
- Штелин Я. Я. Музыка и балет в России XVIII века. Л.: Тритон, 1935. 190 с.
- Шубинский С. Н. Московский маскарад 1722 года // Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. С. 80–85.
- Шубинский С. Н. Придворный и домашний быт императрицы Анны Ивановны // Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. С. 165–192.
- Щеглова Л. В., Саенко Н. Р. Образ благородного всадника: культурные модели. М.: МГОУ, 2010. 184 с.
- Щепкина Е. Н. Полковые дамы времен Петра I / Щепкина Е. Н. Женская личность в истории // Исторический вестник. 1913. № СХХХІІІ. С. 149–169.
- Щербина В. Р. Мировое значение русской литературы XIX века. М.: Наука, 1987. 438 с.
- Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII—начале XX вв. Тамбов: Юлис, 2004. 508 с.
- Щербинин П. П. Женщины в русской армии в XVIII–XIX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М.: РОССПЭН, 2007. С. 359–366.
- Экс Д. Ф. К статье Дрозд-Бонячевского «Увлечение спортом в кавалерии» // Вестник русской конницы. 1911. № 8. С. 325–327.
- Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.
- Энгельс Ф. Кавалерия // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 11. Ч. 2. М.: Партийное изд-во, 1933. С. 436–465.
- Энкель К. Г. Финляндский кадетский корпус. 1812–1887. Фридрихсгам: Тип. Акционерного общества, 1889. 120 с.
- Юзефович Л. А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 344 с.
- Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.
- Юрганов А. Л. Культурная история России как проблема // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 7 (16). С. 15–20.

- Юрганов А. Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3. С. 52–75.
- Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.: Центрполиграф, 2007. 280 с.
- Яковенко И. Г. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 88–96.
- Якунина Л. И. Русское шитье жемчугом. М.: Искусство, 1955. 160 с.
- Arnold J. Dashing Amazons: The Development of Women's Riding Dress, c. 1500–1900 // Haye A. Defining Dress: Dress as Object, Meaning and Identity. Manchester: Manchester University Press, 1999. P. 10–29.
- Doucet C. Les académies d'art équestre dans la France d'Ancien régime. Paris: Edilivre-Editions Aparis, 2007. 284 p.
- Doucet C. Les académies équestres et l'éducation de la noblesse (XVIe–XVIIIe siècle) // Revue historique. 2003/4. № 628. P. 817–836.
- Chenevix-Trench Ch. A history of horsemanship. New York: Doubleday, 1970. 320 p.
- Cunnington C. W., Cunnington P. The History of Underclothes. New York: Dover Pub., 1992. 272 p.
- Durand J. P. L'Épopée du Cadre noir de Saumur. Limoges: Charles-Lavauzelle, 1994. 110 p.
- Esperey P. F. La Main du maître: Réflexions sur l'héritage équestre. Paris: Éditions Odile Jacob, 2008. 400 p.
- Ewing E. Women in Uniform: through the centuries. London: Batsford Ltd, 1975. 160 p.
- Glück H., Polanska I. Johann Ernst Glück (1654–1705): Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2005. 264 p.
- Grandchamp P. G., Olmer P. Saumur, l'école de cavalerie: histoire architecturale d'une cité du cheval militaire. Paris: Éditions du patrimoine, 2005. 325 p.
- Holmes D., Tarr C. A Belle Epoque?: Women and Feminism in French Society and Culture 1890–1914 (Polygons: Cultural Diversities & Intersections). New York: Berghahn Books, 2006. 364 p.
- Hutchinson B. Lateness and Modern European Literature. Oxford: Oxford University Press, 2016. 404 p.
- Isenbart H. H., Buhner E. M. The imperial horse: the saga of the Lipizzaners. New York: Knopf, 1986. 204 p.
- Lacy Ch. The history of the spur. London: The connoisseur, 1911. 81 p.
- Longrigg R. The history of foxhunting. London: Macmillan, 1975. 272 p.
- Mackay-Smith A., Druesedow J. R., Ryder T. Man and the Horse: An Illustrated History of Equestrian Apparel. New York: Simon & Schuster, 1987. 127 c.
- Ménestrier C.-F. Des ballets anciens et modernes selon les règles du théâtre. Paris: René Guignard, 1682. 232 p.
- Murray A. All the Kings' Horses: Royalty and their Equestrian Passions from 1066 to the Present Day. London: Robson Books, 2006. 304 p.

- Owen R. *Art of Side-saddle: History, Showing, Etiquette*. London: Trematon Press, 1984. 166 p.
- Pyhrr S. W., LaRocca D. J., Breiding D. H. *The Armored Horse in Europe, 1480-1620*. New York: Yale University Press, 2005. 79 p.
- Raber K., Tucker T. *The Culture of the Horse: Status, Discipline, and Identity in the Early Modern World*. New York: Springer, 2016. 371 p.
- Sellés-Ferrando X. *Spanisches Österreich*. Wien: Böhlau Wien, 2004. 496 p.
- Steinberg M. *Russia's fin de siècle, 1900-1914* // *Cambridge History of Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 65-93.
- Supicic I. *Music in Society: A Guide to the Sociology of Music*. New York: Pendragon Press, 1988. 504 p.
- The Horse as Cultural Icon* / ed. by P. Edwards and E. Graham. Leiden: Brill, 2011. 410 p.
- Waugh N. *The cut of women's clothes, 1600-1930*. New York: Theatre Arts Books, 1968. 394 p.
- White M. *Military Saints in Byzantium and Rus, 900-1200*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 269 p.
- Womack M. *Sport as Symbol: Images of the Athlete in Art, Literature and Song*. Jefferson: McFarland Pub, 2012. 252 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Московский всадник из «*Diversarum gentium armatura equestris*» (1577).

Рис. 2. Московский всадник из «*Habitus praecipuorum populorum tam viro-
rum quam feminarum singulari arte depicti*» (1577).

Рис. 3. Русский всадник из «*Diversarum gentium armatura equestris*» (1577).

Рис. 4. Титульный лист «*Equile Joannis Austriaci Caroli V Imp. F*» (1578).

Рис. 5. Лошадь фризской породы из «*Equile Joannis Austriaci Caroli V
Imp. F*» (1578).

Рис. 6. «Королевская ездная школа» А. де Плювинеля (1670).

Рис. 7. «Учение како объезжати лошадей» (1677).

Рис. 8. «Маскарад в Москве по случаю заключения Нишгадтского мира
в 1721 году». Гравюра XVIII в. МИА «Россия сегодня».

Рис. 9. Чубарая тигровая лошадь барокко. Гравюра И. Э. Ридингера
по собственному рисунку (Аугсбург, 1745). New York Public Library.

Рис. 10. Чубарая леопардовая лошадь барокко. Гравюра И. Э. Ридингера
с рисунка Ф. А. Эрмельтраута (Аугсбург, 1746). New York Public Library.

Рис. 11–13. Выездка в XVII в. «*La Cavallerie Française et Italienne ou l'Art
de Bien Dresser Les Chevaux Selon les Préceptes des Deux Nations*» (1620).

Рис. 14. Лейб-гусарский «барс» (1796–1801).

Рис. 15. Императрица Мария Федоровна в мундире Кавалергардского
полка (1798). В. Л. Боровиковский. ГАУК ТО «Тюменское музейно-
просветительское объединение».

Рис. 16. Императрица Мария Федоровна на «Волтижере» скаковой
конюшни кавалергардских офицеров (1890-е).

Рис. 17. Торжественный въезд Николая II в Москву 9 мая 1896 г.

Рис. 18. Плакат «Священная война» (1914).

Рис. 19. Плакат «На коня, пролетарий» (1919).

СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЙ

1. Вклады в Троице-Сергиев монастырь.
2. Ездовой гардероб царя Федора Алексеевича.
3. «Роспись войск Российской армии» и объяснительная записка к ней. 1 января 1794 г. (ГАРФ).
4. Ведомость числа находящихся в строю офицеров и рядовых войск артиллерии, кавалерии, пехоты и военно-учебных заведений. 11 мая 1834 г. (ГАРФ).
5. Анонимная записка с подписью «Старый кавалерист коннозаводчик» о преимуществах русских пород лошадей. По поводу статьи Струкова в газете «Русский инвалид» № 14 «Чистокровная лошадь в строю и походе». Май 1880 г. (ГАРФ).
6. Условия военной игры великих князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей. «Законы нашей войны» (ГАРФ).
7. Записки великого князя Константина Николаевича по проведению военных игр. В пакете с надписью: «Рапорты оловянной армии» (ГАРФ).
8. Письмо Николая I сыну, великому князю Николаю Николаевичу. 27 июля 1838 г. (ГАРФ).
9. Полный послужной список Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича старшего. 1883 г. (ГАРФ).
10. Копия родословной коня «Мирзы» конезавода великого князя Николая Николаевича старшего. 15 марта 1862 г. (ГАРФ).
11. Похвальные листы II-й Всероссийской конской выставки великому князю Николаю Николаевичу старшему. 1869 г. (ГАРФ).
12. Расписание занятий в Офицерской кавалерийской школе. С 1 октября 1885 г. по 1 февраля 1885 г. (ГАРФ).
13. Указание Начальника Штаба Гвардейского корпуса офицерам, занятым составлением очерков по истории гвардейских полков. 1879 г. (ГАРФ).
14. Описи имущества великого князя Николая Николаевича старшего и расписки разных лиц в получении отдельных вещей из комнат великого князя Николая Николаевича. 1891–1893 гг. (ГАРФ).

15. Копия завещания великого князя Николая Николаевича старшего. 4 мая 1880 г. (ГАРФ).
16. Доклад барона Н. Криденера генерал-инспектору кавалерии великому князю Николаю Николаевичу старшему о необходимости изменения программы обучения кавалерии. 11 января 1883 г. (ГАРФ).
17. По письму на Высочайшее имя проживающего в Париже некоего Гримма о необходимости для России стать в деле конского спорта в уровень с некоторыми государствами Европы. 30 июня — 15 августа 1883 г. (ГАРФ).
18. Обращение императрицы Марии Федоровны к Кавалергардскому полку по поводу 25-летия ее шефства над полком (ГАРФ).
19. Список офицеров [9 драгунского Казанского полка] с указанием подарков каждому [от шефа полка — вел. кн. Марии Николаевны] и их стоимости (ГАРФ).
20. Расписание праздников в частях войск, подшефных императрице Александре Федоровне и ее дочерям. 1914 г. (ГАРФ).
21. Списки лошадей, принадлежащих императрице Марии Федоровне (ГАРФ).
22. Письмо командира Кавалергардского полка великому князю Николаю Михайловичу о праздновании юбилея полка. Сентябрь 1895 г. (ГАРФ).
23. Переписка и приказы по Лейб-гвардии Конному полку о порядке празднования 200-летия полка (ГАРФ). 1912 г.
24. Письмо начальника Николаевской академии Генерального штаба П.Д. Святополк-Мирскому. 1902 г. (ГАРФ).
25. Программа скачек, устраиваемая Комитетом Общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты. 1900 г. (ГАРФ).
26. Программа и правила конских состязаний в Москве 25 февраля — 10 марта 1896 г. с препроводительным письмом Общества охоты великому князю Владимиру Александровичу (ГАРФ).
27. Список участников офицерских скачек на призы Военного министерства. Красное село, 4 июля 1914 г. (ГАРФ).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббас I 69
Аббас II 58
Абдул Хамид II 399
Авалов К. Н. 443
Авдусица Т. Д. 11
Автократов В. Н. 11
Агеева О. Г. 13
Агеев В. В. 12
Адам Ж. В. 22
Адлерберг А. В. 360, 361
Азанчевский М. П. 9
Александр I 309, 312, 320, 324, 337–339, 349, 352, 354, 380, 428, 431, 439, 471
Александр II 7, 347, 351, 358, 360, 361, 364, 367, 370, 372, 375, 377, 378, 387, 411, 419, 422, 427
Александр III 69, 361, 388, 389, 409, 411, 421, 422, 428, 430, 431, 436, 437, 451, 452
Александра Георгиевна 452
Александра Федоровна, супруга Николая I 323, 357, 358, 386, 427, 431
Александра Федоровна, супруга Николая II 423
Александр Ярославич (Невский) 28, 29, 451, 465
Алексей Алексеевич 112, 156, 158, 166
Алексей Михайлович 21, 49, 52, 57, 58, 71, 77, 82, 98, 105, 107, 110, 111, 113–115, 131, 142, 143, 153, 155, 158, 165, 166, 168, 172, 200, 227, 264, 351
Алексей Петрович 241
Алексинский Д. П. 12
Алмазов Б. А. 12
Амман Й. 22, 103
Андреев И. Л. 14
Андреев С. М. 12
Андрей Белый 472
Анисимов Е. В. 14
Анна Иоанновна 72, 217, 233, 242, 2, 252, 262, 263, 272, 427
Анна Леопольдовна 234
Анна Петровна, цесаревна 217
Анна, принцесса 263
Анненков И. В. 9
Анненков Н. Н. 360
Антопов А. Н. 9, 11
Анучин Д. Н. 8
Апраксина М. М. 173
Апраксин П. М. 186, 188
Апраксин С. Ф. 358
Апраксин Ф. А. 183
Апраксин Ф. М. 192, 228
Апсит А. П. 460
Аракчеев А. А. 304
Аристов Н. Я. 8
Арсений Элассонский, греческий архиепископ 143, 144
Арсеньева Д. 212
Артамонов В. А. 12
Артемий, св. 31

- Асеев М. В. 419
Аспидов А. П. 14
Аурова Н. Н. 14
Афанасьева М. Б. 14
Афанасьев А. Н. 8
Афанасьев С. В. 14
Ахмат, хап 471
- Бабель И. Э. 461, 472
Багдасаров Р. В. 13
Багратион Д. П. 442, 444
Бажуков В. И. 12
Бажю А. 440
Баиов А. К. 8
Байбурин А. К. 10
Бакланова Н. А. 10
Баландин П. А. 460
Балушок В. Г. 13
Барберини Р. 47, 55
Барклай де Толли М. Б. 338
Барминцев Ю. Н. 10
Басаев В. Р. 13
Баус Дж. 48
Бахтияров Р. С. 14
Бегунова А. И. 11, 14
Бекетов Н. А. 236
Белинский В. Г. 205, 342
Беллини Дж. 100
Беловинский Л. В. 11, 12, 14
Белокуров С. А. 8
Беляев А. А. 192
Белякова З. И. 13
Бенкендорф П. К. 9
Бенуа Н. Л. 357
Бенуа, полковник 423
Бердников Л. В. 14
Бердников Л. И. 231
Бердяев Н. А. 17, 23
- Бернгарди Т. 286
Бертенев С. П. 8
Бертрен Г. А. 443
Берх В. Н. 8
Берхгольц Ф. В. 217
Бескровный Л. Г. 11
Бесов А. Г. 12
Бестужев-Марлинский А. А. 353
Бестужев-Рюмин А. А. 237
Бецкой И. И. 290
Бибииков И. 239
Билибин И. Я. 116
Бильдерлинг А. А. 421, 422
Бим-Бад Б. М. 14
Бирон Э. И. 233, 263, 269, 270, 273, 275
Блок А. А. 472
Богарне М., герцог
 Лейхтенбергский 359
Богданов А. П. 13
Богомолов С. Н. 8
Бодан К. де 268
Божерянов И. Н. 8
Болтунова Е. М. 12
Бордэриу К. 14
Борис, св. 33
Боссе Г. А. 394
Боттичелли С. 100
Боур (Баур) Р. Х. 187
Боше Ф. 366, 441, 442
Брикс Г. О. 9
Бропсвский И. Н. 344, 349
Бруин К. де 181
Бру С. де ла 260
Брусилов А. А. 411, 413, 415–417, 420,
 441, 442, 445, 448
Брусилов Н. 222
Брюллов К. П. 22
Брюн А. де 22, 103

- Брюс Я. В. 72, 209
 Буальдые Ф. А. 424
 Буденный С. М. 442, 460, 461
 Бузыкина Ю. Н. 13
 Буковский Н. Н. 9
 Буссов К. 58
 Бутурлин А. Б. 248
 Бутурлин Ф. 64
 Бутягин А. М. 12
 Бухау (Бухов) Д. фон 50, 80
 Бьелке Г. 58
 Бэквелл Р. 279
- Вадим Ропшин (Савинков Б. В.) 472
 Вайнштейн О. Б. 14
 Вайт М. 16
 Валленштейн А. фон 355
 Валуев П. А. 392, 452
 Вальхаузен И. Я. фон 264
 Ванновский П. С. 412, 413, 436
 Варгос Б. да 89
 Вартенберг, капитан 269
 Василий III 45, 136
 Введенский Г. Э. 12
 Вебер Ф. 228
 Вейде А. А. 179
 Вейдеман Г. 368
 Вейсман Э. 233
 Веллингтон А. У. 338
 Вельтман А. Ф. 9
 Верацани Н. 355
 Верлен П. 440
 Верне О. 357
 Вершинина Н. М. 14
 Вечеллио Ч. 22, 103
 Вилинбахов Г. В. 12, 13
 Виллевальде Б. П. 22
 Виниус А. 162
- Виоль Ж. 389
 Висковатов А. В. 9
 Витсен Н. 73
 Витт В. О. 10
 Витт Л. В. 9
 Вишневский А. 59
 Вишневская И. И. 10
 Вишняков И. Я. 22
 Владимир Александрович
 361, 418, 428
 Волков Н. 229
 Волконский Г. И. 204
 Володихин Д. М. 13
 Волошин П. Ф. 11
 Воынский А. П. 210, 234, 269, 272–275
 Воынский Н. П. 9
 Вороной И. М. 97
 Воронцов Р. И. 237
 Воронцов С. Р. 282
 Воротынский И. А. 82, 351
 Ворошилов К. Е. 460
 Врангель К. Г. 394, 421
 Всеволод Большое Гнездо 28
 Всеволод Юрьевич 28
 Всеволожский С. А. 7, 282
 Выскочков Л. В. 13
 Вышеславцев Ф. Я. 170
 Вяземская М. 229
 Вяземский П. П. 351
- Гавриил Константинович 406
 Гаврилов С. 172
 Гагарин М. П. 181, 228
 Газенкамф М. А. 399
 Гампельн К. 22
 Ган В. 400
 Ганулич А. К. 10, 14
 Гарнец А. Д. 14

- Гваньини А. 36, 38, 40, 41, 80
Гебдон И. 227
Генгейн А. Я. 268
Генрих II 355
Георгий, св. 28, 29, 31, 33, 34, 73
Георгий Александрович 69
Георгий Михайлович 456
Герасименко Н. В. 13
Герберштейн С. 22, 78, 103, 127
Гериньер П. 261
Гериньер Ф. 252, 255, 258, 259
Гладышев А. В. 12
Глеб, св. 33
Глинка В. М. 11
Глиноецкий Н. П. 9
Глинский И. М. 54
Глюк И. Э. 193, 194, 197
Гоголь Н. В. 6
Годзаловский (Гадзалонский) С. 164
Годунова К. Б. 60, 118, 132
Годунова М. Г. 118, 132
Годунов Б. Ф. 41, 49, 57, 58, 60, 96, 102, 104, 118, 189, 465
Годунов Ф. Б. 57, 119
Голицын Б. А. 179, 180, 185
Голицын В. В. 85, 104, 164
Голицын М. М. 262
Головин А. М. 178, 179, 187
Головин Н. Н. 11
Головин Ф. А. 191, 193, 268
Голубцова М. А. 8
Гольмдорф М. Г. 9
Горбунов Б. В. 14
Горсей Дж. 43, 54
Готфрид Бульонский 304
Грачев В. И. 10
Гребенкин А. Н. 14
Гребеньков В. Н. 12
Григорьев В., шут 94, 95
Гризоне Ф. 259, 260
Грилл, сын Ксенофонта 259
Гримм 418
Гримм Э. И. 418
Гринвальд Р. Е. 391, 397
Гринев Г. М. 11
Гро А. Ж. 22
Гроот Г. Х. 22, 213
Гросс Л. 162
Груневелт М. 78, 117
Грушецкая А. С. 165
Грэхем Э. 16
Гулиц Е. А. 179
Гуревич Д. Я. 10
Гусев Ю. П. 12, 14
Густав V 431
Гюго В. 353
Давыдон И. В. 14
Д'Актиль А. А. 461
Даниил Галицкий 113
Данилевич М. К. 11
Данилов Ю. Н. 11, 414
Данченко В. Г. 14
Данкова Е. Р. 214, 237
Дашков К. И. 237
Двуреченский О. В. 12
Девиер А. М. 232
Девлет Гирей 138
Делатор Ю. 80
Дельбрюк Г. 15, 286
Денисова М. М. 10
Денисов Дж. 15
Денисон Дж. 9, 404, 409
Дженкинсон А. 36, 78, 125
Джерико, английский посланник 94
Диасамидзе Е. 47, 49

- Димитрий Солунский, св. 29, 31
 Дистерло Н. А. 9
 Дмитриев-Мамонов А. И. 22
 Дмитриев-Оренбургский Н. Д. 22
 Дмитрий Донской 29
 Дмитрий Константинович 406, 415
 Дмитрий Павлович 415
 Долгорукая М. 38
 Долгорукий В. Л. 234
 Долгорукий В. Д. 171
 Долгорукий Ю. В. 234
 Долгоруков С. П. 230
 Домогацкий Н. Д. 7
 Дон А. 49
 Дорогобужский О. А. 90
 Дорогостайский К. 163
 Драгомиров М. И. 8, 371, 372
 Дутов С. Ю. 14
 Дэшвуд Ф. 262
- Евдокия Лукьяновна 111, 122, 125, 128,
 130–132
 Евдокия Федоровна 266
 Евстафий, св. 31
 Егоров В. И. 12, 238
 Екатерина I 181, 212, 213, 215, 216, 231,
 262, 427
 Екатерина II 213, 214, 218, 219, 221–223,
 229, 239, 242–245, 278, 283, 289, 290,
 307, 308, 337, 359
 Екатерина Медичи 123
 Екатерина Михайловна 423
 Екимов В. 418
 Екимов М. 418
 Екимов Ф. 418
 Елена Павловна 423
 Елизавета I 48, 123
 Елизавета Алексеевна 431
 Елизавета Банарская 435
 Елизавета Йоркская 123
- Елизавета Петровна 213, 217–220,
 235–237, 246, 248, 249, 251, 253,
 256, 257, 276, 277, 280, 427
 Елисеев Ф. И. 11
 Епифанов П. П. 11
 Ерлезунда П. 53
- Желябужский И. А. 170
 Жерве В. В. 8, 403, 409
 Жеребков А. Г. 9
 Жиль Ф. 355
 Жмодиков Ю. Л. 14
 Жомини Г. 333
 Жуков Г. К. 463, 473
 Жуков К. А. 12
 Жуковский В. А. 358, 378, 379, 381, 385
 Жучков К. Б. 14
- Забелин И. Е. 8, 88, 125, 150, 155, 199
 Забылин М. М. 8
 Загородняя И. А. 13
 Зайончковский А. М. 9
 Закурдаев Т. 191
 Заремба Э. фон 450
 Захарова О. Ю. 14
 Звегинцев Н. И. 442
 Зезюлинский Н. Ф. 7
 Зейдлиц Ф. -В. 283, 284, 286–288,
 302, 316
 Зимин И. В. 13
 Зичи М. А. 22
 Зорич С. Г. 290
 Зубов А. Ф. 22
 Зыбина Д. Д. 14
- Иван III 133
 Иван IV Грозный 17, 29, 31, 32, 34–38,
 40–42, 44–46, 50, 58, 70, 74, 92, 94,
 96, 99, 100, 110, 111, 114, 120, 133, 137,
 138, 153, 465, 470, 471

- Иван V 65
Иван VI 252
Иван Иванович, царевич 99, 101, 114, 153
Иван Михайлович, царевич 112, 157
Иванов А. П. 312
Иванов Вяч. Вс. 468, 469
Иванов Д. А. 181
Иванов М. С. 10
Иванов П. А. 9
Изабелла Португальская 123
Изяслан Ярославич 29
Инаверсен З. 173
Иоганн, герцог 60, 61
Ирина Михайловна, царевна 158
- Кавелин А. А. 380
Кавелин К. Д. 128
Калашников Г. В. 14
Кампани П. 67
Каннабих И. Я. 304, 324
Каноника П. 410
Каприлли Ф. 442–444
Каравак Л. 22
Караккиоло П. 259
Карбаиа Н. К. 619, 621
Карл I Виртембергский 396
Карл V 355
Карл VI 261
Карл XII 184, 242
Карл Гратцкий, эрцгерцог 359
Карлейль Ч. 52
Катунин З. Ф. 97
Качалов Г. А. 249
Кашинский В. М. 90
Кедрин В. И. 9
Келер Ф. А. 450, 451, 454
Келлер Е. Э. 14
- Керенский А. Ф. 453, 454
Керсновский А. А. 11, 317, 339, 412
Кибовский А. В. 13, 14
Кившенко А. Д. 436
Кикин А. В. 228
Кирилл Владимирович 432
Кириллова Л. П. 13
Кириичев Л. Л. 9
Кирпичников А. Н. 11
Клаузевиц К. 15
Кленк К. ван 58, 59, 171
Клерон И. С. 328
Клодт П. А. 22
Клочков Д. А. 12
Ключевский В. О. 53
Кнабснау И. Ф. 321
Книпер (Книппер) Т. 172
Кобеко Д. Ф. 8
Кобенцель И. 50
Кобрин В. Б. 43
Ковалевская В. Б. 10
Кожевников Е. В. 10
Койэтт Б. 59, 166, 169
Коленкур А. 343
Коллинс С. 131
Комаров О. В. 12
Конде Л.-Ж. 298
Кондырев И. Т. 171
Кони Ф. А. 8
Кононенко Е. А. 14
Константин Николаевич 377, 378, 380, 418
Константин Павлович 298, 312, 315, 316, 323
Контарини А. 149
Конюхов К. Р. 13
Коптев В. И. 7
Корб И. Г. 135, 201
Коровин С. А. 22

- Коровкин Д. С. 12
Королев Г. И. 13
Королькова Е. Ф. 13
Коротенко А. В. 12
Корф И. - А. 271
Костомаров Н. И. 8, 131
Котляревский А. А. 8
Котошихин Г. К. 131
Кочетков И. А. 10
Краснов П. Н. 442
Красовская В. М. 10
Крейк Дж. 224
Криденер Н. П. 360, 411
Крижанич Ю. 202
Круглов В. В. 12
Крузе Э. 37
Крылов В. М. 12
Крюгер Ф. 22
Крючков К. Ф. 457
Крючков Н. Н. 13
Ксения Александровна 69, 423, 434
Ксенофонт 259
Кузьмин-Караваев, полковник 423
Куракин А. Б. 239
Куракин Б. И. 195
Курбатов А. А. 191, 193
Курбатов А. В. 12
Курбский А. М. 38
Курская В. А. 14
Курукин И. В. 13
Курявцев И. М. 10
Кутищев А. В. 12
Кутузов М. И. 317
Кухарук А. В. 12
Кюне (Кене) фон 362, 366
- Лазарев В. Н. 10
Лаласев М. С. 9
Лампи-младший И. Б. 22
Ланжерон А. Ф. 292, 296, 343, 354
Лансере Е. А. 22, 396
Ларионова М. Ч. 13
Лебедева И. Н. 10
Ленашов В. В. 321, 323, 325, 332, 333
Левенвольде К.-Г. фон 273
Левенвольде Р. Г. 233, 234
Левинсон-Нечаева М. Н. 10, 115
Леопольд I 143
Лермонтов М. Ю. 327
Лесток А. 234
Летин С. А. 12
Лефорт Ф. Я. 228
Лжедмитрий I 59, 90
Лизек А. 89
Линар М.-К. 234
Ли Р. 48
Литке Ф. П. 380
Литта Ю. П. 305
Лобанов-Ростовский А. В. 92
Логунова М. О. 14
Ломоносов М. В. 218
Лопато М. Н. 12
Лопухин Ф. А. 248
Лотман Ю. М. 463, 467
Лотроп А. 426
Луговой А. А. 12
Лузанов П. Ф. 9
Луппов С. П. 10
Лутковский Ф. С. 380
Лушин В. Г. 13
Люберас И. Л. 269
Людвиг, берейтор 268
Людовик XII 259
Людовик XIII 8, 159, 160, 260
- Лабутин П. А. 13
Лаврецкий С. 162
Лавринович М. Б. 14

- Людвик XIV 89, 146, 225, 231, 258, 353
Людвик XV 225, 227
Людвик XVIII 338
Лютов С. Н. 14
Ляпин Д. А. 13, 125
- Майерберг А. 143
Макарий, архиепископ 144
Макарий, митрополит 32
Максимилиан II 355
Максимилиан, император 80
Малышев В. Н. 12
Малышев С. А. 12
Манзей К. Н. 9
Манкевич И. А. 14
Маннергейм К. Г. 442
Мардефельт А. А. 188
Маржерет Ж. 119, 134
Мария Александровна 423
Мария Николаевна 423, 424
Мария Павловна 338, 357, 423
Мария Павловна младшая 431
Мария Павловна старшая 431, 432
Мария Темрюковна 111
Мария-Терезия 255
Мария Федоровна, супруга
Александра III 69, 422–425,
427–432, 434, 435
Мария Федоровна, супруга Павла I
223, 357
Марков А. Л. 11, 312
Марков М. И. 9
Мартелли А. 218
Марфа Ивановна 106
Масловский Д. Ф. 8, 9
Масса И. 52, 71
Матвеев А. С. 164, 165, 172
Матвеев В. Ю. 10
Матковский А. Ф. 448
- Мегорский Б. В. 12
Мейендорф Е. Ф. 359
Мейснер Е. 162
Мельникова А. С. 13
Мельникова О. Б. 13
Меншиков А. Д. 181, 186, 188, 203, 204,
210, 212, 224, 267
Мердер И. К. 7, 388
Мердер К. К. 7, 380, 382, 384, 388
Меркурий, св. 31
Мерлин Д. А. 220
Мещерский Н. Ф. 185
Миддендорф А. Ф. 329
Микулин В. И. 450
Милорадович Г. А. 9
Милославская М. И. 131, 132, 165
Милославский И. Д. 170
Мильтон Дж. 52
Милютин Д. А. 366, 373
Мина, св. 31
Минаков С. Т. 12
Миних Б. К. 233, 253, 258, 262, 263,
265–269, 271, 273, 313
Михаил, архангел 31–33
Михаил Андреевич, князь
Верецкий и Белозерский 90
Михаил Николаевич 372, 377, 380,
382, 385, 389
Михаил Павлович 315, 317, 326, 350,
360, 377, 393
Михаил Федорович 21, 74, 90, 98, 105,
111, 113–115, 138, 157, 158, 199
Михайлов А. А. 12
Михайлова И. Б. 13
Михайлов К. А. 15
Михневич Н. И. 8
Мицкевич А. 153, 346, 354
Мнишек М. 51, 52, 68, 90, 119, 132, 145
Моисеенко Е. Ю. 11

- Монс В. И. 231, 232
 Монтеверди К. 247
 Монтень М. 260
 Монферран О. 22
 Морозов В. И. 460
 Морохин А. В. 13
 Мосальский С. 57
 Мстислав Мстиславович Удалой 28
 Муравьева Д. С. 125
 Муравьев-Апостол П. С. 282
 Муравьев П. С. 7
 Мусин А. Е. 15
 Мухин О. Н. 14
 Мюраг И. 355
 Мюррей А. 16
 Мяснов П. Н. 7
- Назаренко И. И. 10
 Наполеон III 371
 Наполеон I Бонапарт 284, 304, 316, 338, 340, 342
 Нарышкина Н. К. 98, 132
 Нарышкин В. Ф. 194
 Нарышкин К. А. 181
 Нарышкин К. П. 172, 173
 Наталья Алексеевна, сестра Петра I 158, 212, 229
 Науман И. Г. 345
 Нащокин В. А. 273, 275
 Невзоров А. Г. 260
 Незвецкий Р. Ф. 12
 Нейбург В. фон 356
 Несельроде А. Д. 350
 Нестор, св. 31
 Никита, св. 31
 Никитин А. В. 11
 Никола 44
 Николаева О. Н. 406
- Николаев П. В. 13
 Николай I 21, 320, 321, 325, 332, 333, 336, 339–341, 345, 346, 348–350, 353, 354, 357, 359, 360, 364, 366, 377–379, 381–386, 388, 389, 393, 404, 414, 431, 439, 453
 Николай II 17, 333, 415, 422, 432, 433, 435, 437, 441, 456, 465
 Николай Давыдович, грузинский царевич 47, 49
 Николай Николаевич младший 399, 404, 406, 407, 410, 414, 415, 433, 436, 439, 441, 442
 Николай Николаевич старший 21, 372, 374, 375, 377, 380, 382, 385–391, 393–400, 403–406, 408–411
 Николай Олсуфьев А. В. 385
 Никола Салос 44
 Новосильцев А. В. 266, 271
 Нолан Л. Э. 15
 Нотбек В. В. 400
 Ну П. де ла 260
- Образцов В. Н. 13
 Обухович М. 140
 Огилви Г. Б. фон 184
 Одинцов Г. Ф. 10
 Одоевский В. Ю. 198
 Олеарий А. 50, 54, 61, 117, 121
 Оленина А. А. 358
 Олсуфьев А. В. 381, 382, 389
 Ольга Александровна 423
 Ольга Николаевна 432–434
 Ольга Николаевна 423
 Оом Ф. А. 434
 Орлов А. Г. 7, 214, 278, 279, 281–283, 395, 405, 406
 Орлов В. Н. 443
 Орлов Г. Г. 214
 Орлов-Денисов Ф. В. 358

- Орлов Н. А. 8, 9
Орловский А. О. 22
Орудж-бек,
 персидский дипломат 68
Осипов Д. О. 13
Осман Нури-паша 387
Остен-Сакен Д. Е. 333
Остерман А. И. 271
Оффенберг И. Н. 333
Оффенберг Ф. П. 332, 333, 337
- Павел I 240, 245, 246, 288, 296–299,
 301–309, 312, 316, 318, 323, 324, 337,
 352, 362, 377, 403, 423, 427
Павел Александрович 453
Павел Алеппский, архидиакон 144
Пален П. А. 300
Палецкая И. 38
Пальмквист Э. 22
Папова Г. Д. 11
Панченко А. М. 14
Панчулидзе А. Н. 443
Панчулидзе С. А. 9, 426, 435
Парри В. 69, 118
Паскевич-Эриванский И. Ф. 328, 338
Пенский В. В. 12
Пери Дж. 247
Песталоцци И. Г. 378
Петип С. И. 9
Петр I 22, 65, 88, 135, 155, 158, 163, 167,
 178–183, 185, 187–189, 191, 194, 200–
 202, 204, 207–209, 212, 217, 227, 229,
 231, 244, 245, 256, 258, 262, 265, 266,
 272, 275, 283, 295, 297, 351, 362, 427,
 465, 470–472
Петр II 219, 224, 233, 267, 427
Петр III 238, 288, 297, 298, 303, 307, 308
Петр Николаевич 391, 406, 408, 415
Петров Д. 166
Петрухин В. Я. 13, 469
- Петрухинцев Н. Н. 14
Пешков Д. Н. 419
Пизанелло А. 100
Пимен, архиепископ 41–44
Пиньятелли Дж. 260
Пиотровский М. Б. 13
Платов А. С. 9
Платонов А. П. 472
Плеханов Д. 129
Плешков М. М. 443
Плещев М. Л. 173
Плотников С. Л. 13
Плювипель А. де 8, 159–162, 260
Подделкова П. Е. 14
Подольников В. П. 12
Пожарский Л. М. 137
Покрасс Дан. Я. 461
Покрасс Дм. Я. 461
Поливанов А. Н. 9, 11
Полонцов П. А. 453
Полторацкий Д. М. 7, 282
Поляков 443
Пономарев И. А. 14
Понятовский С. 304
Портнова И. В. 13
Поскочин Т. Е. 170
Посошков И. Т. 176
Поссевино А. 67
Потемкин Г. А. 239, 279–281, 292, 295
Потто В. А. 9
Прасковья Иоанновна 266
Преннер Г. К. 22, 238
Принцева Г. А. 14
Прозоровский П. И. 173
Прокопий, св. 31
Прокопьев А. Ю. 14
Пронский Д. 97
Пушкарев И. И. 9

- Пушкин А. С. 6, 471
Пушкин, лейтенант 214
Пуцин И. И. 321
Пфандцельг Л. К. 22
Пчелов Е. В. 13
Пыляев М. И. 8
- Рабер К. 16
Рабинович М. Г. 10
Равич И. И. 7, 368, 374
Раевский Н. Н. 383
Раздорский А. И. 14
Разумовская А. Д. 237
Разумовский А. Г. 236
Разумовский Г. К. 236
Ракова А. Л. 13
Растрелли Б. К. 22, 297
Растрелли Б. Ф. 262
Рейтенфельс Я. 73, 156
Ренне В. Н. 418
Ренне Е. П. 14
Репнин А. И. 181
Репнин В. А. 276
Репьева Э. Н. 10
Ржевский С. М. 291
Ридигер Ф. В. 324
Рогатнев А. С. 14
Рогудин Н. Г. 12, 14, 383
Родзянко А. П. 443
Родзянко П. П. 443
Родионов Е. А. 12
Розен А. Е. 346
Рокоссовский К. К. 473
Романова Е. Н. 12
Романов Н. И. 82, 111, 199, 351
Ромм Ж. 296
Ромодановский Т. Т. 173
Ростовский С. В. 39, 40
- Ростовцев В. Н. 418
Ростовцев Я. И. 360
Ростопчин Т. С. 169–171
Ростопчин Ф. В. 7, 298, 346, 352, 382
Рубо Ф. А. 22
Руденская С. Д. 13
Рукин А. 173
Рукин Я. 191
Румянцев П. А. 223, 279, 281, 289, 292, 294, 295
Русинов Г. Д. 97
Руссо Ж.-Ж. 378
Рыбаков Б. А. 10
Рыкалов И. И. 9
Ряснянский С. Н. 11
- Савваитов П. И. 9, 99
Саенкова Е. М. 13
Саенко Н. Р. 15
Салтыков П. М. 173
Салтыков Ф. С. 198
Сальвадори А. 247
Самоковасов Д. Я. 9
Сапега Л. 38, 57
Сапега П. И. 232
Саянский Л. В. 447
Сверчков Н. Е. 21, 22
Свечин А. А. 11, 338, 364
Свечин М. А. 408
Святослав 154
Святослав Ярославич 30
Святуха О. П. 13
Седова О. В. 13
Седов П. В. 13, 15
Селезнев И. Я. 9
Селиванова Л. Л. 14
Семенов И. Н. 14
Семичев В. В. 12

- Сенявская Е. С. 12
Сервуа Ф.-Ж. 357
Серебряков М. А. 426
Серов В. А. 22
Сетаров Д. С. 10
Сефи II 75
Сефи, шах 58
Сидорова А. Н. 14
Симеон Бекбулатович 471
Сицкий И. 48
Скалон В. Д. 407
Скалон Д. А. 389, 392, 396, 402, 407
Скобелев М. Д. 410, 457
Скопин-Шуйский 109
Скотт В. 353
Скрябин А. Н. 11
Скуратов К. Н. 11
Славнитский Н. Р. 14
Слёзкин Ю. А. 454
Слепцов Н. П. 457
Сливинский А. В. 450
Смирнова-Россет А. О. 358
Смирнов Р. В. 14
Смит Т. 54
Соболен В. Ю. 13
Соболевский А. И. 8
Соловьев Ю. П. 10
Солодков Ю. Н. 11
Сонин 397
Сорокина И. И. 10
Сорокин Ю. А. 13
Софья Алексеевна, царевна 158, 163
Спасская Н. Н. 14
Спаский Г. И. 13
Спафарий Н. Г. 16
Спокойский-Францевич Н. Е. 423
Срезневский И. И. 8
Стаббс Дж. 344
Сталин И. В. 473
Стволинский Ю. М. 10
Стемпель (Штемпель О. А.) 418
Стен Стуре 133
Стефан Баторий 38, 81, 351
Страт (Страданус) Я. ван дер
160, 163
Стрешнев Т. Н. 180, 181
Строков А. А. 11
Струков А. П. 375
Суворов А. В. 281, 292, 295, 303, 377,
383
Сухомлинов В. А. 400, 409, 420, 423,
430, 433
Сухотин Н. Н. 9, 285, 301, 412, 413, 436
Такер Т. 16
Талваш М. 56
Талызин А. Ф. 214
Таннауэр И. Г. 22
Таннер Б. 52, 169
Тарасов М. Я. 13
Тараторин В. В. 12
Тассо Т. 247
Татарников К. В. 12
Татищев В. Н. 170
Татищев М. И. 104
Татьяна Николаевна 423, 433
Таубе И. 37
Тауниц фон 268
Тахталдый, крымский княжич 135
Тектандер Г. 61
Терещенко А. В. 8, 128
Тилли И. Ц. фон 356
Тимм В. Ф. 22
Тихоновецкий М. 57
Тихонов Ю. А. 12
Толстой А. Н. 461
Толстой Ф. А. 164

- Топоров В. Н. 211, 469
 Траян 29
 Троекуров И. Б. 193
 Троцкий Л. Д. 460
 Трубецкой В. С. 430, 439
 Трубецкой П. П. 22
 Трубецкой Ю. 57
 Трубицын К. В. 12, 13
 Трусов А. Н. 14
 Турбервилль Дж. 79, 126, 128
 Тьеноло Ф. 45

 Уваров С. С. 359
 Уваров Ф. П. 299
 Узбек, хан 124
 Уитворт Ч. 208
 Уортман Р. С. 16, 297, 343
 Урусова С. А. 358
 Урусов П. С. 173
 Урусов С. П. 444
 Уской (Есипов) В. 102
 Успенский Б. А. 467, 470, 471

 Фальконе Э. М. 22, 470
 Фаминцын А. С. 8
 Фатеева Н. А. 15
 Феодор Стратилат, св. 31
 Федор Алексеевич 66, 107, 108, 112,
 115, 131, 140, 141, 155–158, 160–173,
 180, 200, 227
 Федор Иоаннович 55, 81, 101, 141, 351
 Федоров (Челяднин И. П.) 470
 Федченко О. Д. 13
 Федюкин И. И. 14
 Фердинанд Альварес Толедский 355
 Филипп, митрополит 44
 Филлис Дж. 441–443
 Филонов, полковник 423

 Философов А. И. 380–382, 389, 391
 Филь Ф. 359
 Фишер Ф. Ф. 8, 373, 374
 Флетчер Дж. 36, 78
 Фомин А. Б. 10
 Феодор Тирон, св. 31
 Феофан (Прокопович) 178
 Франциск I 355
 Франчесино А. 247
 Фридрих III 68
 Фридрих II Великий 283–286, 288,
 294, 297–299, 303, 314, 315, 318, 319
 Фридрих Вильгельм I 283
 Фридрих Вильгельм III 319
 Фробен К. Ф. фон 268
 Фурманов Д. А. 461
 Фьяски Ч. 254, 260

 Хиенкина И. В. 14
 Химец В. А. 444
 Химшиев Н. В. 9
 Хиршфогель А. 22, 103
 Хитрово Б. М. 172
 Хлебников Б. В. 9
 Хорошилова О. А. 12, 14
 Храповицкий В. С. 351
 Хрущев А. И. 295

 Цепляев А. А. 14
 Циммерман 213

 Чавчавадзе А. З. 418
 Чайковский М. С. 372
 Чалаев В. И. 460
 Чежина Ю. И. 13
 Чемоданов П. А. 7, 282
 Ченслер Р. 35, 36
 Чрепнин Л. В. 10

- Черкасский А. М. 228, 271
Черкасский М. А. 173
Черкасский П. Б. 248
Черная Л. А. 13
Чернецов Г. Г. 340
Чернышев В. А. 13
Чернышев П. Г. 218
Чертков А. Д. 318
Числова-Николаева Е. Г. 406
Чоглокова М. С. 213
Чувардин Г. С. 13
- Шамин С. М. 125
Шанский Ф. 240
Шаниро Б. Л. 465, 466, 468, 473
Шарден Ж. 75
Шатобриан Ф. Р. 353
Швабе А. П. 22, 406
Шеип А. С. 200
Шелли Ф. 349
Шеляпина Н. С. 11
Шеншин В. Н. 346
Шереметев Б. П. 179, 181, 182, 185, 188, 202, 209, 234, 242, 244
Шереметев С. Д. 430
Шильдер Н. К. 8
Шиндлер О. В. 12
Шипов младший Н. Н. 428
Шипов старший Н. Н. 428
Школьников К. 10
Шког П. П. 9
Шлихтинг А. 39, 40
Шмельцер И. Г. 247
Шмидт С. О. 19
Шпелевц А. А. 178, 179
- Шолохов М. А. 472
Шопен Ф. 354
Шпаковский Ю. Г. 13
Штаден Г. 41
Штакельберг К. К. 9
Штакеншнейдер А. И. 374, 391, 394
Штурмевель И. 195, 197
Шувалов И. И. 237
Шувалов П. И. 276, 289
Шуйская М. 122, 132
- Щеглова Л. В. 15
Щепин И. 192
Щепкина Е. Н. 9
Щербинина П. П. 14
- Эдвардс П. 16
Эдуард VII 443
Эксе Д. Ф. 443
Энгельс Ф. 15, 284
Эриксен В. 22, 214
- Юзефович Л. А. 14
Юрганов А. Л. 13
Юрий Долгорукий 120
Юркевич Е. И. 12, 13
Юрченко И. Ю. 14
Юрченко Н. В. 14
Юрьевич С. А. 380
- Ягужинский П. И. 265
Языков И. М. 172
Яп II Казимир Ваза 140
Янишевский Б. Е. 14
Ярослав Мудрый 33

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Русский всадник как Terra Incognita	5
--	----------

Часть 1. Всадник Московского царства

Глава 1. Диада «конь и всадник»: сакральные основания связи

1.1.1. История и иконография почитания Heros Equitans. Конь и всадник в мифах и образах русской культуры	26
1.1.2. Воин-всадник как символ царской власти	30
1.1.3. Конь как ритуал и символ царской власти: Страшный суд Ивана Грозного	34
1.1.4. «Adversi, aversi, pervertsi»: царская конная культура глазами иностранцев	45
1.1.5. Царский «ездной конь»: культурная и имущественная ценность	56

Глава 2. Вещный мир московского всадника: сакральное/светское

1.2.1. «Двуглавый под короною орел»: конское убранство в системе атрибутов царской власти	63
1.2.2. Царский «злат стремя». Обувь, шпоры и элементы седельного сбора	76
1.2.3. Ездовой костюм в системе конной культуры. Терлик и тегилый. Одежда воинская и придворная	88
1.2.4. Царские ездовые одежды. Чуга и фerezея	103
1.2.5. Московские «амазонки»	116

Глава 3. Homo Eques русского средневековья

1.3.1. Московское конское хозяйство: история, обычаи и традиции. Государевы конюшни	133
1.3.2. «Коньное уристание»: конные забавы, состязания и конный бой	145
1.3.3. Русские дети и конная культура	152
1.3.4. Царские книги «лошадиного учения»	157
1.3.5. Царь-всадник. Федор Алексеевич Романов	164

Часть 2. Русский всадник между царством и империей

Глава 1. Русский всадник в пространстве петровских реформ

2.1.1. Начало реформ. «Конницы малолетство». Война как основной сценарий	176
2.1.2. Первые виктории	185
2.1.3. «Кавалерские науки на лошадях» для военно-придворной элиты	188
2.1.4. Вещный мир русского всадника до и после Полтавского триумфа	199
2.1.5. Итоги реформирования. Незавершенность реформ	207

Глава 2. Всадники в кружевах: визуальные коды новой России?

2.2.1. Век женских правлений: новый взгляд на традиции	212
2.2.2. Галанты и воины: кроссгендерный придворный костюм. Александр Меншиков и Петр II. Эпигоны и пленники моды	224
2.2.3. Сукно против кружева: смена мундирной идеологии	235
2.2.4. Конское убранство: визуальная презентация власти	240
2.3.5. Конные театрализованные представления в ритуалах имперской России. Коронационный конный балет императрицы Елизаветы Петровны	246

Глава 3. Русский всадник при преемниках Петра Великого

2.3.1. «Обучается в позитуру изрядно, ездит рысь и скачет»: военно-придворная элита при Минихе	258
2.3.2. «Повелись в государстве лучшие лошади...». Русская кавалерия до и после шуваловского устава. Артемий Вольнский	272
2.3.3. Иппомания в «золотой век» Екатерины II. Алексей Орлов	278
2.3.4. Русская кавалерия в эпоху Фридриха Великого	283
2.3.5. Павловские реформы. Рыцарь на русском престоле. Конные торжества последних лет XVIII столетия	296

Часть 3. Центавры Российской империи

Глава 1. Русский всадник в эпоху великих князей Павловичей

3.1.1. Рецензия военного опыта XVIII столетия в царствование Александра I. Константин Павлович	312
3.1.2. После Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.	318
3.1.3. Дворянская кавалерийская элита в царствование Николая I. Школа кавалерийских юнкеров. Василий Левашов.	325
3.1.4. Конный парад как форма имперской культуры	337
3.1.5. Царскосельский Арсенал. Николай I — последний рыцарь империи?	350

Глава 2. Великие князья Николаевичи и кризис русской конницы

3.2.1. После Крымской войны: основные сценарии развития	363
3.2.2. Трансляция военно-конной культуры. «Рапорты оловянной армии»	376
3.2.3. Николай Николаевич старший: кавалерист, коннозаводчик, коллекционер	386
3.2.4. «Дорогое мое детище»: Офицерская кавалерийская школа	399
3.2.5. «Лошадиный» Музеум. Конное наследие Николая Николаевича старшего. Николай Николаевич младший	404

Глава 3. Последние Романовы. Русский всадник на сломе эпох

3.3.1. Русификация и модернизация в царствование Александра III. «Русский Сомюр». Алексей Брусилов	411
3.3.2. Женщина в седле: феминизация образа. Мария Федоровна	422
3.3.3. Последние годы империи: Belle Époque или Fin de Siècle?	435
3.3.4. Спорт и власть в имперской России. Перед Первой мировой войной	441
3.3.5. «Государь, конечно, был верхом...» Начало новой истории?	451

Заключение. Поиски будущего в прошлом	459
<i>Игорь Кондаков.</i>	
Послесловие. От Вещего Олега до Конармии...	465
Приложения	476
Список сокращений	616
Список источников и литературы	618
Список иллюстраций	683
Список приложений	684
Именной указатель	686

Бэлла Шапиро

РУССКИЙ ВСАДНИК В ПАРАДИГМЕ ВЛАСТИ

Редактор *О. Панайотти*

Дизайнер обложки *Д. Черногаев*

Корректоры *М. Смирнова, С. Крючкова*

Верстка *Д. Макаровский*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

**ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»**

Адрес редакции: 123104, Москва, Тверской бульвар, д. 13, стр. 1
тел./факс: +7 495 229-91-03
e-mail: real@nlobooks.ru
сайт: www.nlobooks.ru

Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 44. Тираж 1000. Заказ № 1835
Отпечатано в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом печати»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

HISTORIA ROSSICA

РУССКИЙ ВСАДНИК В ПАРАДИГМЕ ВЛАСТИ

«Медный всадник», «Витязь на распутье», «Истина-тройка» — эти образы занимают центральное место в русской национальной мифологии. Монография Валды Шапиро показывает, как в отечественной культуре формировался и функционировал образ всадника. Первоначально святые защитники отечества изображались пешими: переход к конным изображениям хронологически совпадает со взятием, когда на Руси складывается всадническая культура. Она породила обширную иконографию: святые воины-покровители сменяли одеяния и крест мучеников на доспехи, оружие и коня. Наиболее устойчивым конным образом стал «змееборец» — небесный покровитель Руси, поражающий змея. Со временем образ святого, оберегающего свой народ от бедствий, превратился в символ великокняжеской, а затем и царской власти. Со становлением Российской империи ему на смену пришел имперский образ конного паря-триумфатора. Автор книги подробно анализирует процесс подобной культурной трансформации, уделяя при этом большое внимание событийной истории России от Московского царства до последних императоров. Валда Шапиро — историк культуры, музыковед, доцент РГГУ.

